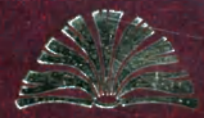
Михаил Петрович
П О Г О Д И Н

И З Б Р А Н Н Ы Е   Т Р У Д Ы

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

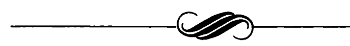

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Михаил Петрович ПОГОДИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

СОСТАВИТЕЛИ,
АВТОРЫ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬИ
И КОММЕНТАРИЕВ:

А. А. Ширинянц,
доктор политических наук

К. В. Рясенцев,
кандидат политических наук

ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ:

А. А. Ширинянц,

К. В. Рясенцев,

Е. П. Харченко

МОСКВА
РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
(РОССПЭН)
2010

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)
П43

Долгосрочная благотворительная программа
осуществлена при финансовой поддержке
НП «Благотворительная организация «Искусство и спорт»

Погодин. М. П. Избранные труды / М. П. Погодин; [сост., авторы вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев; подготовка текстов А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев, Е. П. Харченко]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 776 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
П43

ISBN 978-5-8243-1194-5

УДК 94(47)(082.1)
ББК 66.1(0)

ISBN 978-5-8243-1194-5

Михаил Петрович Погодин

По справедливому замечанию современного исследователя, «в истории науки есть люди, в биографии которых, как в капле воды, отражается жизнь современного им общества, М. П. Погодин принадлежал к их числу»[1].

Михаил Петрович Погодин родился 11 ноября 1800 г. в семье крепостного человека — управляющего графа И. П. Салтыкова. Его отец, Петр Моисеевич, в 1806 г. был отпущен «вечно на волю» с женой и детьми[2]. Нашествие французов, сжегших Москву, разорило Погодиных, лишившихся практически всего имущества, однако родители сделали все возможное, чтобы их сын окончил гимназию, а затем словесное отделение философского факультета Московского университета. По воспоминаниям его сверстника и друга А. И. Кошелева, Михаил «был отличным студентом и всегда славно отвечал на вопросы профессоров»[3].

Русское общество 1820–1830-х гг., когда Погодин только начинал свою деятельность, находилось во власти духовного подъема. Он принял участие в «кружковом» общении, был близок к «архивным юношам» — молодым служащим Московского архива Коллегии иностранных дел. Именно эти молодые люди сформировали два кружка

---

[1] *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 117.

[2] С 1773 г. Петр Моисеевич Погодин служил в вотчинной администрации сначала у графини Екатерины Андреевны Чернышовой, а после ее замужества — у графа Ивана Петровича Салтыкова. Репутация честного слуги позволила ему стать главным управляющим его обширного хозяйства, куда помимо вотчин, населенных крепостными, входили также промышленные предприятия. После того как сын фельдмаршала Петр Иванович Салтыков дал Петру Моисеевичу вольную, он служил канцеляристом в различных учреждениях либо управляющим в имениях. Умер он летом 1827 г. на Орловщи-не. См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 кн. Кн. 1. СПб., 1888. С. 3.

[3] Русское общество 40–50-х годов XIX века. Часть I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 48.

или общества: одно — литературное, открытое под председательством С. Е. Раича (Амфитеатрова), в которое, наряду с Погодиным, вошли Ф. И. Тютчев, Н. В. Путята, В. Ф. Одоевский, В. П. Титов, С. П. Шевырев, Д. П. Ознобишин, А. Н. Муравьев и др., другое — философское, членами которого являлись В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, Д. В. Веневитинов, Н. М. Рожалин и А. И. Кошелев.

Погодин посещал заседания не только кружка «литераторов», но и «философов», получившего вскоре название «Общество любомудрия». На своих собраниях, проходивших, как правило, у князя Одоевского, «любомудры» читали и обсуждали труды немецких философов Канта, Фихте, Шеллинга, Окена[4], а также свои собственные сочинения, обменивались мнениями. Погодин был, наверное, одним из самых внимательных слушателей, так как даже спустя почти сорок лет, он помнил о прочтенной Одоевским в «Раичевском обществе» первой главе «из Океновой натуральной философии о нуле, как родоначальнике всех плюсов и минусов»[5].

После 14 декабря 1825 г. Одоевский в торжественной обстановке сжег в камине устав общества и протоколы заседаний, однако после этого самороспуска бывшие члены кружка продолжали собираться вместе и в конце 1820 — начале 1830 гг. развернули активную издательскую деятельность. В ней не последнюю роль сыграл 26-летний Погодин, который сумел привлечь к издательской работе цвет литературной России — Е. А. Баратынского, Д. В. Веневитинова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева и др.; успешно осуществил выпуск альманаха «Урания» (1826), а затем возглавил редакцию журнала «Московский вестник» (1827–1830).

Именно в этом дружеском кругу сформировались жизненная позиция — «служить, выслуживаться, быть загадкою, чтобы, наконец, выслужившись, занять значительное место и иметь больший круг действий»[6] и теоретико-методологические предпочтения По-

---

4 Окен Лоренц (1779–1851) — немецкий философ и естествоиспытатель, последователь Шеллинга.

5 См.: *Погодин М. П.* На обеде, данном друзьями-товарищами князю Владимиру Федоровичу Одоевскому, по возвращении его в Москву 1862 года, мая 24 // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 234.

6 Запись Погодина в «Дневнике» 23 июля 1826 г. см.: Примечания // Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 560.

година — провиденциализм, идеи органического развития истории, особенностей исторического пути и «великого назначения» России.

Внешняя канва начала жизненного пути Погодина выглядит очень привлекательно. Окончив университет в 1821 г. с золотой медалью, полученной за выпускную работу «О пользе источников в нынешнем состоянии статистики», Погодин был оставлен «в ведомстве университета» и до 1824 г. преподавал географию в университетском Благородном пансионе. После защиты магистерской диссертации «О происхождении Руси», в которой он доказывал идею норманнского происхождения Руси[7], Погодин читал курс всеобщей истории студентам-первокурсникам университета, на основе которого в 1827 г. подготовил «Исторические афоризмы, опубликованные отдельным изданием в 1836 г.

В «Афоризмах» задачу историка, с одной стороны, Погодин видит в том, чтобы выяснить, «каким образом и по каким причинам происходит изменение, как отражается в частных явлениях общий закон», а с другой — «показать также участие народа в общем образовании рода человеческого». В первом случае, отмечал ученый, историк связывает «кольца в частную цепь, — во втором, из частной цепи он делает одно кольцо и указывает ему место в общей цепи»[8]. Развитие истории, по его мнению, осуществляется поступательно, «вверх по лестнице». «Каждый народ, каждое государство, — подчеркивал Погодин, — перебывает на всех ступенях в свое время, так или иначе, раньше или позднее, крепче или слабее, медленнее или скорее. Частная История берет каждый народ с первой его ступени и доводит до той, на коей он стоит теперь, показывая вместе и взаимное влияние народов, как электрическая сила пробегает чрез все кольца длинной цепи и сообщает удары

[7] См.: О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение М. Погодина. М., 1825. Здесь Погодин пришел к выводу, что варяги-русь — не шведы, пруссы, финны, хазары или готы, а норманнское племя, обитавшее на территории современной Швеции. Это противоречило мнению единственного на тот момент крупного специалиста по отечественной истории в Московском университете — М. Т. Каченовского, полагавшего, что Русь имеет южное происхождение — от хазар. См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. С. 102, 143.

[8] Исторические афоризмы Михаила Погодина. С. 1–2.

краям. Сие влияние ускоряется более и более, по мере того, как более связывается колец»[9].

В «Афоризмах» Погодин затрагивает и некоторые общефилософские проблемы. Разделяя всех историков на идеалистов и эмпириков, историков-философов и историков-поэтов, он, в частности, указывает на то, что «философ может иметь идеал, систему отвлеченную Истории (прошедшей и будущей), но сия система мертва без положительного приложения», «...только с эмпирическими познаниями можно строить системы»[10]. Всякая философская система, по его мнению, «есть только что одностороннее развитие ума, все они составляют одно целое, которое постепенно развивалось <...> Есть одна истина, но всякий человек смотрит на нее под своим углом»[11].

Ряд высказываний Погодина, вошедших в «Афоризмы», отличаются оригинальностью. В частности, это относится к афоризмам о природе и человечестве, географии и истории. Здесь звучат органицистские мотивы. Рассматривая же отношение географии и вообще естественной истории к истории человечества, историк, задолго до так называемых «геополитиков», говорил о наличии прямой связи между географией и политикой, экономикой и в целом культурой[12].

На страницах «Афоризмов» Погодин формулирует предварительные замечания по двум основополагающим тезисам своих будущих работ, в которых обычно смешивал политику с историей. Эти положения сводятся к раскрытию специфики условий образования «начала» государственности в Европе и в России, к необходимости различения Западной и Восточной Европы, Запада и России, представляющих собой две большие, качественно иные мировые цивилизации — западноевропейскую, наследницу Римской, и восточноевропейскую, наследницу Восточной Римской империи.

В этом контексте важно утверждение о том, что славянам норманны «дали все политическое устройство»[13]. Несколько позже Погодин разовьет его в целую концепцию, суть которой состояла в том, что

---

[9] Там же. С. 6. В подтверждение Погодин приводит пример из области политики, когда «вступление иного Министра в управление отзывается ныне уже во всей Европе».

[10] Там же. С. 3–4.

[11] Там же. С. 26–27.

[12] Там же. С. 11, 12–13.

[13] Там же. С. 13–14.

вся русская государственность была создана исключительно варягами, а участие русского народа в этом деле ограничилось добровольным подчинением чужой власти.

Продолжая рассуждения о различиях Востока и Запада, Погодин выдвигает еще один важный тезис — о «двух Европах»: «Европу можно разделить исторически на две главные половины: Западную и Восточную»[14].

Противополагая Восток и Запад, Погодин не относил Россию к Востоку, к Азии. Причисляя старую Русь к Востоку, историк всегда имел в виду Восток Европы. Европа была для него колыбелью просвещения. И это просвещение, рано или поздно, добровольно или путем колонизации, должны будут перенять все неевропейские народы[15]. Однако наиболее глубокомысленное, на наш взгляд, высказывание ученого предельно лаконично и «попахивает» мизантропией: «Человечеству более всего мешают люди»[16].

Характерно, что подобная склонность к мизантропии не помешала Погодину представить свою магистерскую диссертацию императрице Елизавете Алексеевне и в ответ получить золотые часы «в знак благоволения и внимания к трудам его»[17].

В 1828 г. Погодин был произведен в адъюнкты. Читал курсы новой (политической) и русской истории на этико-политическом отделении юридического факультета, а в 1833 г. избран ординарным профессором всеобщей истории. Вступая в эту должность, Погодин прочел для студентов и начальства вводную лекцию, в которой сформулировал несколько фундаментальных методологических принципов.

Основополагающим принципом для Погодина являлось признание закономерностей исторического развития, причем закономерностей провиденциальных, определенных божественной волей. По его мнению, мир человеческий, мир нравственный подчинен таким же непреложным законам, как и мир физический. В связи с этим Погодин ставит вопрос о соотношении свободы и необходимости в истории, «человеческой свободы» и «высших законов необходимости, судеб Божиих, предопределения». Он считает, что «свободная воля есть усло-

[14] Там же. С. 29–30.

[15] Там же. С. 14–15.

[16] Там же. С. 79.

[17] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1. С. 297.

вие человеческого бытия»[18]. В истории необходимость таинственным образом сосуществует со свободой: «Соединение, или лучше тожество законов необходимости с законами свободы — такое же таинство, как соединение мысли с словом, как соединение души с телом<...> нельзя определить, где оканчивается миг прошедший и начинается будущий, где оканчивается необходимость и начинается свобода»[19].

Задача историка, с одной стороны, «протянуть ткань так называемых случаев, как они один за другим или один из другого следовали, ткань намерений и действий человеческих, по законам свободы». С другой стороны, он должен «представить другую параллельную ткань законов высших, законов необходимости». Такой синтетический подход позволит ему показать «соответствие сих божественных идей к скудельным формам, в коих они проявлялись, показать, как сей так называемый случай бывает рабом судьбы, ответом на вопрос, на потребность». Историк должен обнаружить эти законы, показать их тождество, определить место случайного и необходимого в историческом процессе[20].

История, по Погодину, это многообразие социально-политических и интеллектуальных событий, народов, личностей и эпох[21]. «Необходимое содержание» истории, как считал он, составляют «несходные, по-видимому, противоположные, происшествия», однако принадлежащие «существам одного рода» и находящиеся на «одной линии». «Неужели все сии разнообразные явления происходят сами собою, то есть могут быть и не быть, заменяться другими, не имеют никакого единства, согласия?.. Неужели люди зависят от случая и подвергаются опасности погибнуть в сию же минуту со всеми своими чувствами, мыслями, надеждами, Историею?» — задается Погодин главными, по его мнению, вопросами, на которые требуется ответить отрицательно.

Логика его рассуждений сводится к следующему.

По аналогии с силой, поддерживающей планетную систему в равновесии, человечество сохраняется силой Провидения, Богом.

---

[18] *Погодин М. П.* О всеобщей истории. Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в императорском Московском университете. 1834 // Исторические афоризмы Михаила Погодина. С. 123.

[19] Там же. С. 124.

[20] Там же. С. 124–125.

[21] Там же. С. 114.

«Если человечество сохраняется, то сохраняется для чего-нибудь, то есть имеет цель, в себе ли, вне ли».

«Если оно имеет цель, то к ней необходимо ведет какой-нибудь путь, который должен быть пройден последовательно, от начала до конца; с которого оно совратиться не может».

Следовательно, оно получает, имеет законы своего движения[22].

В результате Погодин формулирует силлогизм, «естественное умозаключение», вытекающее из одного понятия о существовании человечества.

«Человечество есть,

Следовательно не может не быть,

Следовательно должно быть,

Следовательно оно содержит в себе условия своего бытия.

Следовательно есть законы для его действия, необходимость в происшествиях, есть путеводная десница, промысел, есть Бог в Истории»[23].

Второй основополагающий методологический принцип в интерпретации Погодина требовал признания различия истории Запада и Востока Европы, России и Азии.

Различия эти обусловлены, с его точки зрения, наличием особых закономерностей исторического развития. Погодин предполагает, в частности, наличие единых законов для основания государств. Однако эти законы отличаются в разных частях света — на Западе и Востоке Европы, в Азии и России. В Испании, Италии, Британии и других областях Западной Европы «государства начинаются одинаково от бракосочетания победителей с побежденными». Завоеватели и побежденные ассимилируются, «у всех происходит одно явление — феодализм», который к шестнадцатому столетию разрушается, «и на его развалинах основывается единодержавие»[24]. В Болгарии, Сербии, Польше и других славянских областях Восточной Европы государства основаны другим способом, «то есть не вследствие бракосочетания побежденных с победителями, которых к ним и не приходило». У них другие истории, не похожие на западные, но схожие между собой — «они <...> теряют политическую независимость и падают,

[22] См.: *Погодин М. П.* О всеобщей истории. С. 116.

[23] Там же. С. 117.

[24] Там же.

так или иначе, под чуждую власть»[25]. В истории азиатских государств опять все иначе — менее развитые народы стремятся завоевать более развитые. В результате основываются деспотии, государство разделяется на сатрапии, предается роскоши, отдаленные области начинают возмущаться — «здание колеблется и падает под ударами новых завоевателей, испытывающих со временем такой же жребий»[26]. В результате Погодин приходит к выводу, ставшему ядром не только его историософской концепции, но пронизывающему ткань любых его рассуждений на политические темы.

Одна Россия, утверждал Погодин, высится над всеми славянскими, западными и азиатскими государствами. Причина такого положения — «начало» государства Российского: «основание ее [России — *А. Ш., К. Р.*] есть среднее, так сказать, между основанием западных и восточных государств; к нам пришли иноземцы, но приглашенные, по крайней мере, не завоеватели, не с мечом в руках...»[27].

В 1836 г. Погодин занял кафедру русской истории — место своего бывшего учителя М. Т. Каченовского, который был лишен кафедры из-за критических высказываний в адрес Н. М. Карамзина, развивавшего положение «история народа принадлежит царю». Факт такого выступления был расценен как неблагонадежность и антипатриотизм. Сам же Погодин рассматривал свою научную деятельность как службу престолу и Отечеству. Под руководством Погодина свои первые шаги в науке сделали С. М. Соловьев, М. Н. Катков, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Буслаев, К. Д. Кавелин, А. А. Фет и др., составившие цвет русской культуры XIX в. В том же 1836 г. он стал действительным членом, а с 1841 г. — ординарным академиком Императорской Академии наук, которую в то время возглавлял единомышленник и покровитель Погодина — С. С. Уваров.

Единомышленниками Погодин и Уваров стали в 1832 г. после посещения тогда еще товарища министра народного просвещения лекции молодого преподавателя[28], в которой Погодин выдвинул

---

[25] Там же. С. 118.

[26] Там же. С. 119.

[27] Там же.

[28] Основные положения этой лекции Погодин опубликовал в 1833 г. в первом выпуске ученых записок Московского университета в виде статьи «Взгляд на русскую историю», эти положения многократно повторялись и совершенствовались автором в более поздних изданиях.

концептуальные тезисы, ставшие затем весомыми аргументами в теоретическом обосновании знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность», которая впервые прозвучала в докладе Уварова на высочайшее имя о ревизии Московского университета[29].

Главными тезисами погодинской лекции стали утверждения об особом пути развития России, о специфике образования русского государства, о целостности национально-политического «организма» страны. Данные тезисы он всесторонне и тщательно разовьет затем в более поздних работах[30].

Россия, по Погодину, это целый мир, занимающий огромное пространство, заселенное народами, составляющими целостность, которой могли бы позавидовать и европейские «малые» страны.

В отличие от канувших в лету империй и современных европейских государств, Россия «заселена преимущественно племенами, которые говорят одним языком, имеют, следовательно, один образ мыслей, исповедуют одну Веру, и, как кольца электрической цепи, потрясаются внезапно от единого прикосновения». Более того, целостность и однородность Российской империи усиливаются тем, что с ней «одно живое целое» составляют славянские народы, соединенные с русским народом узами крови и языка. Обладая бесчисленны-

---

[29] См.: С представлением отчета тайного советника Уварова по обозрении им Московского университета и гимназий // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. В 15 т. 2-е изд. СПб. 1875–1902. Т. 2. 1825–1855. Ч. 1. СПб., 1876. С. 511–512 (4 декабря 1832 г.). В марте 1832 г. Уваров подготовил императору письмо, черновик которого был опубликован А. Зориным при участии А. Шенле в 1997 (*Уваров С. С.* Письмо Николаю I // Новое литературное обозрение. М., 1977. № 26. С. 96–100). Это письмо, как считают некоторые исследователи, является «первым, из всех известных, случаем употребления Уваровым формулы «Православие. Самодержавие. Народность». (*Ермашов Д. В.* Уваров Сергей Семенович // Русская социально-политическая мысль X — начала XX века. Антология. Т. III: Политическая мысль конца 20-х — начала 70-х гг. XIX в. М., 2006. С. 31. Примечание 1).

[30] Например, в письме 1838 г. «О России вообще, и в отношении к Славянам и Европе» (*Погодин М. П.* Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году. // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 1–14); а также в статье 1845 г. «Параллель русской истории...» (*Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала (1845) // Историко-критические отрывки М., 1846. С. 55–82) и др.

ми природными богатствами, большой духовной силой, Россия представляет собой государство, при взгляде на которое «мысль цепенеет», по счастливому выражению Карамзина [31].

Как констатирует Погодин, политическое влияние России в Европе после блистательной победы над Наполеоном огромно. Страна-победительница никого не боится, ничего не опасается, никто не помешает ей изменить судьбы Европы и всего человечества, если того пожелает русский царь[32].

Исходя из простой истины, гласящей, что «всякое настоящее, всякое будущее есть плод прошедшего», Погодин в истории находит истоки и основания могущества России, обусловленного отличиями исторического развития России и Европы.

Разница между ними состоит, по Погодину, в том, что, во-первых, европейские государства были основаны пришлыми завоевателями, которые покорили туземцев, подчинили их себе и на развалинах Западной Римской империи создали новые государства. Российская государственность тоже возникла под влиянием пришельцев — варягов, но они были добровольно выбраны и приглашены, а потому особых разногласий между пришельцами и туземцами не возникло[33].

Во-вторых, христианство в древнюю Русь пришло не из Рима, а из Константинополя, а потому духовенство в России было подчинено государству и не мешало его развитию: «У нас, так как в Греции, духовенство подчиняется Государям, между тем как на Западе оно вяжет и решит их». Более того, приняв христианство из Византии, «Россия сделалась как будто преемницею Империи Константинопольской, между тем как Западная продолжалась в лице прочих Европейских Государств»[34].

В-третьих, различия состояли в самой общественной системе: в западных государствах возникли феодализм — рыцарство — майорат; в России с ее редким населением, обширными лесами и степями была только удельная система, государство оставалось во владе-

[31] См.: *Погодин М. П.* Взгляд на русскую историю. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. // Историко-критические отрывки М. Погодина. М., 1846. С. 2–3.

[32] См.: Там же. С. 3–4.

[33] Там же. С. 5–6.

[34] Там же. С. 6.

нии одного семейства, а наследником считался не старший сын, а старший в роде и наследство дробилось до бесконечности[35].

Проводя параллели в истории России и Европы (крестовые походы — монгольское иго, реформация — реформы Петра I), Погодин акцентирует внимание на социально-политических преимуществах России. В ней не существовало пропасти между представителями различных сословий, как это было в Западной Европе. Русский простолюдин мог достичь высших государственных должностей, университетское образование заменяло привилегии и грамоты. Все преобразования, все нововведения шли в России от государства, сверху, а не снизу, как в Европе, у нас, по словам Погодина, правительство «навязывает просвещение». Русское дворянство, сформировавшееся в позднее время из представителей разных народов, благороднее европейских грандов, лордов, маркизов, баронов. Это произошло потому, что высшее сословие приобрело свои привилегии, служа отечеству, России[36].

Вообще, по мнению Погодина, история России как часть всемирной истории, уникальна, она полна удивительных явлений и чудес, и потому есть история «необыкновенная», «чудесная», а русский народ является богоизбранным народом: «Перст Божий ведет нас, как будто древле Иудеев, к какой-то высокой цели»[37].

Переходя от прошлого к современности, Погодин предостерегает политиков от бездумного заимствования западных образцов, призывает использовать «собственные наши плоды, которым напрасно искать подобных в других Государствах» считая, что «всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень, и что пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно, по крайней мере, всегда требует глубокого размышления, великого благоразумия и осторожности»[38].

И, наконец, самый важный вывод ученого-историка, вполне укладывающийся в «охранительную» идеологию «официальной народности». Как заявляет Погодин, имея столько преимуществ перед запад-

---

[35] Там же. С. 7.

[36] Там же. С. 8–9.

[37] Там же. С. 8, 10.

[38] Там же. С. 16.

ными государствами, Россия, «российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самою верною и надежною»[39].

Этот вывод лекции Погодина находился в полном соответствии с высказанным ранее мнением его высокого покровителя[40]. Видимо поэтому, на почве известной близости взглядов, у Погодина сложились довольно тесные деловые и дружеские связи с Уваровым.

В 1839 г. Погодин опубликовал диссертацию о летописи Нестора, удостоенную Демидовской премии АН и ставшую классикой норманизма («Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей». М., 1839 г.). Здесь Погодин опровергает многие идеи М. Т. Каченовского и представителей скептической школы историографии, например о том, что варяги были варангами, словенами, что Новгород был основан в XI или XII веках, что имя «Русь» принадлежит южным землям, что племя Русь — азиатское. Погодин не соглашался с тем, что договоры Олега, Игоря и Святослава — позднейшие подделки, что в XI в. не было еще никакой торговли, не было кожаных денег и, главное, что летопись Нестора и «Русская Правда» — более поздние сочинения. Он утверждает, что первоначальная летопись, являющаяся основным источником по древнерусскому периоду, — достоверна, а значит, «история наша IX, X, XI века сугубо достоверна, быв основана на иностранных свидетельствах и подтверждена отечественными»[41].

Профессор Московского университета Погодин оказал значительное влияние на нравственное развитие и рост образованности своих слушателей. Даже оценивая его лекции скептически, многие его бывшие студенты, не сговариваясь, отмечают неординарность личности Погодина, его «живое, беззаботное, горячее отношение к делу», стремление научить студентов «любить науку, любить и уважать Россию, ценить те великие тяжелые жертвы, которые древняя Русь умела принести ради сохранения своего самостоятельного бытия»[42]. По словам Ю. Ф. Самарина, слушавшего лекции Погодина в середине 1830-х гг.,

---

[39] Там же. С. 17.

[40] См.: *Уваров С. С.* О преподавании истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813.

[41] *Погодин М. П.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. С. 11.

[42] *Бестужев-Рюмин К. Н.* Биографии и характеристики. С. 241. См. также: Московский университет в воспоминаниях современников. Сборник. М., 1989.

«мы чувствовали в нем самостоятельное направление мысли, направление, согретое глубоким сочувствием к русской жизни<...> мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то чуждые другим народам начала; по иным, еще не определенным наукою законам совершается ее развитие. Все это высказывал Погодин довольно нескладно, без доказательств, но высказывал так, что его убеждения переливались в нас»[43].

В 1844 г. Погодин отказался от преподавания в университете в пользу «учено-литературной деятельности» и работы в Академии. За этой формулировкой скрыто трагическое обстоятельство семейной жизни Погодина: после 11 лет счастливого брака с красавицей женой, в начале ноября 1844 г. он остался один, больной, имея на руках четырех малолетних детей, старшей из которых исполнилось 10 лет. Смерть жены Елизаветы Васильевны (в девичестве — Вагнер) Погодин переживал очень тяжело и до 1860 г. оставался вдовцом. К тому же, незадолго до смерти жены, по пути в университет Погодин сломал ногу и почти три месяца был инвалидом. Эти два несчастья потрясли его настолько, что практически весь 1845 г. он не мог заниматься делами.

Университетскими преемниками Погодина стали Т. Н. Грановский (по кафедре всеобщей истории) и С. М. Соловьев (по кафедре русской истории). Со времени отставки в университете до конца жизни Погодин нигде не служил и, не бросая занятий историей, целиком посвятил себя литературному труду и общественной деятельности. «В продолжение 50-ти слишком уже теперь лет, не было не только года, но не было даже месяца, едва ли недели, без какой-либо статьи (кроме исследований и вообще занятий по русской истории, которой посвящаются утра), и я не отрекаюсь ни от одной своей строки»[44], — писал он в 1873 г. За эти годы Погодин издал множество статей научного,

С. 191–192, 243, 219–220; Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М. П. Погодина. М., 1872. С. 52, 57, 58, 66.

[43] *Самарин Ю. Ф.* Из воспоминаний об университете (1834–1838) // 1840–1876: Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма / Сост. Т. А. Медовичева. М., 1997. С. 141–142.

[44] *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // Гражданин. Газета-журнал политический и литературный. 1873. № 13. 26 марта. http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/26marN13.htm

публицистического и художественного характера. Наиболее значимые исторические работы вошли в сборники «Историко-критические отрывки» (Вып. I. М., 1846; вып. II. М., 1867) и «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (Т. 1–7. М., 1846–1857). В них, рассматривая начала русской государственности как добровольное «призвание» норманнов, Погодин развивал оригинальную трактовку удельного периода и в целом всей истории России, считая ее бесконфликтной, коренным образом отличающейся от начатой «завоеванием» и движимой социальной борьбой истории Западной Европы.

Свою роль в науке Погодин связывал с защитой «исторического православия» и «русской своенародности» (летописи Нестора и «вообще древнего периода», самобытности русского народа и его истории), которые отстаивал в резкой полемике с М. Т. Каченовским, Н. А. Полевым, С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Н. И. Костомаровым, Д. И. Иловайским, С. А. Гедеоновым и др. («Борьба не на живот, а на смерть, с новыми историческими ересями». М., 1874; и др.). В последние годы жизни Погодин практически прекратил исследовательскую работу, посвятив силы переизданию собственных трудов и участию в дискуссиях, зачинателем которых он был. Именно Погодин был инициатором первого в России публичного диспута (19 марта 1860 г. «О начале русского государства» с Н. И. Костомаровым), получившего большой общественный резонанс[45]. Научный спор с Костомаровым Погодин продолжал до конца жизни, отзвуки полемики явственно звучат в его статьях «Еще за Минина», «За Сусанина», помещенных в 1873 г. в газете-журнале «Гражданин»[46].

Как уже отмечалось, Уваров, формулируя доктрину православия, самодержавия, народности, немало почерпнул у Погодина, в частности, из его лекции «Взгляд на русскую историю» (1832)[47]. В ней уче-

---

[45] Очень хорошо кульминация «ученого соперничества» Костомарова и Погодина описана в книге Умбрашко. См.: *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. С. 184–194. Здесь же в специальных разделах (с. 165–203) охарактеризовано существо полемики с М. Т. Каченовским, Т. Н. Грановским, Н. А. Полевым, С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным, Д. И. Иловайским, С. А. Гедеоновым.

[46] См.: Еще за Минина. М. Погодин // Гражданин. 1873. № 4. С. 101–105; За Сусанина. М. Погодина // Гражданин. 1873. № 46. С. 1230–1233 и № 47. С. 1257–1259.

[47] Об этом, в частности, пишет Р. Г. Эймонтова. См.: *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацилло К. Ф., Эймонтова Р. Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 129.

ный наметил основные пункты своей национально-консервативной позиции, которые затем развил в работах 1840-х гг.

Так, в статье «Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала», помещенной в январском номере журнала «Москвитянин» за 1845 г., объяснив «генеалогию» западноевропейской и русской государственности, в доказательство своей позиции Погодин рассматривает политические явления, сопровождавшие зарождение русского государства, и приводит сначала различия «составных частей, элементов Государства» на Западе и в России, а затем отличия физические и нравственные. Элементы государства в «первый период его происхождения», по его мысли, это — «государь, народ, разделяющийся на сословия <...>, и земля»; физические — «пространство, народосчислие, населенность, почва, климат, положение, система рек»; нравственные — «народный характер, религия, образование»[48].

Своеобразие теоретико-методологической позиции Погодина усиливало его обращение к географическому фактору, который, по его мысли, обусловливал как принципиальную невозможность завоевания России, так и во многом оправдывал его концепцию «призвания власти» славянским населением Руси.

Нужно отметить, что идея о совокупности физического, духовного и политического факторов как условий могущества и величия России Погодин высказал еще в «Письме к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу» 1838 г. Первое условие могущества страны, указывал он, — «пространство, многолюдство», второе — «экономико-географическое» — разнообразие климатических зон и залежей полезных ископаемых. Это, с точки зрения ученого, составляет «физические силы» Российской империи. Но не только природные богатства и огромная территория являются основой могущества страны. Погодин особое внимание обращает на нравственность народа, прежде всего на «его толк и его удаль, которым нет имени во всех языках Европейских, его понятливость, живость, терпение, покорность, деятельность в нужных случаях...»[49]. Эта опора

[48] См.: *Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала. С. 63, 74–75.

[49] *Погодин М. П.* Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году. М., 1874. С. 5.

и сила русского царя. Самое важное же условие могущества России — неограниченное самодержавие. Эта махина, подчеркивает Погодин, одушевлена единым чувством, доставшимся русскому народу от предков. Чувство это — «есть покорность, беспредельная доверенность и преданность царю, который для нее есть бог земной»[50].

В статье же 1845 г. первое, на что обращает внимание Погодин, — «пространство», обусловившее «невозможность быстрого завоевания», с одной стороны, а с другой — отсутствие борьбы за землю, которой было очень много («Бери всякий, сколько хочешь») и которую не нужно было ни у кого отнимать[51]. Второе обстоятельство — многочисленность и единство туземного населения, которое внушало уважение пришельцам[52]. Третье обстоятельство было связано с тем, что в России, как верно заметил Погодин, всякому потоку завоевания препятствовало «заселение не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, речками, без больших дорог, при трудных сообщениях»[53]. Четвертым обстоятельством стала «бедность» земли, требующей приложения большого труда и не доставлявшей никакой пищи роскоши. Поэтому экспансивные устремления первых русских князей были устремлены в другие богатые места[54]. Пятое обстоятельство, обусловившее аполитичность русского народа, предоставившего все государственные дела князю и боярам, — это «климат суровый, холодный»[55]. Шестое обстоятельство, способствовавшее «одинаковости отношений, гражданскому равенству», по Погодину, — это «равнинная, без гор, территория Руси»[56]. И последнее, седьмое «физическое» обстоятельство, на которое обращает внимание Погодин, — это «система рек, текущих внутри земли, странное отделение от всех морей, (Белого, Балтийского, Черного и Каспийского)». Все это обусловило трудность контактов туземного населения с внешним миром, его одиночество, особость пути, мир и покой

---

[50] Там же. С. 6–7.

[51] См.: *Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала. С. 75.

[52] См.: там же. С. 76. Более того, как замечает Погодин: «Норманны разошлись в Славянском населении, подобно капле вина в воде...».

[53] Там же. С. 76–77.

[54] См.: там же. С. 77.

[55] Там же. С. 77–78.

[56] Там же. С. 78.

существования, и, в конечном счете, то, что «мы... подчинились спокойно первому пришедшему»[57].

Таким образом, по мысли Погодина, обширность территории, многочисленность славянского населения, отсутствие дорог, тяжелые климатические и другие «физические» условия послужили основой создания самобытного русского государства, так как эти обстоятельства, взятые в совокупности, делали «завоевание» невозможным.

Нужно заметить, что в своем обосновании уваровской формулы Погодин находит исторические аргументы для всех составных частей теории «официальной народности». Этому, в частности, посвящена та часть статьи, в которой речь идет о «нравственных различиях» Запада и Востока Европы, западных народов и народов славянских. Первое такое различие связано с характером северных славянских народов — тихим, спокойным, терпеливым[58]. Еще одно различие связано, по Погодину, с гражданским и умственным образованием, с тем, что сейчас принято называть «политической культурой», «политической традицией». Так, в отличие от западных племен, имевших богатую политическую историю в момент покорения их варварами, в России «гражданского образования не было никакого, а только семейное, домашнее, до которого пришельцы не коснулись», поэтому, как указывает историк, «мы получили гражданское образование от пришельцев, а западные племена дали им»[59]. Самое же главное различие между Россией и Западом, по Погодину, в характере принятия христианской веры и в самом характере веры. Не вдаваясь в детализацию, Погодин в своей статье, на наш взгляд, дает квинтэссенцию трактовок под политическим углом зрения различий католической и православной религий, которые господствовали в русской литературе того времени: «Западная более стремится вне, восточная углубляется внутрь; у них пропаганда, у нас сохранение; у них движение, у нас спокойствие; у них инквизиция, у нас терпимость». И политические последствия — различие отношений Церкви и Государства: «Действуя вне — западная церковь вошла по

---

[57] Там же.

[58] *Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала. С. 79.

[59] Там же. С. 80.

необходимости в соприкосновение со светскою властью и получила на время преимущество над ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила светскую власть действовать как ей угодно»[60].

Общий вывод, к которому приходит Погодин, следующий.

Русская история и история западных государств, при общем («родовом») их подобии, при единстве цели, противоположны во всем, что касается путей, средств, обстоятельств, формы происшествий. И противоположность эта, «несмотря на все усилия, преобразования, перевороты, время», сохраняется[61].

Нужно особо подчеркнуть, что существование «единства» противоположностей Запада и Востока, «подобия» и «параллелизма» историй западноевропейских стран и России, Погодин относит к определенному историческому периоду. Апофеоз его — XVIII век. Этот «европейский» период, начатый Петром I, по глубокому убеждению ученого, заканчивается в XIX в., со смертью Александра I, когда с восшествием Николая I на престол начинается новый, «национальный» период русской истории: «С императора Николая <...>, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность, <...> начинается новый период русской истории, период национальный, которому, на высшей ступени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей истории Европы и человечества»[62].

Что касается так называемого «европейского» периода истории России, то он, как и вся современная Погодину Россия, есть «произведение Петра Великого»[63]. Так Погодин начинает свою статью

---

[60] Там же.

[61] Там же. С. 81.

[62] *Погодин М. П.* Петр Великий // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. С. 359. О концептуальном характере такого заявления говорит хотя бы тот факт, что в 1832 г. в своем «Очерке русской истории», Погодин буквально в тех же словах обозначает деление русской истории на европейский и национальный периоды: «Основание Александром первенства России в Европе и окончание Европейского периода Русской Истории. Начало своенародного (национального) периода царствования Императора Николая». *Погодин М. П.* Очерк русской истории // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. С. 34.

[63] Тема жизни и деятельности Петра I не раз затрагивалась Погодиным и специально была им рассмотрена в целом ряде произведений, среди которых,

о Петре Великом, помещенную в №1 журнала «Москвитянин». Статья эта, имевшая концептуальный характер, тем не менее представляет собой один из лучших образцов политической публицистики о реформаторе России не только в творчестве самого Погодина, но и в общественно-политической литературе того времени.

Как считает Погодин, «обширнейшее в Европе государство преобразовалось по желанию одного человека!»[64]. В основе успеха петровских преобразований лежали два фактора: во-первых, сила воли самого реформатора, во-вторых, «покорность», «терпение», «готовность» русского народа. Историк, не отрицая жестокости, с которой Петр I (во многом в силу своего темперамента и обстоятельств) совершил «переворот государственный, революционный», считает, что все его реформы «были необходимы по естественному ходу вещей в самой России, не только в соседних государствах, в Европе» и «необходимое столкновение, сближение России с Европою» не могло произойти иначе»[65].

Тон Погодина меняется спустя некоторое: время в статье 1845 г. «За Русскую старину» он уже вполне по-славянофильски говорит о том, что Петр Великий «должен был остановить народное развитие и

в частности, можно отметить следующие: *Погодин М. П.* Петр Великий; *Погодин М. П.* Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого. М., 1860; *Погодин М. П.* Царевич Алексей Петрович, по свидетельствам вновь открытым. М., 1861; *Погодин М. П.* Петр Первый и национальное органическое развитие. М., 1863; *Погодин М.* Черты из жизни Петра I // Русский, газета политическая и литературная. 1867, марта 20, лист 3 и 4; *Погодин М. П.* Речь <...> в заседании Санкт-петербургского Славянского комитета «О славянской идее со времени Петра Великого и об отношении славян к Петру I» // Современные известия. 1872. №57; *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672–1689. М., 1875; *Погодин М. П.* Как устанавливалось единодержавие Петра // Русский вестник. 1875. Т. 116. № 4; *Погодин М. П.* Петр Первый. Первые годы единодержавия. 1689–1694 // Русский архив. 1879. Кн. 1 и др.

[64] *Погодин М. П.* Петр Великий. С. 340. Памятниками неутомимой деятельности Петра и его гения, как подчеркивает Погодин, помимо важного места России в системе европейских государств, стали практически все стороны внутренней жизни страны: «управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летосчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия...» (Там же. С. 342).

[65] См.: там же. С. 349, 350.

дать ему на время другое направление»[66]. Однако этот период европейского ученичества России заканчивается. «Время безусловного поклонения Западу миновалось», новый век требует от россиянина чувств «уважения к самобытности, следовательно, своенародности, и следовательно, старины», а от России и русского народа, как пишет Погодин, — «явиться на Европейской сцене, стану употреблять их любимые выражения, своеобразными индивидуумами, а не безжизненными автоматами; мы должны показать там свои лица, а не мертвенные дагерротипы каких-то западных идеалов»[67]. Погодин указывает на то, что после того как Россия заняла «почетное место в политической системе Европейских государств», она не должна, как считали западники, последовательно и планомерно повторять все этапы социально-политического развития стран Западной Европы. Более того, теперь Погодин утверждает, что «старых опытов повторять не нужно, что указаниями пользоваться должно, что не все чуждое прекрасно, что время показало на Западе многие существенные недостатки, что, наконец, мы должны иметь собственный взгляд на вещи, а не смотреть по-прежнему глазами Французов, Англичан, Итальянцев, Прусаков, Австрийцев, Баварцев, Венгерцев и Турок»[68].

Спустя три года после публикации погодинской статьи «За русскую старину» в виду европейских революций 1848–1849 гг. ситуация в России резко меняется. Если в 1847 г. С. С. Уваров по распоряжению императора направил попечителям учебных округов секретный циркуляр, в котором пояснил новейшую официальную трактовку понятия народности, которая приобретала характер национальной исключительности[69], то уже в 1848 г. и русская нацио-

---

[66] *Погодин М. П.* За русскую старину // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. С. 441. Позже, в статье 1867 г., Погодин выразил свою позицию по отношению к Петру I еще более определенно: «Сам я очень далек от безусловного одобрения всех его действий и мер, но уверен, что надо изучать его, с благоговением, много и много, долго и долго, а глумиться — есть бессмысленная дерзость, приносящая стыд нашему времени». Погодин М. П. Черты из жизни Петра I // Русский, газета политическая и литературная. 1867, марта 20, лист 3 и 4. С. 50.

[67] Там же. С. 442, 443.

[68] Там же. С. 444.

[69] Преподавателям предлагалось, не увлекаясь идеей славянского единства, сосредоточиться на популяризации «Русского начала, Русского духа... Русского

нальная идея стала казаться опасной, а год спустя династические интересы возобладали и в славянском вопросе[70], заставив многих расстаться с мечтами о вселенской миссии России по объединению славянских народов.

В последние годы царствования Николая I, которые, по выражению С. М. Соловьева, стали «постыдными»[71], «официальная народность», как и сам идейно-политический комплекс консерватизма в целом, оказались скомпрометированы в общественном мнении и подорваны действиями власти. Не случайно, что даже Погодин, человек абсолютно лояльный существующему режиму, в период Крымской войны 1853–1855 гг. выступил с резкой критикой правительственной политики в своих «Историко-политических письмах», которые широко распространились тогда в рукописях и получили огромный общественный резонанс. Одно это позволяет усомниться в официальности его теоретических разработок формулы «Православие. Самодержавие. Народность». В конце жизненного пути Погодин, довольно в резкой форме отвечая критику славянофилов А. Н. Пыпину и в его лице западникам, выразил свое отношение к «официальности» и «казенности» формулы Уварова следующим образом: «Неужели г. Пыпин думает, что Уваровская формула играла роль еще где-нибудь, кроме отчетов министра, т. е. самого автора? В литературе она служила только для охранения мыслей, излагавшихся иногда под ее покровительством; во всяком случае, нельзя было говорить об одном члене формулы отдельно от других. Впрочем, и о трех вместе говорено было немного. Давления никакого она не производила и производить не могла. У кого были мысли, тот мыслил

просвещения». (Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895. С. 235–237).

[70] В 1849 г. император Николай I на полях письменных показаний арестованного III Отделением И. С. Аксакова выразил свое отношение к славянскому вопросу предельно ясно: «...под видом участия к мнимому угнетению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают не от Божьего произволения, а от возмущения, гибельного для России!». *Аксаков И. С.* Вопросы, предложенные Ивану Сергеевичу Аксакову III-им отделением // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устроение». М.: Пашков дом, 2002. С. 348.

[71] *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 313, 338.

про себя, или выражал их, если имел то искусство, которым, по мнению Карамзина, можно говорить что угодно, несмотря ни на какие цензурные путы. А у кого не было мыслей, а только ощущения, тот молчал или отделывался междометиями и разглагольствовал за дверями затворенными, за бокалом шампанского, снискивая себе тем дешевую популярность»[72].

Характерно и то, что Погодин и в этот период, в противовес официальным установкам, не расстался с мыслями о славянском единстве, в своих письмах и записках призывал представителей власти не отказываться от использования славянского национального движения в Австрийской и Османской империях в политических целях, в интересах как России, так и славянства в целом.

* * *

Погодин играл заметную роль в общественной жизни страны. Он был членом (1825–1875), секретарем (1836–1845), председателем (1875) Общества истории и древностей российских при Московском университете (его коллекция древностей — «Древлехранилище» — не имела аналогов); членом (1824–1875), секретарем (1834), председателем (1860–1866) Общества любителей российской словесности; одним из организаторов и председателем (с 1861) Московского славянского благотворительного комитета; гласным Московской Думы; почетным членом Московского университета, русских и иностранных научных обществ, почетным доктором философии Карлова университета в Праге. 8 ноября 1871 г. — в день 50-летия гражданской и ученой службы — высочайшим указом Погодин был произведен в тайные советники, а совет Московского университета присвоил ему ученую степень доктора русской истории.

Погодин встречался с Ф. В. И. Шеллингом (1835), Ф. П. Г. Гизо (1838), Ф. Р. де Шатобрианом (1842), первым из россиян установил тесные связи с учеными-славистами П. И. Шафариком, Ф. Палацким, В. Ганкой и др. В России круг близких Погодину людей включал С. П. Шевырева, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, Аксаковых

---

[72] *Погодин М. П.* К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. №13. 26 марта. http://smalt.karelia.ru/~filolog/grazh/1873/26marN13.htm. Последняя фраза Погодина представляется отзвуком старых споров славянофилов и западников, направлена против круга приятелей А. И. Герцена (См.: *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 4–5. М., 1958. С. 74).

и других славянофилов. Как историк и публицист Погодин полвека сотрудничал во многих периодических изданиях различного направления, сам издавал журналы «Московский вестник» (1827–1830), «Москвитянин» (1841–1856), литературный альманах «Урания» (1825) и литературно-политический сборник «Утро» (1859, 1866, 1868), политическую и литературную газету «Русский» (1867–1868). Затрагивая в публицистике широкий круг тем — от панславистских проектов до критики городского самоуправления в Москве, от революционного движения в Западной Европе и Крымской войны до характеристики русских нигилистов. Особое внимание Погодин уделял пропаганде славянского единства и народного просвещения, отстаивал принципы национально-политического единства и государственной целостности страны.

В 1840–1870-х гг. вопрос о славянской идентичности и славянской взаимности приобрел огромное значение в интеллектуальной, культурной и политической жизни русского и других славянских народов Европы. Под славянским вопросом, который в это время активно обсуждался в российском обществе, обычно понималось все многообразие проблем, связанных с культурным и этническим, а в ряде случаев и с политическим, единством славян — т. е. с панславизмом[73]. Как показывают современные исследования[74], собственная разновидность концепции славянской взаимности возникла и оформилась в России к середине XIX в. во многом благодаря усилиям Погодина. Вероятнее всего, сам характер научных занятий мыслителя и существо отстаиваемых им исторических идей стимулировали интерес Погодина к славянским народам Европы.

Для характеристики панславистских взглядов историка, наряду со знаменитыми историко-политическими письмами перио-

---

[73] Идейно-политический комплекс панславизма включал разнообразные доктрины, теории, концепции и идеи, во главу которых была поставлена задача взаимного сотрудничества и единства действий в культурном и/или политическом отношениях родственных (по крови, языку, религии, бытовой культуре, исторической памяти, территории) славянских и близких им народов и народностей.

[74] См.: *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; *Мырикова А. В.* Политические идеи Ф. И. Тютчева. М., 2004; *Фурсова Е. В., И. С. Аксаков*: апология народности и самодержавия. М., 2006; *Прокудин Б. А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. М., 2007.

да Крымской войны 1853–1856 гг., очень важны его работы конца 1830 — начала 1840-х гг., в которых впервые стала звучать тема панславизма в контексте обоснования особой роли и предназначения России в мире. Не случайно к собранию историко-политических писем, издание которого Погодин предпринял в 1874 г., он счел необходимым присовокупить три работы — «Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году»; «Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году»; «Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам» — в «доказательство, как стары его убеждения и как рано начал он выражать их». Убеждения эти сам он обозначает как «отчаянный панславизм»[75].

Истоки погодинского «отчаянного панславизма» обнаруживаются в 1820-х гг. Еще будучи студентом Московского университета, Погодин начал вести дневник, в котором на протяжении многих десятилетий отмечал события общественной и личной жизни, а также формулировал свои мысли. Как отмечает исследователь дневниковой рукописи Погодина Л. Н. Кузина: «Из историков Погодин особенно выделял Карамзина и Шлецера, имена которых не раз встречаются в дневниковых записях бесед его с Тютчевым. Карамзин, как писал Погодин, учил смотреть «веселее» на историю с высоты преобразований Петра («Москвитянин», 1841, № 1, с. 23), Шлецер будил мысль о единении славянских племен (Барсуков, кн. 1, с. 56). Причем, идея Петра и идея единения славян в сознании юного почитателя Шлецера и Карамзина соединялись с мечтаниями о «Святой Руси», о «соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство. Родись другой Петр!» (6 февр. 1821 г., 19 февр. 1822 г.)»[76]. Действительно, мысль о необходимости объединения славянских племен, причем ни как-нибудь, а военной силой, становится «задушевной» мыслью молодого Погодина. В его дневнике того времени мы встречаем запись: «Гово-

---

[75] См.: *Погодин М. П.* Предисловие // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 4.

[76] *Кузина Л. Н.* [Вступительная статья: Тютчев в дневнике и воспоминаниях М. П. Погодина] // Ф. И. Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гос. лит. музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева. М., 1989. Кн. II. С. 7—10. (Лит. наследство; Т. 97). http://feb-web.ru/feb/tyutchev/critics/ln2/ln2-0072.htm

рил с Кубаревым [университетский товарищ Погодина — *А. Ш., К. Р.*] о соединении всех славянских племен в одно единое целое, в одно государство. Родись другой Петр, — он найдет другого Суворова, и кончен бал. С 500,000 он кончил бы дело. Главное дело — отнять у Австрийцев. Сербию ничего не стоит завоевать. За остальную часть Польши у Пруссаков можно отдать Остзейские губернии. На что нам этих немчурок. Должно отделить себя от всех, чтоб ни один иноплеменник не смел говорить, что он гражданин Русский. Какой бы был праздник»[77].

Справедливости ради нужно заметить, что с течением времени Погодин несколько смягчил тон своих высказываний: военное решение проблемы перестало казаться ему единственно верным способом решения славянских проблем. Постепенно он смещает акценты в сторону культурного взаимодействия славянских народов как главного средства выполнения их всемирно-исторического предназначения.

В работах конца 1830 — начала 1840-х гг. историк формулирует развернутую программу, включающую как общие направления действия, так и конкретные меры по развитию славянского единства и адресную финансовую помощь конкретным людям, институтам, школам, журналам. По мысли Погодина, разъяснение сущности и пропаганда идеи славянского единства должны были осуществляться не только на Западе, но и в самой России, а программа русской помощи славянским народам — «принести равную пользу России, ее языку, литературе и Истории, равную с прочими племенами Славянскими»[78].

В третьем документе (предваряющем издание 1874 г. погодинских писем и записок периода Крымской войны) под названием «Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам»[79], отмечая рост национального чувства и национального самосознания, стрем-

---

[77] Цит. по: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: Кн. 1. С. 56.

[78] *Погодин М. П.* Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 39. Имея это в виду, Погодин уже с 1835 г. включил в свой курс лекций по истории России в качестве введения лекции по славистике. (См.: *Буслаев Ф. И.* Мои досуги. М., 1886. С. 254).

[79] В оглавлении тома — «III. 1843. — К нему же, о состоянии Европы и о Славянах». См.: *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 359.

ление к национальному самоопределению славянских народов, Погодин повторяет свою мысль, высказанную в первом письме С. С. Уварову: «Национальности никакой уничтожить нельзя, напротив, сила сия увеличивается по мере покушений против оной, и они, кроме вреда, ничего принести не могут»[80].

По его мнению, оправданием активной национальной политики России в славянских землях должно служить не только кровное родство русского и других славянских народов, но также ненависть европейских государств (Австрии, Англии, Пруссии, Франции) и романо-германских народов, которую они питают к славянскому миру в целом (вообще) и к России особенно, ввиду того, что эти страны, как отмечает Погодин, «увидели приверженность Славян к России и поняли, какая опасность грозит Европе, если Русский колосс, и без того могущественный и страшный, присоединит к себе еще тридцать миллионов Славян, алчущих и жаждущих соединения»[81].

Эта ненависть не ограничивается журнальной и газетной русофобией[82], пропагандой отсталости якобы «варварской» России от европейской «цивилизации»[83]. Погодин находит множество примеров прямого вмешательства правительств этих стран в русские и славян-

---

[80] *Погодин М. П.* Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 68.

[81] Там же. С. 64.

[82] «Для журналистики, — отмечает в другом месте Погодин, — Восточная Европа, Славянские племена, Русский народ, одним словом, сто миллионов Европейцев, как бы не существуют, и они видят всю Россию только в нотах Министерства Иностранных дел. Ни одной живой человеческой мысли не встречаешь на длинных столбцах газет и в толстых волюмах журналов, кроме общих мест, набранных по заказу, за деньги. Везде, по выражению поэта (А. С. Пушкина. — *Ред.*), опиум чернил, разведенный слюною бешеной собаки». *Погодин М. П.* XIII. Настоящая война, с точки зрения Европейской Истории. (1854 в Июле) // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 215.

[83] «Газетным воплям их против России нет пределов, а понятия о ней Немцы не имеют никакого. Толкуют о страсти к завоеваниям, об отвращении от всякого образования, о безнравственности низшего духовенства, о крестьянском рабстве, о жестокости с солдатами и крепостными людьми». *Погодин М. П.* Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам. С. 60.

ские дела. Так, отмечает Погодин, возникший недавно в Российской империи малороссийский сепаратизм «питается из Вены»[84], «ненависть и вместе надежду на перемену судьбы» поляков, подданных российской короны, подпитывает Пруссия; в самой Пруссии, где «народ пышет злобою против нас», а «правительство разделяет ненависть с народом», и в целом в Германии растет немецкий национализм, в основе которого противопоставление Германского мира мирам Романскому и Славянскому[85]; Париж и Лондон, поставив цель «удовлетворить Славян независимо от Австрии, Турции и России, образовать из Славян новое государство, которое стояло бы даже против России, как другая Польша», вмешиваются в славянские дела, рассылая политических агентов, которые устрашают Славян Россией[86]; Англия тайно снабжает черкесов порохом, активно «интересуется» делами в российских Остзейских губерниях, где поднимает голову остзейский сепаратизм[87]; и т. д. Все это, убеждал Уварова Погодин, настоятельно требует активизации внешней политики России, смещения акцентов с так называемых «общеевропейских» на национальные российские и общеславянские интересы. В противном случае, как предполагал Погодин, славянская приверженность к России «может обратиться в ненависть»[88].

Двадцать одна работа была собрана Погодиным под «шапкой» историко-политических писем и записок периода Крымской войны. Эти публицистические работы различаются как по объему, так и по времени создания (начиная с 7 декабря 1853 г. и заканчивая 8 мая 1856 г.). Многие из них к моменту выхода сборника (1874 г.) уже были напечатаны в русских изданиях, и большая часть переведена на немецкий язык и издана в Вене в пятидесятых годах, а, как указывает Погодин, первое полное собрание писем вышло в 1860 г. в Лейпциге[89]. Что касается содержания, то в этих, критических по от-

---

[84] Там же. С. 53–54.

[85] Там же. С. 54, 56, 57, 59, 61, 68.

[86] Там же. С. 64–65.

[87] Там же. С. 62, 68.

[88] Там же. С. 67.

[89] См.: *Погодин М. П.* Предисловие. С. 5. Здесь имеется в виду издание: Письма и статьи М. Погодина о политике России в отношении славянских народов и Западной Европы. Ч. 1–3. Paris, A. Franck, тип. Г. Бере и Германна в Лейпциге, 1861.

ношению к российским чиновникам и министрам работах, Погодин по-преимуществу сосредотачивается на двух главных темах: внешней и внутренней политике правительства России. Рассматривая как с исторической, так и с политической точек зрения геополитические (Россия–Европа, Россия–Азия), цивилизационные (Запад–Восток, православие-ислам, славянский мир, миссия России), конкретно-политические (вероломство спасенной Россией Австрии и других европейских стран, истоки и сущность русофобии, война и революция) и другие сюжеты, Погодин аргументирует широкий круг идей, проектов и программ действия — от различных вариантов международных союзов, участвуя в которых Россия смогла бы не только победить в войне в Турции, но стать ведущей мировой державой, до новой системы управления в самой России[90].

В исследовательской литературе обычно акцентируют внимание на вопросах внутренней политики, которые в резко критической форме рассматривал в своих письмах ученый. Одни эту резкость тона, которым Погодин характеризовал «ужасное состояние» России, а также его «одновременно мудрую и наивную» программу мер выхода из кризиса ставят в заслугу русскому мыслителю, который намеревался таким образом «раскрыть венценосные глаза на непорядки в стране» и лишь немного уступал либералам[91]. Другие считают, что объемный труд Погодина ценен лишь одним — тем, что он «публично призвал правительство и, в первую очередь, императора к решительным преобразованиям, направленным на улучшение в максимально короткие сроки положения крестьян», «он указывал, что обязательно требуется освободить крестьян с земельным наделом», благодаря чему «резко выделился» из «среды консервативных охранителей»[92].

---

[90] См.: *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 114, 223, 119–120, 273, 297–298, 303, 314 и др.

[91] См.: *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003. С. 227. На предшествующих пяти страницах (С. 222–226) Н. И. Павленко дает общую характеристику внутриполитических сюжетов погодинских писем.

[92] См.: *Иванников Д. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность М. П. Погодина: Дис.... канд. ист. наук. М., 2005. С. 81, 82, 83. Заметим, что «конкретная программа» Погодина по освобождению крестьян заняла менее двух страниц его 360-страничного труда. См.: *Погодин М. П.* XXII. 1855 Января 3. Гроза над Россиею. Средства получить мир, или продолжить войну // Погодин М. П.

Нельзя отрицать смелости Погодина, затронувшего в ряде писем (преимущественно в письмах конца 1854 — середины 1855 гг. — XVI. «Октября 18. О влиянии внешней политики нашей на управление» и XXII. «1855. Января 3. Гроза над Россиею. Средства получить мир, или продолжить войну», а также в завершающем, XXIV письме — «Мая 8. По прочтении трактата») наболевшие вопросы российской действительности — крепостничество, взяточничество, цензуру, состояние образования и т. п. — и предложившего ряд конкретных мер по преодолению кризисного состояния России. Но следует заметить, что, прежде всего — в отличие от первых писем (особенно графине А. Д. Блудовой), имевших широкий общественный резонанс, степень «публичности» данных трех писем, изданных в России впервые в 1874 г. явно преувеличена. Заметим также, что данные сюжеты, как по времени появления, так и по объему, являлись сопутствующими основным сюжетам, раскрывающим широкий круг внешнеполитических тем, главной из которых нужно все же признать не тему освобождения крестьян или предоставления очередной конституции полякам, а тему славянского единства и особой роли России в славянском мире.

В свое время, как отмечает Погодин, его «записки <...> разошлись в бесчисленных экземплярах по всей России, особенно первые...», и «содействовали тогда возбуждению народного духа...»[93]. Вхождение в роль «властителя дум» для ученого-историка стало неожиданным и в определенной степени произошло случайно. В конце ноября 1853 г. Антонина Дмитриевна Блудова[94] обратилась к Погодину, только что возвратившемуся в Москву из заграничного путешествия, с прось-

---

Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 338–339.

[93] *Погодин М. П.* Предисловие. С. 3, 8.

[94] Графиня Блудова Антонина Дмитриевна (1813–1891) — дочь государственного и литературного деятеля Д. Н. Блудова. Современники отмечали незаурядный ум Блудовой, постоянство ее славянофильских устремлений, а также благотворительную и просветительскую деятельность в области женского образования. Блудова общалась с семьями Тютчевых, Аксаковых, с А. С. Хомяковым, М. П. Погодиным и др. русскими славянофилами и панславистами, чьи взгляды на роль России в судьбах славянских народов она разделяла. Об этом, в частности, свидетельствуют ее «Записки...», в которых она рассуждает о России как «старшем члене в семье славянской». См.: *Блудова А. Д.* Записки гр. Антонины Дмитриевны Блудовой // Русский Архив. 1875. № 6. С. 184.

бой: «Напишите, какие доходили до вас интриги иностранные против нас в тех краях...». Историк принялся за работу и 7 декабря отправил графине Блудовой записку «О начавшейся войне с Турцией». К удивлению Погодина, записка вызвала интерес в обществе, она побывала «у государя и от него пришла с многими отметками по краям, его рукою»[95], содержание ее понравилось Д. Н. Блудову (влиятельному вельможе, члену высшего законосовещательного учреждения Российской империи — Государственного Совета, председателю департамента законов последнего и главноуправляющему Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии — высшим государственным учреждением по кодификации (составлению сборников, сводов) законов Российской Империи), великой княгине Елене Павловне (вдове великого князя Михаила Павловича, в салоне которой собирались «либеральные бюрократы» — молодые чиновники, ставшие позже активными участниками Великих реформ) и многим другим при дворе. Рукописные копии записки разошлись по столицам и провинциальным городам. «Успех отличный <...>, — писал Погодин в своем дневнике 13 мая 1854 г., — много рассказов о первом письме, которое читается везде: в Рязани, Орле и пр. ». К концу мая 1854 г. Погодин написал пять «писем»: «К графине Б.......ой о начавшейся войне», «Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии», «Взгляд на отношения враждебных России государств», «Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа»», «О Польше». 3 и 6 июня того же года Погодин читал эти «письма» Ф. И. Тютчеву, который, высказав Погодину полное одобрение, через свою дочь Анну передал их копии цесаревне Марии Александровне для ознакомления с ними цесаревича Александра Николаевича[96].

В адрес Погодина посыпались письма с выражением восторга и благодарности. Сознавая, что его политические сочинения оказываются более полезными обществу, чем исторические работы, Погодин

---

[95] См.: Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков) / Вступительная статья, составление и примечания Б. Н. Тарасова. http://www.rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic7.htm

[96] См.: [Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева]: 1854 // Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 2: 1844–1860. [М.], 2003. С. 207, 211. http://feb-web.ru/feb/tyutchev/lt-abc/lt2/lt2–1911.htm

«погрузился в политику» и почти на три года целиком отдал себя публицистике[97].

В погодинских письмах и записках периода Крымской войны отчетливо выделяются три темы, которые не могли не импонировать патриотично настроенному русскому читателю. Во-первых, размышления о том, что сейчас называется «системой двойных стандартов» в политике; во-вторых, классификация причин русофобии; в-третьих, обоснование важности славянского единства.

На многих примерах европейской политики Погодин показывает, что в ней господствует «система двойных стандартов»: что позволено, например, Англии или же Франции, то, с точки зрения дипломатов и политиков этих стран, абсолютно неприемлемо для России, которая должна в ущерб своим национальным интересам блюсти какое-то «мнимое равновесие» в Европе[98].

Более того, в общественном сознании европейцев господствует то, что друг Погодина Ф. И. Тютчев в середине 1840-х гг. обозначил как «русофобия». Размышления Погодина на тему русофобии вполне созвучны тютчевским, их позиции в этом вопросе совпадают. Русофобия, замечал Тютчев, это инстинктивное чувство — «нечто среднее между уважением и страхом — то чувство awe [благоговейного страха. — *Ред.*], которое испытывают только по отношению к Власти»[99]. В основе русофобского отношения — слепая ненависть и злоба к России, по выражению Погодина, — «злоба безотчетная», истоки которой находятся в области бессознательного: «Действует против нас инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро, и как будто слышит себе грозу с Востока»[100].

Русофобы не только формируют общественное мнение Запада, они подвизаются и в международной политике, требуя запрета для России держать военный флот на Черном море, отказа России от протектората над Молдавией и Валахией и от притязаний на по-

---

[97] Обстоятельства появления на свет записки и ее содержание подробно описаны в литературе. См.: *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003. С. 217–222.

[98] См.: *Погодин М. П.* К Графине Б......ой, о начавшейся войне. (1853 года, Декабря 7.) // *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 70–73.

[99] *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 100–101.

[100] *Погодин М. П.* К Графине Б......ой, о начавшейся войне. С. 75.

кровительство православным подданным турецкого султана, а также «свободы плавания» по Дунаю (т. е. лишения России доступа к его устьям) и т. п. «Правительства почти все против нас: одни из зависти, другие из страха, из личных побуждений», — отмечает Погодин[101].

Спустя некоторое время, в апреле 1854 г., в письме «Взгляд на Русскую политику в нынешнем столетии» историк приходит к неутешительному выводу о том, что возникновению русофобии на Западе во многом способствовала несостоятельная внешняя политика России, «со всеми ее жертвами, благодеяниями, услугами, любезностями, в отношении к Австрии, Пруссии и Германии». Россия, благодаря созданному усилиями императора Александра I тройственному Священному союзу, с 1815 г. стала «стражем порядка», а по сути, жандармом Европы и в результате, «сделалась ненавистною для народного большинства в Европе»[102]. В конечном счете результаты европейской политики России сводятся к короткой формуле: «Правительства нас предали, народы возненавидели, а порядок, нами поддерживаемый, нарушался, нарушается и будет нарушаться»[103].

Таким образом, можно было бы говорить о социально-психологической, идейно-политической, наконец, о дипломатической изоляции России от Запада, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство это связано с тем, что у России в Европе союзники все же есть. Кто они? «Союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные, — отвечает на поставленный вопрос Погодин, — Славяне...»[104].

«Если не вперед, то назад — таков непреложный закон Истории». Ввиду этого России надлежит исполнить «миссию, предназначенную со времени основания нашего государства» — миссию влияния на Востоке, прийти «на помощь к нашим братьям, истомленным в муках и страданиях» и возглавить освобождение славянского мира, — заявляет Погодин[105].

---

[101] Там же. С. 75.

[102] *Погодин М. П.* Взгляд на Русскую политику в нынешнем столетии (1854, в Апреле) // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 89. «Народы возненавидели Россию, и теперь Русскому почти невозможно путешествовать, не подвергаясь самым чувствительным оскорблениям, кои не знают никаких границ».

[103] Там же. С. 91.

[104] *Погодин М. П.* К Графине Б.......ой, о начавшейся войне. С. 78.

[105] См.: *Погодин М. П.* К Графине Б.......ой, о начавшейся войне. С. 78, 79, 80.

Эта миссия осложняется стремлением европейских стран взять под свое покровительство православную церковь на Востоке[106], в основе которого лежит подспудное желание Запада унизить и подчинить себе Россию. «Россия теперь для запада, — как остроумно замечал Погодин, — в этом отношении тоже, что была во время крестовых походов Византия, которую он желал подчинить себе гораздо больше, чем освободить Гроб Господень от неверных»[107].

Такая миссия не случайно выпадает на долю русского племени. Погодин исходил из представления о том, что в ряду славянских племен «Бог благословил Русское, — все прочие порабощены, угнетены, несчастливы»[108]. Поэтому одной из главных идей в политической публицистике Погодина стала идея благотворной направляющей силы «Русского Бога». «Русский Бог» избавляет и спасает Россию, оберегая ее от внутренних и внешних врагов. Погодин постоянно апеллирует к Провидению, которое предопределяет действия целых народов. В русском исполнении, предопределенные Провидением действия, часто приобретают сверхъестественный характер чуда; сила чудесного всегда оказывается победителем и это является отличительной чертой русской истории. В работах Погодина Бог предстает творцом истории, а христианская православная религия — движущей силой, указывающей человечеству путь в царство справедливости, добра, равенства и братства. Поэтому, заявляет Погодин, «мы должны теперь совершить свой крестовый поход, уничтожить владычество Турок в Европе <...> и освободить святые места из-под власти неверных. Так

---

[106] После окончания неуспешной для России Крымской войны и заключения Парижского мирного трактата, в завершающем публицистическую серию писем и записок письме от 8 мая 1856 «По прочтении трактата», Погодин вполне резонно заметил: «Католики и протестанты, принявшие на себя покровительство, и отстраняющие до сих пор Россию от участия в устроении судьбы Турецких христиан, (равно как и в устроении княжеств), считают их исповедание ересью и ненавидят сильнее ислама. Спрашивается, каким образом они могут покровительствовать Православию?». (*Погодин М. П.* XXIV. Мая 8. По прочтении трактата // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 353).

[107] *Погодин М. П.* XVII. Ноября 27. Состояние России. Новые опасности. Декабря 8. Воззвание к Государю Императору // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 275.

[108] *Погодин М. П.* Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году. С. 25–26.

угодно Богу. Это обязанность России, как государства, не только Русского и Славянского, но и Европейского!»[109].

В перечне, как называл их Погодин, «всемирных задач», «великих вопросов» европейской политики, наряду с вопросами «европейским», «славянским» и «русским»[110], важное место занимает вопрос «религиозный» — «о церкви восточной и западной, о вознесении православия на подобающее ему место, православия, которое ослепленный запад поносил бытии ересью: камень, его же небрегоша зиждущий, сей бысть во главу угла!»[111].

Парадоксально, но погодинская антипросветительская, по сути, историософия, внешне, как и идея всеславянства, походила на просветительские теории о месте народов во всемирно-историческом процессе и гегелевское учение о том, что каждому народу априорно присуще некое «начало», раскрытие содержания которого и составляет его историю. Такое «начало» для русских как славянского народа Погодин находил в православии. В своих теоретических построениях он противопоставлял Восточному миру, православному, греко-славянскому, наследнику Византии мир Западный, католический, романо-германский, детище Рима.

Характерными признаками Западного мира были для Погодина римско-католическая религия, латинская образованность, рассудочность мышления и рационалистичность действия, четкая регламентация жизни, превалирование материального элемента над духовным, стремление к насилию. Отличительной особенностью европейской цивилизации Погодин считал преобладание в нем юридического начала над нравственным, поэтому политическую борьбу, революции

---

[109] *Погодин М. П.* Х. В Июне. Настоящая война в отношении к Русской истории // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 186.

[110] «Вопрос Европейский об уничтожении варварского Турецкого владычества в Европе... Вопрос Славянский об освобождении достойнейшего, древнейшего и вместе с тем многочисленнейшего племени человеческого, Славян, от чуждого ига, и возвращении ему человеческих, гражданских и Европейских прав... Вопрос русский об увенчании, совершении Русской Истории...» (*Погодин М. П.* Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа (Мая 27. 1854) // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 122–123).

[111] *Погодин М. П.* Опасности России. С. 123. Погодин приводит цитату из Псалтири: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Пс. 117, 22; см. также Матф, 21, 42).

и перевороты относил к проявлениям «западных начал» в жизни романо-германских стран.

Истинным хранителем христианских заповедей, с точки зрения Погодина, является Восточный мир, исповедующий православие — единственную форму религии, сохранившую в чистоте христианские начала. В православном мире нравственность является определяющей в жизни общества. Этика греко-православной стихии основывается, по мнению Погодина, не на формальной логике и рассудочности, а на искренней вере, на пылком и бескорыстном чувстве. Поскольку политические начала не являются для славян ведущими, их государственность отличается от прочих, она основывается на свободном выборе власти, а не на насилии завоевателей. Отсюда проистекают и особенности общественной жизни — отсутствие сословий, широкое развитие общественной собственности на землю, мирные отношения между светской и духовной властью.

Запад, с точки зрения историка, «обветшал, устарел, повредился и имеет такую же нужду в обновлении, какую восток имеет в пробуждении»[112].

Погодинские теоретические представления о цивилизационной противоположности западной и восточной Европы, коренящейся в религиозных различиях, легли в основу русских панславистских концепций и теорий объединения славян — как литературного, так и политического характера. В рамках русского панславизма можно выделить «культурное» и «политическое» направления. «Культурный панславизм» развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский. «Политический панславизм» создавал проекты объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона. Эти ветви панславизма существовали в нескольких вариантах, одни из которых можно обозначить как «революционные» или «радикальные», другие — как «консервативные» или «имперские».

---

[112] *Погодин М. П.* Настоящая война, с точки зрения Европейской Истории (1854 в Июле) // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 211.

Именно к последней разновидности можно отнести погодинский проект «Дунайского Союза», идею создания которого он высказал в период Крымской войны.

В качестве предварительного замечания нужно сказать, что, проектируя православно-славянский союз, Погодин исходил из того, что «византийский» вектор русской геополитики с главной задачей — завоеванием Константинополя-Царьграда и изгнанием турок из Европы, — имел глубокие исторические корни[113]. В этой же связи историк упоминает и о «знаменитом» проекте XVIII в., авторство которого приписывает генерал-фельдмаршалу Х. А. Миниху: «Завоевать Константинополь и выгнать Турок из Европы»[114]. Идею создания на развалинах Османской империи новой православной империи под эгидой России Миних небезуспешно попытался внушить императрице Екатерине II. Здесь речь идет о так называемом «греческом проекте» Екатерины II[115], который предусматривал: во-первых, изгнание турок с территории Европы; во-вторых, освобождение Греции и создание греческой империи, Новой Византии, с православным императором во главе. В-третьих, к этой роли предназначался второй внук императрицы Константин, который и именем своим, и воспитанием (он с детства был окружен греческими наставниками и воспитывался в греческом духе) предуготовлялся на престол. Этот проект имел характер не только и не столько имперско-прагматический, сколько религиозно-исторический, духовный. Речь не шла о захвате, присоединении или подчинении новых территорий России. Русский царь на греческом престоле был необходим как единственный законный правитель православной страны. Именно тогда актуализировалась политическая риторика о православных братьях — греках (включая, заметим, и болгар, чья церковь в то время была частью греческой церкви), которая позже дополнилась ссылками на кровное родство русских со славянами-братьями. Именно в этом концептуальном плане (духовное, православное родство как основа патронажа Рос-

---

[113] См.: *Погодин М. П.* Х. В Июне. Настоящая война в отношении к Русской истории. С. 153–154, 188.

[114] Там же. С. 167.

[115] См. подробнее: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. Глава I. Русские как греки. «Греческий проект» Екатерины II и русская ода 1760–1770-х годов.»

сии других народов), а не в деталях, прослеживаются аналогии с погодинским проектом.

В мае 1854 г. в записке VII «Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа», требуя неучастия России в европейских делах и «предоставления Европы самой себе», в связи с «новым порядком» европейского устройства, по аналогии с Рейнским союзом немецких государств под протекторатом Наполеона I (1806–1813)[116], и памятуя о «греческом проекте» Екатерины II, Погодин предлагает русским дипломатам направить усилия на создание нового славянского союза со столицею в Константинополе. Этот союз, как считает Погодин, можно назвать «Дунайским, Славянским, Юговосточным, Европейским»[117].

Что касается государства-главы Союза и отношений внутри проектируемого сообщества, то по логике Погодина, во-первых, «покровительство и председательство союза должно принадлежать, естественно, по всем правам, многолюднейшему племени из всех, составляющих союз» — то есть пятидесятимиллионной России, которая «должна сделаться главою Славянского союза, не по своему желанию, не по произволу, не из честолюбия и властолюбия, а по необходимости, по естеству вещей»[118]. Во-вторых, общим литературным языком для всех славян со временем должен сделаться русский язык, «не по принуждению Русского правительства, а по законам филологии, как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий Славянских, северных и южных, восточных и западных». В-третьих, как считает Погодин, этот союз должен расшириться. К нему «по географическому положению, находясь между Славянскими землями, должны пристать необходимо: Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания»[119].

---

[116] Это объединение было создано в соответствии с парижским договором (12 июля 1806) между Францией и 16 государствами Западной и Южной Германии, которые отделялись от «Священной Римской империи» (6 августа она была ликвидирована) и вступали в военный союз с Францией, становясь фактически ее вассалами. В течение последующих пяти лет к Рейнскому союзу присоединились еще 20 государств в Западной, Средней и Северной Германии.

[117] *Погодин М. П.* Опасности России. С. 119.

[118] Там же. С. 119, 120.

[119] Там же. С. 120.

Внутрисоюзные отношения, по мысли Погодина, должны будут строиться на принципах невмешательства во внутренние дела союзных государств. Все государства «будут управляться сами собою, conditio, sine gua non [непременное условие. — *Ред.*], без малейшего участия прочих, с покровительницею включительно [т. е. России — *А. Ш., К. Р.*]»[120]. Видимо, перед лицом остального мира Славянский союз будет выступать как одно целое. Для решения «общих дел», затрагивающих интересы всех государств-членов союза, Погодин предполагает учреждение возглавляемого русским императором «Константинопольского сейма» (структуру и функции этого сейма ученый не прописывает, упоминая лишь вскользь о его тождественности «миру» — сходке русской крестьянской общины)[121].

Для России Славянский союз чрезвычайно выгоден и в военно-политическом и геополитическом отношениях, так как обеспечит равновесную систему европейской политики, прочный мир и процветание народам, гарантии которых «могут быть предметом общих совещаний всех государств... на законах права, науки взаимных их отношений, естественных и исторических, — Совета Европейских Амфиктионов»[122], по аналогии с древнегреческими амфиктиониями — символами панэллинизма и воплощения идеи общеэллинского единства[123]. По убеждению Погодина, Россия, «поддерживая слабого, защищая правого, помогая бедному, по-

[120] Там же.

[121] Там же.

[122] *Погодин М. П.* XV. О Русской политике на будущее время // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 241. В письме к Ф. И. Тютчеву Погодин высказывает идею создания «Суда Европейских Амфиктионов» (См.: *Погодин М. П.* XVIII. 1855. Апреля 7. К Ф. И. Тютчеву. Положение Европы. Вид на союз с Францией. Мечтания. Что нам делать // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 299). А много раньше в своих «Исторических афоризмах» (1836) Погодин «основание» подобных Амфиктионов усматривал в регулярно проводившихся в 1814–1822 гг. европейских Конгрессах Священного Союза, связывая с ними будущее Европы (См.: *Погодин М. П.* Исторические афоризмы. С. 36).

[123] Амфиктионии — одна из древнейших форм межплеменных и межгосударственных объединений в древней Греции. Важнейшей чертой, отличавшей этот тип объединения от прочих, являлось наличие у амфиктионов (букв. «вокруг живущих» — *греч. яз.*) общего религиозного центра, который находился на

кровительствуя обиженному», должна быть главным орудием такого мира[124].

В годы после завершения Крымской войны и до конца своих дней[125], Погодин активно участвовал в «славянских делах», пропагандировал идею славянской взаимности, переместив акценты с политических аспектов единения на культурные. Иначе быть и не могло, так как очередной всплеск политической активности угнетенных славянских народов пришелся на период уже после смерти Погодина. К этому нужно добавить, что именно в 1860-е гг. Погодин предложил новую интерпретацию принципиальных положений о цивилизационной противоположности Запада и Востока Европы, о роли и миссии России в современном ему мире.

Если в 1830–1840-х гг. Погодин, обосновывая различие в начале русской и западноевропейской государственности различиями «завоевания» и «призвания», активно эксплуатировал норманнскую теорию, легенду о добровольном призвании власти из-за моря и беспрекословном подчинении ей русского народа, то в 1860-е гг. центр тяжести обоснования смещается в сторону сакрального начала — «возвещения нам слова Божия» славянскими просветителями святыми Кириллом и Мефодием[126]. Таким образом, Погодин отождествлял создание славянской литургии и письменности с «началом славянской истории», подразумевая и начало истории русской.

их попечении и в котором во время специальных собраний их представители осуществляли совместную культовую практику.

[124] *Погодин М. П.* XV. О Русской политике на будущее время // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. С. 239–240.

[125] Как свидетельствует «единомыслящий друг» Погодина с 1860-го года — А. И. Кошелев, незадолго до смерти, «в ноябре (1875 г. — *А. Ш., К. Р.*) он произнес в Славянском обществе очень хорошую речь по поводу борьбы славян на Балканском полуострове» (Русское общество 40–50 годов XIX в. Часть I. Записки А. И. Кошелева. М., 1991. С. 175).

[126] Еще в 1825 г. Погодин перевел на русский язык и издал исследование чеха Йозефа Добровского «Кирилл и Мефодий, славянские первоучители». Это едва ли не первый серьезный труд, появившийся в России о Солунских братьях, об истоках славянской культуры вообще. И Погодин надеялся, что выход книги Й. Добровского пробудит в обществе интерес к своим историческим и духовным корням, однако никакого отклика в научных и околонаучных кругах на книгу тогда не последовало.

В воззвании «К славянам» (1862)[127] Погодин отмечал, что «опорой нашей национальности, якорем нашего спасения, залогом наших успехов» является славянский язык[128]. Идеи, намеченные в этом воззвании, Погодин развил в объемной «историко-критической» работе 1863 г. «Св. Кирилл и Мефодий»[129], а также в завершающем томе многолетнего исторического труда о Древней Руси домонгольского периода, который вышел в свет в 1872 г. [130]

В «историко-критической» работе, рассматривая широкий круг спорных вопросов, касающихся жизни святых братьев, (об их происхождении, источниках и стимулах их просветительской деятельности, о языке сделанного братьями перевода Священного писания, а также для кого первоначально и когда именно братья его переводили, о том, к какой церкви они принадлежали, и др.) Погодин выдвигает довольно смелые предположения о том, что братья были не греками, а славянами, их новоизобретенная славянская азбука — «кириллица» — в основе своей имела древнерусскую «глаголицу», а наречие, на которое они перевели греческие книги, было «наречие наиближайшее к нынешнему Великороссийскому»; перевод Священного писания сделан ими «за несколько лет до 862 года, до прибытия с переводами в Болгарию и Моравию», а начало их апостольского служения было в Македонии, затем в Болгарии, Моравии, откуда перешло в Богемию, Венгрию, Польшу и, наконец,

---

[127] [Погодин М. П.] «К славянам» 1862, март 17 // НИОР РГБ. Ф. 231/1 к. 19 ед. хр. 32. С. 1. (Под названием «К славянам» в фонде Погодина хранится отдельная брошюра, изданная в Москве в 1862 г. Этот же текст, но под названием «Окружное послание к Славянам, марта 25 в день Благодарения» вошел в погодинский сборник, изданный им в 1865 г. См.: Кирилло-Мефодиевский сборник. В память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный по определению Московского Общества любителей русской словесности, М. Погодиным. М., 1865. С. 542–549).

[128] См.: [Погодин М. П.] «К славянам» 1862, март 17. С. 10.

[129] Основные социально-политические положения этой работы Погодин воспроизвел в своей речи, произнесенной на собрании Славянского благотворительного комитета 11 февраля 1869 г. (См.: *Погодин М. П.* Речь, произнесенная в собрании Славянского благотворительного комитета 1869 года, Февраля 11 дня. После торжественного священно-служения в память о кончине св. Кирилла // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 451–456).

[130] См.: *Погодин М. П.* Древняя русская история, до монгольского ига. Том 2. М., 1872.

в Россию[131]. Придавая своим историко-критическим разысканиям социально-политическое звучание, Погодин подчеркивает, что именно богослужение на родном для славянских народов языке является краеугольным камнем самобытной славянской жизни[132], а потому «Славянский язык, их [Кирилла и Мефодия — *А. Ш., К. Р.*] наследие, должен быть средоточием, связию всех славянских племен, основанием их единства, условием их своеобразного развития, средством возбуждения к новой жизни, источником спасения и освобождения от всякого ига, вещественного и духовного, турецкого и немецкого»[133].

Спустя десять лет, в специальной главе «Древней русской истории...», посвященной грамотности и духовному образованию, рассуждая об отличиях русского и западного просвещения, Погодин, повторяя свои старые идеи о том, что единственным источником образования на Руси стала христианская вера, в отличие от западных народов, имевших до введения христианства сильное и многостороннее греческое и римское образование («они пропитались этим образованием и оно дало их новым верованиям свой особый характер, что и было причиною отличий первоначального Римского католичества от Греческого, и еще более от Русского православия»), прямо заявляет, что существенным отличием русского и западного типов образования стало и то, «что мы получили с самого начала Священное писание и все богослужение на родном, понятном языке. Бессмертные Славянские первоучители, Кирилл и Мефодий, и их преемники обогатили Славянский

---

[131] См.: *Погодин М. П.* Св. Кирилл и Мефодий // Погодин М. П. Историко-критические отрывки. Книга вторая. М., 1867. С. 21, 30, 38, 54, 65.

[132] «Богослужение на родном общевразумительном языке, скажу смело, — пишет Погодин, — есть краеугольный камень нашего нравственного состояния, залог нашего будущего развития и преуспеяния, и вместе условие, до сих пор, нашего политического значения. Если Русский народ не совершенно загрубел, одичал, не лишился человеческого образа, ни вследствие почти трехсотлетнего монгольского ига, ни вследствие других враждебных событий, если не погасла в нас, несмотря ни на какие бури и вихри, внешние и внутренние, искра святого огня, способная в счастливое время воспылать, пролить свет и теплоту на пространства неизмеримые, то этим счастием обязаны мы богослужению на родном языке, учрежденному Св. Кириллом и Мефодием» (*Погодин М. П.* Св. Кирилл и Мефодий. М. С. 16).

[133] *Погодин М. П.* Св. Кирилл и Мефодий. С. 19–20.

язык сокровищами Слова Божия»[134]. С точки зрения Погодина, св. Кирилл и Мефодий — «первые и, увы! до сих пор последние истинные панслависты, должны стать символом славянского общего обновления»[135], а инструментом этого обновления будет общеславянский язык[136].

Как видим, в новой интерпретации начало национальной жизни Погодиным выносилось за географические и исторические границы России. И сделано это было с одной целью — поместив истоки русского народа в общеславянском прошлом, представить русских прежде всего славянами, существующими в общеславянской системе исторических и географических координат[137]. Таким образом, как в панславистских воззрениях, так и в исторической концепции Погодина, обосновывающей своеобразие российской государственности и русского народа, в 1860-е гг. произошло смещение акцентов с собственно политических (государство и «призвание») на культурные (народ, язык и богослужение), при этом границы национальной идентификации были расширены им до масштабов славянского мира (западное — славянское).

Одной из деятельных форм обеспечения славянской взаимности и центральным событием славянского движения 1860-х гг. явился Славянский съезд, состоявшийся в Петербурге и Москве в мае 1867 г. Погодин был одним из его инициаторов и активных участников, а святые Кирилл и Мефодий на этом съезде, не без участия русского мыслителя, стали символами общеславянского единства. Так, священ-

---

[134] См.: *Погодин М. П.* Древняя русская история, до монгольского ига. Том 2. С. 1105.

[135] *Погодин М. П.* Св. Кирилл и Мефодий. С. 19.

[136] Нужно заметить, что проблемы, поднятые Погодиным, еще долго оставались в поле зрения русских ученых-панславистов. (См.: *Гильфердинг А. Ф.* О Кирилле и Мефодии и тысячелетней их годовщине. Письмо 1–3. // День. 1862. № 25, 31 марта; № 29, 28 апреля; № 30, 5 мая; № 31, 12 мая; *Ламанский В. И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. Пг., 1915).

[137] Как остроумно подметила О. Е. Майорова, в свою очередь, «если русские мыслят свое начало за пределами России — в общеславянском историческом и географическом пространстве, то и всем остальным славянам предлагалось видеть свое будущее за пределами своих географических границ, которые к тому же оказались границами чуждых им государств — Оттоманской империи и Австро-Венгрии» (*Майорова О. Е.* Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества // http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51//mayor-pr.html).

ник Н. А. Сергиевский в проповеди, произнесенной в церкви Московского университета в день памяти Кирилла и Мефодия, интерпретировал встречу славян как прямое воплощение завета первоучителей. Вспомнив о частице нетленной руки св. Кирилла, еще в 1855 г. привезенной Погодиным из Праги в Москву, священник провозгласил, что перст святого Кирилла «учительно и водительно управляет путь к нам нашим братьям и указует им и нам единое, истинное, животворное единство»[138]. Не случайно и то, что все основные события съезда происходили под сенью хоругви с изображением святых Кирилла и Мефодия. Действительно, Славянский съезд в Москве трактовался как исполнение завета святых братьев и пророчество грядущего единения славян.

Этнографической выставке, к которой были приурочены и в рамках которой и происходили общеславянские встречи, а также самому съезду Погодин посвятил ряд статей в своей газете «Русский»[139]. Кроме того, Погодин трижды выступал перед славянскими гостями с речами — 16 мая 1867 г. за первым общим ужином «по приезде Славянских гостей в Москву», 21 мая в Сокольниках «на обеде в честь Славян» и 27 мая, «на расставании с Славянскими гостями».

Согласно Погодину, главной задачей съезда было живое общение представителей разных славянских народов, дающее сознание единства и укрепление духовной и нравственной связи с Россией. Эта связь казалась ему залогом успеха в осуществлении исторического призвания славянства, которому «в Европе надеяться не на кого, кроме Русских». Он настаивал на ведущей роли России в этом процессе, само решение славянского вопроса он связывал с осознанием Россией ее славянского призвания[140]. Он считал, что

---

[138] Цит. по: *Майорова О. Е.* Славянский съезд 1867 года.

[139] См., например, *Погодин М. П.* Несколько мыслей о встрече славян // Русский, газета политическая и литературная. Май, 1, 1867, лист 13. С. 193–197; *Погодин М. П.* Ожидание в Москве Славян // Русский, газета политическая и литературная. Мая 8, 1867, лист 14. С. 228–231 и др.

[140] «Славянская» миссия независимой, огромной и многолюдной России — «обязанности великие, святые, в отношении к нашим старшим, хоть и малочисленным братьям... Мы должны помогать всем Славянам словом, делом и помышлением» (*Погодин М. П.* Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 436).

русские политические интересы не могут быть поняты вне связи с интересами России как славянской державы, поскольку «из всех Европейских народов естественные, первые друзья Русских, суть Славяне»[141].

События вокруг съезда и на съезде, большинство мыслей, высказанных ораторами, настроения, возобладавшие на нем, были ярким подтверждением выводов, сделанных Погодиным в его публицистических и историко-критических трудах. В своих речах, как на самом съезде, так и после него, Погодин особо отмечал ряд «обстоятельств» этого «славянского праздника», совпадение которых с его позицией настраивало мыслителя на оптимистический лад. «Обстоятельства», отмеченные Погодиным, касались, во-первых, осознания славянами «всех племен» кровного родства[142], «братского, горячего сочувствия», проявившегося «с такою силою во всем Русском народе»[143]; во-вторых, признания справедливости притязаний всех славянских племен, вне зависимости от государственной принадлежности, на гражданские права[144]; в-третьих, осознания необходимости общеславянского литературного языка («один язык с одною азбукою») как средства межнационального общения славян[145], которым должен был стать русский язык[146].

---

[141] «Это я твержу, впрочем, уже сорок лет», — добавил Погодин. (*Погодин М. П.* На расставании с Славянскими гостями. 1867 года, Мая 27 дня // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 282).

[142] Все славянские народности, без различия сословий и вероисповедания — «все чувствовали себя братьями, от одного корня, — одним народом, разделенным на разные племена, — одним языком, разделенным на разные наречия. Все почувствовали, что составляют одну плоть, одну кровь...» (См.: *Погодин М. П.* Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня. С. 425).

[143] См.: *Погодин М. П.* За первым общим ужином, по приезде Славянских гостей в Москву. Мая 16, 1867 года // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 276.

[144] См.: *Погодин М. П.* На обеде в честь Славян, Мая 21, в Сокольниках // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 280.

[145] См.: *Погодин М. П.* На расставании с Славянскими гостями. 1867 года, Мая 27 дня // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 281.

[146] Формула общеславянской связи выглядела по Погодину следующим образом: «Русское наречие, церковный язык, Кирилловское Священное писание, —

Вместе с тем, Погодин, стараясь в противовес западной пропаганде подчеркнуть, что у России нет и никогда не было никаких притязаний на славянские земли, так же как многие другие русские участники съезда не раз заявлял, обращаясь к славянам: «Вы должны оставить все старые предубеждения о Русском властолюбии, о Русских мнимых замыслах. Мы ничего не хотим, ничего нам не надо: ни земли, ни людей <...> Нам ничего не нужно от вас, кроме любви. Ее только мы и просим у вас; ее мы и даем вам»[147].

Активное неформальное участие[148] в проведении съезда приняли члены единственной на то время в России славянской организации — Московского славянского комитета.

Как известно, инициаторами создания этой общественной организации выступили многие русские ученые, видные журналисты, публицисты и издатели, некоторые государственные сановники. Среди подписавших прошение об учреждении Комитета на имя министра иностранных дел А. М. Горчакова были, кроме М. П. Погодина, известные славянофилы А. С. Хомяков, С. Т. и К. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев, историки С. М. Соловьев, П. И. Бартенев, П. М. Леонтьев, слависты О. М. Бодянский, Ф. И. Буслаев, А. А. Майков, публицист и редактор М. Н. Катков, попечитель Московского учебного округа А. Н. Бахметев, археолог А. С. Уваров и другие[149].

ну, следовательно, и Кирилловская азбука, которая способнее всех выражать все Славянские звуки» (Погодин М. П. Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня. С. 426).

[147] *Погодин М. П.* На расставании с Славянскими гостями. 1867 года, Мая 27 дня. С. 282. Спустя год, Погодин еще раз подчеркнул, что главное место в собраниях русских панславистов занимал и занимает не политический, а вопрос «о Славянской взаимности, нравственной, духовной, литературной» (*Погодин М. П.* Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня. С. 422).

[148] Неформальное участие потому, что устав Московского славянского комитета, насчитывавшего в то время более трехсот человек, не позволял ему организовывать такого рода мероприятия (инициатива организации Этнографической выставки принадлежала Обществу любителей естествознания при Московском университете).

[149] Как вспоминал Погодин, после Крымской войны «в Москве составился полуофициальный комитет под председательством вновь назначенного тогда попечителя, А. Н. Бахметева, а предшественник его, Е. П. Ковалевский, сделан был министром народного просвещения. У обоих были связи в Петербурге. Министерство просвещения и министерство иностранных дел, где был директором также Е. П. Ковалевский, брат министра просвещения, взяли комитет под

По уставу Комитету разрешено было заниматься только благотворительной и просветительной деятельностью, оказывать помощь деньгами и литературой школам, библиотекам и православным храмам в славянских землях, материальную помощь учащимся в России студентам — посланцам славянских народов. Такое направление деятельности вполне укладывалось в рамки программы, заявленной Погодиным еще в конце 1830 — начале 1840-х гг. Как свидетельствует историк, в основных чертах эта культуртрегерская по сути программа осталась для него приоритетной и в 1860-е гг. «Мы, частные люди, — говорил тогда Погодин, — должны поддерживать все ученые, литературные предприятия между Славянами, снабжать их Русскими книгами, доставлять Русских учителей и содействовать распространению Русского языка и Русской азбуки, т. е. меры, которые предлагались мною министерству просвещения за 30 лет тому назад»[150].

Первоначально целью комитета, как отмечал Погодин, «было содействовать ученому и духовному образованию южных Славян, преимущественно Болгар, от которых мы сами в древности получили духовное образование»[151]. После Славянского съезда масштабы и география деятельности комитета расширились: «Мы должны были принять меры, чтобы облегчить изучение Русского языка между всеми племенами, — то есть доставлять им книги и учителей»[152]. В конце 1860 — начале 1870-х гг. актуальной для Московского славянского комитета стала и поддержка православия, помощь единоверцам за рубежом[153]. На встрече с Сербским Митрополитом Михаилом, Погодин сформулировал цель и задачи комитета следующим образом: «Да, содействовать распространению образования Славян, Русского языка и Православия между

свое покровительство, смотрели на него не косо, как-то было прежде, а приветливо, назначили кое-какие пособия. Императрица пожаловала 3000 руб. сер.» (*Погодин М. П.* В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 590).

[150] *Погодин М. П.* Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня. С. 434.

[151] *Погодин М. П.* В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года. С. 590.

[152] Там же. С. 591.

[153] Там же. С. 591–592.

Славянами, — вот наша цель! Это мы объявляем во всеуслышание перед всею Европою, и в этом духе по мере силы действовать обрекаемся пред лицом наших соотечественников...»[154]. В начале 1870-х гг. определилось три направления деятельности Московского Славянского благотворительного комитета и его отделений в Петербурге и Киеве: «I. Содействие образованию Славян, преимущественно в турецких владениях. II. Пособие православным церквам в турецких и австрийских владениях. III. Распространение русского языка между Славянами, единственными искренними друзьями России в Европе»[155].

При этом, как не раз подчеркивал Погодин, никаких корыстных политических целей московские панслависты не преследуют: «Политики <...> мы знать не хотим <...> Пусть Славяне живут, где и как указал им Бог. Мы думаем только о подании им духовной и нравственной помощи, так как мы всех богаче, сильнее, независимее, многочисленнее, — а помогать братьям есть священная обязанность»[156].

Подводя некоторые итоги работы Московского комитета в шестидесятые годы и обозначая перспективы славянской благотворительности в России, Погодин сетовал на то, что «круг наших действий распространился еще далее, — образование, язык, содействие православию, а средства остались те же — пособие от министерства до двух тысяч, сбор с членов за билеты, публичные чтения, всего на все тысяч до трех в год»[157]. Как председатель Комитета Погодин был вынужден не раз «оглашать» в прессе «славянские нужды» — заявления о пособиях и помощи. В одном из таких обращений говорится о пособиях «1. На устройство православной церкви в Пра-

---

[154] *Погодин М. П.* В заседании Славянского благотворительного комитета, в Москве, Октября 17 дня, 1869 года, при посещении Сербского Митрополита Михаила // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 596.

[155] [*Погодин М. П.*] Славянские нужды. [1870] июль 22 // НИОР РГБ, Ф. 231 / 1 к. 19 ед. хр. 35. С. 1.

[156] *Погодин М. П.* В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года. С. 593. См. также, Погодин М. П. В заседании Славянского благотворительного комитета, в Москве, Октября 17 дня, 1869 года, при посещении Сербского Митрополита Михаила. С. 596.

[157] *Погодин М. П.* В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года. С. 592.

ге[158]. 2. На окончательную отделку Мостарского собора в Герцеговине. 3. На снабжение общественных читален в славянских странах русскими книгами. 4. На приобретение богослужебных книг для бедных приходов в Сербии. 5. На содержание славянского училища в Константинополе»[159].

Однако, несмотря на известную стесненность в средствах, перспективы славянского дела в России казались вполне радужными. «Петербургский отдел снял с нас часть бремени. Одесское настоятельство принимает участие. Киев начинает действовать. Если еще в Казани устроится особое отделение, то смело можно предречь лучший успех нашему делу», — заявлял Погодин[160]. К тому же, по его мнению, «дела Славян находятся, говоря вообще, несравненно в лучшем положении, чем прежде. За пятнадцать, за десять лет, нельзя было и надеяться на такой оборот». «Заключаю: дела Славянские идут порядочно...», — писал он в 1870 г. [161].

---

[158] Эта церковь была построена благодаря усилиям графа А. Е. Комаровского и княжны Н. И. Шаликовой, которым помогал граф П. А. Кутузов, просьба же касалась помощи в устройстве иконостаса. Аналогично звучала просьба и из г. Мостара. Что касается общественных читален в славянских странах, то таковых в то время насчитывалось, по сведениям Погодина, которые он приводит в брошюре, пятьдесят. Здесь же, к перечню поступивших в Комитет просьб, Погодин присовокупляет собственную идею о посылке к Хорватам, Словинцам, Черногорцам, Боснякам и Герцеговинцам «русского учителя, который открыл бы у них публичные курсы русского языка, оставаясь у каждого племени месяцев по шести». («Из живых уст, — отмечает Погодин, — научиться гораздо легче и удобнее, нежели из книг, — и относительно произношения, и относительно разных особенностей»). Роль таких учителей, по его мнению, могут выполнить воспитанники университетов и академий, готовящиеся занять штатные места на кафедрах славянских наречий. (См.: [Погодин М. П.] Славянские нужды. [1870] июль 22 // НИОР РГБ, Ф. 231 / 1 к. 19 ед. хр. 35. С. 2, 4, 8).

[159] [*Погодин М. П.*] Славянские нужды. [1870] июль 22. С. 2.

[160] *Погодин М. П.* В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года. С. 593. Здесь же, не исключая «общего радения всех и о вся», Погодин предложил разделить помощь славянам по отделениям Комитета: Москве досталась бы Болгария, Петербургу — Босния и Герцеговина, Киеву — попечение о Русских в Галиции и Венгрии, Казани и возможным отделениям в других городах (Одессе, Харькове, Варшаве) — словинцы, словаки и пр.

[161] *Погодин М. П.* Соборное послание от Инвалида, Сына Отечества, Благонамеренного, Славянина, Русского и Москвитянина, к возлюбленной о Славянстве братии. 16 мая, 1870 года. // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. С. 601, 602 .

При этом к концу жизни Погодин вынужден был с оттенком горечи констатировать, что его политические панславистские идеи и программа помощи славянским народам остались невостребованными правительством, а проект Дунайского союза «должен быть отнесен к области мифологии». Однако если в российской политике действительно возобладали династические интересы в ущерб национальным интересам России и славянских народов, то в науке и общественной мысли к этому времени четко обозначилась панславистская тенденция, в центре которой находилась идея славянской взаимности. Можно сказать, что, как в свое время С. С. Уваров лишь постулировал формулу официальной народности, а теоретическое наполнение она получила в трудах Погодина и других русских ученых и публицистов, так и теперь, уже сам Погодин обозначил контуры панславистской доктрины (отрицание европоцентризма, идеи цивилизационной противоположности Запада Востоку; враждебности Европы к России, перерастающей в русофобию; необходимости, неизбежности борьбы России против Европы и понимание этой борьбы как единственного средства решения восточного и славянского вопросов; закономерности возрастания всемирно-исторической роли славянских народов; культурной и политической миссии России на востоке Европы; создания Всеславянского союза во главе с Россией; и др.), развернутое теоретическое обоснование которой предприняли в своих трудах В. И. Ламанский, Н. Я. Данилевский и другие русские панслависты 1870–1880-х гг. Более того, не только в теоретическом, но и в конкретно-политическом плане панславистские программы, особенно русских «культурных» панславистов этого времени во многих пунктах совпали с программой помощи развитию славянскому просвещению, которую Погодин предлагал осуществить еще в конце 1830-х — начале 1840-х гг.

* * *

Одной из важнейших тем русской политической публицистики наряду с проблемой самоидентификации славянских народов и единства славянства как этнической и культурной общности во второй половине XIX в. стала проблема государственной целостности России. В это время главными элементами сепаратистских сил являлись польские русофобы, поддерживаемые некоторыми европейскими странами, остзейские бароны, стимулируемые Пруссией, а так-

же украинские и «западно-русские» националисты, политический характер движению которых придавали польские революционные деятели. Множество так называемых «вопросов» волновало русское общество, однако, пожалуй, самым острым вопросом внутренней политики России на протяжении большей части XIX в. был польский вопрос.

Этот вопрос, оказавшийся в центре внимания различных политических сил, как в России, так и в Европе, в конечном счете, породили разделы Польши 1772, 1793 и 1795 гг., так или иначе повлекшие за собой длинную цепь трагических событий, среди которых польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. и последующие неудачные попытки царской администрации инкорпорировать Польшу в состав Российской империи.

Многие исследователи совершенно справедливо склонны связывать «падение Польши» с глубочайшим и затянувшимся внутренним кризисом, разложением польского государственного строя, всевластием и своекорыстием шляхты, использованным соседями Речи Посполитой, в первую очередь Пруссией и Австрией, а также Россией, для территориальных приращений за ее счет. Большинство историков считает основным архитектором разделов прусского короля Фридриха II, рассматривая роль России как вынужденную обстоятельствами русско-турецкой войны 1768–1774 гг., для успешного окончания которой было необходимо нейтрализовать открытое противодействие Австрии и скрытое – Пруссии. Именно такой точки зрения придерживался Погодин. Он, как и многие русофилы-патриоты (по крайней мере, в России XIX в.), в адрес Екатерины II прямо или косвенно высказывался едва ли не единственный упрек – в усилении Пруссии и передаче украинской Галиции Австрии[162].

Как считает П. В. Стегний, в 60-е гг. XIX в. под влиянием авторитета С. М. Соловьева, опубликовавшего в 1863 г., (год очередного польского кризиса), первое в России комплексное исследование «разделов» – «Историю падения Польши», сформировалась ставшая базовой и перешедшая затем в советские учебники истории «национальная» концепция, согласно которой Россия, участвуя в разделах Польши, только возвращала в свой состав украинские и белорусские

---

[162] См.: *Погодин М. П.* Письмо к Гизо о польском вопросе // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 399.

земли, не присоединив ни пяди территории коренной Польши[163]. В этом пункте мы вынуждены уточнить и дополнить мнение современного историка, почему-то игнорировавшего роль Погодина в формировании «национальной» концепции раздела Польши. Дело в том, что задолго до выхода в свет исследования С. М. Соловьева, его учитель М. П. Погодин в своих трудах, начиная со статьи 1831 г. «Исторические размышления об отношениях Польши к России», твердо и последовательно проводил идею о том, что в результате разделов Польши Россия «возвратила» то, что ей искони принадлежало: «И в 1773, и в 1793, и в 1795 г. Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники; а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Парижем, а Австрия — Веной»[164].

Погодин рассматривал «польский вопрос», занимавший его внимание почти сорок лет, через призму критики русофобии. Кому же было нужно разъяснять суть этого вопроса, кому могли быть полезны погодинские рассуждения о Польше и поляках? Сам Погодин четко указывает тех, для кого предназначен был его труд. Это: славяне западные; умеренные и благоразумные поляки; беспристрастные европейцы; русские, недостаточно уяснившие вопрос[165]. Отмечая в середине шестидесятых годов (в предисловии к изданию собраний рассуждений, записок и замечаний по Польскому вопросу, которое было подготовлено к печати в 1863 г., а опубликовано в 1867 г.) то, что вся европейская печать «кишит» статьями о польском вопросе, что «ев-

---

[163] *См.: Стегний П. В.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 5.

[164] *Погодин М. П.* Исторические размышления об отношениях Польши к России // Историко-критические отрывки. М. 1846. С. 423. Нельзя не прибавить к этому еще один погодинский аргумент в пользу справедливости падения так называемой «независимой» Польши: «Европейские политики, рассуждая об нем (о Царстве Польском — *А. Ш., К. Р.*), забывают, кажется, что со смерти последнего Пяста, в XIV столетии, на престоле Польском последовательно сидели и Литовские, Седмиградские Князья, и Французские, Шведские принцы, и Саксонские курфюрсты. Почему же кажется им странным, что этот престол занят ныне Российским Императором?» (*Погодин М. П.* Исторические размышления об отношениях Польши к России. С. 427).

[165] См.: *Погодин М. П.* Польский вопрос // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 332.

ропейские весы» в этом вопросе «кривы и не верны», как, впрочем, и во всех других случаях, «когда дело касается предметов, приносящих пользу или причиняющих вред России, которая до сих пор представляется в их воображении каким-то грозным призраком»[166], Погодин настаивает на необходимости жесткого ответа европейским русофобам, на формулировании и пропаганде русской позиции, «Русского мнения», русских доказательств в пользу русского решения польского вопроса.

Сделать это тем более необходимо, подчеркивал он, что в основе русофобских выступлений западной прессы лежат нелепости, подобные утверждениям некоторых «крайних поляков» о том, например, «что Россия не существует, что России нет, nema Rusi, и что Русский язык не есть Славянский язык!»[167]. «Видно нет нелепости, — восклицает Погодин, — которая не нашла бы себе последователей, особенно, если она служит к обвинению России, которая все еще составляет какое-то бельмо на глазу у Европы, — жаль, что не типун на языке»[168].

Предвосхищая действия правительства 1861–1862 гг. и политическую риторику публицистов во главе с М. Н. Катковым, уже во второй половине 1850-х гг. Погодин выдвинул проект автономии Польши, который предполагал административные реформы в Царстве Польском и деполонизацию западных губерний Российской империи. В этом отношении интересна «Записка о Польше» (ноябрь 1856)[169] и примыкающая к ней небольшая статья «Польша и Россия» (июль 1859)[170], в которых Погодин проектирует восстановление за чет-

---

[166] См.: *Погодин М. П.* Польский вопрос // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 327.

[167] Там же. С. 368. Один из конкретных случаев такого русофобского «непонимания» Погодин подверг критическому разбору в «Отповеди французскому журналисту» (6 июня 1863) (См.: *Погодин М. П.* Отповедь французскому журналисту // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 413).

[168] *Погодин М. П.* Польский вопрос. С. 368.

[169] Записка предназначалась великому князю Константину Николаевичу, которому и была отправлена 8 декабря 1856 г., с просьбой «представить» ее «государю императору», однако успеха не имела, вызвав неодобрение полонофильствующего великого князя. (См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15. СПб., 1901. С. 50).

[170] См.: *Погодин М. П.* Польша и Россия // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 348 и др.

верть века «несчастной Польши в пределах ее родного языка»[171]. Для того чтобы достичь этой цели, для того чтобы Император Всероссийский и Царь Польский вновь занял «первое место между Государями Европейскими», необходимо, как считает Погодин, дать Польше особое, собственное управление[172]. Именно в таком решении польского вопроса историк усматривает главное средство и возможность выхода из позорного и унизительного положения «второклассных» и «третьеклассных» государств, в которое ввергло Россию поражение в Крымской войне.

Программа Погодина выглядела сверхлиберальной и новаторской. Она предваряла замыслы, начавшие оформляться в окружении Н. А. Милютина лишь в конце 1850-х гг. По крайней мере, даже подчеркнуто либеральная версия деполонизации западных губерний, сформулированная в записке 1859 г., составленной Б. Н. Чичериным, предполагала, во-первых, превращение Царства Польского в независимую монархию — младшего партнера России, «под скипетром одного из младших сыновей» императора России; во-вторых, переселение польских помещиков «в обновленную Польшу, куда их будет влечь национальное чувство»; в-третьих, привлечение на их место русских людей[173].

Но, по большому счету, проектируемое в 1856–1859 гг. Погодиным восстановление Польши внутренне противоречиво: ученый стремится отправить поляков в Польшу — однако, «союз» России и Польши ведет к тому, что «не все ли равно жить Поляку в пределах Русской империи, или Русскому — в пределах царства Польского, по доброй, разумеется, воле?»[174]; Погодин предлагает предоставить полякам самостоятельность в политических делах — однако, образ правления, выбранный поляками, утверждается императором России: «необходимость царского утверждения оставит всегда Государю свободу

[171] *Погодин М. П.* Записка о Польше // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 346. Формула Погодина проста: «Где говорят по-польски, там Польша, где говорят по-русски, там Россия». Там же. С. 343.

[172] Там же. С. 339.

[173] См.: *Чичерин Б. Н.* Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России // Российский Альманах. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв.: Альманах. Вып. XIII. М., 2004. С. 315–320.

[174] *Погодин М. П.* Записка о Польше. С. 343.

действия по усмотрению, если бы случилось что-либо противное его благим намерениям и вредное для России»[175].

В этой связи нужно отметить, что данная «противоречивость» характерна для работ русского мыслителя: любые внешне либеральные высказывания и предложения Погодина обычно сопровождались различными оговорками в духе «православия, самодержавия и народности», и, таким образом, практически нивелировались его консерватизмом и жесткой имперской позицией.

И вообще, имперскую позицию Погодина замечательно высвечивают его слова о том, что «60 миллионов всегда сладят с четырьмя», то есть Россия всегда будет сильнее Польши. А так называемая «свободная Польша» нужна России, с одной стороны, лишь как буфер, предохраняющий ее от возможной западной экспансии, и, с другой, как резервация для всех революционеров-нигилистов, будораживших население империи.

Имперские мотивы до определенного момента смягчались у Погодина неким идеализированным представлением о славянской взаимности русского и польского народов, особенно важной ввиду угнетенного положения «турецких» и «австрийских» славян, о целесообразности если не территориального, то духовно-политического союза двух народов перед угрозами и вызовами романского и германского Запада. Погодин позиционирует себя как Русского, как Славянина, как Европейца, как человека, любящего поляков[176]. Действительно, в работах по польскому вопросу Погодин предстает как «друг Поляков», но «друг» специфический, «друг» с оговорками. На фоне их нетерпеливого, неблагородного стремления все «вырывать из рук», примиряет его с ними и заставляет «переговариваться», то единственное обстоятельство, что волею судеб поляки оказались «Славянами». Не случайно его, в сердцах высказанное, пожелание: «Если они не хотят жить с нами любовно, или расстаться полюбовно», пусть их судят братья-славяне перед

---

[175] *Погодин М. П.* Записка о Польше. С. 346.

[176] См.: *Погодин М. П.* Послание к полякам. 1861. // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 358. «Послание...» было написано в марте 1861 г. под впечатлением известий о волнениях в Варшаве. Статья эта по ряду причин так и не была напечатана в то время и осталась, по словам Погодина, «свидетельством русских неофициальных чувств и мыслей» (См.: *Погодин М. П.* Послание к полякам. 1861. Примечание. С. 351).

лицом всей Европы[177]. Не случайно и то, что в конце жизни Погодин свою примирительную, «тихую, спокойную» позицию по польскому вопросу и выступления в печати 1830 — начала 1860-х гг. назвал «дон-кихотством», которое ввиду очередных революционных и террористических демаршей поляков против России стало «слишком смешным»[178].

Красной нитью сквозь все погодинские работы 1860-х гг., посвященные польскому вопросу, проходит мысль о том, что Польша, в отношении которой русское правительство осуществляло «примирительную политику» и поддерживало различные автохтонные преимущества, которых было лишено население центральной России, не сумела воспользоваться монаршим доверием и милостью, ответив на либеральные действия правительства «моральной революцией» и вооруженным мятежом[179].

Такая позиция вполне отражала настроения, господствовавшие в русском обществе. Характерный пример — эпизод, произошедший на Славянском съезде 1867 г., когда на банкете в Сокольниках выступил чешский делегат Ф. Ригер. Перед появлением на съезде он совершил поездку в Париж, где вел переговоры с польскими эмигрантскими кругами, а теперь на съезде попытался убедить его российских участников в необходимости компромиссной политики по польскому вопросу. Ригер, в частности, согласился с тем, что поляки неправы, «отчуждая от русского народа его малороссийскую ветвь» (речь шла о Галиции), но пригласил русских согласиться, что и они неправы, когда не признают права поляков на «народное существование», хотя эта ветвь западного славянства отличается от русских и по языку, и по истории. «Докажите, что вы не желали лишить их народности», — обратился Ригер к собравшимся и выразил надеж-

---

[177] См.: *Погодин М. П.* Послание к полякам. С. 362. Идея третейского суда зарубежных славян была затем не раз повторена Погодиным во время и после славянского съезда 1867 г.

[178] См.: *Погодин М. П.* Послание к полякам. 1861. Примечание. С. 351.

[179] «Моральная революция» — по сути кампания гражданского неповиновения, частью которой стали собрания в костелах, где под видом богослужений пелись патриотические гимны и отмечались памятные даты из истории Речи Посполитой; панихиды и крестные ходы, а также постоянное ношение траурной одежды женщинами, отказавшимися от цветных платьев в память о жертвах в борьбе за польскую независимость. (См.: Западные окраины Российской империи. М. 2006. С. 148).

ду, что «наши русские братья первые произнесут прекрасное слово христианской любви и примирения»[180]. В ответ на это заявление выступил князь В. А. Черкасский, который заявил, что Польша сама виновата в том, что растеряла свободы, дарованные ей Александром I. Он привел также ряд статистических данных, свидетельствовавших, что Россия заботилась о развитии образования в Польше больше, чем в российских губерниях, что податей в привислинских губерниях взималось только по 4 руб. с жителя, а в России по 6 руб., что крестьяне при проведении реформы в Польше получили землю на более льготных условиях, чем в России. Поэтому, подчеркнул Черкасский, если поляки осознают все это и придут к нам со смиренным раскаянием, им будут «широко раскрыты наши братские объятия». В отчете о съезде после этих слов сказано: «Невозможно описать то впечатление, которое произвела речь высокоуважаемого оратора. Толпы кинулись обнимать его; со всех сторон кричали: спасибо, благодарим, благодарим»[181].

Одним из примеров неумения и нежелания поляков пользоваться монаршей милостью, Погодину представлялась так называемая «система Велепольского» — «образ управления» в Польше от июня 1861 до октября 1863 г. [182], приведшая к восстанию 1863–1864 гг. [183] Тщательно анализируя происходящее, Погодин в ряде работ[184] попытался внести свой вклад в формирование как в России, так и за рубежом,

---

[180] См.: Банкет в Сокольниках // Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в Москве в мае 1867 года. М., 1867. С. 347–348.

[181] См.: Первый всеславянский съезд в России. Его причины и значение. М., 1867. С. 121.

[182] Проект Велепольского начал осуществляться летом 1861 г., когда состоялись выборы в городские и уездные советы, а к осени 1863 г. исчерпал себя, когда Велепольский был сначала отправлен в двухмесячный отпуск за границу и затем уволен со всех должностей. Великий князь Константин, с мая 1862 г. выполнявший функции наместника, покинул Варшаву, а на его место прибыл остзейский аристократ граф Ф. Ф. Берг, давший «зеленый свет» новой концепции управления Царством Польским.

[183] О событиях этого восстания существует обширная литература, огромный корпус источников опубликован в серии: Восстание 1863 г. Документы и материалы. Т. 1–25. 1960–1986.

[184] См. статьи *М. П. Погодина*: По поводу ответов князя Горчакова; О системе маркиза Велепольского; Газетные заметки и выписки; Письмо к историографу Богемии, Палацкому; О книге Шедо-Ферроти // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867) и др.

релевантного истине общественного мнения, а также воздействовать на разум и совесть восставших поляков. Во время мятежа тон высказываний Погодина по польскому вопросу был очень жестким. При этом историк не собирался огульно обвинять в преступлениях[185] весь польский народ. Эти преступления против русских, считает он, «дело партии иностранных революционеров, которые имеют много других целей, кроме национальных»[186].

Не имея в то время собственной трибуны (таковую трибуну Погодин получил позже, организовав в 1867 г. издание газеты «Русский»), для обращения к польским повстанцам воспользовался возможностями «Московских ведомостей»[187]. В «Письме к издателям “Московских ведомостей” (18 мая 1863 г.) он совершенно справедливо указывает на то обстоятельство, что поляки стали разменной картой европейских русофобов, для которых «страшно слияние России с Польшей», опять «имя [поляков — *А. Ш., К. Р.*] сделалось лозунгом Европы против России». Он пытается увещевать повстанцев. Погодина приводит в удивление польский патриотизм — «живость Польского чувства <...> готовность на всякие труды, на всякие жертвы, на раны и смерть», они вызывают даже чувство зависти. Но на этом его восторги кончаются. Жертвенность и сила духа поляков, с точки зрения Погодина, нивелируются нелепой и невозможной целью, безрассудными и злодейскими намерениями, подлым образом действий польских «патриотов»[188].

---

[185] В ночь с 10 на 11 января 1863 г. было осуществлено «ночное убийство русских солдат» группами вооруженных повстанцев, совершивших нападение на 17 русских гарнизонов; а 31 марта, в первый день православной Пасхи, был оглашен манифест об амнистии всем участникам восстания в Царстве Польском и Западном крае, не замешанным в каких-либо иных преступлениях, при условии, что они сложат оружие до 1 мая. Этот очередной жест царской милости не был принят повстанцами. Итогом восстания 1863 г. явилось поражение поляков с 30 тыс. человек убитыми, потери русских определялись в 3343 человека (из них 2169 — раненых).

[186] *Погодин М. П.* Польский вопрос. С. 366.

[187] Погодин, как он сам заявлял, «разделяет совершенно» мнения издателей «Московских ведомостей» о польском вопросе, и считает своим долгом «вместе принять участие в крестовом походе» (*Погодин М. П.* «Письмо к издателям «Московских ведомостей» // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 403).

[188] См.: *Погодин М. П.* «Письмо к издателям «Московских ведомостей. С. 404.

В своих работах по польскому вопросу Погодин затрагивает и тему неотвратимости наказания преступников-поляков. Он предлагает три варианта наказания поляков за вероломство, измену и обман в отношении русских людей. Первый вариант — «легок, но ужасен»: России лишь нужно воспользоваться своим законным правом жечь и колоть восставших поляков по принципу «око за око и зуб за зуб». Второй — «построже этой временной казни: отдать Царство Польское Пруссакам и Австрийцам: Немцы рады будут пососать Славянской крови!» Третий — «уйти от вас и предоставить вас себе самим, став во всеоружии на берегах Немана и Буга, в числе трехсот тысяч человек»[189].

В этой же статье, может быть впервые, Погодин разворачивает тему взаимной ненависти поляков и русских — жителей западных российских губерний — Могилевской, Витебской, Минской (Белоруссия), Виленской, Ковенской, Гродненской (Литва), Волынской, Подольской, Киевской (Малороссия), тему «вражды непримиримой» угнетателей и угнетенных. В основе этой вражды, «злобы наследственной, закоренелой», лежит, как указывает историк, не только несоразмерность польского и русского («по происхождению и языку») населения ($^1/_9$ поляков — горожан, пришельцев, даже не завоевателей, а «находников», т. е. «нашедших» эти земли в результате соединения Литвы с Польшей, $^5/_9$ русских — крестьян, исконных туземцев, старожилов, аборигенов); не только противоречия православия и католичества, несоразмерность по вероисповеданию (более 6 миллионов православных русских против 1 миллиона католиков поляков), но, главное — отсутствие нравственного единства, духовной цельности этих различных, несоразмерных между собою народностей («Вся жизнь, все предания, песни, пословицы, поговорки отзываются взаимною ненавистью, взаимным презрением, и представляют совершенную противоположность между собою, в одних местностях резче, в других слабее»)[190].

В свете подобного противостояния, абсолютно неправомерными выглядят утверждения о том, что польское меньшинство — цивилизованно и прогрессивно, что якобы польскому меньшинству в девяти западных губерниях «принадлежит образование, развитие,

[189] См.: *Погодин М. П.* Польский вопрос. С. 381.

[190] Там же. С. 369.

просвещение, что в нем нравственная сила страны»[191]. А именно такие утверждения занимали важное место в пропагандистской обойме польских диссидентов.

Погодин предлагает «полюбоваться» на результаты польской цивилизаторской миссии, приведшей, например, к тому, что в крестьянских семьях Белоруссии «с солью едят только по воскресеньям».

Погодин считает, что поляки не имеют никакого нравственного права и силы в этом крае, поэтому в нем растет самосознание русской народности, не желающей иметь ничего общего с поляками. В своих расчетах и претензиях на западные губернии поляки «страшно ошибаются», здесь они возбуждают против себя не только того или иного министра, правительство, туземное население, но весь русский народ[192].

Погодин, поддерживая М. Н. Каткова, И. С. Аксакова и др., последовательно выступал против попыток порабощения польской шляхтой украинского, белорусского и литовского крестьянства. Обозначив свою позицию, сходную с аксаковской, — «мы стоим за народ, с народом и во имя народа, против гнета шляхетства и католицизма, гнета, издавна томящего и давящего народ и имеющего целью сломить в нем начала Русской народности»[193], Погодин выступил против полонизма, под которым понимал попытки «ополячить» и «окатоличить» исконное население Западного края. Он был озабочен проблемой русского влияния в этих областях, выдвинув программу деполонизации и русификации западных губерний Российской империи. Так, в записке «О западных губерниях», написанной в феврале 1863 г., Погодин, стоявший «всегда за свободу и самоуправление Польши», теперь, ввиду кровавого «подлого предательства» поляков, развертывает аргументацию целой системы мер, необходимых для безопасности России и призванных уменьшить, ослабить и уничтожить «наносной польский элемент» в западных губерниях[194]. Предложенные им меры

---

[191] См.: *Погодин М. П.* Польский вопрос. С. 370.

[192] Там же. С. 373.

[193] *Аксаков И. С.* Ответ на письмо, подписанное «Белорусс» // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. М. 1886. С. 15.

[194] См.: *Погодин М. П.* О западных губерниях // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 389.

были двоякого рода: одни направлены на вытеснение поляков, другие — на усиление «русского элемента».

В 1864 г. в «верхах» усилились позиции пропольской группировки. Министр внутренних дел П. А. Валуев и министр народного просвещения А. В. Головнин организовали идейное и цензурное противодействие курсу «Московских ведомостей» Каткова, в которых последний, по словам Тютчева, «озарял» и «обличал» это «охолощение русского начала»[195]. По заказу Головнина летом 1864 г. в Брюсселе появилась брошюра «Что будет с Польшей?» Д. К. Шедо-Ферроти — «манифест» антирусской коалиции, против которого резко выступил Катков. Тут же последовали цензурные преследования и штрафы, готовилось закрытие «Московских ведомостей»[196].

Позицию сторонников Каткова и его издания, обвиняемых в действиях, вызвавших «брожение в обществе», емко выразил 22 октября 1864 г. Погодин: «Московские Ведомости отнюдь не производили движения, а служили только верным отголоском, и в этом отношении принесли значительную услугу делу»[197]. Более того, как считает Погодин, до печати не доходило еще многое, что обращалось в рукописях и устных сообщениях о польских событиях, многое, что свидетельствовало не в пользу поляков и пропольской партии при дворе. Здесь же Погодин в катковском стиле резко выступил и против «охолощения русского начала» в статье Шедо-Ферроти. В частности, он «расчелся» с тремя выходками этого господина, относящихся к самой России.

Первая «выходка» касалась якобы «варварского» отношения к католикам православных «читателей Московских Ведомостей». Вторая — заключалась в сравнении русского и польского народов «в отношении к зрелости для конституции», в утверждении, что русский народ «разумеет и одобряет» разные конституционные меры и действия. Но

---

[195] *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам. А. И. Георгиевскому 1864–1866. 2. Женева. 6/18 октября 1864; 5. Ницца. 2/14 января 1865 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая, М., 1988. С. 382, 387.

[196] Лишь вмешательство со стороны императрицы Марии Александровны, а также заступничество Московского университета, руководство которого не только отказалось принять в свою библиотеку памфлет Шедо-Ферроти, но и обратилось с ходатайством в поддержку Каткова в Комитет министров, прекратили «какие бы то ни было взыскания» в адрес «Московских ведомостей».

[197] *Погодин М. П.* О книге Шедо-Ферроти // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 482.

наибольшее негодование Погодина вызвала третья «выходка» Шедо-Ферроти, попытавшегося приравнять Россию к Австрии, сделать «из России gesammtes Vaterland!» [сборное отечество. — *Ред.*]. Суть дела заключалась в том, что Шедо-Ферроти выразил желание, «чтоб Государь русский не был Русским по преимуществу, а был бы одинаково Финским, Немецким, Татарским, Грузинским и проч., и проч...»[198]. Здесь всесословная русская монархия, как ее мыслили русские консерваторы, принимала черты некоего надэтнического сообщества граждан. Шедо-Феротти нивелировал национальный принцип в формуле «православие, самодержавие, народность», объявив русского государя государем всех племен и народов, населяющих Россию — т. е. государем какой-то надэтнической общности. В конечном счете, подобные утверждения приводили к мысли о существовании в России не национального государства единого в духовно-религиозном отношении народа, как пытались доказать русские консерваторы в лице Погодина, а полиэтнической империи по типу «лоскутной» Австрии. Подобное предложение представить национальную империю неким полиэтническим образованием Погодин не приемлет, так как историческая логика, по его мнению, свидетельствует о следующем. Во-первых, «Россия есть Россия, а не Лифляндия, не Мингрелия, не Даурия». Во-вторых, «Русский Государь силен тем, что он есть Государь Русский, Государь народа шестидесяти миллионного, единоплеменного, единоверного, единоязычного, составляющего с ним одно неразрывное целое». В-третьих, «корень его могущества, его силы, на святой Руси. Честь, слава его связана с Русским именем, с Русскою историею, а не с какою другою». В-четвертых, «он не упал с облаков и не получил вдруг во владение эти земли все вместе! Нет, Русский Государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с Русскими людьми, Русским трудом и Русской кровью!» «Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия, — продолжает Погодин, — суть воскрилия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь». Именно поэтому, как считает Погодин, «иноплеменникам, собранным под державою Русскою, естественно, позволительно желать безразличия [т. е. равенства, отсутствия различий, одинаковости — *А. Ш., К. Р.*] с Русскими, и мы, по доброму и легкому своему сердцу, охотно уступаем им все политические, гражданские

---

198 *Погодин М. П.* О книге Шедо-Ферроти // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 486.

и экономические преимущества, но стушеваться, изгладиться пред Русским Государем безразлично с ними, и видеть в Государе не Русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которой ни один настоящий русский человек слышать не может без негодования»[199].

В данном случае, на наш взгляд, Погодин предпринял оригинальную попытку довольно остроумного объяснения и оправдания парадоксального факта существования Российской империи, когда жители окраин России (Финляндия, Остзейские губернии, Польша и др.) имели больше прав и свобод, чем жители метрополии. Поляки, финны и остзейцы, по логике Погодина, тем самым приближались к «величию русского народа».

Свои работы, посвященные польскому вопросу, Погодин, в частности, адресовал и европейским читателям, пытаясь воздействовать на общественное мнение Европы. Он не раз заявлял о необходимости противопоставить искаженному европейскому взгляду на польский вопрос — взгляд русский, с целью «объяснить вопрос с тех сторон, кои ускользают от Европейского внимания или умышленно закрываются пристрастными показаниями»[200]. Процитированное здесь «Письмо к Гизо о польском вопросе» 19 марта 1863 г. открывает серию погодинских, как сейчас бы сказали, «открытых» писем к европейским деятелям и адресованных по-преимуществу европейским читателям. Это помимо «Письма к Гизо о польском вопросе» — «Письмо к Гарибальди» (1863 г.), «Письмо к историографу Богемии, Палацкому» (1864 г.). К этим письмам примыкают критические рецензии «Отповедь французскому журналисту» (1863 г.), «По поводу ответов князя Горчакова» (1863 г.), «О книге г. Шедо-Ферроти» (1864 г.), а также обширная статья «Польское дело» (1865 г.), в которой Погодин подводит итоги свих размышлений по польскому вопросу.

Статья «Польское дело» написана им в 1865 г. после личного посещения Варшавы и Вильно и предназначалась первоначально для печати за границей. Она была адресована «завзятым полякам» — польским эмигрантам, радикалам, участникам тайной войны против России. Причем Погодин постарался сразу же взять спокойный, рассудитель-

---

[199] *Погодин М. П.* О книге Шедо-Ферроти // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 487.

[200] *Погодин М. П.* Письмо к Гизо о польском вопросе. С. 395.

ный малоэмоциональный тон, отличный от того, «каким говорится у нас, например, в цитадели, или военно-судных комиссиях»[201].

По мнению Погодина, «поэзия» польского дела выражена в отвлеченно взятых положениях об освобождении отечества от чуждого ига, о восстановлении самобытности, о возвращении места в системе европейских государств, которое когда-то занимала Польша. Однако «проза» жизни свидетельствует о физической невозможности достижения этой прекрасной и справедливой цели: «Убийствами, грабежами, поджогами, ложью, клеветою, изменою нельзя восстановить государства, нельзя сослужить службу свободе». В этом месте попытка сохранить беспристрастность Погодину не удается, его сарказм совершенно очевиден: «А что касается до вреда России, о котором вы думаете теперь даже больше, чем о пользе для своего отечества, то об нем надо отложить всякое попечение <...> Куда же подниматься вам на это чудище с какими-то щепочками, лучинками и зажигательными спичками! Что ей сделается?»[202]. Здесь же Погодин замечает: «Сами себе часто мы, Русские, делаем вреда столько, сколько никакие враги на свете нам сделать не в состоянии, а посмотрите — эта масса, эта туча, эта махина, что называется Россией, идет себе вперед, и горя ей мало!». Как считает историк, Польше предпочтительнее разделять судьбу Российской империи, вопрос может стоять только о формах такого соединения. И если настоящая жизнь для поляков тяжела, то причины этого — в их противоправных антироссийских действиях. При этом Погодин совершенно верно замечает, что все революции, восстания, заговоры и т. п. польских бунтарей происходили отнюдь не вследствие либеральных или репрессивных мер русского правительства, а независимо от его действия или бездействия. Истоки — в национальной идее польского народа, который некогда был велик, затем унижен, а сейчас хочет вновь подняться. Поэтому «восстание — его жизнь», вне зависимости от даруемых ему конституций, льгот и т. п., поэтому все «снисходительные шаги» русского правительства навстречу поляки расценивают как слабость и трусость российской власти[203]. Заканчивается статья, как и многие погодинские работы,

---

201 *Погодин М. П.* Польское дело // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 489.

202 Там же. С. 500.

203 Там же. С. 517–520.

призывом к полякам изменить вектор своей политической активности и в союзе с Россией, которого страшится Европа, возродить польскую национальность: «Сближайтесь с народом, образуйте его, обрабатывайте вашу историю, возделывайте ваш язык, занимайтесь литературою, посвящайте свои силы науке, искусству... »[204].

В январе 1867 г. Погодин прибавил к «Польскому делу» постскриптум, в котором, «придя в отчаяние» ввиду неизлечимой мономании ослепленных поляков, в сотый раз призывает их образумиться и понять, что «единственное спасение для Польской национальности, для Польского имени, заключается только в соединении Польши с Россиею». Только перерождение, искреннее обращение взглядов с запада на восток поможет полякам избежать дальнейшего давления русского правительства — «и вы, и мы, вздохнем спокойно»[205]. Об этом же «роковом ослеплении» поляков Погодин не преминул упомянуть в речи на обеде в честь славян в Сокольниках 21 мая 1867 г., во время Славянского съезда, который поляки игнорировали[206]. Этот демарш поляков, чьи представители не посчитали нужным принять участие в съезде, на фоне торжества славянской взаимности выглядел некрасиво. Такая позиция («стоят далече и бросают на нас суровые взгляды») в глазах славянских патриотов граничила с предательством славянского братства, подталкивала их признать поляков «выродками» от славянства, «иудами»[207], примкнувшими к Западу и находящимися «в тесном союзе с врагами Славянства»[208].

В статье «Два слова о поляках в последнее время», завершающей пятый том «сочинений» и почти сорокалетний опыт рассуждений по польскому вопросу, Погодин был вынужден с горечью констатировать, что «поляки представляют удивительное явление психологиче-

---

[204] *Погодин М. П.* Польское дело // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 530.

[205] Там же. С. 535.

[206] См.: *Погодин М. П.* Отрывок из речи, произнесенной на обеде в честь славян // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 536.

[207] Именно так назвал поляков Ф. И. Тютчев в растиражированном прессой в качестве приветствия гостям славянского съезда стихотворении «Славянам». (См.: *Тютчев Ф. И.* Славянам // Тютчев Ф. И. Россия и Запад: книга пророчеств. Статьи, стихи. М., 1999. С. 95).

[208] См.: *Погодин М. П.* На обеде в честь Славян, Мая 21, в Сокольниках. С. 280. См. также, *Погодин М. П.* Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня. С. 430–434.

ское (в духовном отношении). Действия их никак нельзя объяснить по правилам обыкновенного здравого смысла»[209]. Мономания поляков и бессмысленная ненависть к России, приобретшие болезненные формы, по мнению Погодина, стали причиной целого ряда действий, «одно другого бессмысленнее, бесцельнее, несчастнее, пагубнее». Примерами таких «политически бестактных» действий стали: переселение многих поляков в Турцию, их заявления о том, что судьба Польши соединена с судьбою Турции и что они должны действовать общими силами против своих врагов, особенно России (при этом, в число общих врагов автоматически попадали все славянские народы, стремящиеся свергнуть турецкое иго); объединение поляков с австрийцами и мадьярами против славян, живущих в Австро-Венгрии; издевательское отношение поляков к русским в Галиции; игнорирование поляками славянского съезда в Москве, их агитация против идеи славянской взаимности и сотрудничества славян с Россией; и, наконец, террористический акт, покушение на жизнь российского императора во время его визита в Париж — «провидение отклонило выстрел от Императора Александра[210], но безумец попал в самое сердце несчастной Польши!»[211].

Вывод Погодина однозначен: поляки — «несчастный народ, который должен терпеть и страдать из-за мечтаний несбыточных одной безумной шайки!»[212]. Что же касается России, то Погодин был солидарен с С. Т. Аксаковым, который говорил ему часто, утешая, что «Россия такой слон, которому чем глубже дашь рану, тем она скорее заплывает жиром»[213].

Разъясняя суть «польского вопроса» русским и зарубежным читателям, Погодин отстаивал национальные интересы России, как он их понимал. При этом нужно отметить, что позиция самого Погодина с течением времени и в силу определенных политических обстоятельств претерпела изменения. Достаточно сказать, что, например,

---

[209] *Погодин М. П.* Два слова о поляках в последнее время // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 538.

[210] На Всемирной выставке в Париже в мае 1867 г. польский эмигрант Антон Березовский совершил покушение на российского императора Александра II, но пуля после его выстрела угодила в лошадь.

[211] *Погодин М. П.* Два слова о поляках в последнее время. С. 544.

[212] Там же. С. 544.

[213] *Погодин М. П.* О системе маркиза Велепольского // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). С. 453.

в 1830 г. он настаивал на покровительстве польскому языку, литературе и истории; в 1854 г. предлагал отделение Польши от России; в 1856 г. ратовал за ее полную автономию. В 1863 г. Погодин провозглашает уже другую формулу решения польского вопроса: «Польша, разумно, не должна и желать отделения от России. Россия, разумно, не может отделить от себя Польшу, если б и хотела»[214]. С этого времени и до конца жизни он развивал и отстаивал идею неразрывности и неизбежности союза России и Польши.

Однако Погодин всегда подчеркивал два обстоятельства: во-первых, то, что западные российские губернии, полученные в результате раздела Польши, составляют неразрывную, неотъемлемую часть России, а потому «поляки могут оставаться там, только как Русские», те же, кто «живо осознают свое польское происхождение, должны удалиться оттуда в Польшу»[215]; во-вторых, то, что речь идет о союзе русского народа с польским народом, а не с польской шляхтой: «Шляхта нынешняя, как древние Евреи, изведенные из Египта, должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне Европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю в соединении с Россиею»[216].

Таким образом, Погодин, так же как и другие панслависты[217], четко различал польский народ и польскую шляхту с польской эмиграцией. События эпохи освобождения крестьян и реформ шестидесятых годов в России и Польше[218], когда либеральные действия правительства

---

[214] Польский вопрос. С. 327.

[215] Там же. С. 328.

[216] Там же. С. 330.

[217] Например, русский историк и этнограф, немец по происхождению, родившийся в Варшаве, А. Ф. Гильфердинг рассматривал польскую шляхту как «организм разложившийся и уже неспособный к новому развитию». (См.: *Гильфердинг А. Ф.* Положение и задача России в Царстве Польском. // Русский инвалид. 1863. № 254, 16 ноября, № 254. 17 ноября). Если нигилисты, как полагал Тютчев, враги не очень серьезные, то «польские ксендзы», «польская шляхта», «польская эмиграция», не «польская народность», а именно они — враги особенные, опасные, сознательные и целеустремленные. (См.: *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад: книга пророчеств. М., 1999. С. 143; *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам. И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 11. А. Ф. Аксаковой. Петербург. 20 декабря 1866 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая, М., 1988. С. 279).

[218] Как отмечает Погодин, «крестьяне Польские сделались такими же собственниками, как и Русские; города освобождены от феодального ига, убежища

России упорно «не замечались» польской шляхтой и польской эмиграцией, продолжавшими «протестовать, кознодействовать, распускать фальшивые ассигнации, поджигать и требовать не только границ 1772 г., но даже Киева!», убедили Погодина в том, что польская шляхта совершенно чужда не только славянам, но и польскому народу. Шляхта эта, во-первых, имеет западное, кельтическое или романское происхождение; во-вторых, «пришельцы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединились они у нас и в других странах». Поэтому, приходит к выводу Погодин, «шляхта и народ составляют там [в Польше — *А. Ш., К. Р.*] до сих пор два совершенно различные общества»[219]. Как не без оснований представлялось Погодину и другим русским консерваторам, космополитической, клерикальной, неразрывно связанной с изжившими себя традициями феодальной анархии и сословного эгоизма, обращенной целиком в прошлое, шляхте — противостояло самобытное, неосознанно хранящее исконно славянские начала крестьянство. Эти представления стали основой концепции «двух Польш», которая, в свою очередь, обусловила в 1863 г. поворот политики правительства в польском вопросе от реформирования центральных административных институтов к реформированию социальных структур, главным рычагом которого стало наделение крестьян землей[220].

Нужно особо отметить и тот факт, что во многом благодаря пропагандистской кампании, развернутой Погодиным, Катковым, Аксаковым и другими русскими патриотами, в общественном сознании россиян к середине 1850-х гг. сложилось, во-первых, негативное восприятие «поляков», которые в глазах «нереволюционной» общественности стали выглядеть мучителями русских крестьян, иудами славянского дела, религиозными фанатиками и экзальтированными носителями химерических имперских претензий давно и безвозвратно погибшей «великой Польши» и, наконец, отъявленными русофобами,

---

праздности (и политических козней), лишние монастыри, ограничены. Наконец, в последнее время объявлена широкая амнистия: тысячи сосланных за участие в мятеже семейств возвращены на родину, следствия прекращены, конфискации остановлены» (Погодин М. П. Польский вопрос. С. 329).

[219] *Погодин М. П.* Польский вопрос. С. 330.

[220] См. подр.: Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 184–202. Н. Я. Данилевский назвал наделение крестьян землей «нравственным оружием», посредством которого «не только умиротворили... Польшу, но обратили даже всю массу тамошнего народонаселения в преданных России подданных...». (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 468).

инициаторами и вдохновителями любых, нарушающих национально-политическое единство России, движений и выступлений. Во-вторых, именно Погодин и никто другой является автором и пропагандистом идеи справедливости «польских» приобретений России в веке XVIII и правомерности существования Польского царства в составе Российской империи в веке XIX. Благодаря Погодину и другим защитникам принципа национально-политического единства страны, в общественном сознании сложилось устойчивое представление о западных губерниях как исконно русском крае, исторической части России, издревле населенной преимущественно единоверными и единоплеменными русским людьми, которые в терминах органической теории, представлялись частью единого национального организма, связанной с остальными частями плотью и кровью. Данные представления, разделяемые подавляющей частью националистически мыслящих правительственных чиновников, легли также в основание русской консервативной идеологии, обозначив приоритетные цели и задачи правительственной политики в польском вопросе, осуществлявшейся с 1863 г.[221] и на протяжении всей второй половины XIX в. уже как рутинная административная деятельность по превращению Царства Польского в Привисленский край.

В правительственной политике и политической публицистике второй половины XIX в. тесно связанным с польским вопросом в «балтийско-польский узел» оказался остзейский вопрос.

Всегда тяготевшие к Пруссии остзейские бароны составляли верхушку общества в «Остзейском крае» — Прибалтийском крае, который с 1801 по 1876 г. включал в себя три провинции — Лифляндию, Эстляндию и Курляндию, соединенные в отдельное генерал-губернаторство Российской империи. В этом крае существовал «особый режим»[222], отличный от системы общероссийской государственности и характеризовавшийся господством немецкого языка, лютеранства, особым сводом законов, судопроизводством, управлением и т. д. Все это делало край, по выражению И. С. Аксакова, «музеем исто-

---

[221] См.: *Гетманский А. Э.* Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 24–45.

[222] Особый режим в крае сложился исторически и первоначально оформился в 1640-х, когда шведами был утвержден особый порядок управления и установились сословные привилегии для остзейских дворян, а после завоевания края русскими войсками, был подтвержден властями России.

рических редкостей социального и общественного устройства»[223]. В общественно-политической лексике того времени даже слово «остзеец», означавшее «прибалтиец», «немец», имело также коннотацию «сторонник “остзейского режима”». Иронизируя по этому поводу, корреспондент одной из русских газет предлагал: «Не следовало ли бы употреблять название “остзеец” лишь для людей, всеми силами стремящихся к сохранению средневековых предрассудков?»[224].

Социально-политическая суть «остзейского» или, как его обозначали в правительственных документах, «балтийского» вопроса, сводилась к коллизии, связанной с двухмиллионным коренным населением края — латами и эстами, которых, с одной стороны, насильственно «онемечивало» остзейское меньшинство и лютеранская церковь при полной идеологической и пропагандистской поддержке со стороны Пруссии, с другой, стремились обрусить и прорусски настроить центральная власть и православная церковь. Пик обсуждения этого вопроса пришелся на вторую половину 1860-х гг. Апофеозом проостзейской публицистики стало выступление профессора Дерптского университета, поборника немецких интересов в Остзейском крае К. Х. Ширрена, в 1869 г. выпустившего брошюру «Livländischer Antwort...»[225] против Ю. Ф. Самарина. Блестящей критикой ответил ему выступивший в защиту Самарина Погодин.

Книга Погодина «Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену» стала своеобразным сводом разногласий остзейской и консервативной русской публицистики по историческим и политическим вопросам. Она была отпечатана в 1869 г. на собственные средства автора в типографии газеты «Русский». Книга включила цикл статей, первоначально опубликованных в №№ 201, 202, 204, 205, 230 за 1869 г. ежедневной политической и литературной газеты «Голос», выходившей в Петербурге (издатель-редактор А. А. Краевский) и бывшей в то время одной из самых распространенных газет России. Свой труд Погодин

---

223 *Аксаков И. С.* По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций // Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М., 1887. С. 15.

224 Кронштадский вестник. № 115. 9. X. 1863. С. 458. Газета патриотического направления (главный редактор Петр Дмитриевич Рыкачев) выпускалась в Кронштадте морскими офицерами.

225 «Лифляндский ответ господину Юрию Самарину» (Лейпциг, 1869, на нем. яз., в течение года вышло 3 издания).

посвятил Гарлибу Меркелю (1769–1850) — немецкому писателю, лифляндскому публицисту, заявившему в свое время, что «немецкий деспотизм в Лифляндии поддерживается только русскими штыками». Переводы произведений Меркеля на русский язык в 1860-е гг. преследовались цензурой, а имя было очень популярно в русской публицистике.

Чтобы осуществить свое издание, Погодин должен был проявить известную смелость. Обращаясь к своему оппоненту, он честно признался в том, что ввиду силы «немецкой партии» не без страха печатает свой ответ — «ответ чисто русский, который у вас, верно, назовут пристрастным, панславянским, квасно-патриотическим. Не без страха, говорю, потому что уверен во многих для себя неприятностях всякого рода из-за него; но считаю своим гражданским долгом, живо чувствуя оскорбление народного достоинства, сказать откровенно свое мнение... »[226].

Опираясь на русские и ливонские летописи, исландские саги, труды Н. М. Карамзина, дипломатические документы XVIII в. и др., Погодин попытался доказать историческую необоснованность претензий немцев — потомков христианских епископов и тевтонских рыцарей, на господство в крае, требовал осуществления культурной экспансии православия и русского языка, чтобы «обрусить местное население».

Оппонируя националисту Ширрену, Погодин «с точки зрения истории, простого здравого смысла, государственного и естественного права» доказывает, что Остзейский край — отнюдь не немецкий край, а земля латышей и эстонцев, ничего общего с немцами не имеющих; что Балтийское поморье искони (с XI в.) принадлежало России и находилось в подданстве русских князей, о чем Россия не раз напоминала немцам. Край пережил за века своего существования множество перипетий в судьбе и перемен в управлении, пока Петр Великий не возвратил России Балтийское поморье. Ширрен и его соратники в борьбе с Россией обычно ссылались на незыблемость договора, обеспечивающего права остзейцев, — «капитуляцию» [капитуляция — неравноправный договор, здесь трактат, обеспечивающий права остзейцев — *А. Ш., К. В.*], подписанную фельдмаршалом Шереметевым и принятую императором Петром I в 1710 г., забывая при этом, что спустя десять лет, согласно п. 4 Ништадтского мирного договора 1721 г. ост-

---

[226] Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун. -та, серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 77.

зейцы вступили в безусловное подданство русского государя. И если остзейским баронам тяжело осознавать себя русскими подданными, то, как считает Погодин, они вполне свободны в своем личном выборе и могут перейти в подданство любой другой страны: «Мы ничего не имеем сказать против этого чувства: насильно мил не будешь. Но кто же мешает вам оставить русское подданство? Идите, куда вам угодно, на все четыре стороны, идите, как пришли, т. е. в чем мать родила; но вы хотели бы уйти с землею, а это несправедливо и невозможно: земля принадлежит, во-первых, тем, кто заселил ее прежде вас, кто ее обрабатывал до вас семьсот лет, и потом тем, кому она платила дань прежде вас, и кем она завоевана не у вас, а у ваших врагов и ваших господ»[227].

Одним из главных пунктов преткновения стала ситуация с местным управлением и порядком судопроизводства в крае, ущемляющими права и местного, как сейчас бы сказали, «русскоязычного» населения. Погодин резко выступает против требований остзейских немцев «об автономности провинции», о расширении сфер свободы совести, немецкого управления, немецкого языка, немецкого права и т. д. Всего этого, считал Погодин, в крае более чем достаточно: «Вы, Немцы, исповедуете свою религию, говорите своим языком, и управляетесь своими законами»[228]. Его возмущает то, что русские дворяне, купцы и ремесленники в крае не могут пользоваться правами, какие имеют остзейские немцы, что латышские и эстонские крестьяне не имеют прав на землю и на свободу вероисповедания, что, главное — русский человек там «должен скрывать свое происхождение» и говорить на немецком языке не только в обиходе, но даже в суде и других присутственных местах. Последнее обстоятельство выглядело парадоксальным в свете того, что распоряжением правительства 1850 г. о переводе ведения официальной документации на русский язык, именно русский становился языком «присутственных мест» Остзейского края и должен был быть средством коммуникации в общественной сфере. Однако до конца 1860-х гг. это и многие другие решения правительства при попустительстве (тогда говорили «либерализме») центральных властей попросту игнорировались. Погодин

---

[227] Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун.-та, серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 69.

[228] Там же. С. 71.

переводит рассмотрение положения в крае в несколько иную, чем защитники остзейских интересов, плоскость: «Вы жалуетесь на нарушение ваших средневековых привилегий, видя только себя в Остзейском крае, а мы увидели там угнетенных и порабощенных Латышей и Эстов, и жалуемся не на нарушение, а на совершенное попрание их естественных прав вашими привилегиями. Всю вашу книгу мы оборачиваем на вас, как басню Крылова, ставя везде имя Немцев вместо Русских, и Латышей с Эстами вместо Немцев»[229].

Еще одним пунктом преткновения стала для Погодина ситуация с православной верой в крае. Погодин требует распространить право свободы совести, которым в полной мере пользуются остзейские немцы, и на «туземное» население края: «Свобода совести. Пользуйтесь ею, сколько угодно; оставайтесь протестантами, кальвинистами, гернгутерами [гернгутеры — протестантская секта — *А. Ш., К. В.*]; поклоняйтесь Магомету, или Изиде, Кришне, — мы вам никогда не мешали, не мешаем и мешать не будем.

Но если ваши рабы, работавшие на вас в продолжение семисот почти лет, и худо наученные вами закону Божию, желают присоединиться к нашему православию, то и вы не мешайте им также, и предоставьте им такую же свободу совести, какою пользуетесь сами...»[230]. «Вы требуете свободы совести для себя — мы предоставляем ее вам, и требуем ее же для Эстов, Ливов и Куров, обвиняя вас в святотатственном посягательстве на их душу»[231].

Ему непонятно, почему, когда в крае возникло массовое движение местного населения, стремящегося перейти в православие, представители русской церкви в крае, следуя указаниям властей, «должны были не только удерживаться от всякого ободрения, призыва, составляющего душу католичества и протестантства, открыто ими везде исповедуемую, но отказываться, уклоняться, прибегать даже к хитростям, чтоб удалять с приличием желающих, pour sauver les apparences [чтобы соблюсти приличия. — *Ред.*]»[232]. Все это Погодин оценивает как серьезный просчет и церкви, и властей.

---

[229] Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун.-та, серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 74.

[230] Там же. С. 70.

[231] Там же. С. 74.

[232] Там же. С. 75.

Что касается практической программы решения «остзейского вопроса», то все русские оппоненты остзейских немцев сходились в следующих требованиях: необходимости утвердить русские государственные начала в Прибалтике — управление по общероссийскому образцу, общерусское законодательство, русский язык в качестве государственного; уравнять в Прибалтике в правах с немцами коренное население края и, в первую очередь, русских; провести земельную реформу в крае — наделить крестьян землей по русскому образцу реформы 1861 г.; ввести в школы русский язык с тем, чтобы подготовить в будущем обрусение края; реформировать суд — ввести институт присяжных и выборы местных судей по русскому образцу; провести реформу городского управления; поддержать православие в крае. Не стал исключением и Погодин, предложив довольно простую программу, которая сводится, в конечном счете, к возвращению края в политико-правовое поле российской империи с помощью его русификации. Принципиально возражая против «онемечивания», Погодин предлагал «обрусить эстов, ливов и куров», для этого строить в Прибалтике и поддерживать материально православные храмы, перевести богослужебные и другие книги на «местные наречия», причем «печатать их русскими буквами», основать при церквях бесплатные училища для местного населения, ввести преподавание всех предметов в училищах и гимназиях по-русски и т. п. В обоснование своей позиции Погодин приводит ряд политических аргументов и, расширяя масштабы аргументации до уровня ссылок на межцивилизационные противоречия немцев и славян, проводит исторические параллели между онемечиванием и русификацией. «Русификация... но ведь вы хотите онемечения: чем обрусение грешнее, преступнее онемечения? Вы запрещаете делать нам то, к чему сами стремитесь. Позвольте же нам действовать по своему усмотрению, как мы считаем для себя полезнее. В этом отношении мы правее вас», — заключает Погодин[233].

Прочитав антинемецкие инвективы Погодина, его вполне можно было бы обвинить в национальном эгоизме, великорусском шовинизме и других смертных грехах, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что он четко различает «немцев» и «немцев».

---

[233] Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун.-та, серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 76.

Одних, «немцев немецких», обитателей Германии, Погодин, будучи образованным русским человеком, чтит и уважает «как первоклассный народ в Европе, которому она, и в ней мы, обязаны за многие услуги науке, искусству, гражданственности, общежитию»[234]. Других, обрусевших «немцев русских», живущих и работающих в России и для России, Погодин, как и весь русский народ, любит и благодарит. Что же касается «немцев остзейских», то эти немцы, «поскольку согласны они с сочинениями фон-Бокков, Эккартов и вашими, г. Ширрен, являются самыми к нам враждебными, оправдывая пословицу: «Не воспоя и не воскормя, не нажить себе врага». Вы ненавидите внутренне нас и несчастных своих батраков, которых называете шакалами, — и это чувство ненависти, замечу мимоходом, служит самым убедительным доказательством вашей слабости, по собственным вашим словам»[235]. Но даже этим, ненавидящим Россию людям, Погодин не собирается отвечать ненавистью. Ненависть — удел слабых. Россия же сильна: «А мы, Русские, все-таки не ненавидим вас, и в этом чувстве, беспристрастия, незлобия, в этом слове на мир, вы должны увидеть, следовательно, господин Ширрен, нашу силу». Остзейским немцам Погодин предлагает «образумиться, опомниться, повиниться пред нами, и рука в руку идти с нами дружно, навстречу новой жизни, открываемой благодушным Государем, по следам незабвенной его прабабки, Императрицы Екатерины II, немки по происхождению, но Русской по своим чувствам и любви к отечеству...»[236].

Книга Погодина вызвала общественный резонанс и реакцию в правительственных сферах. Характерный штрих — когда в 1869 г. Юлиус Эккарт за границей выпустил немецкий перевод книги Самарина с тенденциозным комментарием, в России его можно было свободно получить любому. Но когда захотели «издать на немецком статьи Погодина в ответ Ширрену» — этого сделать «не разрешили, чтобы-де не навлечь на правительство подозрения в тенденциозности». «Что, каково?.. Это что-то вроде Гегелевой безразличности...»[237]. Недоуме-

---

[234] Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун.-та, серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 77.

[235] Там же. С. 77–78.

[236] Там же. С. 78.

[237] *Тютчев Ф. И.* Письма к московским публицистам. И. С. и А. Ф. Аксаковым. 1861–1872. 62. А. Ф. Аксаковой и И. С. Аксакову. Петербург. 4 сентября 1869 // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Книга первая. М., 1988. С. 359.

ние Тютчева и всех тех, кого не смущали националистические эскапады Погодина, вполне понятно.

Усилия Ю. Ф. Самарина, М. Н. Каткова, И. С. Аксакова, М. П. Погодина и других, менее известных публицистов, заставили правительство скорректировать позицию в остзейском вопросе, наметить план и начать реализацию реформ в крае, направленных на полное слияние Прибалтики с Россией. Однако, к сожалению, все произошло по пророческому предсказанию Самарина: «Если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиною к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. Тот день был бы началом ее разложения. В тот день возрадовались бы представители всех враждебных ей партий и народностей; Мирославский и Шедо-Феротти, Герцен и фон-Бокк забыли бы на время свои разномыслия; они сбежались бы со всех концов Европы на братский пир и отпраздновали бы вместе канун политического крушения Империи»[238].

* * *

Самого опасного врага России Погодин видел в невежестве и ратовал за мирное христианское просвещение, основанное на Евангелии.

Крестьянам, освободившимся от крепостной зависимости, разъясняя их новые права и обязанности, Погодин советовал быть законопослушными и стремиться к просвещению: «Учитесь и учитесь — житье вам будет такое, что и умирать не надобно, и все немцы вам позавидуют»[239].

В одной из последних своих книг «Простая речь о мудреных вещах», выдержавшей за три года три издания, рассуждая о нигилизме и нигилистах, Погодин пришел к выводу, что «недоучившихся студентов, озлобленных семинаристов и самоучек-дилетантов», то есть невежд, забывших Бога и «собирающихся строить новое общество<...> на крови и в грязи», нужно не наказывать, а убеждать и учить[240]. В этом отношении Погодин был абсолютно прав. Погодинский критический вывод о невежестве радикальной интеллигенции получил

---

[238] *Самарин Ю. Ф.* Всеподданнейшее письмо к Императору Александру II-му // Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1890. С. XVII.

[239] *Погодин М. П.* Красное яичко для крестьян от М. Погодина. СПб., 1861. С. 31.

[240] *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873. С. 19, 135 и др.

историческое и социологическое подтверждение и был не раз поддержан русскими мыслителями.

Безусловно, можно согласиться со словами самого Погодина о том, что своим творчеством, исходящим из убеждения «в великом предназначении русского народа не только в политическом смысле, но и в человеческом», из уверенности «в величайших дарах духовных, коими наделен русский человек», осуждавшим «безусловное поклонение Западу» и развивавшимся в русле «православно-русского», близкого славянофильству направления мысли, он способствовал охранению «русского политического согласия, как сложилось оно жизнью, историей». Характерный штрих к творческому портрету Погодина содержат последние записи его дневника 1875 г. 31 октября читаем: «Ужасная погода. Разбирал статьи слав. вопроса к 4 т. Буквы все не слушаются, а голова свежая...». 4 ноября: «Прочел 25 т. Соловьева. Много нового и любопытного, но никакого искусства. Собрание выписок и проч...». 5 ноября: «...Рука не слушается». 6 ноября: «Ничего не делается...»[241].

Погодин умер 8 (20) декабря 1875 г. в Москве. В день его похорон, отдавая дань уважения русскому ученому и общественному деятелю, Московский университет прекратил занятия, а городская Дума отложила заседание.

С высоты сегодняшнего дня Погодин представляется нам виднейшим теоретиком и пропагандистом русского «хранительства» — национально-консервативного течения русской общественно-политической мысли XIX в., основой которого были три основные идеи — самодержавной монархии как надклассовой силы, защищающей интересы каждого из сословий и общества в целом, православия и народности. Многие страницы своих трудов Погодин посвятил историческим и политическим размышлениям по поводу тех явлений внутренней жизни Российской империи, связанных с сохранением национально-государственного единства страны, которые объединялись для него парадоксальным словосочетанием «русский вопрос». К этому нужно добавить, что Погодин является русским и славянским патриотом, отвергающим механические, бездумные заимствования с Запада, ратующим за самобытный, самостоятельный путь развития России.

---

[241] Погодин Михаил Петрович. Дневник 1871–1875 // НИОР РГБ. Ф. 231/1 к. 37 ед. хр. 1 л. 65, л. 65 (об.).

Прав был великий русский поэт Ф. И. Тютчев, посвятивший своему другу и единомышленнику следующие строки:

Враг отрицательности узкой,
Всегда он в уровень шел с веком:
Он в человечестве был Русской,
В науке был он человеком[242].

* * *

Книга о русском мыслителе задумывалась с целью охарактеризовать место и роль М. П. Погодина в истории русской социально-политической мысли. Структура работы строилась исходя из требований историко-генетического подхода, реализация которого обычно связана с освещением различных этапов развития идей в их хронологической последовательности (т. е. во времени), в конкретных формах исторического проявления (т. е. содержания). Основными источниками при подготовке книги стали следующие издания трудов русского мыслителя. Во-первых, «Исторические афоризмы», которые Погодин «собирал» в течение десятка лет и издал в 1836 г.[243]; во-вторых, «Историко-критические отрывки», издание которых растянулось на 21 год (первый том вышел в 1846 г., второй — в 1867 г.)[244]. Здесь особый интерес представили статьи и лекции Погодина: «Взгляд на Русскую Историю» (1832), «Формация Государства» (1837), «Параллель Русской истории с Историей Западных Европейских государств, относительно начала» (1845), «Петр Великий» (1841), «За Русскую старину» (1845), «Св. Кирилл и Мефодий» (1863) и др. И, в-третьих, по счету, но не по важности — собранные в конце жизни русским мыслителем и изданные (скорее переизданные, так как большинство помещенных в них работ были изданы раннее) в 1872–1876 гг. сборники «Политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856» с приложением трех более ранних работ («Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу, (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году»; «Письмо к Министру

242 *Тютчев Ф. И.* «Враг отрицательности узкой...» // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. Т. 2. Стихотворения, 1850–1873. М., 2003. С. 235.

243 Исторические афоризмы Михаила Погодина.

244 Историко-критические отрывки М. Погодина. Историко-критические отрывки М. Погодина. Книга вторая. М. 1867.

народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году»; «Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам»); «Статьи политические и польский вопрос (1856–1867)»; «Речи, произнесенные в торжественных и прочих собраниях. 1830–1872», стараниями отечественных библиографов названные соответственно «IV-м», «V-м», «III-м» томами «Сочинений Погодина»[245]. К этому перечню нужно добавить отдельные работы Погодина из сборника «Утро» и газет «Голос», «Русский», «Гражданин»[246].

Хронологические рамки книги охватывают период с начала 1820-х по 1875 год, когда начала формироваться и в полной мере реализовалась в профессиональной и общественной деятельности гражданская позиция Погодина как русского патриота, православного консерватора и панслависта, однако тексты мыслителя, предлагаемые для публикации, относятся к периоду 1830–1870-х гг. В перечень публикуемых в книге текстов не вошли драматические и беллетристические произведения, включая его первые опыты середины 1820-х годов, а также специальные исторические работы Погодина. Неоценимую помощь в подготовке книги оказала Евгения Петровна Харченко, а также Ольга Борисовна Разумец, без их труда книга не состоялась бы.

Особую признательность необходимо высказать профессорам Михаилу Александровичу Маслину и Сергею Вячеславовичу Перевезенцеву, чья дружеская поддержка и участие много значат для составителей.

А. А. Ширинянц,
доктор политических наук, профессор

К. В. Рясенцев,
кандидат политических наук

---

[245] *Погодин М. П.* Сочинения. В 5-ти т. М., 1872–1876. Т. 1. Древняя русская история, до монгольского ига. М., 1872. Т. 2. Древняя русская история, до монгольского ига. М., 1872. Т. 3. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях. М., 1830–1872. Т. 4. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны 1853–1856. М., 1874. Т. 5. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1874.

[246] «Утро» — литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866; «Русский» — газета политическая и литературная. М. 1867; Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену. С приложениями. М., 1869; «Гражданин» — газета-журнал политический и литературный. 1873.

М. П. ПОГОДИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г.

История всякого государства, отдельно взятая, представляет собою высокое, поучительное зрелище народных действий, устремленных к одной цели человеческого рода, цели, указанной ему благим Провидением. Всякий народ развивает своею жизнию особую мысль Его и содействует, более или менее, непосредственно или посредственно, к исполнению общих верховных Его предначертаний.

Но чем обширнее круг действий народа, чем сильнейшее влияние имеет он на другие народы и все человечество, чем более от него зависит судьба современников и потомства, чем необходимейшее звено составляет он в великой цепи; тем большую цену получает он в глазах Историка. — Взгляните же на Россию в настоящую минуту ее бытия.

Занимая такое пространство, какого не занимала ни одна Монархия в свете, ни Македонская, ни Римская, ни Аравийская, ни Франкская, ни Монгольская[1], она заселена преимущественно племенами, которые говорят одним языком, имеют, следовательно, один образ мыслей, исповедуют одну Веру, и, как кольца электрической цепи, потрясаются внезапно от единого прикосновения, между тем как все предшествовавшие состояли из племен разноязычных, которые не понимали, ненавидели друг друга, и были соединяемы временно, механически, силою оружия, или другими слабейшими связями, под влиянием одного какого-нибудь могущественного гения. Даже нынешние Европейские Государства в малых своих размерах не могут представить такой целости, и, занимая несравненно меньшее пространство, состоят из гораздо большего количества разнородных частей.

А сколько единоплеменных нам народов[2] обитает в средней Европе даже до Рейна и Адриатического моря[3], народов, которые составляют с нами одно живое целое, которые соединены с нами неразрывными узами крови и языка, узами крепчайшими всех прочих географических и политических соединений, в чем соглашаются дальновиднейшие из наших противников.

Прибавим теперь к этому неизмеримому пространству, к этому бесчисленному народонаселению, прочие ее силы, вещественные

и невещественные, богатство в естественных произведениях, коими мы можем наделить Европу, не имея нужды ни в каком из ее товаров: — мысль цепенеет, по счастливому выражению Карамзина[4].

Взглянув на Россию в минуту ее покоя, рассмотрим теперь одно из ее действий, совершившееся пред нашими глазами. Вся Европа, приготовлявшись в продолжение нескольких лет, собрав свои силы, в лице двадцати языков, вторглась чрез беззащитные границы в самую средину ее, под предводительством величайшего из полководцев древнего и нового мира, который в этом походе поставлял свою славу, видел конец многолетних трудов, исполнение любимейших желаний, и что же? Чрез несколько месяцев, по слову Царскому, не осталось ни одного иноплеменника на земле Русской, и грозный враг, покоритель царств и народов, судия всего света влачит на пустынном острове унылые дни свои, и в часы гениальных откровений, смотря в будущее, предвещает Европе Русское владычество[5].

Отразив победоносно такое нападение, освободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает? —

Португалия ли, раздираемая в своем углу междоусобною войною между двумя родными братьями[6], или Испания, над коею тяжкой мглою носится еще дух Филиппа второго[7], — или Англия, Государство богачей и нищих, изнемогающая под бременем своего неоплатного долга[8], и немогущая почти прокормить своего народонаселения, — или Франция, которую, после таких кровавых опытов, после революции и Наполеона[9], не могут успокоить все ее великие таланты, Гизоты и Дюпени, Биньоны и Перье[10], со всеми их превосходными теориями и славными открытиями в науках, — или Австрийская Империя, которая, при всех усилиях своих Кауницев и Меттернихов[11], едва только может сохранять разнохарактерные свои владения, — или Швеция и Дания, которые никак не могут выйти из пределов, назначенных им Природою, или Германские владения — пятидесятые наши Губернии[12]? — Повторяю, кто помешает Русскому Царю решать судьбу Европы, судьбу всего человечества, при известных условиях? Кто возьмется опровергнуть это математическое заключение? Вот, какое будущее открывается при одном взгляде на Россию в одну минуту ее бытия!

Какое же прошедшее соответствовало этому блистательному, почти бесконечному будущему!

Как сложился этот колосс, стоящий на двух полушариях[13]? Как сосредоточились, как сохраняются в одной руке все сии силы, коим ничто, кажется, противостоять не может?

Вот важность Российской Истории, которая с одного взгляда на Россию представится всякому постороннему человеку, не Русскому, не имеющему никакого сведения о нашей Истории, из одного только простого понятия, что всякое настоящее, всякое будущее есть плод прошедшего. Вот самая простая и естественная причина, по которой Европейцы, освободясь несколько от своих заблуждений и предрассудков, и привыкнув смотреть на нее с беспристрастием, обратят все свое внимание на Историю Российскую и устремятся изучать ее.

Но не имеет ли Российская История, кроме этой временной своей, так сказать, важности, относительно к настоящей минуте, каких-либо других, особливых качеств, по коим она должны быть предметом деятельного изучения?

До сих пор мы забывали прошедшее: теперь наоборот опустим завесу над будущим и станем рассматривать одно прошедшее. Все Европейские Государства, как бы в исполнение одного высшего закона, основаны одинаким образом; все составились из победителей и побежденных, пришельцев и туземцев: Испанцев покорили Вестготы, Галлов — Франки, северных Итальянцев — Лонгобарды, средних — Остготы, южных — Норманны, Бриттов — Саксы, жителей древней Паннонии — Венгры, Греков — Турки, Пруссов и Эстов — Немцы[14] и проч. И к нам пришли Варяги, но *добровольно избранные*, по крайней мере сначала, не как Западные победители и завоеватели, — первое существенное отличие в зерне, семени Русского Государства, сравнительно с прочими Европейскими. — Далее — все Европейские Государства, быв основаны на развалинах Западной Римской Империи, озаряются из Рима светом Христианской Религии; мы одни, по какому-то нечаянному случаю, получаем ее из *Константинополя*[15], как бы предназначенные сохранить и развить особливую сторону Веры, только что разделившейся тогда[16]; и у нас, так как в Греции, духовенство подчиняется Государям, между тем как на Западе оно вяжет и решит их. Другое существенное отличие, коего следствия также простираются по всей Истории. Россия сделалась как будто преем-

ницею Империи Константинопольской, между тем как Западная продолжалась в лице прочих Европейских Государств. —

Первым чадом[17] завоевания во всех Европейских Государствах был Феодализм с происшедшим от него Рыцарством[18]. У нас, в стране, *не сплошь заселенной*, а по местам, разделенным степями и лесами, развилась Удельная система[19], которая существенно отличается от Феодальной, хотя и составляет вид того же рода, и Государство осталось во владении одного семейства, разделившегося на многие отрасли.

В Западной Европе произошло от Феодализма Майоратство[20]. У нас при Удельных Князьях, имевших совершенно равную власть, или лучше, власть, основанную на одной силе, не было Майоратства даже в наследовании Престола; ибо не сын следовал за отцом во владении, а старший в роде, хотя с многими исключениями, даже до позднейшего времени, и наследство дробилось в бесконечность.

Все Европейские великие происшествия, средство для развития, в которых мы по Вере, языку и другим причинам не принимали или не могли принять участия, были заменены у нас другими, более или менее: например, следствие Крестовых походов[21] в политическом отношении, то есть ослабление Феодализма и усиление Монархической власти, было произведено у нас *Монгольским игом*[22], а реформацию[23] в умственном отношении заменил нам, может быть, *Петр*[24].

Все Государства, все народы, древние и новые, получили первоначальное образование от иностранцев: персы от Мидян, Египтяне от Эфиоплян, Эфиопляне от Индийцев, Греки от Египтян, Римляне от Греков, и проч.; а в Русской Истории каким удивительным странным путем шло это образование: припомним *нашествия* Норманнов, Монголов, Поляков и самих Французов[25] эпохи нашего образования умственного и гражданского.

Словом сказать, вся История наша до малейших общих подробностей представляет совершенно иное зрелище: у нас не было укрепленных замков, наши города основаны другим образом, наши сословия произошли не так, как прочие Европейские. Доступность прав, яблоко раздора между сословиями в древнем и новом мире, существует у нас искони: простолюдину открыт путь к высшим Государственным должностям, и Университетский диплом заменяет собою все привилегии и грамоты[26], чего нет в Государствах, наиболее славящихся своим просвещением, стоящих якобы на высшей степени образования.

Необыкновенное явление, которому подобного напрасно будете вы искать во всей древней и новой Истории, которое не удивляет нас потому только, что мы слишком к нему привыкли. Таких явлений преисполнена наша История. Кто сожигает у нас Разрядные книги и уничтожает Местничество, основанное также на заслугах? Не разъяренная чернь Бастильская в минуту зверского неистовства, не Гракх, не Мирабо, не Руссо, а чиновный боярин, спокойно, на площади, пред лицом всех сословий, по повелению Самодержавного Государя Федора Алексеевича[27]. — Кто доставляет нам средство учиться, понимать себя, чувствовать человеческое свое достоинство? *Правительство.* Петр Великий насильно дает нам мирские книги в руки, представляет пример собою, и тридцать лет держит над нами свою мощную десницу, опасаясь, чтоб мы не возвратились в прежний свой восточный заповедный круг.

Карамзину[28] в России от Государя до последнего мещанина, умеющего читать, все принесли должную дань почтения; а как принимали Гиббона Лондонские вельможи[29], о чем он с огорчением рассказывает в своих записках? Байрон[30] не столько славился своею Поэзиею, сколько родством с Норманскими рыцарями; а наши умнейшие Государственные люди, напротив, ищут славы писателя. Все сии явления не без исторического основания.

Наше Дворянство[31], не Феодального происхождения, а собравшееся в позднейшее время с разных сторон, как бы для того, чтоб пополнить недостаточное число первых Варяжских пришельцев, из Орды, из Крыма, из Пруссии, из Италии, из Литвы[32], не может иметь той гордости, какая течет в жилах Испанских Грандов, Английских Лордов, Французских Маркизов и Немецких Баронов[33], называющих нас варварами. Оно почтеннее и благороднее всех дворянств Европейских в настоящем значении этого слова; ибо приобрело свои отличия *службою* отечеству[34].

Мы удивлялись России в настоящую минуту ее бытия без отношения к Истории: но менее ли удивительна, поучительна ее История, столько отличная от Истории всех прочих Государств, представляющая столько явлений безпримерных, новых? Выразуметь все сии явления, объяснить их в последовательном порядке, подвести их под параллельные линии прочих Историй, сравнить их между собою, показать сходства и отличия, исследовать причины тех и других: какая задача может быть важнее для мыслящего Историка? Итак, История

России, представительницы в некотором смысле Славянских племен, есть важнейшая часть Европейской Истории, и следовательно Истории вообще, которую без нее не могут хорошо понять ни Гизоты, ни Галламы, ни Лудены[35].

Перейдем к частным достоинствам. Ни одна История не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как Российская. Воображая события, ее составляющие, сравнивая их неприметные начала с далекими, огромными следствиями, удивительную связь их между собою, невольно думаешь, что *перст Божий* ведет нас, как будто древле Иудеев, к какой-то высокой цели. Я имел случай указывать на некоторые черты сего чудесного прежде: припомним оные здесь вместе с некоторыми другими. Олег, недовольный, вероятно, Новгородцами, без всякого намерения переселяется в Киев[36], и сие переселение предводителя почти кочевого племени имеет бесконечное влияние на всю будущую судьбу России, которая без оного, войдя в сношение с близким Западом чрез Новгород[37], должна б была неминуемо подчиниться Папе[38] и принять участие в судьбе католичества[39]. Чувствуете ли вы, что сие по-видимому случайное переселение долженствовало быть непременно, чтоб Российская Империя получила тот вид и характер, какой имеет?

Приняв Христианскую Веру при Владимире[40], Россия четыреста лет после того не имеет почти никакого сношения с Грециею, кроме монашеских путешествий; но в пятнадцатом столетии, как нарочно, последняя отрасль Палеологов, Царевна София, вступая в брак с Иоанном III, истинным основателем нашего Государства, и принеся нам герб, устрояет первый наш Двор и дополняет первое Греческое влияние на Россию[41].

Вспомните теперь пятнадцатое столетие, вспомните с какими величайшими затруднениями утверждено было единовластие во всей Европе; у нас не было почти никакого: все роды Удельных Князей вымерли или обмелели в этому времени, и Москва должна была только что прибирать их наследства к своим рукам. Новгород, Рязань, Тверь, Вятка, страны Северские, Пермь, Малороссия[42], не области, а целые Государства Европейские, почти не были покорены нами, а только покорились, повинуясь силе какого-то естественного тяготения. —

Как освободилась Россия из-под ига Монголов? Почти без ее ведома: Иоанн и Ахмет, устрашившись друг друга, разошлись в разные стороны, один в Москву, другой в Орду, а между тем 1480 год считает-

ся эпохою нашего освобождения[43]. И действительно, Орда, разделенная на многие ханства[44], после не могла уже более устрашать России, и все ее части одна за другою, начиная с Казани[45], достались нам, не столько неволею, сколько волею.

Спасение России от Поляков и Шведов, когда в одной части ее печатались уже книги с именем Владислава Жигимонтовича в заглавии, а другая готова была присягнуть Густаву Карловичу, избрание на Престол фамилии Романовых в лице семнадцатилетнего юноши[46], укрывавшегося дотоле в глубине монастырской келии, фамилии Романовых, которая дала России Алексея, Феодора, Петра[47], — прибавлю здесь и Елизавету, основательницу Московского Университета[48], — менее ли удивительны? —

И какова связь между смертью в Угличе семилетнего Царевича Димитрия, игравшего в тычку ножом[49], и реформациею Петра[50]! А последняя не могла бы произойти так без первого происшествия. Не пресекись род Московских Князей: не было бы Романовых, не было бы Петра.

А судьба сего Петра, который младенцем еще прошел невредимо сквозь тысячи стрельцов и раскольников[51], мимо копий и мечей, мимо властолюбивой Софии[52], и сел на отеческий Престол: которого после, в летах мужества, не брали ни порох, ни яд, ни железо!

Присоедините сюда жизнь еще одного человека, который, кажется, должен был нарочно бежать из Женевы, чтоб овладеть воображением младенца, возбудить в нем любопытство и удивление к иностранцам, то есть бросить в его душу первое семя всех будущих преобразований. Я говорю о Лефорте[53].

Кому предназначено было судьбою постигнуть намерения Петра, довершить его начинания, приблизить Россию еще более к ее цели? Принцессе из Герцогства Ангальт-Цербстского[54], которого имени пред сим неслышно было в России. —

События нашего времени менее ли чудесны? Наполеон нападает на Россию с силами всей Европы; какой счастливый случай, казалось бы, для Турции и Швеции отмстить нам за прежние раны, им нанесенные, и возвратить себе завоевания Екатерины и Александра[55]. Нет. Они именно в это время уступают, утверждают за нами новые страны. И при каких правителях? При Бернадотте и Махмуте[56].

Но как Наполеон, первый политик своего времени, мог выпустить из виду это развлечение наших сил, которое почти верно обеспечи-

вало ему победу? На него нашло непостижимое затмение, и враги сделались нам друзьями, и даже помогли выйти из критического положения.

Неправда ли, что все сии события были бы почтены невероятными баснями, если бы не составляли истинной Истории?

В Истории языка, промышленности, внутреннего управления, встречаются такие же чудеса: так например, бедный крестьянин, рыболов с берегов Ледовитого моря[57], который под двадцать лет только начал учиться грамоте, преобразовал Русское слово и дал своим соотечественникам новое, сильнейшее орудие в благородных прениях с Европейскими народами!

Во сколько времени процвели наши фабрики! И проч., и проч.

Далее — частная История получает большую занимательность от характеров действующих лиц: наша представляет целый курс Психологии в лицах: я не думаю, чтоб какое-либо Государство могло выставить много таких людей сряду, каковы были у нас Иоанн III вместе с Софиею и Еленою, Василием и Димитрием[58], Иоанн Грозный с Сильвестром и Адашевым, Курбским и Скуратовым[59], Борис Годунов с своим семейством, Самозванец, Шуйский, Скопин и Болотников[60], наконец герои междуцарствия — Гермоген, Ляпунов, Шеин, Дионисий, Палицын, Минин, Трубецкой, Пожарской[61], за коими следовали Филарет, Алексей, София [62]; не говорю уже здесь о Петре Великом[63], который один составляет собою целый век, целую Историю.

И в каких разнообразных отношениях находились сии люди! Чрез какие ступени, например, перешла душа Годунова, который, женясь на дочери палача Иоаннова[64], из простого дворянина сделался приближенным вельможею, правителем, Царем, который имел сладостное удовольствие видеть Россию, вознесенную его трудами и мыслями на верх могущества и славы, и чрез минуту пасть жертвою мелкой личной злобы, и на смертном одре предчувствовать гибель дражайшего своего семейства, которое любил он больше всего на свете. Простое повествование о судьбе его, о жизни таинственного Самозванца с его Мариною[65], о Шуйском суть такие романы, которых никогда не могло б создать богатое воображение Вальтера Скотта[66].

Скажем несколько слов о сих лицах в других отношениях. Союз Иоанна III с Литвою и Польшею, Крымом и Валахиею, отношения к Турции и Золотой Орде, связи и договоры Годунова[67] представляют училище для негоциантов[68], в котором они найдут много опытов

и любопытных сведений для себя даже после Истории современных Европейских Государей — Людовика XI, Фердинанда Католика и Карла V[69]. До сих пор мы не отдавали должной справедливости нашей старинной Дипломатии, потому что по какому-то странному предубеждению не смели сравнивать наших дельцов с Западными Министрами; но, откинув блестящие имена, я не знаю, в чем и много ли уступят им наши Щелкаловы, Власьевы и Годуновы[70].

Наконец, следует говорить о Российской Истории в отношении к настоящему времени. Мы живем в такую эпоху, когда одна ясная мысль может иметь благодетельное влияние на судьбу целого рода человеческого, когда одно какое-либо историческое открытие может подать повод к Государственным учреждениям. Какое славное поприще, какие великолепные виды для Науки! — С другой стороны, не часто ли случается нам слышать восклицания: зачем у нас нет того постановления или этого. Если б сии ораторы были знакомы с Историею, и в особенности с Историею Российскою, то уменьшили бы некоторые свои жалобы, и увидели бы, что всякое постановление должно непременно иметь свое семя и свой корень, и что пересаживать чужие растения, как бы они ни были пышны и блистательны, не всегда бывает возможно или полезно, по крайней мере, всегда требует глубокого размышления, великого благоразумия и осторожности. Далее — они увидели бы ясно собственные наши плоды, которым напрасно искать подобных в других Государствах, и преисполнились бы благодарностию к Промыслу за свое удельное счастие. В этом отношении *Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия*, самою верною и надежною.

Вот, почему изучение Российской Истории полезно, важно, необходимо. Я старался обозреть некоторые ее особливые качества и представить ее отношение к современному миру, к науке, к настоящим обстоятельствам. Я не упомянул только об одной важнейшей причине, которая более всех других должна возбудить нас к сему занятию, и которую я предоставляю собственному сердцу каждого: Российская История — это мы сами, наша плоть и кровь, зародыш наших собственных мыслей и чувств, которые, постепенно получили в нас настоящую степень своей зрелости. Изучая Историю мы изучаем самих себя, достигаем до своего самопознания, высшей точки народного и личного образования. Это *книга бытия нашего*.

И когда мы можем с большими надеждами начать свои труды, как не в наше время? Августейший Монарх принимает Отечественную Историю под высокий покров Свой; просвещенное Начальство, постигшее всю важность исторических занятий, доставляет все нужные средства для их продолжения. Мы повторим здесь всегдашнее наше желание, чтоб скорее изданы были летописи и прочие источники Российской Истории, чтобы плоды Археографической Экспедиции Строева[71] были обнародованы во всеобщее сведение, и не остались тлеть в архивах, как то к несчастию случилось с трудами других наших незабвенных исследователей. Тогда только Российская История получит надежное основание, тогда только обозначатся все материалы, из коих должен создаться великолепный ее храм.

О ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете

Мм. Гг.

Со страхом и трепетом вступаю я на эту кафедру, кафедру Всеобщей Истории в Московском Университете, первопрестольном храме Русского просвещения: никогда не чувствовал я так живо недостатка в своих сведениях, никогда не видал я так ясно всех трудностей, сопряженных с преподаванием сей Науки, и не имел так мало надежды преодолеть их; никогда многочисленные вопросы ее не теснились в уме моем с таким нетерпением и невозможность удовлетворить им не причиняла мне такого огорчения, не приводила меня в такое отчаяние! Ужасное пространство развертывается пред моими глазами! Ужасное время перетекает в моем воображении! Какую великую обязанность я на себя принимаю! Мне кажется, все веки, народы, гении, поднявшись из глубоких могил своих, собираются над головою моею и грозно спрашивают на всех языках Вавилонских[72]: понимаешь ли ты нас? И я — напрасно ищу слов в оправдание моей дерзости...

Грехопадение, искупление... добро, зло, свобода, необходимость, судьба, Промысел, фатализм[73]. Здесь поклонник стихиям, звездам, животным, силам природы, человеческим образам, Иегове, там Христианин, Мусульманин, Лютеранин, Иезуит, Квакер, Сен-Симонист[74]. Здесь видишь смерть кроткого Сократа[75], там Робеспьер[76] подписывает смерть тысячам жертв; вот умирает Катон в Утике[77] и вот Апотеоза[78] Гелиогабала[79]. Инквизиция[80] и революционное празднество в честь богини разума[81]; вступление Крестоносцев в Иерусалим[82] и Варфоломеевская ночь[83]; Руссо на чердаке[84], Мирабо[85] в народном собрании, Людовик XVI на эшафоте[86]; неистовство феодального владетеля и Парижский бал; бочки Негров[87] и естественное право[88]; пирамиды[89] и храм Св. Петра[90]. Цезарь, Мугаммед, Гуттенберг, Наполеон, Колумб, Шеллинг, Петр Пустынник, Вайт, Платон, Ньютон, Рафаель, Петр Великий[91]...

Царства возникают, усиливаются, падают. Народы странствуют, сменяются, распространяются и исчезают. Мысли зачинаются, бо-

рются, побеждают. На одном полушарии начало, на другом окончание. Ныне причина, чрез тысячу лет следствие. В каком состоянии был человек, когда, после грехопадения вышед из Рая, покусился он в первый раз отличить добро от зла? В каком состоянии предание застает почти все гражданские общества, путешественники описывают грубейших дикарей, мы видим младенцев? — А теперь сколько их возможностей превратились в действительность! Тот дикарь, тот младенец, с Ейлером и Гершелем[92] измеряет течение лучей солнечных, с Кювье и Стефенсоном[93] проникает во внутренние земл*и* и читает минеральные ее летописи яснее письменных; с Державиным и Клопштоком[94] вторит достойно Херувимам, воспевающим славу Божию[95]; с Фомою Кемпийским, Фенелоном[96], возносится в горняя и восклицает из глубины сердечной: вся суета сует и всяческая суета! Какие отдаленные между собою края! Легко ли поверить, что они находятся на одной линии! Какие несходные, по-видимому, противоположные, происшествия наполняют их средину! Можно ли вдруг согласиться, что они принадлежат существам одного рода! И все они составляют необходимое содержание Истории.

Я намерен теперь, Мм. Гг., предложить вам несколько замечаний о том, как я смотрю на Историю, в чем полагаю ее сущность, до какой степени кажется она мне доступною и какими путями можно, если не проникнуть, то, по крайней мере, приблизиться к ее святилищу.

Заранее предупреждаю вас, что я приложу все свое старание, быть как можно простее, не входить ни в какие алгебраические, немецкие отвлеченности, кои могут иметь место, приносить пользу разве только в конце Академического образования, но отнюдь не в начале.

Неужели все сии разнообразные явления происходят сами собою, то есть могут быть и не быть, заменяться другими, не имеют никакого единства, согласия? — Вот простой вопрос, который представляется всякому при первом взгляде на Историю. Неужели люди зависят от случая и подвергаются опасности погибнуть в сию же минуту со всеми своими чувствами, мыслями, надеждами, Историею? Рассудок невольно противится принять такое нелепое положение.

Следовательно, есть какая-нибудь сила, пусть называют ее как угодно, которою человечество сохраняется, по крайней мере, от такой нечаянной погибели, точно как другая, или та же, содержит нашу

планетную систему в равновесии, и звезды не падают одна на другую, а стройно совершают свое течение по путям предназначенным.

Если человечество сохраняется, то сохраняется для чего нибудь, то есть имеет цель, в себе ли, вне ли. Если оно имеет цель, то к ней необходимо ведет какой-нибудь путь, который должен быть пройден последовательно, от начала до конца — с которого оно совратиться не может.

Следовательно оно получает, имеет законы своего движения.

Человечество есть,

Следовательно не может не быть,

Следовательно должно быть,

Следовательно оно содержит в себе условия своего бытия.

Следовательно есть законы для его действия, необходимость в происшествиях, есть путеводная десница, промысел, есть Бог в Истории. Таково естественное умозаключение из одного понятия о существовании человечества.

Но всмотримся пристальнее в самые события — не найдем ли мы такие в разных периодах Истории, которые с первого взгляда, a posteriori[97], заставят нас сделать такое же предположение?

К Испанцам приходят Вест-Готы, к Галлам — Франки, в Верхнюю Италию — Ломбарды, в Среднюю — Ост-Готы, в Нижнюю — Норманны, в Британию — Англо-Саксы, к Славянам в Паннонию — Венгры, к Пруссам — Немецкий орден[98], и все сии Государства начинаются одинаково — от бракосочетания победителей с побежденными, и у всех происходит одно явление — феодализм.

Каждое из них отделяется от прочих, занимается внутренними делами, живет особливою жизнию, и между тем, к шестнадцатому столетию феодализм во всех Государствах разрушается, и на его развалинах основывается единодержавие. У всех Государей рождается одна мысль для утверждения своей новой силы, бессменные войска, коим уединенный монах, из глубины своей монастырской кельи, вручает сильнейшее средство, порох[99], найденный им на дне алхимической ступы. Даже по одинакому человеку явилось в главных Европейских Государствах: Людовик XI во Франции, Филипп II в Испании, Генрих VIII в Англии, товарищ нашего Иоанна и Датского Христиерна[100].

Не очевидно ли, что для основания всех сих Государств, со всеми явлениями, зависящими от иного, есть один какой-то закон? Восточные Европейские Государства, то есть Славянские, основаны

другим образом, то есть не вследствие бракосочетания побежденных с победителями, которых к ним и не приходило; и вот у них другие Истории, не сходные с западными, но сходные между собою; и вот все они, как ни были отдалены одно от другого, сколь ни с различными народами входили в сношение, сколь ни в различных обстоятельствах находились, теряют политическую независимость и падают, так или иначе, под чуждую власть. Болгария, Сербия, Моравия, Богемия, Силезия, Польша, Лузация, Померания, Славония, Кроация, Далмация[101].

Не очевидно ли, что для Государств этой половины Европы есть другой закон?

Но Россия не разделяет судьбы единоплеменных Славянских Государств, и высится своей славою не только над ними, но над всеми Западными и Азиатскими. — Нет ли здесь противоречия? Нет — основание ея есть среднее, так сказать, между основанием западных и восточных Государств; к нам пришли иноземцы, но приглашенные, по крайней мере не завоеватели, не с мечем в руках, — может быть таинственная причина, разумеется, вместе с другими, ее преобладания.

В Истории Азиатских Государств опять новое явление. Так, по сложению Герена[102], один народ дикий нападает на другой, образованнейший, живущий в лучшем климате, покоряет его, поселяется в его жилищах, принимает более или менее его нравы; основывается деспотизм, Государство разделяется на Сатрапии[103], предается роскоши; отдаленные области начинают возмущаться, здание колеблется и падает под ударами новых завоевателей, испытывающих со временем такой же жребий. Так начались и окончились Монархии Ассирийская, Вавилонская, Мидийская, Лидийская, Персидская, Аравийская, Монгольская[104]; так началась и так оканчивается пред нашими глазами Турецкая[105], которую поддерживает разве только Европейская почва.

Неужели нет причины сего отличия?

В окрестностях Виттенберга заспорили два монаха, — маловажное обстоятельство; но эти монахи — Лютер и Тецель; их ссора есть начало реформации, всемирного происшествия, имевшего бесконечное влияние, положительное и отрицательное на весь род человеческий! В то же время при осаде Нампелуны, в продолжение ничтожной войны за Наварру, один Бискайский дворянин получает тяжелую рану в ногу; в больнице ему не позволяют вставать с постели, и он от скуки принимается читать жития Святых; воображение его воспламеняет-

ся, и он решается следовать по их стопам и прославиться подвигами во славу церкви. Этот дворянин — Игнатий Лойола[106], а его решение — зародыш ордена Иезуитов[107], который занимает важное место в летописях рода человеческого. Лютер[108] и Лойола — два противоположные полюсы: один проповедует свободу разума, другой — слепую веру. Надо же было случиться, чтоб в одно время основались две такие силы. Эта рана, эта ссора — неужели это только случай?

Рим силою своего оружия, силою физическою, покорил себе древний мир. Но в свою очередь он состарился, и Ромул Августул[109], странно напоминающий своим именем двух основателей Рима, Ромула и Августа[110], увидел диких сынов Севера в священной ограде вечного города, и престол Марка Аврелия[111] занят диким Герулом[112]: все Римские провинции разобраны по рукам и нигде не осталось следов Римского имени. Не восстать бы, казалось, Риму из своих развалин!

Нет — именно основывается в то же время другая власть Римская, и Григорий VII[113], вращая в руках своих меч духовный, призывает к своему суду царей и народы, вяжет и решит их по своему изволению, и Рим делается опять столицею мира. Но и духовная власть склоняется опять к падению, и сын тех же Немцев, которые разрушили Рим политический, Саксонец Лютер посмеивается на своей кафедре громам Ватиканским, и уничиженные Первосвященники лишаются своей власти над народами, принявшими новое учение, и средний Рим упал.

Но между тем, как отважный Профессор жжет Папскую Буллу, Микель-Анджело сводит купол в церкви Св. Петра, Рафаель пишет Преображение[114], слышится новая музыка, и Рим делается всемирным храмом Искусства. Неужели здесь нет никакой судьбы?

Мир приблизился к своей погибели: везде разврат, невежество, слабость, суетность; не осталось кажется ни одной благородной мысли, ни одного высокого чувства в людях; ослабевают, не могут идти далее; мрак, неизвестность, сомнение окружают их, не видать нигде исхода, спасения, — но вот сверкнула новая невиданная звезда над Вифлеемом: Христос рождается спасти человечество[115]. Так, в забытом углу последней Римской провинции, среди презренных Евреев, Он возглашает новое слово и возносится на крест, идеал нового мира. Двенадцать новых рыбарей, оставив свои мрежи[116], идут передавать Его святое учение, но не наливают, говорит Божественный его Основатель, вина нового в мехи старые, а иначе прорвутся мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут[117]. Но вино новое вливают в мехи новые,

и сбережется то и другое, — и вот волны народов новых, каким-то таинственным вихрем подвигнутые, несутся с востока, севера и моря для принятия святого Откровения[118].

Не имеют ли все сии происшествия, к коим я мог бы присоединить многие другие, явственных признаков какого-то высшего происхождения? Не чувствуем ли мы, рассматривая оные, что в явлениях мира сего действуют не одни люди, а еще Кто-то?

Я предложу теперь еще несколько вопросов, которые наводят нас на ту же мысль: почему Африка в течение веков не может выступить на поприще Истории и остается собственностию Географии? Почему Азия представляет повторение же одних и тех же явлений политических? Почему реформацию приняли только Северные Государства, а за Католическим учением остались Южные? Почему у новых народов преимуществует живопись, а у древних ваяние, до которого мы никак не можем возвыситься? Почему у древних — не было рифмы, а новые языки ею отличаются? Почему....

Так, мир нравственный со всеми своими явлениями верно подчинен таким же непреложным законам, как и мир физический.

Сотворение мира физического происходило высоким порядком, — это сказует нам Моисей[119], и объясняют и доказывают Лаплас, Кювье, Филарет[120]. Царство прозябаемых[121], например, возникло прежде животных, а суша устроилась, когда слились воды; свет сосредоточился по разделении хаоса, и за вторым днем не мог следовать пятый, но третий. Так верно происходило и в Истории. Верно дух человеческий так же постепенно выделывается, как природа; верно действия его составляют такую же непрерывную цепь, какую составляют естественные произведения, в которой всякое кольцо необходимо, без излишку и недостатку, держится всеми предыдущими и держит в свою очередь все последующие; верно и для сотворения природы нравственной есть вторые шесть дней творения, коих Историком должен быть новый Моисей.

Но как согласить теперь существование сих высших законом необходимости, судеб Божиих, предопределения, с человеческою свободою?

Нет, мы не слепые орудия Высшей силы; мы действуем как хотим, и свободная воля есть условие человеческого бытия, наше отличительное свойство. Это столь же ясно и верно, как и первое предложение, нами выше сказанное, о бессмысленности случая.

Мы положили прежде, что существует необходимость; теперь должны положить, что существует свобода. Как же они могут существовать прежде? Как они не мешают одна другой? Вот таинство Истории. Соединение, или лучше тожество законов необходимости с законами свободы — такое же таинство, как соединение мысли с словом, как соединение души с телом.

В человеческом теле есть два рода жил, артерии и вены: одними кровь идет из сердца, другими возвращается в оное. Сии жилы совершенно противоположны между собою, и очень видно, по краям, как одними кровь течет вверх, а другими — вниз; но они так тонко между собою соединяются, что никаким глазом нельзя уловить ту точку, где кровь оборачивается, то есть где начинается вена и оканчивается артерия: так точно нельзя определить, где оканчивается миг прошедший и начинается будущий, где оканчивается необходимость и начинается свобода.

История должна, мне кажется, с одной стороны протянуть ткань так называемых случаев, как они один за другим, или один из другого следовали, ткань намерений и действий человеческих по законам свободы. С другой стороны, она должна представить другую параллельную ткань законов высших, законов необходимости, и показать таким образом соответствие сих божественных идей к скудельным формам, в коих они проявлялись, показать, как сей так называемый случай бывает рабом судьбы, ответом на вопрос, на потребность.

Сотканы ли сии ткани? Найдены ли сии законы? Показано ль их тожество? Определены ли случаи и их необходимость?

Нет, Мм. Гг., напрасно некоторые из новых Немецких Философов в упоении ученой гордости мечтают в конце своих учебников, что они все достигли. Когда я читаю Историю, в таком догматическом тоне написанную; когда не встречаю ни на одной странице никакого сомнения, недоумения, вопроса; когда я вижу, что Автор ее все знает, в противоположность Сократу, который под конец своей мудрой жизни узнал, что ничего не знает: то я теряю доверенность к его умствованию, сомневаюсь в его сердечном убеждении, и он, равно как и его товарищи, кажутся мне логическими машинами, которые сами себя обманывают, приводят молодых людей в заблуждение и приносят Истории гораздо менее пользы, особенно в своих приложениях, нежели сколько думают.

Нет, История есть самая младшая Наука, и для системы ее по предложенному теперь идеалу, собрано разве только что несколько материалов.

Не думайте однако ж, что от сего несовершенства занятия ее доставляли менее удовольствия, чем занятие другими Науками. Неужели находить в Науке приятнее, чем искать?

Неужели Колумб, отправляясь на трех бренных судах из Палосской гавани[122] в неизмеримый Океан, или завидев издали чернеющееся пятно Гванагани[123], чувствовал меньше радости, нежели когда объехал всю Америку и сделался ее Вице-Королем? Неужели Линней[124], зная меньшее количество растений, понимал всю природу хуже новых Ботаников, которые описали их тысячами более?

Может быть, мы узнаем совершенно Историю, когда все узнаем, то есть в минуту светопреставления[125]; но предчувствовать это знание, по некоторым чертам судить о всей обширной картине, представлять ее в своем воображении, есть одно из величайших наслаждений. — Вот это предчувствие мы можем производить в себе, и оно имеет свои степени ясности, живости, силы, и может, вероятно, так приближаться к знанию, как иная надежда бывает почти верою.

Но как же можем мы произвести в себе оное?

Бог, благоволив показать Моисею в неопалимой Купине «задняя славы своея» велел ему изуть сапоги от ног его[126]. Вот идеал, как должно заниматься Историею, чтобы увидеть задняя славы Божией!

Мм. Гг., ваше время есть лучшее в жизни; вы не омрачились еще никакими суетными помышлениями, не развлеклись еще никакими тщетными желаниями, не стеснились никакими условными отношениями; у вас нет никаких механических привычек, предрассудков. Светлый ум жаждет знаний, чистое сердце готово чувствовать все прекрасное, благородная воля чуждается бесчестного действия. Всякое впечатление принимается живо. Невинные, свободные, вы все принадлежите Науке. Занимайтесь же ею так, чтоб плоды ваших занятий соделались украшением, надеждою всей вашей жизни; чтоб одно воспоминание о сем времени составляло ваше счастие. Ах! Поверьте мне, ничто не может сравниться с тем наслаждением, когда ушед в горы, очистив чувствия, вознесясь духом, вы будете беседовать с избранными земли, вопрошать их мудрые оракулы[127], размышлять об их важных действиях и судьбах человечества, рассматривать неизмеримый путь совершенствования, созерцать и предугадывать

законы высшие и предаваться в руце Божии! Вот когда вы узнаете, или, лучше, почувствуете Историю! Да, Мм. Гг., ни в какой книге, ни в какой библиотеке, ни в каком Университете, ни от какого Профессора нельзя узнать ее так, как во глубине души своей. Там только она воспроизводится, по крайней мере подобие ея полное, совершенное, возможное на земле.

Я почту себя счастливым, если буду иметь возможность настроить вашу душу к таким размышлениям, и одна мысль ободряет меня, поселяет во мне некоторую надежду на успех: я люблю науку, люблю ее искренно, и уверен, что сия любовь каким-то магнитным образом сообщается. Вот вместе и причина, почему я, при всех своих недостатках в сведениях и даре слова, которые я опять откровенно пред вами исповедую, решился принять предложенную мне должность; другая: я готов всякую минуту передать ее первому достойнейшему, и желаю сердечно, чтоб это было кому-нибудь из вас.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АФОРИЗМЫ

Предисловие

Издавая в свет свои Исторические Афоризмы, я должен предупредить читателей об их происхождении и настоящем назначении.

Это суть мысли, кои в разные времена приходили мне в голову при чтении сочинений о разных исторических предметах, при размышлении об Истории, и кои я записывал в свою памятную книжку. Лаская себя надеждою, что от некоторых из них не откажется, может быть, и Наука, я назначаю их, впрочем, теперь преимущественно для моих слушателей, чтоб доставить им темы для рассуждений, бесед, ученых состязаний, — чтоб обратить их внимание на разные происшествия, пропускаемые в Историях, особенно наших, — дать примеры, со сколь разных сторон можно рассматривать исторические явления, — и содействовать к изощрению их исторического рассудка, к образованию в уме их понятия, что есть История, и чего в ней, по моему мнению, искать можно и должно.

Сообразно с этой целию, мне не нужно было давать своим Афоризмам никакой искусственной формы, приводить их в порядок или систему. Я оставил их так, как они родились, со всеми признаками их происхождения: одни мысли недоговорены, другие повторены несколько раз под разными формами, третьи только что намечены. Иногда читатель найдет старые мысли, в новых только выражениях, кои показались мне удачными. И так в этом собрании не должно искать никакой последовательности, связи, никакого целого. Развить некоторые мысли я намерен в других сочинениях, и даже скоро, например, рассуждение о Реформации у меня почти уже готово[128].

Надеясь принести пользу своим слушателям, а может быть, и другим любителям Истории, я ставлю себя в невыгодное положение пред нашими судьями: ибо, если справедливо сказал один Французский Министр, что во всяких трех строках печатных можно отыскать уголовное преступление, то подобные отрывки всего удобнее могут подать повод к кривым толкованиям. Потому я вперед прошу моих рецензентов судить меня по духу целого сочинения, а не по одному какому-либо месту, не вполне понятому ими, может быть, по моей вине, если я выразился не ясно, может быть, по их вине, если они берутся судить об этом месте, не быв хорошо знакомыми с тем исто-

рическим предметом, к которому оно относится, а История, скажу здесь кстати, имеет свои логарифмы, дифференциалы и таинства, доступные только для посвященных. Для того-то приложил я здесь первую мою Лекцию об Истории[129], в которой старался изложить вполне, хотя и кратко, свое мнение об этой Науке, и которую благоволят иметь в виду мои судьи.

Но всякое благонамеренное замечание, опровержение, основанное на знании дела, я приму с благодарностию, и воспользуюсь в других книжках.

М. Погодин
1836 г.
Января 29

Исторические афоризмы

История должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представить биографию этого человека, чрез все степени его возраста.

Многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжение тысячелетий, доставят в такую биографию, может быть, по одной черте.

Черту сию узнают великие Историки.

* * *

Есть один закон, по коему образуется человечество, — но в каждом народе ход сего образования изменяется вследствие разных внешних обстоятельств, и дело частного Историка показать, каким образом и по каким причинам происходит изменение, как отражается в частных явлениях общий закон.

Он должен показать также и участие народа в общем образовании рода человеческого; в первом случае он связывал кольца в частную цепь, — во втором из частной цепи он делает одно кольцо и указывает ему место в общей цепи.

* * *

Каждая точка предмета пускает от себя луч, и все лучи сосредотачиваются в нашем глазе. — Луч солнечный составляют цвета зеленый, красный и проч. — так и Историки: пусть представляют теперь Исто-

рию Религий, образов правления, искусств, наук. Все сии предметы вместе составляют одно целое, Историю, в нашем понятии.

Монархии, древние и новые, могут составить одну беспрерывную Историю, — сия История покажет постепенные усовершенствования Монархического правления. То же можно сказать и о других правлениях.

В этом случае не надобно держаться имен собственных: иначе, необходимо, История всякого такого предмета прерывается. Надобно забыть Греков, Персов, Индейцев, а смотреть на один предмет свой, на правление ли, или на образованность, на искусства и т. п. Персы, Греки, Индейцы должны быть в глазах наших разными образами (формами), в коих последовательно проявлялась рассматриваемая нами идея.

В такой Истории, составленной из частей многих Историй, главным предметом будет, то или другое, одно отвлеченное явление человеческой жизни.

Другая История может рассуждать о совокупности явлений человеческой жизни, которая будет для нее также единицею, хотя и крупнейшею.

Для третьей Истории единицею есть один народ; или собрание народов в одной части света и т. д.

Из таких Историй откроется положительно то, что теперь только предугадывается: везде царствует один закон. Монархический, Республиканский образ правления, торговля, изящные искусства, развивались и развиваются по тому же закону, по которому развивались и развиваются царство прозябаемых[130], ум человеческий, планетная система, язык, наука Истории и пр. и пр.

Все Истории могут быть вытянуты параллельными линиями своего рода; все они суть вид одного рода и находят себе разительное подобие в развитии царств природы.

* * *

Философ может иметь идеал, систему отвлеченную Истории, (прошедшей и будущей), но сия система мертва без положительного приложения.

* * *

В Истории царствовал доселе эмпиризм[131], — и необходимо. Только с эмпирическими познаниями можно строить системы.

Пусть работают Эмпирики, собирают, очищают, распределяют события: тогда из самой Истории явится и разовьется ее система. Прикладывать Историю к готовой теории — то же что класть ее на Прокрустово ложе[132]. Эта наука даже в руках Эмпириков начнет теперь переменять лицо свое. Она занимается теперь еще разностями, экземплярами, — но их естественно будут подводить под итоги и уменьшать число собственных имен. Одни опыты будут удачнее других.

* * *

Прежде давал я название Истории, коей темный идеал ношу в груди моей: вечная память. Теперь думаю, что ее лучше назвать: судьбы Божии.

* * *

Историк-Поэт, невольно, без сознания, так излагает иногда происшествия, что читатель мыслящий сам видит в них стройное развитие, систему, или, по крайней мере, приготовляется к системе.

* * *

Как трудно дойти до того, чтоб представлять себе живо Историю современную, без исторических выкладок, — знать, не прибегая к памяти, как был и что делал человек в Риме, Скифии, Эфиопии, во время Греческого Сократа, Сиракузского Тимолеона[133]!

Какое должно быть наслаждение слышать эту Историческую гармонию!

Но довольно пока, если и соло какое-нибудь понимаешь и чувствуешь.

* * *

Время настоящее есть плод прошедшего и семя будущего. Другими словами: в Истории идет Геометрическая прогрессия[134]. Найдя среднее пропорциональное число, можно предвещать и будущее, как теперь прорекается прошедшее. Вот пример подобной пропорции: если Крестовый поход так относится к реформации, то как реформация относится к Z и проч. ? К. П : Р. = Р : Z. — Таким образом можно отыскивать и первый, и второй, и третий, и четвертый члены. Можно также сравнять развитие совокупной Истории государств, в известный период времени, с фугою — таким музыкальным сочинением,

в продолжение которого несколько раз возобновляется начало, — с движением диагональной линии.

* * *

Род человеческий, если взглянуть на него в известное время, поднимается вверх по лестнице. Есть люди, которые стоят на верхней видимой ступени (человеческого образования), которые суть соль земли; — до других свет просвещения не доходил, как до нас — свет иной звезды, над млечным путем находящейся! — Точно то же можно сказать и о народах, о государствах, если рассматривать их отдельно. Каждый народ, каждое государство перебывает на всех ступенях в свое время, так или иначе, раньше или позднее, крепче или слабее, медленнее или скорее. Частная История берет каждый народ с первой его ступени и доводит до той, на коей он стоит теперь, показывая вместе и взаимное влияние народов, как электрическая сила пробегает чрез все кольца длинной цепи и сообщает удары краям. Сие влияние ускоряется более и более, по мере того, как более связывается колец. Это очевидно на политике: например вступление иного Министра в управление отзывается ныне уже во всей Европе.

* * *

Норманны восьмого столетия, Литовцы, Пруссы одиннадцатого, Русские Славяне до Св. Владимира принадлежат собственно Древней Истории. — К ней же принадлежит, может быть, и настоящая История многих народов Азии, Африки, Америки. Сии народы стоят теперь на нижних ступенях, но со временем, поднимаясь вверх, они, может быть, достигнут тех, на которых ныне стоят Европейцы, кои будут тогда еще выше, если нет на их пути, сих последних, какой-либо точки солнцестоятельной. Новая История есть История Христианская.

* * *

Времени, которое было в Европе, не было еще в Азии и Африке: так солнце освещает страны — одну за другою, и Европейский вечер есть Американское утро. В Торнео[135] день продолжается шесть месяцев.

* * *

Чем больше будет развиваться человечество, тем деяния его будут яснее, простее, и наконец, Историею будет самое настоящее время,

т. е. человек будет вместе и действовать и знать свои действия, или, лучше, уже не будет Истории. Так тело падает к центру с увеличивающеюся быстротою.

* * *

Доселе рассуждают более всего об одной политической Истории. Нужна История жилищ человеческих: пещера, шалаш, изба, дом, дворец. Пищи: вода, сырое мясо, соус; мореплавания: выдолбленный пень, лодка, корабль, пароход. Политики, ремесел и т. д.

* * *

Одно и то же событие является в разных формах: так, усиление Монархической власти и ослабление Феодализма начинается в Западных Европейских государствах с Крестовых походов, а в России — с Монгольского ига. — Образование в Германии подвинуто реформациею, а во Франции была уничтожена реформация[136], между тем образование идет своим путем.

* * *

Многих великих людей должно назвать только счастливыми: многие достойнейшие при противных обстоятельствах не получают половины их успехов. Занимаясь Историею, более удивляешься человечеству, нежели людям. Они — мелки, велико оно.

* * *

Представьте себе, (я требую возможного только в воображении) что человек, не имеющий понятия о музыке, но одаренный от природы всеми способностями, чтоб чувствовать и понимать ее, получает партитуру какой-нибудь огромной оратории[137] и все музыкальные инструменты, на коих она может быть разыграна, — с голым известием, что условными знаками, им видимыми, (нотами), означаются разные звуки, производимые на данных инструментах. — Он хочет по сим двум данным представить себе исполнение (ex cution) сего великого музыкального произведения. Ему должно, во-первых, испытать все инструменты и узнать все их возможные звуки, переметить их, и привести в порядок свои новые ноты, отыскать посредством соображений, опытов, отношение своих нот к данным, (как бы посредством фальшивого арифметического правила), узнать таким образом какой

звук и на каком инструменте тою или другою данною нотою изображается, разыграть партитуру по частям, и проч. и проч. — Сколько усилий ума потребно, чтоб попасть на сии средства, сколько потребно труда, чтоб воспользоваться сими средствами? Целые поколения прейдут, пока наконец внуку внуков удастся достигнуть отдаленной цели прародителя и насладиться божественною гармониею. —

Труднейшая задача задается Историку: он сам должен ловить все звуки, (летописи, Несторы, Григории Турские[138]) отличить фальшивые от верных (Историческая Критика, — Шлецеры, Круги[139]), незначительные от важных, сложить в одну кучу (История, собрания деяний, — Роллени[140]); разобрать сии кучи по родам истории, (частные Истории Религии, торговли, Герены[141]); провидеть, что в сей куче и кучах должна быть система, какой-нибудь порядок, гармония, (Шлецеры, Гердеры, Шиллеры[142]); доказать это положительно a priori (Шеллинги[143]), делать опыты, как найти сию систему (Асты, Штуцманы[144]), наконец найти ее и прочесть Историю так, как глухой Бетховен[145] читал партитуры.

* * *

Происшествие принимает форму в глазах ясновидящего Историка, и представляется ему, как произведение Изящного искусства, уже в пространстве, а не во времени. Если он в своем сочинении передает читателям сие ощущение, то по справедливости заслужит имя Историка-Художника. — Но всегда ли в такой Истории отражается как в зеркале истинный образ происшествия, народа? Нет, а между тем читатель всегда будет наслаждаться таким сочинением, точно так, как мы восхищаемся теперь портретами Вандика[146], не заботясь нимало о том, похожи ли они были на подлинники, или нет. — До сих пор в Историях едва ли не больше мы видим Историков, нежели народы. По большей части они дают нам свои стекла, чрез которые мы должны смотреть на деяния, и редко сии стекла не изменяют цвета предметов.

* * *

Историк по преимуществу есть венец народа, ибо в нем народ узнает себя, (достигает до своего самопознания).

* * *

Происшествия можно так же разделить на роды, виды, разности, как разделяют растения, минералы и проч.

* * *

Историческая Критика должна допустить доказательства a priori, откровения Поэтов, о коих не смели думать и смелые Шлецеры: неужели, например, время, протекшее до появления памятников, должно погибнуть для Истории?

* * *

Получим ли мы надлежащее понятие о живом человеке, если опишут нам порознь (хотя бы верно) его руки, ноги, лице, туловище, — если даже покажут его остов? — Этот вопрос применить можно к Истории.

* * *

Какой древний музыкант, слушая разные инструменты, мог вообразить, что все их звуки можно перевесть на один инструмент? — и однако родилась Святая Сесилия, которая изобрела фортепиано[147]. — Как хлопочут теперь Историки о методе Истории. — Да снизойдет к нам скорее Святая Сесилия!

* * *

Человек и природа сначала бывают связаны узами неразрывными и имеют одну общую Историю; человек долго остается рабом земли, им обитаемой, и зависит от нее, как бы ее произведение, цветок или дерево. Образ его жизни, образ его мыслей, почти определяются ею. Здесь должно искать преимущественно источника различия в древних языческих религиях, образах правления и проч.

Гора имеет свой климат, свой воздух, свой язык и свой образ мыслей; равнина также. Персиянин, рожденный близ нефтяных источников, в стране неугасимого огня, поклоняется Богу под сим образом, и его Философия принимает два начала — свет и тьму[148]. Вавилонянин, житель долин, над коими на вечно-ясном небе сверкают звезды немерцаемым светом, чтит светила и занимается прежде всех Астрономиею[149]. Жителей равнин гораздо легче содержать в повиновении, чем Горцев. В средней Азии, на тучных пастбищах, без хлеба и леса возникает кочевой образ жизни, в плодоносном Египте — земледелие, в приморской Финикии — торговля, Троглодитная Архитектура — среди естественных пещер Эфиопии[150].

Вот отношение Географии и вообще Естественной Истории к Истории. Чем более человек образовывается, чем более духовная часть его совершенствуется, тем более выходит она из под власти природы вещественной, и из раба ее делается властелином. Так душа младенческая безусловно повинуется телу, а человек зрелый может управлять и страстями.

* * *

Народы вступают в брак между собою, как лица, и от сих бракосочетаний происходят новые народы, новое потомство. Так Норманны женились на наших Славянах, Франки — на Галлах, Англо-Саксы — на Бриттах, Вест-Готы — на Испанцах, Ост-Готы — на Италианцах, Венгры — на Паннонцах, Норманны — на Сицилийцах, Немецкие Рыцари — на Пруссах[151] и проч. Сии мужья, несмотря на малочисленность, преобразовали совершенно своих жен со всем их приданым; (нашим Славянам, например, Норманны дали все политическое устройство). В сем отношении все почти Европейские Государства начались одинаким образом. — Примечательно, что многие жены получили и имена от сих мужей победителей. Галлия была названа Франциею, Британия — Англиею, и проч. —

В древних Государствах также мы видим везде два начала, положительное и страдательное, действительное и отрицательное, мужеское и женское, даже до первого государства — Адама и Евы.

Самая большая общая свадьба в Европе была у мужественных народов Немецких с изнежившеюся Римскою Империею[152].

А нет ли народов вдовых, безбрачных, народов мужского и женского рода, и какое влияние имеет на Историю то или другое состояние?

* * *

Где просвещение на земле? В одном углу — в Европе. Каким образом можно приобщить к сей трапезе дикарей или полудикарей Азиатских, Африканских, Американских — сии миллионы сынов человеческих, кои живут теперь только жизнию животного. Для сего нужен Крестовый, или, лучше, Европейский поход. Денгамы, Боудичи, Клаппертоны[153] заведут с сими дикарями торговлю, привезут к нам их растения, животных, обогатят нас сведениями психологическими, и только. Все сии народы остановились на одной степени, и не двигаются. Только тогда, как Европейцы сядут на престолах Ашантиев, Бирманов, Япон-

цев[154], и заведут порядок Европейский, примененный, разумеется, ко внешним обстоятельствам, только тогда сии народы, составляющие большую часть рода человеческого, пробудятся от глубокого сна своего. Вот свадьба, которую еще сыграть осталось. Пятьсот тысяч Европейцев с тысячью пушек, и Хам поклонится Иафету[155], и Европейцы будут первым коленом, первою кастою в мире, как Пасаргады в Персии[156], как белые в Америке. Невольно вспомнишь Наполеона*. Не странно ли, подумаешь, Европейцы дерутся за всякий угол земли, а там ждут их страны, медом и млеком текущие, об которых они не думают.

Но, может быть, сим народам предназначено природою не выходить из своего состояния; у Негра череп совсем не похож на Европейский. Может быть Африканцы, например, будут иметь какого-нибудь своего Мугаммеда[157], но Европейское образование для них неприступно и вредно? Может быть, — однако Мулаты не много отличаются от белых, однако Турки и жители Египта привыкают с успехом к изменениям Махмута и Мегемета-Али[158], и вообще движение вперед возможно со всякой точки.

* * *

Я читал Тьерри (Histoire de la conquete de l'Angleterre par les Normands)[159]. На с. 58 встречаю место: «по счастливому случаю сильнейший из предводителей Англо-Саксонских, Этельберт, Царь страны Кентской, только что вступил в супружество с *женщиною* Франкского рода, Католической веры, пред прибытием Епископа Августина, посланного Папою Григорием для проповедания Христианской веры к Англо-Саксам. Вероятно, что супруга-Христианка Царя-язычника не оставалась в бездействии при сем великом произношении, и что все усилия семейной нежности были устремлены на то, чтоб сделать Этельберта благоприятным миссонерам». После Этельберт получил Св. крещение.

Далее на с. 78: «Чрез несколько лет после сих происшествий сестра Эдбальда (сына Этельбертова), по имени Этельберга, была выдана замуж за языческого начальника страны на севере от Гумбера. Молодая *супруга* отправилась в сопровождении священника Павлина... По плану Папы Григория, и в надежде, что верная жена обратит

---

* Это написано в 1826 году; я не мог добраться до истины в рассуждениях Французов об их нынешнем Алжире.

неверного мужа. — ... Когда же она сделалась беременна, то Павлин объявил отцу, Эдвину, что он умолил Бога даровать ей роды без муки, с условием, чтоб дитя было окрещено». — Чрез несколько времени, вследствие новых усилий священника и жены, язычник и сам получил Св. крещение.

На с. 85: Чрез тридцать лет после обращения жителей Гумбера, одна *женщина* из сей страны обратила начальника королевства Мерции, которое простиралось от Гумбера до Темзы.

Прочитав сии страницы, одни за другими, я вспомнил об известном обращении Кловиса *Клотильдою.*

Об нем у Тьерри же (с. 56): По счастливому, или, может быть, подготовленному случаю, Король, которого хотели обратить к Римской Вере, взял себе в супружество *женщину*, которая одна в княжеском роду была Христианкою; любовь сей православной жены, как говорят летописцы, смягчила мало-помалу сердце неверного мужа. После, пред сражением с Германскими племенами, Кловис призвал Бога Клотильдина и произнес обет сделаться Христианином в случае победы. Он победил и окрестился».

У меня мелькнул в голове вопрос: не везде ли Христианская Вера была вводима первоначально чрез женщин? Мне представился Константин и мать его *Елена*[160], принимавшая такое участие в распространении Христианской Веры по Римской Империи; потом наш Владимир и *Ольга* с *Анною*[161], главными причинами Христианства в России; *Гедвига*, вышедшая замуж за Ягайлу[162], с условием, чтоб он ввел Христианскую Веру в Литве...

«*Домбровка*, дочь Болеслава, Богемского Князя, не хотела отдать руки своей Мечиславу I (Королю Польскому) иначе, как с условием, чтоб он и народ его приняли Христианскую Веру. Мечислав не выполнил сего условия, пока ласки и угождения его супруги не склонили его к тому, и проч. » (Бантке, I. 66[163]).

«Король Карл Простой предлагает тебе (так говорил посланным для негоциаций Архиепископ Руанский Роллу, Нормандскому владетелю) дочь свою в супружество со всею страною между рекою Эптой и Бретанью, если ты сделаешься Христианином и будешь жить в мире с Королевством. » (Тьерри I, 179).

Нить моих припоминаний и выписок прервал г. Венелин[164]. — Как введена в Болгарии Христианская Вера? — «Одну Княжну, ..., Владимировну какую-то, Византийцы взяли в плен, воспитали у себя в Хри-

стианском законе, потом отпустили на родину, и она убедила брата креститься». — А в Венгрии? — «Ну, *Шарольта*, Христианка, убедила Короля Гейзу... На что же это?» — Я рассказал, и он напомнил мне еще о Грузинской Тамари.

Сюда можно присоединить Богемскую *Людмилу* и Лонгобардскую *Теоделинду*.

Итак, Христианство введено везде чрез женщин. Но это, скажут, случай! Да, случай, одинаковый. А одинаковый случай есть закон.

Но если б и были где исключения, видоизменения! — они могут происходить от других, известных и неизвестных причин, и кажутся нам противоречиями при нашей настоящей близорукости: землю называют круглою, и справедливо, хотя на ней есть Чимборассо и Девалагири[165]. Исторических происшествий нельзя подводить под строгие алгебраические формулы или логические категории. (Об этом замечании прошу читателей припоминать и при других моих положениях).

Я вспомнил о предречениях Еве и Св. Деве Марии[166], предречениях, из коих первым начинается и определяется древняя История, а вторым — новая.

А как началась Христианская Вера в Германии? Не читав никаких частностей, не имев никаких книг для справок под рукою, я остановился было — но мне пришли на память Саксонцы. Карл Великий тридцать лет воевал с ними[167], принуждая их всякими казнями принять Христианскую Веру. Пораженные, в крайности, они крестились; но, чуть оправившись, возвращались опять, несмотря ни на какие угрозы, к своим идолам. Наконец уже, приняв самые жестокие меры, он успел в своем намерении. Тут же вспомнил я и об языческих Пруссах, против коих был проповедан Крестовый поход, и кои, наконец, под мечем и в огне, разоренные и измученные, приняли крест от Рыцарей Немецкого ордена[168]. Следовательно, здесь не так введена Христианская Вера, как в других Европейских Государствах, а чрез принуждение. Тут представилась мне Реформация, явление в общеисторическом смысле, принадлежащее бесспорно Германии. Точно, в Саксонии родился Лютер, в Саксонском Университете проповедал он свое учение. Фридрих Мудрый, Курфюрст Саксонский[169], был первым покровителем, смело можно сказать, сохранителем его мысли; Мориц Саксонский доставил Протестантам Пассавский договор, краеугольный камень всех их последующих отношений[170]. А Пруссия — секуляризация Албрехта[171], была примером для всей Германии и прочего Севера, главной побуди-

тельной причиной для Имперских Чинов стать под знамя Виттенбергского Профессора[172]. Саксония и Пруссия — колыбель Реформации.

После мне случилось прочесть о введении Христианской Веры в Швецию, Данию, Норвегию, Богемию, страны, принявшие Реформацию. Мое предположение подтвердилось: каких усилий, сколько времени стоило ввести Христианскую Веру в северные государства! Олов Тригвезон принуждал с ужасною жестокостию своих подданных креститься[173], говорит Рюс в своей Шведской Истории (98) и т. д.

Итак, не там ли Реформация, где было прежде принуждение? Стеснение и расширение, action et réaction[174], по закону какой-то духовной упругости?

Как же удивительна эта сила, пролетающая чрез тысячелетия по времени, как электрическая чрез пространство? Что за процесс здесь совершается? Неужели есть связь между косностию животного, безразличного Саксонца, и буйным гением Лютера?

И это взгляд на происшествие, на Реформацию, (может быть, неверный), с одной только его стороны, то есть, только на образ его явления, внешний, не на самое явление, не на сущность его, не на отношение к предыдущим нравственным причинам, следствиям, ко всему человечеству и т. д. Здесь мы смотрим, так сказать, на одно колесо в огромной машине, и изыскиваем, почему оно так движется, а не иначе, не заботясь нимало о тысячах прочих колес и отношениях их между собою. На Реформацию можно смотреть со многих еще точек; и всякое ее действие, (как и действие других происшествий, напр., Крестовых походов, Александра Македонского, Петра Великого[175]) совершилось, разумеется, по закону, и закон этот, одинаков в различных формах, и все сии различные формы складываются, так сказать, между собою во времени и пространстве, и в суммах их, малых и больших, частных и общих, проявляется опять тот же закон, и везде порядок, согласие, гармония. И вот задача Истории: разобрать сии слагаемые, найти их сумму, понять их соответствия, причины, действия, правила, законы, почуять Бога.

* * *

Реформация дала бытие Голландской Республике[176], которая тот же час, по необходимости, сделалась морскою Державою, образцовою для всей Европы, начала всемирную торговлю, и дала новое направление государственному хозяйству; Реформация вдохнула по-

литическую жизнь в Немецкие Государства, подчинила окончательно Венгрию и Богемию Австрии, положила краеугольный камень бытия Пруссии, которая сделалась после первостепенным государством, утвердила могущество Густава Вазы[177], и после доставила Швеции первенство на Севере, сделалась основанием Английской конституции[178] и условием Английской независимости, основала внутреннее могущество Людовика XIV, разорила Ирландию, унизила Испанию, погубила отчасти Польшу, населила Америку[179]; в течение полутораста лет была главною пружиною политики Европейской, и приводила все государства в сношения, производила войны общие, частные, междоусобные, со всеми их следствиями; содействовала к увеличению власти Государей, приблизила Духовенство к народам, породила дух нетерпимости, дух противоречия, дух исследования, свергла схоластические оковы с Философии, имела влияние на все науки, на все просвещение, как и на политику, влияние полезное и вредное. Итак, Реформация есть явление всемирное, необходимое!

Ах! — говорит Лютер в своих записках, с каким трепетом предстал я пред Кардиналом Каэтаном[180], присланным из Рима исследовать первые мои действия. Я пал пред ним на колени, потом поклонился в землю, и встал тогда только, как получил троекратное приказание. Если б Папа взял тогда мое дело к себе на рассуждение (говоря по нашему: положил под красное сукно) и заставил бы молчать моих противников, я не пошел бы далее. Я сам тогда ни об чем еще не думал, и не видал никаких злоупотреблений Папской власти, но у меня требовали, чтоб я отрекся, и проч.

Сравните же это начало с последствиями!

И как удивителен ход Реформации! Случилось же, что Папе Льву понадобились деньги на церковь Св. Петра и приданое сестре; что он смотрел сквозь пальцы на Латинский спор двух Немецких монахов в варварской стороне? что Фридрих Мудрый принял сначала Лютера под свое покровительство, (а он не видал его, и не читал его сочинений); случилось же, что междуцарствие продолжалось долго, и Папа имел нужду в Курфюрсте; что Император Карл V сделался ему одолженным; случилось же, что Карлу противостояли Франциск и Солиман[181], случилось же, что Экк[182] раздражил Лютера, и проч., и проч. Всемирное происшествие со всеми своими бесконечными действиями висело ежеминутно на волоске! На волоске держалась такая тяжесть! Что же, кто же держал ее!

Взглянем с другой точки. Реформацию приняли только северные государства, а в южных — только северные половины. Рассудок, говорят, принадлежит преимущественно Северу, чувство — Югу. Это правда, но менее ли удивительно приложение сего замечания к событию: рассудок в хорошую и дурную сторону должен развиться на Севере и вдруг, в исполнение этого предопределения, закона, как нарочно являются там Тецель[183] и Лютер.

Взглянем еще с другой точки. Реформацию приняли только Немецкие племена: Германия, Англия, Голландия, Швеция, Дания, Пруссия. Одним словом, Реформация есть взгляд Немца на Религию: как будто ей предназначены были пределы распространения, за которыми она уже ничего не значила, как иные болезни лишаются своей силы в других климатах!

И сколько еще точек, с которых можно смотреть на это происшествие как и на всякое другое! Как переплетаются следствия, отношения и причины! Всякое происшествие можно сравнить с многоугольником, который тысячами своих сторон прикасается к тысячам других многоугольников.

* * *

В то почти время, как Лютер ссорился с Тецелем в Саксонии, — при осаде Пампелуны в Испании, в продолжение ничтожной войны за Наварру, один Бискайский дворянин получает тяжелую рану в ногу; в больнице ему не позволяют вставать с постели, и он от скуки принимается читать жития католических святых; воображение его воспламеняется, он решается следовать по их стопам и прославиться подвигами во славу церкви. Этот дворянин Игнатий Лойола, а его решение — зародыш ордена Иезуитов, который занимает важное место в летописях рода человеческого. Лютер и Лойола — два противоположные полюса: один проповедует свободу разума, другой слепую веру. Надо же было случиться, чтобы в одно время основались две такие силы, Реформация и орден Иезуитов!

* * *

Напрасно говорят: Религия Лютеранская, Католическая, Епископальная. Гораздо правильнее: Религия Христианская Немецкая, Италианская, Английская. Всякий народ под своим углом зрения смотрит на вещи, и то же представляется ему не так, как другому. Немцам

должно предоставить отвлечения: они все отвлекают. И вот Религия, что касается до обрядов, простая алгебраическая формула. Другие ее отличия относятся также более или менее к народному духу.

* * *

Шатобриан говорит (Etudes historique, CXXX)[184], что Реформация есть нападение истины философской, в одежде Христианской, на истину религиозную: почему бы не смотреть на Лютера, как на преемника Ариев, Македониев, Пелагиев[185], а на сих, как на преемников Греческой Философии? Сии возражения, в продолжение веков, верно составляют свое благоустроенное целое, выражающее какую-либо сторону человеческого духа.

* * *

Крайности, к коим увлеклась Реформация, относятся преимущественно к догматам религии.

Желательно было бы, чтоб наши ученые Духовные показали отношение Реформации к Христианской религии в первоначальном ее виде, потом к Католицизму, и, наконец, к Греческому Православию.

* * *

Желательно было бы иметь философское сравнение догматов.

* * *

Всякая философская система есть только что одностороннее развитие ума, и все они составляют одно целое, которое постепенно развивалось. Почему не взглянуть с этой точки и на различные исповедания Христианские? Все исповедания, отдельно от Православного Греческого — Римско-католическое, Лютеранское, Реформатское, Епископальное, Пресвитерианское, Квакерское, Гернгутерское и проч., нельзя ли назвать по их формам разными религиозными системами, кои составляют также одно целое?

* * *

Есть одна истина, но всякой человек смотрит на нее под своим углом. Одно Евангелие дано человеческому роду, но всякий народ понимает оное, прилагает свои действия к оному, по-своему, (пока все люди не составили одного стада). Так всякий народ имеет свою

физиономию, философию, нравственность, поэзию и религию, или лучше, взгляд на Религию.

* * *

Все сии различия, видоизменения, оттенки происходят отчасти от первоначального различия племен. Без справки в Истории, можно сказать, что Ирландцы не родные братья Британцам, Бельгийцы — Голландцам, Афиняне — Спартанцам. Сие различие, различие семени, отражается в первых движениях полудикой орды и последних зрелых предприятиях общества, восшедшего на высокую степень гражданственности, в нестройных, элементарных звуках языка и глубочайших размышлениях Философии.

* * *

В Германии два главных племени: Саксонцы и Баварцы. И вот одни принимают Реформацию, другие, Баварцы, являются главными ее противниками: какую помощь оказывала Бавария Австрии в продолжение тридцатилетней войны! Словом, Саксония и Бавария — полные представительницы обеих сторон в Истории Реформации.

* * *

К следствиям Реформации, особенно в Германии, причисляют много такого, что принадлежит не ей одной, а тому народу, которым произведена она сама. Ум Немецкий точно так не мог довольствоваться долее формами схоластики, как и сносить оковы Папские, — уважать какие-либо пределы, извне ему назначенные, как и не рассуждать о таких-то политических отношениях. Следовательно, Немецкая Реформация и Философия суть только родные сестры, а не мать с дочерью. То же должно сказать о многих других, так называемых, следствиях Реформации. Ее, по моему мнению, должно почитать только старшею сестрою, которая, в свою очередь, бесспорно содействовала много к образованию младших.

* * *

Написав слова «следствия Реформации», я подумал: почему же нельзя назвать их, чрез одну причину назад, следствием Католицизма, породившего Реформацию? Ведь говорим же мы: Реформация произвела Голландию, а Голландия — морскую всемирную торговлю, — сле-

довательно, всемирная морская торговля принадлежит к следствиям Реформации; ведь говорим же мы, что Наполеон есть сын революции! Если захватим еще причиною глубже, то назовем сии явления своевременными следствиями, или лучше, необходимыми, хотя и отрицательными явлениями в жизни Христианской Религии, — человеческим, местным развитием одной какой-либо стороны ее.

Как же мудрено распознать, от чего что происходит, что к чему клонится! Как переплетаются причины и следствия! Повторяю вопрос: можно ли представить Историю? Где форма для нее? Историю вполне можно только чувствовать.

* * *

Европу можно разделять исторически на две главные половины: Западную и Восточную. Первою возобладали племена Немецкие, во второй остались Славянские. Первая завоевана; вторая занята. В первой пришлецы и туземцы; во второй только туземцы. В первой феодализм, во второй уделы. Первая получила Христианскую Веру из Рима, вторая — из Константинополя. По разделении церкви, (которая разделилась сама по себе, независимо от этого политического различия), первая осталась за Папою, вторая — за Патриархом. Государства Западные основаны на развалинах Западной Римской Империи, Восточные составились из областей Восточной, и стран, прилежавших к ней. В Государствах Западных История начинается преимуществом духовной власти над светскою, в Славянских искони духовная власть подчинялась Государям, как и в Константинополе. Следствия сего преимущества, общие и частные, Крестовые походы, Реформация, в Славянских Государствах производятся другими причинами. Западные Государства можно почитать продолжением Римской Западной Империи; Славянские — продолжением Восточной. (Я говорю вообще: впрочем, и сии царства, как царства природы, сходятся между собою неприметно).

* * *

На Историю Восточной Римской Империи должно смотреть как на продолжение древней Греческой Истории; обе они составляют одно целое, то есть Греческая История разделяется на языческую и Христианскую. Иоанн Златоуст и Григорий Назианзин[186] были родом такие же Греки, как Платон или Аристотель, и в этом отношении,

как авторы, должны стоять на одной линии. Языческие Философы и Христианские Философы. Отношение Греческой Философии к Христианской Религии.

Присоединение Греции к Риму есть как бы частный эпизод, который не имел никаких ощутительных следствий для Греции: напротив, Греки возымели влияние на Римлян.

Замечательно, что Христианская Вера была принята торжественно и распространилась сперва в Греции: Греки, жившие в умственной сфере, приняли ее скорее, легче, чем Римляне, жившие внешнею жизнию. Но как удивительно сцепляются происшествия: Греки, приняв Христианскую Веру, не имели средств распространить ее, и потому как будто б нарочно они заранее были подчинены Риму, чтоб его помощию, в лице Императора Константина[187], совершить это дело, необходимое по закону судеб, и соделать ее Государственною в Римской Империи. Христианская Греция имеет опять свои периоды. Для Христианской Веры нужен был на первое время новый город. Рим, со всеми своими памятниками язычества, не мог сделаться вдруг Христианским. Ему необходимо было время для перехода, промежуток. И вот новая столица, Константинополь, избранная однако ж Константином по своим личным соображениям.

* * *

Разрушение Западной Римской Империи начинают нападением варваров. — Нет. Разрушение Западной Римской Империи начато введением Христианской Религии, а совершено варварами. Христианская Религия поразила ее языческую душу, а варвары только раздробили ее скудельное тело.

* * *

Германия на восток от Франции и запад от России; Россия на восток от Германии и запад от Азии; вся Европа со всеми восточными своими частями на запад от Азии. Греки развили духовную сторону древнего человека сравнительно с прочими древними народами, но весь древний мир в сравнении с Христианским развил только телесного человека. — А может быть, если число возьмем еще крупнее, всему земному человеку, (то есть древнему и новому), предназначено развить только все еще часть полного человека, и земной человек к тому будущему, идеальному относится так как древний к Христианину.

* * *

История Азиатских Государств опять должна составить одно целое (Малоазиатские, Персидские, Калифат, Монголия, Турция), в смысле политическом, Религиозном, ученом и проч.

* * *

Борьба Востока с Западом все продолжается: Азия нападала на Европу в лице Персов (на Греков), Аннибала, Антиоха и Митридада (на Римлян) [188], в древнем мире; в новом — в лице Аравитян, Монголов и Турок. — Аравитян победил Карл Мартелл[189] при Туре; удар Монголов приняла на себя Россия; Турок от стен Вены (самый дальний их шаг в Европе) отразил Собиесский[190]. Сии нападения были с трех сторон, с востока, запада и юга. (Было еще нападение Венгров — разбиты при Лехском поле[191]).

(Замечательно сходство Русского Иоанна III с Фердинандом Католиком[192]: они оба соединили свои государства в одно целое, и избавились от чуждого ига, Монгольского и Аравийского).

* * *

Рим древний (воинственный, материальный), Рим средний (церковный, духовный), Рим новый (художественный). Вечный город!

Римские воины и Римские миссионеры. Инструкции Римским префектам и Римским легатам.

* * *

История Иезуитов должна составлять непрерывное целое с Историею Пап. Вместо одного Гильдебранда[193] на Римском престоле рассыпались тысячи Гильдебрандов по всем Государствам Европейским. Это та же идея, (в некоторых отношениях), другая только форма. Та же цель, другой только путь, сообразный с временем и обстоятельствами, или лучше — дальнейшее развитие того же начала, злоупотребленного. Папы действовали своею духовною властию материальнее, если можно так выразиться, нежели Иезуиты. Папы заставляли верить, Иезуиты убеждали. Папы приказывали, грозили; Иезуиты кланялись, пронырствовали.

Лойола начал действовать почти в одно время с Лютером, в разные стороны. Иезуиты и Лютеране пустились в крайности. Сравнить сии крайности — между ними должно быть соответствие, аналогия.

Какие великие итоги! И между тем, они суть не что иное, как транспорты, входящие в состав одной единицы.

* * *

Из Истории учения Аристотелева между язычниками, Мугаммеданами и Христианами можно составить также одно целое: как на один предмет смотрят язычники, Мугаммедане, Христиане? Сравнить Перипатетиков с Схоластиками[194]. Схоластики развили форму мышления, приложили языческой метод рассуждения к предметам Христианским. Определить отношение Схоластиков к Лютеру.

* * *

Западная половина Европы опять (см. с. 29) разделяется на две части: в одной получили первенство Немецкие пришельцы, в другой — туземцы. Это первенство досталось в одних Государствах раньше, в других позднее. Отсюда, разумеется, вместе с другими причинами, разные видоизменения. В Италии, Испании победители подчинились совершенно побежденным, (в Испании однако ж явились после другие победители, которые в свою очередь упали); во Франции также, но борьба продолжалась гораздо дольше, сильнее. В Англии решительный верх взяли пришлецы. Сообразно с различным основанием, мы находим параллельные явления в прочих отраслях жизни сих Государств. Реформация и Папство. Так в Италии и Испании строжайший Католицизм, во Франции вольности Галликанской церкви[195], в Англии Епископальная, Реформатская церковь. Управление Испанское, Английское, Французское. Духовенство, Аристократия, среднее состояние. В Германии племена родственные отнимали земли одно у другого или у племен Славянских. Почти сколько победителей, столько и побежденных. Там феодализм, самый обширный, Имперские чины, Курфюрсты, нынешнее разделение.

Славянские Государства представляют такую же лестницу видоизменений другого рода. Стоит сравнить Историю Богемии, Польши, России, Болгарии, Мекленбурга, Славянских стран огреченных, онемеченных, отуреченных.

* * *

В древности также должно обратить внимание на основание Монархий: они, как и новые, составились из победителей и по-

бежденных; из них иногда победители были образованнее, иногда — побежденные, например: Мидяне были образованнее Персов, а Египтяне — грубее пришельцев из Эфиопии. Не происходит ли также различия в Истории сих народов от такого различия в начале? Здесь должно иметь в виду народочислие тех и других, также — народ-победитель состоит ли из одного племени или многих различных.

* * *

Каждое из новых Государств Европейских начало действовать только в своих границах, и представило собой всю Европу, т. е. в каждом Государстве, основанном одинаково с другими, происходили одни явления, завоевание, феодализм, междоусобные войны. (Средние века). Они оканчиваются везде самодержавием. Вся Европа становится так сказать одним феодальным Государством, и начинаются новые междоусобные войны, войны между Государями, которые оканчиваются Наполеоном и Священным союзом[196]. (Новая История). Внутренние волнения другого рода, политические пропаганды — и когда-нибудь союз Европейских Амфиктионов[197], (новейшая и будущая История), коему полагается основание нынешними Конгрессами[198].

В период феодализма царствовали одни династии; самодержавие начато или развито другими.

* * *

В Англии преимущественно развилось, и очень рано, право личности; Habeas corpus[199], дом мой — крепость моя. Не потому ли, что там дикие Немецкие пришлецы, которым собственно принадлежит это чувство, взяли тотчас решительный верх? — А впрочем, все шло общей Европейской чередою: так Генрих VIII, Елизавета[200] в Монархическую эпоху Европы управляли Парламентами по своему произволению. (Как поразительно сохранение родовых признаков и их развития при частных видоизменениях!) Так в Германии — несмотря на постановление об избирательном правлении, в вышесказанную эпоху, избирались на престол Императорский Принцы из одного дома, сын после отца, Австрийские[201]).

Могущественная и гордая Аристократия Английская, ведет свое начало от того же решительного первенства пришельцев.

Сравнить ее с Польскою Шляхтою. Верно при основании Польши племя победительное, или пришлое, были слишком многочисленно в сравнении с побежденным. Оттуда все коренные, смертельные болезни, Польского Королевства.

* * *

Все пороки и добродетели, принадлежащие личности, развились наиболее в Англии. Кстати, прибавим, что деньги играют важную роль в Английской Истории. Magna Charta[202], Парламенты, падение Стюартов[203] — все из-за денег и от денег. Деньги есть рычаг, на котором обращается Английская Политика, иногда — цель, иногда — средство. Укажу только на последнюю роль Англии в Истории Наполеона, игранную деньгами. А до какой революции или до какой важной мысли в науке несметный долг Англии доведет Английское правительство, или какого-нибудь ученого! — Это будет непременно. Несоразмерное богатство и нищета Англичан также произведут какую-нибудь государственную мысль, которая будет иметь великие следствия для Государств. — Но это будущая История. Определить значение денег в Английской Истории.

* * *

В Испании Духовенство преимуществовало сначала при Визиготах[204], в эпоху основания Государства, и вот влияние его в продолжение всей Истории: соборы Толедские, Доминикане, Каноническое право, Инквизиция, Лойола, Филипп II, сила Иезуитов до сих пор, Патеры-Партизаны[205]. Прибавьте беспрерывную войну с Мугаммеданскою Религиею, и оттуда воинственный его характер. А почему Духовенство преимуществовало сначала! Это зависело от характера народа, от климата. Самое Духовенство подверглось влиянию сих причин, и оттуда его характер мрачный, подозрительный, инквизиционный. (Сила климата и других местных причин удивительна: внук Людовика XIV[206] вступил на Испанский престол, но чрез несколько лет соотечественники его не узнавали — куда девалась Французская живость! Так он переменился).

* * *

Где История новой Италии? Не в бесконечных распрях мелких Герцогов, не в скучных070 кознях хитрых посланников, не в соблазнительных интригах развратных Кардиналов, не в бесплодных буллах[207]

слабых Пап, но на картинах Рафаеля, Гвида-Рени, Тициана, Доминикина, Микель-Анджело[208], в произведениях изящных искусств.

* * *

Так точно имена многих Немецких Императоров, Курфюрстов, Герцогов помрачаются именами Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Винкельмана, Лессинга, Галлера[209]. Вот где История Германии — в системах, теориях, изысканиях, рассуждениях над облаками.

* * *

Есть уделы для народов: так в древнем мире предоставлено было Грекам одно дело, Египтянам другое, Римлянам третье; Французам в новом мире — все общественное, гражданское, политическое, с хорошей и дурной стороны. Это даже поразительно, как взглянешь на их Историю с такой точки: все важнейшие Европейские явления этого рода начались во Франции — невольно рождается мысль о Промысле, Деснице путеводствующей.

У Франков прежде всех варварских народов *Христианская* вера сделалась господствующею и *Государственною*.

Франки прежде всех уселись на одном месте, и *феодальная* система у них началась прежде других и развилась наиполнее.

Характером первой Истории Средних веков было преимущество духовной власти над светской: Франки (Пипин, Карл Великий) положили *основание могуществу Пап* предоставлением им земель Лонгобардских[210]. В начале новой это могущество потрясено Реформациею, а *первый подкоп* под оное подвели они же: Филипп Красивый убедил Климента V перенести престол в *Авиньон*[211]; отсель начался великой раскол на Западе, в продолжение коего Папы лишились верования в свою святость, а сим при-уготовилось преимущественно *падение Папской власти* (Альбийцы, Валдейцы)[212].

Задушить Реформацию более всего может быть мешали Карлу V войны с Франциском I[213].

Рыцарство, чадо феодализма, было самое блистательное во Франции (у них первые постановления. В продолжение второго Крестового похода[214] Французские Рыцари отличались пред всеми. Первые *Турниры* были во Франции.)

К *Крестовым походам* подвинул Европу Француз — Петр Пустынник (из Амьеня в Пикардии)[215]. Собор, на коем был положен первый

Крестовый поход, был во Франции (в Клермонте)[216]. Иерусалим покорен был Французом Годфридом Бульонским[217].

На развалинах Феодализма основано *Самодержавие* — прежде других во Франции, Людовиком XI[218], при котором преимущественно усилена власть Монархическая, и образовалось Государство в настоящем смысле этого слова, состоящее из правительства и народа.

Бессменные войска, первое средство к поддержанию и утверждению Монархической власти, введены и устроены первоначально во Франции, при Карле VII[219]. И отселе сила Государства сосредоточилась в войске и его предводителе Короле.

Сюда относится и супротивное учреждение *национальной гвардии* по предложению Лафайета[220].

Первые постоянные *налоги*, Королевские *суды*, — средства к сосредоточению власти во Франции.

Характер новой Европейской Истории есть образование связи между Государствами, кого оне составили одно живое целое. Сия *связь* началась среди *Итальянских войн*, замышленных Французами (Карл VIII в 1494 г.[221])

Учреждение *Посольств,* (из коих некоторые теперь и отменяются), так называемой *кабинетной Политики*, *почт* принадлежит Французам (Людовик XI, Ришелье[222]).

Кофейные, трактиры, кои можно назвать первою палатою депутатов, начались в Франции. *Университеты*, в настоящем значении этого слова, *карты, язык, моды, политические журналы, Вольтер* с прочими Энциклопедистами[223], которые провели *каналы* в народе для *повсеместного распространения знаний*, — или дали народу в руки нож, обоюдоострый.

Франция дала пример кровавой *Революции*[224], да, видя, народы содрогаются и поучаются.

Никогда Государства не соединялись так крепко между собою, как восстав на *Наполеона*. Он упал, но узел, завязанный его крепкою мышцею, уже не развяжется, и теперь едва ли будет в Европе какая война между Государями. Священный союз[225] — последнее укрепление связи, начатой Итальянскими войнами.

Сюда же принадлежат замыслы Наполеона, Хартия Людовика XVIII[226], Король Французов Людовик Филипп[227], Политическая пропаганда, нынешнее укрепление Парижа.

Общественное мнение нигде так не сильно и не важно, как во Франции. Что скажет публика — об этом думает и Министр, и актер и автор, и Наполеон.

Общество нигде так не приятно, как во Франции. Способность говорить, Комедия, Сатира.

Плутарх сравнивает людей между собою[228] — любопытно бы сравнить народы, например Германцев с Греками, Французов с Римлянами, Англичан с Карфагенянами, Финикиянами. Сравнить пятисотлетние междоусобные распри и войны Римлян с Французской Революциею, а Наполеона — с Цезарем и Августом.

Французы имеют разительное сходство с Римлянами. Политическая жизнь тех и других. Воинский дух также одинаков. Те и другие народ не пиитический[229]. Как Римляне не творили, а только подражали Грекам, так Французы подражают или думают подражать древним. Красноречие, проза, у тех и других достигла высокой степени.

(Напрасно сравнивают Французов с Афинянами; одно какое-либо частное свойство, например, легкомыслие не определяет еще общего сходства).

Из юго-западных Европейских народов Немцам принадлежит идея; Англичанам — личность; Французам — общественность; Итальянцам — чувство.

* * *

Дикари покорили Римскую Империю физически и покорились ей нравственно.

* * *

На запад напали Немцы и приняли его веру (Христианскую); на восток напали Арабы и дали ему свою (Мугаммеданскую).

* * *

Отделением светской власти от духовной духовенство защищалось сперва от варваров, а после гражданское правительство от духовенства. В первом случае духовенство само положило основание свободы совести, которое после было целию реформации. Так люди делают одно, а выходит другое.

* * *

Все соседние народы — Этеоклы и Полиники[230] между собою: Шведы с Датчанами, Шотландцы с Англичанами, Англичане с Французами, и проч.

* * *

Право на престол — вот источник почти всех войн Европейских в продолжение трех последних столетий. Очевидно, что это только форма происшествий, необходимых по какому-то высшему историческому закону, форма не относящаяся до тонкости развития. Сюда же относятся Государства-приданные.

* * *

На Юге сильнее природа, на Севере — человек. Нынешний Юг в древнем мире был Севером. Древняя Италия и Греция были Севером в отношении к малой Азии, в собственном, хотя не географическом смысле.

* * *

Вино бывает в брожении пред тем временем, как является напитком, веселящим сердце; зерно, посеянное в землю, перемерзнет, перегниет прежде, нежели даст плод сторицею: за что же вопиют так на варваров средних веков — Дагобертов, Ярополков, Рольфов[231]! Дух человеческий также перебраживается.

* * *

У Римлян по изгнании Царей переменилась только форма правления, а при вступлении Императоров — дух.

* * *

Происшествия складываются: всю Европу, например, в 1813 году, мы видели в двух лицах, Наполеон и Александр.

* * *

Все идет к единству: так, в Европе уже одно летосчисление, а прежде у Римлян — свое, у Греков — свое, у Галлов — свое. Наполеон хотел ввести одну меру, один вес, одну монету, и очень вероятно, такие вопросы скоро будут предлагаться на конгрессах Европейских,

вытесняя собою вопросы политические, миры и войны, которые, по крайне мере, за прежние причины и поводы прекратятся.

* * *

Народ без Историка — творение недовершенное, без самопознания.

* * *

Язык народа, расходящегося в разные стороны, разделяется на разные наречия; так и Религия, и правление получают свои наречия.

* * *

В древние времена Этрурия[232] образовалась раньше всех Итальянских областей, коим и передала свое образование. И в новые времена Флоренция сделалась колыбелию наук и искусств, и Медицисы[233] сообщили свое имя веку возрождения.

* * *

Имена древних народов происходят по преданию от родоначальников (Евреи от Евера[234]), и сим доказывается естественное происхождение племен и государств от семейств. Напрасно новые критики восстают против этого производства.

* * *

С XV и XVI только века характер Европейских народов начинается обозначаться чертами ясными. Дотоле они имели общие черты; все дикари, варвары и младенцы похожи друг на друга.

* * *

Византийская Империя[235] между новыми Европейскими государствами похожа была на старика, запоздалого в новом поколении, хотя и нечуждого новым идеям.

* * *

Табак, чай, кофе, сахар — нельзя ли поставить рядом с порохом, как средства, ведущие к одной цели: ослаблению физической силы, прекращению, (хотя и отдаленному), войн, смягчению нравов и т. п.; а карты не содействовали ль к уравнению имений?

* * *

Кошка и тигр имеют сходные родовые признаки и различаются в видовых. Так и происшествия в разных Государствах.

* * *

Приметно в Истории, что люди часто долго ищут чего-нибудь, а находят, когда не имеют в нем нужды или остывают в желаниях своих.

* * *

Греческие честолюбцы, не получив успеха в своих личных, мелких замыслах, в гневе против своих граждан, оставляют отечество, и хотят отмстить за полученные обиды; они возбуждают сильного Царя на слабое, разделенное свое отечество; они объясняют ему, как легко совершить ему это завоевание, они манят его славою и добычею. — И одного слова Дариева[236] достаточно, кажется, для присоединения этих меньших областей к его титулу! — Как вероятны все их предложения! А какое следствие? К этому кольцу прицепляется еще несколько колец, это происшествие влечет за собою естественно другое, третье, четвертое, и Дарий Кодоман[237], наследник Дария Истаспа[238], повергается в прах пред Александром Македонским, и основано владычество Европы над всеми странами древнего Мира.

* * *

Гераклиды нападают на Пелопонесс[239], и между племенами Греческими происходит общее движение: одно племя вытесняет другое и занимает его жилища. Некоторые Эоляне, за ними Ионяне, а потом и Доряне[240], не находя себе убежища в Греции, принуждены удалиться на берега Малой Азии. Кто бы подумал, что это насильственное изгнание будет иметь важные и благодетельные следствия на всю Грецию! Переселенцы входят в соприкосновение с образованнейшими народами Азиатскими, заводят торговлю, богатеют, производят Омира[241], (за которого семь городов состязаются), образуются и передают свое образование соотечественникам, с коими, разумеется связь, не прерывалась.

* * *

Происшествие в этом же роде: Фокейцы[242] не хотят нести ига Персидского, после того, как Кир[243] распространил свои завоева-

ния до берегов Средиземного моря, — и вот виноград и маслина в Европе, источник богатства Французского! Они уехали из Азии, основали Массилию[244] (Марсель), и перевезли туда эти драгоценные растения.

* * *

Александр[245], разрушив Персидскую Монархию, распространив свои завоевания от Нила до Инда, хочет основать столицу всемирной Монархии на Востоке, в Вавилоне, но столица должна была по закону судьбы быть на Западе, Азия должна была уступить первенство Европе, и он пред исполнением своего великого предприятия умер от лихорадки.

* * *

Кавказские горы в отношении к восточным завоевателям и восточному просвещению были тем же, чем Альпийские были долго для Римлян.

* * *

Многие Историки хвалят государства, эпохи, лица, одни на счет других. Химику нужен такой-то состав; он делает двадцать опытов, которые ему не удаются; наконец двадцать первый удовлетворяет его ожиданию, но этот двадцать первый не мог бы быть, если б не было двадцати прежних. Рассматривая Историю народов, примечаешь подобное явление; они служат друг другу как будто ступенями, корректурами и равно важны в Истории рода человеческого. Ботаник в зерне видит плод, а в плоду — зерно. Он не отдает преимущества ни тому, ни другому, а смотрит с любовию на всю жизнь растения. В часах много колес и пружин разной важности, но часы не могут хорошо идти, если бы испортилось хотя одно из них, самое маловажное.

Но можно иметь симпатию и антипатию к тому или другому времени, лицу — это происходит от частного расположения души и разных обстоятельств. Так, Шлецер терпеть не мог Александра Македонского; так один любит рассматривать причины событий, другой — их следствия; один поклоняется Зенону, а другой чтит Диогена[246].

* * *

В древней Истории было больше национальностей, потому что было меньше связей между народами, которые с трудом могли перенимать друг у друга. Но мы охотно уступаем такую национальность, которая покупалась уединением, за благодеяния, которые доставляются нам посредством взаимных услуг.

* * *

Всяким событием продолжается, дополняется царство человеческих действий — творение нравственного мира.

* * *

До сих пор занимались больше всего материальною, телесною, внешнею, то есть политическою частию Истории; теперь начинают заниматься внутреннею, душевною.

* * *

Вся История народа явствует из первых его действий (как все огромное дерево заключается в зародыше, как в младенце виден уже весь будущий человек); например, в управлении Ромула и отношении его малочисленного отряда к прочим соседним племенам Итальянским заключается уже причина будущего преимущества над ними и над всем древним миром. Последующие действия суть только развитие первого начала, а первое начало определяется преимущественно местом пребывания: сын персти — человек[247], это выражение имеет глубокое Историческое значение.

* * *

Всякое Государство состоит ныне из Правительства и народа. Казалось бы — это есть самое естественное состояние гражданского общества; но сколько времени, трудов, опытов, крови стоило оно для людей! Сколько насилия должно было употребить, чтоб дать им эту внешнюю форму! — И не прежде, как уже в XVI столетии, стихии (сословия) общества разделились и получили свою самобытность. — Они боролись и неистовствовали не меньше стихий мира физического, и долго господствовал огонь, долго господствовала вода, пока, наконец, все пришло в порядок под сению монархической власти.

* * *

Древний мир делится на две половины: восток и запад, деспотизм и республику. Ныне место Азиатского деспотизма заняла Европейская монархия, а древний запад отодвинулся — в Америку. В этом смысле не так ли относится нынешняя Европа к Америке, как древняя Азия к древней Европе?

* * *

Для западной церкви был Лютер; первые ереси, расколы. Прения в Константинополе не занимали ль его места в восточной церкви?

* * *

Представить борьбу язычества и Христианства параллельно с распрею Пап и Лютера.

* * *

Почему не было религиозных войн в древнем мире?

* * *

Не соответствует ли Китаю в Азии — Египет в Африке? А в Европе какое Государство?

* * *

Affranchissement des communes[248] во Франции соответствует учреждению Нижнего Парламента в Англии[249]. Какими параллельными линиями идут Истории Государств!

* * *

Форма переживает идею. Папа нашего времени тот же, что и в одиннадцатом и в двенадцатом веке, но так ли он уважается? Римская Республика — и царствование Августа. В этом смысле нас часто обманывают слова. Дворяне, купцы, ремесленники в Европе совсем теперь не то, что были в XIII или XIV веке, находятся совсем в других отношениях между собою, нежели тогда, хотя сохраняют прежние имена свои. Так, теперь в Европе нет уже деспотизма, и общественное мнение, даже без счета голосов, имеет свое действие.

* * *

Многие войны между Государствами в средние времена похожи по своим причинам на поединки между лицами.

* * *

Если следить происшествия, кажется все просто и развертывается одно из другого, а посмотреть на края, то есть на причины и следствия — как мудрено!

* * *

Сперва сила средобежная в каждом Государстве, а потом во всей Европе.

* * *

От крайностей всего труднее избежать человеку: Лютер пошел против злоупотреблений и нанес удар добрым началам. Следующий текст можно поставить эпиграфом ко всей Истории Реформации: «Оставите расти обое до жатвы. Да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними пшеницу»[250].

* * *

Основание всему политическому кладет в Европе война; рассмотреть вообще войну исторически, влияние ее. Те же войны в науках, междоусобные, государственные, народные, те же феодалы, те же деспоты. Те же войны в человеке (феодальные страсти, самодержавный рассудок и пр.) Те же войны между стихиями.

* * *

Именно в то время, когда заря просвещения занялась в Италии, Французы прошли завоевывать ее и нечаянно засветили там божественного огня.

* * *

Визиты заменяются карточками, ассигнации идут за звонкую монету. Кредит составляет душу торговли. Проценты употребляются на содержание вместо капиталов. В Европейской Истории не было ни одной войны без каких-либо предлогов, и чем далее, тем они благовиднее. От поединков осталась только форма, и смертоубийства

при них случаются гораздо реже. Бесчестные люди имеют также некоторые законы чести. — Везде развитие, которое принадлежит Истории.

* * *

Вы видите розу, липу, виноград — каждое из сих растений занимает свое место в общей системе царства прозябаемых, которое посредством его выражает какую-либо степень своего развития. Того же должно искать и в событиях. Гораздо труднее найти в них такое целое, ибо они, мимотекущие, разнообразные, не имеют таких явственных признаков, и Историки долго будут сбиваться, принимая роды за виды, и наоборот, — но в этом-то и состоит жизнь науки!

* * *

В углу, в малой части небольшого полуострова, живет несколько народцев. Долго они ссорятся между собою, и первенство переходит между ними ежедневно от одного к другому. Сборные жители одного городка решаются несколько раз оставить свои лачуги и поселиться в другом месте. Лет сот-пять стоит он занятый собой и соседями в том тесном кругу. Завоеватели не знают почти об его существовании и не удостаивают чести принять в свои Монархии. Но проходит еще несколько лет, и имя этого Рима становится тожественным всему миру, и весь мир преклоняет колено пред последним его представителем; силе его ничто противостать не может; глубоко пускает он свои корни; мысль о падении не смеет возникнуть в уме наблюдателя; вечно простоит он, кажется, на своем месте, посмеиваясь бурям. Но проходит еще несколько лет — червь подточил его корень, и с первым порывом ветра падает он многоветвистый, и прахом своим далеко покрывает окружность, и вот новые растения возникают на разметанных его останках, новые Государства Европейские.

* * *

Сравнить личную безопасность дикаря, живущего в кругу своего семейства, — дикаря, живущего с своим племенем, — члена древних Государств, — Европейца средних веков, — нового гражданина, когда все страны в нашей части света составили одно целое, — цепь пособий, доставленных человеку обществом к достижению его высокой цели. Сравнить сии состояния в других отношениях.

* * *

Человек, государство, мир сперва действует, а потом познает свои действия. Сила средобежная и средостремительная.

* * *

Теперь нечего бояться таких революций, как переселение народов, нашествие Аравитян и т. п. — Теперь предстоят роду человеческому революции другого рода: Месмеры, Гали, Ганеманы, Перкинсы[251], будут изменять лицо гражданских обществ тихо, без кровопролития. Найди какой-нибудь Смит[252] способ увеличивать обращение денег, изобрети какой-нибудь Деви[253] новый порох, действующий без ружья...

* * *

Прошедшее человечества в отношении к Историку есть материя, в которую он, как Пигмалион[254], вдыхает свою душу: Гиббону[255] оно представляется так, Гердеру — иначе.

* * *

В Африке природа берет еще верх над человеком.

* * *

Семя иной мысли мелькнет между людьми и пропадет, и следа его не видать. Оно как будто погребается в земле. Посмотришь — на другом краю мира новое растение поднимается на почве. Буря клонит его там долу, но в третьем месте чрез тысячу лет оно достигает своего цвету, и дает плод, который вдруг разражается с громом в каком-нибудь великом происшествии и потрясает весь свет или наполняет его благоуханием. Виклиф делает скромное замечание в Оксфорде[256], Гуса жгут на костре в Констанце[257], Лютер переводит Библию в Вартбургской темнице[258], — и вот война по всей Европе, народы стонут, царства падают, и среди всеобщего разрушения возникает новый порядок вещей.

* * *

Замечательно, что в важных происшествиях является вдруг множество великих характеров, которые как будто мешают и ставят лишние

препоны друг другу, между тем как в другое время дюжинные люди волочатся спокойно по глубоким колеям привычки и давности.

* * *

История — картина великого мастера: время стерло с нее живые краски, невежество испортило гениальный чертеж, злонамеренность провела свои кривые линии... какой знаток возьмется восстановить ее?

* * *

Крестовые походы содействовали к усилению Турок — какое сцепление обстоятельств!

* * *

Положением почти всех Европейских Государств определялась их самобытность. В Средней Европе образовались две первоклассные державы, очевидно необходимые в системе Европейской: Пруссия и Австрия. А взгляните на их начала: как малы и незначительны их гнезда, Бранденбург и собственно так называемая Австрия! При каком странном стечении обстоятельств налипли к ним другие владения! Что за разнородность! А это так должно было быть.

* * *

Один думает в тишине своего кабинета над книгою, другому мысль мелькнет в церкви среди молитвы, третий встретится с нею в дружеском разговоре. Кажется — сии мысли остаются без всякого следствия, и, одинокие, погребенные в душах, забываются, погибают. Нет, они сообщаются между собою чрез тайные каналы по воздуху, складываются вместе на невидимых счетах природы, и итог их обнаруживается иногда чрез девяносто девять лет в сотое.

* * *

Тридцатилетняя война переменила вид Европы, а от какой копеешной свечки загоралась она в Богемии! Кто бы поверил, что простолюдины Чешские, запирая низменную церковь Протестантов в Клостерберге, произведут кровопролитную войну между всеми Европейскими Государствами и Вестфальский мир[259] с его всеми огромными следствиями! А какая связь этой распри Католиков и

Протестантов Чешских с первыми Богомилами, Павликианами, и последующими Гусситами[260]?

* * *

Происшествия для нас иероглифы[261], которых сокровенного смысла мы не постигаем, которых одни только наружные узоры нас прельщают.

* * *

Государства, как люди, умирают от старости, скоропостижно, ударом, от истощения жизненного начала, естественного или насильственного.

* * *

Какая связь между первыми индульгенциями для Крестоносцев[262] с индульгенциями, за которые вспыхнула Реформация?

* * *

Перкинс, Фультон[263]! Да будут благословенны имена сии! Где приуготовились и совершились великие перевороты, переменившие лицо земли? В келье Шварца, на чердаке Гуттенберговом, в рабочей Колумба, в каморке Канта или Шеллинга.

* * *

Каждый человек действует для себя, по своему плану, а выходит общее действие, исполняется другой высший план, и из суровых, тонких, гнилых нитей биографических сплетается каменная ткань Истории.

* * *

Любопытно наблюдать, как Государства выходят на общую сцену, играют роли первоклассные и второклассные, уступают место одно другому, возвращаются в свои границы, занимаются внутренними делами и проч., — как центр политики переносится из страны в страну: то в Испанию, то Францию, то Германию, то Англию, то Швецию, то Россию... Какая череда наблюдается ими?

* * *

На Истории лежит еще семь печатей.

* * *

Первые войны предпринимаемы были из охоты воевать, от избытка физической силы, как кулачные бои.

* * *

Любопытно и мелочи сравнивать в Истории: кому неизвестен соблазнительный процесс предпоследней Английской Королевы[264]! Но у Англичан был уже такой же, и в том же отвратительном виде, процесс Анны Булен[265].

У Иоанна Грозного было шесть жен, у Английского Иоанна, то есть Генриха, столько же. Их смертные болезни (и предвещания, коих оба верили) такие же.

Принцы с титлом Анжу счастливы на получение престолов (Неаполитанский, Польский, Английский, Испанский, Голландский)[266].

Тремя братьями кончилась прямая линия Людовика IX: (Людовик X, Филипп V и Карл IV), и линия Валуа (Франциск I, Карл IX и Генрих III)[267].

Генуэзцы первые начали ездить морем в Палестину, Генуэзцы же открыли и Америку.

Начало древнего Рима при Ромуле, Императорского при Августе, а конец при Ромуле Августуле[268].

Константинополь основан Константином и упал при Константине[269].

Отторжение Нидерландов от Испании и Американских Штатов от Англии[270].

Сравнить намерения Александра Македонского и Наполеона[271], (Вавилон и остров Св. Елены), Филиппа Македонского с Фридрихом Великим[272], Людовика XIV с Юстинианом[273], революции Французскую, Английскую, Шведскую, Датскую.

После революций Английской и Французской прежние династии вступали на престол, (в Англии — Стюарты, во Франции — Бурбоны), и потом опять уступали место другим (Дома Ганноверский, Орлеанский)[274].

* * *

Примечается иногда как будто б один дух во многих людях: например, в прошедшем столетии не один ли sensus humanitas[275] меж-

ду Американцами у Франклина[276], между Немцами у Гердера, между Французами у Руссо, между Русскими у Карамзина[277] и между Англичанами у Стерна[278]?

* * *

Лев X, величайший покровитель наук и искусств, для построения церкви Св. Петра в Риме нуждается в деньгах, и решается грубым невежественным Немцам (он верно такими почитал их) продавать индульгенции, — и вот первый повод Реформации. Странная судьба Льва X: он действовал на просвещение с умыслом и без умысла, желая и противясь.

* * *

Феодалы угнетали народ сперва из своих замков во Франции, а потом из дворцов, определяясь в службу и занимая высшие места. Сперва вооружались против них Короли, а потом — граждане.

* * *

В недрах Государств основываются теперь новые Государства авторами и богачами.

* * *

Почему Польша, при близости своей к Европе, при ранних связях с нею и Римским двором, с Латинским языком между духовными, начав образование в одно время со всеми Европейскими Государствами, не снискала своему языку такого внимания как Россия? Точно то же должно сказать о Швеции, Дании, Нидерландах.

* * *

К Цезарю и Наполеону власть пришла сама собою, потому что они были способнее всех своих современников.

* * *

Не должно объяснять деяния народа его законами, учреждениями, но законы и учреждения его Историею: деяниями производятся законы и первым разумом бывает нужда; потом законы и учреждения в свою очередь в руках правителей перегоняют народ и разум действует на нужду.

* * *

Сравнить инструкции древнего Римского Сената и наставления Пап своим легатам, вообще всю Историю Рима языческого и Христианского параллельными линиями: Римских Консулов и рыцарей духовных орденов и т. п.

* * *

Прежде не было обязательств, договоров письменных — какая трудность, казалось бы, для суда! Но подсудимые были простее, и из слов, из глаз скорее можно было узнать истину, чем из нынешних подробных следствий. — А в затруднительных случаях испытание огнем, водою, железом, к которому все имели доверенности.

* * *

В языке происходят изменения, кажется, случайные, а взгляните на всю его Историю — это развитие правильное, по общему закону.

* * *

Завоеватели оказали ту великую услугу человечеству, что соединяли многие народы вместе, чем облегчались мена понятий и распространение всяких нововведений между ними. Всякий следующий завоеватель захватывал пространство обширнейшее в сравнении с своим предшественником: Халдеи, Персы, Македоняне, Римляне.

* * *

Если б не было Филиппа II, то не было бы и Голландской Республики, в которой вскоре после Филиппа II печатался Спиноза[279], (несмотря на тогдашнее мнение об нем), и находили себе убежище все изгнанники. А Анархия производит деспотизм и крайности сходятся.

* * *

В древней Истории было больше мужей доблестных, в новой — добродетельных.

* * *

Вот является гений: он стоит в самом низком ряду между своими современниками; вдруг маловажный случай, одно слово, движение,

один взгляд дает ему почувствовать его назначение. Он содрогнулся. Неизмеримая, блестящая будущность пред ним открылась. — Он окидывает проницательным взором все окружающее, видит все средства, — порывается из толпы. Препятствия падают: вот он поднимается выше и выше. Всякий день новые миллионы укладываются в его подножие. Уже он выше всех. Но внутренняя сила все влечет его; подножие не может уже поддерживать, и вот стремглав падает он в такую же неизмеримую пропасть, и клик удивления вырывается из уст всего человечества в память о Наполеоне.

* * *

В новой Истории больше великих происшествий, или лучше — происшествия увеличиваются, действия их распространяются; круги концентрические.

* * *

Испанцы мало принимали участия в Крестовых походах. Это может быть одна из причин, почему они отстали от других Европейских Государств.

* * *

Взятием Константинополя Крестоносцы дожгли Александрийскую библиотеку[280].

* * *

Чем Государства образованнее, тем более точек соприкосновения между ними, тем больше поводов к неудовольствиям и войнам — до полного образования, или, еще прежде, до большего занятия домашними делами. Ученые ссорятся чаще всех.

* * *

Почему от Греческого языка не произошло никаких языков?

* * *

Время Августово потому ставят иные высоко, что смотрят на него, как на окончание славного республиканского времени; а если посмотреть на него, как на начало последующих ужасов?

* * *

Период от Августа до Ромула Августула — есть болезнь, старость Рима, низводившая его постепенно в могилу. Такое огромное тело не могло разрушиться скорее. (При Антонинах[281] ему стало было легче, но естественно ненадолго.)

* * *

Не представляет ли литература каждого народа какого-либо элемента литературы вообще? Языки — также.

* * *

Если бы Геркулан и Помпею[282] не завалило лавою, то мы по сохранившимся и переделанным городам не получили бы такого ясного понятия о городах древних. — Геркулан и Помпея живут по смерти.

* * *

В воздухе всегда одна соразмерность составных частей: на 78 долей азота 22 оксигена[283]. Не бывает ли подобной соразмерности и в нравственном мире?

* * *

Наполеон, если верить ему, хотел передвинуть людей на несколько столетий вперед, хотел заменить собою, пережить человечество в продолжение нескольких столетий, но судьба, необходимость, или этот X хотел, чтобы сии столетия развертывались не в сокращении, а сполна, и он упал, упал от безделиц, получивших свою значительность, магическим прикосновением судьбы, от задержки Груши[284], от ошибки Вандама[285] и тому под. Что же значит личность?

* * *

Человек должен иногда спать для восстановления сил своих; Государство так же; и человечество, — разница та, что общего сна, так как и общей ночи, не бывает, и солнце, закатываясь для одной части света, восходит для другой.

* * *

Какое значение имеет владение Крестоносцев в Константинополе?

* * *

Не живет ли один народ более настоящим, другой — прошедшим, третий — будущим?

Всякое происшествие, как всякое движение по закону механики, есть следствие многих частных причин и сил.

* * *

Горы сперва помогали распространению образования, а потом мешали.

* * *

Всякое происшествие можно сравнить с шаром: с новой точки представляется он новой стороной, которая слитно соединяется со всеми прочими. Так Крестовые походы соединены с духом Христианской Религии, с политикою Пап, с феодализмом, рыцарством, торговлею, рабством, правлением, силою Турецкою, падением Константинополя, а сии — между собою и с новыми происшествиями...

* * *

От чего не могло образоваться наследование престола после Августа в одном роде? Замечательно, что первые Императоры, как нарочно, были бездетны.

* * *

Христианская Религия заставила нового человека углубиться в себя; варварским феодализмом необходимо всякое семейство начало сосредоточиваться в своем жилище, и жизнь семейственная взяла верх над общественною. Неудивительны ли сии одинакия следствия от разнородных причин? Какая разительная параллельность! Кто так искусно с разных сторон приводит человеческие действия, мысли и чувства к одной цели?

* * *

Так точно женщинам, освященным Мариею, Христианская Религия дала права их, и вследствие феодализма, политического явления, развивавшегося из своего начала, независимо от Христианской Религии, женщины начали принимать участие в жизни.

* * *

Мысль, как неприметное зерно, заронилось между людьми; но горы и горы предрассудков и заблуждений ложатся на нее; изредка в течение столетий проходят гении, которые замечают ее во мраке, уразумевают возможное влияние на человечество и со вздохом отчаиваются в ее появлении на свете из-под гнетущих камней; — но вот гремит гром, содрогаются основания земли, прах, взметенный до облаков, наполняет воздух — это она, дожив до своего часа, прорывается чрез все плотины, покрывает землю развалинами, и среди тьмы окружающей лучезарной звездою является на небе и призывает испуганное человечество к новой жизни.

* * *

Представим себе, что все деяния человеческие откликнулись. Вот была бы самая полная и верная История — прошедшая жизнь рода человеческого в уме, но науку все еще должно бы создать, т. е. найти законы этих дивных словес.

* * *

Говорят, Голландия упала с Утрехтского мира[286]. Политическая Голландия в отношении к прочим Государствам, — так, но не вообще: если меньше внешнего блеску, то больше, может быть, внутреннего счастия, и обмен выгоден: о государствах не должно судить, как о частных лицах.

* * *

Политика до сих пор основывается на предполагаемых нарушениях права, обидах, оскорблениях, разрушениях, злоупотреблениях силы и пр.; но когда же люди будут лучше думать о себе?

* * *

Феодализм обозначил окружность Государств, а самодержавие назначило им центр. Сила средобежная и сила средостремительная.

* * *

Нашествие дикарей, феодализм, рыцарство, Крестовые походы, Тассов Иерусалим[287], Сервантесов Дон-Кихот[288].

* * *

Государства состоят из земли и людей и ограничиваются Рейном, Альпами, Океаном, но есть еще Государства — такой-то мысли, такого-то верования, богословского, философского, политического, и их границы, их бестелесные связи распространяются, стесняются, сглаживаются, переносятся... напр., Иезуитский Орден, Французская Философия XVIII века, школа Аристотеля[289].

* * *

В каждом Государстве есть семя, из которого оно развивается и распространяется. Такой зародыш в Русском Государстве — Москва, во Французском — Париж, в Прусском — Бранденбург, а Австрийском — собственная Австрия[290].

* * *

Учреждение бессменных войск, не говоря о политической важности, было вместе и великим шагом к достижению общей человеческой цели: дотоле всякий, волей и неволей, должен был носить оружие, и когда же было думать об усовершенствовании? — А со временем не будет и насильственных наборов, и воины будут наемные, как гражданские чиновники, а со временем не будет и воинов, ибо все станут мирными людьми.

* * *

Предметом Истории полагают обыкновенно действия человеческого рода, происшествия. Но почему не удостоить сей чести помышления, чувствования? Они суть семена и плоды действий, и необходимо в них отражаются. История ума и сердца человеческого должны составлять важнейшую часть Истории, и в определении сей последней непременно быть упомянуты.

* * *

История для нас есть еще поэма на иностранном языке, которого мы не понимаем, и только чаем значение некоторых слов, много-много эпизодов. — А сколько мест искаженных в нашей рукописи от невежества, ограниченности переписчиков! Историю надо восстановлять (restaurâre[291]) как статую, найденную в развалинах Афин, как текст Виргилиев[292] в монастырском списке.

* * *

Борется душа (секты, партии); борется и тело (страсти, войны).

* * *

Все древние Государства начали свое образование посредством иностранных поселенцев. Так, к Египтянам пришла каста жрецов, вероятно, из Индии; Греки получили образование от Египтян и Финикиян, которые сверх того развезли его по берегам Средиземного моря. Потом Греки дополнили оное своими поселениями еще далее, образовали Римлян, Римляне — Германцев и т. д.

* * *

Новые народы развозят образование с мечем в руках (Европейцы в Азии, Африке и Америке).

* * *

Древние колонисты скорее сообщали свое образование аборигенам; ибо расстояние между ними было еще не так велико.

* * *

Какое удивительное стечение обстоятельств видим мы на древнем Египте и Вавилоне! Страны сии находятся на дороге с Востока, близ колыбели человеческого рода, и потому необходимо должны были заселиться рано. — Люди не могли идти далее, ибо бесплодные песчаные степи не представляли им ничего приманчивого. Вот причина ранней оседлости. — Нил, как Евфрат[293], представил новым поселенцам величайшие затруднения, кои необходимо надо было преодолеть, чтоб не умереть с голоду; умственные способности приведены в движение, и вот одна из причин раннего образования, влияние на весь род человеческой.

* * *

Политики впадают иногда в большое заблуждение, опираясь в своих положениях на Историю: так было, следовательно, так и должно быть. Нет. Потому-то именно и не будет, что было. Обстоятельства и отношения, развивая особые начала, беспрестанно изменяются, и ни одна минута не бывает похожа на другую.

* * *

Уравновесить Государства так же легко, как уравнять частных людей: завтра разбогатеет и усилится тот, кто умнее, деятельнее, проворнее.

* * *

Есть много нелепых мыслей в Истории, которые пользуются правом давности; никто до них не касается. Кто опровергает их, тот, кажется, не оказывает никакой услуги: так просто и легко по-видимому было уничтожить заблуждение; но не всякий, как Колумб, умеет поставить яйцо на носок[294].

* * *

Французская революция началась анархиею, за нею следовал деспотизм; то и другое разрешилось в хартии Людовика XVIII[295]. Не есть ли это сокращение всей Французской Истории — и многих других?

Представительный образ правления опять переходит чрез параллельные ступени.

* * *

Величайший человек есть — человечество.

* * *

Усладительно, занимательно следовать за жизнию растения, животного, но развитие человечества в его мыслях, чувствах, действиях — какой великий предмет! И хотя все науки сестры, но должно отдать старейшинство Истории. Как человечество выше, например, царства животных, так и История выше Зоологии, вообще, сравниваемые одна с другою, а не в отношении к их действию, влиянию на человека.

* * *

От деяний человеческих можно отвлекать, отвлекать, отвлекать, сокращать их как дроби, выражать их формулами более и более краткими, без имен людей, народов, мест, лет, даже до кратчайшей: я есмь. (Сии формулы более всего любят Немцы — это их мир). Но ни одну из сих формул нельзя понять, уразуметь вполне, не знав, из какой она сокращена и т. д. вплоть до первого индивидуально-

го, атомного, действительного исчисления летописей и преданий. Мы можем понимать общие идеи, формулы, суммы соответственно тому, как знаем слагаемые, подробности, частности. До Иркутска 5000 верст, мы знаем все, но только тот живо вообразит расстояние, кто проехал все сии версты. — Выражение, «человек — сын персти» очень понятно, но оно несравненно понятнее для того, кто обнял на всех странах и народах связь Истории с Географиею. — «Крестовыми походами Европейцы пробудились» слова простые, но прочтите хотя Историю Мишо[296], и это выражение примет для вас смысл гораздо обширнейший.

С другой стороны, нужны общие обозрения: так, пройдя пространство, гораздо удобнее представить его себе в верстах, чем в вершках или аршинах, не говоря уже о высшем значении.

* * *

Чем отличается эгоизм древнего человека от эгоизма нового человека?

* * *

Почему вы знаете, что в эпоху падения Государств не кипели души, не совершались великие святые тайны в сердцах человеческих; не было больше жизни, чем в эпоху их славы? — Кто жил больше — Тит Ливий или Тацит[297]? Разрушаются только скудельные формы[298] — дух бессмертен.

* * *

В древней Истории всего мира, как в первоначальной Истории всякого государства, как в юношеском возрасте, действует сила средобежная, от Востока; в новой Истории — средостремительная, опять на Востоке. Сперва действие, потом познание.

* * *

Есть магнитные линии в земле; есть линии, по коим идет образование.

* * *

Происшествие — это луна, которая является под разными фазами, смотря по тому, с какой стороны обратить на нее внимание.

* * *

Пятьдесят третий год примечателен в жизни великих людей: на оном кончили жизнь Альфред, Петр, Ломоносов, Наполеон, Валленштейн, Тасс, Кромвель, Шекспир, Виргилий, (Франциск I), Иоанн Грозный, Борис Годунов[299].

* * *

Как удивительно сохранилась во время буйных войн средних веков и стоит теперь черезполосная Германия среди Европы, разделяя ее на Восток и Запад, не допуская до больших общих войн и пр. — Вот явление. Его можно изложить анатомически и физиологически, т. е. показать, как это сделалось, от каких причин и обстоятельств. — Это труд великий, но можно взять выше и вывести, что среди Европы непременно должно быть Государство такого рода, чтоб ее История была тем, что она есть и т. д. — то же приложить можно и к другим происшествиям или Государствам.

Война должна была быть, почему, когда, долго ли?

* * *

Всякое событие есть как бы особое творение и живет в своих действиях; оно выросло из своего семени и дает свой плод. Всякое событие можно вырвать из общей цепи и рассматривать таким образом, подобно какому либо прозябаемому или животному. Можно расковать всю цепь, (хоть она и не скована, положим) и отделить кольца ее, одно от другого, перевести в них время на пространство, и распределить соответственно тому или другому царству — происшествия параллельно с произведениями.

* * *

Почему у древних не было Истории и даже опытов для нее?

* * *

Испанское, Французское, Итальянское Государства происходят от Римского; языки Испанский, Французский, Итальянский — также от Латинского.

* * *

Может быть один человек во всем мире, (плод всего мира), шествуя путем Христовым, с чистым сердцем, благою волею, уразумеет

Историю в какой-нибудь краткой формуле, достигнет самопознания и поймет: *я есмь*, во всем смысле... и круг Истории, от вкушения плода Адамова, заключится.

* * *

Первые Короли (я говорю о XV и XVI веке), были только что хозяева, которые думали о Королевствах, как о своих имениях. Благороднейшие понятия о Государствах и государственных пользах относится к позднейшему времени, как и самые Государства в истинном значении этого слова.

* * *

Взгляните на реку весною за минуту пред вскрытием: как спокойны и неподвижны ее скованные воды! Но вдруг треснул лед, поднялась вода и взвороченные глыбы бурной чередою, одни через другие, понеслись в далекое устье. Вот всеобщее движение народов в IV и V веках. — Но кто им дал этот первый толчок? От чего они, дотоле спокойные на своих местах, вдруг, кольца электрической цепи, прониклись одной силой и устремились куда глаза глядели, как будто не владея собою?

И потом все уселись, успокоились!

Ловить такие минуты — мудреная задача для Историков-Философов; изображать их прекрасная задача для Художников-Историков.

* * *

У кочующих народов нет любви к отечеству. От чего?

* * *

Любовь к отечеству есть физическая связь с корнем нашим в той земле, на которой мы растем, с воздухом, которым питаемся и пр., и духовная связь с языком, образом мыслей, прошедшим и настоящим временем. Обрежьте все сии видимые и невидимые нити — *тоска* по отчизне. В какой период народа любовь к отечеству бывает сильнее, когда ослабевает естественно и почему?

* * *

Различие племен, составивших Государство, идет чрез все веки и переходит по всем формам — звания, секты, школы, партии, образы мыслей. Как это удивительно!

* * *

Первые театральные зрелища в древнем мире были религиозные, (празднества Бахусу; в Риме трагедиями[300] умилостивляли богов). И в новом мире священная История прежде всего вышла на сцену.

* * *

Аристократия есть исправленный феодализм.

* * *

Биография Наполеона, Шеллинга — есть уже История.

* * *

Много заблуждений происходит от того, что мы по языку нашего времени судим об языке древнем: язык у всякого народа сначала был гораздо меньше, по мере его понятий; послушайте теперь крестьянина — сколькими словами он выражает все свои мысли! Знать несколько соседних языков было гораздо легче. Язык разрастается соразмерно с народонаселением, временем жизни и пр.

* * *

Политическая История имеет связь материальную: в 12 году война, в 13 заключен мир и т. д. Это есть одна из причин, почему ее так долго принимали представительницей всей Истории; в других явлениях труднее находить связующую нить.

* * *

Для нравственного мира, для Истории есть свои шесть дней творения: какой ныне день у нас, в мире, в том или другом Государстве?

* * *

Распоряжение, за которое Историки прославляют какого-нибудь Папу или Министра, принадлежит часто его скромному секретарю или Секретареву писарю — зачем же такие лживые похвалы в Истории? Пусть там говорят только дела.

* * *

Немцам предназначено судьбою разрушить два Рима: Империю и Гиерархию[301]. Славяне в том и другом разрушении принимали большее участие (Вандалы, Гус), но оно до сих пор еще не определено.

* * *

Количество воды в Государстве не должно ли брать в расчет при взгляде на Историю?

* * *

Лигисты[302] хотели повторить над пресекавшейся династией Валоа, что Пипины сделали над Меровингами, а Капет — над Каролингами[303].

* * *

Вот два зерна — они очень похожи между собою, но из одного вырастет дуб, а из другого — пальма: так в сходных началах Государств заключаются зародыши их будущих видоизменений.

* * *

Бывают какие-то решительные битвы, после которых Государства, в том или другом отношении, не могут подняться: так после рассеяния непобедимой Армады[304] упала Испания; так после сражения при Лепанто[305] не могла возникнуть морская сила Турции; так, после Полтавского сражения[306] Швеция вышла из первого ряда Государств Европейских.

* * *

Для мест есть также счастье: Венеция, Париж, Москва, Петербург, Одесса. (Другие по естественному положению своему должны возвеличиваться: Александрия, Константинополь).

* * *

Формы Государств разрушаются, возникают, изменяются, а народ под ними идет своим путем, шаг за шагом: Голландия под владением Бургундских Герцогов, Австрийских Принцев, Испанских Королей, своих Штатгальтеров[307], республикою, при Наполеоне, теперь Греция в период Персидских войск, междоусобных, при Александре, в союзах под властию Римлян, восточною Империей.

* * *

Совершенствуются породы растений при тщательном и умном хождении за ними, с соблюдением тех и других условий; породы людей так же.

* * *

Человечество живет, как человек. Это таинственное лицо, которого образа мы не видим.

* * *

Человечеству больше всего мешают люди.

* * *

И никак не удалось Италии приобрести политическую независимость в новой Истории; она не выходит из-под чуждого влияния: Лангобарды, Карл Великий, Немецкие Императоры, Французы, Австрийцы. (Нечего говорить о некоторых блестящих метеорах[308].) Как будто земля лишилась силы поддерживать свою самобытность, истощив ее с такою славою в древнее время. Впрочем и Наполеон — сын Италии.

* * *

История загромождена теперь формулярными списками.

* * *

Как в царстве прозябаемых между высокими пальмами, прекрасными лилиями, душистыми нарциссами есть мхи, лишаи и водоросли, так и в роде человеческом в одно время с Немцами, Французами, Русскими, живут Кафры, Готтентоты, Чуваши[309] — и все они чувствуют бытие свое, имеют собственные свои наслаждения и могут подниматься выше в своем образовании. — Может быть, балласт необходимый, если не что другое, — азот нужный для бытия воздуха.

* * *

Историк своей мыслию дополняет иногда пропуски в Истории и не ошибается.

* * *

Пресвятая Дева Мария есть венец древнего мира, кольцо связующее древнюю Историю с новою.

* * *

Как ни один атом не может пропасть из мира физического, из природы, так малейшее движение духа в каждом человеке, взгляд,

чувство, поступок, мысль, входит в состав, дальше или ближе, великих, всемирных происшествий, хотя для нас не видны, разумеется, все бесчисленные средние кольца, коими оно связывается с ними: например, одно мгновение в сражении при Лоди[310] и переменилась вся История Наполеона, Европы, рода человеческого. История Русская от той минуты, в которую погиб Царевич Димитрий, до вступления на Престол фамилии Романовых[311].

* * *

История обсекает великое происшествие от всех мелочей, из коих большая часть недоступна никакому микроскопу.

* * *

Объясняют упадок Рима, Византии, Халифата, Аристотеля. Иные Историки даже порицают, осуждают. Они хотят как будто доказать, что Рим, или X, или Z простоял бы, если бы тех или других причин, отысканных ими, не было. Вот ошибка! Сии причины — в естественном порядке вещей: неужели можно писать рассуждения о причинах смерти столетнего старика? Взгляните на растение: наступит осень, — как вы его ни грейте, ни поливайте, оно завянет.

Надо оборотить объяснение и показать только, какими болезнями сопровождалась кончина того или другого Государства, и от чего произошли сии болезни; а болезни, те или другие, под тем или другим видом должны были произойти непременно. Государство развивалось естественно, как дерево из своего семени до известной высоты, толстоты и крепости, за коими следует слабость. Задача Историка снять верно с природы это развитие и показать, по каким причинам, при каких явлениях, истощилась жизненная сила.

* * *

Сравнить древние звания с новыми. Что есть у новых народов, похожего на касты? Как оно образовалось? О переходах из звания в звание у новых народов.

Сравнить Историю званий во всех европейских Государствах, их первоначальные видоизменения, развитие.

Отсюда можно сделать отвлечение и представить последовательно Историю начала. От чего духовенство в Восточной церкви составляет особое наследственное сословие, а в западной — нет. А дворян-

ство наоборот: на востоке Европы, то есть в Славянских Государствах, оно восполняется из всех сословий; на западе же — это особое, почти неприступное сословие.

* * *

Как произошло отдельное сословие Духовенства, которого долго в начале Христианства не было, и которое стало образовываться уже тогда, как размножились Христиане, и получили нужду в особых надзирателях, учителях и тому под.?

Как выстроилось это здание духовного Государства в том или другом Государстве, как все они соединились между собою и составили одно, которого средоточием на западе сделался Рим и Папа?

Объяснить отличие востока в этом отношении.

Древнего мира.

Почему черное Духовенство на востоке важнее?

* * *

Безбрачия на севере не наблюдалось и после Григория VII[312]: Лютер следовательно выразил только общую мысль в этом отношении.

* * *

В древнем или Азиатском мире, подле истинной Теократии[313] Еврейской, мы видим в начале Истории Теократию и по всем Государствам — от Китая до Египта. Показать на линии все сии видоизменения.

История новых Государств с IV и V века начинается также Теократией этого рода.

Итак, чем отличается древняя Теократия от новой? Изложить Историю той и другой с их реформациями.

* * *

Первое духовное соединение гражданских обществ между собою производится Религиею, которая стирает мало-помалу и национальные различия между людьми. Это соединение имеет свои постепенности, и, начинаясь, может быть, почти механически, одухотворяется более и более к тому времени, как будет едино стадо и един пастырь.

* * *

В недрах Религии начались или образовались Европейская наука, (первые ученые — духовные, и первая наука — Богословие, библиотеки — в монастырях) и искусство, (живопись, зодчество, музыка — в храмах, театр) и язык (летописи отечественные), и право (судебная власть духовенства).

Как выстроилось здание догматов Христианской Веры?

* * *

Какая борьба была между членами церкви? Наружная — касательно выгод, прав, почестей; внутренняя — касательно мнений, верований, а между тем церковь, независимо от них, преуспевала, преуспевала.

И каждое Государство в этом смысле есть Synthesis oppositorum[314].

Но что же не Synthesis? Беспрестанно, повсеместно борется тело и душа, природа и человек, конечное и бесконечное.

* * *

Не содействовали ль ереси более всего к тому, что понадобился глава церкви на западе?

* * *

Мы видим, что Рим должен был овладеть западом духовно, как прежде владел телесно; рассмотреть, как подгонялись действительные события к этой необходимости; от каких обстоятельств Римский Епископ, прежде равный (если не низший) прочим, возвысился после над ними. Сделался Папою, Григорием VII.

* * *

Политические партии были прежде религиозными: Протестанты, Гугеноты, Янсенисты, Пресвитеры, Гомаристы, Диссиденты[315]. (Раскольников остановил Петр Великий).

В древнем и восточном мире также расколы Еврейские, Мугаммеданские, Индийские.

* * *

Германия сохранила феодальную форму до нашего времени. Для чего нужно было, чтоб она осталась такою? Каким образом она уклонилась от общего преобразования Европы, когда во всех Государствах

основалось единодержавие? Верно в первой ее Истории было какое-нибудь важное отличие от Истории прочих юго-западных и северо-восточных Государств Европейских — и вот другая История, Имперские чины, Курфюрсты, избирательное правление, федеративный союз.

* * *

Рассмотрите все великие происшествия: Александровы завоевания, или Константина, или Крестовые походы, Реформацию, Наполеона — то ли произошло от них, чего хотели действующие лица? Нет, а то, об чем они и не думали. Люди действуют сами по себе и для себя, а человечество — само по себе и для себя. В этом большом человеке уравновешиваются по закону необходимости все противоположные силы людей, действующих по закону свободы.

* * *

Каждое происшествие имеет два смысла, или лучше, имеет свою душу и свое тело, божественную идею и скудельную форму; одною оно относится к высшим законам, законам необходимости, — другою к личностям человеческим, законам свободы.

* * *

Напрасно хлопочут найти изобретателей первых важнейших вещей для удовлетворения человеческим потребностям: резких изобретений в древности не было — они шли вверх по возвышенности неприметной, так что почти и не было изобретателей.

Так нельзя условить постепенностей образования: оно льется как время. Только в эпохах видишь изменение, успех, но невозможно следовать за ним по периодам.

* * *

Восточная или лучше Азиатская История (инстинктуальность, созерцательность, сосредоточенность), перешед с одной стороны, так сказать озападясь, с другой продолжается в прежнем виде, утверждается и развивается на Востоке.

* * *

Читая Немецкой параграф из введения в Историю, чувствуешь себя в каком-то новом мире отвлеченных слов, которые калейдоско-

пируются пред тобою самым странным образом: откуда там начало, об чем там толк, какой конец — настоящий casse-tête[316], в котором, разумеется, есть много прекрасных вещей. Всякий другой выведет это иначе. Есть, кажется, какой-то собственный прием при размышлении у всякого народа, свой путь, естественный метод. Взгляните с этой стороны на страницу Русскую, Французскую, Немецкую. По таким-то национальностям один поэт нравится здесь меньше, там — больше.

* * *

Город в древней Монархии есть первоначально стан покоряющего кочевого народа. В новом мире чиноначалие кочевого народа приложилось к земле и ее обитателям (феодализм), а города были уже готовые.

* * *

Каждая наука имеет свои таинства: таинство Истории — связь законов необходимости с законами свободы. Признаюсь, мне странно видеть, как многие мыслители могут до такой степени обманываться своею логикою, своею оптикою, что почитают себя понимающими это таинство, или, по крайней мере, стыдятся — как будто не понимать его.

Ищите хотя соответствия — один здесь, другой там. Потом заместятся промежутки. Наконец, те и другие законы вытянутся параллельными линиями. А все еще не понята будет связь. Мы знаем, по крайней мере, по краям, что принадлежит телу, и что принадлежит душе, а как они соединяются?

Это таинство — залог доказательства будущей жизни для ума, у сердца есть другие...

* * *

Новая западная Европа получила тело варварское, душу Христианскую, а учителем мир классический.

* * *

Государь есть необходимость в новых Европейских Государствах, а посмотрите, какими удивительными путями развилось это понятие и установился этот верховный сан ко благу всего человечества: предводитель орды дикарей, разрушивших западную Империю и поселив-

шихся на ее развалинах. В чем состояла власть его? Борьба его детей с детьми его сподвижников; они лишаются своего могущества и нисходят на одну степень с своими вассалами. Еще множество ступеней, города и среднее состояние, строевое войско, наконец, Людовик XIV. Новые противники.

И все сии явления на одной и той же линии, несмотря на все превратности.

* * *

Учители Права Естественного говорят о каких-то договорах, выговариваемых и подразумеваемых, в силу коих составились гражданские общества[317]. Нет — общества составляются как минералы, нарастая снаружи, и условия начинаются только теперь.

* * *

В Истории Государств можно так же различить минеральную эпоху, растительную, животную, потом человеческую, сперва телесную, а после душевную... Сравнений можно сделать множество, частных и общих, ибо везде господствует один закон.

* * *

Как удивительна судьба Константина Великого, и судьба Константинополя, столицы Религии Христианской, а потом Мугаммеданской.

* * *

Каждое происшествие представляется нам отдельно, но видеть вдруг всю длинную цепь причин, коих оно есть произведение, и всю длинную цепь следствия, коих оно есть причина, и связь его с другими происшествиями, их причинами и следствиями, как тот Пророк, который внимал и

...... неба содроганье
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводной ход,
И дольней лозы прозябанье[318].

Какое зрелище! Какой узел?

* * *

Какую цель имели Римляне в своих завоеваниях? Удовольствие иметь лишнюю землю, обогащаться единовременно? Очевидно, какое-то физическое, невольное влечение — поток стремящийся.

* * *

Один город, или лучше один Сенат, покоряет столько царств и народов и содержит их в повиновении столько времени. — Разобрать механизм этого явления с сей точки. И все-таки были нищие в Риме.

* * *

Деспотизм старого мнения, самый сильнейший из всех деспотизмов Азиатских и Европейских, наслаждается еще всеми правами своими, и мало отважных, твердых гениев, которые бы освободились из-под его ига целые и чистые: История со времен отца своего Иродота[319] попалась в колею политическую, (тогда так было должно), до сих пор не может выбраться из нее, и в продолжение 2,500 лет является людям в частной личине, которую невежи силятся еще выдать за все благообразное лицо ее.

* * *

В древней Истории — многобожие и Республика, в новой — единобожие и Монархия.

* * *

К древним народам приносили образование; новые (западные) ходили за ним, без намерения, впрочем. Восточные Европейские племена (т. е. Славяне) во всем составляют средину между Европейской и Азиатской жизнию.

* * *

Царства поглощаются одни другими, как реки, впадающие в море: Москва впадает в Оку, Ока — в Волгу, Волга — в Каспийское море. Малоазиатские царства покорены Лидийским, Лидийское и Мидийское — Персидским, Персидское — Македонским, Македонское — Римским. В древнем мире одно царство преимуществовало всегда над

всеми прочими; в новом мире все пошли рядом, и после, как вошли в связь, преимущество стало гораздо слабее, идеальнее.

* * *

Запад Азии выступил сперва на сцену в древнем мире, в новом мире — Запад Европы.

* * *

В новом мире Монархии основаны наступательно, а Республики — оборонительно.

* * *

Древние воевали народами, а новые — войсками: стотысячное древнее племя могло делать то, что ныне пятимиллионный народ.

* * *

Такие-то растения выражаются таким-то. Это можно приложить и к Истории, отвлечь от происшествий лица и сказать, что Платон, например, выражает собою мысль древнего человека, Сократ, Цезарь, Катон[320] — то-то и пр. Бывают представители начала, эпохи и т. п. В таком-то народе повторились такие-то; этот народ есть такой-то орган человеческого рода.

* * *

Определить вообще отношение Истории лично к тому, кто ею занимается.

* * *

Всякое происшествие имеет две причины — одну наружную, частную, очевидную, так сказать, физическую, другую — внутреннюю, общую, потаенную, духовную. Сии две причины соединяются между собою таинственно, или лучше одна другой служит выражением, как слово — мысли.

* * *

Первоначально духовная власть была одна с политическою (у Египтян, Эфиопян, Индийцев); потом они разделились, преимуще-

ственно в новых Государствах, но все-таки разделение начинается первенством духовной (гиерархия средних веков).

* * *

Рядом ли идут образование умственное, нравственное, эстетическое, гражданское или отстают одно от другого, — показать это на Истории. Вопрос весьма важный, особенно по отношению к противникам просвещения.

* * *

В грубых гражданских обществах личные достоинства (храбрость, телесная крепость, смешливость) давали право на первенство, и повиновение предводителю основывалось на собственных выгодах каждого члена. Это одна из причин о происхождении деспотизма Восточного и Западного феодализма.

* * *

Войны Филиппа с Нидерландами и прочие его предприятия против Англии, Франции и Германии суть каналы для разлития Американского золота и серебра по Европе.

* * *

Affranchissement des communes[321] есть первая половина революции. Среднее состояние, города отказались сначала от повиновения феодалам, а в революцию они боролись с дворянством, произошедшим от них.

В революцию Галлы свергли иго Франков, как сказал гениально Наполеон.

* * *

Происшествия, лица, идеи возобновляются, как будто выходят новыми изданиями, исправленные и умноженные; или в происшествиях природа усиливается постепенно, как в растениях или животных или органах выражать ту или другую мысль свою, достигать той или другой цели: сравнить Историю фронды[322] с Историею революции, Людовика XIV и Наполеона, Марльборуга и Веллингтона, Лувуа и Карно[323], (не обращая внимания на их личности), изгнанных Гугенотов и эмигрантов революции.

* * *

Взгляните на развитие царств природы: прозябаемых, ископаемых или животных, так можно, кажется, отыскать следы развития и в Истории народов. — Занимательно отыскивать людей в разных Государствах, назначенных для одного того или другого дела. Иногда человек заменяется в другом Государстве происшествием, в третьем — учреждением и тому под.; здесь причина внутренняя, там внешняя.

* * *

Завоевания Людовика XIV — блестящи, велики, но изгнанные им Гугеноты, распространив Французской язык и образ мыслей, передавая после все новые идеи своего отечества, были, хотя и отрицательно, под другою формою, большими завоевателями. В этом отношении Французская эмиграция во время революции есть одно из самых важных ее следствий для Европы, хотя, с первого взгляда при огромных явлениях во Франции, оно не входило в расчет. — Как удивительно сцепление происшествий!

* * *

Выражение «такое-то происшествие имело такое-то влияние на род человеческий» неправильно в строгом смысле: им предполагается, или из него понять можно, что род человеческий идет своею дорогой, а такое-то происшествие, как бы извне, действует на него, — между тем, как это происшествие есть кольцо в беспрерывной цепи, есть составная часть его бытия, есть удельное пространство его пути, число в Геометрической прогрессии, плод и семя.

* * *

В XVI столетии все Государства кончили домашние дела свои; им необходимо вступать в сношение между собою, по закону Провидения для исполнения высших его предначертаний, — и вот изобретается компас, ведущий в Америку и Ост-Индию; заводится торговля и колонии и основываются общие интересы; покоряется Константинополь Турками и все испуганные Европейские Государства жмутся друг к другу для отвращения общей опасности; и изобретается книгопечатание для сообщения мыслей; и учреждаются подозрительным Лудовиком XI почты для его видов, сделавшиеся после общими; и чувствуется необходимость Карлом VII для отражения Англичан в бессменных войсках,

которые потом заводятся во всех Государствах, готовых состязаться между собою; и уединенным монахом изобретается порох к дорушению феодализма; и заводится распря (здесь опять какое удивительное сцепление) за Италию, то единственное Государство, в котором все юго-западные Государи принимают личное участие; и надобятся деньги Льву X для достроения церкви Св. Петра; и заводится ученый спор между двумя монахами, в который вмешалась вся Европа.

Колумб сидит над картою и думает; Шварц в келье толчет серу с селитрою и ищет философского камня; Гуттенберг в бедной своей мастерской ломает себе голову над подвижными буквами; Карл VII хлопочет как бы сохранить свои владения от алчности соседей; Людовик XI подозревает; Карл VIII сумасбродствует; Мугаммед грабит[324]; Лев[325] раздает пенсии ученым и художникам...

Какие разнообразные действия, какие разнохарактерные действователи, какие противоположные цели!

А между тем все эти люди, незнакомые между собою, вместе, почти в одно время, кладут камни в фундамент одного здания, им невидимого, начинают связь Европейских Государств между собою, начинают новую Историю.

Припомню здесь сказанное выше. Это взгляд на происшествие и на причины его с одной только стороны, между тем, как всякая из них имеет еще множество других, например: открытие Америки (владение, сахар, кофе, табак, картофель, золото, краски, болезни, торговля, колонии, невольники, богатство Испании и пр., и пр.).

Возможно ли созерцать это все вдруг? Membra disjecta[326] — вот что можем мы видеть теперь. Но от размышлений об них составляется наконец в душе нашей чувство, неопределенное, синтетическое, но сладостное чувство Истории.

* * *

На горе — чем выше поднимаешься, тем видишь горизонт обширнейший; чем больше занимаешься Историей, тем больше возникает вопросов. Но разве не так и в прочих Науках? Чем больше кто знает, тем тот яснее понимает, как мало он знает, а мудрый Сократ перед смертию своей сказал: я знаю, что ничего не знаю. А есть охота знать, есть любопытство. Следовательно — когда бы, где бы, как бы то ни было, а удовлетворится оно.

ФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

И государства, как все существа в мире, начинаются неприметными точками. Долго, долго, в сильное увеличительное стекло, надо смотреть на безобразную, разнородную кучу земли, людей и их действий, на этот человеческий хаос, чтоб, наконец, поймать в нем трепещущую точку, punctum saliens[327], по выражению Анатомиков[328], поймать, вонзиться взорами, и уже не выпускать потом ни на минуту из виду, с напряженным вниманием подмечать ее тихое, медленное, постепенное увеличение, все эпохи или лучше моменты развития, пока, наконец, через много-много лет точка эта обозначится, забьется жизнию, установится на своем месте, примет лицо, оденется плотию, укрепится костьми и начнет действовать.

Рюрик[329] призван был Новгородцами.

Это происшествие принадлежит одному Новгороду и то ненадолго: после того как преемник Рюриков оставил Новгород[330], оно оторвалось, если можно так выразиться, от последующей Истории; все дела пришли в первобытное положение, то есть Новгородцы стали жить сами по себе и платить дань заморским Варягам, как прежде, и ушедшим Варягам-Руси, которым посчастливилось утвердиться в Киеве. Кроме сей дани Новгород не соединен уже был никакими узами с Киевом, и, следовательно, с текущей рекою Истории, а напротив, составил особое целое, как то мы видим ясно при Святославе[331], который отказался от него за себя и сыновей. В Новгороде мы усматриваем только новое гражданское, то есть Норманское начало при Рюрике, которое вскоре подверглось влиянию древнего Славянского, блеснуло и угасло.

Следовательно, такое совершенно отдельное происшествие никак нельзя назвать вполне ***началом*** Русского Государства, еще менее, нежели современное утверждение Аскольда и Дира в Киеве[332]. Это только прибытие, начало водворения Норманнов между нашими Славянскими племенами, временный военный постой в одном городе.

Почему же этим происшествием начинают Русскую Историю? Не имеет ли оно по крайней мере какой-нибудь доли в основании Государства? Не соединяется ли чем-нибудь с последующими происшествиями? Нет ли какого перешейка, моста, между этим островом и твердою землей.

Главное, существенное в этом происшествии, относительно к происхождению Русского Государства, есть не Новгород, а лицо Рюрика, как *родоначальника династии,* хотя он, подобно Ромулу[333], не имел, может быть, никакого понятия о своем будущем значении; Рюрик, который пришел с чувствами дружелюбными к племени, призывавшему его по доброй воле. Началось преемство, стало за кем следовать, хотя еще и в пустом пространстве. Вот почему это происшествие безмерно в Русской Истории! Воздадим честь и Новгороду, старшему сыну России, (рожденному впрочем, прежде матери) за призвание Князя, которого роду предназначено было основать впоследствии величайшее Государство в мире.

Младенец Рюриков, Игорь[334], с его дружиною есть единственный плод Норманскаго призвания в Новгород, единственный ингредиент[335] в составлении Государства, тонкая нить, коею оно соединяется с последующими происшествиями. Все прочее прошло, не оставив следа. Если б не было Игоря, то об этом северном Новгородском эпизоде почти не пришлось бы, может быть, говорить в Русской Истории или только мимоходом.

Таким неприметным атомом, относительно к формации, началось Государство, зародышем, который именно едва поймать можно микроскопом исторических соображений. Это, употребим сравнение, корень бессмысленный слова, первый элемент звука.

Олег, удалый Норманн, соскучился в Новгороде, или принужден был оставить его; пошел с младенцем Игорем куда глаза глядят. Случай, прихоть, нужда! Он пошел точно, куда глаза глядят, ибо поселиться в Киеве он сначала не мог думать наверное: там жили его земляки, Аскольд и Дир, и жили уже 20 лет, обострожились[336] и утвердились; ему нельзя было предполагать, чтоб эти бранные[337], как он, витязи[338] согласились уступить ему добровольно богатое место? И в самом деле, он побоялся борьбы сомнительной и после, достигнув Киева, пошел на них не с открытою силою, а с хитростию, которая могла удаться и нет.

Или — Олег мог отправиться с своей дружиной мимо Киева на службу в Грецию и пропасть там вместе с Игорем, не оставив следа, подобно сотням своих единоплеменников, и тогда другой вид Истории, другие лица и другие имена!

А как сомнительна судьба Игоря-младенца, только что рожденного младенца, на котором однако ж лежит судьба отечества, который

остался связать всю последующую Историю с Новгородским призванием Норманнов, который должен утвердить еще за отцом своим место во главе Русской Истории.

Кроме тех опасностей, кои разделял он с Олегом, он имел другие: Олег мог иметь детей, которые отняли бы власть у него, то есть предводительство, начальство над дружиною, легко достававшееся в это бурное время более решительному, храброму, искусному.

Вот каким случайностям подвергался Олег, и при нем Игорь, и зародыш Русского Рюрикова Государства!

Но не слишком ли еще много видеть здесь зародыш Государства? Точно, — это менее чем зародыш, это математическая точка, почти идея.

Оставляя Новгород, Олег делался странствующим рыцарем с своей дружиною, лишался места. В эту минуту как будто пропало, скрылось из виду зачавшееся Государство. Минута неизвестности! Семя предано произволу ветров!

Не должны ли мы трепетать за него? Что с ним будет? Куда понесется оно? Где найдет себе родимую почву?

Успокоимся! Благопромыслительной Десницею[339] несется оно именно в Киев, где ему приготовлено лоно, где новому Государству поставлена цель. Мнимою прихотью Олега выражается воля Провидения! Династия, оставшись в Новгороде, повела бы дела по необходимости иначе: из Новгорода должна бы утвердиться у нас связь не только государственная, но и духовная с Западом, Латинством, Папою, а видно было надо, по высшему предначертанию, чтоб распадавшейся в то время Религии приуготовилась особая Церковь на Востоке, чтоб там когда-то, чрез тысячу лет, среди Славянских племен, народилось Государство — наследник Римскому Востоку, Греческой Империи, Константинополю, как Римский Запад достался в наследство с землею, жителями, Религией и образованием Немецкому народу.

Олег пошел; точка двинулась, это правда, точка, не более, но выйдет линия, и какая линия? Пол экватора, треть меридиана[340].

Олегу посчастливилось овладеть Киевом. Он умертвил Князей Киевских[341], а мирные жители приняли его без сопротивления. Он остановился здесь, и потом решился, кажется, остаться, по крайней мере, с своей стороны в этом городе, обильном естественными произведениями на большой реке, — откуда так легко можно было набегать на все стороны, особенно на приманчивый Царьград[342], — где так

хорошо было в продолжение двадцати лет его товарищам, Аскольду и Диру. Впрочем, где-нибудь надо жить, лишь бы жить, и всякая минута могла переменить намерение. Поселение Олега в Киеве было также мирно, как и Рюриково в Новгороде, чем и определился характер их взаимных отношений к жителям.

Владея Киевом и его областью, Олег, в благоприятных обстоятельствах, удержал право Рюриковых даней и распространил оные, обложив новые племена[343]. За данью однако ж надо было всегда ходить нарочно — оброк[344] непостоянный — первая легкая форма подданства. Племена не входили еще в состав Государства, почти точно как платя дань прежде за море в 859 г.[345], а только подготовлялись. Кое-где были оставлены мужи, которые верно отлучались часто, ходя на войну. Смерть застала Олега в Киеве.

Киев, с выражением Олега: се буди мати градом Русским[346], и временная дань с некоторых племен, — вот состояние зародыша, форма государства, оставленного преемником Рюрика.

Ленивый *Игорь* потерял было дани, перестав ходить за ними, и племена, пользуясь благоприятным случаем, отлагались[347]. По крайней мере, всю свою жизнь он прожил в Киеве, и привычка, которую называют второю природою, привычка дружины и города к Князю и его роду, а Князя к дружине и народу, привычка к оседлости и какому-то порядку вещей, укоренялась. Таково было при Игоре приобретение, почти невещественное, к родительскому наследству. Семя не развилось, но несколько укрепилось, приготовилось для развития. Под конец своей жизни Игорь захотел было притеснить соседних Древлян, и погиб за то от руки их[348]. Новая опасность, по крайней мере, опасность Рюрикову роду: ближнее племя восстало и решилось на такое отважное действие — убить Князя: что же сделают дальние! Что будет с самою дружиною? Как легко будет, кажется, какому-нибудь смельчаку захватить начальство, и увести его на промысел или самому сесть на престол!

К счастию, вдова Игорева, *Ольга*[349], имела характер мужеский, она устроила все дела, и мстя за смерть Игоря, опустошила землю Древлянскую, привела ее в большую зависимость. Она же установила некоторые дани на Севере.

У Игоря был также один сын, как у Рюрика. Святослав, к счастию молодой Руси, которой необходимо было распространиться прежде, нежели разделиться, которой необходимо было раскинуться, хоть

слегка, из одного центра, а не многих; одно семя должно было пока развиваться, одно Государство расти, а не многие равносильные возникнуть вдруг. Рано было начинаться удельным Княжествам: если б у первых Князей было по многу детей, то они, поссорясь тотчас между собою (неизбежный случай), воспрепятствовали б развитию, не укрепясь, ослабли б и не успели б захватить столько посторонних земель, кои могли отойти в состав других соседних государств. Тяжело детям остаться сиротами, пока отец не устроит хозяйства. Силе предлежало еще поприще вне, а не внутри.

Святослав, храбрый, твердый, воинственный, возмужав, взял, и следовательно, стал брать дань с новых племен, и смирил прежние, которые беспрестанно пытались откладываться. Но все он владел собственно одним Киевом. Так и думал, если о чем-нибудь думал. Еще более — самый Киев он считал постоем, и решился оставить его так, как Олег оставил Новгород. Ему мало стало скудной дани по какой-нибудь веверице с дыма[350], когда Греция предлагала ему груды золота, и он решился не перенесть столицу, (это неверное выражение) а, говоря просто, переехать на другую квартиру*, переселиться к другому Славянскому племени, в страну им покоренную, в Болгарию[351], и перенести семя в другую почву! Оно так слабо привязано было к нашей земле, хотя и пустило уже росток, такой слабый корень имело, что не стоило ни малейшего труда оторвать его. Зародыш выкинут. Болгарии выпадал жребий сделаться Русью, Нормандией. Наша почва оставалась для другого семени, и всего прежнего как будто не бывало. Ясное ли доказательство, что понятие об оседлости, наследственности, поземельной собственности, было еще ничтожно, и одной черты в Норманском характере Святослава достаточно было, чтоб изгладить слабые плоды ста лет. Святослав пошел, и семя опять предано произволу ветров.

Перед отбытием Святослав отдал старшему сыну Ярополку[352] свой Киев, а второго послал княжить на Волынь[353]. Святослав не

---

* Наши знаменитые судии, судии слов, улыбнутся при этом выражении: переехать на квартиру! Милостивые государи! Право, я сумел бы найти те выражения, кои вертятся у вас на языке теперь: переменить местопребывание, избрать новое жилище и тому под. Но употребил это (как и в других местах) не чистое, простое, полуиностранное, потому что оно точнее, яснее, выражает мою мысль, а по-моему, это всего важнее в исследовании, не принадлежащем Изящной Словесности.

разделил, как говорят у нас обыкновенно, свои владения, но другого сына послал в дикое поле. Древлян, племя самое близкое к Киеву, разоренное Ольгою, обложенное двойною данью, и потому теснее связанное с Киевом, легче было держать в повиновении. Вот главная причина, почему Святослав послал туда сына. Третьего сына — Владимира[354] вытребовали себе сами Новгородцы, почти против воли Святослава, который говорил им даже: кто к вам пойдет? Следовательно, Святослав все-таки владел одним Киевом, *где жил*, где жил и отец его; здесь нечего говорить о делении, ибо делят целое, делят свое владение, а Святослав не владел Древлянами, которые платили ему только дань. Тем более должно сказать это о прочих дальних племенах, и, всего вернее и точнее, о Новгородцах. Но если б даже и владел — все только Киевом и ближнею Волынью. Вот что отдал он двум сыновьям своим.

Не было деления, и еще менее пагубного примера! Деление было общее во всей Европе, необходимая принадлежность, степень гражданского общества, а не частная ошибка. Но у нас, повторю, не было ни деления, ни частной ошибки, ни примера.

Святослав пошел в Болгарию. Дети его могли следовать за ним туда же — по его смерти, в помощь, для участия в его походах и предприятиях, а какая приманка для корыстолюбивых и честолюбивых Норманнов богатый Константинополь и Малая Азия! И между Славянскими племенами возникли б опять прежние отношения, и надлежало б ожидать новых обстоятельств, новых Государей, для готовых элементов Государства. Как все зыбко!

Случился же именно в это время в Греции такой Государь, как Иоанн Цимиский[355], один из самых воинственных Государей в целом ряду Византийских Императоров, в продолжение долговременного периода. Он заставил Святослава удалиться из любезной Болгарии, который на возвратном пути и сложил буйную свою голову, с остальными мужами[356]. Сыновья его лишены были средств идти в Болгарию, отнятую Греками, не могли переселиться туда, если б и хотели. Они остались у нас, владея порознь Киевом, Волынью и Новгородом.

Семя переслано опять к нам, или лучше, укрепилось, глубже опустилось в нашей земле. Опасностей стало меньше, по крайней мере, дома.

До сих пор было по одному Князю, и у этого одного Князя бывало всегда во владении по одному городу, из которого уже он ходил, по

своему усмотрению, брать дань с разных племен, ближних и дальних. Теперь являются три Князя, три брата — сыновья Святослава.

Олег так княжил на Волыни, а *Владимир* — в Новгороде, как *Ярополк* — в Киеве. Еще два племени стало приготовляться к составу будущего Государства, хотя и порознь; не целое разделилось на части, как мы видели, но части возникли, кои после составят целое. Прибавим Полоцк с Рогвольдом[357].

Были ль разделены дани между братьями? Едва ли! Вероятно, сначала каждому предоставлялось ходить в свою сторону, как далеко сможет. Но у них не было и времени ходить за данью по племенам, ибо братья тотчас перессорились между собою[358], сперва Ярополк с Олегом, потом Владимир с Ярополком, и возникла мысль об едином владении: один хотел завладеть, чем владели трое. Ярополк одолел Олега, а Владимир, испугавшись, бежал за море, «и бе Ярополк владея един в Руси»[359] посадив Посадников[360] на Волыни в Новгороде.

Вот уже новое явление! *Ярополк*, как прежде Рюрик, схватившись, так сказать, за оставшиеся концы, удержал власть братьев во всей полноте ее, и следовательно, получил ее больше всех своих предшественников. Пребыванием Князя в городе как будто узаконивалась принадлежность его наследнику. Все три области, Киев, Волынь и Новгород, составили одно владение, Ярополк один владел из Киева Волынью и Новгородом, чрез своих Посадников, чего прежде не бывало.

Все три племени достались точно также Владимиру.

Владимир — живя почти чрез сто лет после Рюрика, а время имеет свою силу, особую от происшествий и лиц, Владимир, очень богатый, ибо ему достались добычи ста лет, добычи Рюрика, Олега, Игоря, Святослава, с сильным характером и бранным духом, Владимир, который, кроме своего Новгорода, отнял три владения (Полоцк, Древлян и Киев) и умертвил двух владетелей (Рогвольда с сыновьями и Ярополка)[361], Владимир сделался первый Князем-Государем в настоящем значении этого слова, хотя все еще слабо[362].

Ему не была уже нужна помощь чуждая Варяжская, и он спровадил от себя главную ватагу: так был он силен своими собственными домашними силами.

Он ходил за данью гораздо дальше прежних Князей, даже за Карпаты, вероятно определяя оную (Новгородцы), а с другой стороны — за Волгу. Некоторые племена привозили дань ему даже сами в Киев.

Он жил в своем владении, не думая о переезде, как еще его отец, водворился, так сказать, уставился, а дух Норманский, дух движения чрез 120 лет в 4 колене, родившемся на Руси, стихнул и сам по себе.

У Владимира было 12 сынов (самое прежнее многоженство его имеет здесь свою историческую важность и значение), и он разослал их по племенам, уделив каждому часть своей дружины, которая была у него многочисленнее по его связям и богатству, чем у его предков, и совершенно от него зависела. Вот когда собственно племена начали входить в состав Государства, или приготовлять будущее Государство, образовываясь в гражданском отношении отдельно, порознь. Вместо двенадцати прежних племен, двенадцати даней, мы видим теперь 12 особливых владений, Княжеств, под владычеством отца, Великого Князя Киевского[363].

Супруга Владимира Анна, дочь и сестра Византийских Императоров[364], с коею вступив в супружество, он принял Христианскую веру, содействовала еще более к утверждению этой мысли о постоянном местопребывании, сохранении владения, и оставлении в наследство детям. (Точно как после другая Греческая Царевна, София, утвердила идею Царя, при Иоанне III, и устроила Двор[365]).

Прибавьте долгую жизнь, тридцать пять лет княжения, участие Духовенства, которое у нас, как везде, приложило, разумеется, особое старание о смягчении нравов, и, следовательно, о мирной оседлой жизни.

Таким образом политическое соединилось с религиозным, и первый Христианский Князь был вместе и первым Государем-Владетелем, чуть ли и не Правителем, потому что в его время мы видим следы положительного, письменного законодательства[366], вероятно, по примеру Церкви, — сперва разумеется по Норманским обычаям для дружины, а потом и для народа со влиянием Греческих и туземных обычаев.

Каждый сын Владимиров княжил так в своем городе, как отец — в Киеве, средоточии, матери всех городов Русских, по выражению Олега. Живя посредине племен, Князья могли легче содержать их в полном подданстве, нежели прежде один Князь из дальнего Киева, и приучать к повиновению. Все они были, однако ж, слабее своего отца, которому платили урочную дань, не смея ему противиться, кроме, под конец, одного Ярослава[367], который был дальше всех, и мог надеяться на чуждую помощь.

Сыновья и отец должны были считать города уже своею собственностию, и даже средством для прокормления, содержания. Понятие о наследстве стало прикладываться к земле, приготовлялось понятие о поземельной собственности у Князей, которые, разумеется, начали принимать участие и в правлении, по примеру отца. Намечены будущие уделы по племенам.

Но все эти Князья жили недолго. Одни перемерли (при нем и после, Вышеслав, Изяслав, и проч.), другие погибли вследствие особых обстоятельств (при Святополке — Борис, Глеб, Святослав и потом сам он, Святополк); третьи (Судислав) не могли ничего сделать против *Ярослава*, который остался один и после нескольких междоусобных войн (со Святополком, Брячиславом, Мстиславом) и смерти братьев получил почти все их Княжества.

Они достались ему уже *с такою* зависимостию, с какой, привыкнувшие, находились от его братьев, принадлежали ему еще крепче, разумеется, нежели Владимиру, и были управляемы по заведенному порядку, чрез Наместников, ему подчиненных.

Ярославу принадлежали Киев, Волынь, Подолия, Галиция, Литва, Балтийское поморье, Новгород, Двинская область, Поволжье, Северная страна[368]...

Все сии страны принадлежали точно, ибо города их мы находим немедленно в уделах сынов и внуков, как их отчины, и наоборот — при сих последних они не могли быть завоеваны, потому что все действия их известны нам по летописям.

Границами Ярославовых владений были: Балтийское море, нынешняя Пруссия, Царство Польское, Карпаты, Новороссийские степи, Волга, Уральские горы...

Так удалые Норманны, в продолжение двухсот лет, раскинули план будущего Государства, наметили его пределы, нарезали ему земли без циркуля, без линейки, без астролябии, с плеча, куда хватила размашистая рука...

Все племена и города находились в подданстве у одного Князя, (а потом одного рода), были одного происхождения, говорили одним языком, хотя и разными наречиями, исповедывали одну веру, — словом это было Государство, в некотором смысле, целое, хотя и сметанное на живую нитку. Шлецер[369], заключу мое рассуждение словами великого учителя, назвал удачно этот период Russia nascens[370].

И так двести лет начиналось Государство, рождалась Россия.

Симеон Полоцкий[371] молился Богу, говорит предание, чтоб муки Царицы Натальи Кирилловны[372] продолжились как можно более, дабы новорождаемый младенец воспользовался должайшею жизнию. Может быть, двухсотлетнему рождению и младенчеству Русского Государства, еще долговременнейшему юношеству, будет соответствовать в соразмерности настоящее доблестное мужество и будущая мудрая старость!

ПИСЬМО К ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ, ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ, АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году

Государь! Вашему Императорскому Высочеству угодно было, по прочтении моей записки о Москве[373], чтобы я представил Вам свое мнение о важнейших эпохах в Русской Истории.

Слишком лестно для меня это желание, но я чувствую невольную робость, приступая к его исполнению. Говорить о прошедшем тому, у кого в сердце хранится будущее!..

О, если б я, озаренный каким-нибудь внезапным светом, мог прозреть теперь всю таинственную связь событий, решавших судьбы отечества, выразуметь ясно их причины, ближние и дальние, оценить верно все последствия! О, если б я мог раскрыть теперь пред Вашими глазами весь путь, пройденный Россиею, представить все степени ее восхождения и устремить взор Ваш прямо на цель, ей предназначенную!..

Волновать Ваше сердце, воспламенять в нем любовь к отечеству мне не нужно: мы знаем, Кто возжигает священный огонь; мы знаем, как он уже пылает.

Россия! Что это за чудесное явление на позорище[374] мира! Россия — пространство в 10 тысяч верст длиною, по прямой линии от средней почти реки Европейской. Чрез всю Азию и Восточный Океан до дальних стран Американских! Пространство в 5 тысяч верст шириной от Персии, одного из южных государств Азиатских, до края обитаемой земли — до северного полюса. Какое государство равняется с нею? с ее половиною? Сколько государств равняются ее двадцатым, пятидесятым долям?

Россия — поселение из 60 миллионов человек, коих счесть было возможно, кроме тех, коим еще счету нет, население, которое ежегодно увеличивается миллионом и вскоре дойдет до ста. Где такая многочисленность? О Китае говорить нечего, ибо его жители, без сообщения, составляют мертвый капитал Истории, и, следовательно, не идут к нашим соображениям.

А если мы прибавим к этому количеству еще 30 миллионов своих братьев, родных и двоюродных, Славян, рассыпанных по всей Евро-

пе — от Константинополя до Венеции и от Мореи[375] до Балтийского и Немецкого морей[376], Славян, в которых течет одна кровь с нашею, которые говорят одним языком и, следовательно, по закону природы нам сочувствуют, которые, несмотря на географическое и политическое разлучение, составляют одно нравственное целое с нами, по происхождению и языку! Вычтем это количество из соседней Австрии и Турции, а потом из всей Европы и приложим к нашему. Что останется у них, и сколько выйдет нас? Мысль останавливается, дух захватывает! — Девятая часть всей обитаемой земли и чуть-ли не девятая часть всего народонаселения. Пол-экватора, четверть меридиана!

Но пространство, многолюдство не оставляют еще единственного условия могущества. — Правда...

Россия — государство, которое заключает в себе все почвы, все климаты, от самого жаркого до самого холодного, от знойных окрестностей Эривани[377] до ледовитой Лапландии[378]; которое обилует всеми произведениями, нужными для продовольствия, удобства, наслаждения жизнию, сообразно с нынешнею степенью ее развития, — целый мир какой-то самодовольный, независимый, абсолютный. Многие из сих произведений таковы, что порознь составляют источники благосостояния в продолжение веков для целых больших государств, а она имеет их в совокупности. — Золота и серебра, кои почти перевелись в Европе, мы имеем горы, и в запас еще целые хребты непочатые. Железа и меди — пусть назначат какое угодно количество и на следующий год оно будет доставлено исправно на Нижегородскую ярмарку[379]. Хлеба — мы накормим всю Европу в голодный год. Леса — мы ее обстроим, если бы она, оборони Боже, выгорела. Льна, пеньки, кожи, — мы ее оденем и обуем. Сахар только что начинает, почти со вчерашнего дня, обрабатываться, и скоро, говорят, мы не станем его выписывать. Для вина длинные берега Черного и Каспийского морей, Крым, Кавказ, Бессарабия[380] ожидают делателей, и владельцы Бургундские, Шампанские[381] стараются закупать себе участки в этих краях. Шерсть мы отпускаем даже теперь, и Новороссийский край[382], древнее раздолье кочевых племен, представляет столько тучных пастбищ, что стада несметные могут там разводиться, и мы не позавидуем никаким мериносам[383] Испании и Англии. Для шелководства есть целые страны. Говорить ли о рогатом скоте, рыбе, соли, пушных зверях?

В чем есть нужда нам, и чего мы не можем получать дома? чем не можем снабжать других? И все это мы видим, так сказать, наруже, на поверхности, близко, под глазами, под руками, а если еще спустить глубже, осмотреть далее! Не проходят ли беспрестанно слухи, что там открылись слои каменного угля, на несколько сот верст длиною, там оказался мрамор, там приискались алмазы и другие драгоценные камни!

Это произведения естественные, сырые, но где есть больше удобств для заведения фабрик при такой дешевизне работы, при таких умеренных нуждах и требованиях работников? Давно ли на фабрике обращено внимание, и на какую высоту они уже поднялись! Что мы увидели на последних выставках народной промышленности? Что говорить об успехах филатур[384], суконных, бумажных фабрик, москотильных заводов[385]?

А торговля может ли где-либо процветать более, при таком обширном внутреннем кругообращении, смежности с морями, потребности чужих краев, и близости к богатым странам Азиатским: Персии, Индии, Китаю? Страшно ли России соперничество Англии со всеми ее пароходами, хоть по Евфрату и Нилу, и железными дорогами чрез Суецы и Панамы[386]?

Конечно — многого нет в действительности из того, что я сказал здесь, но я говорю о возможности, еще более — о легкости и удобстве. И в самом деле, что из сказанного не может начаться завтра, если оно будет нужно, и если на то последует Высшая воля?

Да. Физические силы достигли в возможности до высочайшей степени, на какой они не стояли и не стоят нигде в Европе, и перед ними простирается еще необозримое поприще для развития. Одни сии исполинские силы знаменуют уже много, когда мы вспомним, что производили они в мире древнем и новом.

Но они не значат еще ничего в сравнении с нравственными силами, с благоприятными обстоятельствами, в коих Россия находится в отношении к остальному миру.

Из нравственных сил укажем прежде всего на свойства Русского народа — его толк и его удаль, которым нет имени во всех языках Европейских, его понятливость, живость, терпение, покорность, деятельность в нужных случаях, какое-то счастливое сочетание свойств человека северного и южного. Образование и просвещение принадлежат почти кастам[387] в Европе, хотя открытым для всех, но

все — кастам, и низшие сословия с немногими исключениями, отделяются каким-то тупоумием, заметным путешественнику с первого взгляда. А на что не способен Русский человек? Представлю несколько примеров, обращу внимание на случаи, кои повторяются ежедневно пред нашими глазами. Взглянем на сиволапого мужика, которого вводят в Рекрутское Присутствие[388], — он только что взят от сохи, он смотрит на все исподлобья, не может ступить шагу не задевши, это увалень, настоящий медведь, национальный зверь наш. И ему уже за 30, иногда под 40 лет. Время ли кажется перерваживаться! Но ему забреют лоб, и через год его уже узнать нельзя: он марширует в первом гвардейском взводе и выкидывает ружьем не хуже иного тамбурмажора[389], проворен, легок, ловок и даже изящен на своем месте. Этого мало — ему дадут иногда в руки валторну, фагот или флейту[390], и он, полковой музыкант, начнет вскоре играть на них так, что его заслушается проезжая Каталани или Зонтаг[391]. Поставят этого солдата под ядра, он станет и не шелохнется, пошлют на смерть — пойдет и не задумается; вытерпит все что угодно: в знойную пору наденет овчинный тулуп, а в трескучий мороз пойдет босиком, сухарем пробавится неделю, а форсированными своими маршами не уступит доброй лошади, — и Карл XII, Фридрих Великий, Наполеон[392], судьи непристрастные, отдают ему преимущество пред всеми солдатами в мире, уступают пальму победы. Русский крестьянин делает себе все сам, своими руками; топор и долото заменяют ему все машины; а ныне многие фабричные произведения изготовляются в деревенских избах. Посмотрите, какие узоры выводят от руки сборные ребятишки в школе Рисования и мещанском отделении Архитектурного училища[393]! Как отвечают о Физике и Химии крестьяне, ученики удельных и земледельческих школ[394]! Какие успехи оказывает всякий сброд в Московском художественном классе[395]! А сколько бывает изобретений удивительных, кои остаются без следствий, за недостатком путей сообщения и гласности: один простолюдин заменяет силу гидравлического пресса каким-то простым деревянным снарядом, другой сообщает льну мягкость шелка, третий чертит планы в состязании с великими Архитекторами. Глубокое познание книг Священного Писания, философские размышления, по отношениям Богословия к Философии, принадлежат к нередким явлениям в простом народе. Молодое поколение Русских ученых, отправленных заниматься в чужие края, при нача-

ле нынешнего царствования, заслужило одобрение первоклассных Европейских профессоров, которые, удивляясь их быстрым, блестящим успехам, предлагают им почетное место в рядах своих. Все это доказательства народных способностей!

Вот сколько сил нравственных в дополнение к физическим.

Впрочем, случается иногда, что собрание сил не может быть приведено в действие, и потому теряет много из своего значения, подобно капиталу, который тогда только производит, когда употребляется, а в противном случае мертв. Со всем не то в России. Все ее силы, физические и нравственные, составляют одну огромную махину[396], расположенную самым простым, удобным образом, управляемую рукой одного человека, рукою Русского царя, который во всякое мгновение, единым движением может давать ей ход, сообщать какое угодно ему направление и производить какую угодно быстроту. Заметим, наконец, что эта махина приводится в движение не по одному механическому устройству. Нет, она вся одушевлена, одушевлена единым чувством, и это чувство, заветное наследство предков, есть покорность, беспредельная доверенность и преданность царю, который для нее есть бог земной.

Спрашиваю, может ли кто состязаться с нами, и кого не принудим мы к послушанию? В наших ли руках политическая судьба Европы, и следственно судьба мира, если только мы захотим решить ее?

В истине слов моих можно удостовериться еще более, представивши себе состояние прочих Европейских государств. (О других частях света говорить нечего, потому что они подчинены Европе, так или иначе, посредственно или непосредственно, и могут играть роль только второстепенную).

В противоположность Русской силе, целости, единодушию, там распря, дробность, слабость, коими еще более, как тенью свет, возвышаются наши средства.

Перечтем все Европейские государства.

Испания и Португалия десять лет с ряду пред нашими глазами раздираются междоусобиями[397], и не видать конца борьбе партий, кои имеют силы, кажется, ровные, а желания — противоположные, следовательно, никак не могут сойтиться, а разве разойдутся, разделятся политически, и тем начнут, может быть, новый период Истории. Эти государства понижаются 300 лет, — есть ли вероятность в таком положении дел, чтоб они восстали, вопреки непреложному закону

Истории, который всякому государству указывает его зенит и надир[398], предел возвышения и понижения.

Австрийская империя не может сделать ни одного шагу вперед, и только удивительным усилиям своей политики обязана тем, что держится на своем месте, в своих противоестественных пределах. Всякую минуту она должна трепетать за свое существование, не только что думать о каком-нибудь положительном действии. Из каких разнородных частей она составлена — Славяне, Немцы, Венгерцы, Итальянцы, в равной почти мере, под преимуществом Славян, — и все они взаимно ненавидят друг друга и с нетерпением ожидают минуты разлучения.

Германия... — политическая роль ее, кажется, кончена в разрушении Римской Империи и основании новых западных государств.

Турция давно уже не имеет никакого значения, и в наше время два раза спасла ее от угрожавшей гибели России, которой двое суток только нужно, во всякое время, по замечанию Маршала Мармона[399], чтобы флот ее явился под стенами Константинополя, — впрочем, по давно знакомому пути. Большая часть ее обитателей в Болгарии, Сербии, Македонии, самой Румилии[400], не говоря уже о Молдавии и Валахии, суть чистые Славяне, не только единоплеменники, но и единоверцы, которые, во всякую войну передаются на нашу сторону, и ничего не желают столько, вместе с Греками, как называться подданными Белого Царя[401].

Пруссия — государство благоустроенное, снискавшее себе самобытность, но оно состоит из двух половин, и Рейнская половина есть почти отдельное государство.

В восточной же половине, четверть чистых Славян в Познани и отчасти Силезии, и большая половина Славян онемеченных в Померании, восточной и западной Пруссии, Силезии и самой Бранденбургии[402]. Что же остается? Положим, даже 5 миллионов, количество незначительное, способное только для войны оборонительной, даже под управлением Фридриха Великого[403]. Точно то же должно сказать о Швеции, Дании и Голландии.

Остаются два государства в Европе самобытные государства, которые могут быть почтены сим титлом: Франция и Англия. Я не знаю, будет ли историческою дерзостию, парадоксом, сказать, что сии государства сильнее своим прошедшим, чем настоящим, сильнее на словах, чем на деле, что личное право, учреждение, имеющее бесспорно

много хороших сторон с историческим началом и корнем на западе, возросло у них на счет общественного могущества, и механизм государственный осложнен, затруднен до крайности, так что всякое решение, переходя множество степеней, и лиц и корпораций, лишается естественно своей силы и свежести, и теряет благоприятное время.

Взглянем на покорение Алжира Францией[404]. Сколько бесконечных толков и споров в продолжении 10-ти лет! С каким напряжением взята была Константина[405] после многих неудачных опытов! Как слабы все меры и как неопределен образ действия. И эти прения с Швейцарией и Мексикой[406]! Сколько нот и ответов? Какие хлопоты! Неужели они могут служить признаками могущества? Читая состязания в Палате депутатов[407], видишь, что все отличные умы, все государственные мужи, как будто подкупленные, только что мешают друг другу. Вот какое устройство получила государственная машина, — впрочем, по естественному ходу дел.

Возмущение Канады[408] представляет подобное явление в Англии, и путешествие Лорда Дургама[409], его речи и меры, и разборы их наскучили самым ревностным читателям газет. Крайности в богатстве и нищете, зависимость от торговли, ненависть Ирландии, — непреодолимые преграды на ее пути.

Одним словом, я не знаю, какие великие предприятия могут возникнуть даже в этих двух первых государствах Европы, и не должны ли они признаться, что Наполеон и Ватерлоо[410] были высшими точками их могущества, nec plus ultra[411]!

Сравним теперь силы Европы с силами России, о коих говорено было прежде, и спросим, что есть невозможного для Русского государя.

Одно слово, — целая Империя не существует; одно слово — стерта с лица земли другая; слово — и вместо их возникает третья от Восточного Океана до моря Адриатического. Сто лишних тысяч войска — и Кавказ очищен, и дикие сыны его тянут лямку в Русских конных полках вместе с Калмыками и Башкирцами, а новое поколение воспитывается в кадетских корпусах, в других нравах, с другим образом мыслей. Сто тысяч войска — и проложены военные дороги до пограничных городов Индии, Бухары, Персии.

Даже прошедшее может он, кажется, изворотить по своему произволу: мы не участвовали в крестовых походах, — но не может ли он освободить Иерусалим одною нотою к Дивану[412], одною статьею в

договоре. Мы не открывали Америки, (хоть открыли треть Азии), но наше золото, коего добыток с каждым годом увеличивается, не дополняет ли открытие Колумбово и не обещает ли противоядия яду?

Пусть выдумают Русскому Государю какую угодно задачу, хотя подобную тем, кои предлагаются в волшебных сказках! Мне кажется — нельзя изобрести никакой, которая была бы для него с Русским народом, трудна, или скажу хоть менее, невозможна, если бы только на решение ее состоялась его высшая воля.

Известно, что нынешний Государь наш, августейший ваш родитель, не думает ни об каких завоеваниях, ни об каких приобретениях, но я не могу, не смею не сделать замечания исторического, что Русский Государь, теперь, без планов, без желаний, без приуготовлений, без замыслов, спокойный, в своем Царскосельском кабинете, ближе Карла V и Наполеона к их мечте об универсальной монархии, мечте, которую они, на верху своей славы, возымели после тридцатилетних трудов, подвигов и успехов.

И сама Европа это предчувствует, хотя и стыдится в том сознаться себе: это неусыпное внимание, с коим следится всякий шаг наш, это беспрерывное опасение при малейшем движении, этот глухой шепот ревности, зависти, и злобы, который слышится во всех иностранных газетах и журналах, не служат ли самым убедительным доказательством Русского могущества! Да, — будущая судьба мира зависит от России, говоря, разумеется, по-человечески, предполагая изволение Божие! Какая блистательная слава!

Но, Государь, есть еще иная слава — слава чистая, прекрасная, высокая, святая, слава добра, слава любви, знания права, счастия. Что в силе? Россия не удивит уже действиями силы, как миллионщик не удивляет тысячами. Она стоит безмолвная, спокойная, и ее уже трепещут, строят ей ковы[413], суетятся около нее. Она может все, — чего же более?

Другая слава — лестнее, вожделеннее, и ею мы можем озариться также.

Кто взглянет беспристрастно на Европейские государства, тот, при всем уважении к их знаменитым учреждениям, при всей благодарности к их заслугам для человечества, при всем благоговении к их Истории, согласится, что они отжили свой век, или по крайней мере истратили свои лучшие силы, то есть, что они не произведут уже ничего выше представленного ими в чем то ни было: в религии, в законе, в науке, в искусстве. А разве все сделано ими? Не утверждает ли напротив наука,

что развитие каждого государства, по всем отраслям человеческой жизни, было частно, односторонне, не полно, что в Германии преобладала и преобладает везде идея, в религиозных явлениях точно так, как и в политических и во всех прочих; в Италии — чувство; во Франции — общественность; в Англии — личность. Где же полное развитие?

Далее, — если сравнить целый мир древний и новый между собою, то мы увидим, что каждый из них имеет свои блистательные качества, но в прочих уступает другому. Однако ж должно быть их сочетание!

Взглянем еще с другой, высшей, нравственной стороны. Кто осмелится сказать, что цель человеческая была достигнута, или, по крайней мере, имелась в виду каким-нибудь из государств Европейских? В одном мы видим более сведений, а в другом — более произведений, удобств, в третьем — удовольствий, но где добро святое?

Разврат — во Франции, леность — в Италии, жестокость — в Испании, эгоизм — в Англии, явления общие, принадлежащие к отличительным признакам, неужели совместны с понятиями о счастии гражданском, не только человеческом, об идеале общества, о граде Божием[414]? Златой телец — деньги, которому поклоняется вся Европа без исключения, неужели есть высший градус нового Европейского просвещения, Христианского просвещения?

Повторяю, где же добро святое?

Коляр[415], знаменитый поэт Славянский нашего времени, в одном своем лирическом рассуждении, предрекает Славянам славную долю, особенно в отношении к изящным искусствам. Не может быть, говорит он, чтобы такой великий народ, в таком количестве, на таком пространстве, с такими способностями и свойствами, с таким языком, не должен был сделать ничего на пользу общую. Провидение себе не противоречит. Все великое у Него для великих целей.

Мне кажется, — можно распространить его предречение и сказать, что вообще будущее принадлежит Славянам.

Есть в Истории череда для народов, кои, один за другим, выходят стоять как будто на часы и служить свою службу человечеству; до сих пор одних Славян свет не видал еще на этой славной чреде; следовательно, они должны выступить теперь на поприще, начать высшую работу для человечества, и проявить благороднейшие его силы.

Но какое же племя между Славянами занимает теперь первое место? Какое племя, по своему составу, языку, совокупности свойств, может назваться представителем всего Славянского мира? Какое более

имеет залогов в своем настоящем положении и прошедшей Истории для будущего величия? Какое ближе всех к этой высокой цели? Какое имеет более видимой возможности достигнуть ее? Какое...

Сердце трепещет от радости... о, Россия, о, мое отечество! Не тебе ли?.. О, если бы тебе! Тебе, тебе суждено довершить, увенчать развитие человечества, представить все фазы его жизни, блиставшие доселе порознь, в славной совокупности, сочетать образование древнее с новым, согласовать ум с сердцем, водворить всюду мир и правду, доказать на деле, что цель человеческая не в одной науке, не в одной свободе, не в одной силе или искусстве, образовании, промышленности, богатстве; что есть нечто выше и учености, и промышленности, и образования, и свободы, и богатства, — просвещение, просвещение в духе Христианской религии, просвещение словом Господним; — что оно, и только оно, скажем вслед за двумя нашими великим проповедниками, может даровать людям счастие, земное и небесное.

Когда я видел Вас при выходе из Успенского собора[416], с любовию и кротостию во взорах, с смирением и благородством во всех движениях, когда я слышал вокруг себя всемогущий восторг Русского народа, я мечтал о золотом веке, об едином стаде и едином пастыре, и сладкие слезы текли из глаз моих...

Но я говорю о будущем. Простите меня, Государь! От избытка сердца глаголют уста, сказал вдохновенный Пророк[417].

Начав писать к Вам, я не могу удержаться, чтобы, прежде всего, не высказать того, что я чувствовал в ту священную минуту.

Пусть это письмо мое будет вступлением к рассуждениям о Русской Истории! Пусть оно служит, по крайней мере, доказательством, что История России, государства, которое занимает теперь в политическом смысле первое место, и, по всем соображениям науки, должно занимать такое же и в человеческом смысле, есть самый важный, самый великий предмет изучения и размышления в наше время, потому что великому Настоящему, величайшему Будущему, непременно должно быть основание в Прошедшем, — в Истории.

Имею счастие наименоваться и пр.*

---

* Это письмо не дошло в свое время до Великого Князя. Написанное с лишком 35 лет назад оно требует ныне многих комментарий, пояснений и даже оправданий, которые и будут представлены в своем месте.

ПИСЬМО К МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЕВРОПЕ В 1839 ГОДУ

...Число всех Славян в Европе простирается слишком до 80 миллионов, кроме тех, которые потеряли свою национальность, приняв язык, веру, обычаи народов, поселившихся между ними. Следовательно, они составляют треть всего народонаселения Европейского. Из сих 80 миллионов большая половина живет в России: Русское племя самое многочисленное из всех славянских.

В Австрийских владениях живет Славян около 20 миллионов, почти вдвое больше, чем Немцев, Венгерцев, Итальянцев вместе, какова же их пропорция к каждому из сих племен порознь? Их слишком втрое, чем Австрийцев, и почти впятеро, чем Венгерцев.

Пропорция по государствам, странам еще разительнее: Богемия и Моравия[418] совершенно Славянские страны, кроме Немецких колоний по границам и городов, особенно Праги, где много Немцев, подобно как Поляков в городах нашей Волыни, Подолии, Белоруссии[419].

Кроация, Славония, Далмация[420] заключают в себе иноплеменников еще менее.

Галиция[421], не только Славянская, но чисто русская, кроме западной части, — продолжение нашей Малороссии[422] с ее языком, верою, обычаями. Поляки живут по городам.

В Венгрии[423], которая делает столько шуму и причиняет столько тайного беспокойства Австрии, чистых Венгерцев менее 4 миллионов, а Славян — 5.

В Турции, которую Европейские политики так еще важно называют Оттоманскою Портою[424], как будто бы жили в XV в., и имели пред глазами Мухаммеда II[425], Турок только миллион, а главную часть остального народонаселения составляют Славяне.

В Пруссии[426] Славяне все уже онемечены, — в Померании, Силезии, Бранденбурге[427] и проч. держатся только Поляки в Великом герцогстве Познанском[428] и отчасти в Силезии.

Обращаюсь к Австрийским Славянам.

Австрийское правительство живо чувствует опасность, которая угрожает ему со стороны Славян, и употребляет все меры, чтоб отвратить ее, но, кажется, что сии меры, лаская оное надеждою на успех, в

настоящее время только что скопляют грозу, которая должна рано или поздно разразиться над ним.

Австрийцы поставили себе непременною целию — вырвать язык из уст Славян, затмить им их Историю и превратить их в Немцев, т. е. пересоздать по-своему Божие творение. Можно себе вообразить, сколько насильственных, жестоких мер и средств предполагает достижение такой противоестественной цели. Всякое стремление к национальности останавливается и уничтожается, если можно, в самом зародыше. Все, что напоминает Славянам об их происхождении, об их числе, языке, братстве между собою, родстве с племенами, живущими в других государствах, делается тотчас предметом притеснений и гонений, постоянных и систематических, посредством секретных инструкций местным и частным начальникам, — между тем как публично в законах, газетах и журналах, провозглашаются правила совершенно противоположные. Славянский язык изгнан из университетов, находящихся в Славянских странах, и все науки преподаются по Немецки. Для туземных наречий оставлено по одной только кафедре, которая умышленно предоставляется всегда людям неспособным, не могущим произвести никакого расположения к своему предмету. В гимназиях нет малейшего напоминания об отечественном языке. Даже простолюдины в низших училищах осуждены слушать наставления на чуждом и непонятном для них языке — Немецком, которому после многих трудов уже кое-как они выучиваются, ибо нельзя сделаться даже капралом[429], не разумея по Немецки. В странах, где народонаселение смешано, Австрийцы следуют правилу divide et impera[430]: в Венгрии, например, они долго покровительствовали языку Венгерскому, в ущерб Славянскому, и ставили всегда Венгерцев против Славян; в Славонии и Далмации отдается преимущество Италиянскому. Нечего говорить уже о судопроизводстве, которое отправляется везде на Немецком языке. По всем странам рассыпаны Австрийские чиновники, и Славянину слишком трудно получить какое-нибудь место, не представив доказательств, самых убедительных, о своем национальном отступничестве. В церкви вместе с Немецким языком господствует Латинский, и семинаристы в школах не слышат ни одного слова о том народе, пасти который предназначены. Получив такое воспитание, совершенно чуждые своей пастве, они подвергаются впоследствии ее презрению, — кроме немногих исключений, особенно в Кроации и Славонии.

Протестанты и Сербы Греческого исповедания по законам должны пользоваться одинаковыми правами с католиками, но в самом деле только что терпятся. Состояние их год от году становится хуже, и церкви падают. Покушения обращать от православия к унии[431] и от унии к католицизму возобновляются беспрестанно, иногда даже с кровопролитием, ибо народ в Галиции, Венгрии и проч. унии терпеть не может. Праздные престолы православных Епископов не замещаются иногда по пяти и по десяти лет. Сербам строжайше запрещено привозить Богослужебные книги из России, потому что в них поминается имя Русского Императора, а не Австрийского. Привилегированная типография в Офене[432] не имеет средств предпринять вдруг многие и большие издания, так что до сих пор не напечатано ею 20-й части книг, нужных Сербам для Православного Богослужения. Напрестольное Евангелие[433] стоит в Австрии около 300 р., Октоих[434] — 60 р., двенадцать миней[435] — 750, а собрание полное церковных книг — около 2 000 р., и многие церкви остаются без книг. Все сии меры и действия, хотя и облегченные искусственным, хитросплетенным покровом, слишком явны для того народа, к коему относятся и возбуждают ненависть против Австрийского правительства, ненависть, в коей Славяне, т. е. Чехи, Моравы, Словаки, Кроаты, Далматы, Славенцы, Поляки, Русины, не уступают самим Итальянцам. И может ли быть иначе? Если из 20 миллионов нельзя насчитать десятка лиц, которые были бы сколько-нибудь одолжены правительством; — если беспрестанно встречаются случаи, при коих обнаруживается отвращение его от целых племен, беспрестанно оказываются действия, коими они бывают поражены надолго; — если нельзя указать ни на какое Славянское предприятие, которое удостоилось бы какого-нибудь внимания, одобрения; — если будущее грозит переменою еще к худшему, то какие же другие чувствования могут питать несчастные страдальцы, кроме ненависти и злобы на своих мучителей? Эта злоба увеличивается тем более, что Славяне сознают свое превосходство над Австрийцами и количеством и качеством: количеством, ибо Славян приходится пятеро, как я сказал, на одного Австрийца, качеством, ибо тупее Австрийца нет человека в Европе. Каково же чувствовать этим пятерым, когда один ломает их по-своему, и заставляет говорить, думать, поступать даже молиться, чувствовать на свой лад? Все ученые и литераторы, кроме немногих подкупленных, заклятые враги Австрийцам, которые однако ж тщательно скрывают свои чувство-

вания, впредь до благоприятнейших обстоятельств. Народ разделяет их чувствования, хотя и бессознательно, по одному наследственному инстинкту, страдая в бедности, между тем как плоды трудов его расточаются иноплеменниками. Одно только дворянство, особенно в Богемии, держится Австрийцев, переродясь совершенно в Немецкое, забывая и презирая свой язык, принимая Немецкие имена; Славянское же дворянство в Венгрии еще хуже и присоединились вполне к Венгерцам, чтоб воспользоваться их правами.

Вот общие замечания о мерах Правительства и их следствиях. К ним присоединить должно меры Римской Курии[436], которая с своими Иезуитами и Марианами[437] действует постоянно против Славян и их национальности, имея особенно в виду Россию. В Славянских странах все уверены, что Иезуитские агенты содействовали преимущественно, если не возмущению, то, по крайней мере, продолжительному волнению Польши, что они и теперь возбуждают ненависть против России между Поляками в Галиции, в Позене[438], у эмигрантов, сеют раздор среди Славян, распространяют унию между Сербами, все под покровительством Австрийского Правительства.

Должно удивляться, как при таких разнообразных, сатанинских усилиях все Славяне не подверглись до сих пор Немецкому влиянию, не упали духом, не потеряли своей национальности, подобно крайним своим братьям, в Каринтии, Стейермарке, Крайне[439] между Австрийцами, в Померании и Силезии, между Пруссаками.

Славяне видят здесь особенную Божию помощь и вместе залог великого своего предназначения. Это чувство никогда не волновало их так сильно, как ныне. Нынешнему движению в умах ничего подобного не представляет Славянская История. Начал оное своими сочинениями Добровский[440], хотя и был душою более Немец, и занимался Славянской Историей и языком, как предметом мертвым. Преемники его, действующие в наше время, хотя и в строгих пределах Австрийской цензуры, — Коляр и Шафарик[441]: Коляр, как поэт, Шафарик, как историк и филолог. Молодое поколение во всех Славянских странах боготворит сих двух писателей и влияние их бесконечное. Все Славянские языки и литературы как будто ожили, проснулись от долговременного тяжелого сна прикосновением их волшебного жезла. Не говорю уже о Богемцах и Иллирийцах[442], которых литература процветала в древности. Самые Русины[443], которые до сих пор как будто не существовали, которых имени не было слышно, особенно у

нас, — Русины, угнетенные более всех, потому что ближе к нам, под тройным игом Австрийцев, Поляков, католицизма провозглашают теперь свое имя, занимаются своей Историей, т. е. Русской Историей, записывают свои предания, печатают памятники, собирают песни, исследуют наречие, словом — начинают свою собственную, особенную литературу. Нельзя без умиления смотреть на Пражских ученых, которые, подобно древним Христианам, сохранявшим святое предание в катакомбах[444], стараются поддержать, воспитать национальное чувство в своем народе и приносят для того все возможные жертвы, подвергаются всяким лишениям, не щадят никаких трудов, не останавливаются никакими препятствиями. Сербы и Словаки в Иллирии и Венгрии пылают тем же огнем. Везде заводятся у них частные общества для чтения, учреждаются Славянские библиотеки, начинаются газеты, открываются публичные безденежные курсы. Во всех главных Славянских городах есть корифеи. Кто внимательно изучал Историю, тот знает без сомнения, что такое движение бывает только пред великими явлениями в Истории гражданских обществ, и Славянам, кажется, настает эпоха возрождения, а Австрийская Империя еще более Турецкой должна трепетать за свое существование.

Положения Австрии в Европе не знают, потому что не знают Славянских наречий, и, следовательно, не могут взвешивать, понимать настоящего движения. Европейские политики думают только об Италии и Венгерцах, которые, впрочем, также известны по одним сеймам[445]. Самая Богемия считается, даже в Русских учебных книгах, Немецким владением Австрийского Императора! Двадцать миллионов враждебного племени внутри государства ускользает от их внимания. Да, Австрия похожа на гроб повапленный[446], на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одетое снаружи листьями, такое дерево, которое один порыв ветра может исторгнуть с корнем вон. Меттерних[447] понимает это состояние, и главная задача Австрийской политики состоит в том, чтоб сохранить in statu quo[448] Европы, ибо одной войны может быть достаточно, где бы то ни было, чтоб Австрия разорвалась на составные свои части. И в самом деле, при такой пламенной ненависти двадцать пяти миллионов против пяти, может ли это искусственное, мозаическое целое удержаться долго? О Меттернихе между Славянами господствует такое мнение: он знаменитый политик, отрицательный, который действует посредством тьмы, а не света, следовательно, непрочно, не надолго, что его политики достаточно на

время мирное, но что первая война обнаружит ее существенные недостатки.

В таком критическом положении Австрия, говорят, боится более всего России, которой, без ее ведома, симпатизируют все Славяне вплоть до Адриатического моря[449]. Славяне смотрят на Россию, как волхвы смотрели на звезду с востока[450]. Туда летят их сердца. Туда устремлены их мысли и желания. Там витают их надежды. От нее чают они себе спасения, подобно Евреям от Мессии[451], и ждут с нетерпением, когда ударит желанный час. Всякий успех России они считают своим собственным, будто шагом приближения к цели. Во всяком внутреннем Русском происшествии принимают живейшее участие. Смотря на Россию, Славяне ободряются, чувствуют в себе новые силы, сносят терпеливее несчастную свою участь. Святая Русь, Матица[452], Москва — любимые их выражения. Русскому нельзя слушать без сладостного трепета все то, что, и как говорят они о России. Славяне еще не забыты Богом, утешают они себя, пусть все их государства пали, и Богемия, и Моравия, и Померания, и Славония, и Кроация, и Далмация, и Сербия, и Болгария, Польша, — зато Россия восстала, зато Россия первое государство в мире, зато в России Славяне блаженствуют. Она избавит нас от наших врагов, чтоб и мы явились, наконец, в мире и исполнили свое предназначение. Все образованные люди негодуют на Поляков, которые не понимают, говорят они, счастия и славы быть в соединении с Россиею. Вместо того чтоб дружно идти вперед, действовать соединенными силами и показывать Европе, что могут Славяне, они послушались наследственных, закоренелых врагов Славянских, и, может быть, нас самих отдалили надолго от нашей цели.

Славяне уверены, что Русское правительство втайне им благоприятствует, и что только политические обстоятельства мешали ему до сих пор обнаружить яснее свои мысли. Они думают, что и Австрийское правительство это знает, называя Славянский дух Русским духом, и потому старается заранее всеми силами, всеми иезуитскими средствами сеять раздор, отвращать Славян от России и Россию — от Славян, в первых возбуждая фанатическое расположение в защиту Римской Церкви, которую Россия будто бы притесняет, выставляя действия России в Польше с дурной стороны, представляя, разумеется, под рукою невыгоды Русского правления, и тому под. Австрийцы не пропускают случая самого мелкого, чтоб не подействовать ко вре-

ду России. Челаковский[453], молодой поэт Чешский, выразился как-то неприлично, может быть, даже дерзко, в своей газете в Праге о речи к Полякам Государя Императора[454]. Наш посланник обратил на выходку внимание правительства: ЧелаковскОго тотчас лишили журнала, преградили ему вступление в университет и повергли в нищету, распуская слух, что все это делается по требованиям Русского правительства: «вот де каковы Русские, надейтесь на них!» А Челаковский — любимый поэт Чехов, и судьба его возбуждает, разумеется, общее сострадание. В мимоходной выходке он раскаялся, говорят, в тот же день, когда друзья его представили ему всю его опрометчивость.

Россию же от Славян отвращают Австрийцы, называя Русскому правительству национальное расположение революционным.

Славяне вообще думают, что австрийцы, с целию отвлекать внимание России от них, обращают оное на другие предметы, выдумывают разные опасности, побуждают принимать какие то стеснительные меры, и стараются затмить настоящее положение дел.

Я представляю здесь Вашему Высокопревосходительству то, что я слышал, нисколько не ручаясь за истину последних предположений: может быть, утесненным Славянам кажется многое в воображении, чего нет в самом деле. Как бы то ни было, — у Славян господствует общее мнение, что Австрийская Империя должна скоро уничтожиться, и что они отделятся от нее при первом благоприятном случае. Каким образом? 1-е. Может быть, сами собою, — случай, по собственному их мнению менее вероятный. Если же бы началось что-нибудь подобное, то Австрийское Правительство обратится за помощию прежде всего к России и постарается, во чтобы то ни стало обмануть ее, и побудить к каким-нибудь антиславянским мерам, дабы положить навсегда непреодолимую преграду между ею и Славянами. (Так далеко простираются предположения!)

2-е. Под покровительством Пруссии; если Кронпринц[455] захочет воспользоваться движением Славян и из Познани, Силезии, привлечет Богемию, Польшу, Галицию, к которой де может пристать и самая Малороссия (??). Пруссию считают Славяне второю неприятельницею России, особенно на будущее время, после нынешнего Короля[456].

3-е. Возможность самая вожделенная для народа, самая приятная, самая легкая для исполнения, как думают Славяне, под покровительством России, которой почти принадлежит уже по праву Галиция, как населенная чистыми Русскими, исповедниками Греческими, которые

привержены к православию еще более настоящих, теперь уже прошедших, Русских униатов[457]; за ними последуют Русины в северовосточной Венгрии[458], потом — Словаки, Сербы Австрийские, Чехи и т. д. Тогда, говорят Славяне, образуется Славянское федеративное государство, — Россия во главе, — от Восточного Океана[459] до Адриатического моря, государство, которому История не представляет подобного, и которое будет повелевать всем остальным миром.

Наконец 4-е. Сама Австрия может сохраниться, если переменит свой образ действия и решится сделаться государством Славянским, как об том думал уже Иосиф II[460]; по крайней мере, если она возвратит Славянам их права, будет смотреть на них как на своих детей, окажет покровительство их языку и образованию народному, допустит до участия в управлении. Казалось, что было бы всего удобнее, спокойнее, справедливее для обеих сторон, особенно для Австрии, но на такую перемену Славяне никак не надеются, ибо между Австрийским слухом и Славянским звуком есть какая-то безвоздушная пропасть, чрез которую Правительство не может слышать и понять самого простого, ясного и громкого слова.

Вот политические мнения, кои обращаются в Австрийских владениях. Передаю их верно Вашему Высокопревосходительству, не принимая на себя смелости судить об них со стороны политической или государственной, и разбирать, что есть в них мечтательного и что действительного, что может быть обращено в пользу России теперь или для нашего потомства, и что должно оставить без внимания. Ваше Высокопревосходительство рассудит о том всего вернее и успешнее.

Я, как историк, сделаю только мимоходом одно замечание: бывают счастливые минуты для государств, когда все обстоятельства стекаются в их пользу, и когда им стоит только пожелать, чтоб распространить свою власть как угодно. Такая минута была у Польши при Сигизмунде III[461], которому доставалась вся восточная Европа вместе с Россиею. После Польши черед доходил до Швеции, начиная от Густава Адольфа[462] до Карла XII[463], которому оставался, казалось, один шаг до исполнения мысли Карла Густава[464] о северной монархии, но он встретился на этом шагу с Петром Великим[465]! Не такая ли минута представляется теперь Императору Николаю[466], которому обе Империи, Турецкая и Австрийская, как будто наперерыв просятся в руку?

Впрочем, я смотрел на Славян и их отношение к Русским только со стороны ученой и литературной и следствия моих наблюдений,

моих размышлений, также осмеливаюсь здесь представить Вашему Высокопревосходительству.

Из всех Славянских племен Бог благословил Русское, — все прочие порабощены, угнетены, несчастливы. Следовательно, священная обязанность, христианский долг повелевает Русским пособить своим злополучным единоплеменникам, пособить, сколько позволяют то политические отношения, пособить для религии, для науки, для просвещения, с мирной целию. Так младший разбогатевший брат обязан помогать старшим разоренным братьям, быть покровителем и главою целого семейства, как бы по определению Божию.

Обозрим в этом отношении все главные Славянские племена. Первое место между теми, которые имеют нужду в помощи, и которым всего легче подать ее, которые, прибавлю, имеют на то даже священное право, суть Турецкие Болгаре, давшие нам во время оно, грамоту, Богослужебные книги и первое образование[467], — благодеяния великие, достойные вечной благодарности! Не говорю уже о том, что Болгаре, единоплеменники и единоверцы наши, во всех войнах с Турцией, держали нашу сторону, и за то подвергались особенным притеснениям Турок.

Болгаре стонут под игом Турецким, погруженные в невежество, во многих местах почти одичалые варвары. Горькая участь народа, некогда сильного, образованного! Для них необходимо учредить училища в Одессе, Кишиневе, и, может быть, других пограничных городах, где бывает их много по торговым надобностям. Предметы преподавания: Закон Божий, языки: Болгарский, церковный, Сербский, Русский и общие понятия о некоторых науках, например, Истории, Географии и проч., как то предполагается в наших реальных, уездных училищах[468], применяясь к потребностям края. Несколько человек в сих училищах должно содержать на казенном иждивении. Возвращаясь в отечество, они разнесут полученное образование, вместе с Русским духом.

Для Болгар необходимо исходатайствовать некоторые гражданские преимущества, наприм., свободное отправление веры, о чем можно собрать сведения обстоятельнее и вернее от самих Болгар Одесских[469].

Будьте их заступником и ходатаем пред престолом Государя Императора! От Вашего Высокопревосходительства зависит нравственное возрождение целого племени древних просветителей Руси.

Типография Болгарская в Одессе, два-три училища, и бросится семя для новой жизни.

Несколько Болгар, может быть, воспитано также в наших Университетах и Духовных Академиях.

Инспекторов для Болгарских училищ можно найти между образованными Австрийскими Сербами.

Скажу здесь, кстати, несколько слов и о *Сербах*, также единоплеменных и единоверных нам и Болгарам. Сербов должно принимать вместе с Болгарами в выше предположенные училища, кои послужат вместе образцами и для их собственных в Сербии, потом воспитывать некоторых также в наших Университетах и Духовных Академиях. Необходимо содействовать распространению Русского языка в Сербии, и всеми силами препятствовать там чуждому влиянию, т. е. Австрийскому, подарить Правительству[470] Избранную библиотеку Русскую, наделить Русскими церковными книгами и пускать оные по самой дешевой цене, в нарочно основанной где-нибудь между ними Русской книжной лавке, в Бухаресте или Кишиневе, так чтоб Сербы могли передавать, перепродавать сии книги прочим своим собратьям, составляющим важную часть народонаселения в Венгрии и распространенным по всем Австрийским владениям до Адриатического моря.

Второе, или лучше, другое первое право на Русскую помощь принадлежит *Русинам*. Другое первое, говорю я, ибо эти Русины, жители Галиции и северо-восточной Венгрии, нашего древнего, знаменитейшего Галицкого княжения[471], суть чистые Русские, такие же Русские, каких мы видим в Полтаве или Чернигове, наши родные братья, которые носят наше имя, говорят нашим языком, исповедуют нашу веру, имеют одну историю с нами, чистые Русские, которые стонут подле нас под тройным, четверным игом Немцев, Поляков, жидов, католицизма, и горько жалуются на наше невнимание.

В ожидании благоприятных случаев необходимо поддерживать их возникающую литературу, частным образом, чрез вторые, третьи руки: доставлять пособие авторам, печатать книги, назначать премии на заданные темы об Истории, языке, посылать в библиотеки Русские книги, содействовать сочинению лексикона, грамматики, собранию преданий, песен.

О средствах, как подавать сию помощь, — я представлю обстоятельное предположение, если то будет угодно Вашему Высокопревосходительству.

Поляки. Поляки — самое эксцентрическое племя, и не оскорбляя их самолюбие, еще более лаская оное, можно ужиться с ними отлично. К самым действительным мерам примирить их с нами, ибо они все еще ненавидят нас, есть покровительство их языку, литературе, Истории, (я говорю о Царстве Польском[472]), и наоборот ничто столько не питает злобы, как меры противоположные. Языку Польскому в учебных заведениях Царства надо учить наравне с Русским. Если мы будем учить ему недостаточно, то Поляки будут доучиваться ему дома, гораздо с большим рвением и успехом, как то бывает со всяким запрещенным предметом, и мы не только не достигнем своей цели, но еще более отдалимся от нее, и сверх того будем вооружать тайных врагов. Скажу вообще: мысль уничтожить какой-нибудь язык есть мысль физически невозможная: языка у народа уничтожить также нельзя, как лишить его одного из пяти чувств, данных Богом: язык есть такой же природный, неотъемлемый орган, как и прочие, только драгоценнейший для человека, потому что тесно связан с его разумною душою. Тем более должно сказать это об языке развитом, историческом, литературном. Австрийцы подают в этом случае убедительный пример: чего достигли они, уничтожая систематически в течение веков Славянские наречия? Увеличили их силу, содействовали их развитию, приготовили своими плотинами такие водопады, которые готовят теперь поглотить их самих. Некоторые Славянские племена забыли свой язык, это правда, но где это случилось? По краям, где чуждое племя подавляло их своим количеством, где язык был еще в младенчестве. С другой стороны, Русский язык, по моему мнению, так могуществен, и заключает в себе столько свойств, принадлежащих всем Славянским наречиям порознь, что может почитаться их естественным представителем, и сам по себе, без всяких насильственных мер, рано или поздно, сделается общим литературным Славянским языком, как у некоторых племен было прежде наречие Болгарское, а в западной Европе — Латинское. Все наречия должны прежде принесть ему дань своими словами, оборотами, формами, и, следовательно, не надо сушить Оку или Каму, не надо и для того, чтобы полнее стала Волга[473]. Но нужно водворить, как то уже и сделано, учение Русского языка — это другое дело: всякий Поляк должен знать по-Русски. Весьма важно было бы сочинение сравнительной грамматики Польской и Русской. В этом же случае сравнительный Словарь Польский и Русский, над которым трудится знаменитый Линде[474],

есть не только великое дело литературное, но и политическое. Российская Академия, сколько смею судить, поступила не основательно, отказавшись, по причинам школьным, от этого Словаря. Если Вашему Высокопревосходительству угодно будет сделать ей предложение, чтоб она поручила мне издать для образца четыре буквы, отданные мне г-м Линде, то я с удовольствием принял бы на себя сей труд. Г-ну же Линде необходимо дать средства оканчивать свое исполинское предприятие, для которого материалы у него большею частию собраны. Средства эти состоят в денежном ежегодном пособии на наем помощников, которые приводили бы в алфавитный порядок его выписки, делали по его отметкам новые, словом, исправляли черновую, механическую работу, которая отягощает 80-летнего старца и лишает его времени драгоценного, нужного на совершение огромного здания. Линде должно спешить воспользоваться, ибо ему остается жить не более двух-трех лет. Второе пособие состоит в посылке ему Русских книг, коих в Варшаве великий недостаток, ибо почти все Русские книги вывезены с прочими из Университетской библиотеки[475].

Полезно было бы послать несколько студентов Русских учиться Славянской филологии под руководством знаменитого патриарха.

Я говорил об языке. Теперь обращаюсь к Истории. Польской Истории не преподают в училищах особо, а вместе с Всеобщею. Напрасно! Польская История, беспристрастная, правдивая, подробная, есть самая верная союзница России, которая может принести нам пользы более нескольких крепостей. Ничто не может примирить так новое поколение Поляков, (о старых говорить нечего: вспомним, что и Моисей[476] привел к Земле Обетованной только тех Евреев, которые родились уже на дороге), ничто, говорю, не может так примирить новое поколение Поляков с настоящим порядком вещей, убедить в необходимости соединения Польши с Россией, как основательное изучение Польской Истории. Другое дело — История Польская злоупотребленная, История, направленная умышленно к беззаконной цели. О! такую Историю должно преследовать, как злостный обман, как оскорбление науки, как святотатство. По сим причинам необходимо написать вновь Польскую Историю для училищ, как то Вы изволили сделать с Русскою, т. е. задав тему Польским ученым, с значительным вознаграждением. Должно избегать только, чтоб не впасть в другую крайность т. е. чтоб не слишком густо покрыть ее Русским цветом. Такая крайность может повредить в глазах Европы, особенно,

когда есть ныне столько злонамеренных людей, которые готовы растолковать все в худую сторону.

Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления. Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были негодные, — вот содержание Польской Истории до кончины последнего Короля[477], вот что должно показать Полякам ясно и основательно.

Нужно ли было заботиться соседям, чтоб здание не задавило, не повредило их своим падением? Разумеется, нужно и преимущественно России по причинам географическим, историческим, политическим, — вот содержание Истории последующей.

На которую сторону должно было упасть здание? На ту, к которой оно склонялось прежде?

Не лучше ли было бы упасть ему на другую. Хуже, если б даже было и можно. Хуже к Австрийцам, Прусакам, как соглашаются сами Поляки, и как говорит их пословица: доколе свиат стоит свиатом, не может Поляк быть Немцу братом.

При падении здания можно ли распорядиться так, чтоб камни, падая, улеглись на земле в порядке, не ушибя того и другого, иногда правого наравне с виноватым? Нельзя, точно как нельзя не произойти притом и обидам, распрям, мщениям, — вот окончание отдельной Польской Истории.

Прибавим только, что России из упавшего здания достались только свои собственные древние материалы.

Должно ли и может ли упавшее здание выстроено быть по прежнему плану? Никак не должно, ибо недостатки прежнего плана доказаны всего разительнее падением здания, — вот апология[478] новому правлению. Сравнение состояния Польши, дворян, купцов и преимущественно крестьян, при последнем Короле[479], под Саксонским управлением[480], при Императоре Александре[481], ныне, доставит результаты могущественные в пользу России.

Итак, введение Польской Истории необходимо во всех отношениях, сначала, по Бандтке[482], даже можно для эффекта по прежнему Лелевелю[483], если меня не обманывает память, — впредь до сочинения нового руководства. К сомнительным местам можно присоединить примечания. Главное дело — строгий надзор за учителями, которые должны неукоснительно следовать данному направлению, и не сметь произнести ни одного двусмысленного слова.

Вместе с Польскою и Русскою Историей должно преподавать Историю прочих Славянских государств и показывать, как искони раздор и несогласие губили и подвергали их жестокому игу иноплеменников, под которым нигде и никогда Славяне не были счастливы. Введение Истории избавит нас от упреков, которые беспрестанно слышатся по этому поводу между иностранцами.

О литературе. Теперь в Польше ее почти не существует: она вся между эмигрантами и в Познани. Третий предмет обвинения для Русского правительства. Необходимо должно оказать покровительство оставшимся литераторам в Варшаве тем более, что предметы их занятий слишком невинны, и не могут причинить вреда ни в каком отношении. Я говорю о Линде, о Словаре которого упомянуто выше, о Кухарском[484], который путешествовал несколько лет на иждивении правительства по Славянским странам и собрал, вероятно, много материалов, о Крыжановском[485], который занимается исследованиями о жизни и системе Коперника[486], и приготовил большее сочинение об этом астрономе, о Мацеевском[487], который, кажется, совершенно привержен России, судя по его сочинениям и разговорам. Все их труды должны быть изданы с вознаграждением авторов.

Наконец, осуждаются Русское Правительство, даже самые Славяне, приверженные к нам, за то, что в Польше нет Университета. Как, говорят они, пять миллионов лишат средств для высшего образования, которое составляет общую цель человечества! Не смею сказать ни слова об этом обвинении, ибо основание Университета в Польше соединено с политическими обстоятельствами, а этот вопрос может быть решен основательно не ученым, который стоит внизу и видит его с одной стороны, но мужем государственным, который смотрит на него сверху и видит со всех сторон, в соединении с прочими вопросами государственными. Я скажу здесь только: почему для прекращения кликов, может быть, и неосновательных, пока не назвать Университетом тех двухлетних дополнительных курсов, которые вводятся, как я слышал, при Варшавских гимназиях? Языки древние, наречия Славянские с их литературами, науки естественные, медицинские, Русское право, Римское право, — такие предметы могут быть преподаваемы безопасно кем бы то ни было. Другие предметы могут быть оставлены, сколько угодно лет, — за неимением преподавателей.

Курсы могут быть ограничены двумя, или тремя, или четырьмя годами, приемы и выпуски строги или снисходительны, смотря по особенным видам Правительства.

Может быть опасно соединение многих молодых людей вместе, — пусть факультеты и даже лекции разделятся по разным домам.

Почитаю долгом упомянуть еще о том, что Поляки вообще ропщут за взятие Университетской библиотеки. Мятежники не читали оттуда старых книг, говорят они. Взять библиотеки частные, начальников бунта, напр. Чарторижского[488], — о, это действие имеет законную форму, и против него никто не осмеливается произнести ни слова...

Я передаю верно Вашему Высокопревосходительству как это обвинение, так и прочие, сколько мне случилось то слышать в Польше и других Европейских странах. Многие из них совершенно неосновательны и происходят от невежества, от незнания обстоятельств. Россия всегда хочет только быть справедливою, и нисколько не заботится о том, чтоб вместе и казаться справедливою, считает для себя как будто низким не только объяснение, но даже описание своего образа действий. Такая благородная гордость не выгодна в отношении к составлению общего мнения.

Покровительство языку, литературе, Истории и вообще просвещению в Польше, покровительство, впрочем, в пределах благоразумия и осторожности, без ущерба Русскому началу, может иметь благодетельное влияние и на прочие Славянские племена, которые смотрят на Польшу, как на *образец Русского управления*. Оно весьма важно для будущих возможных отношений России к Славянскому миру. Немцы, указывая Славянам на Польшу, при некоторых случаях, разумеется, в свое неверное стекло, говорят им: лучше ли Полякам у Русских, чем вам у нас? Впрочем, Славяне обвиняют вообще Поляков в легкомыслии, накликавшем и накликающем на себя беды, многие Русские меры приписывают коварным советам Австрийцев, а более всего считают оные временным последствием беспрестанно открываемых Польских заговоров, и уверены, что, при исправлении Поляков, Русское управление примет другой характер.

Вот мой отчет о Польше. Мне кажется, я опоздал с ним. Вы сами были в Варшаве после меня и, без всякого сомнения, увидели все яснее, дальше, вернее. Я почел бы себе великою честию, если бы в каких-нибудь мыслях мне удалось сойтись с В. П.

Не могу не сказать еще двух слов о Кракове, куда к Ректору Университета, г. Матакевичу[489], Вы изволили давать мне рекомендательное письмо. Жители находятся в самом стесненном положении, и невинные терпят наравне с виноватыми, подавшими повод к разным тяжелым для города мерам. Ничего не желают они столько, как иметь одного государя, вместо трех покровителей. Которого? — Разумеется, они не смеют выговорить. Ректор показал мне Университет, библиотеку и все заведения, и обещал, на мой вопрос, написать мне частное письмо о состоянии Университета, нуждах и желаниях, дабы я мог при случае представить оное Вашему Высокопревосходительству, но до сих пор не исполнил своего обещания. Библиотекарю, г. Мучковскому[490], которого сочинения Вам доставлены, можно поручить издание каких-нибудь драгоценных рукописей Краковской библиотеки. Краковские журналы падают.

Чехи — это самое образованное Славянское племя, вместе с Моравами и Словаками. Они указывают с гордостию на многих своих знаменитых ученых и литераторов, достойных наследников древнего образования, хранителей Славянской национальности, распространителей Славянского духа. Прага есть главное их местопребывание. Многие из них, или лучше сказать, все почти имеют нужду в Русской помощи для успешнейшего занятия своими Всеславянскими трудами. Таков Шафарик, создатель древней Славянской Истории, общей Истории Славянских литератур, собравший драгоценные материалы для многих не менее важных сочинений, издающий теперь карту поселений Славянских в Европе, в древности и ныне[491]; Амерлинг[492], неутомимый Славянофил, который учит, издает, пишет, собирает, заводит, словом сказать, действует из всех сил и всеми средствами для распространения Славянского образования между Славянами, преимущественно по части естественных наук; Челаковский[493], отличный стихотворец, жестоко наказанный за дерзкую выходку, который занимается теперь этимологическим Словарем. Ганка[494], объяснитель древних памятников, Прешль[495], славный естествоиспытатель, и Палацкий[496], историограф, не имеют нужды в помощи. Юнгман[497], лексикограф, хотя не беден, но и не слишком богат, и на старости своих лет имел бы право на лучшее успокоение за исполинские труды свои.

В Праге при национальном музее есть так называемая matica ceska[498], комитет, учрежденный для усовершенствования Чешского

языка, который владеет небольшим капиталом (около 50 т. р.), на проценты с коего издает журнал (asopis), вспомоществует отличным авторам при издании их трудов и печатает некоторые полезные сочинения сообразно с своей целию. Капитал этот полезно увеличить, дабы комитет мог: 1) задавать ежегодно по две исторические и филологические темы для обрабатывания с премиями, 2) раздавать свои издания по публичным школам в Богемии, Моравии, Силезии и проч., 3) для улучшения частных журналов, из коих примечательные: Чешская пчела и Цветы[499]. Полезно бы объявить, полагают Чешские ученые, по две премии за лучшие сочинения в стихах и прозе, чем возбудилась бы в молодом поколении еще большая ревность к изучению отечественных предметов.

У *Словаков* энтузиазм Славянский восшел до высочайшей степени. Дикая грубость и жестокость их непосредственных угнетателей, Венгерцев, вместе с стихотворениями их барда Коляра[500] возбудили новое поколение до невероятности. Славянский Институт в Пресбурге[501], где в чистом Славянском духе воспитывается до 70 человек юношества, и обучается преимущественно Славянским наречиям и Истории, достоин внимания всех друзей добра, не только Славян, и имеет полное право на пособие, в коем терпит крайнюю нужду, не имея возможности платить даже учителю. Этот Институт сделал в прошлом году воззвание ко всем Славянским, собратиям, впрочем, с дозволения Австрийского правительства, о доставлении ему пособия деньгами и книгами. Следовательно, оно может быть доставлено в Петербург публично, от имени каких-нибудь Русских ученых или меценатов.

Прочие пособия должны быть доставляемы Шафарику как самому основательному, скромному, умеренному во всех отношениях мужу, который уже даст им сам дальнейшее движение. Сообщение с ним может производиться чрез меня, чрез Протоиерея Меглицкого[502], чрез Венское посольство на имя наших путешествующих магистров.

У *Австрийских Сербов* центральный пункт Пест[503], в котором восточные Славяне сходятся с западными по торговым и другим делам. Нужно денежное пособие для тамошней Славянской школы, которое доставить очень удобно из Вены. Тамошний протестантский проповедник Коляр, первый двигатель Славянский, приверженный к России, имеет полное право на содействие его ученым трудам.

Сербы Греческого исповедания имеют также Пест своим центром в литературном отношении, в религиозном — Карловиц[504]. Так называемая Матица Сербская[505], основанная частными людьми, преимущественно купцами, заведывает, так сказать, ходом Сербской Кирилловской литературы[506], издает газету, печатает Сербские книги, заводит теперь обще-Славянскую библиотеку книг на всех Славянских наречиях, воспитывает на своем иждивении несколько молодых людей, посвящающих себя Сербской литературе. Это заведение должно быть поддержано. Нужно посылать туда, и в Карловиц избранные Русские сочинения по части истории, филологии и особенно Богословия, чтоб предохранять Сербов от Унии и Иезуитского влияния.

Католические Иллирийцы имеют главное местопребывание в Аграме[507], где теперь одушевление является так же, как и в Презбурге[508], в высочайшей степени, и оттуда электрически сообщается во все стороны, особенно на Славяно-Кроатскую военную границу[509], которая может во всякую минуту выставить от 80 до 100 тысяч войска. Душою этого движения есть Гай[510], который в короткое время произвел, говорят, чудеса своею типографией. Я слышал, что он ездил в Берлин к Государю Императору и обращался за помощию также к Российской Академии. Ему нужно непременно назначить ежегодное пособие.

Из прочих Славянских ученых, как о Копытаре[511], библиотекаре Венской библиотеки, не могу сказать ничего решительного. Общее мнение* между Славянами есть то, что он тайный агент Австрийского Правительства, гонитель Славянского начала и враг Русским. Не знаю, сколько здесь есть правды. Собственная библиотека Копытара единственная в Европе по богатству Славянских редких книг и рукописей. Приобрести ее (он спрашивает за нее 4 т. червонцев, но отдаст вероятно за менее) для Московского Университета было бы великим для нас обогащением. Вук[512] получает пенсию от Государя Императора в тысячу рублей, которую, в уважение его трудов и чрезвычайной бедности, благодетельно было бы удвоить.

Вот краткое обозрение нужд, претерпеваемых Славянскими тружениками. 25 т. рублей ежегодного пособия удовлетворили бы оные с избытком, 10 т. — отчасти. Пособие должно быть подаваемо, разумеется, самым тайным образом. Я собрал обстоятельные и верные сведения, каким образом, по каким путям, чрез какие лица исполнить это,

* Совершенно несправедливое, как оказалось.

так, чтоб не произошло ни малейшей огласки в публике, даже Русской, и не навлеклось ни малейшего подозрения со стороны Австрийского Правительства. От Вашего Высокопревосходительства зависит исходатайствовать какую-нибудь сумму от щедрости Государя Императора, отца общего Славян, и подать тем новую жизнь ученому и литературному Славянскому миру, бросить семена, кои, может быть, дадут со временем плоды великие, исторические, вселенские. Вы сделали и делаете многое пред Высочайшим престолом для просвещения в России; распространите круг благотворительных действий Ваших на всех Славян и имя Ваше благодарным потомством будет поминаемо наряду с именами первых благодетелей Славянского рода.

Перехожу теперь к общим действиям, кои могут принести равную пользу России, ее языку, литературе и Истории, равную с прочими племенами Славянскими.

1) Сочинение сравнительной грамматики всех Славянских наречий, которою облегчится безмерно их изучение, покажется всего яснее их сродство и объяснятся многие свойства, принадлежащие тому или другому наречию порознь, и остающиеся без нее непонятными загадками. Пусть Российская Академия объявит премию в 500–1000 черв. за сочинение лучшей. (Всем наречиям можно выучиться в год).

2) Для сравнительной Грамматики нужна частная; должно назначить меньшие премии за сочинение Грамматик для тех наречий, кои не имеют еще оных, как то: нашего Малороссийского, Галицкого и еще, кажется, одного или двух.

3) Нужен общий Словарь всех Славянских наречий, для которого заключается уже много драгоценных материалов в словаре Польском Линде и Чешском Юнгмана[513], также в рукописном Словаре Русском и Польском Линде.

4) Некоторые наречия не имеют еще Словарей; должно задать оные с премиями, и также наше Малороссийское, Галицкое, Болгарское, наши областные, церковные.

5) План для грамматики можно поручить Шафарику, для Словаря — Юнгману, Линде и Востокову[514].

Общий Словарь — работа на 20 или 30 лет для одного человека. По моему мнению, можно разделить его на части, по буквам, и за всякую букву, по данному плану, назначить соразмерную награду. Нужды нет, что Словарь выйдет таким образом неполный, несоразмерный и несовершенный, — пусть он послужит корректурой для следующего,

к которому приступить уже будет гораздо легче одному призванному на то ученому.

6) Нужны собрания песен, пословиц у всех племен.

7) Славянская Хрестоматия, одна Русскими буквами, другая Латинскими.

Все сии литературные предприятия, необходимые для успехов Русской литературы в наше время, принадлежат по праву, и, прибавлю, по обязанности, Российской Академии, слишком богатой средствами для их совершения.

Следующие задачи могут предлагать, разделя между собою, Общества истории и древностей и Москве и Одессе и Археографическая Комиссия[515].

8) История Славянских Государств.

9) Географические и статистические описания.

10) Собрания следов мифологических преданий, поверий, обычаев, образов и т. под.

11) Собрание актов, грамот и прочих исторических памятников.

12) Биографии великих людей Славянских — Славянский пантеон.

Означенные общества могут объявить умеренные премии от 500 до 1000 р. за сочинения по предметам, относящимся к сим темам.

Наконец, нужен Всеславянский журнал, где 1) в скорых и верных известиях и описаниях изображалась бы ученая и литературная деятельность всех Славянских племен, 2) помещались бы статьи на всех Славянских наречиях, с краткими пояснениями для уразумения общего. Умеренная плата с листа рублей по 50.

В таком журнале обозначилось бы осязательным, так сказать, образом близкое родство всех племен, и племена начали бы сближаться и знакомиться между собою всего удобнее.

Славяне думают, что такой журнал лучше всего издавать в Москве, — мне кажется, сообразнее с целию — в Варшаве, дабы сей журнал приносил и частную пользу, действуя в особенности на Поляков.

Чтоб облегчить для Славянских племен приобретение Русских книг, должно учредить, разумеется, ввиду частного предприятия, Русскую книжную лавку в Лейпциге[516], откуда легко получить их чрез Немецких книгопродавцев, рассеянных по всем Славянским городам. Книги должно продавать как можно дешевле. Книги на других Сла-

вянских наречиях могут также присылаться туда, как в центральное депо[517]. Я веду уже два года переписку об этом предмете с книгопродавцем Фоссом[518].

Снабдить избранными Русскими книгами, особенно по части филологии и истории, главные Немецкие библиотеки в Австрии — в Вене, Праге, Песте, Пресбурге, Аграме, Брюнне[519], Львове. Для благовидности можно послать сии книги в тоже время и в Берлин, Бонн, Геттинген, Мюнхен[520].

Пригласить несколько ученых и педагогов из Славянских стран, которые с большою пользою могут занять у нас места надзирателей, инспекторов, директоров, учителей Немецкого и Латинского языков и проч. В этом отношении я могу назвать преимущественно двух: Профессора Физиологии в Бреславском Университете Пуркиню[521], знаменитого естествоиспытателя, который с великим успехом мог бы взять на себя управление особого учреждения для Естественной Истории при том Университете, где, по начертаниям Вашего Высокопревосходительства, сия наука должна быть преимущественно возделываема*. Второй ученый есть Доктор Амерлинг[522], который обладает многообразными сведениями, делал многие педагогические опыты, составил особую методу, которая заслужила полное одобрение знатоков, и мог бы учредить детские приюты в Москве или Петербурге по образцу Пражского заведения в этом роде, известного во всей Европе, и иметь в своем распоряжении какую-нибудь реальную Гимназию.

Я знаю также еще несколько образованных молодых людей, которые готовы переселиться в Россию. Оставаясь в сношениях с прежним отечеством, они могли бы содействовать много взаимному знакомству.

В заключение не излишним считаю сообщить здесь В. П. и другие отрывочные сведения, кои случилось мне собрать в продолжение моего путешествия в дилижансах[523], на пароходах, в гостиницах и на улицах и замечания, кои удалось сделать.

Император Николай[524] имеет ныне гораздо более почитателей по всем странам Европейским, и самые неприязненные ему люди, напр., во Франции, говорят с почтением об его характере, твердой политике и отдают преимущество пред всеми Европейскими Государями.

---

* Имелось в виду поручить ему Ярославский Демидовский Лицей, согласно с любимыми предметами занятий.

Россия решительно не имеет доброжелателей между Европейскими Государствами. Славяне говорят, что больше всех не любит ее Австрия, потом — Пруссия, на западе думают, что Англичане. Столько случалось мне слышать о кознях Англичан с таких неожиданных сторон, что первою моею мыслию, по возвращении в отечество, при слухе о пожарах в низовых губерниях[525] мелькнуло, не Англичане ли это. Упоминаю об этой нелепой мысли потому только, чтоб показать, какое сильное впечатление было произведено во мне прежде. Никогда не забуду я, как один житель Антверпена[526], приверженный однако ж к Голландии[527], говорил мне каким-то торжественным тоном: «О, Император Николай не воображает еще, откуда грозит ему настоящая опасность. Поляки народ не страшный. Англичан, Англичан должен он остерегаться и бояться там, где и не предполагает».

Ненависть частных лиц к России происходит преимущественно от незнания, от легковерия, с коими принимаются ими самые нелепые известия, распускаемые злонамеренными людьми. Если бы помещать в иностранных хороших газетах верные известия, умно написанные статьи о России, об ее истории, о гражданских учреждениях, особенно новых, в нынешнее царствование, коими мы можем смело похвалиться пред Европою, напр. о законах, об ученых уставах, о выборах, потом рассуждения об исторических отношениях наших к Польше, правах собственности на Волынь, Подолию, Белоруссию, самую Литву, Галицию, то я уверен, что половина врагов перейдет на нашу сторону.

Статьи другого рода, напр., о волшебном построении в один год Зимнего дворца[528], над которым работало столько-то тысяч народа, о маневрах Бородинских[529], где столько-то тысяч войска было собрано во столько-то времени из таких-то отдаленных мест, или прежде о маневрах Вознесенских[530], где по степям скакала конница, не уступавшая числом Ксерксовой[531], — известия о количестве добываемого золота и проч. оказали бы великое действие на воображение, особенно Немецкое.

Allgemeine Zeitung[532], газета наиболее читаемая, будет с удовольствием помещать такие статьи. Во Французские журналы можно доставлять чрез Делаво[533], который имеет в Париже многие литературные связи, занимает место редактора при издании одной Энциклопедии и может быть нам очень полезен. Гизо[534] просил меня доставить ему сведения о Российской Истории.

В Москве живет теперь молодой Немец К. из Пруссии, который приехал нарочно изучать Русскую Историю, как изучил он уже другие Славянские, с целию передать потом Немецкой публике верные известия о всех Славянских племенах и их литературах, предложить важнейшие сочинения в извлечениях. Этот Г. К. показался мне с первого взгляда искренно любознательным ученым, и я, не исследуя, впрочем, его образа мыслей, пригласил его жить к себе, чтобы руководствовать надлежащим и полезным для России образом к изучению Русской Истории, и полагаю, что им можно воспользоваться для сообщения чрез него в Немецкие журналы верных сведений о России. Можно оставить ему его личный образ мыслей и даже попускать какие-нибудь порицательные выходки, если бы они случились для приобретения больше доверенности прочим сведениям, кои сообщить в Германию заблагорассудит Правительство — для доказательства беспристрастия корреспондента. Воротясь в отечество и даже прямо из России, этот ученый может же посылать сведения и статьи, какие пожелает, — так лучше по крайней мере дать им согласное с истиною и полезное для России направление. Г-ну К. очень легко можно будет чрез меня доставить пособие книгами, обеспечением содержания и т. под.

Другие статьи могут быть посылаемы прямо от имени наших авторов.

Судя по той готовности, с коей Allgemeine Zeitung поместила статью г. Шевырева[535] против нападений о водворении Русского языка в Остзейских провинциях, судя по обещанию, какое давал мне прежний Редактор и г. Шевыреву нынешний, и вообще по духу газеты, которая не держится слишком одной партии, можно быть уверенным в немедленном помещении статей и расположении Редакторов к даровым корреспондентам.

Сим оканчиваю я отчет свой Вашему Высокопревосходительству о путешествии, предпринятом, впрочем, с другою целию. Почту себя счастливым, если моими известиями удовлетворится какое-нибудь из Ваших ожиданий, изъявленных мне при моем отправлении, и если я могу ими возблагодарить Вас за исходатайствованное мне позволение ехать на воды и оказанное пособие*.

* Ни одного из вышеприведенных предложений не было тогда исполнено.

ВТОРОЕ ДОНЕСЕНИЕ МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ О ПУТЕШЕСТВИИ 1842 ГОДА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ОТНОШЕНИИ К СЛАВЯНАМ

Ободренный благосклонным вниманием Вашего Высокопревосходительства[536] к донесению моему 1839 года, я почел непременным долгом в нынешнее путешествие мое ознакомиться ближе с политическими отношениями, до коих я прежде только касался, и плоды моих наблюдений имею честь представить теперь на Ваше благоусмотрение.

С 1839 года переменилось многое в Славянских землях Австрийской монархии. В Богемии национальность усилилась значительно не только в среднем сословии, но и в высшем, чему доказательством служит знаменитая брошюра Графа Туна[537] об отечественной словесности, произведшая сильное действие, так что Австрийское Правительство решилось предложить автору почетное место в другой части Государства, с целию отдалить его от Богемии. В первых дворянских домах, которые давно уже онемечились и говорили только по Немецки, как у нас говорят по Французски, дети ныне учатся по Чешски и имеют Чешских гувернеров. В Духовенстве число патриотов также постепенно увеличивается, хотя им с связанными, так сказать, руками в недрах Римской церкви очень трудно действовать и даже запасаться национальными средствами, ибо языку Чешскому их не учат, а только по Немецки и по Латыни, книги же должны они покупать на свои деньги, а казенные библиотеки наполняются только Немецкими сочинениями. В среднем сословии успехи изумительны: везде основываются частные Чешские училища, без всякого пособия, разумеется, со стороны Правительства, заводятся частные библиотеки для общенародного употребления (теперь уже до 100) даже в деревнях. Учреждаются бальные беседы, где не позволяется ни одного слова произносить по Немецки. Съезд на них бывает невероятный (до 4000 ч.). Издается ревностно при Музее энциклопедическая библиотека на Чешском языке. Начался национальный театр в Праге, который посещается более Немецкаго. Примеру Праги следуют и другие города, где особенно летом, во время вакаций[538], даются студентами национальные спектакли, коих Правительство запретить не

может, ибо сборы назначаются для благотворительных целей. Испрашивается настоятельно право преподавания в низших училищах на Чешском языке, и едва ли не скоро получится в некоторых инстанциях и судопроизводство национальное.

Австрийское Правительство, которое боится больше всего общественного мнения, видя такое стремление во всех сословиях и не надеясь остановить его, нашлось принужденным ослабить несколько бразды, хотя всякий шаг вперед стоит патриотам великих трудов и усилий, и уступается Правительством тогда, как оно истощит все свои средства сопротивления. Чешский спектакль, например, позволен был сначала однажды в неделю и в какое время? Днем, от трех часов по полудни до шести, потом дано позволение играть три раза в неделю и вечером.

Правительство, принужденное таким образом уступать, иногда усиливает за то меры противоположные. При всяком случае ругательства против Чехов, насмешки над литературою и литераторами позволяются во всех Немецких газетах, помещаются статьи в иностранных газетах, с целью их пугать. Имя Славян запрещается цензурою, кроме самых необходимых случаев. Орфография Добровского[539], утвержденная и принятая еще в 1820 году, только теперь введена и то в низших училищах, а Немецкие готические буквы удерживаются до сих пор. Ни одного объявления нельзя сделать по Чешски, не приложив Немецкого перевода, хотя сокращенного, что подает повод даже к смешным сценам, например: пригласители на балы Чешские печатают билеты на Чешском языке крупными буквами, с украшениями, а Немецкий перевод такими мелкими, что едва в микроскоп рассмотреть их можно. Зато Правительство, делая от себя объявления по Немецки о чем-нибудь, прилагает Чешский перевод таким ломанным языком, что никакой Чех понять не может и должен для уразумения прибегать к Немецкому языку.

Вместе с национальным движением тесно связано движение *анти-папское*, хотя теперь еще тайное. Ненависть к папе и Иезуитам, которые были главною причиною падения Богемии, лежавшая глубоко в сердцах патриотов, ненависть, посеянная еще предшественником Лютера[540] Гусом[541], воспитанная Гуситскими войнами[542] и последовавшими ужасами, начинает обнаруживаться, и за политической независимостью Богемии, если она когда будет, должно последовать отпадение от Римской церкви.

Не стану распространяться, какую пользу может принести этот дух и пример для Русской церкви вообще и для Русской церкви в Царстве Польском! Австрийцы видят и это, и стараются всеми силами отвратить все, что может хоть издали напомнить Греческое исповедание. Ганка недавно получил строгий выговор за свои доказательства, впрочем, недостаточные, что Реймское Евангелие[543] писано в Богемии в XI веке Св. Прокопием Кирилловскими церковными буквами!

Не только Австрийцы, сами Немцы в Германии трепещут за Богемию, и всеми силами стараются защищать и прославлять Немецкое начало в ней, выставляют действия и надежды Чешских патриотов нелепыми, безумными, злонамеренными, — те Немцы, которые в то же время кричат о так называемом разделе Польши, где мы получили только свое, между тем как Богемия была завоевана, разорена, опустошена Австрийцами, лишена своей религии и всех лучших граждан и десять лет страдала ужасно. Таково, скажу мимоходом, Немецкое невежество или пристрастие.

Моравия.

Моравия следует примеру Богемии и национальное движение там также велико, но влияние и соседство Вены ощутительнее.

Венгрия и Словаки.

Состояние Словаков в Венгрии совершенно иное. Они стенают под игом Венгерцев еще более, нежели от Австрийцев. Австрийцы хотели прежде их онемечивать тихо, систематически, а Венгерцы нападают теперь прямо, без околичностей, по-азиатски, и зная, что Словаки составляют лучшую и умнейшую часть народа, хотят их омадьярить во что бы то ни стало. Неистовству их нет никакой меры, и они не скрывают своих намерений, а печатают прямо, что Словаки и другие Венгерские Славяне должны и могут существовать только как Венгерцы. Австрийское Правительство находится в нерешимости, что ему делать. Взять сторону Венгерцев оно боится, чтоб не усилить их слишком Словаками, ибо анти-австрийское направление у Венгерцев открывается ежегодно сильнее. Взять сторону Словаков оно боится еще более, чтоб не доставить вообще Славянам сильной подмоги, тем более, что Словаки родные братья Чехам и Моравлянам. Онемечивать же их оно не может по закону Венгерской конституции[544]. По сим причинам Австрийское Правительство беспрестанно колеблется, и брожение в Венгрии выходит из всяких

пределов*. Венгерцы и Словаки с одной стороны, а с другой Венгерцы и Сербы, т. е. Кроаты, Славонцы и Далматы[545] пышут злобою друг против друга, — а между ними по горячим углям переступают Австрийцы и склоняются то на ту, то на другую сторону. Словаки отправили недавно депутацию в Вену с жалобою, что Венгерцы стесняют их язык: «Прежде всего мы употребляли язык Латинский, — говорили они, — теперь Венгерцы хотят употреблять язык свой, Мадьярский; так и мы требуем своего, Славянского». Меттерних и прочие сановники отвечали им, что требование их основательно, но официального ответа не последовало: «Боритесь сами, а правительство вмешиваться не должно». Венгерцы хотели еще соединить кальвинистов и лютеран[546], с целию, чтобы Словацкие лютеране подчинились Венгерским кальвинистам, однако же не успели в своем намерении, в чем Австрийцы должны были содействовать Словакам.

Словаки очень бедны и с величайшим трудом могут содержать на свой счет училища и библиотеки. Усилия их действительно достойны всякого удивления. Между Словаками особенно господствует идея панславизма[547]. Как без всякого пособия со стороны правительства, при таких препятствиях, с такими врагами, могут они держаться, образовываться более и более, и увеличивать свою значительность!

Австрийские Сербы.

Кроаты, Далматы, Словенцы[548], занимающие южную и юго-западную часть Венгрии и отчасти Австрийской монархии, имеют более средств, и Славянство там во всей силе. Последние выборы были вообще в пользу Славянской партии, одержавшей блистательную победу, но известие об уничтожении имени Иллиров[549] в официальных бумагах и литературе показывает, что дела приняли противный оборот, о коем я теперь не могу ничего сказать положительного. Австрийцы слишком боятся за эту часть своих владений, с коей военная граница соединена, и потому, вероятно, взяли здесь сторону Венгерцев. Часть Иллирийцев исповедуют веру Греческую, другая — Римскую. Исповедников Греческой церкви принуждают насильственно присоединяться к унии, и эти меры подают повод к явлениям странным: один, например Далматинец был напоен, и пьяный подписался под просьбою принять его в Римскую церковь. Проспавшись, на другой

* Подтвердилось в высшей степени.

день он побежал с отречением. Оно не было принято. Он обратился к начальству гражданскому и приводил в доказательство, что если он пьяный присоединился к Римской церкви, то трезвый кольми паче[550] может возвратиться к своей. Но это не помогло. Захотел он жениться, но православный священник не смел его обвенчать, и он взял к себе жену без совершения таинства.

Правительство принуждено было дозволить, однако же, возвращение некоторых лиц к православной церкви, с условием, чтобы они ходили сорок дней к католическим священникам для получения наставлений и убеждений. Крестьяне походили несколько дней, но соскучились, и объявили сим последним, что слушать их более не хотят, тем более, что им надо убирать поля, и просили позволения прекратить свои посещения. Священники не согласились, и в наказание несчастные должны были еще сорок дней ходить для слушания, при чем со злости они просто затыкали себе уши.

Глаголическая Славянская письменность в Далмации[551] почти совершенно уничтожена, и введены Латинские буквы.

Думают, что Копитар[552] в Риме занимается обширным планом, как обратить все Славянское народонаселение Австрии к католичеству*.

Вообще о Венгрии.

Об Венгерцах же скажу здесь вообще, что в дипломатии Европейской, не исключая Австрийской, господствует об них должное понятие: ибо дипломаты знакомы более с бумагами, чем с людьми. Венгерцы заносчивы, но силы в них нет, по единогласному мнению знающих Славян. Выдержите их порыв и потом берите их руками, как прочих Азиатцев Татаро-Турецкого происхождения.

Галиция и Русины.

Обстоятельства в нашей несчастной Галиции еще тяжелее. Словаки и Иллиры находят еще хоть какое-нибудь спасение под покровом Венгерской конституции, а Русины[553] в Галиции беззащитны и в отношении к Полякам. Прибавлю еще то, что они для Австрийцев ненавистнее даже всех прочих Славян, потому что ближе всех к России по своему родству, вере, языку и истории. Каково же им жить несчастным! Ненависть Поляков подает Австрийцам самые удобные средства и благовидные предлоги угнетать их и душить всякое национальное, т. е. Русское движение, в самом зародыше. Несмотря на

---

* Так говорили противники в минуту раздражений.

то, оно есть, и усиливается беспрестанно. Духовные, адвокаты, купцы сознают живее и живее свое Русское происхождение и влекутся сердцем к России. Известие об уничтожении унии[554] их обрадовало, и они готовы обратиться к нашему православию, которое держалось у них, как известно, долее, чем даже у нас, и только недавно, в прошедшем столетии, уничтожено. «Скоро ли вы нас возьмете к себе», говорят они всякому Русскому путешественнику. «Вот эту церковь обратим мы в православный Собор, — сказал мне один старец,* — когда вы придете к нам во Львов (Лемберг[555]). Хоть бы вы променяли нас на Польшу! Ну, что вам в Польше? Там вас не любят, а мы вам преданы душою и телом».

Русины советуют выводить Польский дух из возвращенных губерний[556], Волынской, Подольской и проч., скупая имения хоть понемногу от Польских помещиков, что очень легко бывает на Киевских контрактах[557], возвышая и освящая Киев пребыванием Царской фамилии, привлекая туда Русских капиталистов, которые могут легко и выгодно приобретать земли, обращая большее внимание на благосостояние крестьян, которые стонут там под игом Польских помещиков, католиков и жидов. Австрийское Правительство трепещет за Галицию и принимает строжайшие меры против патриотов. Многие духовные лишились мест своих, студенты выгнаны, граждане из среднего сословия отданы под строжайший присмотр. Известный почтенный адвокат просил позволения брать для прочтения свод Русских законов, подаренный нашим правительством публичной библиотеке: Полиция отказала, несмотря на поруки и залоги; адвокат** попросил ходить по крайней мере в библиотеку и читать там, обращался ко всем начальствам, ставил на вид, что Галицкие помещики, имея часто поместья и дела в России, имеют и нужду в справках: ничто не помогло, и правительство дало ему официальный отказ, находя желание его несообразным с целию (nicht zweckmäßig[558]).

Замыслы Австрийцев о Малороссии[559].

Недавно получили они темное понятие о том, что Русское народонаселение Галиции вместе со всею Малороссией отличается от жителей Москвы и прочих северных губерний, и бросились с жадностию на эту мысль, старается ее подтвердить, распространить в на-

* Зубрицкий.

** Он же.

роде, нанимают ученых писать диссертации, надеясь посредством их охладить приверженность Галичан к России. Виды его простираются слишком далеко, и они намереваются содействовать разделению даже самой России и привлекать Малороссиян к себе, — не говорю уже о Польских помещиках, наводняющих Малороссию. С этой целью они хотят устроить центр Малороссийской литературы у себя и препоручить с значительными выгодами издавать по своим видам журнал на Малороссийском языке в Вене Латинскими буквами. Малороссийский журнал в Вене! Малороссийский журнал Латинскими буквами! Вот как действует Австрийское правительство.

Поляков Австрийцы также боятся, хотя с другой стороны, как революционеров, и в последнее время открыт был значительный заговор, по которому схвачено столько лиц, что в тюрьмах не доставало места и наняты частные дома. Вероятно, существует какой-нибудь заговор, тайное общество в Познани, которое, если не действует прямо теперь, то приготовляет обстоятельства для будущего времени, имея отрасли во Франции и Германии.

Вот в каком затруднительном положении находится Австрия, и Славянские политики еще решительнее чем прежде, утверждают теперь, что она слабеет час от часу и едва ли больше Турции заключает в себе внутренней самостоятельности. При первой войне, где бы то ни было, она может разорваться на части. В Наполеоново время этого не случилось, потому что Славянское племя далеко было от настоящей зрелости и сознания. Имя и авторитет Меттерниха удерживает панически общее стремление, но смерть его явит многое народу.

В политике ее к прежним правилам: 1) о содержании in stau quo в Европе, ибо всякая война может вызвать происшествия, для нее опасная, 2) об угнетении Славянского направления, которое называет оно Русским, где можно, и об уступках, где необходимо, и 3) к тесной дружбе с Англией присоединяется 4) сближение с Германией, сближение, которое показывает, что Австрийцы видят теперь яснее над собою Славянскую тучу. Австрия хочет найти подкрепление себе в Германии в случае нужды: посему приготовляет общее мнение и множество статей помещает во всех Германских газетах, в коих доказывает, что интересы Австрии тесно связаны с интересами Германии и суть одни и те же, что владение нижним Дунаем[560] есть жизненный вопрос для Германии, которая погибнет, если там возобладают Рус-

ские с их Sperrgeselze[561], и что Славяне вместе с Россиею также опасны всей Германии вообще, как и Австрии в особенности.

Немцы, наоборот, в чаду своей кабинетной и школьной гордости, отвечают, что Австрийцы должны прежде всего развивать у себя Немецкое начало, сообразно с требованием времени, которое и дает им первое оружие для предстоящей борьбы.

О ненависти Австрии к России, к сказанному мною в первом отчете, прибавить ничего не имею: обнаруживается она теперь, в особенности в содействии Римской церкви неистовствовать против уничтожения унии, в распространении между католическими Славянами нелепых сочинений и статей о притеснении католичества в России, в восстановлении духовенства против нас. Далее, Австрия старается всеми силами питать ненависть Поляков против нас в Галиции, и при всяком случае ужасными красками изображает Русское управление в Царстве Польском, а Русинов отвращает известиями о состоянии крестьян в Волыни, Подолии и проч. Для распространения слухов есть, кажется, особенные чиновники. Например, недавно Австрийское правительство распустило слух, что Россия уведомила оное о замыслах Гая[562] относительно Боснии и советовала Австрии взять его под особенный присмотр.

Отношения Пруссии к России.

Перехожу к *Пруссии*. Славянское движение в Прусских владениях развивается также очень сильно, даже в тех странах (что весьма примечательно), которые, казалось, совершенно были онемечены и позабыли как будто свое происхождение: в восточной и западной Пруссии[563], Силезии[564], верхней Лузации[565], к коей присоединить должно и Саксонскую[566]. Не говорю о Познани[567], где это движение имеет совершенно другой характер, характер Польский, и имеет связь с другими обстоятельствами. Пруссию Славянские политики считают еще более, чем прежде, враждебною России. Для Австрии опасна Россия, а для России опасна Пруссия, имеющая больше силы, духа, образования.

В Пруссии надо различать королевскую фамилию, правительство и народ. Народ пышет злобою против нас, в чем я сам удостоверился, и говорю не по одним слухам. Не вопли восточной и западной Пруссии тому причиною. Нет, злоба имеет источник глубже: в Пруссии дух мнимой свободы распространился по смерти короля до невероятности, и нынешний король[568] многими своими неуместными речами, поступками и фразами дал к тому повод, так что теперь принужден

прибегать к противоречиям и теряет популярность. Пруссаки считают Русское правительство главным препятствием к осуществлению их планов и опорою короля в случае нужды. Вот почему они ненавидят Россию: офицеры, молодежь, студенты, бредят о войне с Россией и сочиняют уже стратегические планы, в газетах провозглашается беспрестанно вред от союза с Россией, печатают карикатуры и проч., журналы, особенно Кенигсбергские и Рейнские[569], согласно с прочими Немецкими, твердят беспрестанно о возвышении Прусских Поляков[570], о даровании им всяких прав, о покровительстве национальности. «Никакой жертвы Пруссаки не должны жалеть для того, чтоб восстановить Польшу против России» вот что пишут в газетах.

Правительство ненавидит также.

Правительство разделяет ненависть с народом, и учреждение Славянских кафедр в Университетах Бреславском и Берлинском[571] отнюдь не имеет целию пользу науки, а противодействие России. Пруссаки хотят именно приготовить у себя людей, знающих Славянские языки, людей, которые были б в состоянии действовать литературно на Славян, и, в случае войны с Россией, могли бы быть употреблены на службу с пользою: это знаю я документально. Вот в каком расположении находится Правительство к нам, так что на нашей стороне остается более или менее только королевская фамилия.

Вред для Польши от Пруссии.

Прусское Правительство, предоставляя на законном основании, по его мнению, столько свободы жителям Познани, требующим теперь даже особого войска и судопроизводства, раздражает более всех наших Поляков против нас, питает их ненависть и вместе надежду на перемену судьбы. Кто знает характер Польский, а характер в этом деле много значит, тот согласится со мною, что производят в Царстве Польском Познанские обстоятельства. Теперь не естественно ли жителю Царства завидовать Познанцу, который говорит и печатает все, что ему угодно.

Пруссаки, имея у себя Познань и Силезию, опасны для Царства Польского, и могут простирать свои союзы в Галиции, Австрийской Силезии[572] и даже Богемии и Моравии.

В отчете 1839 года я коснулся этого предмета, и предсказание мое сбывается. В газетах беспрестанно помещаются статьи в этом духе, а Поляки в Познани прямо печатают, что Богемия должна соединиться с Польшею. Прусские публицисты и журналисты воспользовались с жаром этою мыслию.

Франция и Англия могут содействовать в этом случае Пруссии для представление оплота России, хотя имеют еще другую мысль, о которой я буду иметь честь представить ниже Вашему В. Пр.

Кстати, скажу здесь о восточной и западной Пруссии, где ненависть основана к нам не на отвлеченностях, а на интересах существенных. Эти провинции обеднели вследствие запретительной системы[573], но малейшее ослабление ее возбуждает неудовольствие в жителях Царства Польского. Так почему же сих последних не пустить в полемику с Пруссаками в журналах, а мы были бы в стороне?

О системе вообще я судить не смею, не зная этого дела. Немецкие толки, по коим Россия не созрела еще для промышленной деятельности, как для свободы книгопечатания, очень смешны, — а вот обстоятельства, достойные внимания правительства: в Лейпциге уверяли меня, что есть целое устроенное общество, которое берет на свой страх товары для перевоза их чрез границу в Россию мимо таможен, и что все товары, проданные на последней ярмарке в Лейпциге Польским жидам, были застрахованы таким образом. Слышно, что есть такое общество в Кенигсберге и Бродах[574].

Состояние Пруссии.

Скажу теперь вообще несколько слов о Пруссии. Удивительное явление представляет она в наше время. Чего не достает ей? Правосудие, средства для просвещения, личная свободы, свободы книгопечатания слишком обширная, а она, недовольная, возмущается и не видит места успокоения!

Я думал прежде, что так называемый «дух времени» не существует, и что это есть выражение, придуманное учеными и поэтами. В нынешнее мое путешествие, как оно ни было кратковременно, я убедился совершенно, что дух времени есть и что с ним бороться трудно. Столько новых, неизвестных прежде отношений появилось теперь в Европе, что дипломатики[575] и политики вскоре должны придти в тупик на старых дорогах и в обветшалых колеях. Легко сражаться и принимать меры против врагов явных и знакомых, а теперь выходят на поприще и незнакомые, и невидимые. Узы религиозные, династические, узы предания, ослабли в Пруссии. Печать становится более дерзкою день от дня, министры и правительство подвергаются оскорблениям. Самое университетское учение приняло другое направление: молодое поколение, схватившись за Гегелевы результаты, растолковало их по-своему, пустилось зря в политику и изменяет са-

мую жизнь[576]. Вот почему я думаю, что учреждение кафедры философии в Московском Университете по нынешним обстоятельствам необходимо и послужит громовым отводом, если она достанется благонамеренному и дельному человеку[577]. Студенты, занимаясь теперь философией без руководства, бросаясь также на результаты и не прилагая спасительного труда, могут избаловаться и развратиться умственно и нравственно. Конечно, это будет на короткое время, ибо рассудок Русский крепче Немецкого, но зачем рисковать, зачем допускать разврат и на короткое время? Огнем не шутят, а в наше время есть много огней разрушительней ружейного и пушечного.

Германия, начиная с соседней с Пруссаками Саксонии, разделяет ненависть ее к России, и Лейпцигские, Дрезденские и Рейнские газеты возбуждают самых Пруссаков. Сочинение о Пентархии[578] самым странным образом возбудило добрых Немцев против нас: они обиделись, что какой-то их же брат-фантазер рекомендовал им покровительство России, и зашумели, как будто б это покровительство было нужно для России, желалось ею, и вся система не была мечтательною и бесполезною. Газетным воплям их против России нет пределов, а понятия о ней Немцы не имеют никакого. Толкуют о страсти к завоеваниям, об отвращении от всякого образования, о безнравственности низшего духовенства, о крестьянском рабстве, о жестокости с солдатами и крепостными людьми. «Надо привлекать Славян либеральными учреждениями», — советуют они тем правительствам, во владении коих Славяне находятся.

Опасности Германии.

Что касается до состояния Германии самой в себе, то мне кажется, что она накануне великих перемен, и монархическое правление там неминуемо изменится или прекратится в продолжение пятидесятилетия. Дело начнется в Голштинии[579], где ненависть к Датчанам в полной силе, и, по пресечении династии в Дании, она непременно отделится и, вероятно, в республиканской форме[580]. (Не может ли Россия предъявить своих прав на Голштинию и получить ее[581], как Герцог Кумберландский получил Ганновер[582]?)

За Голштинией последует Ганновер после близкой смерти престарелого короля, у которого почти нет наследника[583]. Пруссия метит на Ганновер, но жители не расположены к ней много. Всего вероятнее, что Ганновер также захочет республиканской формы, принадлежащей к духу времени. Мелкие владения Германии, герцогства, княже-

ства и графства, кои устали, как говорят они, платить подати на содержание своих дворов, последуют их примеру.

Планы журналов.

Мысль о каком-нибудь единстве Германии, республиканском или Прусском, является беспрестанно в газетах, хотя без дальнейшего развития и определения: журналисты толкуют больше всего о Пруссии и раздувают там огонь, в надежде, что если там он возгорится, то прочие Государи по необходимости последуют ее примеру. Теперь обращается более всего внимания на организацию войска и устройство национальных гвардий. «Если мы внутри будем довольны и согласны, то и вне возбудим к себе уважение и будем в силах бороться с Романскими и Славянскими народами».

Цензура в Германии, как и в других государствах, — действовать никак не может и совершенно обветшала: что запретится ныне в одном государстве, то завтра напечатается в другом — или в Швейцарии, Франции, Англии, а напечатанное разольется повсюду, как вода. Даже Австрия не может остановить привоза запрещенных книг, которых получает больше, чем позволенных.

Столько горючего и нового вещества в Европе, и какие благоприятные обстоятельства для России, которой предстоит открытое поле действовать на юге и востоке между Славянами, — «лишь только не принимай она, — говорят Славянские политики, приверженные к нам, — непосредственного участия в прочих западных делах Европейских, и не трать своей силы на чужие дела».

Отношение Англии.

В Англии я не был, но, кажется, можно, и не быв там лично, поверить и сказать, что ее ненависть к России не уступит Австрийской и Прусской, имея впрочем другой источник, другую причину: восток, Азию. Англичане начали действовать между Славянами и в прочих частях Австрийской Империи: Венгерцы, например, не скрывают даже своих сношений с ними и прямо говорят в газетах, что в случае войны с Россией, они уверены в Английской помощи. Англичане начинают уже с Польской революции[584] смущать Швецию против России, и заметно их внимание к Остзейским губерниям[585].

Но беспокойства в Индии[586] и неудовольствия с Китаем[587] в Азии, гроза от Ирландии вместе с внутренними долгами, нищетою и упадком мануфактурного класса свяжут ей руки и помешают противодействию России.

Франция.

Остается сказать несколько слов о Франции. «Вот ваша союзница, союзница естественная, верная, полезная», — восклицают в один голос Славянские писатели. «В союзе с Францией Россия может управлять Европою и делать, что ей угодно. Столкновения у вас нет по положению, а выгоды общие»! Это начинают чувствовать и во Франции, которую я проехал, и является множество людей во всех классах, которые готовы защищать эту мысль и броситься с распростертыми объятиями к России. «Одно препятствие, — говорят Славянские политики, — это отвращение вашего Государя от нынешней династии, еще более от Французского духа. Но в этом случае будьте толерантны[588] и смотрите на выгоды более существенные. Франция с своим духом будет действовать так на народы ей единоплеменные, у которых, впрочем, тот же дух, народы Романские: Итальянцев, Испанцев, Португальцев, Бельгийцев. Франция есть их представительница. А вы господствуйте на востоке Европы. Немцы, как стены, без всякой политической значительности, буду отделять запад от востока, а Англичане поклонятся!» Это любимая мысль Славянских политиков, и они уверены, что рано или поздно исполнится. «Россия и Франция, — ничто противостоять им не может. Лучше ладить и иметь дело с одним государством, чем с десятью и ухищряться до усталости. Вы несогласны между собою в *принципах*, но они не мешают одни другим, потому что у них по особому поприщу, и негде им столкнуться. В семействе один сын может любить военную службу, а другой — гражданскую, и разность во вкусах не уничтожает их любви. Главное в политике — польза, а союз с Францией полезен для России так, как союз России полезен для Франции. С Англией не может сойтись Франция, и не сойдется никогда, несмотря ни на какие усилия, потому что всегда между ними *кость*, точно так, как Россия не сойдется с Англией, Австрия с Францией, имея *яблоком раздора* между собою Италию. Одним словом, ни одно государство не может найти союзника надежнее для себя, как Россия и Франция. Этот союз мог состояться еще при Императорах Наполеоне и Александре, но один был чрез меру благороден и беспристрастен, а другой — слишком властолюбив и своенравен».

Мнение о Польше.

Интересны мнения Славянских политиков о *Польше*. Они рассуждают вот как:

«Должна ли Россия отделить от себя *Польшу*, не приносящую ей никакой пользы, кроме вреда, или оставить у себя?»

«Отделить ее в границах нельзя, потому что Поляки по своему характеру не будут *завтра же* довольны тем, что дадут им ныне, и пойдут до Смоленска, если не сами, то возбуждаемые Европейскими врагами России, кои всегда найдут там приют и содействие, и хлопот не оберешься. Следовательно, Россия должна ее оставить у себя, как необходимое зло. Как же управлять ею, оставляя у себя?»

«Если меры кроткие и национальные, согласные всего более с народным характером, в особенности, покровительство языку, литературе и истории не удадутся, то надобно одним разом расселить шляхту[589] по всему пространству России, т. е. поступить, как поступал Иоанн Васильевич с Новым городом[590]».

Вот мнение Славянских политиков, к нам приверженных, о политических обстоятельствах Европы, преимущественно *в отношении* к России.

Планы поставить против России новую Польшу.

Между Славянами ходит теперь также слух о двух обширных планах, принадлежащих преимущественно Англичанам и Французам, которые теперь не определились еще вполне, но уже в сильном ходу, и на которые Россия, по их мнению, не должна смотреть равнодушно.

Общее Славянское движение обратило на себя внимание Англичан и Французов. Они начали посылать агентов, которые должны были заниматься Славянскими странами и исследовать причину и цель движения. Болгария, Сербия, Македония, Молдавия, Валахия всякий год имели у себя путешественников, которые увидели общую приверженность Славян к России и поняли, какая опасность грозит Европе, если Русский колосс, и без того могущественный и страшный, присоединит к себе еще тридцать миллионов Славян, алчущих и жаждущих соединения. Естественно представились задачи, как прекратить зло, а остаться в прежнем положении Славянам нельзя, т. е. Австрия переменить свою систему и удовлетворить их не может, ибо с переменою системы *перестала* бы она быть Австрией. Турция еще менее. Что же делать? Удовлетворить Славян независимо от Австрии, Турции и России, образовать из Славян новое государство, которое стояло бы даже против России, как другая Польша.

Где же средоточие этого государства? На юго-востоке, во владениях Турецких. Политические агенты начали уже действовать испо-

дволь, устрашать Славян Россией и распространять мысль о самобытности и независимости, которая нашла уже многих приверженцев между всеми Славянами. С этою целию *много Сербов и даже Болгар воспитывается* в Париже и Лейпциге. К счастию, что ни Англичане, ни Французы, точно как и Австрийцы, никак не могут выучиться по Славянски, и потому никак не могут действовать вполне.

Англичане и Французы думают также о независимости Богемии или Венгрии, как новой Польши для России, может быть и в соединении с старою. Этот план найдет, разумеется, прежде всего сильное сопротивление Австрии. Немецкие газеты *толкуют* о необходимости покровительствовать *Славянам*, и привлекают их к себе *либеральными* учреждениями в тех государствах, где они находятся, т. е. Австрии и Пруссии, чтоб не допускать до сближения с Россией. Как бы ни были еще темны эти мысли, но наши друзья, знающие дело, советуют вообще обращать теперь преимущественное внимание на Сербию, не только для того, чтобы противодействовать замыслам врагов, но и для того, чтобы иметь на всякий случай *важную* точку отправления, и действовать на Австрию и Турцию. На Турцию, чрез соседство с единоплеменными, единоверными и почти единоязычными Болгариею и Босниею, которые всегда могут восстать и доставить сколько угодно войска, продовольствия, — нечего говорить о местных сведениях. На Австрию, — потому что в Австрии слишком три миллиона таких же Сербов, живущих вплоть до Адриатического моря, где готовы подать нам руку Черногорцы.

Требуется содействие образованию Сербии.

Если Русское правительство не имеет этого плана теперь, пусть оно действует посредственно на образование Сербии, Болгарии и проч. своими советами чрез Белградского, Ясского и Бухарестского консулов, своими пособиями, примером и заступлением при Дворе Константинопольском[591]. Надо устраивать училища, учреждать суда, обучать полки. На всякий случай, никогда не мешает иметь друзей где бы то ни было. По крайней мере, надо стараться, чтоб западный дух, Французское и Немецкое воспитание, Римская церковь не пускали там корней, а они пускают, хотя менее, чем в Греции, и показывается охлаждение к России.

Мнения о последней Сербской революции.

О последней революции в Сербии вот собранные мною сведения: 1) Сербы погрязли в интригах и имеют нужду в нравственном воз-

рождении еще более, чем в политическом; 2) В партии Вучича и Петроневича[592] есть впрочем, более людей благонамеренных и дельных, чем между приверженцами Обреновичей. Впрочем, Сербам мудрено верить, потому что они часто меняют свои расположения, смотря по личным своим страстям; 3) Обреновичи, особенно Милош[593], теснее связаны с Австрией и более привержены ей, чем России; 4) Между Славянами было сначала более симпатии к партии Вучича и Петроневича, чем к Обреновичам; 5) Русское Правительство действует в Сербии слишком мало, отвлеченно и обращает мало внимания на новые обстоятельства, замыслы и действия Англичан и Французов.

Жалобы Славян на Россию.

Эта последняя жалоба относится и ко всем Славянам вообще, между которыми замечается охлаждение повсюду. Друзья наши говорят, что мы осторожность свою простираем слишком далеко, и подаем повод врагам действовать против себя, предлог обвинять нас в эгоизме, чем и содействуется исполнение их отдаленных планов. Несчастные страдальцы готовы принять руку помощи от кого бы то ни было, и от чужих, когда родные отказываются, тем более, что чужие действую ревностно и употребляют средства обольщения самые действительные, а родные не делают ничего и там, где могут, не нарушая даже приличия. В таком случае приверженность может обратиться в ненависть. Нельзя поручиться, чтоб это не произошло даже скоро при нынешнем быстром ходе дел, если Россия не начнет обнаруживать своего расположения к Славянам, не будет подавать помощи, хотя тайной, незначительной, Славянским корифеям, не примет под свое деятельное покровительство, по крайней мере, Славянскую православную церковь в Турции.

Мнения Славян, приверженных к России.

Если Англичане и Пруссаки могут учредить протестантское епископство[594] в Иерусалиме, если Папа посылает миссионеров пред лицом всей Европы, если католики действуют явно в Греции, то кто же может запретить России действовать в пользу своей родственной церкви в Болгарии, Боснии, Герцеговине, где она находится на крайней степени унижения и страдания, где священник на престоле подле чаши с кровию Господней кладет пару пистолетов? Не послушаются ли Греки, угнетающие Славянский язык в богослужении[595] более, чем Австрийцы и Турки, одного слова России? А Россия не произносит этого слова, говорят Славяне, и, следовательно, не думает о них, а еще

менее об нас, которые стоим дальше и различнее по языку и исповеданию. Как же нам надеяться на нее, и не лучше ли ждать спасения от Запада, чем от Востока?

«Столько же необходимо, — говорят приверженцы наши, — и покровительство Польской литературе.» Наши враги стараются внушить теперь Славянам, дорожащим более всего своею национальностию вследствие притеснения Австрии и Турции, что они не могут надеяться лучше участи от России, судя потому, как она мало заботится о национальности. Повторю мысль мою при отчете 1839 года[596]: *национальности никакой уничтожить нельзя*, напротив, сила сия увеличивается по мере покушений против оной, и они, кроме вреда, ничего принести не могут.

В этом отчете я представил Вашему Высокопревосходительству обозрение, что можно сделать в пользу политическую для России на будущее время. Теперь могу сказать, что эту помощь считаю необходимою, если Россия не решилась оставить Славян совершенно на произвол судьбы и Европейских интересов. Я берусь доставить ее еще более тайно, нежели Англичане доставляют порох Черкесам, или Пруссаки — запрещенные книги Полякам. Большую часть этой помощи можно даже делать и публично, от имени Российской Академии и исторических обществ. Мы даем денег Сильвестру напечатать Реймское Евангелие в Париже[597], содействуем печатать Русские древности в Копенгагене, какую же политическую неудобность имеет задача написать историю Славянских государств или сочинить лексикон того или другого наречия, грамматику? Одним словом, — литературное публичное пособие не может произвести никакого волнения в Европейских кабинетах. И о какой сумме идет здесь речь? От 10 до 25 тысяч ежегодно для всего Славянского мира. Это такая безделица, которую частные люди могли бы пожертвовать, если бы у нас было более общего образования.

«Россия действовала очень бескорыстно, начиная с 1812 года, — говорят Славяне, — но кто же верит ее умеренности, кто благодарит ее? Решительно никто. Какую же пользу приносят эта умеренность, а между нами вы теряете?»

Обращу внимание Вашего Высокопревосходительства вот еще на что: между молодыми нашими людьми, особенно университетскими, распространяется расположение к Славянам, и они начинают в путешествиях своих заезжать в Славянские страны. Растолковав им всем,

как они должны вести себя там, нет возможности, и они очень легко могут из любопытства пуститься в разговор с Славянами об их состоянии, между которыми также немного скромных, благоразумных и умеренных *Шафариков*[598]. Австрийские шпионы видят везде интриги, смущаются, сердятся. Следовательно, лучше действовать прямо и гласно, и показывать в своих сочинениях и статьях (которые необходимы, ибо молчание наше слишком подозрительно), что мы по обязанности принимаем только ученое участие в Славянах, а там, что Бог даст, то и будет.

(Здесь следовали страницы три об отношении православия к католикам и протестантам, — кои у меня затерялись).

В заключение, представляя на вид Вашему Высокопревосходительству мои замечания, долгом поставляю прибавить, что главным источником моим были беседы с Славянскими корифеями, и потом — расспросы знающих людей, коих случилось мне встретить на водах, мимоездом, в гостиницах, за общими столами, в газетах. Я не имел нигде возможности оставаться долго, углубляться в исследования. Может быть, в них не много дельного и нового, и я мог бы представить в этом роде что-либо более основательное, если бы имел к тому время и средства. Почту себя счастливым, если хотя что-нибудь обратит на себя благосклонное внимание Вашего Высокопревосходительства, и удостоится представления Государю Императору, как то было с отчетом 1839 года*.

* Это письмо осталось в министерстве, по слишком резкому несогласию с общим мнением.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

...Нынешняя Россия, то есть Россия Европейская — дипломатическая, политическая, военная, Россия коммерческая, мануфактурная, Россия школьная, литературная — есть произведение Петра Великого. Какое бы явление в сих сферах гражданской жизни ни стали мы рассматривать, о каком бы учреждении ни стали мы рассуждать, все подобные исследования доводятся непременно до Петра Великого, у которого в руках концы всех наших нитей соединяются в одном узле. Куда мы ни оглянемся, везде встречаемся с этою колоссальною фигурою, которая бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю Историю, — которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами, и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли в будущем.

Обозревая царствование Императора Петра Великого, с намерением представить оное в одной общей картине, определить его значение в системе Русской и Европейской Истории, невольно чувствуешь трепет, падаешь духом и не знаешь, с чего начать, чтó сказать и чтó умолчать. Сколько созданий! Сколько разрушений, преобразований! Сколько действий и происшествий всякого рода! Мысль устает летать от одного предмета к другому, и удивленная, изнеможенная, приходит в замешательство, останавливается...

Что за зрелище представляет он сам своею свободою, с своим твердым характером, с своей железной волею, с своими пылкими страстями, темпераментом, даже с своим лицом и исполинским ростом! Что за зрелище представляет Россия и ее жители с их образом мыслей, привычками, нуждами, предрассудками, обстоятельствами, стариною — заветным наследием предков, — Россия тысячелетняя, смирная, терпеливая, благочестивая, самодовольная страна, в которую он слан был судьбою этот величайший из всех Преобразователей, ничем не довольный!

Сколько разного дела делается в одно время, — одно подготовляется, другое начинается, третье на половине, четвертое близко к концу, с каким рвением, жаром, усердием, как будто всем работникам заданы уроки, назначен срок, под строгою ответственностию. Все торопятся, суетятся, спешат кончить и боятся опоздать. Шум, крик, стук. Нет покоя ни днем, ни ночью. Нет остановки, передышки на минуту. Не успеют справиться с одним, как уже принимаются за другое. Все

рассчитано по часам, по минутам; все переведено будто на верную математическую машину.

Одно семя бросается пред вашими глазами в землю, другое перезябает[599], третье только что изникло[600] из почвы, а это уже цветет, а это уже приносит плод — и все они произрастают рядом, в одно время.

Какое движение, какая деятельность, живость во всех концах обширного Царства! И что за разнообразие!

Здесь роются в горах и достают руду, там из руды куют железо, дальше сверлят из железа ствол, а еще дальше стреляют уж из нового ружья.

Вот выписаны овцы, вот они расплодились, вот настрижено с них шерсти, вот выткано из нее сукно в только что отстроенной фабрике, вот кроят новое невиданное платье, и вот оно напяливается на горько плачущий народ, у которого только что выбрита борода[601].

Здесь скапывают бугры, там зарывают рвы, громоздят насыпи, меряют землю, выжигают болота, валят леса, прорубают засеки[602], и при последнем взмахе лопаты, отбрасывающей остальной камень с новой дороги, показывается вдали первый обоз, который подъезжает к готовому сообщению.

Ныне исчисляется народ и производится первый рекрутский набор[603], завтра формируется армия, и прямо с ученья идет на генеральную баталию[604], поутру побеждена, а к вечеру празднует викторию[605].

Но вот понадобились люди, и работники, как в святочной игре[606], отрываются от одного дела к другому, перебегают с края на край. Каменщик кидается за топором, плотник спешит к творилу[607], купец хватает ружье, солдат садится пред зерцало[608], крестьянин на завод, помещик на корабль

Вдруг нагрянули враги — новая перемена: все бегут к ним на встречу, кто с поля, кто от станка, кто из суда, кто из лавки! Проводили незваных гостей, и опять все по своим местам, как ни в чем не бывалые, принимаются за прерванное дело. Замололи жернова, заходил топор, запрыгали шестерни, пошли на службу и огонь и вода, и воздух и земля.

Все делают розное[609], мечутся беспрестанно из угла в угол, но никто не мешает друг другу; напротив, оказывается взаимная помощь, выходит лад[610]: какой же всемогущий чародей[611] управляет всею совокупностию этих многочисленных, разнородных действий?

Нет, не чародей, а Гений, Петр. Смотрите — вон он стоит посреди широкого поля, Русского Царства, рабочей своей палаты, между тысячами и тьмами[612] своих работников. Видите — он выше их всех на пол-аршина[613]... Чтó такое сверкает в руке его, не волшебный ли жезл какой? Как горят его глаза, как движется все его тело! Смотрите — как поворачивает он головою направо и налево, как бросает свои пронзительные взоры во все стороны, и как работа вскипает у Русского человека там, куда он оборачивается, и силы прибывают, и время увеличивается: час вырастает днем, день вытягивается месяцем, месяц стареет годом, трудное становится легким, невозможное возможным.

Смотрите, как по его движениям, то вдруг на севере из болота выскочит город, то на юге пустится по морю флот, то на западе встанет линия крепостей, то на востоке скорым маршем выступит в поход армия! Или — вдруг весь народ обривается, переодевается, разлучается по сословиям, по городам, по провинциям, по губерниям[614].

Он сам не свой; он помогает, кажется, всякому работнику, присутствует своим духом на всякой работе! Как жарко принимает он к сердцу всякую удачу и неудачу! Удовольствие и досада переменяются ежеминутно на лице его. Он видит все — вот в городе недостроена башня, вот в армии не комплектен полк, вот на корабле покривилась мачта, вот на фабрике спился наемный Немец! Он бросается стремглав с своего места, хватается за топор, долото[615], за кормило[616], выкидывает артикул[617], строит, чинит, ломает; сыплются награды и наказания, снаряжаются ассамблеи[618] и экзекуции[619]; где гнев, тут и милость.

Чего здесь нет: и трагедия, и комедия, и роман, и история, и волшебная сказка...

Спрашиваю — не удивительное ли это зрелище?

Чтó должен был сказать всякий благоразумный человек, смотря на все сии действия, предприятия, замыслы? Не должен ли он был осудить оные, по всем законам ума, по всем соображениям рассудка, осудить со всею строгостию, как несбыточные, бесполезные, пагубные? Позволительно ли приниматься вдруг за все, сказал бы он, позволительно ли... а между тем сии несбыточные намерения осуществились, и не мало по малу, а много по многу, — и обширнейшее в Европе государство преобразовывалось по желанию одного

человека! Такова была сила воли у Петра Великого, такова была его деятельность, — и вместе такова была покорность Русского народа, терпение, готовность.

Да, Петр Великий сделал много в России. Смотришь и не веришь, считаешь и не досчитаешься. Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону, без того, чтоб он везде не встретился с нами, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье — все он, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!

Мы просыпаемся. Какой ныне день? 1 Января, 1841 года. — Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от Января[620].

Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному Петром Первым, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт, и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре Первом сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный.

Приносят газеты — Петр Великий их начал.

Вам нужно искупить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом: одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом, от соленых сельдей и картофелю, который указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом.

После обеда вы идете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам — допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Пойдем в Университет — первое светское училище[621] учреждено Петром Великим.

Вы получаете чин — по табели о рангах[622] Петра Великого.

Чин доставляет мне дворянство[623] — так учредил Петр Великий.

Мне надо подать жалобу — Петр Великий определил ей форму. Примут ее — пред зерцалом Петра Великого[624]. Рассудят — по Генеральному Регламенту[625].

Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Петр Великий поместил Россию в число Европейских Государств и начал внушать к ней уважение, и проч., и проч., и проч.

Место в системе Европейских Государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летоисчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его Гения.

Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение, или направление, или самую жизнь. Чтó теперь ни думается нами, ни говорится, ни делается, все, труднее или легче, далее или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок.

Это очевидно, и до сих пор нет никакого сомнения, никакого спора. Но с сих пор и начинается сомнение, начинается спор.

В каком отношении Россия Петрова находится к России прежней, и не было ли б лучше, если б прежняя Россия была предоставлена естественному своему течению, или — если б преобразование было произведено не так быстро, не с таким насилием, или — если б произведено было преобразование иное?

Слава имеет свои фазы, как луна: она нарастает и умаляется. Петр Великий не пользовался и не мог пользоваться во время своей жизни счастием любви общей; только небольшое количество окружавших людей было предано ему, искренно или своекорыстно. Но с первого поколения по его кончине начинается уже в России неограниченное, безусловное благоговение к нему; с лишком сто лет продолжалось оно. Ныне ж, напротив, слышатся голоса противные, и слышатся довольно часто. Положим — они безотчетны, как первые, но наука не может и не должна оставлять их без внимания...

Говорят: Петр Великий, введя Европейскую цивилизацию, поразил Русскую национальность — это самое главное и благовидное обвинение.

Допустим, сначала так, но — спрошу я обвинителей, возможно ли было России уклониться от Европейской цивилизации, хотя б она имела для нас много неприличных, даже вредных свойств?

Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и следовательно, по физической необходимости, должна разделять судьбу ее, и участвовать в ее движении, как планета повинуется законам своей солнечной системы[626]. Может ли планета перескочить из одной сферы в другую? Может ли Россия оторваться от Европы? Волею и неволею, она должна была подвергнуться влиянию Европы, когда концентрические круги западного образования, распространяясь беспрестанно далее и далее, приблизились к ней, и начали ее захватывать. Назовите это образование, пожалуй, чумою, — но для такой чумы, самой тонкой, самой упругой не существует никаких застав, никаких карантинов, никаких таможен, никаких преград. Эфир всепроникающий, зло необходимое, неизбежное!

Можем ли мы теперь отказаться от употребления машин, от употребления паров, железных дорог? Не можем, даже потому только, что живем в Европе. Не можем — пары принесутся сами, и повезут нас по Волге, по Днепру, по Черному морю, будут ткать нам сукно, тянуть бумагу; железные дороги придут сами и лягут по нашим гатям[627], как прежде пришли и установились типографические станки, как прежде пришли и грянули пушки. Если Австрийцы будут поспевать из Вены до Варшавы в день, то как же нам ехать туда неделю!

Точно также, прежде Петра Великого, мы не могли отказаться от пороха, от огнестрельного оружия, иначе были б побиты на первом сражении, и нас бы не стало.

Разберем теперь главные преобразования Петровы.

Петр преобразовал войско, и обучил оное на Европейский манер. Что же? Разве это было не необходимо? Ему надо было сражаться с Европейскими врагами, со Шведами, Прусаками, Поляками или Немцами, следовательно, их оружием, их приемами, их тактикой и стратегией. На ружье с обухом[628] идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажут: он сам напал на Карла[629]. Но кто поручится, чтоб Карл, достигнув зрелых лет, оставил его в покое, и не задумал кончить планов о северной монархии Карла Густава[630], которого он превосходил еще бранным духом? А Польша, которая только что пред Петром

должна была возвратить нам часть Малороссии[631], — разве нельзя было предполагать у ней второго Стефана Батория[632]? В новое время нельзя смотреть на государства порознь; нет — они составляют уже одно живое органическое целое. Вопрос о преобразовании войска при Петре тесно связан с вопросом о безопасности и самобытности России. Решусь сказать даже вот что: если б не было прежде Петра, мог ли бы Александр бороться с Наполеоном[633]?

Петр преобразовал войско — не посоветуют ли Петру пощадить стрельцов[634]? Я согласен, что в их истории есть несколько пиитических[635] моментов, но оставить их на свободе после бунтов в пользу Софии[636] и ее любимцев, готовых верить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить их с тем, чтоб из них, с первыми удачными опытами, сделались опричники[637] или преторианцы[638], не подумаю ни на минуту, несмотря на их национальность; и надо быть слишком закоснелым в предрассудке, чтоб защищать стрельцов.

Итак, преобразование войска, особенно для Петра, было необходимо, а с войском связаны рекрутские наборы, и постои, и ревизии, и подушные деньги, и выписные иностранцы.

И начало этому преобразованию положено было гораздо прежде, чуть ли не со времен Бориса Годунова[639], которому служило уже много иностранцев, и служило с успехом, Чтó продолжалось при Самозванце, при Михаиле и Алексее[640].

Учреждение флотов имело также свою необходимость: овладев приморскими берегами, или, думая овладеть ими, чтоб не подвергаться беспрерывной опасности внезапного нападения, надо было позаботиться о средствах и мерах удержать их за собою, защитить, т. е. должно было основать гавани, настроить кораблей, выучиться мореплаванию, выписать мастеров, послать путешественников в чужие края.

Не думаю я, чтоб кто-нибудь сказал еще, что нам не нужны были берега, и Петр Первый должен был оставить их за Шведами, Поляками, Турками: в таком случае вопрос о самом политическом существовании России подвергся бы сомнению, о существовании, без коего нельзя б было теперь и рассуждать о действиях Петровых.

Скажут, жила Россия без берегов почти тысячу лет? Жила, пока все соседи заняты были дóма, пока они оставались вдали от нее, и не могли еще простирать на нее своих видов. Обстоятельства переменяются, теперь и Китай недалеко от Англии.

А покорение берегов, то есть, присоединение Лифляндии, стоило Петру Великому двадцатилетней войны, которая была почти главною задачею всей его жизни, первою заботою, от осады Нарвы до Ништадского мира, и кончилась только за четыре года перед его кончиною[641]. Сколько мер и распоряжений соединено было с этою тягостною и решительною войною!

Впрочем, и эта мысль, мысль о покорении Лифляндии, досталась ему также по наследству от его предков, которые, по какому-то удивительному предчувствию (заметному часто в истории государств и наук) были особенно ей привержены: припоминаю о двадцатилетней войне Иоанна Грозного[642], который только в очаровании своего болезненного страха уступил ее Баторию; припоминаю о глубокомысленных государственных мерах и усилиях Бориса Годунова[643], и, наконец, о походе в царствование Алексея Михайловича[644]. Следовательно, Петр Великий был здесь только деятельным, счастливым совершителем предприятия, замышленного, может быть, и без дальних видов, его предками.

Для войска, для флота нужны оружие, амуниция: станут ли осуждать Петра, что он заботился об учреждении фабрик и мануфактур, вызывал мастеров и давал им жалованье, должен был поощрять торговлю?

Точно также можно найти причины и вместе примеры в прежней истории, слабые начатки прочих нововведений Петровых, кои, разумеется, могли повлечь за собою, при нем и после него, вредные следствия вместе с полезными, как и все самые превосходные человеческие предприятия, западные и восточные, северные и южные, прошедшие, настоящие и будущие.

Русский язык представляет мне в этом отношении пример самый разительный, на который я обращу внимание: не точно ль такая же революция происходила в языке, как и в государстве? Что за отвратительная масса слов иностранных! Баталии, виктории, артикулы, ранги, регламенты, ассамблеи, фискалы, комплименты, церемонии, секретари, провинции, дедикации, решпекты, привилегии, цыдулы[645] с подписью Piter! Настоящее вторжение двадесяти язык[646]! Но не было ль необходимо такое противоестественное состояние в его время, переход от чужого, церковного языка к собственному, разговорному? Могли ли бы мы без него говорить и писать этим чистым, звучным, ясным языком, коим говорим и пишем теперь? Не

из этой ли хаотической массы возникнуло и расцвело наше славное слово?

Да! Преобразования Петровы были необходимы по естественному ходу вещей в самой России, не только в соседних государствах, в Европе.

С другой стороны, западная, Европейская цивилизация, со всем ее добром и злом, достигла там до такой степени силы, что физически начала притягивать к себе Россию.

Итак, вопрос наш о преобразовании, или принятии западного элемента, получает теперь совсем иную форму, вот какую: могло ль необходимое столкновение, сближение России с Европою, произойти иначе? Не лучше ли б было при оном совсем не действовать? Признаюсь: вообразить на его месте Феодора или Иоанна[647] я не могу, не почувствовав трепета во всем составе своем о самобытности России. Или нельзя было действовать и распоряжаться лучше Петра Великого? Нельзя ли было взять в руки этот меч обоюдоострый осторожнее, ловчее, искуснее Петра Великого? Кто осмелится отвечать на такой вопрос, кто скажет: можно? Не знаю, по крайней мере, не я. Я не берусь ни за что на свете предложить другой план Полтавского сражения, другой проект Ништадскаго мира.

Даже вопрос о бритье бороды и вопрос о Немецком платье я не осмеливаюсь, за Петрово время, решить безусловно, — так же как и о скорых мерах, жестокостях, казнях, кроме немногих случаев, где были виною более всего его темперамент и обстоятельства. Петр ненавидел стрельцов — но вспомним, как он, семилетний отрок, трепетал от них в соборе во время первого бунта; вспомним, как он, в одной рубашке, должен был убежать от них в лес из Преображенского, и потом к Троице[648]; и, наконец, вспомним, как он принужден был прервать вожделенное свое путешествие и от Италии прискакать стремглав в Россию[649], где всем его предначинаниям грозила гибель неминуемая. Мудрено ли, что после таких случаев Петр приходил в трепет, услышав одно имя стрельца? Впрочем, все сии вопросы гораздо мельче, незначительнее, и относятся не столько к Государю, как к человеку, не столько к Русской Истории, как к биографии Петра Великого, который и в этом отношении представляет значительную задачу психологическую.

В заключение этого рассуждения о преобразованиях, я обращу внимание новых судей на прежние два периода преобразований,

даже более внутренних, более глубоких, действительных, и обнимавших все сословия, а не одно какое-либо в особенности, которые как будто совсем позабываются ими: я говорю о Норманнах[650], коими из Славянского мирного, патриархального семейства образовано бранное государство, и о Монголах[651], коими потрясен был весь характер народный, и изменились все гражданские отношения. Тот и другой переворот были необходимы: нельзя было уклониться от Норманнов и оставаться в патриархальном состоянии; нельзя было укрыться от Монголов и сохранить формы времен средних; точно также нельзя было не подпасть Европейскому влиянию в XVIII веке, и счастие России, что на это время посылал ей Бог Петра Великого.

Петра Великого осуждают еще за то, что он возбудил будто пристрастие к иностранному. Согласен — это пристрастие все еще господствует в России и причиняет много вреда, поражая Русские таланты обидной недоверчивостию на пути совершенствования, препятствуя их свободному развитию, касаясь самых чувствительных струн национального сердца. Согласен, что одно слово — Англичанин, Немец, Француз, кто бы то ни было, лишь бы не Русский, дает еще в нашем обществе часто право на учтивость, доверенность, уважение, и наоборот, одно слово — Русский — возбуждает недоверчивость, подозрительность; но Петра Великого не посмею я обвинять в этом пристрастии, в этом оскорблении отечества, хотя оно и ведет свое начало от его царствования; так же не посмею, как Гуттенберга[652] за дурные и вредные книги.

Петр любил иностранцев, это правда, но отнюдь не в обиду своих подданных. Он привлекал их к себе, находя между ними, и очень естественно, более людей способных и готовых для исполнения его планов; но он имел полную доверенность к Русским. Да! Без этой доверенности, которая отрасль веры, есть мать всех великих действий общественных, — без этой доверенности, говорю, мог ли б он, после Нарвы, подумать одну минуту о борьбе с Карлом XII, мог ли б он исполнить сотую долю своих предприятий? Он имел доверенность к Русским, и Русские не обманули его. Нарвские беглецы разбили непобедимых Шведов со всею их Европейскою тактикою. Петру Великому служили Крюйсы, де Кроа, Вейды[653]; но Лифляндию покорил ему Шереметев[654], поразить Шведов под Полтавою помог Меншиков[655], разбивать вражеские флотилии Голицын[656].

Сам он был Русским человеком по преимуществу, со всеми Русскими добродетелями, страстями и недостатками.

Следовательно, наше пристрастие к иностранцам есть только злоупотребление случайного отношения его к ним. Впрочем, скажу здесь несколько и в оправдание: пристрастие к иностранцам есть наследственный порок всех Славянских племен от самой глубокой древности, порок, в коем обвиняют их даже чужие писатели. Чтó наше, того нам и не надо, — вот, к прискорбию, девиз, в некоторых отношениях, Славянских Историй, который изгладится в той мере, как распространится истинное просвещение.

Петр Великий, введя образование западное, прервал, говорят, отечественное, воспрепятствовал естественному его развитию. Это образование было точно, но оно и есть. Любя с самых юных лет толкаться в народе, начинать разговоры на постоялых дворах, базарах и гуляньях, заводя знакомства в деревнях и рядах, я встречал и встречаю часто между воспитанниками Псалтыри и Часослова[657] людей высокого просвещения и образа мыслей, здравомыслящих, благородных, талантливых.

С длинными своими бородами, в долгополых кафтанах, с грубыми приемами и нестройною речью, они стоят на высокой нравственной степени и служат для меня представителями того пред-Петровскаго религиозного, духовного образования, которое я считаю вообще предназначенным собственно России. Но Петр Великий не мешал этому образованию, прививая западное только к высшим сословиям. Кроме некоторых случайных, временных обстоятельств по соприкосновению с прочими государственными делами, он работал на другом поле. Петр Великий не вырывал книг и рукописей из рук их. И они остались, приносят свои плоды. Смотря на этих людей, я вижу только, что с формами Петра Великого они сделали б гораздо более добра, принесли б более пользы отечеству и человечеству.

Петр Великий есть сокровище Русской Истории, описанное подробно, но еще не исследованное, не оцененное во всех частях своих с точностию. Много работы над ним критике, науке: рассмотреть его как Государя, как Русского, как гражданина, как отца, как супруга, как человека! Чтó делал он для своего времени, чтó делал для потомства, навек? Какие меры были общими, какие частными? В какой степени? На кого простирались его действия? Чтó было в них внутреннего? Чтó было внешнего? В каком отношении были его учреждения к прежним? Многие его, по нашему, и даже собственному его мнению, нововведе-

ния суть не что иное, как древние постановления, имеющие глубокий корень в Русской почве, только в новых формах, с новыми именами. Вот задача молодым нашим ученым юристам. Пусть они объяснят эту важную и занимательную часть Русской Истории. Тогда мы увидим, что Петр Первый был во многих случаях только великим исполнителем, довершителем, который в своей душе, в своем уме, нашел запросы, содержавшиеся в его народе и естественных отношениях его государства к прочим, — нашел, взалкал[658] и решился удовлетворить их, разумеется, по личному своему усмотрению. Тогда только, может быть, получим мы основательное право почтить одни учреждения и осудить другие, по примеру Карамзина[659], учреждения, к коим увлекся он, овладенный[660] духом преобразования, ибо этот дух, как и всякий другой, может ослепить человека, породить пристрастие и возбудить желание разрушать все и переделывать, — как дух войны гонит Суворова[661] и Наполеона на поле битвы, и услужливо доказывает им ее необходимость, — как дух системы в Философии или Истории или Политике соединяет насильственно быти, и ставит их под известным углом зрения.

Тогда вместе возвратится подобающая честь и нашей древней Истории, коею пренебрегает легкомысленное и опрометчивое невежество, не видя ее близорукими своими глазами из-за Петра Первого, полагая, в слепоте своей, что первое государство мира, в пол-экватора[662] и четверть меридиана[663], решающее судьбы Европы и всего мира, родилось в одночасье, что Петр Великий действовал случайно, что колосс[664] может держаться на песке или воздухе, что сумма может быть без слагаемых.

Заключаю: Петр Великий был Гений, которому мало подобных представляет История, если б даже иные и уравнялись с ним в том или другом достоинстве или свойстве. Правда, трудно Русскому судить о нем равнодушно и беспристрастно, sine ira et studio[665], если Немцы до сих пор еще не могут говорить хладнокровно об Александре Македонском[666], по замечанию Герена[667]. (Такую силу имеют на нас великие люди.) Правда, мы родимся и воспитываемся под его влиянием, начинаем мыслить об нем уже предубежденные, а в зрелом возрасте тотчас уже восхищаемся им, благоговеем пред ним; национальная наша гордость в лучшие пылкие годы жизни питается размышлениями об нем: нигде не было такого великого Государя, сказал еще юный Карамзин, — и мы поднимаем выше свою голову, смотрим веселее на Европейскую Историю. Беспристрастие может быть плодом только

долговременного, глубокого изучения, зрелого человеческого образования. — Все это правда; но гениальности Петра Великого отдают равную честь Русские и иностранцы, порицатели и почитатели. Действия Петровы продолжаются до сих пор и имеют влияние не только на Россию, но и на всю Европу, на весь мир; такие люди не являются без надобности, или должно отвергнуть присутствие Десницы Миродержавной[668] над делами человеческими. Мысль нелепая! Видно, нужен был он, а не кто-либо иной! Смиримся и благоговеем!

Для Данта был учреждена особая кафедра в Университетах Итальянских[669]. Я почитаю себя счастливым, что мог целый семестр посвятить в Московском Университете исследованиям о нашем Петре. Петр постóит[670] Данта! Чем больше будут о нем думать, говорить, писать, тем будет яснее становиться вся Русская История.

И не одной Русской Истории принадлежит Петр Великий. Всеобщая История имеет полное право на этого сына судеб.

Скажу здесь несколько слов и о месте, которое там принадлежит ему.

Я говорил о западном образовании и его влиянии на нас со стороны отрицательной, — я осмелился даже сравнить оное с чумою, называл злом неизбежным, — но оно имеет свою сторону положительную, свое добро неотъемлемое. Два государства были в древнем мире, Римское и Греческое; на развалинах Римского государства основались все западные государства; Греческое представляется Россиею. Западные государства приняли Христианскую веру из Рима, Россия — из Константинополя, церковь Римская и Греческая[671]. Образование западное отличается точно также от восточного: одному принадлежит исследование, другому — верование; одному — беспокойство, движение, другому — спокойствие, пребываемость[672]; одному — неудовольствие, другому — терпение; стремление вне и внутрь, сила средобежная и средостремительная[673], человек западный и восточный. Оба эти образования, отдельно взятые, односторонни, неполны, одному недостает другого.

Они должны соединиться между собою, пополниться одно другим и произвести новое полное образование западо-восточное, Европейское-Русское.

Вот здесь лице[674] Петра Великого получает для меня общеисторическое значение, как основателя соединению двух всемирных

образований, как начинателя новой эпохи в Истории человечества! Вот здесь сердце мое начинает биться сильнее при сладостной мечте, что моему отечеству суждено явить миру плоды этого вожделенного, вселенского просвещения и освятить Западную пытливость Восточною Верою.

Западное образование, принесенное Петром Великим, взяло у нас преимущество сначала над домашним национальным образованием, — и очень естественно: младшее государство в Европе, как младшее дитя в семействе, подвергается всегда влиянию старших. Но теперь мы начинаем освобождаться из-под этого насильственного ига Европейского; мы начинаем думать о собственных своих стихиях, пользоваться Европейским опытом, наукою, искусством, с рассуждением, не безусловно, откидывать ненужное для себя, неприличное, несвойственное, покушаемся выражать свою национальность в слове, в мысли, в деле, в жизни.

Император Александр, вступив в Париж[675], положил последний камень того здания, которого первый основный камень положен Петром Великим на полях Полтавских. Период Русской Истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом *Европейским.* С Императора Николая, который в одном из первых своих указов по вступлении на престол, повелел, чтоб все воспитанники, отправленные в чужие края, будущие Профессоры, были именно Русские, — с Императора Николая[676], которого Министр, в троесловной своей формуле России[677], после православия и самодержавия поставил народность, — с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие Русское принимается с благоволением, начинается новый период Русской Истории, период *национальный*, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей Истории Европы и человечества.

Я старался представить картину царствования Петра Великого, представить его значение в Русской и Всеобщей Истории, необходимость его преобразования, неосновательность одних осуждений и возможность других, — наконец, обязанность, которая лежит на Русских ученых, исследовать во всех отношениях этот примечательнейший период в Русской Истории.

В заключение я должен сказать, что наши первые писатели, достойные сыны отечества, от начала Русской Словесности до сих пор, живо чувствуя великость и высокость Петровых заслуг и подвигов, пытались выразить национальное чувство благодарности и удивления великому Государю, и воздвигнуть ему памятник, чтоб был

Металлов тверже он и выше пирамид,
чтоб не сломил его
Ни гром, ни вихорь быстротечный[678];

но завистливая судьба всякий раз исторгала из рук их лиру[679] и хартию[680]. Я говорю о Ломоносове, Карамзине и Пушкине[681].

Ломоносов начал воспевать Петра в эпической поэме[682], которую не успел кончить. Это было одно из последних и любимых его творений.

Карамзин, сказав о Петре Великом несколько слов в путешествии[683], и потом произнесши суждение о нем в своей знаменитой Записке о России[684], также не мог представить Петра Великого в том Обозрении Русской Истории, которое предполагал он сочинить[685], от вступления на престол фамилии Романовых до нашего времени, — Обозрении, в котором, разумеется, первое место принадлежало бы Петру Великому.

В последний раз мы лишились за сим трудом славного нашего Пушкина, который оставил нам только следующие драгоценные стихи, показывающие, как понимал он своего героя:

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой[686].

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначение.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник[687].

Сими словами я мог бы кончить свое рассуждение, но есть еще слова, слова заветные, сказанные другим Русским Гением, пламенным другом просвещения, нашим учителем, нашим отцом, Ломоносовым. Их приведу я в заключение:

«Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в разных художествах между многоразличными махинами; я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народа множеством, я меж стенами валов Белого, Черного, Каспийского моря и самого Океана духом обращаюсь; везде Петра Великого вижу, в поте, в пыли, в дыму, в пламени, и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, а не многие; и не краткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню Великого Государя! Я вижу в древности и в новых временах обладателей великими названных. И правда, пред другими велики; однако пред Петром малы. Иной завоевал многие государства, но свое отечество без призрения оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованного; но с обеих сторон пролил кровь своих граждан, ради одного своего честолюбия, и вместо триумфа слышал плач и рыдание своего отечества. Иной многими добродетелями украшен; но вместо чтобы воздвигнуть, не мог удержать тягости падающего государства. Иной был на земле воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земле пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся; однако человеческого достояния и наследства не имел разума. Кому ж я героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, каков тот, который всесильным мановением управляет небо, землю и море; дохнет дух его, и потекут воды; прикоснется горам, и воздымятся. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют его в человеческом виде. Итак, ежели человека Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю.

А ты, великая душа, сияющая в вечности и героев блистанием помрачающая, красуйся... Мы тобою возвышены, укреплены, просвещены, украшены... Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!»[688]

ЗА РУССКУЮ СТАРИНУ

В 25 нумере Московских Ведомостей[689] (1845 г.) помещена статья под заглавием «Бретань и ее жители»[690], статья прекрасно написанная, ясная, легкая, живая, — я прочел ее с большим удовольствием, находя в ней доказательство нового увлекательного таланта, который появляется в области Русской Словесности.

Но мое удовольствие было не без примеси: автор, воздавая хвалу западным хроникам Средних веков, рассудил почему-то бросить тень на наши, и как будто с состраданием произнес, что «Средний век не существовал для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него».

В 1830-х годах, излагая в одном из журналов того времени систему Европейской Истории Гизо[691], только что появившуюся у нас, я имел честь заметить знаменитому профессору об его односторонности и сказать, что истории Запада нельзя выразуметь вполне, не обращая внимания на другую половину Европы, на историю Востока, шедшего с ним параллельно, Востока, который представляет значительные для науки видоизменения всех западных учреждений и явлений, точно так натуралист должен исследовать все произведения, все виды, принадлежащие к одному классу, если хочет составить себе полное, основательное понятие об этом классе.

Не думал я, чтоб чрез пятнадцать лет, — когда наука ступила столько шагов вперед, после того как издано в свете столько свидетельств, доведших эту мысль до очевидной убедительности, — пришлось мне повторить тот же упрек своему соотечественнику, который, увеличив сверх меры ошибку, не может даже привесть и оправданий Гизо.

Не странно ли в самом деле, чтоб в наше время, когда одна Археографическая Комиссия издала томов двадцать древних документов[692], не говоря о частных трудах, не странно ли встретить, даже в образованном классе, людей столько запоздалых, столько отсталых, или столько ослепленных, которые, имея пред своими глазами Петрову Россию, могут смело, не запинаясь, выговаривать, что этот колосс, готовый и вооруженный, произошел из ничего, без всякого предварительного приуготовления, без Среднего века, — людей, которые не хотят даже слушать другой стороны, старающейся понять, объяснить это всемирное историческое явление, отыскать его причины, ближние и дальние, его постепенности, — людей, которые решились с не-

понятным упорством коснеть в своем непростительном неведении, и даже распространять свое мнение, — которые просто *затыкают себе уши,* зажмуривают себе глаза, восклицая с Чванкиной Княжнина:

Хоть вижу, да не верю![693]

Средний век у нас был, скажу я неизвестному автору, был, как и в Западной Европе, но только под другою формою; тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями. Это различие и составляет собственно занимательность, важность Русской Истории для мыслящего *Европейского* историка и философа. И у нас было введено Христианство, только иначе, мирно и спокойно, с крестом, а не с мечом, и мы начали молиться единому Богу, но на своем языке, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у нас образовалось духовенство, но духовное, а не мирское; и мы преклонялись пред ним, но пред его словом и убеждением, а не властью. В политическом отношении было также разделение, междоусобная война, централизация, единодержавие. У нас не было, правда, рабства, не было пролетариев, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства, зато было отеческое управление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка: одним словом, в Среднем веке было у нас то, об чем так старался Запад уже в Новом, не успел еще в Новейшем, и едва ли может успеть в Будущем. Мы явили свои добродетели и свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имели свои прекрасные моменты, мы можем указать на своих великих людей...

Но довольно! Доказывать, что Русская История имела *свой* Средний век, не значит ли доказывать, что белокурый может также называться человеком, как и черноволосый? Не значит ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бывает средина?

Неизвестный автор не может уклониться от моего обвинения, тем, что он отрицал существование на Руси только Западного Среднего века, не может, ибо об этом говорить нечего. Разве нужно сказывать, разве нужно кому-нибудь напоминать, что на Руси не было, например, Парижа или Лондона? Это знает всякий, и не будет спорить никто. У нас, разумеется, не было Парижа, но была Москва; у нас не было Товера[694], но был Кремль; у нас не было Западного Среднего века, но был Восточный, Русский, — что и хотел я доказать, *довести до сведения* автора и его читателей, а может быть, и последователей.

Петр Великий, по необходимости, вследствие естественных географических отношений России к Европе, должен был остановить народное развитие и дать ему на время другое направление. Кто из нас не воздает должной чести этому необыкновенному гению, кто не удивляется его беспримерным трудам, кто не оценяет его спасительных подвигов, кто, наконец, не благоговеет пред его любовью к отечеству?

Но прошло уже слишком сто лет, как он скончался, и полтораста, как он начал действовать, а новое время идет быстрее древнего. Период Петров оканчивается: главнейшие дела его довершены, первая задача его решена, ближайшая цель его достигнута, то есть: Северные враги наши смирены, Россия заняла почетное место в политической системе государств Европейских, приняла в свои руки Европейское оружие и привыкла обращать оное с достаточною ловкостию, может по усмотрению употреблять все Европейские средства и пособия для дальнейшего развития своей собственной, на время замиравшей, жизни во всех ее отраслях.

Занимается заря новой эры: Русские начинают припоминать себя и уразумевать требования своего времени; для избранных становится тяжким иностранное иго, умственное и ученое; они убеждаются, что, склоняясь под оным, они не могут произвесть ничего самобытного, что чужеземные семена не принимаются, не пускают корней, или производят один *пустоцвет*; они убеждаются, что для собрания собственной богатой жатвы нельзя поступать пока иначе, как *возделывать свою землю*, то есть, разрабатывать свой язык, углубляться в свою историю, изучать характер, проникать дух своего народа, во всех сокровенных тайниках его сердца, на всех горных высотах его души, одним словом, *познавать самих себя.* Они убеждаются, что настало время испытывать свои силы, — и блестящий успех вознаграждает некоторые усилия!

Время *безусловного* поклонения Западу миновалось, разве от лица людей запоздалых, которые не успели еще доучить старого курса, между тем как начался уже новый. Им можно посоветовать, чтоб они постарались догнать уходящих и стать наравне с своим веком в чувствах уважения к самобытности, и следовательно, старины.

Только таким образом, продолжу я им наставление, можем мы исполнить ожидания самой Европы, ожидания всех друзей общего блага; только таким образом можем мы исполнить свои человеческие

обязанности. Мы должны явиться на Европейской сцене, стану употреблять их любимые выражения, своеобразными *индивидуумами*[695], а не безжизненными автоматами; мы должны показать там свои лица, а не мертвенные дагерротипы[696] каких-то западных идеалов. Своим голосом должны мы произнесть наше имя, своим языком должны мы сказать наше дело, а не на чуждом жаргоне, переводя из Немецкого компендиума[697] и Французской хрестоматии[698]; наконец — посредством своих мотивов мы должны выразить наш *пафос*[699]: иначе нас не примет наша старшая братия; с презрением, или много-много с состраданием, они отвратят взоры от жалких подражателей, которые тем несчастнее, чем кажутся себе счастливее. В гармонии не допускаются отголоски, даже самые верные, не только *фальшивые,* а одни самобытные звуки.

Оставя шутки, я должен заключить это объяснение о том, как понимаю я, и некоторые друзья мои, наше время касательно науки, какими представляются нам наши обязанности, наши отношения к ученой Европе и отечеству,— заключить ответом на литературные клеветы, возведенные на нас с самых первых нумеров Москвитянина, т. е. 1841 года.

На нас разносят клевету, будто мы не уважаем Запада. Нет, мы не уступим нашим противникам в этом чувстве уважения; мы изучали Запад, по крайней мере, не менее их; мы дорого ценим услуги, оказанные им человечеству; мы свято чтим тяжелые опыты, перенесенные им для общего блага; мы питаем глубокую благодарность за спасительные указания, которые сделал он своим собратьям; мы сочувствуем всему прекрасному, высокому, чистому, где бы оно ни проявлялось на Западе и Востоке, Севере и Юге, — но мы утверждаем, что старых опытов повторять не нужно, что указаниями пользоваться должно, что не все чужое прекрасно, что время показало на Западе многие существенные недостатки, что, наконец, мы должны иметь собственный взгляд на вещи, а не смотреть по-прежнему глазами Французов, Англичан, Италианцев, Прусаков, Австрийцев, Баварцев, Венгерцев и Турок. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевету разносят на нас напрасно!

Напрасно разносят на нас еще клевету, что мы хотим воздвигнуть из могилы мертвый труп. Мертвый труп противен нам, может быть, более, нежели кому иному. Нет, душа бессмертная, которая обитала в этом трупе, привлекает наше внимание, возбуждает наше благоговение. И в каком Западном просвещенном государстве, в каком Немец-

ком Университете, давно ли изучение древности, даже Мексиканской, Эфиопской стало награждаться подобною насмешкою, называться намерением воскрешать мертвецов?

Напрасно взводят на нас клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старине.

Нет, неподвижность старины нам противна, столько же как и бессмысленное шатанье новизны. Нет, не неподвижность, а вечное начало, Русский дух, веющий нам из заветных недр этой старины, мы чтим богобоязненно и усердно молимся, чтоб он никогда не покидал Святой Руси, ибо только на этом краеугольном камне она могла стоять прежде и пройти все опасности, — поддерживается теперь и будет стоять долго, если Богу угодно ее бытие. Старина драгоценна нам, как родимая почва, которая упитана — не скажу кровию, кровию упитана Западная земля, — но слезами наших предков, перетерпевших и Варягов, и Татар, и Литву, и жестокости Иоанна Грозного, и нашествие двадесяти язык[700], и наваждение легионов духов[701] в сладкой, может быть, надежде, что отдаленные потомки вкусят от плода их трудной жизни, а мы, *несмысленные*, мы хотим только плясать на их священных могилах, радуемся всякому пустому поводу, ищем всякого предлога, даже несправедливого, забывая пример нечестивого Хама[702], пораженного на веки веков, в лице всего потомства, за свое легкомыслие.

Неизвестный автор статьи о Бретани, которая подала мне повод выразить теперь свое мнение, бросил также, может быть, нечаянно, камень в Древнюю нашу Историю, сказав с насмешкою, что «мы хоть недавно, но решительно распростились с своей неподвижной стариною, с безвыходным застоем Кошихинской эпохи[703], и, благодаря Богу и Петру Великому, пошли вперед путем обновленной жизни и многосторонней деятельности».

Благодарю за выбор представителя!

Избави нас Боже от застоя Кошихинской эпохи, но и сохраните нас, Высшая Силы, от Кошихинского прогресса, — прогресса Кошихина, который изменил своему отечеству, отрекся от своей веры, переменил свое имя, отказался от своего семейства, бросил своих детей, женился на двух женах и кончил свою несчастную жизнь от руки тех же иноплеменников, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!..

Dixi et salvavi animam[704].

ПАРАЛЛЕЛЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ С ИСТОРИЕЙ ЗАПАДНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ, ОТНОСИТЕЛЬНО НАЧАЛА

Западные Европейские Государства обязаны происхождением своим *завоеванию*, которое определило и всю последующую их Историю, даже до настоящего времени.

«Основание новых больших государств, — говорит Тьерри, один из представителей Западной Истории в наше время[705], — было преимущественно действием силы; новые общества устроились из обломков обществ древних, разрушенных насильственно; и в этом процессе воссозидания многочисленные племена лишились, не без страданий, своей свободы и даже имени, замененного именем чуждым»*.

«Сословия высшие и низшие, кои ныне наблюдают себя с недоверчивостию, или борются за образ мыслей и правления, суть ничто иное во многих странах, как племена завоевания и порабощения времен прежних. Таким образом меч завоевания возобновил лицо Европы, и, разместив ее жителей, оставил свою древнюю печать на каждом народе, составившемся из смеси многоразличных племен. Племя воинственных пришельцев сделалось классом привилегированным, перестав быть особливым племенем. Из него произошло воинское дворянство, которое, принимая в недра свои все, что было честолюбивого, буйного, бродяжного в низших сословиях, для того чтоб не перевестись, возобладало над населением трудолюбивым и мирным, в продолжение военного правительства, происшедшего от завоевания. Племя побежденное, лишенное поземельной собственности, власти и свободы, живя не оружием, но работою, обитая не в крепких замках, а в городах, образовало общество, как бы отдельное от военного союза завоевателей. Этот класс поднялся по мере того, как ослабевала феодальная организация дворянства, произошедшего от древних завоевателей, естественно или политически, — может быть потому, что сохранил в стенах своих остатки Римской гражданственности, и с этой слабою помощию начал новую цивилизацию»**.

Вот что видят Французы и Англичане в Истории своих земель, — и это очень верно.

---

* Thierry, Histoire de la conqu te de l'Angleterre par les Normands, Paris, 1830. XI.

** Там же. с. IX.

Предлагаю вкратце Историю Западных государств.

К одному племени приходит другое (к Галлам — Франки[706], к Бриттам — Норманны[707], к Испанцам — Вестготы[708], к Итальянцам — Лонгобарды[709] и проч.). Пришельцы побеждают туземцев и поселяются между ними. Предводитель делит землю между своими сподвижниками, которые (феодалы) в крепких замках становятся господами, угнетают народ, отделяют его от Государя и живут на счет племени побежденного. Возникает непримиримая ненависть между сими племенами, которая усиливается тем более, чем долее должна бывает таиться. Только в городах укрываются немногие жители, кои в течение веков, после многих тщетных усилий и жертв, мало-помалу, с величайшим трудом освобождаются от их влияния, и успевают приобрести себе независимость при помощи Королей, которым феодалы были также тяжелы. В городах образуется среднее сословие[710], а при дворе — аристократия[711], происходящая от феодалов, которые переходят туда из замков, присваивают себе все привилегии и начинают угнетать народ под другою формою. Среднее сословие после оборонительной войны предпринимает наступательную, стремясь уравниваться мало-помалу с привилегированной аристократией. Она не уступает, и борьба сих двух сословий оканчивается революцией, которой историю Наполеон выразил в четырех словах: «Галлы свергли иго Франков[712]»*.

В наше время низшие классы, вслед за средним, являются на сцену, и точно как в революции среднее сословие боролось с высшим, так теперь низшее готовится на Западе к борьбе с средним и высшим вместе. Предтечей этой борьбы уже мы видим: сен-симонисты, социалисты, коммунисты соответствуют энциклопедистам[713], представившим пролог к Французской революции. Горе, если средние сословия не образумятся там заблаговременно и не сделают уступок. Им дается теперь на решение задача такого же рода, как Нотаблям в 1789 году[714]: те не поняли своего положения и навлекли на свое отечество тучу бедствий. Не понимают, кажется, и наши знаменитые современники, судя, например, по просьбам Манчестерских фабрикантов и речам Грагама и Пиля[715], которые с таким ожесточением не хотят уступить одного часа из двенадцати, в облегчение несчастных работников, и вешают равнодушно на аптекарских весах капли их

---

* См. Лас Казаса.

пота и крови, в гордой надежде распутать Гордиев узел[716], который лишь только затягивается крепче на Западе.

Все эти происшествия, прошедшие, настоящие и будущие, имеют тесную связь между собою, составляют одну цепь и ведут свой род совершенно генеалогически[717] от завоевания, т. е. от начала Западных Государств.

Завоевание, разделение, феодализм[718], города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов, — это первая трагедия Европейской трилогии.

Единодержавие[719], аристократия, борьба среднего сословия, революция — это вторая.

Уложения, борьба низших классов... будущее в руце Божией.

Истории Западных Государств, повторю, представляют одни и те же явления только с немногими отличиями, смотря по количеству, качеству, соразмерности и прочим отношениям ингредиентов[720] начала*.

Обратимся теперь к Русской Истории и посмотрим, представляет ли она эти главные характеристические явления Западных Историй.

С первого взгляда мы примечаем, что у нас, в начале ее, нет решительно ни одного, по крайней мере, в том виде: нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...

От чего такое различие?

Западные явления, как мы видели, тесно связаны с своим началом, из которого они непосредственно проистекают: так точно и наши явления, наша История должны быть связаны с нами началом. Если следствия различны, то и начала различны.

Действительно, мы имеем положительное сказание Летописи[721], что наше Государство началось не с завоевания, а вследствие призвания. Вот источник различий! Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас происходит от призвания, беспрекословного занятия и полюбовной сделки.

---

* Древняя политическая История Европы, т. е. Греческая и Римская, представляют совершенное подобие с новыми в этом отношении. Вся История Рима от Ромула до Цезаря есть ни что иное, как борьба Патрициев с Плебеями, которые уравнялись, увы, уже под военным диктаторством Цезаря. У Греков те же отношения выразились в соперничестве Афин и Спарты, в войне Пелопонесской, пока Филипп и Александр не положили им также конца; Цезарь и Александр совершенно соответствуют Наполеону, а История Французской революции есть кровавая миниатюра всех Западных Историй. (См. мои Исторические Афоризмы. 1835.)

Призвание и завоевание были в то грубое, дикое время, положим, очень близки, сходны между собою, разделялись очень тонкою чертою, — но разделялись!

Взгляните на два зерна: они почти одинаковы; разве вооруженным глазом можно подметить их тонкое различие, — но дайте срок, дайте время этим семенам развиться, вырасти и вы увидите, что из одного возникнет дуб, а из другого — пальма, или какое-нибудь нежное, благоуханное растение, и тонкое различие зерен обнаружится разительно в цветах и плодах.

Вот два шара, употреблю другое сравнение, совершено равные. Положите их на одно место, рядом, ударьте их с одинаковою силою, — но случись одной линии, какому-нибудь легкому неприметному склонению, разделить точек, — шары понеслись в разные стороны, и чрез несколько времени вы видите их в беспредельном между собою расстоянии. Ничтожная разница в первом толчке, изменяя направление, решает их судьбу и переносит на противоположные точки.

Так и в Истории Государств: малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях.

Рассмотрим теперь политические явления, сопровождавшие наше начало, сравнительно с Западными, коих генеалогия выше объяснена.

Составные части, элементы Государства в первый период его происхождения суть: государь, народ, разделяющийся на сословия*, — высшее (дворянство), среднее (собственно так называемое, промышленное, городовое), низшее (сельское) и земля.

Будем говорить о каждом элементе порознь.

Государь сам по себе

Первый наш Князь — Рюрик[722] призван был добровольно в Новгород, Олег[723] принят в Киев без сопротивления. Тот и другой не имел, следовательно, и даже не мог иметь враждебных чувств победителя, завоевателя, какие питали Западные Государи; тот и другой не мог смотреть на свое владение, как на добычу, взятую с бою, приступом; не имел никаких внутренних врагов, ни внешних соперников, в своем, хотя и ничтожном, в сравнении с Западными королевствами, вла-

* По принятой номенклатуре, коей одобрить нельзя.

дении. Наш Государь был званым мирным гостем, желанным *защитником*, а Западный Государь был ненавистным пришельцем, главным *врагом*, от которого народ напрасно искал защиты.

И отношения его были совершенно другие, чем на Западе, — к Боярам[724], городам, народу.

К Боярам

На Западе Король[725] был *обязан* своим сподвижникам, (Герцоги, Дюки[726]), помогавшим ему покорить землю, а наш Князь не имел *никаких обязанностей* к Боярам, большею частию его родственникам, которые сопровождали его без всякой со стороны его нужды; не имели случая оказать ему никаких важных необходимых услуг, и в случае неудовольствия, могли только оставить его.

К народу

С народом у нас Князь имел дело *лицом к лицу*, как его защитник и судья, в случаях, впрочем, очень редких, за что и получал определенную дань, — вот в чем состояло его отношение, — а Западный Государь *отделен* был совершенно своими вассалами[727].

Переходим к Боярам.

Бояре сами по себе

Бояр и мужей, соответствующих западным воеводам, у нас было гораздо *меньше*, чем на Западе (в Галлии, Британии, Испании, Италии), куда пришли огромные войска-племена со множеством предводителей. Потому-то они не составили у нас особого класса, многочисленного сословия, сильного элемента, а были только передним рядом Княжеской свиты, гвардии, дружины.

Отношения Бояр к Князю

Воеводы Западные почитали себя *почти равными* Королю, который без них ничего не значил, не мог владеть государством, не мог действовать, всего менее повелевать ими, а наши находились в *полном* распоряжении Князя, — ближайшие исполнители его при-

казаний, — его родственники, слуги, наемники, без которых он мог обойтись всегда. Они зависели от Князя, а на Западе Князь зависел от них. Те делали что хотели, а наши, что приказывал им Князь.

К земле

Феодалы западные отняли у туземцев, *разделили* между собою, как добычу, землю, которую покорили под предводительством Короля, а наши не прикоснулись к земле, а получали иногда от Князя, временно, вроде жалованья, или по договору за свою службу, часть *дани*, доходов, с того или другого города, — как его наместники, прикащики или откупщики[728], которых он мог всегда сменить, без малейшего для себя вреда или неудобства.

Феодалы *рассеялись* по всему пространству покоренной земли, а наши не имели *постоянного* пребывания, и жили там, где назначал им Князь, — преимущественно при нем, участвуя в его походах военных и мирных.

К народу

Феодалы Западные, отняв землю и заставив *работать* на себя ее обитателей, с самого начала поставили себя в враждебное отношение к ним, а наши Бояре, не имея никакого дела до народа, кроме сбора дани и суда, жили в добром согласии с ними.

К Государству

Феодалы Западные основали многие владения, малые Государства, из коих отвлеченно состояло одно большое, а у нас было *одно* малое Государство. Западное Государство можно выразить такою дробью $^{10}/_{10}$, а наше десятичною[729].

Народ и земля

Земля на Западе досталась сполна *пришельцам*, а у нас осталась как прежде в общем *владении народа*, под верховною (отвлеченною) властию Князя, который о ней не думал, потому что не имел никакой нужды.

Народ на Западе, побежденный и покоренный, был обращен в *рабство*, а у нас остался *свободным* как был, потому что не был покорен. Вся перемена состояла только в дани, которую он начал платить Князю или его прикащикам, дани, естественными произведениями в коих был у него излишек и коих девать было некуда, — следовательно, не отяготительной.

Одним словом, — наш народ был посажен на легкий оброк[730], а западный осужден на тяжелую барщину[731]. Оброк и барщина сами по себе составляют теперь еще важное различие для поселянина, уже смиренного, ручного, а что сказать о тяжелом оброке и легкой барщине в первое время гражданских обществ, близких к природе и естественной свободе?

Города

Города на Западе, с остатками Римской образованности и гражданственности, сделались пребыванием людей особого звания, занятых промышленностию, а наши города были те же села с одинаковыми жителями и занятием, и названы городами потому только, что Князья избрали их местами пребывания для себя или для своих мужей и огородили. По этой причине они не могли сделаться особливым элементом Государства. Промышленность городская, ограниченная удовлетворением первых потребностей этого рода, оставалась как прежде занятием поселян.

Сословия

Победители и побежденные, покорители и покоренные дали происхождение двум классам на Западе, дворянству и рабам, — а у нас не было ни победы, ни покорения, и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами, гостями и хозяевами, не начало ни дворянства, ни рабства.

Не от кого было откупаться, не куда было скрываться, и не произошло убежищных городов, не зародилось и третьего, то есть среднего, сословия.

Все жители различались только по своим занятиям, равно доступным для всякого, а в политическом, гражданском отношении, были равны между собою и перед Князем.

Надеюсь: слушатели видят теперь ясно происхождение, последовательность, связь начальных государственных явлений на нашем Востоке и противоположность их от первого момента с Историей Запада.

Эта противоположность усилилась и утвердилась в течение последующих двухсот лет, кои служат у нас продолжением первого момента, и составляют с ним нераздельное целое, заключают одно происшествие, начало Государства, чего опять не представляет Запад.

Кловис, Вильгельм Завоеватель, Албоин и прочие покорили Галлию, Англию, Ломбардию[732] одним разом, с твердым намерением поселиться, и тотчас зачали, основали Государства, коих окружность ими уже была очерчена. Такое действие требовало больших усилий, особенного напряжения, а сохранение приобретенного в своем владении — еще более, чем и назначались, как мы видели, все их гражданские отношения, определилась вся Западная история. Так Государства родились в одночасье, а наше рождалось двести лет.

Рассмотрим теперь влияние этой долговременности на первоначальные отношения, нами выше объясненные.

Первые Князья владели у нас по одному городу, в коем жили, или, лучше сказать, остановились постоем[733], ибо не имели мысли о постоянном пребывании; они не боялись потерять ничего, тем более, что ничем не дорожили, следовательно, как сначала им не нужны были помощники для водворения, так естественно и теперь были не нужны для того, чтоб сохранять владения.

Пользуясь благоприятными обстоятельствами, они начинают ходить в походы по разным сторонам и распространять пределы своей *дани*, все еще не думая о прочном владении. Если у них недоставало собственных средств, они нанимали себе войско у бранных единоплеменников. Всего чаще целию их были богатые соседи, особенно Греция, вознаграждавшая сторицею их труды[734].

Таким образом, Князья постепенно богатели, распространяли свои владения, усиливались и утверждали еще более первоначальную самобытность — к тому времени, когда дух движения успокоился, пути все преградились, и привычка к давнишнему месту жительства взяла свою силу. Это было уже при Владимире и Ярославе[735], которые покончили очертание окружности, и положили по по-

следнему камню основания, чрез двести лет почти после первого прибытия Варягов[736].

Вот как первоначальное отличие Русского Князя от Западного Короля утвердилось окончательно.

Точно такое же действие долговременным основанием Государства произведено и на Бояр сравнительно с Западом; первые поколения их не имели большого значения, а последние, Владимировы, Ярославовы, почти никакого. Спутники Рюриковы и Олеговы, как товарищи, могли еще, может быть, предъявлять какое-нибудь право, но роды их пресеклись едва ли не в продолжение несчастных походов Святославовых[737], и Владимир[738] привел себе новых мужей, нанятых им на Севере для войны с Ярополком[739]; кончив войну, одних по выбору он оставил у себя, для службы, а других выпроводил в Грецию. Ярослав поступал одинаково.

Наши мужи по городам получали от Князя воинов, которые помогали им исправлять их должность, между тем обязаны были ставить Королю воинов, которые и составляли единственно его войско. Таким образом наши Бояре по необходимости были подчинены Князю, и Боярство в Западном смысле решительно отстранилось.

Самая дружина, вследствие беспрерывных многолетних войн, несколько раз переводилась и возобновлялась сполна, и следовательно, не могла пустить глубоких корней, усилиться на счет Князя, а находилась в совершенной от него зависимости.

Племена Славянские обкладывались одно за другим данью, на том же основании, как первые, — оставаясь свободными, владея попрежнему землею и не питая никакой ненависти к пришельцам. Пределы Государства распространялись, следовательно, исподволь, без усилий со стороны Князя, без непосредственного участия Бояр, без отягощения народа.

Число городов увеличивалось только как жилищ для княжеских наместников и сборщиков дани.

Тьерри, желая итогом изобразить состояние Франции, в эпоху основания Государства, приводит места из законов Салических[740]:

«Если свободный человек убьет Франка или варвара или человека, живущего под законом Салическим, то повинен заплатить пеню в *двести* су. Если римлянин владелец, то есть имеющий поземельную

собственность в области, где живет, будет убит, то уличенный в убийстве должен заплатить *сто* су»*.

«Кто убьет Франка или варвара на службе Короля (truste), тот должен заплатить *шестьсот* су. Если Римлянин, гость Короля, был убит, то пеня в *триста* су»**.

«Если кто, собравши войско, нападет на человека свободного, (Франка или варвара), в его доме и убьет, то будет осужден на шестьсот су. Но если простолюдин или Римлянин будет убит такою толпою, то будет выплачен только половиною этой пени»***.

«Если Римлянин наложит узы на Франка, без законной причины. То повинен заплатить тридцать су. Но если Франк свяжет Римлянина без причины, то повинен заплатить пятнадцать су»****.

«Если римлянин ограбит Франка, то повинен заплатить 72 су. Если Франк ограбит Римлянина, то повинен заплатить 30 су и проч»*****.

Вот, говорит Тьерри, каким образом закон Салический отвечает на вопрос, столь часто подвергаемый рассуждениям, о первоначальном различии гражданском между Франками и Галлами.

Развернем Русскую правду[741], писанную во время Ярославово, в эпоху окончательного основания Государства, — представит ли она такую противоположность с законом Салическим, какую противоположность мы видели в основании Русского Государства с основанием западных Государств. Где искать лучше поверки! «Аже оуебиеть муж мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо браточаду, ли братню сынови; аще ли не будет кто его мьстя, то положити за голову... аще ли будеть *Русин*[742], любо гридь, любо купец, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгои, любо *Словенин*[743], то 40 гривен положит и за нь»******.

За Русина и Словенина совершенно одна пеня! Они, следовательно, имели одинаковые права.

---

* Lex Salica. tit XLIV, § 1 и 15; apud Script. rerum francic. t. IV, p. 147. На нынешние деньги, эти пени простирались, первая до 3000 фр. а вторая до 1500 фр.

** Lex Salica. tit XLIV, § 4 и 6 (9000 фр. и 4500.

*** Ibid. tit. XLV, § 1 и 3 (9000 фр. и 4500).

**** Ibid. tit. XXXV, § 3 и 4 (450 и 225 фр.).

***** Lex salica ex MS. codice regio, a Joanne Schiltero, tit. XV; apud Scrpit. rerum francic. T. IV, p. 188. (930 и 450 фр.) Lettres sur l'histoire de France. Brux. c. 443.

****** Русские Достопамятности I, c. 28.

Как разительно этот закон Русской Правды, замеченный Карамзиным[744], противоположен с Салическим, и как ясно подтверждается им различие в начале государств Западных с Русским! В основание государства у нас была положена любовь, а на Западе — ненависть*.

К историческим, бытейским, фактическим отличиям присоединились, что очень удивительно для мыслящего наблюдателя, совершенно соответственные отличия физические и нравственные.

Физические: пространство, народочислие, населенность, почва, климат, положение, система рек.

Нравственные: народный характер, религия, образование.

Рассмотрим, как эти отличия содействовали к произведению одинаковых явлений и следствий с историческими, вышеисчисленными.

I. *Пространство.* Такая обширная страна, как Россия Ярославова, (между Балтийским морем, Польшею, Карпатскими горами, Новороссийскими степями, Волгою и дальним Севером), страна на несколько раз более Франции, Англии, Ломбардии, Ирландии не могла быть вдруг, подобно им, завоевана; пройти это пространство взад и вперед, вдоль и поперек — не достанет жизни одного поколения, а покорить, содержать в повиновении, кольми паче[745]. Так и было. Монголы после прошли ее, правда, (и то в немногих направлениях), но Монголы ходили многочисленным войском, целым почти народом, а Норманны могли набегать только артелями, с которых было довольно временной дани.

Итак, пространство предоставило невозможность быстрого завоевания, а другое следствие от этой причины было следующее: земли пустопорозжей было много, не так как на Западе, и никто не дорожил ею, ни Князь, ни Бояре, ни туземцы. Бери всякий, сколько хочешь, — на что же было отнимать, насиловать? За что враждовать? Обстоятельство весьма важное?

II. Народ туземный (Славянский) был очень *многочислен* и един по своему происхождению, чего также не представит ни одна страна того времени, Галлия, Британия, Италия, заселенные раньше, полу-

---

* В этом признаются многие из Западных писателей: сен-симонисты даже выходят из того начала, что вся общественная жизнь у них составлена на начале оппозиции, то есть вражды, следовательно, должна быть преобразована!

чившие много разнородных обитателей. Это единство сообщало ему твердость, доставляло влияние, коему невольно подчинились малочисленные пришельцы. Норманны разошлись в Славянском населении, подобно капле вина в воде, так что их стало невидно, лишь только прекратились северные выселки, и они остались одни, т. е. после Ярослава. А на Западе наоборот: там взяли преимущество пришельцы и наложили свою печать на туземцев. Там Галлы, в известных отношениях, стали Франками, а у нас Варяги — Славянами.

Надобно, впрочем, прибавить, что Славяне, восприяв в недра свои Норманнов, удержали при себе доставленные ими дары, гражданство и Христианство.

Заметим еще вот что, многочисленность внушает всегда уважение к себе: Князья, и особенно их мужи, находясь часто немногими помощниками, вдали от своих жилищ, среди многочисленных обществ, в невыгодной для себя пропорции, должны были естественно, из опасения, воздерживаться от лишних притеснений, если б даже когда и представлялся им повод или случай, — что и содействовало к поддержанию доброго согласия и приязни между пришельцами и туземцами.

III. *Заселение* не сплошное, но разделенное лесами, степями, болотами, речками, без больших дорог, при трудных сообщениях, препятствовало в IX столетии всякому потоку завоевания, и также воздерживало завоевателей. Нельзя было вдруг идти далее, не осмотревшись на месте, а это требует времени. Все походы производились по рекам, а страны, лежавшие вдали от оных в глуши, по сторонам, в заволочьях[746] оставались долго в покое, пока Князья распространились по всем городам, откуда уже могли, на досуге, ходить направо и налево.

IV. Земля *бедная*, обильная только главными естественными произведениями, удовлетворяющими первым нуждам, голоду и жажде, и то за труд с потом и кровью, земля, не доставлявшая никакой пищи роскоши, не привлекала завоевателей. Что взять было Князьям, Боярам от бедных жителей ее? Они спешили на промысел в другие богатые места, под Царьград, к берегам Черного и Каспийского морей. Уже только тогда, как пути были преграждены, ни домой на Север, ни в Грецию на Юг, и деваться было некуда, они, между тем привыкнув к земле и жителям, остались жить на неблагодарной почве. Совсем не то на Западе, где пришельцы нашли себе рай земной, в сравнении с их отчизной, из коего некуда им было желать более.

V. *Климат* суровый, холодный заставлял обитателей жить дома, около очагов, среди семейств и не заботиться о делах общественных, делах площади, куда выходили они только в крайней нужде, предоставляя все с охотою Князю и его Боярам, чем отстранялось всякое столкновение и раздоры.

VI. *Положение* равное, без гор, одинаковое, содействовало одинаковости отношений, гражданскому равенству — везде одни и те же выгоды и невыгоды. Некому и нечем было воспользоваться. Феодалу негде было бы выстроить себе замка, он не нашел бы себе неприступной горы, — да и камня нет на строение, а только сгораемый лес.

VII. *Система рек,* текущих внутри земли, странное отделение от всех морей (Белого, Балтийского, Черного и Каспийского) мешали туземцами приходить в соприкосновение с другими народами, получать новые понятия, узнавать чужие выгоды и невыгоды и судить о своих. Мы оставались дома, в мире и покое, и подчинились спокойно первому пришедшему.

Различия нравственные:

VIII. *Характер* Словенский[747]. Нет нужды входить здесь в доказательства, что одни свойства имеет северный человек, другие — южный, западный, восточный; что кровь у одного обращается быстрее, чем у другого; что каждый народ имеет свой характер, свои добродетели и свои пороки. Словене были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый. Все древние писатели утверждают это о своих Словенах, то есть западных. Наши имели и имеют эти качества еще в высшей степени. Потому они и приняли чуждых господ без всякого сопротивления, исполняли всякое требование их с готовностию, не раздражали ничем и всегда были довольны своею участию. Поляне платили дань Хозарам, пришел Аскольд — стали платить ему, пришел Олег — точно также[748]. Кому вы даете дань, спрашивает Олег Северян. Хозарам. Не давайте Хозарам, а давайте мне, — и Северяне начали давать ему.

Такая безусловная покорность, равнодушие, противоположные западной раздражительности, содействовали к сохранению доброго согласия между двумя народами*.

* Только в самых крайних случаях они стояли за себя: так Древляне убили Игоря, так Словене разделались с буйной дружиной Ярослава. Пришельцы понимали это, и не доводили до крайностей.

IX. *Религия.* Варяги язычники[749] встретились у нас с Словенами-язычниками, оставляли одни других в покое. А западные завоеватели встретились с Христианами, и начали действовать друг против друга, — новый источник ненависти, которого у нас не было.

Впоследствии Варяги приняли Христианскую веру и распространили ее между Славянами, принявшими ее также по своему характеру, без сопротивления, а на Западне наоборот. У нас пришельцы сообщили Религию туземцам, а там туземцы — пришельцам.

И вера принята у нас Восточная, во многом противоположная Западной. Те получили ее из Рима, а мы — из Константинополя. Не место входить здесь в показание отличий между обеими церквами; мы укажем только на те, кои соответствуют вышеописанным политическим отличиям: западная более стремится вне, восточная углубляется внутрь; у них пропаганда, у нас сохранение; у них движение, у нас спокойствие; у них инквизиция, у нас терпимость. Действуя вне, западная церковь вошла по необходимости в соприкосновение с светскою властию и получила на время преимущество над ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила светскую власть действовать, как ей угодно.

X. *Образование.* У западных племен, к коим пришли завоеватели, было уже образование — и гражданское, и умственное — кроме религиозного, о коем мы сейчас говорили. Каково же было им расстаться с этими сокровищами в жертву варварам! А у нас гражданского образования не было никакого, а только семейное, домашнее, до коего пришельцы не коснулись. Новое гражданское образование привито у нас к дереву свежему, дикому, а там — к старому и гнилому. Их здание выстроено на развалинах, а наше — на нови. Мы получили гражданское образование от пришельцев, а западные племена дали им.

Столько различий положено в основание Русского Государства сравнительно с Западными! Не знаешь, которые сильнее: исторические, физические или нравственные! Каковы же они вместе, действуя одно на другое, укрепляя себя взаимно, приводя к одному концу!

Эти различия развивались впоследствии и представили из Русской Истории, при общем (родовом) ее подобии, при единстве цели, совершенную противоположность с Историей Западных государств, что касается до ее путей, средств, обстоятельств, форм

происшествий, — противоположность, которую представляет наша жизнь и теперь, несмотря на все усилия, преобразования, перевороты, время...

Вот что надо иметь непременно в виду рассуждая о Русской Истории, в каком бы то ни было ее периоде, произнося приговор ее событиям, разбирая ее достоинства и недостатки, хваля и порицая действующие лица, изъявляя желания или опасения для будущего времени. Иначе мы будем впадать в детские ошибки, то есть искать таких плодов, для которых не было семян, и оставлять без внимания другие, может быть, драгоценнейшие, потому что их нет инде[750].

Предложу для ясности простое сравнение: хорошо ли б мы поступили, если б бросили рожь — нашу кормилицу, и принялись везде сеять маис[751], обольщенные рассказами об его сладости и вкусе? Мы должны б скоро умереть с голоду, потому что не наготовились бы маису на целое народонаселение, хоть бы вздумали строить везде оранжереи.

Происшествия не имеют такой очевидности и осязательности, как естественные произведения, и много времени проходит иногда, много употребляется труда, пока откроется удивленному взору внутреннее значение того или другого; но смело можно сказать, даже судя по одному, разобранному нами теперь началу, что мы должны отказаться от своего прошедшего существования, т. е. своей Истории, (что, впрочем, и делают некоторые), должны необходимо допустить нелепое заключение, что нынешняя Россия произошла из ничего, если будем прикладывать западный масштаб к Русской исторической жизни. Нет! Западу на Востоке быть нельзя, и солнце не может закатываться там, где оно восходит.

К ГРАФИНЕ Б.......ОЙ, О НАЧАВШЕЙСЯ ВОЙНЕ (1853 года, Декабря 7)

Вы хотите, чтоб я написал вам отчет о своем путешествии[752], особенно в отношении к Славянам и современным вопросам. Но с какою целию буду я писать к вам этот отчет? Если не произвело никакого действия и пропало без вести мое донесение 1842 года,* которое так великолепно и удивительно, даже для меня самого, паче чаяния, оправдалось и оправдывается последовавшими событиями, с нынешними включительно, то какую пользу может принести краткая записка? Но так и быть. Исполню ваше желание, как могу, второпях. *Признаюсь, у меня самого давно уж порывалась рука, давно уж волновалась желчь при чтении иностранных газет. Западная логика выведет хоть кого из терпения: переведем на простой Русский язык ее последние выходки*.

Примиритесь с Турками, говорит она России, вот примирительная нота, нами сообща сочиненная, примите ее, но с тем условием, чтобы вы не толковали ее статей в свою пользу, а во вред, против себя, а не для себя, под строгой ответственностью.

Или воюйте с Турками, проливайте свою кровь, истощайте свои силы, побеждайте, но с тем условием, чтоб после победы вы отказались от всех своих выгод, не только настоящих, но и прошедших, полученных вашими предками, а предоставили решение нам, и мы устроим все ваши дела, как можно полезнее для себя, а не для вас.

Каково положение предоставляется России и в мире, и в войне, и даже после победы! Не лучше ли желать нам уж поражения? Есть ли смысл не только политический, но общий человеческий в этих предложениях? Нет, господа, по Русски понимаем мы дело так, что если вы предлагаете нам мир, то мы имеем полное право толковать его в свою пользу: никто себе не лиходей, а *если воевать, так по крайней мере, не даром, а работать за себя, а не за вас, для какого-то мнимого равновесия.*

А каково рассуждают они об этом равновесии?

Франция отнимает у Турции Алжир[753]; Англия присоединяет к своей Остиндской монархии всякий год по новому царству[754]: это

---

* См. выше.

не нарушает равновесия, а Россия заняла Молдавию и Валахию, на время, по слову Русского Государя[755], (кто же смеет ему не поверить), и все государства расшатались. Франция среди мира занимает Рим и остается там несколько лет[756]: это ничего, а Россия, если даже *думает только о Константинополе, в их собственном воображении*, то все здание Европейской политики колеблется. Англия объявляет войну Китайцам[757], которые, будто бы, ее оскорбили: никто не имеет права вступаться в ее дела, но Россия должна спрашивать позволения у Европы, если поссорится с соседом. *Англия разоряет Грецию, поддерживая фальшивый иск одного беглого жида, и губит ее флот[758] — это действие законное, а Россия требует, в силу трактатов[759], безопасности миллионам христиан, — это слишком усиливает ее влияние на Востоке, в ущерб всеобщего равновесия.* Австрийская Империя погибает, — все западные державы молчат и не опасаются, что равновесие без нее нарушится, пусть она погибнет, напротив, еще Лорд Пальмерстон[760] старается увеличить ее трудные обстоятельства, а мысль, что Турция лишится какой-нибудь своей области, или Султан ослабеет в верховных правах своих, заставляет Европу трепетать даже за себя.

Грустно, грустно смотреть на Европу. Что сделалось с нею? Как могло случиться, что отступничество, ренегатство, самое постыдное из человеческих действий, даже в частной жизни, сделалось повсюду как будто à l'ordre du jour[761], без малейшего зазрения совести? По какому закону совершенствования могло случиться, что христианские народы, не краснея, становятся под ненавистным некогда знаменем Луны[762] и празднуют ее победы, даже выдуманные? Откуда такая симпатия к Магомету[763]?

А впрочем, все стараются о мире и желают добра христианам. По неволе вспомнишь об Иуде и об его лобзаниях[764].

И что сделала им Россия?

Не говоря о 1812 годе, годе спасения, от которого *вся настоящая Европа ведет свое происхождение[765] в 1848 году — кто останавливал волны революционного потока[766], грозившего поглотить все, по собственному ее сознанию, и образование, и нравственность, и свободу, и науку, и искусство? Кто, в 1850 году, не допустил Австрию и Пруссию до междоусобной войны[767], которая могла привесть на край гибели ту и другую, а вместе с ними и всю Европу?* Пред началом нынешней войны, сколько сделано было уступок,

сколько дано отсрочек, сколько принято ограничений, сколько предложено ультиматов и ультиматиссимов[768]? Не служили ль все сии согласия, увенчанные полным принятием Венской ноты[769], не служили ль осязательным доказательством желания нашего сохранить мир?

А самые требования наши[770]? Они были так умеренны, так стары, так просты, что только *упорное сопротивление принять их сообщило им значение.* И если б они были исполнены с первого раза, без дальнейшего рассуждения (как и была готова Турция, без происков Англии, судя по общим слухам), то, кажется, ни один листок не пошевелился бы на дереве в Европе, *разве несчастные Турецкие христиане вздохнули бы от глубины сердца об отсрочке спасения*, но от этих потаенных вздохов положительная Европа, разумеется, не покачнулась бы на сторону, и ни один ее вагон не выскочил бы из своих рельсов.

Кто же виноват в нарушении мира и в вызове опасности?

Но мы заняли Княжества?

Временное, условное занятие Княжеств, принадлежащих нам почти наравне с Турцией, при торжественном обещании Императора Николая, которому, повторяю, никто не смел не верить, после тридцатилетних доказательств справедливости и великодушия, не значило ровно ничего, кроме намерения иметь залог, намерения, вынужденного предыдущими обстоятельствами. Занятие должно было показать только, что мы предъявили наши требования, не шутя, и что *миссия князя Меншикова*[771] *имела право на внимание со стороны Турции, не менее миссии Графа Лейнингена*[772].

Все это так ясно, искренно, естественно, осязательно, что, казалось, не имеет нужды ни в каких дальнейших пояснениях и доказательствах, *но слепая ненависть и злоба ничего* не понимают и *понимать не хотят.* [«Только, и в этом все»] Они видяще не видят, и слышаще не разумеют.

Какая же причина этой ненависти?

Здесь я должен войти в некоторые подробности.

Есть две Европы. Европа газет и журналов и Европа настоящая. В некоторых отношениях они даже не похожи одна на другую. В настоящей Европе большинство думает о своих делах, о процентах и об акциях, о нуждах и удовольствиях и не заботится ни о войне, ни о мире, ни о Турции, разве в отношении к своим непосредственным

выгодам. Остальное народонаселение, с журналами и газетами, можно разделить на три категории.

Одни ненавидят Россию, потому что не имеют об ней ни малейшего понятия, руководствуясь сочинением какого-нибудь Кюстина[773] и двух-трех наших выходцев, которые знают свое отечество еще хуже него. *Церковь, во имя которой мы обнажили теперь меч, называется ересью, все учреждения считаются дикими, личность — беззащитною, литература — безгласною и вся История — вчерашнею.* На месте закона они видят везде произвол. Наше молчание, глубокое, могильное, утверждает их в нелепых мнениях. Они не могут понять, чтоб можно было такие капитальные обвинения оставлять без возражения, и потому считают их положительными и истинными. Чему может она сочувствовать? *Вот вред, происшедший от нашего пренебрежения общим мнением. Мы имели бы многих на своей стороне, если бы старались не только быть, но и казаться правыми.* [«Величественное молчание на общий лай приличнее сильной державе, чем журнальная перебранка»].

Другие ненавидят Россию, считая ее главным препятствием общему прогрессу, быв уверены, что, без России конституционные попытки в Германии[774] и повсюду удались бы гораздо полнее; они думают, что и впредь на этом пути прежде всего встретится им Россия. [«Так»]. Следовательно, всякое увеличение Русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развития, для просвещения, и потому непременно, во чтобы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо. Это взгляд, так называемой левой стороны, которую следует вразумлять, что нам до нее дела нет, хоть на головах ходи, лишь только нас не тронь, пока сама не попросит нашего участия.

К третьей категории принадлежат различные выходцы, изгнанники, политические бобыли[775] и пролетарии, которым терять нечего, радикалы, которые имеют целию только в мутной воде рыбу ловить. Они желают войны, какой бы то ни было, надеясь вызвать ею новые происшествия, новые столкновения, полезные для осуществления их замыслов, частных и общих. Между ними Поляки и Венгерцы удовлетворяют войною вместе и чувству личной мести. *С этой категорией всякое объяснение бесполезно: она поймет только грозу и силу.*

Наконец, действует против нас инстинкт зла, которое, естественно, ненавидит добро, и как будто слышит себе грозу с Вос-

тока. Эта злоба безотчетная имеет для нас даже нечто утешительное, заставляя предполагать в себе большой капитал добра, для нас самих, быть может, сокровенный.

Вот вам мнение о народах и массах. Литература играет в Европе жалкую роль: или невежество или пристрастие внушает ее речи, преимущественно в продажных газетах и журналах, служащих отголосками партий или потакающих толпе из корыстных видов.

Правительства почти все против нас: одни из зависти, другие из страха, из личных побуждений. Даже Австрия, недавно спасенная нами от конечной гибели, объявляет себя только что нейтральною[776], и во многих случаях, особенно судя по последним известиям, действует заодно с морскими державами.

Здесь я должен объяснить одно недоразумение, которое может встретиться при чтении моих прежних донесений: я говорил, что Австрия менее Турции имеет внутренней силы и залогов своей долговечности, а Австрия избавилась так блистательно от всех своих опасностей 1848 года, и играет теперь такую важную роль в системе Европейских Государств. Нет ли здесь противоречия моим положениям? Нет, противоречия никакого нет, потому, что Австрия погибла бы безвозвратно, распавшись на составные свои части, если бы не спасла ее Россия.

Россия спасла Австрию в 1850 году, и спасает ее всякую минуту теперь: отнимите у Венгерцев, Итальянцев, Славян, мысль, что в нужном случае Россия вступится опять за Австрию, — и вы увидите, долго ли простоит она? [«Неоспоримо»]

По сим причинам можно, кажется, говорить с нею несколько тверже и не считать ее нейтралитета особенным благодеянием, и если великий Император России на двадцать девятом году своего царствования осчастливит своим посещением Ольмюц[777], то тамошний юноша[778] не должен бы, кажется, предъявить ему выгоды своей искусственной монархии, *существующей, la lettre*[779], *только по доброй воле его великодушного союзника*, а предать ему себя и ее в полное распоряжение. [«В некоторой степени так, но не совсем»]

Может быть, я несправедлив к нему, пишучи это под влиянием иностранных газет, которые приписывают ему какую-то самостоятельность, оскорбительную для Русского, преданного своему Государю. *Может быть, он исполнен сыновних чувствований к своему благодетелю, как и должен, но кроме его в Австрии есть еще пра-*

вительство, есть дипломатия, есть бюрократия, враждебные искони России, знаменитые своим предательством, (как при Екатерине, так и при Павле и при Александре[780]), которым и должно открывать иногда глаза, чтоб не забывались. [«Это так, и одним словом, каналий много»]

Я остаюсь при своем мнении, и нынешнее путешествие утвердило меня в нем окончательно: союз Австрии с Россией еще противоестественнее союза Франции с Англией. Что это за союз, укажу на маловажный пример, если одной книги, одного номера газеты или журнала нельзя переслать из России в Австрию без величайшего затруднения, как будто б они были пропитаны ядом. Утвердиться России на Дунае Австрия всегда будет мешать больше, нежели даже Франция и Англия, потому что, приблизясь к Сербии, а следовательно, и к ее Воеводине, Сирмии, Военной границе[781], вообще к Славянам, [«Так и будет»] мы повесим над нею меч Дамоклесов[782]. Так из чего же будем мы хлопотать? А пожертвовать для нее Славянами, значит обрубать себе руки, увечить свое тело.

Впрочем, это все только предположения. Если вследствие предшествовавших обстоятельств, Австрия есть наша союзница, то так тому и быть. Только, conditio sine qua non[783], она должна быть союзницею верною, искреннею и безусловною, в огонь и воду, не из новых выгод и расчетов, а с готовностию принесть всякую жертву в случае нужды. [«Невозможно»]. При малейшем сомнении, подозрении или улике, (коих, вероятно, ждать не будем долго), медаль должна перевернуться, ибо Австрию выгоднее иметь нам врагом, нежели другом, выгоднее во всех отношениях, даже без промена ее на Францию, которая может перейти на нашу сторону, а с Францией и говорить нечего. [«Чепуха»] Франция за Италию отдаст нам в распоряжение не только Австрию и Турцию, но пожертвует, без сомнения, и entente cordiale с Англией[784].

Скажут: правительство во Франции непрочно и неизвестно, останется ли Бонапарт[785] или возвратятся Бурбоны[786]. По моему мнению, во Франции — Франция с Бонапартом или Бурбоном, смотря по тому, кто пораньше встал, да палку в руки взял. Мы можем внутренно, нравственно благоприятствовать более одному, нежели другому, но во внешнем образе действий подражать Англии, которая ублажает и Бонапарта, и Бурбона, и конституционную монархию, и радикальную республику. [«Вранье»] Да к тому же, у Французов внешняя по-

литика не зависит никогда от образа правления, и в последнее время Республика, в эпоху своих оргий, действовала в отношении к единству Германии и Италии[787] совершенно в духе старых преданий, как будто при Людовике XIV[788].

Но оставим возможности и обратимся к настоящему времени: кто же наши союзники в Европе? [«Никто, и нам их не надо, если уповаешь безусловно на Бога, и довольно»]

Союзники наши в Европе, и единственные, и надежные, и могущественные — Славяне, родные нам по крови, по языку, по сердцу, по истории, по вере, а их десять миллионов в Турции и двадцать миллионов в Австрии. Это количество, значительное само по себе, еще значительнее по своему качеству, в сравнении с изнеженными сынами Западной Европы: Черногорцы[789] ведь станут в ряду поголовно. Сербы[790] также, Босняки[791] от них не отстанут; одни Турецкие Славяне могут выставить двести или более тысяч войска, и какого войска! Не говорю о Военной границе, Кроатах, Далматинцах, Славонцах[792] и проч. [«Писано и думано через увеличительное стекло; уменьшено в $^{1}/_{10}$ долю, и этого довольно»] Вот естественные наши союзники! Покажите им прекрасную, святую цель освобождения от несносного, иноплеменного ига, под которым они стонут четыреста лет, умейте управить их силами, живыми, могучими, восторженными, и вы увидите, какие чудеса ими сотворятся. Да сколько прибудет сил и у Русского Самсона[793]? Или дух его не в счет уж пошел?

Приезжай-ка Государь в Москву на весну, отслужи молебен Иверской Божией Матери[794], сходи помолиться ко гробу Чудотворца Сергия[795] да кликни клич: «Православные! За гроб Христов, за Святые места, на помощь к нашим братьям, истомленным в муках и страданиях», — вся земля встанет, откуда что возьмется, и посмотрим, будет ли нам страшен тогда старый Запад с его логикой, дипломатией и изменою.

В отношении к Туркам мы находимся в самом благоприятном положении, в которое поставили нас они сами, вместе с своими знаменитыми и премудрыми союзниками, *по какому-то таинственному движению Истории, которая, видимо, хочет чего-то другого, чем люди.* Мы можем сказать: вы отказываетесь обещать нам искреннее, действительное покровительство вашим христианам, которого мы единственно требовали, уверяя вас несколько раз торжественно пред лицом всей Европы, что мы не хотим ничего больше и не ищем

никаких завоеваний; вы объявили нам войну и провозгласили уничтожение всех прежних трактатов[796] для нового определения наших отношений, так *мы требуем* теперь освобождения Славян, и пусть война, избранное вами самими средство, по собственному вашему желанию, решит наш новый спор. [«Так, вероятно, и будет»]

Скажу даже вот что: если мы теперь не сделаем этого, не освободим Славян, так или иначе, под нашим покровительством, то сделают это наши враги, Англичане и Французы, которые только того и ждут, чтобы мы оробели (о чем распространяются теперь слухи) и согласились заключить мир, то есть *уступить*, то есть отказаться от всякого влияния на Востоке, от миссии, нам предназначенной со времени основания нашего государства. Они сделают то, чему теперь мешают, потому что иначе вопроса решить нельзя, а теперешняя их роль ренегатов[797] слишком позорна, и они столько умны, что побоятся оставить ее за собою в Истории. В Сербии, Болгарии и Боснии, везде между Славянами, они действуют, и завели свои, западные партии, кои предсказал я, впрочем, за десять лет пред сим. Они развратят и освободят Славян. Каково же будет нам тогда? [«Совершенно так»]

Да! Если мы не воспользуемся теперь благоприятными обстоятельствами, если пожертвуем Славянскими интересами, если обманем их расцветшую надежду или предоставим их судьбу решениям *других держав,* тогда мы будем иметь против себя не одну Польшу, а десять (чего только враги и желают, о чем и заботятся), — и Петровы, и Екатеринины[798], высокие предположения и предначертания — простите на век! [«Так»] Имея против себя Славян, — и это будут уже самые лютые враги России, — укрепляйте Киев, и *чините Годуновскую стену в Смоленске*[799]. Россия снизойдет на степень держав второго класса ко времени Андруссовского мира[800], поруганная и осрамленная, не только в глазах современников, но и потомства, не умев исполнить своего исторического предназначения. Самая великая и торжественная минута наступила для нее, какой не бывало, может быть, с Полтавского и Бородинского дня[801]! Если не вперед, то назад — таков непреложный закон Истории.

Неужели назад? Неужели это случится в царствование Императора Николая, за его неутомимую и беспримерную, после Петровой, службу отечеству, в продолжение тридцати почти лет, от раннего утра до позднего вечера, без отпусков, болезней и промежутков? Нет, этого не будет, и Бог его и нас с ним так не накажет. С ним не пойдем мы

назад. Нет! Благородное, великодушное Русское сердце его учует, и мы все это видим, какие две страницы*, не в пример другим, предоставлены ему в отечественной Истории! Неужели променяет он их на ту, где было б сказано: Петр основал владычество России на Востоке, Екатерина утвердила, Александр распространил, а Николай предал его Западу. Нет! Этого не может быть, и этого не будет во веки веков. Аминь.

Боже, Царя храни!

---

* Под одною из этих двух страниц разумелось освобождение крестьян от крепостной зависимости.

ОПАСНОСТИ РОССИИ. О ДИВЕРСИЯХ И СОЮЗНИКАХ. ЗНАЧЕНИЕ ВОЙНЫ. СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ДУХА

(Мая 27, 1854)

Полгода минуло с тех пор, как я написал о настоящих обстоятельствах первое письмо свое[802], которому выпало на долю такое неожиданное и необыкновенное счастие. Многое произошло в течение этого времени. Я следил постоянно за всеми происшествиями, великими и малыми, и писал подробно обо всех встречающихся вопросах. Но теперь не до чтения пространных рассуждений. Постараюсь представить из моих бумаг извлечение коротко и ясно.

Враги стремятся на нас отовсюду, как будто кто их погоняет. Страшные силы их уже в походе; другие, еще страшнее, заготовляются; на всех путях становятся нам преграды и строятся ковы, со всех сторон возбуждаются новые противники и вызываются новые опасности.

Священное для нас лицо Государя подвергается публично самым поносным ругательствам и самым низким клеветам. Замыслам и угрозам против нас нет никаких границ. Нас хотят отодвинуть на полтораста лет назад. С нас хотят взыскать все издержки войны, Турецкие, Английские и Французские. Хотят растворить настежь наши ворота, чтобы всякий вор днем и ночью мог идти к нам прямо в дом, красть, что захочет, и поджигать, где угодно, а дикие разбойники наших границ могли бы всегда получать безопасно всякое пособие для своих губительных набегов. У нас хотят отнять Бессарабию, Крым, Закавказские области, Финляндию, Польшу, рассуждают, кому что отдать из нашего достояния, одним словом, об одежде нашей уже мечут жребий.

Честно или нечестно поступают с нами наши враги, благородно или неблагородно, прилично Христианским державам или неприлично, об этом толковать теперь уж нечего, равно как и о том, какую собственно имеют они цель, а довольно того, что они напирают на нас со всеми силами, решились довести нас до крайности, и готовы сами принять крайние меры, лишь бы поставить на своем. Они зашли так далеко, что начатого дела нельзя уже им оставить без успешного окончания, даже потому, что народное самолюбие сильно теперь за-

тронуто. Если мы разобьем, положим, их армии и сожжем их флоты (что все-таки и не легко и не известно), то они принуждены будут снарядить новые армии и новые флоты, во что бы то ни стало, а Людовику Наполеону[803] хоть в петлю лезть, ибо на волоске повиснет у него не только корона, но самая жизнь с толпою его нынешних клевретов[804], у которых ведь нет недостатка ни в талантах, ни в познаниях, ни в уме, ни в храбрости, ни в изобретательности. Следовательно, в самых счастливых обстоятельствах, вот какие отчаянные меры должны мы предполагать, вот какие страшные силы должны мы иметь в виду против себя, со стороны одной Франции и Англии, не говоря о тех, кои уже в действии.

Кроме Франции и Англии, самую Турцию нельзя считать совсем ничтожною. Вопрос о существовании, быть или не быть, воздвигнет последние ее силы, кои, под руководством сведущих учителей, увеличат значительно сумму наших затруднений.

Австрию в таком положении дела должны мы считать лютейшим, жесточайшим врагом России, упорнейшим противником всякого нашего успеха, если теперь она еще и не совсем открыто действует. С надеждою остаться, по крайней мере, без наказания, она готова исполнить все требования Англии и Франции с собственными дополнениями и вредить нам, сколько сможет.

За Австрией следует Германия с Дунайскими интересами, а Германии должна помогать и Пруссия, как главная ее представительница.

А там Швеция с старыми своими счетами, Финляндией и Аландскими островами[805], а там еще Персия с Хивой, Бухарой и Коканом[806], которые, если решатся, (а решиться им в нынешнем, сверхъестественном, коловратном движении дел, очень не мудрено и даже лестно, при убеждениях Франции и Англии, подкрепленных золотом), то разумеется, должны будут действовать не шутя, а также из всех сил.

Наконец, революционный, западный, Европейский дух, это стремление вперед, куда кривая ни вынесет, не может упустить такого благоприятного случая для последнего, может быть, опыта сломать, ослабить твердыню России, главной преграды на пути своем. Это стремление, имея в авангарде Поляков и Венгерцев, уже действует везде, может быть, больше всех, и не видать конца проискам.

Таким образом, по удивительному и непредвиденному ходу дел, все наши враги пришли в напряженное, почти насильственное состояние, неистовство против России, и она подвергается нашествию,

вещественному и невещественному, не двадесяти, а чуть не семидесяти двух языков, которых сочло священно предание. Я говорю нашествию невещественному, ибо не одна сила идет против нас, а дух, ум, воля, и какой дух, какой ум, какая воля! На что эти враги не решатся, чего не выдумают, в чем усомнятся, и на чем остановятся, если уже на то, как говорится, пошло? Останется ли для них что-нибудь священное?

Они грозят, следовательно, не одному Кронштадту и Севастополю: их надо ожидать везде — в церкви и спальне, на ученье и молитве, за обедом и ужином, в висок и под ложечку, по голове и в сердце, в полдень и полночь, в будни и Светлое Христово Воскресенье.

А каких друзей приготовила нам прежняя наша политика и дипломатия? Никаких. Помощи ждать нам неоткуда. Друзья нас предали и все ближние стали далеко.

Вот в каком тягостном, стесненном, чтоб не сказать опасном, положении находится Россия!

Правда — есть Русская пословица: грозен сон, да милостив Бог. Правда — есть заветное у нас слово — авось, которое производит часто чудеса в жизни Русского человека, но в таких сложных и мудреных обстоятельствах, в каких мы никогда, может быть, не бывали, пред таким великим событием, какого не встречалось еще, может быть, в Европейской Истории, у кого же достанет духа надеяться на одно слово, хоть и могущественное, и на одну пословицу, хоть и верную? Само Писание не велит всегда довольствоваться и голубиной чистотой, но требует змеиной мудрости. Нам надо смотреть во все глаза, слушать обоими ушами, надо оборачиваться по всем сторонам, искать все средства, принимать все меры, и против такой тьмы, против такой страсти, против такого напора, в настоящем и будущем, ставить крепкую преграду и нерушимую стену.

Полно России шаркать, любезничать и делать глазки. Кстати ль любезничать, если над нею подняты кулаки, и не смешно ли делать глазки, если никто ими не прельщается?

Точно также полумеры, двусмысленности, умолчания, нерешительности никуда не годятся и причиняют только вред. Все это нам не к лицу. Это политика какого-нибудь Немецкого министерства, Шварцбург-Рудольштатского или Липпе-Детмольдского[807], а не Русского Царя, прямого, честного, благородного и великодушного Николая. Россия, с правым и святым делом своим, должна говорить твердо

и ясно, а не вертеться по Австрийски, как бес перед заутреней. Великодушие, рыцарство, благородство, честь, так называемые, — должно отложить пока в сторону. Царство Христово не от мира сего. Для людей — Новый Завет, а для государств, в политике — Ветхий: око за око и зуб за зуб[808], а иначе они существовать не могут.

И сами враги наши, что весьма чудно и поразительно, помогают нам в этом отношении, как нельзя лучше. Они наводят нас своими объявлениями и угрозами именно на те действия, кои предлежат нам; они надоумливают нас на те меры, кои принимать мы должны; они подсказывают, что нам говорить нужно, и указывают тот путь, который всего надежнее приведет к цели, так что нам, на первый случай, остается употребить их собственное оружие, лишь только оборачивая оное, а именно:

Все Европейские государства не только отказываются от союза с нами, но идут войною против нас, одни безусловно, другие условно: так на что же нам кланяться, упрашивать их и держаться за полы, навязываясь к ним в дружбу? Австрия, Пруссия и Германия объявляют, например, торжественно, что будут сохранять нейтралитет, пока война не представит нам больше выгод: почему же и нам не смотреть на свои выгоды и не располагать своими действиями сообразно с ними? Они хотят поступать, смотря по обстоятельствам, следовательно, это же право, по всей справедливости принадлежит и нам. Мы становимся чрез это в такое положение, какого ни за что купить и достать было бы нельзя: у нас развязаны руки. Вот в чем состоит, до сих пор, главная выгода нашего, все-таки тягостного, в настоящую минуту и опасного, положения. По крайней мере, мы свободны поступать, как нам угодно.

Все государства Европейские враждебные, нейтральные и дружественные провозглашают торжественно, что прежние договора наши уничтожаются, и что будущие отношения должны быть определены вновь, по ходу и исходу войны. Не полное ли право имеем мы отвечать им теми же словами? С какой стати стеснять нам себя и ограничивать какими бы то ни было обязательствами, насильно оставаться в оковах, от коих они сами нас освобождают? С какой стати отказываться вперед от выгод войны, если она поведется, или кончится в нашу пользу, когда мы должны пострадать в случае несчастного окончания, как то, не обинуясь, говорят, во всеуслышание наши враги? Для чего нам твердить, спрошенным и неспрошенным, что мы

не ищем завоеваний? До войны это было так, теперь иначе. Теперь поле открыто. Чья возьмет, — говорят наши враги, — следовательно, и мы можем распространить, если случится, наши владения, или поступить по усмотрению. Признается же добрый наш друг Граф Грей[809], что Англия не имеет права останавливать своих завоеваний. Или это право хотят они предоставить только России, которая неужели примет оное с благодарностию?

Враги грозятся наложить на нас новые обязанности; мы имеем право предъявить в свое время новые требования с нашей стороны. Они хотят ослабить нас: неужели мы будем укреплять их? Они хотят отнимать у нас, а мы будем осыпать их дарами? Мы играем в карты: что же — проиграем, мы будем платить звонкою монетою, сибирским золотом и серебром, малороссийскою пшеницею, великороссийскою рожью, а выигрыш опять будем класть на алтарь Европейского порядка, столько нам благодарного, дружелюбного и доброжелательного.

Да и для чего же иначе мы воюем, проливаем кровь, терпим нужду, подвергаемся опасностям, испытываем страхи, тратим нужные силы, приносим бессчетные жертвы?

Фирманом, сенедом[810] в пользу Христиан нельзя уже быть нам довольными, как прежде, когда гораздо важнейшие преимущества, вытребованные Англией и Францией, по нашему собственному толкованию, не имеют никакого значения, как то и в самом деле оказывается. Но об этом речь впереди. Что Бог даст, то и будет. Пока, разумеется, нам лучше и достойнее молчать, как это и соблюдается.

А что нам делать с главным сильнейшим нашим врагом, общественным мнением в Европе?

Мы должны объявить, дать знать, понять теперь при первом удобном случае, так или иначе, что вследствие последних происшествий, — вследствие измены, или, чтоб сказать учтивее, вследствие вновь принятого в отношении к нам положения, прежних наших союзников, политика наша переменяется, политика, которая основывалась преимущественно на союзе с ними, и, так сказать, от него зависела. Мы увидели, что наш прежний образ действий, не принес нам никакой пользы, со стороны правительств, и только навлек одни подозрения, и возбудил против нас ненависть народов, так что мы получили в чужом пиру похмелье, — то есть, мы объявим, что оставляем Европу в покое, и не хотим более принимать никакого участия в ее делах: пусть они живут, как знают, и поступают как угодно.

Вот самая благородная форма наших новых отношений. Одно такое объявление, которое заключает, впрочем, настоящую Российскую политику, истинную правду, — ибо неужели мы, после всех этих несчастных опытов, будем хлопотать еще об том Европейском законном порядке, который на нас самих опрокинулся, грозя нам семьюдесятью миллионами Германии, кроме западных государств, — одно такое объявление, вынужденное, по всей справедливости, нашими прежними друзьями, обратит на нашу сторону, примирит с нами, половину наших фрачных врагов[811], преимущественно в Пруссии и Германии, а потом и в Венгрии, Италии, Испании, хотя сии последние для нас и не так важны.

Одно такое объявление приведет в недоумение и обезоружит главного нашего врага, общественное мнение, и произведет вскоре по всей Европе, не только в Австрии и Пруссии, новое движение, или, чтоб меньше напугать, скажу, новые отношения, — и Бог с ними, — в продолжение которых мы можем доделывать на Востоке и в Азии все, что заблагорассудится.

Наше объявление о предоставлении Европы самой себе мы можем еще усилить, освятить в глазах наших фрачных врагов и сделать страшным для врагов мундирных[812], присоединив к нему еще одно решение или хоть намерение, о котором я буду говорить после, по связи его с другими обстоятельствами, в дополнении к этому письму.

Враги наши устраивают союзы. Англичане с Французами, Австрийцы с Прусаками, Шведы с Датчанами, Турки с Персами, Коканцы с Бухарцами и Хивинцами и все между собою против нас. Одним нам с ними со всеми сладить мудрено: одному и у каши не споро. Мы должны, следовательно, подумать также, с одной стороны, о произведении диверсий, а с другой, о приискании союзников.

Какие же диверсии можем мы произвести?

В Италии господствует Австрия[813], и Италия ее за то ненавидит. Франция хочет оспаривать господство у Австрии, Италия будет ненавидеть Францию также. Спрашивается, какая польза России, чтоб в Италии господствовала Франция или Австрия? А скажи она это, скажи одно слово, хоть намекни в пользу Италии, и Италия есть ей благодарная союзница. И если в Италии будет господствовать Италия, а не Австрия и не Франция, то не будет ли это законнее и справедливее?

Точно также не мешает нам, хоть под рукою, открыть Испании виды на возвращение Гибралтара[814], Италии — на владение Мальтою[815], Греции — на присоединение Ионической республики[816]. Греция находится, по трактатам, под нашим покровительством. Франция и Англия выражают свое покровительство, как нельзя блистательнее и великодушнее, и грозятся ее уничтожить, а мы должны ободрить надеждою на распространение владений, на покорение Эпира, Фессалии, Албании и всех Греческих островов[817].

Наконец, что всего важнее, устраивать союз с Америкою, и твердить, что из всех наших настоящих врагов, с Францией можем мы помириться легче всего.

Это о диверсиях. А где же искать нам союзников? Кажется, все европейцы теперь против нас?

Болгария, Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Сирмия, Кроация, Далмация, Славония, Краина, Штирия, Каринтия, Богемия, Моравия, Буковина[818].

Как странно звучат, думаю, эти имена в ушах наших иностранных дипломатов!

Повторю дикие слова, чтоб уяснить их впечатление, и подкрепить память:

Болгария, Сербия, Босния, Герцеговина, Черногория, Сирмия, Кроация, Далмация, Славония, Краина, Штирия, Каринтия, Богемия, Моравия, Буковина.

Восемьдесят слишком миллионов — почтенное количество! Порядочный союзец! Славяне были затерты Историей, Славяне были затерты Географией, Славяне были затерты дипломатией и политикой, но наступает, видно, время, когда, по слову писания, последние должны делаться первыми[819]. К тому стремятся все события. Рассмотрите внимательно ход их, и вы увидите, что все они совершаются одно за другим, как будто послушные какому-то высшему предопределению, и следуют за перстом, им путь из облака указывающим.

Никто не хотел сначала войны, Россия всех меньше, а война началась.

Стали мы на Дунае, и стояли долго, переходить не решались; но вот толкнул, наконец, кто-то в шею, и волей-неволей перешли мы на другую сторону...

А на другой стороне, смотрите, бежит навстречу народ с хлебом и солью, крестами и святой водою. Вот ударил неслыханный четыреста

лет колокол, раздался первый благовест, вознесся первый крест над православною церковью. Что же? Вы допустите, чтоб крест был снят? Что же? Вы допустите, чтоб из колокола вырван был язык? Нет, это не может быть, и этого не будет! Следовательно, Болгария свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать? Уступите ли вы ее католической Франции, протестантской Англии, магометанской Турции или иезуитской, без веры, Австрии? Нет, это невозможно! Следовательно, первый член Славянского союза уже готов. А Болгар пять миллионов. Не спрашивайте с них по пяти или по десяти рекрут с тысячи: они сами придут к вам, пожалуй, хоть по десяти со ста. Вот вам первый вспомогательный корпус, о продовольствии которого не нужно и заботиться провиантскому департаменту[820] в Петербурге. Перевозить его также нет надобности: он на месте вырос и рад отстаивать родную землю.

А там, дальше, слышите, что восклицает к несчастным жителям Герцеговины молодой Князь Данило[821] с своими закаленными на войне Черногорцами: настала минута, когда каждый Христианин, подавленный оттоманским преобладанием, должен восстать против притеснителей, и если вы упустите эту благоприятную минуту, то вам не останется ничего, кроме вечного угрызения совести и вечного стыда.

Черногорцы, наши вернейшие слуги и друзья, которые всегда были готовы за нас, как и теперь, в огонь и в воду. Что же, можем мы оставить их в прежнем положении, можем не принять участия в их благородном и великодушном стремлении на помощь другим угнетенным братиям? Нет, не можем, и вот еще три союзницы готовы, крепкие, храбрые, могучие: Черногория, Босния, Герцеговина. Сколько войска выставить они могут? Готовьте только оружие.

А Сербия? Сербы ждут, без сомнения, как ворон крови, знака к восстанию. В 1846 году Симич[822], председатель государственного союза, ростом с Петра первого, в косую сажень между плечами, говорил мне с нетерпением: «Да скоро ли придут к нам братья?» Константинополя никому вы не отдадите, Турки удержать его не могут, так чего же вы дожидаетесь? А старый воевода Вучич[823], стреляя в цель, на вопрос мой в Топчидере[824]: «Или он боится, чтоб рука не разучилась попадать в Турок?» — отвечал: «Нет, поколочу еще собак в волю!» Князь Данило в возглашении уже сказал: «Сербы избавятся вскоре от унижения, в которое ввергли их трактатами дипломатов. Турция снима-

ет с Сербии наше покровительство». Что же, неужели мы оставим на ней Турецкое? Вот и еще союзница, да какая? Тот же Симич говорил: «Только не делайте нас губернией, рекрут возьмете вы с нас двадцать тысяч, но охотников мы поставим вам лучше восемьдесят».

Эти восемьдесят тысяч вместе с Болгарами, Босняками, Черногорцами, Греками и помогут нам выжить, если не выгнать и перебить Англичан и Французов из ныне так называемой Турции.

А пятидесятитысячный корпус Австрийцев, мудрено, чтоб вышел на Сербию сполна: вернее, что одна половина его оборотится против другой, если, впрочем, другая не предупредит ее. В первую минуту обращения Австрии против России, Елачич[825] должен был бы идти с Кроатами на Вену. Вот почему теперь он сделан вдруг графом, оставаясь до сих пор почти в немилости; (проклятый Австрийский иезуитизм чует, откуда грозит ему беда). Если графство с немецкой женою остановит его движение, то неужели не найдется более никто из Славянской семьи занять его место и отмстить поганому племени за Польского Короля, Иоанна Собиесского и Русского Царя, Николая Павловича, которые были так обесчещены за спасение Вены[826].

Но это уже война с Австрией? А разве мы с нею в союзе, дружбе, мире? Разве она помогает нам, желает добра, приносит пользу? Хороша союзница, для которой должно держать всегда камень за пазухою, и всякую минуту бояться, что она будет стрелять по нас в тыл. Мы слышали уже, что она собирается действовать против нас, по обстоятельствам. Вот эти обстоятельства заставляют и нас также поговорить с нею иначе.

Австрия есть бельмо на нашем глазу и типун[827] на нашем языке. Политики и дипломаты наши все еще представляют ее себе империей из 35 миллионов жителей, которая легко может выставить против нас пятьсот тысяч войска. Предубеждение столько же нелепое, сколько несчастное, от которого у нас, кажется, никак избавиться не хотят. Мы отказываемся, как будто, понять, что в числе этих 35 миллионов находится 20 миллионов Славян, 5 миллионов Итальянцев, 5 миллионов Венгерцев, из которых мудрено и выбирать, кто больше ненавидит Австрийцев — Итальянцы или Венгерцы, или Славяне?

Пятнадцать лет тому назад я писал, что «Австрия похожа на гроб повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одетое снаружи листьями, такое дерево, которое один порыв ветра может исторгнуть с корнем вон.» Это писал я в официальном своем отчете

1839 года, а в 1842 году, после нового путешествия, повторил: «Австрия слабеет час от часу, и едва ли больше Турции заключает в себе внутренней самостоятельности. При первой войне, где бы то ни было, она может разорваться на части.»

Еще прежде сих двух донесений, в 1838 году, писал я, что обе империи, Австрийская и Турецкая, просятся Русскому Государю в руки.

В 1848 году предсказания мои начали сбываться, и только скорая помощь России спасла Австрию от конечной гибели. После 1848 года внутренние обстоятельства ее, несмотря на видимый успех и блеск, становились хуже и хуже; ненависть к ней, вследствие жестоких мер против Венгерцев, Итальянцев и даже сохранивших ей верность Славян, усилилась, и все национальности ждут и призывают минуту освобождения. Только Россия останавливала их своею дружбой с Австрией, и боязнь, что она опять пришлет свои полки в помощь к своей вероломной союзнице, удерживала их порывы. Но если Австрия присоединится к западным державам против России, (чего пламенно желаю, ибо я убежден, что пока Австрия не против нас, до тех пор Бог еще не с нами), если охранительная десница России от нее отнимется, то погибель ее неизбежна. Посему, напрасно грозила она нам войною, если мы перейдем Дунай; напрасно грозит теперь, если перейдем Балканы, к сожалению, я думаю, что это только пустые слова: она не посмеет исполнить своих угроз, ибо первый ее выстрел в Русскую грудь будет знаком ее гибели, если только мы будем уметь им воспользоваться. Тридцать миллионов ее подданных наши союзники, а двадцать между ними, искренние и верные друзья, которые могут со временем доставить нам порядочный контингент для борьбы.

Следовательно, политики наши жестоко ошибаются в своих соображениях и страшно обсчитываются в своих выкладках, ставя против себя то, что естественно готово действовать за нас.

Я недавно был в Австрии и имел много дружеских разговоров со многими тамошними знаменитостями, а чтобы судить о верности моих заключений, пусть сравнят мои рассуждения 1842 года с происшествиями 1848 года.

Наши политики и дипломаты, «заматеревши в летах зрелых», терпеть не могут никаких нововведений, и для того союза пожелают прежде всего найти пример, образчик из Европейской Истории. Могу указать им на Рейнский союз[828], состоявший из немецких госу-

дарств и находившийся под покровительством совершенно чуждого им лица, Французского императора.

Назовите новый союз Дунайским, Славянским, Юговосточным, Европейским с столицею его в Константинополе, под председательством и покровительством, вы думаете, России? Нет не России: Россия не ищет завоеваний, воспользуюсь здесь любимым выражением наших публичных актов, Россия не питает никаких честолюбивых замыслов. Покровительство и председательство союза должно принадлежать, естественно, по всем правам, многолюднейшему племени из всех, составляющих союз. Кого же больше? Поляки! Выходите вперед на первое место: вас сколько? Десять миллионов. Ну, так посторонитесь, братцы, верно есть кого-нибудь больше. Сербы, вас сколько? Восемь миллионов. Болгаре? Пять миллионов. Русские, вас сколько? Мы не знаем еще наверное, сколько нас всего на все. Да неужели нет у вас никаких счетов? Есть метрические книги[829], но там записываются одни православные; есть ревизские сказки[830], но там записываются только податные...

Ну, скажите, по крайней мере, сколько у вас хотя ревизских душ? По последней ревизии[831] слишком пятьдесят миллионов, но к этому количеству прибывает ежегодно по полумиллиону. Пятьдесят миллионов — слышите? Кого больше? Чехи, Краинцы, Черногорцы! Все молчат, нет никого больше. Следовательно, Россия должна сделаться главою Славянского союза, не по своему желанию, не по произволу, не из честолюбия и властолюбия, а по необходимости, по естеству вещей, точно как Русский язык должен со временем сделаться общим, литературным языком для всех Славянских племен, не по принуждению Русского правительства, а по законам филологии, как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий Славянских, северных и южных, восточных и западных.

К этому союзу, по географическому положению, находясь между Славянскими землями, должны пристать необходимо: Греция, Венгрия, Молдавия, Валахия, Трансильвания.

Да почему же им не пристать, если все исчисленные государства будут управляться сами собою, conditio, sine qua non[832], без малейшего участия прочих, с покровительницею включительно, и только в общих делах относясь к Константинопольскому сейму и Русскому Императору, как к главе мира, т. е. сейма, отцу многочисленнейшего Славянского племени, т. е. Русского.

Вот неизбежный конец начавшейся войны, рано или поздно, кто б что ни говорил, кто б что ни делал. Против рожна прати не возможно[833]. Сила вещей сильнее силы людей. Как ни мудрят, ни умничают люди, а История требует своего и берет всякий день свое; она влечет слепые орудия неодолимо к исполнению высших судеб своих, и горе дерзким, которые, с умыслом или без умысла, вздумают сопротивляться определениям Божественного промысла.

Прислушиваясь к разным мнениям о настоящих обстоятельствах, присматриваясь к разным действиям, соображая разные показания, чувствуешь, что большая часть советников и судей похожи на тех, которые стали бы во время оно, рассуждать о сокращении времени переезда между Москвою и Петербургом.

Один сказал бы, что надо выровнять везде хорошенько дорогу, скопать горы, засыпать овраги и устроить мосты.

Другой предложил бы, по новому рисунку, ручные и легкие повозки.

Третий велел бы держать добрых и сносных лошадей.

Четвертый учредил бы строгий надзор за ямщиками[834].

Пятый сократил бы прогоны[835] и т. п.

Все эти советы прекрасные и дельные (а сколько бывает пустых и нелепых) и точно, приняв и исполнив оные в точности (что также очень важно), можно б было сократить время несколькими часами, даже сутками и приехать из Петербурга в Москву не в четверо суток, а в трое и даже двое.

А есть ведь средство приехать в двенадцать часов без лошадей, повозок и ямщиков: по железной дороге!

Скажу другую притчу: представим себе военное совещание в средние века, как одержать победу над неприятелем.

Один полководец указывает местоположение крепче и выгоднее.

Другой собирает как можно более войска.

Третий хочет расставить везде засады.

Четвертый заботится о кованых латах, но что значат все сии действительные впрочем меры пред порохом, ружьем и пушкой?

Что же хочу я сказать этими притчами? Не имея притязания ни на изобретение паровоза, и еще менее на выдумку пороха, тем более, что они уже выдуманы, я хочу сказать или повторить моими притчами только то, что мы живем во время великого переворота, что мало готовить армию против армии, снаряжать флот против флота и пи-

сать ноту против ноты, и что в нынешних, новых и необыкновенных обстоятельствах должны быть изыскиваемы средства и принимаемы меры также новые и необыкновенные.

Все мы, сыны девятнадцатого века, Европейцы и Русские, так погрязли в эфемерных[836] газетах и журналах, так предались «дневи и злобе его»[837], что совершенно позабыли историю и разучились слушаться ее уроков, и она восклицает ныне, кажется, громко, заимствуя глубокое слово церкви: двери, двери, премудростию вонмем[838]!

Под отвратительной поверхностию мелких расчетов, гнусных козней, постыдных страстей, безрассудных уважений, слепых случаев, подготовляется судьба великих вопросов, созревших видно для решения.

Вопрос Европейский — об уничтожении варварского Турецкого владычества в Европе, тяготевшего над нею, к стыду ее, в продолжение четырехсот лет.

Вопрос Славянский об освобождении достойнейшего, древнейшего и вместе многочисленнейшего племени человеческого, Славян, от чуждого ига и возвращении ему человеческих, гражданских и Европейских прав, о воззвании его к новой жизни и к обновлению ветхой жизни Европейской.

Вопрос Русский об увенчании, совершении Русской Истории, о заключении круга, начатого первыми ее государями, о решении борьбы с последними ее врагами, об ее чести и безопасности, об ее месте в Истории человечества.

Вопрос религиозный о церкви восточной и западной, о вознесении православия на подобающее ему место, православия, которое ослепленный запад поносил быти ересью: камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла[839]!

Вот какие всемирные задачи в производстве, а премудрая Европа грезит только о «восточном вопросе». По неволе вспомнишь слово Писания: погублю премудрость премудрых, и разум разумных уничтожу[840].

Да! Novus nascitur ordo[841]! Новый возникает порядок, новая эра наступает в истории. Две славные некогда империи разрушаются[842]. Двадцать новых государств призываются к жизни. Владычество и влияние уходит от одних народов и достается другим. Средоточия интересов переносятся на другое место. Самые интересы переменяют, может быть, свою натуру...

Счастливы призванные участвовать в великих событиях и вести их к высокой цели! Горе, стыд и срам дерзающим противиться и мешать ее достижению! Имеяй уши слышати, да слышит[843].

Мы должны благодарить Бога, что тяжесть упала у нас на крепкие плечи!

И есть кому их поддерживать и помогать! Смотрите — по всему царству какой несется дух, от Петербурга до Якутска и от Архангельска до Тифлиса! Как будто чует сердце у всякого Русского человека, что великое совершается дело, что грозное наступает время, что приходится всей Святой Руси сослужить великую службу.

И чудные совершаются дела! Солдаты и офицеры друг перед другом рвутся на смерть. Последний рядовой готов на всякие геройские подвиги. Младший прапорщик, только что вступивший в службу, есть уже Щеголев[844], и всякой мичман обещает Козарского[845].

«Не привязываются ли у вас артиллеристы к пушкам?» — спрашивают удивленные Англичане, не понимая такой сверхъестественной стойкости.

Вон идет взвод, по грудь в воде, на противоположную батарею, и весь ложится рядом под ее выстрелами. Нужды нет, командуют второму: правое плечо вперед. И второй взвод крестится, идет и валится снопами. А третий все-таки спешит вслед за вторым, крестится и идет вперед, и батарея наша под Баш-Кадыкларом[846].

А там, за шесть тысяч верст, в дикой пустыне, вдали от всякого поселения, среди варварских племен, четыреста человек с пятью пушками разбивают семнадцать тысяч варваров и отнимают у них весь обоз с Огаревым, Шкупом и Алексеевым[847].

Посмотрите, как следуют солдаты по всем трактам! Как встречают и провожают их везде обыватели, в городах и селах! Ведь это триумфальное шествие! С какою быстротою производятся рекрутские наборы! Сколько везде являются охотников! Это, говорят, на дело! Демидов[848] представляет все свое имение, двадцать миллионов рублей. Яковлев[849] — пять. Юсупов[850] снаряжает два батальона. Карамзин[851] становится сам в ряды. Долгорукий[852] спешит с фельшерным ланцетом. Свистунов[853] из статских генералов идет в военные офицеры. Блудов посылает сына[854]. Студенты во всех университетах готовы хоть поголовно. Профессора расстаются с детьми. Архиереи, священники, видишь, кажется, во всяком Пересвета или Ослаблю[855]. Уголовный преступник в Сибири готов переродиться и совершить подвиг.

О, Русский человек! Сладко чувствовать, сознавать себя Русским в такие минуты! Никогда не было ничего подобного. Я помню 1812 год[856]! Народ одушевился тогда особенно чувством мести Московского пожара и осквернения церквей неприятельскими войсками, но нынешнее его состояние несравненно выше, чище, горячее и единодушнее.

И неужели этот священный восторг обольется холодной водою? Неужели он не получит достойного направления? Неужели он не достигнет благой цели?

А Царь не сказал еще настоящего, последнего своего слова! Что же будет, если, взяв за руки четырех своих сынов[857], все в солдатских шинелях, он перекрестится перед народом, простится с женою, дочерьми, невестками и внучатами, велит детям перецеловаться между собою и воскликнет: «Братцы! пойдем! с Богом!..» Что будет тогда с Россией?.. Нет, не могу писать больше... Сердце замирает. Заключу это свое письмо словами поэта:

Иди, тебя зовут народы.
И совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир.
Иди, светла твоя дорога,
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна, ангел Бога,
С огнесверкающим челом[858].

Мая 27. 1854

О РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ НА БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ

В чем должна состоять наша политика? Если о настоящем, ближайшем времени, т. е. как поступать должно теперь, частному человеку судить иногда бывает мудрено: ибо, не зная всех обстоятельств, тайных сношений, намерений и целей, известных только вверху, легко впасть в ошибки или, по крайней мере, попасть в пересыпание из пустого в порожнее, то прошедшее, положительное, не подвержено случайностям; основанное на сущности вещей, открыто для всех, и по всем правам науки может и должно быть предметом ее беспристрастного рассуждения. Точно то же должно сказать и о будущем, поколику оно происходит от прошедшего чрез настоящее, которого, следовательно, кроме его случайностей, также обойти нельзя.

Какими же правилами должна руководствоваться Русская политика вообще?

Правилами пока Петра и Екатерины: во всех отношениях, войнах и переговорах иметь в виду пользу России, принимать пока участие только в тех Европейских делах, кои непосредственно до нее касаются, и не мешаться ни в какие прочие.

Рассмотрите все деяния Петра и Екатерины и вы увидите, что они принимали участие в соседних делах только по отношению их к России, шагу не ступали ненужного для России.

Петр воевал со Швецией[859], чтоб иметь место на Балтийском море: договоры и союзы его с Данией устремлены были для этой же цели.

Средоточием действий Екатерины было намерение возвратить от Польши ее старые завоевания, для чего и вступала она в союз по временам с Австрией и Пруссией.

Начав, впрочем, поневоле, войну с Турцией[860], она воспользовалась случаем распространить свои владения и т. д.

О потребностях, правах и обязанностях, желаниях и отвращениях другого народа судить всегда бывает мудрено, когда и свой для многих часто остается загадкою; недостает времени для настоящей заботы и о собственном своем государстве — где же тут думать о чужих! Мешаться в чужие дела, по своему усмотрению, редко допустить можно. Притом такое вмешательство подвергается всегда многим ограничениям, условиям, исключениям весьма неблаговидным. Франция с 1789 года[861] переменила девяносто девять конституций и образов правления, мы не мешались в ее перемены, да и

никто! От того, что она сильна и не оставит без наказания никакого вмешательства! Испании также мы не трогаем, а в несчастную Италию готовы были двинуться войска, когда она начинала шевелиться против несносного владычества Австрийского! Мы хотим, чтоб она страдала, стеснялась во всех своих движениях, пребывала в невежестве и нищете, владея благословеннейшею частию Европы. Где же тут справедливость?

Противоположные правила наказывались и наказываются в наше время самым жестоким образом.

Павел[862], в пылу своего великодушия, вознамерился сделаться опекуном Европы, и Австрийцы, предав победоносное войско Суворова[863], доказали ему свою благодарность и вместе мечтательность его политики.

С такою же наградою старался Александр помогать Пруссии и Австрии, кои все-таки принуждены были идти на него с Наполеоном.

В 1813 и 1814 годах Россия спасла всю Европу, а в награду, по непостижимой слепоте наших дипломатов, получила себе только болезнь — Польшу; другую болезнь привила себе по доброй воле: это священный союз[864], который в наше время получил такую космическую развязку. Политика великодушия и бескорыстия, избранная И. Александром, и заботы об Европейском порядке, благодетельные и спасительные, может быть, для Европы явили свой горький плод для России в настоящей войне Турецкой, как то объяснил я в пятом письме своем[865]. Австрия, знаменитый член священного союза, позабыв об нем, точно как и о недавнем своем спасении, перешла торжественно на сторону Запада и повредила России больше всех. А если б вместо Австрии Россия в 1814 году заключила договор, устроила связь с побежденным Наполеоном или хоть с стесненною Франциею? Но что прошло, того не воротишь!

Мы находимся теперь в самом затруднительном положении, и не можем уже пока думать ни о каких распространениях! Дай Бог только оборониться от врагов! Решение дела принадлежит оружию более, чем политике, хоть и политика могла б еще сделать многое, только, разумеется, не в Вене.

Почему бы не послать торжественное посольство в Америку, с каким-нибудь громким именем, Князем или Графом, засвидетельствовать Штатам благодарность России за то доброжелательное участие, какое они ей показали в настоящей войне?

Если нет возможности заключить России со Штатами такой союз, какой заключила Франция с Англией, то один обмен учтивостей заставил бы задуматься западные государства. Посол, разумеется, умный, мог бы собрать сведения о кораблестроении, а можно бы, кажется, и заказать, хоть бы с лишечками, кораблик-другой! Учреждение прямого торгового сообщения России с Америкой также не очень вкусно показалось бы Англичанам. Экспедиции в Индию, хоть только на бумаге, в статьях, письмах, проектах, можно причислить к побудительным средствам честного мира. В нашем стесненном положении нельзя пренебрегать и подобными средствами.

А может все и переменится в одну минуту. Таковы судьбы войны. Была, например, кажется, возможность в Мае месяце разбить три Турецких корпуса, стоявшие порознь, Омер-Пашу[866] в Варне, Мустафу[867] в Силистрии, Измаила[868] в Калафате, поднять Болгарию и Сербию и порешить все дела до прибытия западных союзников. Так и теперь, разбей Меншиков высадку, размечи буря Черноморскую неприятельскую эскадру, подбери наш флот поврежденные корабли, плени Горчаков[869] Омер-Пашу, сожги Нахимов[870] остальные корабли в гаванях, поднимись все Славянское народонаселение, не откроется ли тогда возможность пугнуть и Константинополь, занять Дарданеллы?

Тогда, тогда мы потребуем от западных держав тех гарантий, кои они требуют теперь у нас. Мы скажем им: вы требовали у нас залогов, что б мы не нападали на Турцию; дайте нам залоги, что вы теперь вперед не будете нападать на нас. Дайте нам Дарданеллы и Зунд[871]!

Вот, на будущее время, цели нынешней нашей политики, указанные нам теперь самими врагами, цели, коим посвящается это мое письмо.

Зунд! Это не так странно и невозможно, как с первого взгляда кажется, хоть мы и отвыкли, под ферулою[872] немецкой политики, от всех смелых идей, Петровских и Екатерининских, в личине дешевого и безопасного великодушия.

Зунда можем мы желать, искать и надеяться даже без случайностей нынешней войны, даже не как награду победы и условие мира. Зунд можем мы получить даже и не так, как Англичане получили Гибралтар[873], хоть и для того всегда мы имеем все средства.

Думали же Шведские, Польские короли о Северной монархии за двести лет до нашего времени, были близки к ней, имея в пятьдесят раз менее силы, чем теперь Россия.*

Но замыслам Польши и Швеции прошло двести лет, теперь обстоятельства переменились и ничего подобного произойти не может.

Не может при посредственностях и ограниченностях, при этих мелких торгашах и продажных душонках, которыми полны кабинеты Европейские. А явись ныне какой-нибудь Наполеон хоть герцогом Мекленбургским[874], и он будет завтра Императором Немецким, и угрозит Франции, и возвысит голос пред Россией, и ударит Англию, и заставит слушаться Италию, Испанию, Голландию — и всю Европу!

Прошло двести лет — новое время должно дать только новую форму старой идеи, а форму эту и должна найти высшая политика.

Английский флот сжег Копенгаген[875], Английский флот хозяйничает теперь в Датских гаванях, располагается зимовать, и в нужном случае никак не отказывается повторить благодетельные явления 1806 года, — что же? Неужели Дания с удовольствием угощает у себя незваных гостей?

Угрозы Английские и Французские Швеции неужели производят в ней приятнейшее ощущение, чем в Дании?

А Пруссия, открытая со всеми берегами своими нападениям союзного флота и не имеющая никаких средств отразить высадку, вероятно, смотрит на плавание сотни кораблей по Балтийскому морю не совсем с спокойным сердцем, и Прусский цольферейн[876] не питает никаких нежных чувств к Английской промышленности, к Манчестеру и Бирмингему; гораздо более к выгодному транзиту.

Итак, весь амфитеатр Балтийского моря разделяет почти одинакие чувства, каждое государство по своим собственным причинам: соедините эти чувства, вот дело высшей политики, соедините все их силы, устройте Северный союз, как Екатерина устраивала вооруженный неутралитет[877]. Выгода такого союза для каждого из названных государств, стоящих теперь между двух огней, очевидна. Под защитою и покровительством России, принесущей им все свои силы, они могут спокойно жить и делать свои делания. Естественного первенства России в Балтийском или Северном союзе никто из них оспорить не может, и если против одного Русского флота теперь с тру-

* Смотри мои Историко-критические отрывки, 1846 г.

дом могут предпринимать что-нибудь Французы и Англичане вместе, то что же они могут сделать, если все Балтийские силы соединятся, Шведские, Датские, Русские и Прусские, займут Зунд и Бельты[878], и если во всякой гавани будет для гостей приготовлена не нынешняя почетная встреча.

Дайте гарантии Швеции, Дании, Пруссии, представьте им торговые преимущества, — употребите, если понадобятся, в благоприятное время угрозы, — как поступал Наполеон, заставьте их понять свои выгоды, если на кого из них найдет затмение, — и тогда посмотрим, что могут сделать с нами западные союзники.

Россия в этом Северном или Балтийском союзе должна занимать по естеству вещей первое место.

Вот вам одна форма северных отношений, соответствующая выгодам всех государств, а вот и другая:

Русский Государь есть законный Наследник, есть единственный старший представитель династии Датской и Шведской изгнанной, уступившей свое место Французскому маршалу Бернадоту[879].

Почему же, в нужном случае, нашему Голштинскому Герцогу[880] не предъявить свои династические права и не предоставить, например, республиканское управление Дании и Швеции, оставляя себе одно Королевское титло? Неужели Дания и Швеция не рады будут получить себе даром в услужение все силы России для своей безопасности, воспользоваться ее могуществом для своих действий по всем морям, не тратить ничего на содержание своих дворов и управляться по собственному усмотрению?

Что они потеряют при таком распорядке и сколько выиграют?

Пруссия должна будет тогда и по неволе присоединиться к России, как в первом проекте к Северному союзу.

Дарданеллы и Зунд! Враги наши своими требованиями указывают теперь сами на эти необходимые для нас гарантии, в случае нашего успеха, а умнейшие из них почуяли еще прежде нашего необходимость этих двух точек для России. Прежде нежели кто-нибудь осмелился думать у нас о Дарданеллах, еще менее о Зунде, Тьер в своей Истории Консульства и Империи[881] сказал, что Европа простись с своею свободою, если когда-нибудь Россия получит в свою власти эти два пролива.

Он ошибается. Напрасно боится Тьер. Сын Запада, он не может представить себе иначе крепости, как точкою нападения. Для Русско-

го они нужны только как точки обороны. Западные писатели судят по себе о восточных делах. На Западе все учреждения, как заметил сам Лямене[882], основаны на предполагаемой оппозиции. Наш Восток они считают таким же Западом, какой составляют сами. Вот капитальная ошибка, с которою смешиваются все понятия, и которую мои соотечественники, особенно политики и дипломаты, разделяют от души с своими братьями Запада. Запад есть Запад, и Восток есть Восток, Запад не может быть Востоком, как Восток не может быть Западом. Россия есть государство распространяющееся, а не завоевательное, чего не понимают ни враги наши, ни друзья, ни мы сами, вменяя это себе даже в стыд, — так велико наше невежество историческое и политическое!

Вот вам объяснение, почему большая часть войн Русских, если не все, начинались с обороны, а не с наступления, и Русский мужик, который, провожаемый женою и детьми, с воем и плачем вступает в рекрутское присутствие, хоть на другой день с забритым лбом делается лучшим солдатом в мире, есть верный представитель Русского государства.

Следовательно, Европа не должна бояться Русских завоеваний, имея, впрочем, всегда для них отпор, вопреки боязливому Тьеру. Франция, Испания, Италия. Англия, Голландия и Юго-Западная Германия на одной стороне, а на другой Россия с силами Балтийского союза на севере, т. е. Швециею, Даниею и Пруссиею или Северною Германиею и с силами Дунайского союза на Юге, т. е. со Славянскими государствами Венгрией, Молдавией, Валахией и Грецией (смотри письмо 7[883]), вот настоящее равновесие, вот Запад и Восток лицом к лицу, с соразмерным разделением силы, но зачем, повторяю, предполагать брань? Не пора ли жить в мире Востоку и Западу, Северу и Югу? Не пора ли человечеству думать о мире, а не о войне, и потреблять, собирать свои силы, не для того, чтоб грозить друг другу, а содействовать для общего преспеяния[884], для достижения цели, предназначенной ему Всеблагим Творцом.

Стыд и срам, что прожив семь тысяч лет[885], достигнув по всем отраслям знаний такой степени совершенства, оно не умеет еще только управиться с собою!

Россия, в том положении, которое мы сейчас представили, должна быть главным орудием такого мира. Совершенно покойная, одним своим словом, мнением или советом, духовно, а не вещественно, она

будет значить тогда в системе даже Западной Европейской политики гораздо более, нежели теперь стотысячными своими армиями, поддерживая слабого, защищая правого, помогая бедному, покровительствуя обиженному, внимая тому призванию, которое определил ей Бог, как почуял поэт, в одну из лучших минут своего вдохновения:

Тебе Он дал свое призванье
Тебе Он славный дал удел
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел:
Хранить племен святое братство,
Любви живительный сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд... .
О! Вспомни свой удел высокий!
Былое в сердце воскреси;
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему: и все народы
Обняв любовию своей:
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный,
Прозрачный Вышнего покров[886].

Все это так, скажут мне в ответ. Ваша поэзия, природа ваших свойств, ваша история, ваша естественная политика не позволяют нам бояться нападения с вашей стороны, однако же Елизавета принимала решительное участие в семилетней войне, Павел присылал войско завоевать Италию для Австрии, Александр управлял всеми действиями Европы по своему усмотрению и удерживал ее движение, Николай уничтожил Венгрию, не позволил Австрии биться с Пруссией, удержал Голштинию за Даниею...

Это были наши ошибки.

Но кто же поручится, скажут в продолжение возражений, чтоб иной Государь, владея Зундом и Дарданеллами, без ведома вашего, не справясь с Историей, вопреки народному характеру, не решится в

одно прекрасное утро на какую-нибудь ошибку еще покрепче предыдущих, которая может быть пагубною для того или другого Европейского государства или для всех вообще? Можем ли мы допустить это, и в чем состоят наши гарантии?

На этот вопрос я ничего сказать не могу, разве только то, что об таких Европейских гарантиях, в настоящем смысле этого слова, может и даже должна заботиться высшая политика, благородная, человеколюбивая, справедливая политика настоящего прогресса. Такие гарантии могут быть предметом общих совещаний всех государств даже в мирное время, не обнажая меча, совещаний на законах права, науки и взаимных их отношений, естественных и исторических, Совет Европейских Амфиктионов, о которых был намек в моих Исторических афоризмах (1836)[887]. Эти гарантии не будут, разумеется, иметь ничего общаго ни с разрушенным Севастополем, ни с простреленным Кронштадтом, о чем так хлопочут теперь враги. Условия, в коих нет человеческого смысла, скажу кстати, и о коих могли разговаривать только такие министерства, как нынешние: ибо, с одной стороны, потребуя Севастополя для обеспечения Турции, вы с одинаковым правом можете требовать Свеаборга[888] для обеспечения Швеции, Динабурга[889] для обеспечения Пруссии и Бреста[890] для обеспечения Австрии, когда же кому деланы были подобные требования? А с другой стороны, если бы Россия уступила теперь, предполагаю невозможное, ту или другую крепость, то кто же остановит ее впредь к нападениям и завоеваниям в других странах, если когда-нибудь ей то заблагорассудится? С 70 миллионами жителей трудно ли ей всегда идти на Швецию, имеющую три миллиона, Пруссию, имеющую 15, Австрию, имеющую 35, из коих 20 составляют самое преданное России население? Кто же остановит Россию кроме собственных дипломатов, если род их не переведется? Следовательно, дерзость предположений равняется только их нелепости.

А других предположений, для себя нужных, западные министры найти не умеют. Они не могут возвыситься над мелкими материальными, завтрашними выгодами и довольствуются старыми положительными апофегмами[891], не замечая их негодности: не должно допускать это государство до такого-то усиления, такой-то союз страшен, надо его разделить, а здесь надо устроить entente cordiale[892], там посеять раздор и возбудить соперничество! Несчастные игроки играют в еролаш[893] по копейке и бьются из всех своих сил, чтоб обыграть

друг друга рубля на два с полтиной! У них ли будете вы спрашивать благородства, человеколюбия, внимания к высшим потребностям человечества? Для высокого полета нужны не восковые крылья, как у этих бедных Икаров[894]!

Западные политики отжили свой век, и наука поет уже им вечную память, а Евангелие напоминает: Вина нового не вливают в мехи старые[895]!

Но возвратимся к Русской политике, как мы определили ее выше, касательно Европейских отношений.

Оставляя в покое Европу, в ожидании благоприятных обстоятельств, мы должны обратить все свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя, собственно, она предназначена нам по преимуществу, Азию, куда хотят, также по какому-то чутью, хоть и не с добрым намерением, отбросить нас наши враги! Что сделали бы Англичане из наших местных и прочих отношений к Азии! Чего нам искать в Европе со стороны вещественных выгод? Мне приходит на память совет старого Добрыни[896], дяди Владимирова и брата Малуши ключницы Ольгиной. Увидев одно из побежденных им племен в сапогах, он сказал своему племяннику: нет, эти не будут платить нам дани, пойдем лучше искать дальше лапотников. Этот совет, известный нам из древней летописи, может, вместе с некоторыми другими, приложен быть и к нынешней политике. Европейцы ходят не только в сапогах, но даже лакированных, и от них поживиться нам нечем, да и не для чего, не на что!

Пусть живут себе Европейские народы как знают, и распоряжаются в своих землях, как угодно, а нам предлежит еще половина Азии, Китай, Япония, Тибет, Бухара, Хива, Кокан, Персия, если мы хотим, а может быть, и должны распространить свои владения для разнесения по Азии Европейскаго элемента, да возвысится Иафет[897] над своими братьями.

Старые наши Цари, по своим обстоятельствам, имея слишком много дела дома, около себя, не могли простирать своих видов на какие-нибудь отдаленные владения Азии, не могли искать там союзов и делать непосредственного участия в их делах, но они принимали с готовностью всякий их вызов и поддерживали все сношения, сколько позволяли им обстоятельства. С другой стороны, примечательно, что Азиатские страны, даже самые отдаленные, искони обращались к Москве с выражением своего усердия и готовности. С XV столетия, с

основанием Русского государства, в настоящем смысле этого слова, являются в Москве посольства из множайших стран Азиатских, даже самых дальних. Назовем для примера Персидское (около 1475)[898], Чагатайское (1489)[899], Грузинское (1492)[900], Шамаханское (1499)[901]. Бабур[902], основатель Империи Великих Моголов, присылал посольство 1533 г. к Царю Василию Ивановичу; Цари Хивинский и Бухарский — к Грозному, по покорении под его власть Астрахани около 1555[903], и пр. Не стану напоминать о Кавказских многократных сношениях этого рода. А Петр? Петр думал и об Индии, и о Китае, и о Персии, и об острове Мадагаскаре. Недавно еще найден его указ брать мальчиков для обучения Японскому языку[904]!

Проложите дороги в Азию или отыщите старые, устройте сообщения, хоть по следам, указанным Александром Македонским и Наполеоном, заведите караваны, опояшьте железными дорогами Азиатскую Россию, пошлите пароходы по всем рекам и озерам, соедините ее с Европейскою (ибо владея железными рудниками по всему пространству, имея свободные руки, не может же быть, что они обошлись нам дороже выписываемых из Англии и Бельгии), повезите Европейские товары, хотя транзитом, в Азию, привезите Азиатские товары для себя и для Европейцев, из самых богатейших стран, как Китай и Япония, и вы умножите довольство и обилие по всему земному шару.

Азия, Европа, влияние на весь мир! Какая великолепная будущность для России! А что здесь невозможного?

Странное дело! Ни как, ни когда, не могу я остановиться на этих мыслях о силе, могуществе, богатстве, славе. Какие бы блестящие картины ни представляло мне воображение, не могу я долго любоваться ими, и тотчас опускается пред глазами моими завеса, их скрывающая. Начну я за здравие, и сведу всегда как будто за упокой, отвлекая свой мысленный взор от дальнего горизонта к настоящей минуте!

Не сила, не могущество, не слава, не Европа, не Азия, не золото и серебро, не камни самоцветные нам нужны, дороги и важны! Нужны, дороги и важны сами мы себе, наше развитие, наше усовершенствование в страхе Божием, на поприще нравственности, наук, искусств, управления, общежития, возделание тех десяти талантов, коими в таком обилии наделил нас Бог, и с коих потребуется лихва. Мы не только не печемся об них, не только зарываем их, но расточаем, умышленно губим и уничтожаем, святые дары считаем опасными, все под влиянием внешней политики, о чем я представляю свои мысли

в следующем, последнем письме, чтоб разделаться, наконец, с этим несчастным вопросом, который совершенно случайно отвлек меня от моей Истории, воспламенил мое воображение, а потом целый год давил по ночам, как домовой, и мерещился в глазах беспрестанно по дням, как противное привидение, так что я начал уже бояться, чтоб не сойти с ума.

О ВЛИЯНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НАШЕЙ НА ВНУТРЕННЮЮ

Ни миллионы войска, которые в продолжение сорока лет собирались на службу не России, а мнимому Европейскому порядку и Европейской политике, ни миллиарды денег, употребленных на их содержание, ни потеря лучших вещественных и духовных сил, вынимавшихся насильно из внутреннего кругообращения не причиняли нам столько вреда, как нравственное влияние внешней нашей политики на внутреннюю, и управление России по западным явлениям.

Внимание наше обращалось исключительно на Запад и все делалось, или лучше, переделывалось у нас по его образцу, все измерялось его мерою, все обсуждалось по его кодексу, все ценилось по его таксе, все зависело от Европейских воззрений, все подчинялось Европейским отношениям.

Нечего говорить, что последний бродяга Европейский, не только министр, журналист, значил у нас больше всякого высшего ума отечественного, и с мнением его не смел входить в состязание самый отличный Русский талант. Как принят был Кюстин, возблагодаривший достойно за оказанные ему почести[905]? Русские ордена, розданные Австрийским доброжелателям, обратились в пословицу в Австрии и Германии. Прусских вахмистров[906], приезжавших в Петербург с каким-то поздравлением, угощали чуть не за гофмаршальским[907] столом. Недавно Гизо[908] написал, говорят, какое-то письмо к Княгине Ливен[909], которое произвело большое впечатление! Даже во время войны всякое иностранное мнение важнее для нас домашнего, и пред пустозвонными словами иностранца мы готовы всегда преклонять главу, а своих слушать не хотим, самых дельных, самых верных и благонамеренных!

Влияние внешней политики на внутреннюю, на управление, было непосредственное и посредственное, прямое и косвенное.

Непосредственное и прямое: для сохранения в Европе законного, так называемого, порядка, для устранения противной партии, для поддержания наших предначертаний, мы должны были держать всегда наготове миллион войска.

Миллион войска делал необходимым беспрестанные рекрутские наборы, коими истощалось настоящее народонаселение, замедлялось естественное размножение, и самые лучшие, крепкие силы обраща-

лись на бесплодное дело. Сколько народа народилось бы в России в продолжение сорока лет, если бы хоть половина рекрутов[910] осталась среди своих семейств.

Умалчиваем о домашнем расстройстве и порче нравственности в разлученных супругах, об уменьшении общего благосостояния.

Содержание миллиона войска поглощало половину государственных доходов, коих потому не могло доставать на удовлетворение самых крайних нужд, например:

1. На умножение жалованья чиновникам, из которых большая часть получает до сих пор едва из за хлеба на квас[911], и с голода должна прибегать ко взяткам и другим беззаконным средствам, входящим в привычку, и исказившим совершенно нравственность среднего чиновного сословия.

2. На учреждение дорог и путей сообщения, кои до сих пор представляют везде множество затруднений, несмотря на некоторые заботы о них в последнее время, не соразмерные с возросшими внутренними потребностями и развитием соседних государств. Если железные дороги и не выгодны для России, то они необходимы потому, что раскинулись по всей Европе. О пользе их толковать и спорить уж нечего, когда 70 тысяч Французов и Англичан, вместе с Турками, где ни нападут на нас, имеющих полтора миллиона войска, везде встречают только триста Спартанцев[912], везде берут над нами верх числом: под Калафатом и Ольтеницей, под Журжей и Силистрией, в Крыму и за Кавказом[913]. Если б у нас были железные дороги, то настоящая война повелась бы иначе, да едва ли бы и началась в таком виде.

Не стану доказывать значение железных дорог при неурожаях: кто помнит ужасы голодов 1843 и 1845 годов[914], не говоря о всегдашней страшной разности по местам цен на хлеб[915] и другие естественные произведения, тот может прибавить от себя, разумеется, множество доказательств о необходимости железных дорог для сокращения наших непроходимых, неизмеримых пространств, затрудняющих всякое сообщение — (первое условие успеха в больших государствах).

3. На улучшение состояния Духовного сословия, имеющего ближайшее влияние на народ. Коснея, несмотря на некоторые хорошие, но недостаточные меры, в невежестве, или в оковах схоластического учения[916], привыкая с малых лет, под гнетом нужды и даже нищеты, к жадности, завися вполне с одной стороны от начальства, с другой — от паствы, не получая почти никакого живого понятия о своих обя-

занностях, духовенство не столько распространяет образование и нравственность, сколько способствует невежеству и расколам. Духовенство должно быть возвышено духом, обеспечено в нуждах, научено как обходиться с народом, очищено от педантической ржавчины, избавлено от Екатеринина меткого свидетельства (умен Платон[917], а редькой рыгает).

4. На распространение в народе образования, которое никогда не оказывалось столь нужным, кроме высшей, священной своей необходимости, как теперь: ибо на всяком месте, самом ничтожном, образованию беспрестанно открываются случаи оказывать важные услуги, приносить великую пользу. И наоборот, отсутствие образования никогда не было столь ощутительно, и вместе столь чувствительно, как в наше время: наши пушки не хватают так далеко, как иностранные; наши штуцера[918] бьют на 200 шагов ближе французских; бомбических пушек[919] у нас несравненно меньше; винтовых пароходов не бывало; наши корабли оборачиваются медленнее; медиков недостает нигде; а наличные, поступая на службу до окончания курса, не могут действовать успешно, и лечат не на живот, а на смерть. Над многими нашими генералами смеются сплошь иностранные газеты, а собственные солдаты отзываются вот как: заборник[920] у нас хорош, столбы-то плохи. Адресы, официальные извещения, даже реляции[921] об важнейших событиях, в коих всякое слово заставляет биться сердце, пишутся большею частию безграмотно, непонятно, бестолково, и оставляют народ в недоумении, вместо того, чтобы ободрять или утешать его. Исполнение самых простых распоряжений встречает часто затруднение, единственно вследствие недоумений невежества. Взгляните на наши дворянские выборы, прислушайтесь к разговору наших клубов, собраний, частных обществ. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погрязаем, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск, и какие усилия должно было употреблять правительство для распространения в народе образования.

Довольно указания сих четырех необходимостей, кои правительство должно было или откладывать или удовлетворять самым недостаточным образом за неимением денег.

А что сказать о тех средствах, к коим должно было прибегать оно для увеличения своих доходов, уходивших с таким несчастным успехом на содержание войска? Укажу для примера в этом отношении на

винные откупа[922], или вообще на винную торговлю, которая развращает народ самым гнусным образом, уничтожает благосостояние семейств, портит нравственность, питает невежество, зарождает и распространяет телесные болезни, губит лучшие силы. Кабаком меньше, баталионом меньше, говаривал покойный министр Канкрин[923]. Одной этой жертвы, которая приносилась войску в продолжение сорока лет, достаточно, чтоб привести в омерзение нашу западную политику в глазах всякого друга отечества.

Наконец, внимание устремленное исключительно на внешние отношения и на военную часть, оказывалось естественно недостаточным для всех прочих частей управления. Посвящая свои труды и заботы чужим делам, мы пренебрегли собственными, и привели их в бедственное положение. Мы позабыли, что состояние военное есть исключительное, отрицательное, временное, что оно есть только необходимое пока зло, следовательно, и военная служба есть служба случайная. Мы потеряли из виду высшую цель благоустроенного гражданского общества. Современные происшествия на Западе, где войско действительно оказалось главною опорою порядка, якорем спасения, утверждали нас в этом несчастном ослеплении.

Перейдем к посредственному и косвенному влиянию западной политики на внутренние дела наши.

Непосредственное и прямое влияние, сейчас нами вкратце обозренное, все еще было не так пагубно, не так убийственно для развития высших благороднейших сил народа, для достижения первейшей, священнейшей его цели, совершенствования, как влияние посредственное и косвенное, о котором предлежит теперь речь.

Смотря беспрестанно на Запад, мы и себя почли Западом. Принимая к сердцу разные его несчастия, например Французскую революцию[924], и следовавшее за нею повсеместное потрясение законного порядка, мы испугались, и сочли себя обязанными, среди неусыпных попечений о благе подданных, принимать деятельные меры, чтоб и у нас этот законный порядок не был потрясен, и у нас не произошло Французской революции.

Ошибиться на первый раз было легко, даже естественно, потому что Русское государство, представляет в своих формах много сходства с западными, и Русский человек сохраняет признаки близкого родства с прочими Европейскими; у нас те же как будто сословия, те же как будто города, те же как будто страсти и побуждения; бед-

ность Русская ни чем не отличается от бедности Французской или Италианской; зависть и ревность Русская от Английской или Немецкой; значение власти везде, кажется, одно и тоже. Одинакие[925] причины должны производить и одинакие следствия. Если Запад захотел свободы с такою силою, то и Восток, рано или поздно, будет искать ее, и по особым своим свойствам может увлечься до крайностей, еще более ужасных.

Перспектива грозная, и сама Екатерина[926], умная, проницательная, добрая и опытная, поддалась оптическому обману, и под конец своего славного царствования убоялась страха, идеже не бе страха[927].

Опасения начали водворяться в правительстве.

Некоторые случайные явления, по временам у нас обнаружившиеся, оправдывали как будто новые опасения правительства и содействовали к утверждению его системы, которая оказалась, наконец, соответственною и личному характеру. Таковы суть: возмущение Семеновского полка (происшедшее от излишней взыскательности полкового командира)[928]; мятеж 14-го Декабря (занесенный гвардией из Парижа и укрепленный неистовствами Аракчеевскими)[929]; возмущение Польши[930] (произведенное или возбужденное отчасти распоряжениями бывшего наместника[931]).

Наши иностранные друзья-предатели старались содержать нас в этом несчастном заблуждении с умысла, имея в виду только собственную пользу, то есть устроение из России самой твердой крепости для своих врагов, нарушителей их порядка, которою можно всегда было бы их пугать, в которой всегда надеялись бы они иметь безопасную точку опоры, и на которую, в случае нужды, удобно было им слагать вины пред своими оппозициями. Пресловутые их министры, пред которыми мы обыкновенно преклоняем главу свою, и награждаем даже пенсиями за вред нам причиняемый, например Меттерних[932], несмотря на отъявленную и засвидетельствованную ненависть его к России, толковал нас с этою целью, что Россия есть такое-де государство, как и прочие Европейские государства, и должна опасаться таких же болезненных судорог, какие обнаружились на Западе, и предвещают его политическую кончину: следовательно, мы должны, пока зло не возросло до западных размеров, поражать его в самом зародыше.

Собственные наши, так называемые, государственные люди, выходцы и слуги Царской милости, большею частию малосведущие, что касается до Русской Истории и до народного знания, охотно слушали

предательское шептание (забывая народную пословицу, что Немцу, то есть Европейцу, смерть, то Русскому здорово). Повторять и развивать их доказательства было даже очень приятно и выгодно для этих ленивых децемвиров[933], которые могли, при сей верной оказии, доказывать дешевым образом свою преданность и бескорыстие. Что за деятельность открылась в правительстве! Какая дальновидность, предусмотрительность, распорядительность! Взбесились на Западе народы, давай сажать нас на цепь. Там распространяются пожары, отнять у нас зажигательные спички, и мы высекай огонь опять так, как высекали еще циклопы, дети Вулкановы[934]. Там оказалось расположение к простуде, и нас завертывают в хлопки, хоть наши молодцы норовят из бани, с полка, да в прорубь. У них воспаление в мозгу, а у нас почечуй[935], требующий движения, а держать нас на привязи, как горячечных, значит призывать удар[936].

Между тем, за эти мудрые государственные меры сыпались звезды, ленты, кресты, чины, деньги, а нам тó и на руку! Деятельность увеличивалась по всем инстанциям...

И не находилось порядочных людей сказать ослепленным: помилуйте, что вы делаете? Запад катится с горы, а нам надо еще взбираться на гору, и какую гору? — так зачем вы стараетесь тормозить наши колеса? их надо подмазывать. Пока нет холеры, зачем курить удушливым хлором[937]? Пока нет Французских и Английских болезней, зачем нам здоровым, цветущим-кровь с молоком отравляться каломелью[938]? Смотрите — пагубный яд, ни дай, ни вынеси за что, разливается у нас по всему телу, тлеют кости, лезут волосы, вываливаются зубы...

А ларчик открывается просто! Стоит только понять, что Запад есть За́пад, а Восток есть Восток! Что казалось бы яснее этой непреложной истины, и между тем, она остается непонятною загадкою для наших механиков и приводит их потому в самое затруднительное и ложное положение. Удалившимся от природы простое мудренее всего и они никак не хотят согласиться, что не может солнце всходить на западе, точно как не может закатываться на востоке; что смешно подавать там свечи, где еще светло, и безрассудно оставаться в потемках, когда солнце село.

Произнося эту простую истину, равную другой: дважды два четыре, что Восток есть не Запад, я оказываю может быть важнейшую услугу правительству, если оно захочет вникнуть поглубже в ее значение, употребить ее в дело. Эту истину провозглашал я с младых лет в про-

должение всей своей литературной и ученой деятельности, но здесь кстати протолковать ее пообстоятельнее и представить понагляднее. С этой целью я должен прихватить несколько историй, по крайней мере, сколько позволят пределы письма, и показать противоположность Русской истории с историею западных государств, совершенно одинаковую с географическою противоположностию Востока и Запада.

Европейские государства произошли завоеванием, а наше — добровольным призванием, повторявшимся несколько раз в течение веков совершенно одинаково. Все западные государственные учреждения основаны на законе оппозиции, как заметил сам Лямене[939], а коренные Русские учреждения предполагают совершенную полюбовность. Там все подчиняется форме, и форма преобладает, а мы терпеть не можем никакой формы. Всякое движение хотят там заявить и заковать в правило, а у нас открыт всегда свободный путь изменению по обстоятельствам. Они ищут конституций, хоть и не находят их надолго, а Русский народ не помышляет ни о каких конституциях и какие имеет, навязанные сверху, от тех старается всеми силами уклоняться.

На Западе господствует подозрение и опасение, у нас — доверенность. Западные сословия питают одно к другому ненависть, а наши не имеют никаких сословных предубеждений. Западное дворянство[940] по преимуществу родовое, а наше по преимуществу служебное. Те гордятся своим вековым происхождением, а наши происходят, так сказать, ежеминутно, и гордости не могут иметь никакой, кроме глупой. Самые документы на свои права жжет оно само, а об остальных не прилагается ни малейшей с его стороны заботы. Переворот государственный, революцию, коей нигде подобной не было, все вверх дном, начинает у нас первый Император[941] и продолжают его преемники, а консерватизм выражается народом, и крайнюю, левую сторону консерватизма, составляющего вместе и оппозицию, представляет собою Преображенский раскольник[942], для которого один из главных вопросов состоит в том, как складывать пальцы для крестного знамения, между тем как на Западе нет и помину о Боге, разве для формы, и Христианская религия снисходит на степень малочисленной секты. Довольно противоположностей по всей истории, приведенных мною в пояснение простого положения, что Восток есть не Запад.

У нас другой климат с Западом, другая местность, другой темперамент, характер, другая кровь, другая физиономия, другой взгляд, другой образ мыслей, другие верования, надежды, желания, удовольствия, другие отношения, другие обстоятельства, другая История, все другое, а наше правительство ждало и боялося только революции одинакой!

Все свои действия и распоряжения соединяет оно в одном фокусе, и направляет к одной цели, чтоб не допустить революции в России, какая происходит на Западе. Вникая тщательно в причины и источники бедствий западных, оно, в жару своего рвения, начало заботиться о мерах, как их предупредить у себя дома, и, видя там болезни, начало искать лекарств самых действительных. Мы были в этом отношении счастливее, может быть, самого Запада, потому что попали на самые лучшие меры и открыли самые верные лекарства, по пословице: чужую беду по воде разведу...

Революционный дух поддерживается, питается и усиливается на Западе свободою книгопечатания, распространением образования, уничтожением власти. Следовательно, рассуждалось у нас для предупреждения революции, надо препятствовать распространению образования в народе и ограничивать его одним сословием, надо стеснять печать и не допускать ни малейшего рассуждения о власти, а на случай возможных покушений всего лучше учредить строгий тайный надзор.

С несчастного 1848 года[943] эта убийственная система, плод Европейского воззрения, вероломных советов и домашних недоразумений возымела преимущественно свое действие на пагубу России.

Число студентов в университетах ограничено тремястами[944]: громовой удар для Русского просвещения, возбудивший страшное негодование во всем образованном сословии. Люди, самые умеренные, самые спокойные, поколебались в доверии к благонамеренности правительства. Голову свою не подумал бы я минуту положить на плаху, лишь бы удержать Государя от подписания бумаги. Действительно, с какой стороны ни смотреть на этот несчастный указ, он не выдержит суда, самого снисходительного. Если университетское образование вредно, то за что ж приносить ему, как алчному минотавру[945], по триста невинных юношей в год? Если университетское образование полезно, то за что ж лишать его остальных? Не конечную ли цель гражданского общества составляет высшее образование?

Ограничивая число студентов, Правительство показало свое нерасположение к образованию, и у профессоров опустились везде руки, прильпнул[946] язык к гортани; студенты лишились необходимого побуждения. Соответственные явления произошли и в гимназиях: электричество положительное и отрицательное сообщаются одинаково чрез все концы длинной цепи. В самой публике уменьшилось расположение учиться даже без всякой соразмерности с ограниченным числом ваканций[947]; страх не попасть в университет с такими затруднениями отгонял молодежь в другие стороны.

А экзамены при недостаточном количестве охотников ослабли и университеты потеряли не только в отношении к количеству, но и качеству студентов.

Вредное влияние на распространение образования имело еще две меры: обложение учащихся податьми[948] в гимназиях и университетах, чрез что бедные (всегда лучшие ученики) лишились возможности учиться и затруднение вступать в Университет из податных сословий[949], чрез что право учиться предоставилось по преимуществу дворянству и закрыто для многих[950].

Ученое начальство вследствие сих и других обстоятельств, обратило исключительно внимание на внешнюю сторону своих заведений, что для него, разумеется, легче, на форму, на так называемую нравственность, то есть наружность, страдательную покорность. Всякое отклонение от правила казалось ему странным и преследовалось; дарования не ободрялись, а унижались. Об ученье, за которое не случалось взыскание, перестало оно заботиться: лишь бы комнаты были чисты и ученики тихи, не подавали б повода ни к каким, так называемым, историям. Беспечность, леность и посредственность ободрились, и невежество с гордостию подняло голову, ученье упало, и начали выходить из всех наших учебных заведений люди, не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемеры, такие исполнители, которых достаточно было на обыкновенное время, а чуть обстоятельства стали помудренее, так и не сыскалось ни в котором ведомстве, за кого взяться, даже в военном, бывшем предметом всех попечений; без настоящего образования, оно показало всю свою жалкую несостоятельность.

В уважение всех сих несчастных мер, внешнее наблюдение вверялось без разбору людям, пожалуй, нравственным или благонамеренным, но не просвещенным в надлежащей степени и не имевшим

понятия, что такое народ, государство, наука, учение, что такое время, дух времени и его требования. Близорукими и пристрастными своими распоряжениями они довершили расстройство, и в пять-шесть лет довели его до крайней степени. Нельзя без горести смотреть на наши университеты, хоть и богатые познаниями и талантами всех родов, и наши гимназии, помещенные в великолепных чертогах, особенно для директоров, инспекторов и экономов[951].

Литература после своих Петербургских оргий[952], заслуживавших действительно осуждение, подвергалась такому же гонению. Предписание за предписанием, и в Высочайших уставах не осталось ни одной живой строки. Ни о каком предмете богословском, философском, политическом нельзя стало писать. Никакого злоупотребления нельзя стало выставлять на сцену, даже издали; никакой мысли, которую можно бы приложить к настоящему времени в похвалу или порицание, — все равно — не пропускалось. Самые легкие намеки подвергались страшному нападению. Целые периоды Истории исключены, а о настоящих сословиях, ведомствах и думать было страшно. Довольно сказать, что старые писатели подвергались новой строгой цензуре[953]: и какие же писатели? Кантемир, Державин, Карамзин и Крылов[954]. Классики: Платон, Эсхил, Тацит[955] не избегли запрещения, — и литература узнала, ограничилась только посредственными или гадкими повестями, где позволялось еще попирать подчас все священное, точно как и в Французских водевилях и драмах[956], кои так любит наш большой свет[957], столько уважающий приличия. Книжная торговля в последние пять лет представляет одни банкротства. Самая публика пропиталась цензурным духом, и всякое сочинение, но какой бы то части ни было, лишь бы показывало в сочинителе самобытность, должно было подвергаться всем возможным кривым толкованиям, так что порядочные люди решились молчать, и на поприще словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать.

Печатать стало ничего нельзя, а говорить еще менее, ибо незваных слушателей даже больше, чем привилегированных цензоров. Малейший знак неудовольствия вменялся в преступление, за которое мог всякий, кто захотел, привлечь наказание или неприятность. Во всяком незнакомом человеке предполагался шпион, и печатью молчания запечатались все уста. Да и говорить не о чем: о политике не нужно, о правлении нельзя, о словесности нечего, о театре скучно — и зеленые ломберные столы[958] заменили все кафедры и трибуны, а

карты, карты, единственное утешение, драгоценный предмет глубоких размышлений и горячих прений, сладчайшее занятие, единственное искусство, покровительствуемое Правительством, сделались для благородного Русского дворянства самым важным препровождением времени, дороже всех Хартий и Конституций, настоящий Habeas corpus[959] в буквальном смысле слова!

Тайная наша полиция[960], со времени своего основания, вверялась людям большею частию добродушным, и в 30 лет найдутся немногие примеры страдальцев от ее действий, кроме нескольких молодых людей, более или менее виноватых по легкомыслию или невежеству, но вредна и пагубна идея ее существования, удушлив страх, хоть и не основательный, ею внушаемый! Филипп II[961] давно истлел в гробе; но дух его носится тягостной мглой над несчастной Испанией, и она не может приподняться нравственно после его инквизиционного угнетения[962]. Вот что значат учреждения в истории государств!

Мне остается сказать еще несколько слов о богопочитании, которое Правительство хочет внушить народу перед властию. Власть нужна и священна, но злоупотреблениями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными суждениями об ее действиях. Злоупотреблений не скроешь от тех, кого они касаются. Увидя их, например, на сцене, страдающие разве увидят что-нибудь для них новое? Нет, указание злоупотреблений может послужить пособием власти, которая принимая оное к сведению, подвергая гласности, сложит тем с себя часть вины, докажет свою благонамеренность, и вместе — твердость. А без гласности, разумеется, в пределах благоразумной осторожности, всякая ложь, неправда, обман получают право гражданства в государстве, чему пример и доказательство мы видим в наших официальных отчетах, по которым Россия благоденствует, Россия, на деле алчущая, жаждущая, тоскующая, не знающая, что делать с своими силами, расточающая блудно Божии дары.

Невежи славят ее тишину, но эта тишина — кладбища гниющего и смердящего, физически и нравственно. Нет! О такой тишине невыгодно отзовется беспристрастная История! Рабы славят ее порядок. Нет! Такой порядок поведет ее не к счастью, не к славе, а в пропасть!

Государь, очарованный блестящими отчетами, не имеет верного понятия о настоящем положении России. Став на высоту недосягаемую, он не имеет средств ничего слышать: никакая правда до него до-

стигнуть не смеет, да и не может; все пути выражения мыслей закрыты: нет ни гласности, ни общественного мнения, ни апелляции[963], ни протеста, ни контроля.

В каком положении находится он, в таком и все его Министры, все начальники, из которых каждый представляет собою в своем ведомстве самодержавного государя, и также не имеет никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажет ее, и никто не смеет сказать, боясь попасть на замечание, возбудить подозрение. Всякий думает только о снискании благосклонности начальника предусмотрением его мыслей и желаний, предугаданием его намерений. Одуренному беспрерывным каждением[964] лести, развращенному мнимыми успехами, в лентах и звездах, ему естественно уже счесть себя гением, непогрешительным, подобно Далай-Ламе[965]. Всякое затмение он вскоре уже считает личным для себя оскорблением, неуважением власти, злоумышлением либерализма[966]. Кто не хвалит его, тот беспокойный человек. Не давать ему ходу. А бездарностям, подлостям, посредственностям то и на руку: как мухи на мед налетают они в наши канцелярии, а еще охотнее в комитеты, где скорее, без всякого труда, награждаются за отличие. Все они составляют одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество[967], чуют всякого мыслящего человека, для них противного, и, поддерживая себя взаимно, поддерживают и всю систему, систему бумажного делопроизводства, систему взаимного обмана и общего молчания, систему тьмы, зла и разврата, в личине подчиненности и законного порядка.

А между тем, дела становятся час от часу мудренее; отношения сложнее; умнейших людей старого, даже недавно прошедшего времени не достает для новых обстоятельств (Луи-Филипп, Гизо, Тьер, Одильно Барро, Ледрю Ролен, Луи-Блан, Английское министерство талантов[968] служит тому доказательством), а мы хотим пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которые обветшали даже просто от времени, точно как изнашивается платье, с начала прекрасное, щегольское, дорогое, а под конец повислое в лохмотьях.

О народе, который трудится, проливает кровь, несет все тягости, страдает и между тем дышит любовию, самою чистою преданностию к Царю и отечеству, ни у кого и мысли нет. Народ как будто не существует нравственно, известный только по ведомостям Казенной Палаты[969]!

Таково ужасное состояние России! Я рассматривал его только с некоторых сторон, а что было бы, если бы обозреть все: — судопроизводство, жизнь духовенства, дворянское воспитание, столичную роскошь, взяточничество под всеми его видами, проникнувшее до самого престола?

Страшная представилась бы картина! Лукавии рабы и невернии[970], что сделали мы с своими десятью, с своими десять раз десятью талантами! И все это преимущественно вследствие ложного страха иметь западную революцию!

...Революция произошла на западе из своих семян. Этих семян не было брошено историею в начало нашего государства, как они были брошены на западе, и потому революции такой у нас не будет, да и не может быть. Мы испугались ее понапрасну. Мы убоялись страха, идеже не бе страха. Напрасно мы начали останавливать у себя образование, стеснять мысль, преследовать ум, унижать дух, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свет, распространять тьму, покровительствовать невежеству.

Напрасно потому, что образование принесло бы нам существенную пользу, мысль увеличила бы нашу силу, а тьма привела нас на край пропасти, на которой мы теперь и дрожим, не смея смотреть, ни вверх, ни вниз, с собственными болезнями (а чужие впереди) без присмотра, на руках у пустых, легкомысленных и необразованных, неприготовленных подлекарей и фельдшеров[971], которые отроду не слыхали никаких курсов, не читали никакой книги, не держали никакого экзамена, не умеют написать никакой строки, не только рецепта, не имеют никакого понятия о медицине, а лечат только усердием, как Гоголев Земляника[972], да небережливостию.

Об этих болезнях я почитаю обязанностию сказать несколько слов, тем более, что враги, сами по себе, или надоумленные друзьями, могут воспользоваться ими к конечному поражению России.

К вам обращу я речь свою, Милостивые Государи, глубокомысленные наши политики, тайные и действительные, тайные и явные советники и кавалеры, прошу прислушаться:

Мирабо[973] для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев[974]. Ледрю Ролен со всеми коммунистами[975] не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом[976] разинет рот любая деревня. На сторону к Манцини[977] не перешатнется никто, а Стенька Разин[978] лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот от-

куда грозят нам опасности, вот с которой стороны стена наша представляет проломы, перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти без присмотра валится и грозит падением!

Не приведи Бог видеть Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, сказал Пушкин[979], которого государственные способности не умели оценить близорукие и тупые современники, думавшие, что он только стишки писать, да шутить умеет.

Казенный крестьянин[980] живет у нас так, как удельный[981] иначе, помещики же управляют по-своему крепостными[982] крестьянами, всякой молодец и немолодец на свой образец. Добрым людям до сих пор не приходит еще в голову спросить: да от чего же нам всем не ровная жизнь? А может быть им в самом деле всем ровная жизнь: всем худо! Помещичье спасение в дурном управлении Государственных имуществ[983], которое, впрочем, одно, в пополнение наших противоречий, заботится об освобождении крепостных крестьян, чтоб перевести их из огня да в полымя! Но улучшись жизнь казенного крестьянина — будьте уверены, что этот вопрос в самой нелепой, может быть, форме представится какому-нибудь бессрочно-отпускному Оконелю[984], и заварится каша крутая. Да и теперь не убивают ли ежегодно до тридцати помещиков — искупительные жертвы за право тиранства остальных? Ведь это все местные революции, которым недостает только связи, чтоб получить значение особого рода! Они усмиряются порознь, но несчастные крестьяне, которые, выведенные из терпения, берут нож в руки, и подвергаются за то кнуту и каторжной работе в сибирских рудниках, неужели не заслуживают лучшей участи? Ведь это те же самые люди, что теперь священнодействуют в Севастополе с таким мужеством, с таким самоотвержением, и спасают не только Русскую честь, но даже наше значение, нашу будущность! Мы говорили о великой России, а в каком положении находится западная граница? В Белоруссии[985] крестьяне томятся в нищете и всю свою жизнь только борются с голодом и холодом: ребятишки, прыгая на станциях около коляски путешественника, кричат: завтра воскресенье, с солью ядуц[986].

Волынь и Подолия, Киевская область стонут под игом католиков, Поляков и жидов[987]. Беспрестанно встречаются такие обстоятельства, кои приводят правительство в затруднение или фальшивое положение, и заставляют принимать меры бесчеловечные. Например, несколько тысяч крестьян, чтобы избавиться от помещиков, вызвались

недавно в Киевской губернии идти в казаки, чтоб умереть за отечество, и были разогнаны пушками, преданы военному суду и сосланы за великодушный вызов на поселение[988].

Другие ждали свободы, по завещанию покойного Государя Николая Павловича[989], и отказались работать на помещиков, за что, разумеется, были наказаны.

Сколько горючего вещества по всей западной границе, с которой в соседстве Малороссия[990]! Когда-нибудь терпению будет конец, попадет одна несчастная искра, и все вспыхнет! Вспомните Колиевщину[991], вспомните последние ужасы в Галиции[992]! А история военных поселений[993]! Не надо забывать, что теперь могут являться люди подученные, подготовленные за границею для произведения всяких замешательств. Есть кому сочинить их и подсылать: западная пропаганда деятельна! Не надо забывать, что Поляки рассыпаны в России везде и знают коротко наши отношения. Были же опыты зажигательства[994] по всей России, которых не могла никак разведать наша полиция. Представьте себе вторжение, например, хоть со стороны Бессарабии[995], а есть и другие стороны открытые!

Обнаруживаются иногда намерения и благие, например, в особом управлении для казенных крестьян, в постановлении об обязанных крестьянах[996], инвентари[997], но это только порывы, беглые мысли, случайности, которые приносят больше вреда, чем пользы, представляясь второпях, из частных видов, недозрелые, недопеченные, необдуманные, необсужденные со всех сторон, а главное неподверженные критике, о которой в правительстве у нас помину еще меньше, чем в литературе. Они составляют обыкновенно предмет личных распрей, в коих первоначальная цель и общее дело вскоре упускаются из виду и пропадают.

Вторая болезнь, вторая опасность грозит России со стороны раскольников[998]. Их может быть найдется до семи миллионов, и они умножаются беспрестанно. Появляются беспрестанно новые секты[999], одна другой нелепее и враждебнее, возбуждаясь алчбой необходимой народу духовной пищи (которой он не получает ни от духовенства, ни от правительства, ни от общества, ни от печати), питаясь и укрепляясь общим невежеством. Казаки, Сибирь, новая Россия, Кавказ предлагают им верные и спокойные убежища. А в последнее время явилась Австрия с архиерейскою кафедрою для раскольников[1000]! Наше духовенство, слишком мало в высшем смысле улучшающееся,

несоразмерно с возрастающими быстро потребностями времени, духовенство, которое делается, может быть, книжно ученее, но не жизненно образованнее, и потому отделяется еще более от простого народа, презираемого им по семинарским своим понятиям, духовенство, жадное по происхождению, в крайней нужде и заботах о тягостной будущности, подает своими притеснениями и послаблениями, своим поведением и невежеством новые поводы к отпадению, которыми старые раскольники умеют пользоваться. Земская полиция[1001] содействует везде расколу, потому что всякий раскольник есть ее оброчный мужик и всякая секта — самая выгодная статья. Местные начальники, даже высшие, по тем и другим причинам представляли везде затруднения для исполнения последних мер правительства воссоединить раскольников с единоверием.

Недавно сделано было несколько хирургических операций, может быть, удачных, но они тотчас были испорчены не только противниками, но самими операторами по недостатку верных понятий и по шаткости системы.

Все раскольники, если не ненавидят правительства, по крайней мере, так расположены и настроены, что легко могут быть обращены против него, видя в нем своего притеснителя.

Между раскольниками есть множество крепостных. Придайте же тому бунту, которого так страшился Пушкин, характер религиозный, что будет? Явись в какой-нибудь Архангельской или Вологодской глуши Шамиль, Пугачев или Разин[1002]: он может пройти, проповедуя, триумфальным маршем несколько губерний и наделать правительству больше хлопот, чем бунт Екатерининского времени.

Третья естественная наша болезнь и опасность со стороны Польши. Побеседуйте откровенно с лучшим и добрейшим Поляком, воспитанным на счет правительства в Русском университете или корпусе, лет десять проживавшем в России, женатым, пожалуй, на Русской, и имеющим православных детей, и если вы имеете хоть малую долю здравого политического смысла, то удостоверитесь после такого разговора, что оставить Польшу в настоящем положении невозможно, не должно, не выгодно, опасно. Я предположил доброго, честного, благородного Поляка, а прочие?

Таковы наши внутренние язвы, которые, повторяю, могут быть разбережены, и при помощи общего расстройства, произведенного ложною системою, соединиться с внешнею грозою, на пагубу России.

Враги, надо отдать им честь, выбрали самое благоприятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россию, не допустить ее до постижения своих преимуществ, и благого употребления удивительных своих сил, чтоб остановить ее на пути ее побед и величия, оттолкнуть назад, как говорят они, на двести лет и лишить надежды на перемену к лучшему: ум притуплен, воля ослабела, дух упал, невежество распространилось, подлость взяла везде верх, слово закоснело, мысль остановилась, люди обмелели, страсти самые низкие выступили наружу и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяла в свои руки по всем ведомствам бразды управления. Священный союз между Царем и народом потрясен!

Тяжкое время, но жив Бог Русский! На него надеемся и не постыдимся. Силен Он укрепить ослабелое и поднять ниспадшее! Добро не угасло на Святой Руси. Там, в глуши, в захолустьях, в пещерах, в пустынях мерцают святые искры. Да и в нас, развращенных, на дне наших душ они еще не погасли, они могут возгореться!..

Опасности вызовут их наружу, и святой огонь загорится, и благодатный свет просияет и озарит тьму, и просветимся и увидим!

Покаяние, терпение, вера, надежда, любовь!

Законов вдруг не сочинишь, людей вдруг не отыщешь, злоупотреблений не уничтожишь, пороков не искоренишь, с привычками вдруг не расстанешься: на все нужно время! Опрометчивая ломка причинит еще больше вреда! Сначала довольно стать на новую точку, посмотреть на вещи с другой стороны и объяснить себе цель.

А лекарство на первой случай легкое, удобное и безопасное, общее, специальное, для облегчения, если не для исцеления всех болезней, естественных и искусственных, своих и наносных, для борьбы с внешними врагами, которые для нас гораздо опаснее и вреднее, есть *гласность*, то есть, то лекарство, которое под угрозою казни запрещала нам западная наша политика.

Посредством гласности будут вразумляться начальники, посредством гласности будет приобретать, со всех сторон, лучшие и вернейшие сведения правительство, посредством гласности будут делаться известными способнейшие люди, казниться злоупотребление, посредством гласности возродится и утвердится общественное мнение!

Второе общее лекарство, или лучше другое первое, образование. Образование основательное, пространное, прикладное, деловое, бла-

гочестивое, проведенное желобами по всем удолиям[1003] общества, даже до последних земель, в глубочайшие рудники каторжной работы, без всяких исключений, ограничений, стеснений по званиям, а по одному святому правилу: душа — мера, кто сколько по своим силам и желаниям получить его может. Такое образование, проникая во все должности, воздействует благотворнее всяких узаконений, будет постепенно исправлять зло и сеять добро.

Один образованный, усердный, деятельный начальник — и целая часть, вверенная его попечению, при системах гласности устроенная, помогает прочим примером, порядком и подготовлением чиновников! Один губернатор с такими видами — и пятидесятая часть России благоденствует, а другой, третий — и все люди не узнают себя, те же, да не те станут в таком общем движении.

И в блестящем свете представляется будущее! А может быть, это только несбыточные мечтания! Может быть, и мы осуждены на такое же бесплодное искание, как и Запад, который пред нашими глазами ищет тщетного исцеления своих болезней и попадает большею частию на такие лекарства, которые увеличивают еще более их ярость! Такова судьба Государства: в муках родится человек, в страданиях живут общества; под всеми формами правления одинаковы несчастия! Может быть, и мы, недовольные настоящим порядком вещей, видящие ясно все его недостатки, накличем на своих детей новыми своими мерами, кои кажутся нам столь верными и действительными, полезными и благотворными, еще больше зла, чем сколько испытали сами. Может быть, мы новыми своими действиями увеличим только число несчастных опытов в утверждение вечной истины, провозглашенной откровением и дознаваемой искренними размышлениями, что все земное есть ложь, и человек и государство, что История представляет одни преходящие формы, и что этому треволненному свету верное пристанище на небе, где все наши поиски приведутся к одному знаменателю.

Что будет, то будет. По крайней мере, непреложный долг совести велит человеку искать истины, действовать по своим убеждениям и сообщать собратиям, чтó ему в известную минуту представляется полезным.

Вот куда завлекла меня мысль по пути моих политических рассуждений о политике внешней и внутренней.

Остановлюсь и объясню здесь, кстати, их происхождение.

Начались они случайно, по вызову одной доброй, любящей отчизну женщины[1004]. Слово за слово, мне захотелось послужить кстати любезным своим единоплеменникам Славянам, которых судьба с младых лет возбуждала сердечное мое участие. Потом увидел я самое удобное время для убеждения в предательских действиях Австрии, коротко мне известных, и в отношении к Славянам, и в отношении к России. Текущие события меня возбуждали, как возбуждали и весь народ, вышедший как будто из долговременного сна: я услышал толки о политике от таких людей, которые вовсе не имели понятия, что такое политика, и почел долгом сообщить моим соотечественникам то, что я знал по моим отношениям о разных важных предметах, и чего не знают другие. События совершавшиеся утверждали меня в моих убеждениях. Мои предсказания сбывались, я почувствовал смелость. Общее сочувствие, выражаясь самым лестным для меня образом, ободряло меня еще более, и я продолжал писать. Разгорячаясь более и более, я думал, что, наконец, наступило время исполнения моих самых задушевных, заветных надежд. Вся Русская История, казалось мне, стремится к своему увенчанию. Мысли толпились в голове моей, и я хотел высказать все.

Последние вопросы о внутренней политике я имел в виду еще прежде настоящей войны изложить в особом сочинении, и представить на благоусмотрение Правительства по окончании моей Истории[1005], которая, надеялся я, сообщит моим мнениям более веса: но ей нужно еще, может быть, лет пять, а события, одно другого важнее, следуют беспрерывно, и всякая минута может переменить ход, даже лицо всего дела.

Сановники наши молчат, все те, которые имели бы не только право, но даже обязанность говорить — и Орлов, и Киселев, и Воронцов, и Ермолов, и Блудов, и Филарет[1006]. Чего боятся они, имея по 70–80 лет и занося уже ногу в могилу, это знают они. Неужели сказать правду в минуту опасности не позволительно, страшно, невозможно без возбуждения подозрений в злоумышлении? Они позабыли всю Русскую Историю, они позабыли, что даже недавно, на их памяти, говорили Александру[1007], и кто же? Шишков, Толстой, Аракчеев, Балашев, Волконский[1008]: оставьте армию, вы здесь мешаете, ваше место теперь в столице, и Государь их послушался. Шишков не был однако ж красным революционером, Аракчеев не принадлежал к партии коммунистов, Толстой не имел понятия о масонских ложах[1009], Бала-

шев не отличался стремлением к гуманному прогрессу, и Волконский не славился любовью к словесности, не умея, вместе со всеми почти прежними государственными людьми, двух строк написать правильно по Русски. Следовательно, можно осуждать и спорить без всяких задних мыслей, руководствуясь одною любовию к отечеству.

Я решился переменить прежний план и сказать немедленно свое мнение и о внутренней политике, по крайней мере поколику[1010] она зависела от внешней. Картина вышла, разумеется, неполная, ибо все отрасли управления тесно соединены между собою, и если одни страдают под влиянием внешней политики, то и другие, самые отдаленные, терпят; но распространяться о них я считал теперь неуместным и безвременным, тем более, что и ближайшие соприкосновенности представляют довольно для размышления. Разумеется, я мог и могу ошибаться, увлекаться и заблуждаться — не имею притязания на непогрешительность, но смело могу сказать, что говорил свое мнение искренно, по долгу присяги, в желании добра отечеству, как православный Русский человек, верноподданный, служитель науки.

Слишком лестно мне, хоть и прискорбно сделаться гласом вопиющего в пустыне[1011]. Часто выражал я открыто свои мысли о внешней нашей политике. Государю Императору угодно было выслушивать их не только с благоволением, но даже благодарностию за мою верноподданническую искренность, несмотря на грубую часто форму, которой я не заботился сглаживать, обращая внимание на дело, а не на слово. (Ясное доказательство, что вина преступного молчания падает большею частию на его приближенных). Смею надеяться, что и настоящее мое письмо обратит на себя внимание, как плод многолетнего размышления. Карамзина и Пушкина призываю в свидетели искренности моих слов, Карамзина, который перед кончиною благословил меня на историческое делание, Пушкина, который разделял и ободрял мои убеждения.

Отцы и братия! Примите с любовию представляемое с любовию, воспользуйтесь дельным, отбросьте недельное, и не помяните меня лихом!

ВТОРОЕ ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ ГАЗЕТЫ «LE NORD»

Ост-Индское смятение. — Русская система политики. — Бедность в Европе, о колонизации. — Надежды об освобождении крестьян

Благосклонный прием, которого удостоилось первое мое к вам письмо[1012] от многих почтенных членов Европейской журналистики, налагал на меня обязанность продолжать сообщение моих наблюдений над ходом дел политических, внутренних и внешних, но внезапная болезнь помешала ее исполнению в свое время. Оправясь, я принимаюсь теперь за перо, — и множество предметов приводит меня в затруднение: у нас в России повеяло новою жизнью, и мысль пришла в движение, — хочется сказать вам и об этом, — а с другой стороны, чувствуется какое-то опасение, следствие прежней замкнутости. Впрочем, я пишу теперь для иностранной публики, на иностранном языке, пишу как гражданин Европейский...

Прежде всего передам вам впечатление, произведенное в нашем обществе известиями об Ост-Индском восстании[1013]. Все русские, извините великодушно, обрадовались сначала, пока восстание известно было только вообще, в своей, так сказать, отвлеченной форме: «Англии плохо, Англия в опасности, Англия потерпит большие убытки, может быть, потеряет много! Вот ей наказание за ее алчность, за ее вероломство, за ее зависть, за ее эгоизм». Женщины даже произносили разные обеты. Графиня N. хотела сходить пешком в Троицкий монастырь, лишь бы Англичанам пришлось похуже. Все очень естественно, если вы вспомните, сколько зла сделали нам Англичане в последнее время совершенно против нашего ожидания, и какой удар нанесли нам прямо в сердце, воспользовавшись искусно роковой минутою; с какою наглостию и бесстыдством потребовали они у нас разрушения Севастополя, защищавшего наши собственные пределы, между тем, как они сами владеют захваченными насильно Гибралтаром в Испании, Мальтою в Италии, Ионическими островами в Греции; между тем как сами они, находясь в дружбе с Францией, находят все-таки нужным укреплять Портсмут и Плимут[1014]. Враждебное чувство Русского общества очень естественно, повторяю, если

вспомните, что сталось, по милости Англичан, с нашим прекрасным Крымом, с нашим незабвенным Черноморским флотом, на который положено нами столько лет, столько трудов и столько денег. А опустошение Финляндии, Камчатки, берегов Белого моря[1015]? А ужасы в Керчи[1016], где благородные женщины подвергались всем возможным неистовствам пьяных солдат! А ругательства и поношения, произнесенные не чернью, не на площади, не невежественными крикунами, а в торжественных собраниях Парламентов знаменитыми лордами, государственными людьми всех партий! Нет, такие народные обиды не забываются, не могут забыться, не должны забываться, до тех пор пока не получится законного удовлетворения, пока не вознаградятся потери.

Но почему же, скажите вы, жалуемся мы в особенности на Англичан, а не на Французов, не на Австрийцев, которые сделали нам зла, особенно последние, еще больше Англичан.

Участие Французов в войне мы считаем случайным, вызванным отчасти неловкостию нашей прежней политики; Французы во время войны вели себя как следует благородным людям и заслужили полное сочувствие нашего войска. Это братья, назначенные от природы и от Истории любить друг друга, помогать друг другу. Австрийцев мы благодарим, благодарим сердечно за их беспримерное в летописях народов предательство, потому что только такое предательство могло открыть глаза нашему правительству, считавшему их своими друзьями и приносившему им беспрерывные жертвы в ущерб Русским кровным интересам.

И так на эту пору ненавистны нам больше их Англичане, и обрадоваться их несчастию было очень естественно для Русского общества на первую минуту.

Но лишь только начали распространяться в Москве подробности о тех истязаниях, которым подверглись Англичане, о тех муках, в которых умирали беззащитные женщины и дети, о страшных опасностях, которые грозят в Ост-Индии всему Английскому населению, тотчас последовало изменение в Русских чувствованиях; мы позабыли тотчас, что Англичане нам враги, а увидели в них только Европейцев, христиан, страдальцев, мы увидели в них образованное племя, которому угрожает опасностями варварство, и общее сострадание, общее участие выразилось повсеместно. Я уверен, что если б открыта была

подписка в пользу разоренных Англичан в Индии, то немедленно собралась бы значительная сумма...

В таком обращении чувств наших, вы можете себе представить, как неприятно, оскорбительно было нам услышать, что в Англии есть подозрение в возбуждении Русскими Индийского мятежа, что понадобилось даже торжественное удостоверение правительства в неосновательности такого подозрения, торжественное отклонение народных предположений в Русских происках.

Русские происки! Англичане судят о нас по себе! Они возили и продавали порох Черкесам[1017] среди мира, и доставляли им средства вести кровопролитную войну с нами (точно как Австрийцы, уверяя нас в дружбе, старались поддерживать последнее Польское восстание[1018]), а Русское правительство не принимало никогда даже вызов, не употребляло тех средств, кои напрашивались сами ему в руки, чтоб произвести движение в свою пользу, где бы то ни было, даже в самых трудных и критических для себя обстоятельствах. Теперь, надеюсь, все это известно документально, и кому неизвестно, тому объясню здесь кстати.

В Европе считается около 30 миллионов славян, Славян, единоплеменных с Русскими. Многие из них исповедуют одну веру с нами, и все говорят одним языком, разделенным на многие наречия, без большего труда друг другу понятные. Эти Славяне под владычеством Турецким, Австрийским, Прусским, Саксонским стремились издавна сердцем и душою к России, но Русское правительство всеми силами старалось всегда отклониться от них, не хотело оказывать им никакого вспомоществования, никакого содействия, не оказывало даже нужного покровительства развитию наречий, столько важных и нужных для собственного нашего языка, мешало частным людям входить с ними в сношения, даже ученые, (точно как отказывалось от всякого покровительства и путешественникам на Востоке)*, записывало в черную книгу так называемых Славянофилов, все из опасения причинить неудовольствие Австрии, подать повод к каким-нибудь даже неосновательным подозрениям, и вот Россия сделалась почти чуждою для Славянского родственного населения в Европе. Как же можно приписать этой Русской политике козни в отдаленной, иноязычной, иноверной Индии!

* Спросите Г. Чихачева, что ему отвечало министерство иностранных дел на его просьбу и проч.

Да и с одними ли Славянами поступала так наша политика, которую враги для нашего усыпления и обольщения прославляли столько глубокомысленною, проницательною, между тем как она могла похвалиться разве только изяществом слога в своих нотах, писанных на Французском языке. (По-русски во всем министерстве никогда никто почти не умел писать, начиная от министра и посланников до последнего секретаря).

Молдавия и Валахия[1019] обагрены Русскою кровию, избавлены от тяжкого Турецкого ига нашими победами, приведены, если не в цветущее состояние, то по крайней мере в возможность развиваться и преуспевать, наделены гражданскими правами и законами, что же? Большую, сильную партию имеет Россия в Молдавии и Валахии? Никакой, в чем Европейские коммисары, пребывающие в Яссах[1020], удостоверяются ежедневно. Даже за те серебряные рубли, которыми мы усыпали княжества в последнее время, платя чистыми деньгами (не по австрийски), за все съестные припасы, часто гнилые, и о которых столько было шуму в Европейских газетах, не осталось благодарного воспоминания! А Молдавия и Валахия поближе Индии к России!

Воспользовались ли мы Кавказом? Один умный офицер, служивший в последнее время на Кавказе, передал мне отзыв тамошнего Татарина, с которым он где-то сошелся. «Странные люди вы, Русские, — сказал Мусульманин, — драться — никто с вами не сладит, а пользоваться своими победами не умеете: ну что вы получаете от всех здешних богатых стран? Ровно ничего. Вы оставляете себе только труды и расходы, а выгоды отдаете одним туземцам над другими, и никто вам не благодарен, а недовольных множество».

Что сделали бы Англичане с населением Армянским, которому единоплеменники и единоверцы занимают под боком вашу часть Азиатской Турции, отстоящую от нас ближе, чем от Константинополя.

Да самая Польша, что доставляет нам, кроме ненависти, помехи и опасности в случае неблагоприятных обстоятельствах?

Остзейские губернии и Финляндия[1021] пользуются такими правами и преимуществами, которые во сне еще не грезятся Русским — и их преданность Русскому правительству за свое собственное благосостояние считается чуть ли не благодеянием, за которое Россия обязана им великою благодарностию.

Довольно ли доказательств о слепоте нашей последней политики, довольно ли доказательств, что Англичане могут быть спокойны, и мы долго не затеем никакого движения против них в Ост-Индии!

Но в России, это правда, начинается новая эра. Благодаря великодушному нашему Государю, мы начинаем говорить и рассуждать свободно о всех государственных вопросах. Такая перемена в системе внутреннего управления повлечет с собою непременно перемену и в действиях нашей внешней политики. Правительство будет верно получать теперь такие сведения, такие указания и такие советы, которых оно прежде никак не могло доставать ни за что на свете. В Эривани или Эчмиадзине[1022] можно ведь лучше судить о Диарбекире или Тегеране[1023], чем в Петербурге, и в форте Перовском[1024] знать о путях сообщения с Хивою, Бухарою и Ташкентом можно вернее, чем в Москве. Мы надеемся вместе и на нынешнее наше министерство иностранных дел, порученное человеку Русскому, заслужившему уже наше доверие: он поймет свою задачу, и, помня завещание Паниных, Безбородко, Ростопчиных[1025], будет прислушиваться к общему мнению, которое уже начинает возвышать свой национальный и всегда поучительный, полезный голос.

Вот как рассуждают у нас теперь в Москве об Ост-Индском вопросе со стороны политической: Русская Ост-Индская экспедиция всегда возможна: это доказал за 330 лет до Рождества Христова Александр Македонский без всех вспомогательных средств нашего времени. Это доказал в наше время Наполеон I в плане, представленном им покойному Императору Павлу[1026], который (NB) по странному стечению обстоятельств, скончался от апоплексического удара именно тогда, когда задумался с ним согласиться.

Ни о какой экспедиции в Азию правительство не думает.

И без большой экспедиции малое военное путешествие или почетное посольство под военным прикрытием к некоторым смежным владельцам Средней Азии, в Хиву, Бухару, Ташкент, Кабул, Афганистан какая-нибудь другая искусная демонстрация, к которой всегда можно найти благовидные предлоги и даже законные причины, может прибавить много хлопот Англичанам в настоящее затруднительное для них время.

И демонстрации никакой правительство не хочет делать, не хочет увеличивать затруднений Англии.

За такой образ действий в тяжелых обстоятельствах Англии имеет ли право Россия, рассуждают Москвитяне, получить какие-нибудь выгоды, точно как Англия получила их в тяжелых обстоятельствах России, ею же, вдобавок, вызванных?

В Европейских газетах пошла глухая молва о возвращении Гибралтара Испании и предоставлении Мальты Франции за предполагаемую ее помощь? Что же? Одна Россия с 70 миллионами своих жителей, с своим соседством к сцене настоящих действий, с своими отношениями к Средней Азии, с своим удобством вредить Англии, одна Россия не должна получить ничего, не должна думать не об каком возвращении из потерянного. Не будет ли это слишком великодушно, чтоб не сказать иначе?

По крайней мере, почему бы не поставить всех сих соображений на вид Англичанам, почему бы не заявить нашего великодушия и бескорыстия, если мы уже решились оставаться праздными зрителями настоящих событий, отказываясь, почему бы то ни было, от извлечения всякой для себя пользы.

Вот как рассуждает старая Московская партия об Ост-Индском вопросе со стороны политической.

Со стороны человеческой, как Европейцы, как христиане, как племя образованное, мы желаем успеха Англичанам, желаем, чтоб они утвердили свое владычество в Индии и распространили его, сколько могут, в Азии, Африке и Америке: мы желаем, чтоб прочие Европейские народы успевали точно также, и водворялись крепче и крепче в других частях света, кои должны принять в свои недра избыток Европейского народонаселения в многочисленных благоустроенных колониях и тем избавить старую Европу от беспокойств, тревог и опасностей, причиняемых теснотою, павиеризмом[1027] и пролетариатом[1028]. Сим и Хам, по слову писания, должны поклониться Иафету[1029]. С этой точки, je reviens toujours mes moutons[1030], усилия противо-русские Франции и Англии, кои недавно сочли Турцию необходимым членом Европейского семейства и законным тираном десяти миллионов христиан, останутся неизгладимым пятном на страницах их Истории.

Желая Англичанам совершенного успеха во всех мерах ими предпринимаемых и скорейшего окончания возникшей внутренней войны, мы желаем вместе нравственного, умственного, духовного преуспеяния для тех восточных племен, кои судьба привела под власть

Англичанам. Мы желаем, чтоб Англичане умели представлять себя на их месте и с их места, а не с своего, не по-своему, придумали им поступательное движение вперед, хоть тихим, но верным шагом. Мы осуждаем и проклинаем вместе с их человеколюбивыми и беспристрастными писателями власть, имеющую целию одно желание обогатиться на чужой счет, эксплуатацию несчастных туземцев во всех отношениях, как то делалось большею частию до сих пор, по собственному их признанию, Англичанами, да и прочими Европейцами. Мы отнюдь не возлагаем вины на одних Англичан. Мы не исключаем ни Голландцев, ни Испанцев, ни Итальянцев, ни даже Русских. Что сделали эти Европейцы для подвластных им племен Африки, Америки, для северных Финских племен?

Негры, Эскимосы, Чукчи[1031]! Но что я говорю о черных, красных, желтых! Как живут те белые, которых неблагоприятная судьба подчинила тому или другому чужому господству? Как живут Ирландцы под Английским владычеством? Как живут Славяне под Австрийским Владычеством? Как живут Итальянцы под различными своими владычествами? Как живут Поляки, рассыпанные по всем частям земного шара?

Стыд, срам и поношение! А сколько кликов об успехах просвещения! Какие жаркие прения о торговле Неграми[1032]! Девятнадцатый век, девятнадцатый век! Правда — в девятнадцатом веке катаются по железным дорогам и плавают спокойно в быстрых пароходах; вкушают на своих столах яства, собранные со всех пяти частей света и упиваются тончайшими винами, покоятся на мягких диванах, и стены домов блестят золотом, мрамором и бархатом; всякий вечер услаждают зрение и слух избранные артисты, получающие по сто и по двести тысяч жалованья, — все это правда: искусство и наука вознеслись на высокую степень совершенства, а в каком состоянии находится большинство Европейского населения? Спрошу я вас, не быв ни коммунистом, ни социалистом.

Я перейду теперь от племен покоренных, подчиненных, которых коснулся после несчастных индейцев и Негров, к племенам господствующим, владетельным. Что вы скажите о десяти миллионах нищих в Англии, о бессчетном количестве пролетариев во Франции, об образованной в образе, без лишней булочки, жизни Немецкой, об ужасном положении Испании, о разбоях Итальянских, о дикости в Сицилии, о нищете в Папских владениях, о толпах лазаронов[1033] в

Неаполе, которые живут под открытым небом и питаются гадкими морскими извержениями, о миллионах крестьян в России, которые едят круглый год пустые щи с коркою черного хлеба, хоть мы и отпускаем пшеницы на многие миллионы в чужие края, которые всю ночь сидят в потемках или освещаются смрадною лучиною, хоть мы и отпускаем сала на многие миллионы в чужие края, которые ходят в лаптях и одеваются дерюгою, хоть мы и отпускаем кожи и шерсти на многие миллионы в чужие края, и которых сверх того за все их труды, за все наши артистические наслаждения, купленные их потом и кровию, можно бить, сечь, насиловать, содержать в тюрьме, ссылать на поселение, осуждать на каторгу, разлучать с семейством? И вот я, из Англии, совершив путешествие кругосветное, воротился в любезное отечество.

Но восходит и для Русских крестьян светлая заря. Радуйтесь и веселитеся! Я нарочно развернул перед вами печальную картину, нарочно усилил, может быть, мрачные краски, чтобы тем сильнее поразить ваше зрение ярким светом, у нас разлившимся, наполнившим сердца наши небесной сладостию. Государь Император, — да будет благословенно в роды родов его имя, — перед отъездом своим в чужие края, объявил, говорят, решительно непременную свою волю освободить крестьян и исполнить любимую мысль покойного своего родителя. Пусть прольются на его растревоженную могилу несколько капель успокоительного елея! Слышно, что... Однако письмо мое сделалось слишком длинно и пестро. Я предупредил, впрочем, вас, что нахожусь в сердечном волнении. Теперь вы видите причину. До другого раза! В следующем письме я постараюсь познакомить вас с положением этого вопроса, столько интересного для всех друзей добра, свободы и человечества.

ЗАПИСКА О ПОЛЬШЕ
1856

Судьба Европы в настоящую минуту висит на одном волоске: на жизни Лудовика Бонапарта[1034]. Упади он под метким выстрелом, умри он от изнурения сил, горячкою, апоплексическим ударом, — что все очень возможно, — и завтра вспыхнет такой пожар во Франции, что небу будет жарко. Огонь разольется тотчас по Италии, из Ломбардо-Венецианского королевства[1035] охватит все Австрийские владения, а из Венгрии недалеко перекинуться головешкам в соседнюю Польшу, в знак благодарности, и... и конца его в России не видать!

Должно ли нам, по закону благоразумия, быть готовыми на такой случай, или нет?

Предполагаю другой случай: Бонапарт проживет долго, так как живет теперь: можем ли мы быть спокойны, по крайней мере, в продолжении его жизни?

А кто проникнул в его душу, и кто знает, что таится на дне ее и даже под поверхностию?

Что если Парижский мир[1036] есть только временное перемирие, следствие усталости, возникшего в Европе неудовольствия, недостаточности заготовленных средств? Что если пред нашими глазами кончилось только первое действие трагедии и что если занавес скоро опять поднимется?

Англия, сняв с себя личину, обнаружась перед Россией, в которой видит себе врага естественного и грозного, не могла не застраховаться крепко-накрепко. Мудрено ей оставить нас в покое с раздраженным народным самолюбием, с законною жаждою мести, и с такими легкими ранами, которые заживут скоро под чуть-чуть порядочным пластырем! Стоило ли труда ей, равно как и Франции, потратить столько миллиардов и погубить столько тысяч лучшего народа для Парижского мира? Игра не стоила свеч! Ну как Франция и Англия, отдохнув и собравшись, с свежими силами, грянут на нас снова, и уже опытные, обжегшиеся на молоке, обдумают свое нападение пошире и повернее Крымского, чтобы добить нас вдосталь, чтобы не допустить до отмщения, чтобы заговорить навеки ту обиду, которая иначе не даст им спать спокойно никогда!

Может это случиться или нет? Должно ли нам быть готовыми и на этот второй случай?

Что же значат нынешние несогласия Англии и Франции в Константинополе и Неаполе[1037]?

Это кукольная комедия в роде прежних, для поддержания беспечности, к которой так склонна русская натура. Если бы Бонапарт не был с Англичанами за одно, то его слова было б достаточно, чтобы пресечь все их каверзы[1038].

Но предположим третий случай: Парижский мир искренен: Наполеон достигнул своей цели, показал силу Франции и доставил ей первое место в системе европейских государств, унизил и устрашил Англию, и не имеет нужды в большем поражении России. Он прекратил войну с нею окончательно, и принимает теперь от души графа Киселева[1039].

Но Тильзитский мир[1040] был также искренен: Наполеон I обнимался с Александром в Тильзите также от души и, однако ж, после этих дружеских объятий года через три-четыре Наполеон I переправился через Неман с тысячью пушек и полумиллионом войска, собранного со всех европейских народов.

Обстоятельства, скажут, увлекли Наполеона I. Другие обстоятельства, еще гораздо легче, могут увлечь, даже против воли, его племянника, Наполеона III, сангвиника[1041], авантюриста с Итальянской, Французской и Голландской кровью, имеющего Бог знает какие и с кем обязательства, какие antécédens[1042]. Он не может поручиться за себя ни на один день и еще меньше может поручиться за него кто-нибудь другой: какие могут у него возродиться желания при благоприятных обстоятельствах, куда и как бросит его судьба в обстоятельствах противных!

Во всех трех возможных для России случаях, то есть погибнет ли Бонапарт и загорится Европа, таится ли заговор Англии и Франции против России или возникнет где-нибудь Европейская война, вследствие новых столкновений, Польша сделается нашею пяткою, открытою вражеским, ядом напоенным стрелам, пяткою, чрез которую, уязвленную, антонов огонь может разлиться по всему организму: на Польшу, следовательно, необходимо обратить нам великое внимание.

Но оставим мрачные предчувствия и предположим четвертую возможность: Бонапарт проживет долго и благополучно, заговора

против России не существует; дружество между Англией и Францией ослабело, одним словом, Европа остается на долго in statu quo. Посмотрим, в каком же положении находится теперь Россия?

Россия находится политически в самом унизительном и позорном положении, в каком она со времени Петра Великого не находилась никогда. Она упала с высоты своего величия и очутилась вдруг среди держав второклассных и третьеклассных и не смеет говорить там, где Англия и Франция, даже Австрия, решают дела, лично до нее касающиеся, не только посторонние. В Константинополе имени ее не слышно, как будто бы и не было ее на белом свете, не только в соседстве, — в Константинополе, от которого мы, по общему сознанию, были в двух днях пути, где никакого шага не ступалося без нашего соизволения, где наше слово было законом со времен Екатерины.

Грецию, находящуюся по трактатам под нашим покровительством, занимают Французы и Англичане и не позволяют Грекам выражать даже свое к нам сочувствие. Мы не можем пособить своим единоверцам ни в чем, допустив, впрочем, и прежде их разорение из-за самого пустого предлога, несправедливого иска какого-то португальского жида дона Пачифико[1043].

Молдавию и Валахию, страны Русскою кровью избавленные от Турецкого ига, почти принадлежавшие нам, занимают Австрийцы вплоть до наших границ, судят и рядят и производят разные опыты вместе с Англией и Францией, не заботясь нисколько о нашем согласии и даже мнении.

От Славянского Дуная, нам родного, мы отброшены. Чужие военные корабли плавают около наших обезоруженных берегов. Черное море без флота и крепостей принадлежит не нам, и границы наши везде открыты. Мы не смеем ни принимать меры для нашей защиты, ни строить кораблей, ни сооружать крепостей.

В палатах слышатся беспрестанно угрозы, в газетах читаются ругательства; в публике разносятся всякие клеветы. Враги наши, Англичане и Австрийцы, не считают уже нужным сдерживаться, скрывать свои чувствования как прежде, и выражают их без всяких околичностей.

Неужели можно говорить так с второстепенною державою, которая считает у себя слишком шестьдесят миллионов жителей и занимает пространство больше всей Европы? Неужели можно поступать так с Россией Петра, Екатерины, Александра, которая считала до сих пор полтораста лет своей истории одними победами и торжествами?

И все эти оскорбления, все эти кровные обиды мы должны переносить терпеливо, скрывать малейшее неудовольствие, глотать новые слезы и принимать на себя веселый вид, когда на сердце у всякого Русского скребут кошки.

Единственная надежда наша на Лудовика Бонапарта, и его слово, его взгляд, его улыбка составляют наше счастие, внушают бодрость или нагоняют печаль!

Господи! До чего мы дожили! Стыд, срам и поношение!

Покойный Государь[1044] писал к императору Французов о том чувстве, которое должно было стеснить сердце всякого Русского, при известии о появлении иностранных кораблей на Черном море: что же должны мы чувствовать теперь, подвергаясь ежеминутно таким надругательствам, и, если есть в нас хоть искра гражданского стыда, можем ли мы успокоиться до тех пор, пока не возвратим себе места в Европе, принадлежащего нам по праву, завещанного и историей, и природой?

Что же нам делать?

Не затеять ли новую войну?

С кем же, за что, где? С Турцией нельзя, с Францией далеко, с Англией негде, с Пруссией не за что. Разве с Австрией? Но, начав с нею теперь войну, мы все-таки поднимем на себя опять всю Европу и рано или поздно на нас опрокинуться все. Общественное мнение, которое только что успокоилось несколько и готово сблизиться с нами, восстанет опять против нас, как нарушителей дорого, любезного и нужного для всех спокойствия, как зачинщиков войны, для всех ненавистной, тягостной, пагубной.

Впрочем, нечего себя обманывать, мы не готовы ни для какой войны: запасы наши истощены, финансы расстроены, все средства поражены; последние события показали в ясном и вместе ужасном свете наши недостатки. Нам надо еще учить офицеров, приготовлять лекарей, устраивать дороги (а основание их на десять лет в чужом распоряжении), запасать оружие, преобразовать комиссариатское и провиантское управления[1045], в коих злоупотребления дошли до чудовищных размеров, как оказывается по последствиям, хуже консистории и инженерного ведомства[1046], прежде столь знаменитых в этом отношении, и мало ли что надо сделать! В десять лет усиленного труда, напряженной деятельности, едва ли успеешь много! Исправления и улучшения, правда, начинаются у нас, но слишком тихо, без соразмерности с вопиющими

потребностями и грозящими опасностями. Такие медленные успехи не позволят нам еще долго подумать о какой бы то ни было наступательной войне. Таким шагом не догоним мы Европы, которой приготовления с изобретениями не останавливаются. Мы едва приступаем к железным дорогам, а она, того и гляди, изобретет воздухоплавание или новый credit mobilier[1047], позамысловатее последнего.

На войну, следовательно, надежда нам плохая! Какие же есть другие средства выйти из нашего постыдного положения?

Дипломатия?

Дипломатия может действовать успешно, когда ей есть на что опереться. Враги узнали теперь коротко все слабые стороны нашего управления, расстройство государственной машины, личный состав правительства, невозможность поддерживать слово делом, следовательно, искусство дипломатии самой умной не может принести нам много пользы, и нотами, самыми ловкими, могущества сочинить нельзя, нельзя поправить репутации.

Средство, сильнейшее, действительнейшее средство выйти нам из настоящего нашего положения должна, по моему мнению, доставить Польша.

Польша была для России самою уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сделаться крепкою ее рукою.

Польша отдаляла от нас весь Славянский мир: Польша должна привлечь его к нам.

Польшею мы поссорились с лучшею Европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться с нею.

Как же достигнуть такой блистательной цели?

Очень просто. Дайте ей особое, собственное управление. Оставаясь в нераздельном владении с империей Российской, под скипетром одного с нею Государя, с его наместником, пусть управляется Польша сама собою, как ей угодно, соответственно с ее историей, религией, народным характером, настоящими обстоятельствами.

Объявится это решение во всемилостивейшем манифесте и Лудовик Бонапарт тотчас понизит голос, Англичане прикусят язык, Австрийцы получат смертельный удар в грудь, вся частная, благородная часть Европейского населения, с общественным мнением, обратится совершенно на нашу сторону, и первое место между Государями Европейскими займет по-прежнему Император Всероссийский и Царь Польский!

Поляки, понявшие теперь после семидесятилетних несчастных опытов и тяжелых страданий, обманутых семьдесят раз вероломным образом сладких надежд, что от запада ожидать им нечего, Поляки примут с восторгом неожиданную милость, выше которой они ничего желать и воображать себе не могут, бросятся все, даже самые отчаянные радикалы, с восторгом в наши распростертые к ним объятия, и рады будут до последней капли крови защищать эту драгоценную для них свободу, — и никакой враг не посмеет приблизиться к нашим западным границам*.

Соседние Поляки, Австрийские и Прусские, сделаются самыми верными нашими друзьями и доброжелателями, мимо которых ни Австрия, ни Пруссия не посмеют сделать шагу, принужденные употреблять еще лишние силы для того, чтобы удержать их за собою. И не удержать, потому что мысль о repel'е естественно возникнет между ними, и при первых благоприятных обстоятельствах они сольются с своим любезным отечеством, то есть Галиция и Познань увеличат силу Польши и России.

Все прочие Славяне и другие племена, угнетаемые в Австрии, как то Чехи, Кроаты, Сербы, Венгерцы, живя рядом с счастливою, самоуправляющеюся Польшею, захотят себе, разумеется, такого же простора. Турецкие Славяне от них не отстанут, и вот нас сто миллионов. Милости просим побороться.

Все это будет происходить в течение времени тихо, постепенно, без всякого кровопролития, без всяких трудов, издержек, опасностей, пожертвований, без всяких побудительных и возбудительных со стороны России мер, происков, козней, одним словом — само собою, по естественному порядку вещей.

А от чего же, скажут Славянские племена, не поднимались в продолжении последней войны?

Оттого, что не знали ничего верно и ясно о наших намерениях, сомневались в нашем постоянстве, отвращались самими нашими агентами, опасались навлечь на себя новые притеснения, и, наконец, оттого, что не любили нашего грубого самоуправства, не хотели менять одно на другое и попасть из огня да в полымя.

---

* Управление Маркиза Велепольского, увы, доказало неосновательность этой надежды. Впрочем — к нему, может быть, применялось общее европейское изречение этого времени: слишком поздно!

Когда же Польша получит собственное управление, и Россия, не касаясь ее внутренних, любезных национальных интересов, будет только ограждать ее от внешних опасностей и содействовать своими бесчисленными многообразными средствами к ее преуспеянию, то чего же будет лучше желать Австрийским и Турецким славянам? Они наши, то есть члены будущего великого Восточного союза.

Но оставим эти более или менее далекие события и возвратимся к настоящему времени: что в первую минуту, по предоставлении Польши самой себе, произойдет для России?

В первую минуту Россия, огражденная дружественной, одну судьбу с нею разделяющей Польшей, становится уже безопасною от всяких западных нападений, и вспомоществуемая усердно пятью миллионами преданного, восторженного племени, с собственными бесконечными силами, коими получит возможность располагать без всякого опасения и развлечения, сделается опять страшною западу, вместо того, что теперь страшен ей запад.

В этом положении, не обнажая меча, не только возвращает она себе, но и увеличивает сторицей прежнее значение в Европе, не боится ни смерти Лудовика Бонапарта, никаких его выходок, ни заговора Англии и Франции, никаких Европейских случайностей.

Как историк, осмелюсь сказать в заключение, что предоставление Польши самой себе, согласное с Европейскими и Русским ожиданиями дел милости и кротости от царствующего ныне Государя, есть вместе искупление великого Европейского греха (не нашего), которое не может остаться без великого вознаграждения. Блажены миротворцы, сказал Спаситель[1048], а погасить ненависть и возбудить любовь в сердцах многочисленных племен, о, это такое святое дело, которому и ангелы на небеси возрадуются.

Рассмотрим теперь вопрос с другой стороны, более прозаической.

Предоставляя управление Польши самой себе, не теряет ли чего-нибудь Россия?

Ровно ничего — она теряет только ненависть Польши, которая связывала ее во всех действиях, и получает любовь, а с любовию и

искренней всегда помощью приобретает новую силу без малейшего для себя ущерба.

А доходы? Из доходов царства Польского Россия, хоть это можем мы сказать с гордостию, не пользовалась до сих пор никогда ни одним грошем: так и вперед доходы царства Польского будут обращаться на удовлетворение его нужд по собственному благоусмотрению.

Россия будет иметь еще выгоду от такого правительственного разделения, ибо часть ее долга с 1815 года[1049], должна, по расчету народонаселения, отпасть на Польшу, как употребленная на удовлетворение общих нужд безопасности и проч.

Чиновники Русские должны будут покинуть царство, но, вероятно, столько же чиновников Польских, или еще более, служит в России, и они могут обменяться местами, или во избежание затруднений, те и другие могут до срока, до эмеритуры, оставаться на своих местах, с постановлением, чтобы впредь все места, как там, так и здесь, замещались туземными чиновниками.

Перейдем теперь к возражениям: Поляки, по своему характеру, не будут довольствоваться своею свободою, а пожелают прежних границ.

Это возражение старое. Прошло много лет с тех пор, как оно сказано впервые. Оно не имеет теперь смысла: если мы добровольно отказываемся теперь от новых своих завоеваний, коими владеем, то, разумеется, Поляки не могут спрашивать у нас старых своих завоеваний, кои давно потеряны ими. Где говорят по-польски, там Польша, где говорят по-русски, там Россия. Какое правило раздела может быть правильнее, справедливее, вернее? В Белоруссии, на Волыни, в Подолии, в большой части так называемой Литвы, только помещики — Поляки, потомки завоевателей, или лучше находников[1050], XIV и XV столетий, а вся земля есть чисто Русская, народ говорит по-русски, исповедует Русскую веру. Кто же со здравым смыслом может потребовать отторжения этих исконных Русских областей от нашего состава государственного и присоединения к новому составу царства Польского? Мы, Русские, отказываемся от всяких прав завоевания, выходим, так сказать, из царства Польского, нами приобретенного, точно также должны бы даже выйти Поляки из западных наших губерний. Но мы и этого не потребуем в вящее доказательство нашего великодушия и снисходительности: оставайтесь, если согласны жить под нашим за-

конами; идите куда угодно, если не хотите, продав ваши имения*. Всего бы лучше удовлетворить Польских помещиков западных губерний свободными землями в царстве Польском, если выкупить в течение времени их имения. Впрочем, если Россия и Польша образуют одно союзное целое, то не все ли равно жить Поляку в пределах Русской империи или Русскому — в пределах царства Польского, по доброй, разумеется, воле?

Все это так ясно, просто и естественно, что ни на минуту, кажется, нельзя остановиться на решении. Прежняя система, введенная в продолжение двадцати пяти лет, какие имела следствия? Поляки ненавидят внутренно Русское правительство, как ненавидели сначала, повинуются нехотя, со злобою в сердце, и желают перемены во что бы то ни стало, да и нельзя иначе! Теперь везде наступил период сознания. Мы должны беспрестанно бояться за Польшу, и из-за нее даже за себя. С новою же системою мы избавляемся и от бремени, и от страха и приобретаем явных друзей вместо скрытых и открытых врагов. Чего же лучше и желаннее? Сам Паскевич[1051], как я слышал, возымел эту мысль в последнее время своей жизни.

Третье возражение: не будет ли пример Польши заразителен для России, и не захочет ли она со временем таких учреждений, какие изберет себе Польша?

Это возражение могут делать только люди близорукие и незнакомые с историею, с характером народов. Россия испокон века жила рядом с Польшею, и между тем в Польше господствовало liberum veto[1052], а Россия кланялась беспрекословно Ивану Васильевичу Грозному. Польша до сих пор неизвестнее у нас, чем Китай: у нас другой характер, другая кровь, другая история, другие обстоятельства. Если придти в Россию так называемой заразе, то она придет не посредством Польского языка, у нас, к сожалению, совершенно неизвестного, а посредством Французского, которого остановить никаким уже образом нельзя; посредством западных примеров, которые приплывают и прикатываются к нам со всякою почтою, а также никоим образом закрыты от нас быть не могут. О средствах неизбежной заразы говорить здесь не место.

---

* Это была моя мечта. Последние происшествия ясно доказали, что Поляки не могут расстаться с мыслию о владении западнорусскими губерниями, и тем решают судьбу свою. Поздн. примечание.

Предварительные меры, оглашаемые в какой заблагорассудится форме:

Приглашение всех эмигрантов в отечество без всяких ограничений, с паспортами миссий, немедленно выдаваться имеющими.

Возвращение всех Поляков, сосланных за политические так называемые преступления, без исключения*.

Приготовления проектов для университета в Варшаве или пяти факультетов в пяти городах, что кажется полезнее для ученой жизни и для возвышения городов, слишком униженных столицею.

Приготовление проектов для устройства железных дорог в Россию, Познань и на Север.

Возвращение книг из И. Петербургской библиотеки, кроме нужных преимущественно для России, в замену которых должны быть доставлены из наших библиотек книги, нужные для Польши, по взаимному соглашению, также Русские книги.

Установление свободы книгопечатания.

Планы формирования войска.

О размещении чиновников.

Расчеты о государственном долге.

О поземельных менах.

Предложение римско-католическому духовенству обратиться к папе или своему синоду о допущении брака по древним примерам.

Учреждение сеймиков и сеймов в том виде, в каком застало их первое деление.

На этих сеймах, по возвращении всех эмигрантов, Поляки должны будут учредить избираемый ими образ правления во всех подробностях и частностях и представить на утверждение царское.

Приведение в исполнение всех мер потребует не менее двадцати пяти лет, а в двадцать пять лет много воды утечет и притечет!

Необходимость царского утверждения оставить всегда Государю свободу действия по усмотрению, если бы случилось что-либо противное его благим намерениям и вредное для России, а 60 миллионов всегда сладят с четырьмя.

---

* Она-то начала последнее восстание. Поздн. примечание.

Историк Русский, друг отечества и человечества, Карамзин, заклинал покойного Императора Александра I отказаться от мысли о восстановлении Польши, опасаясь за Россию.

Прошло почти пятьдесят лет. Обстоятельства переменились. Наступил новый век с новыми мыслями, видами и требованиями. То же чувство любви к отечеству и человечеству побуждает и меня, служителя той же истории, умолять Государя Императора о восстановлении несчастной Польши в пределах ее родного языка, отнюдь не в пределах 1772 года, на которые восставал Карамзин, отнюдь не с нашими западными губерниями, на пользу и славу России.

Новое воззрение не разнится от Карамзинского, время примиряет и соединяет их воедино.

1856
*24-го ноября**

* Возражение и полное опровержение этой записки, см. в последних статьях.

ПОЛЬША И РОССИЯ
1859

Европа накануне великих потрясений и великих переворотов. До чуткого уха уже доносятся глухие раскаты грома. В ожидании неминуемой грозы Россия и Польша должны сблизиться между собою как можно теснее, должны составить одно дружное целое. Насильственное, случайное соединение должно претвориться в полюбовное, разумное. Вот чего боится Европа, вот что старается всеми силами не допустить Немецкая дипломатия, вот что чуя, Пруссия укрепляет Кенигсберг[1053], вот о чем должны стараться все мы, Славяне, верные сыны России и Польши.

Живо чувствую я положение образованного Поляка, знакомого с своей историей, и принимаю к сердцу справедливые его сетования.

Однажды случилось мне возвращаться из чужих краев чрез Польшу по железной Краковской дороге, осенью 1853 года.

В первую минуту начинаются обыкновенно разговоры в вагоне, кто, куда, и откуда едет. В числе путешественников находился молодой человек, лет 25, прекрасный собою, высокий ростом, стройный, с длинными, густыми, светлорусыми волосами, румянец во всю щеку. Это был Поляк, но родившийся не в Польше и ехавший в Варшаву только в первый раз, как из разговора оказалось: на чье-то сомнение или вопрос, как он, быв Поляком, не знает Варшавы, молодой человек запнулся и в приметном волнении отвечал что-то не ясно.

Я сидел на средней лавке, он под окошком против меня. Двинулся поезд и разговор прекратился. Молодой человек, привлекший мое внимание, высунулся всею головою из окошка, облокотясь обеими руками в стенку. Страна, по которой пролегает дорога, пустая, однообразная, скучная, одни болота, кое-где мелкие кустарники, вдали лес. Погода была пасмурная, осенняя, начинало темнеть, мелкий дождик моросил. Поляк, высунувшись, оставался долго неподвижный. Прекрасные его волосы развевались ветром. Казалось, он ничего не чувствовал, вперив свои взоры в туманную даль. Сердце мне сказало, что это изгнанник или сын изгнанного семейства, который в первый раз видит свое отечество, боится пропустить один шаг, впивает родной воздух. Какие думы проносились чрез его душу! Долго оставался молодой человек в одном положении, потом вдруг, стре-

мительно встал, отворотился, свернул плащ себе под голову и лег ничком на лавку.

Эта четверть часа произвела на меня удивительное действие: грустную элегию, высокую оду о любви к отечеству, прочел, почувствовал я в безмолвных, стремительных движениях молодого человека.

Дорого отечество для всякого благородного существа, не погрязшего в ежедневной злобе, и чем положение его несчастнее, даже виновнее, тем оно дороже, тем сильнее возбуждает любовь и сострадание.

Но одной Польше, на своей равнине, между Пруссией, Австрией и Россией существовать, если и возможно, то трудно, беспокойно, невыгодно, опасно. Так распорядилась география, так помогла история. Для соединения с Пруссией и Саксонией опыты были, и что показали? Познань, под управлением Прусским, где земля почти уже на половину перешла к Немцам, и Польское начало видимо изнемогает, и Галиция, где Польские помещики недавно еще были преданы ножу, представляют ясные доказательства опасности немецких соединений. А Запад? Мы говорили уже об нем выше.

...Стерпится — слюбится: в настоящих обстоятельствах — это лучший образ действия. Александр II[1054] желает искренно добра, как Русским, так и Полякам. Это всего важнее. Освобождение крестьян есть уже большой шаг на пути к успеху. За этим шагом последуют другие, ибо останавливаться нельзя, и Польша, в своем благоденствии, Бог даст, найдет вознаграждение за перенесенные страдания. Трудно дожидаться так долго, тяжела зависимость от так называемого случая, да что же делать, если так вырабатывается и строится история не у одних нас?

Смею думать, что важнейшим препятствием к приведению дела в лучшее положение служат неумеренные, или лучше сказать, несправедливые притязания Поляков, которые приписываются им Русскими, начиная с Карамзина, и не без основания. Вот об этих-то притязаниях хочу я поговорить теперь, чтоб отстранить всякие недоразумения и поводы к распре, мешающей не только нам, Полякам, но и всему Славянскому миру.

Постараюсь принести вопрос в самую краткую и простую формулу.

Польша, думают у нас, будет искать прежних своих границ, то есть старых своих завоеваний.

Помилуйте! Как же можно думать ей о старых завоеваниях, ею с бою потерянных, когда мы Русские новые свои завоевания согласимся не считать завоеваниями? Ведь это было бы non-sens[1055].

Если принимать началом, основанием, завоевание, то Польша принадлежит теперь России, и толковать нечего. Если же согласиться, что Польша не принадлежит России, то кольми паче не принадлежат Польше ее прежние, временные завоевания в России, которые остались, как были искони, Русскими, с Русскою верою, с Русскими обычаями, с русским языком.

Язык — вот естественная граница народов.

Где говорят по-польски, там — Польша.

Где говорят по-русски, там — Россия.

Какое основание может быть вернее и справедливее? На Волыни, в Подолии, Белоруссии[1056] только помещики и горожане Поляки, потомки старых завоевателей: они должны быть вознаграждены, если б не захотели остаться в своих местностях. Вот и все. Владимир, Полоцк, Минск, Каменец, точно как Киев, Чернигов, Смоленск[1057] никогда не были, никогда не будут и никогда не могут быть Польскими. Во веки веков не согласится на это не только Правительство, но и никакой Русский.

Но о пределах нам спорить будет нечего. Лишь было б жить одинаково привольно, льготно и хорошо, по ее и по ту сторону Немана и Буга[1058], так вся Россия предстанет к услугам Польши, точно как вся Польша откроется для России. Чем просторнее, тем лучше. И вот тогда-то будет смотреть на нас с почтением Запад! И вот тогда-то Россия и Польша, соединенные между собою узами дружбы и любви, получат возможность помочь своим несчастным единоплеменникам, Славянам, томящимся под чуждым игом, получат возможность помочь действительнее и чище, чем Франция помогла теперь Итальянцам[1059].

Европа, повторяем, накануне великих переворотов и потрясений. Горе, если они застанут нас врасплох! Великое горе, если у Поляков, равно как у Русских, повторятся прежние ошибки! Имеющие уши слышать, да услышат!

Июля 30-го дня, 1859 г.

ПИСЬМО К г. Б. О НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ. Что нам делать?

Вот вы опять подняли со дна души у меня весь осадок! Ах, как мне стало и тяжело и досадно! И я должен уже высказаться: иначе поднятая смесь будет душить меня, не давать мне покоя и мешать моим занятиям.

Домашние голоса нигде не внушают к себе доверенности, особенно если они идут не из окружающей среды, не от знакомых лиц. Священное Писание говорит, что даже пророкам не бывает чести в отечествии их[1060].

В письмах своих, начатых по вашему вызову[1061], мне случилось сделать много предсказаний. Письма напечатаны теперь за границей. Всякий может руками осязать правду, верность взгляда: так нет, не хотят вникнуть в мои слова и пропускают мимо ушей.

В 1856 году я послал записку о Польше к N. N.[1062], и говорил, что для Поляков необходимо сделать то, что теперь делается. N. N. не обратил внимания на записку, дав мне знать, что несогласен со мною.

По возвращении его из путешествия (1857), я послал опять записку, и получил отзыв, даже в выражениях очень резких.

За полгода я написал письмо, забыл к кому, и напомнил, что есть еще момент благоприятный для преобразований в Польше, вслед за освобождением крепостных крестьян.

Документы в моих руках. Ну что же? Правду ли я говорил, ясно ли я видел, чего не видели другие?

Теперь, теперь уже поздно принимать те меры, кои могли принести пользу тогда. Теперь нужны другие меры, но они не приходят в голову чадам подъяремничим[1063], рутинистам[1064]. Стояв всегда в самых опасных обстоятельствах за свободу и самостоятельность Поляков, я подал бы теперь совет совсем другого рода, который заставил бы Поляков притихнуть лучше осадного положения и всяких угроз и наказаний.

У наших министров, старых и молодых, есть как будто наследственная болезнь: лишь сядут они в кресла, как и сочтут унизительным для себя спросить, принять, даже предположить, чье бы то ни было мнение, и начинают действовать по собственному разумению, иногда очень крайнему, по собственному вдохновению, иногда очень несостоятельному.

Между тем, дела иностранные и домашние становятся столь сложными и мудреными, принимают такой оборот, что иногда мелкое, пустое

при других обстоятельствах, упущение причиняет великий вред и мешает успеху. Так в хорошо устроенном доме, с благонадежными стенами и крепкою крышею, при теплых печках и крепких полах и потолках, одна трещина в оконном стекле приносит холод, и в комнате хоть не живи.

Другой важный недостаток: всякий министр думает о себе, о своем ведомстве, как бы ему усидеть, как бы предупредить подкопы, отличиться, а взгляды общие с высшей точки зрения, на все положение и отношение ко всей Европе, не только в настоящем, но и будущем, мимо текущих бумаг, встречаются редко.

Третий недостаток — быстрая подчиненность обычаю — как было прежде, не было ли примеров, чтоб не подпасть ответственности, и как свалить, в случае нужды, с больной головы на здоровую.

Четвертый — забота, понравится ли это тому, другому, третьему, четвертому, пятому, шестому, вверху, внизу, на стороне.

Но Бог с ними! Подай им Господи исправляться и возвышаться духом и сознавать идеи отечества и России.

Опасности страшные грозят России. Что ее ненавидят все, чуя ее силу и боясь ее пробуждения, в этом сомневаться нельзя. Французы, Англичане, Немцы, и Шведы, и Датчане, и Итальянцы это доказали нам ясно. Греки, Волохи[1065], самые Сербы, даже Черногорцы, видя, что на нас надежда им плохая, обращаются к Западу.

Англия за Португальского жида дона Пачифико[1066], признавшего пред тем ее подданство, начала войну против Греции, а мы за тысячи христиан, находящихся под нашею защитою, ежедневно закалываемых, должны молчать пред Турцией. Они могут стать против нас, как я говорил и прежде, если мы не возвратим себе значения на Востоке, и тогда горе России!

Одно из несчастных заблуждений, распространившихся после Крымской войны, — это вот что: мы должны заниматься теперь внутренними делами, а внешние — не до них!

Но ведь время-то не ждет, ведь обстоятельства Европейские нас не спрашивают и идут своею чередой. Пока мы будем, остановясь, чинить то или другое колесо, наваривать шину, рассматривать ось, а Франция, Англия, Германия унеслись уже Бог знает куда или приняли относительно нас Бог знает какое положение.

Все дела Европейские и Русские переплелись теперь, и нет никакой возможности их разделить, иначе вы подвергаетесь опасности беспрерывно большей и большей.

О России никто не думает, не берут в соображение, чего она хочет. Все можно без нее!

После войны, унизившей нас, мы не воспользовались нисколько трудными обстоятельствами наших врагов, как они пользовались нашими. Опять деликатность! Опять великодушие! Так Индийское восстание[1067] прошло, не доставив нам никакой выгоды. Так Итальянская компания Наполеона[1068] и началась и кончилась без малейшего влияния наших обстоятельств. Так не принимаем мы ни малейшего участия и теперь, кроме нот. Трактат Парижский не исполняется, и мы молчим. Не смеем отвратить и нарушение. Вот теперь Английский принц собирается сесть на Греческий престол, присоединить к себе Ионические острова и предъявить, пожалуй, со временем притязания на Константинополь, — ну вот в глазах и сгорит у нас деревня, — а мы не смей восстановлять Севастополя. Так что же? Мы должны оставлять наши берега безоружными!

И наши газеты, не знаю в чей след, повторяют, что интересы Греческие будут противны Английским. Да кто же вам сказал, что интересы Английские, Греческие и Турецкие не могут слиться воедино? Слепцы!

Франция помешает Англичанам утвердиться на Востоке! Может быть, но кто же вам сказал, что думает о том или другом вопросе Наполеон? Ну если продолжается внутренний союз, entente cordiale, несмотря на видимые раздоры для отвода глаз? Ну если Французы и Англичане действуют за одно, как намекнул я при одном случае в прежних письмах? Может быть, этого нет, но всегда государству лучше надеяться на себя, чем на других. Те же Англичане учат нас тому, укрепляя свои берега и учреждая корпусы волонтеров.

В настоящее время нельзя быть довольно осторожну. Удивительные, невероятные вещи совершаются. Такие соединения и разделения, о каких нельзя было и думать прежде.

Что скажут наши политики, если в одно прекрасное утро Англичане овладеют Дарданеллами[1069], как они овладели Гибралтаром, Мальтою, Корфу[1070], Перимом[1071]? Поздно будет ссылаться на право перед fait accompli[1072]!

Мы не можем иметь более четырех кораблей в отношении к Турции, а в отношении к Англии, с той же стороны, мы должны держать свои ворота настежь. Милости просим хоть в Одессу[1073], которая, кстати, получает более и более Польский характер и готова соединиться железными дорогами с Польшею, между тем, как мы все еще критикуем

разные планы и проекты. Польша ведь все-таки остается нашею уязвимою стороною теперь больше, чем когда-нибудь. А дома единодушие не установлено. Смотрите, государственные Русские люди, чтоб не подвергнуться вам страшной ответственности и пред отечеством и пред историей. Вы, кажется, слишком легко смотрите и на положение Европы, и на положение России.

Какие же средства России возвратить себе прежнее место в системе государств Европейских?

Государь находится в трудных и мудреных обстоятельствах, с одной стороны, а с другой, в самых благоприятных: он может сделаться первым государем в Европе и на всем свете. Ни один из царствующих государей не пользуется общим расположением: одного не любят, другому не верят, третьего ненавидят. Занять между ними первое место не мудрено. Какими средствами?

Победами и завоеваниями, для которых у нас нет и средств, нельзя. Наполеон первый ничего не успел бы с своею методою.

Дипломацией и фокусами никого не проведешь. У кого на сколько есть силы, на столько того и уважают, а сила на перечет у всех.

Добрыми и свободными законами даже выигрываешь немного. Государь принимает много либеральных мер, и они произвели бы большее действие в Европе, лет 15 тому назад, а теперь они проходят иногда не замеченные, не оцененные, не возблагодаренные. Вы сами говорите, что никто доброго слова не говорит об нас. От чего это? Требования возвысились, в воздухе распространилось иное влияние и накопилось много желчи от слишком долгого напрасного ожидания.

Главная задача теперь приобрести доверенного от народов. Доказательство представляет Гарибальди[1074]. Как же приобрести доверенность? Новою, совершенно новою методою. Старые песни, и даже новые на старый лад, недействительны. Надо озадачить, ошеломить, чтоб все изумились и должны были поверить нам, и тогда делайте что хотите, вы сильнее всех!

Никому так не легко, не удобно, не безопасно, не дешево это сделать, как нам. Нужно только решиться. Для меня это ясно как день. Меня назовут мечтателем, а я укажу на мои прежние слова — мечта ли была там?

17 Ноября. 1862

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

(Под этим заглавием в 1867 году издано было мною собрание рассуждений, записок и замечаний, писанных 1831–1867[1075] гг. с следующим предисловием:

«Вся Европейская печать кишит статьями о Польском вопросе. Неужели молчать должны только мы, Русские, до которых он больше всех касается? Нет, Европейцы должны узнать наше мнение, должны принять на свои весы наши доказательства. Весы их, мы знаем, кривы, не верны, когда дело касается предметов, приносящих пользу или причиняющих вред России, которая до сих пор представляется в их воображении каким-то грозным призраком, но все-таки мы должны говорить хоть для немногих, способных судить sine ira et studio[1076].

Я писал о Польше несколько раз с 1830 года по разным случаям, и представил осязательные доказательства расположения к Полякам, в самое тяжелое для них время: например, в 1839 году я настаивал на покровительстве Польскому языку, литературе и истории; в 1854 году предлагал совершенное отделение Польши от России и возвращение политической самобытности в пределах Польского языка, в 1856 году желал ей полной автономии.

При таких данных я считаю своим долгом и вместе правом, подать голос и в новых отношениях, созданных ужасными событиями 1862 года.

Следя за их ходом и рассматривая их с прежним беспристрастием и прежним доброжелательством к Польскому народу, я пришел к следующим заключениям:

Польша, *разумно*, не должна желать отделения от России.

Россия, *разумно*, не может отделить от себя Польшу, если б и хотела.

Поляки ничего не могут надеяться от Запада по историческим, географическим и политическим причинам, по ходу дел.

Единственная их надежда на улучшение должна относиться к России, с которою соединила их судьба и История. А не нынешнее правительство.

Западные губернии, заселенные Русским племенем, на кои Поляки рассчитывали больше всего, составляют неразрывную, неотъемлемую часть России, по единодушному сознанию и решению всего Русского

народа, не только правительства, которое, в этом случае, выражает только общую волю.

Поляки могут оставаться там, только как Русские. Те, которые живо сознают свое Польское происхождение, должны удаляться оттуда в Польшу, так называемую, с выкупными листами, или векселями, кои, в таком случае, выдало бы им Русское казначейство.»[1077]

Это предисловие написал я в Марте 1863 года, намереваясь тогда выдать свое собрание, но оно не могло быть напечатано по цензурным недоразумениям, о которых после.

С тех пор утекло еще много воды: много событий разных родов, одно другого важнее и значительнее, совершилось в России и Польше.

В России наступила новая эра: вслед за освобождением 25 миллионов крестьян от крепостной зависимости и наделением их землею вместе с утверждением земли за казенными, так называемыми, крестьянами, и устройством 50-ти миллионов собственников, введено было гласное судопроизводство, получили начало земские учреждения, значительно распространена свобода печати, и многие либеральные учреждения последовали одни за другим.

Они простирались и на Польшу. В Польше устроен был также быт крестьян, посредством тех же лиц, на кои возложено было это великое дело в России; крестьяне Польские сделались такими же собственниками, как и Русские; города освобождены от феодального ига; убежища праздности (и политических козней), лишние монастыри ограничены. Наконец, в последнее время объявлена широкая амнистия; тысячи сосланных за участие в мятеже семейств возвращены на родину; следствия прекращены, конфискации остановлены. Все эти меры следовали точно также одна за другою, несмотря на все препятствия и противодействия, физические и нравственные.

Какое же действие производили либеральные действия Русского правительства на шляхту или, по крайней мере, на эмиграцию? Никакого, как будто б ничего и не происходило нового, ни в России, ни в Польше: Поляки продолжали протестовать, казнодействовать[1078], распускать фальшивые ассигнации, поджигать и требовать не только границ 1772 года, но даже Киева!

При всяком случае я подавал свой голос, призывая врагов к миру, согласию, любви, доказывая вместе очевидную невозможность успеть по другому пути.

В 1865 году, после продолжительного пребывания в Варшаве, я написал статью[1079], поведя рассуждение иною дорогою: я старался стать совершенно на место Поляков; смотреть их глазами, взять на прокат их желания, принять без рассуждения их средства, стремиться к их цели, — и все-таки я пришел к прежнему неотразимому заключению о неизбежности союза, соединения, под какою бы то ни было формою, России и Польши.

Ныне Поляки соединились с исконными врагами Славян, с Немцами, Мадьярами, даже с Турками, объявляя торжественно, что судьба Турции и Польши нераздельны, и, наконец, смертоносным выстрелом в Государя-гостя Франции[1080] ответили на объявленную амнистию.

Шляхта[1081] Польская является совершенно глухою ко всем словам мира, согласия, родства, и совершено чуждою не только Славянам, но даже своему собственному народу. Ослепление непостижимое!

Я давно уже уверился в Западном, Кельтическом или Романском ее происхождении, но теперь уверился еще вот в чем: пришлецы в Польше никогда не соединялись с туземцами, как соединялись они у нас и в других странах, более или менее, так, что шляхта и народ составляют там до сих пор два совершенно различные общества. Иначе не умею я объяснить себе последних явлений.

Habent sua fata nationes[1082]. Шляхта нынешняя, как древние Евреи, изведенные из Египта, должна погибнуть в сорокалетнем странствии по пустыне Европейской, а новая Польша с освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую историю в соединении с Россиею.

Так, кажется, угодно Богу! К тому ведут события.

Намерение мое издать свои записки не состоялось и во второй раз.

Ныне принимаюсь за издание в третий раз и печатаю все свои статьи о Польском вопросе, pro и contra. Они остаются без малейшей перемены. Некоторые выражения и обороты принадлежат времени и обстоятельствам. Прошу за них прощения у кого следует, так же как и за повторения, неизбежные по времени и по месту. Читатели, и преимущественно Поляки, увидят здесь разные фазы моей мысли, при постоянном, впрочем, почтении к Польским достоинствам и горячем доброжелательстве к Полякам, как блиста-

тельнейшему и даровитейшему Славянскому племени, одному из первых членов всего Славянского союза, который составлял любимую мечту моей молодости.

В этом отношении статьи (под № 4) о совершенном отделении Польши от России и (под № 6)[1083] о сообщении ей полной автономии получают особое значение, показывая осязательно, что даже беспристрастный и доброжелательный к Полякам автор, имевший некогда подобные мысли, принужден сознаться в их несостоятельности и невозможности, и убедиться наоборот в необходимости и неизбежности соединения.

Некоторые цензоры советовали мне исключить эти две статьи как несостоятельные, невозможные, и вместе несогласные с настоящим ходом дела, из опасения, чтоб враги не стали на них ссылаться.

Я совершенно не разделяю этого мнения, и совершенно убежден, что ссылаться на эти статьи, писанные, впрочем, в особых обстоятельствах, не может никто, ибо они опровергаются всеми последующими рассуждениями, и вместе действительными событиями: Граф Велепольский, например, устроил полную автономию и доказал, что она не может принеси ничего, кроме страшного вреда. Эти статьи, напротив, повторяю, должны послужить сильнейшим подкреплением противоположных доказательств.

Во всей книге Поляки найдут доказательства, что Русские всегда были готовы обняться с ними по-братски и идти дружно по одному пути, если б только они, сознав разумно свое положение, оборотились с Запала на Восток и предали свою судьбу с доверенностию доброму и любвеобильному сердцу нашего Государя.

Смею думать, что мой сборник, в этом историческом, так сказать, виде, прямой и искренний, может принести пользу в настоящих обстоятельствах:

Для Славян западных, выступающих теперь на сцене преимущественно Чехов, Моравлян, Словаков* и проч.

Для умеренных и благоразумных Поляков, сколько их найдется**.

---

* Недавно найдено сочинение Словака Стура, который сходится со мною в некоторых отношениях.

** В последних газетах есть известие о вновь появившихся Польских Славянофилах.

Для людей беспристрастных между Европейскими читателями*.

Для тех из Русских, которые недостаточно уяснили еще себе вопрос.

1867. Июня 27,
(День Полтавской победы)

Первая статья оттуда: «Исторические размышления об отношении Польши к России» войдет в состав того тома в настоящем полном собрании сочинений, который посвятится истории; вторая «Рецензия Польской истории Бандтке» в томе, посвященном критике. Следующие статьи сборника: «Отрывок из донесения министру народного просвещения в 1839 г.», «Письмо о Польше» и «Послание к Полякам, 1854 года», писанные во время Крымской войны, напечатаны в IV томе настоящего собрания сочинений. Статья «По поводу новых толков», помещена выше, с. 110. Здесь помещаются статьи, писанные после Крымской войны.

* Помянем с благодарностию Прудона.

О КНИГЕ г. ШЕДО-ФЕРРОТИ

Считаю долгом подать свой голос о книге г. Шедо-Ферроти, тем более, что она до меня и лично коснулась.

Фридрих Великий[1084] осматривал какую-то крепость. Комендант, не встретив его пушечными выстрелами, извинялся пред ним так: сто причин есть тому, что я не мог салютовать ваше величество. Во-первых — у меня нет пороха... — Довольно, довольно, прервал король, других причин знать мне не нужно.

Г. Шедо-Ферроти говорит (с. 180, 182, 184), что образ управления в Польше, от июня 1862 до октября 1863 года, определен был отношениями к нам Европейских государств, в коих общественное мнение было сильно возбуждено против России и имело влияние на самые правительства. Всякая крутая мера с нашей стороны, и в особенности отозвание Великого Князя, которое показало б перемену его системы, могло подать повод к объявлению нам войны, а к войне были мы не готовы. Следовательно, мы должны были больше всего стараться выиграть время для своих приготовлений, и потому смотреть сквозь пальцы на пожар, охватывавший царство, то есть из двух угрожавших зол, мы должны были избрать меньшее: обеспечить оборону своей страны, хотя б мятеж чрез то без энергических мер и продлился долее.

Если это так, если по высшим государственным соображениям действовало Варшавское правительство, то и толковать об этих действиях нечего, по примеру Фридриха Великого. Так должно было! Никто не осмелится, никто не сочтет себя в праве сказать слово против таких соображений. Скажу более — они кажутся правдоподобным, благовидными, и, может быть, заключали в себе на ту пору долю справедливости.

Но ведь они вынуждались крайностию, говорите вы сами, но ведь образ действий, определенный ими, вы сами называете злом, так зачем же на ста страницах слишком вы силитесь доказать, что он был добром. Вот что прежде всего и приводит ваших читателей в негодование. Qui prouve trop, ne prouve rien[1085].

На всякий предмет можно смотреть с разных сторон, особенно в разные времена. Систему графа Велепольского[1086] все мы, Русские, (и сам г. Шедо-Ферроти) должны назвать злом, в отношении ко времени ее приложения, от июня 1862 до октября 1863 года, но она была

бы, может быть, добром, если б была употреблена князем Паскевичем или князем Горчаковым[1087]. Все хорошо в свое время!

(В 1839, 1843, и наконец, наисильнейшим образом, в 1856 году, я сам имел случай писать о пользе и необходимости подобной системы для того времени)*.

Теперь я пойду далее г-на Шедо-Ферроти и скажу, что система графа Велепольского, которую Великий Князь Наместник[1088], в продолжение 16 месяцев, поддерживал с непоколебимою твердостию, достойною лучшего предмета, принесла и приносит нам великую пользу, отнимая последний предлог у противных партий. Так строит Русский Бог, извлекая для нас добро из самого зла. Мы имеем теперь полное право сказать, что готовы были делать для Поляков все возможное и сверх возможного, представляли тому осязательные доказательства, испытывали все примирительные средства в самый разгар мятежа, в эпоху убийств, грабежей, пожаров и всяких оскорблений, но Поляки ничем не были довольны, продолжали неистовствовать, призывать чужую помощь и даже требовать Русских земель опять под свое иго, ну так мы и нашлись принужденными, по закону самосохранения, для собственной защиты, и действовать иначе: кто может сказать что-либо против этого!

Но верно ли, что система графа Велепольского с соизволением Великого Князя удерживала Европейские державы от объявления войны России и давала ей средства приготовиться к обороне? Едва ли! Если бы западные державы решились на войну, так они зазнамо[1089] не дали б нам времени к ней приготовляться себе на голову. Они поспешили бы воспользоваться нашею беспомощностью, чтоб напасть врасплох, как во время Крымской войны. Не посмотрели б они на то, что Великий Князь следует в Варшаве системе самой милосердной и примирительной. Они уверены ведь были, что Русское правительство исполнено самых лучших намерений в отношении к Польше, и, следовательно, хотели войны или грозили, медлили войною совсем по другим причинам, независимым от образа действий наших в Польше. Что же касается до предлогов, то им не мудрено было найти их и кроме отозвания Великого Князя, например, в отношениях к католической церкви, в Прусской конвенции[1090], в ответных депешах князя Горчакова[1091] и т. п. Нет, Европейские державы или не хотели войны,

* См. выше с. 222.

или, подобно нам, не были к ней готовы. Точно так и сами Поляки возмутились не из-за системы, совершенно изменившейся в лучшую для них сторону, не из-за образа действий, принявшего благоприятный для них оборот, но по особым видам своим и для особых целей, что представляет очень ясно сам г. Шедо-Ферроти. Он говорит, что две главные партии Польские[1092], несмотря на свое несогласие, решились вместе восстать в надежде на иностранную помощь: белые за то, что Русское правительство готовилось освободить их крестьян с поземельным наделом, а красные, ища полной независимости, с границами 1772 года.

Следовательно, Европейская война, Польский мятеж и система Русского управления в царстве на ту пору не имели, кажется, никакого отношения между собою. Это были явления отдаленные, без всякого взаимного влияния, и смешивать их никоим образом не должно.

Теперь мы видим это ясно, но тогда, повторяю, может быть, дела представлялись иначе: у страха глаза велики!

Здесь я мог бы кончить свои замечания на книгу г-на Шедо-Ферроти заключением, что для государственных людей вообще часто бывает гораздо выгоднее, полезнее, приносить более чести и славы в общественном мнении, сознаться в ошибке, чем в другой раз доказать даже свою справедливость, самым осязательным образом. Ошибка графа Велепольского могла произойти из прекрасного источника (пусть, однако ж, он изложит нам ее историю). А что касается до Великого Князя, то, оставаясь 16 месяцев с первого дня по прибытии под выстрелами предателей, вместе со всем своим семейством, и ни на минуту не изменив первоначальному характеру своей задачи образумить Поляков великодушием и милосердием, если она была так определена свыше, он не нуждается ни в какой защите. Здесь, говорю, я мог бы кончить, свои замечания, но решаюсь еще потолковать о системе графа Велепольского задним числом, не в суд ему и не в осуждение, а только для очищения наших понятий, в историческом смысле.

Г. Шедо-Ферроти говорит, с. 147, что «Великий Князь не мог осуждать одинаково виноватых с невиноватыми, преступников и мятежников смешивать с Польским народом; он не мог и не должен был прибегать к мерам стеснительным для целой нации, к действиям стремительно-жестоким (violents), которые хороши для покорения страны, но оставляют всегда в сердцах семена ненависти» и пр.

Смеем уверить г-на Шедо-Ферроти, что никто в России подобных мер и действий не желал и не требовал, никто не говорил ни слова в осуждение вообще системы великодушия, милосердия, законности, но разве предупредительные меры против ночного убийства Русских солдат на 11 января[1093], или против ограбления банка, для охранения дорог нарушали б такую систему? Что есть общего между ними? В управление графа Велепольского уголовные следствия оканчивались всегда почти ничем, виноватые и подозреваемые оправдывались, все намерения правительства узнавались заранее мятежниками, даже военные планы передавались бандам, плененные повстанцы по нескольку раз выпускались из крепости, и опять туда попадали; почты перехватывались, железные дороги и телеграфы повреждались, убийства умножались. Внутри Варшавы образовалось сильнейшее правительство, которое делало что ему угодно: собирало подати, печатало указы, выдавало паспорты. Без Русских чиновников нельзя было обойтись, а они все до одного были удалены, и мятеж, благодаря такому образу действия с нашей стороны, усиливался и распространялся не день ото дня, а часть от часу. Чем мягче действовало правительство, тем яростнее принимались мятежники, приписывая робости, слабости, требованиям Европейских держав все получаемые льготы. Употребляемые ими во зло, они приносили пользу им, а не нам. О какой же системе законности говорил г. Шедо-Ферроти среди всех этих очевидных беззаконий?

Система графа Велепольского делалась системою не законности, а безнаказанности, потворства, которая и приводила в негодование всех Русских людей, беспрестанно удостоверявшихся, что огонь хотят в Варшаве погасить маслом.

Нет, сильно ошибается г. Шедо-Ферроти, повторяя в разных оборотах, что для мятежников всего опаснее было возвращение к законности, исполнение данных обещаний, прекращение произвольных арестов, соблюдение обыкновенного порядка дел, несмотря на волнение страны, — и что только такие меры могли уничтожить планы заговорщиков.

Нет, такие меры не могли уничтожить планы заговорщиков, а могли содействовать всего лучше их исполнению, что действительно и не замедлилось. Когда беспримерное снисхождение Великого Князя после покушения на жизнь его[1094], когда самая амнистия не подействовали нисколько, тогда ясно стало для всех, как день, кроме мар-

киза Велепольского, что время его системы прошло, и что никакие доказательства искренности не поведут ни к чему, кроме пропасти.*

Московские Ведомости отнюдь не производили движения, а служили только верным отголоском, и в этом отношении принесли значительную услугу общему делу. Скажу более — до печати не доходило еще многое, что обращалось в рукописях и устных сообщениях. Я укажу, например, на одно письмо, подписанное современником 1812 года и принадлежащее С. А. Маслову[1095], которого нельзя заподозрить ни в пристрастии, ни в предубеждении...

Система графа Велепольского продолжалась 16 месяцев, и ни одного признака не показывалось к лучшему, опасность возросла до высочайшей степени, и не видать было конца мятежу, а граф Велепольский стоял все-таки на своем!

Если б приложить туже систему к западному краю, тогда, хоть и не прощай Россия, то, по крайней мере, Польский вопрос решился бы наверное не в ее пользу.

К счастию, ген. Муравьев[1096] поступал иначе, и меры его оказали спасительное действие в западном краю, мятеж там был тотчас укрощен, и точно также был бы он укрощен, заключаем мы, и в Царстве Польском, если б там образ действий был тверже и строже, при соблюдении всех требований справедливости, без раздражения западных держав. А был бы укрощен мятеж, то вместе с ним отнят был последний предлог у западных держав вмешиваться в наше дело, были бы прекращены все их несправедливые и оскорбительные притязания, и лучше всего уничтожены опасения войны. Карбункула[1097] никакими нежными средствами вылечить нельзя. Нельзя и оставлять его на теле, которое с ним подвергается смертельной опасности. Хирургическая операция необходима.

Обвинения г-на Шедо-Ферроти против ген. Муравьева в высшей степени несправедливы. Нет, ген. Муравьев наказывал только виновных, но умел поселить мысль во всем Польском населении, что ни-

---

* В этом же смысле г. Шедо-Ферроти, говоря, что мятежники не участвовали в покушении на жизнь ген. Лидерса, сказал, что они отнюдь не желали от него избавиться, ибо строгий образ его действий содействовал их намерениям и нужен был для их успеха.

Вследствие этих слов вы ожидаете, что образ действий противоположный, принятый после ген. Лидерса, повредит мятежникам и утишит мятеж? Совсем нет: мятеж усилился. Так кто же действовал вернее?

какая вина от него не укроется и не останется без строгого наказания, — вот чем мятеж и был тотчас укрощен. Может быть, случились некоторые несправедливости даже в отношении Русских помещиков, но как же можно их избегнуть в такое смутное время?

Г. Шедо-Ферроти соглашается, хоть и глухо, с запиской моей, напечатанной в Presse[1098], в необходимости лишить Поляков надежды владения западным краем, без чего волнениям в Польше не будет конца.

Русские начинают роптать теперь, видя до сих пор Польский элемент в западном краю еще преобладающим. Во что бы то ни стало, но необходимо, чтоб Польских помещиков-католиков не оставалось в тех губерниях. Они не должны, повторяю, потерпеть никаких убытков, а получить сполна всю следующую им сумму за уступаемые земли.

В этой мере, которую, впрочем, г. Шедо-Ферроти называет иронически exprорriation pour cause d'utilite publique[1099], нет, впрочем, ничего для Поляков нового. Они сами постановляли, в случае успеха, удалить всех Русских помещиков из Царства Польского. Но мы исполним требования справедливости до последней йоты, защитив и охранив, в продолжении всех волнений жизнь Польских помещиков, среди ненавидящего их Русского населения, мы отпустим их с полным вознаграждением.

В облегчение этой меры для правительства лучше б всего перевести хотя часть Польских помещиков на казенные, так называемые, земли в царстве Польском, устроить меру майоратов, и для остальных земель искать покупателей не только в России, но и в чужих краях.

А если они хотят там остаться, то оставайся Русскими, то есть возвратись в первобытное состояние.

Вот, по моему мнению, очень старому, первое условие замирения Польши, успокоения Европы и России, вот решение Польского вопроса: без надежды на западные Русские губернии, не имея там себе союзников естественных, Поляки и в Царстве Польском притихнут сами собою, а касательно их прав, преимуществ и всяких льгот, мы, Русские, без всякой ревности и зависти, желаем им всякого благополучия. Живите и благоденствуйте, мы позволим: вы себе, а мы себе.

Теперь о национальности. Никогда ни у кого в России, ни у правительства, ни у народа не было в мысли злого намерения против национальности Польской, не только в Царстве Польском, но и в за-

падных губерниях. Доказательство ясное и неопровержимое: сравните положение Познани, Силезии, Галиции[1100] с частями Польши, находящимися в Русских владениях: где сохранилась национальность Польская чище и крепче? Гимназий, чисто Польских, было в западных губерниях гораздо больше, чем Русских в Великороссии. Русские университеты были открыты для Польских студентов на одних правах с Русскими. В управлении оставалось, правда, желать многого, но как им, так и нам; — многое по времени было неудовлетворительно, — но все ведь начало изменяться к лучшему. (А это-то лучшее и возбудило Польский мятеж!)

Было время, что я желал Полякам отдельности, независимости, автономии, но теперь это сделалось, по крайней мере надолго, невозможным. Поляки должны винить только себя. Они недовольны были системою гр. Велепольского, освященною именем императорского брата, и вызвали настоящие обстоятельства, совершенно особые, ни думанные, ни гаданные! Удивителен ход истории! Без мятежа, без неистовств Польских, без заявлений, без постороннего участия, никогда в голову правительству не пришло бы произвести освобождение Польских крестьян таким образом, как оно теперь происходит, посредством Русских людей, а теперь иначе невозможно, нельзя предоставить освобождение Польских крестьян Полякам, то есть, чиновникам, связанным неразрывными узами с шляхтою, составляющим почти одно: нельзя, ибо они испортили б все дело, повернув на свой лад. И что еще удивительнее, по какому-то стечению самых мудреных обстоятельств, те же самые Русские люди призваны порешить крестьянский вопрос в Польше, которые работали для него и в России!

Точно так нельзя отдать теперь учение безусловно в руки Поляков, ибо они явно обращали его в свою пользу, против правительства, назло истине. Нельзя оставить монастыри гнездами мятежа и разврата. А что если крестьяне Польские познакомятся с языком св. Кирилла и Мефодия, который покажется им вразумительнее варварской латыни, а что если ксендзы[1101] возвратятся к древней брачной жизни! Нельзя не удивляться, смотря с исторической точки зрения, куда влекут обстоятельства. Против рожна, видно, прати невозможно.

Теперь мне надо расчесться с г. Шедо-Ферроти о трех его выходках, относящихся уже к самой России. Он говорит, что читатели Московских Ведомостей пошли дальше, чем они предполагали, и что я восстал даже против религиозной терпимости, которую принимал

их редактор[1102]. Могу уверить его, что мое мнение об этом предмете принадлежит ко времени давно прошедшему, без отношения к Московским Ведомостям. Встреча моя Piazza di Spagna с Русскими католичками описана и напечатана в дневнике 1839 года[1103]. А я вот что еще скажу г-ну Шедо-Ферроти: теперь, после того как минуло 25 лет этой встрече, я не могу вспомнить о ней равнодушно. Винюсь в неисправимом варварстве, а объяснять его теперь нет ни времени, ни места.

Г. Шедо-Ферроти сравнивает Русский народ и Польский народ в отношении к зрелости для конституции, и, говоря о Русском народе, не обращает никакого внимания на высшие сословия, а, говоря о Польском народе, разумеет только их. Какие же заключения можно вывести из так поставленных посылок? Разумеется, противоположные, и в равной степени неверные.

Говоря о Русском народе, он допускает уразумение и одобрение им разных конституционных мер и образов действия, и только отвергает его согласие на сообщение им обязательной силы. Прекрасно! Но знает ли г. Шедо-Фероти, что большая часть политических людей или мыслителей наших именно желают только совещательного голоса для народа, для высших его сословий и отнюдь не простирают далее своих желаний? Эта мысль даже и печатно была заявлена часто.

Наконец, вот еще положение г-на Шедо-Ферроти, которое преимущественно поднимает всю нашу желчь. (sic). Он делает из России gesammtes Vaterland[1104]! Он приравнивает Россию к Австрии, и выражает желание, чтоб Государь Русский не был Русским по преимуществу, а был бы одинаково Финским, Немецким, Татарским, Грузинским и проч. и проч., мысль, которую, к стыду нашему, разделяют, слышно, некоторые наши официальные публицисты. Нет, милостивые государи, скажем мы им торжественно: Россия есть Россия, а не Лифляндия, не Мингрелия, не Даурия[1105]. Русский Государь силен тем, что он есть Государь Русский, Государь народа шестидесяти миллионного, единоплеменного, единоверного, единоязычного, составляющего с ним одно неразрывное целое. Корень его могущества, его силы, на святой Руси. Честь, слава его связана с Русским именем, с Русскою историею, а не с какою другою. Он не упал с облаков и не получил вдруг во владение эти земли все вместе! Нет, русский Государь родился, вырос из Русской земли, он приобрел все области с Русским людьми, Русским трудом и Русскою кровью! Курляндия, Имеретия, Алеутия и

Курилия[1106] суть воскрылия его ризы[1107], полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь. Иноплеменникам, собранным под державою Русскою, естественно, позволительно желать безразличия с Русскими, и мы, по доброму и легкому своему сердцу, охотно уступаем им все политические, гражданские и экономические преимущества, но стушеваться, изгладиться пред Русским Государем безразлично с ними, и видеть в Государе не Русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которой ни один настоящий Русский человек слышать не может без негодования. Хочу думать, что это есть только авторская обмолвка, и что он, г. Шедо-Ферроти, от нее откажется. Будь она проклята!

22 октября. 1864

ПОЛЬСКОЕ ДЕЛО (писано в 1865 году)

Много я писал, читал, думал, говорил о Польском вопросе, — в продолжение сорока почти лет, — с Поляками и русскими, разных оттенков и возрастов: вопрос был переворочен, кажется, на все стороны; — но вот в нынешнем году случилось мне побывать в Варшаве и Вильне[1108], подышать тамошним воздухом, послушать тамошнего говора, посмотреть на Польские физиономии; — я шатался по улицам, гулял в садах Саксонском и Красинском[1109], заглядывал в костелы, в библиотеки, портретные галереи, посещал театры; обошел места главных происшествий последнего времени, познакомился с действующими лицами, узнал от них много живых, характеристических подробностей, имел случай бросить взгляд на общество, — и вопрос осветился передо мною новым светом. Основные мои убеждения не изменились, но приняли другой вид, расположились иначе в моем сознании, подтвердились новыми сведениями, сделались, кажется, яснее, убедительнее для постороннего, беспристрастного судии, — я решился пропеть старую песнь на новый лад, и пропеть ее Польским эмигрантам, так называемым завзятым Полякам, радикалам, которые управляли восстанием, хранят в своей душе его идею, вели против нас войну открытую, ведут теперь войну подземную и составляют планы для будущих действий.

Я предполагаю в них чистейшую, благороднейшую любовь к своему отечеству, Польше, и надеюсь, что они позволят мне любить свое — Россию.

Пусть прислушаются к моим словам и друзья их, те Русские, которые держат, так или иначе, их сторону.

Забудем на время настоящие наши отношения и все соединенные с ними взаимные обвинения, перенесемся из мира действительного в мир возможный, в область чистой науки, истории, географии, политики, руководствуясь только общими положениями разума; выразим события, так сказать, цифрами и станем рассуждать о них математически.

Мы разделим вопрос на его составные части и обсудим их, одну за другою, спокойно, беспристрастно, ставя себя на место друг друга. Собственное мое мнение, мою точку зрения на события, мои надеж-

ды и средства, мои соображения о том, каким образом Польша может быть восстановлена и препрославлена, я представлю в заключении.

Избираю газету, которую нельзя заподозрить в пристрастии к России, газету, приверженную к Польше. Пусть делают мне в ней возражения, кто хочет и как хочет, я готов отвечать, готов и сознаться в своих ошибках или неверностях, если какие встретятся*.

Мои соотечественники должны вперед согласиться, что говорить с поселенцами Цюриха или Лондона, я должен другим языком, нежели каким говорится у нас, например, в цитадели[1110] или военно-судных комиссиях[1111].

Хорошо было бы, скажу здесь кстати, если б, хоть не для решения, то, по крайней мере, для усиления подобных вопросов, где политика соприкасается истории, учредились когда-нибудь в Европе ученые съезды и публичные прения с третейским судом[1112]. Пока служители науки и истины будем делать, что можно.

Смотря на последние несчастные события с лучшей, пожалуй, пиитической, отвлеченной стороны, — *все дурные стороны мы пока оставляем*, — допустим, что были Поляки, которые показали себя истинными подвигоположниками и совершили примечательные подвиги мужества, храбрости, терпения, самоотвержения. Поверим, что они шли на смерть в сражении или на виселицу, как на пиршество, доказывая силу и твердость своих убеждений, они проливали свою кровь без всякой жалости, не думая о последствиях, переносили всякую нужду, подвергались всем возможным лишениям без малейшего ропота, трудились до упаду, до истощения сил, — и вместе с тем представили разительные доказательства необыкновенных способностей. Каких усилий, какой изворотливости, догадки, смелости нужно было, чтобы не потерять духа, чтобы найтися в разных тяжелых, неожиданных, мудреных, сложных обстоятельствах пред штыками, под пулями, при ясных уликах! — Женщины — матери, жены, сестры, — показали, говорят, спартанское великодушие во многих случаях. Что может сравниться с горячностию их чувств и готовностию на всякие жертвы? Сколько поэзии в некоторых общих явлениях!

Я говорю здесь, принимая на веру показания одной стороны о некоторых избранных личностях, — не о толпе, которая всегда готова следовать за первым фантазером или краснобаем, не о наемниках, ко-

* Статья предназначалась первоначально для печати за границею. Пр. Соч.

торые, за ничтожную плату, бывают способны ко всяким злодействам, не о негодяях, которые рады всякому случаю буйствовать и неистовствовать. Я говорю, судя по слухам, о некоторых избранных личностях с лучшей их стороны, оставляя без внимания недостатки, пороки и проступки. Память таких идеальных личностей, если они действительно существовали, имеет право, какая бы судьба их ни постигала, не только на горячее сострадание, но и совершенное уважение.

Удивляясь им, все-таки должно сказать с глубоким вздохом: чего ради гибель сия бысть? О, если бы все эти трудные подвиги, жертвы имели достойную себя цель, были обращены на добро!

Но какая же цель, кажется, может быть лучше, выше, благороднее, чем освобождение отечества от чуждого ига, восстановление самобытности, возвращение места в системе государств Европейских, которое оно занимало некогда? Вот ведь цель Поляков, которой сочувствуют лучшие умы, лучшие сердца в Европе!

Так точно! Я совершенно согласен с этими положениями, *отвлеченно взятыми*, и верно ни один порядочный человек не осмелится сказать что-либо против: нельзя не отдавать полной справедливости такой цели, нельзя не сочувствовать ей от души.

Так об чем же вопрос?

Первый вопрос о физической *возможности*, — и вот *от поэзии* мы перейдем теперь к прозе. При всяком желании, худом и хорошем, есть необходимые условия исполнения. Здравый смысл их указывает, опыт подтверждает, история проверяет своими свидетельствами. Ни солнца, ни луны нельзя достать рукою, как бы сильно кто ни желал, как бы кто ни рвался к верху, как бы ни был готов посвятить на это стремление всю жизнь свою.

Вы желаете восстановить Польшу. Прекрасно! — Но есть ли возможность физическая, нравственная восстановить ее? Вот первый существенный вопрос, который нам следует теперь разобрать.

Польшею овладели, мы не станем теперь толковать — справедливо или нет, естественно или насильственно, — положим даже вовсе без всякого права, по одному произволу, совершая уголовное политическое преступление, — Польшу разделили между собою, лет сто тому назад, три соседние государства: Пруссия, Австрия, Россия и владеют теперь каждая своею частию[1113].

Есть ли возможность Польским изгнанникам в соединении с несколькими соотечественниками, по разным странам рассеянными,

отнять у врагов захваченные части и составить из них новое или восстановить старое целое?

Я говорю об изгнанниках и их единомышленниках, но соберем в воображении весь Польский народ, и отпустим его на войну против Австрии, Пруссии и России: Поляков, чистых Поляков, меньше 10 миллионов, а Россия заключает в себе 70 миллионов народа, Австрия — 35, Пруссия — 20. Как же 10 миллионов могут сладить с 125 или более миллионами?

Мы допустили 10 *миллионов* Поляков, *желающих* восстановить древнюю Польшу, и заключили и о невозможности для борьбы их с 70, 35, 20 миллионами. Но мы должны исключить из допущенного количества простой народ, который везде идет не с панами, а против панов, ненавидя их от души и считая злейшими врагами. Остается одному миллиону или менее помещиков, шляхты, чиновников и мещан бороться с 70 миллионами Русских, 35 Австрийцев и 29 Пруссаков. Как ни отважны Поляки, но одному на сто слишком идти не приходиться!

А если к этим численным соображениям, мы прибавим, что сто миллионов имеют в руках своих все средства: обученное войско, оружие, крепости, все нужные запасы, свободу действовать, как угодно, с развязанными руками; один же миллион, даже без вычетов, которые довели бы его, может быть, только до нескольких тысяч, если не сотен, рассеянный Бог знает по какому пространству, должен действовать в тайне, копаться под землею, двигаться в потемках, на всяком шагу подвергаться опасностям, не иметь ни точки опоры, ни места для соединения, ни убежища на случай опасности, — не правда ли, что, предполагая борьбу таких несоразмеримых величин, мы приближаемся к расчетам мономании[1114] или сумасшествия?

Итак, вот мой первый тезис: *собственною вооруженною силою*, в данных обстоятельствах, приниматься за дело восстановления Польши Полякам невозможно.

Обратимся к *иностранной помощи.*

Иностранная помощь даром никому не подается. Только тогда можно надеяться на нее, когда ей случится приносить пользы больше помогающему государству, чем вспоможенному. На самый раздел

Польши Европа смотрела хладнокровно, да и после раздела, в продолжение почти ста уже лет, ни при каких обстоятельствах, не сделала шагу для действительного вспомоществования Польше.

На кого собственно из Европейских государств Польша может надеяться?

Об Австрии и Пруссии говорить нечего — это не помощники, а враги, которые, пожалуй, смолчат, пока пожар будет угрожать России, пока Россия будет терпеть от восстания и тратить свои силы для его усмирения, но чуть пожар приблизится к их границам, *как* они явятся с огнеспасительными снарядами.

Германия — поляки слышали на Франкфуртском сейме[1115] от всех партий, самых крайних, и слышат в Прусских палатках[1116] ежедневно приговор своим стремлениям.

Из всех Европейских государств остается только Англия, и преимущественно, Франция, *кого* Поляки могли бы в случае нужды, хотя с большими условиями, иметь в виду.

Франция — позвольте спросить вас, что сделала Франция для Польши во время первой республики, первой империи, при Бурбонах, при Орлеанах, при второй республике, при Наполеоне III, т. е. при двадцати своих противоположных правлениях, в обстоятельствах самых разнообразных? Одним словом, возгласы, ничтожные денежные вспомоществования, обещания, но как же им можно верить более?

И в каких обстоятельствах находятся Европейские государства? Наполеону нужно укрепление своей династии. Дела в Мексике, Италии, Риме, в Алжире, положение финансов развлекают[1117] его силы*.

Англия опасается Америки и должна быть беспрестанно наготове, по отношениям Северных штатов в Канаде[1118]. Дела в Азии и других колониях держат ее за руки**.

Италии много еще времен и трудов нужно, чтобы составить и порешить свои расприс Папой и Австрией. А там еще восточный вопрос для всех в перспективе. Кому дело до Польши? Кто пожертвует для нее людьми и деньгами? На иностранную помощь надежда плохая.

---

* Теперь новые отношения к Пруссии.

** Теперь Ирландия представляет Англии новые работы, и Лига реформы парламентской.

Но может возникнуть *Европейская война*, может образоваться коалиция западных государств против России, которую все они тайно ненавидят?

Совершенно согласен. Вспомните Наполеона I, величайшего полководца всех времен и народов, собравшего силы со всей Европы против России. Таких обстоятельств, в каких Наполеон был в Дрездене пред походом в Россию, в другой раз дождаться мудрено. Полякам обязан он был многими самыми ревностными услугами. Восемьдесят тысяч храбрых бойцов представили они ему для авангарда. Что же сказал он их депутатам в Вильне? Подождите. А чем кончился знаменитый поход? Куда девалась великая армия и польский 80-ти тысячный авангард? И куда упал Наполеон с высоты своего могущества? Самая ужасная Европейская война против России не принесла Польше никакой пользы.

Вспомним, наконец, и вторую Европейскую войну в Крыму[1119]. Опять Европа пошла против России: Франция и Англия напрягли свои силы, вооружась всеми адскими изобретениями новой науки. Италия прислала вспомогательное войско. Турция отдавала союзникам все, что могла. Австрия содержала такой нейтралитет, который был тяжелее войны для России. Одна Пруссия, если не помогала нам, то, по крайней мере, мешала меньше. Польский легион развернул свое знамя. Сам Мицкевич[1120] явился агентом в Константинополе. Чарторижский[1121] послал туда сына. Многие польские генералы отреклись Христа, надели чалму, лишь бы чем-нибудь повредить России. Год почти стояли соединенные войска, стоившие миллиардов Европе, под Севастополем, и по Парижскому миру[1122] что же было выговорено для Польши?

Предоставляя воображению, самому пылкому, придумать, сочинить Европейские обстоятельства, которые могли бы вероятным образом содействовать восстановлению Польши!

Послушайте, что говорит Times[1123], газета не слишком благоприятная России, в одном из последних своих номеров. Я исключу только слишком оскорбительные для Поляков места и чересчур строгие приговоры.

«Если бы Европа и вздумала теперь поднять для восстановления Польского королевства, то едва ли она нашла бы в нем, что восстановить. Но при настоящем положении дел, нет и малейших указаний на то, чтобы Европа отважилась на такое предприятие. Европа в этом от-

ношении значит, впрочем, собственно Франция, но и Франция, хотя и хранит еще свои традиционные Польские симпатии, однако видит, что время уже миновало для их практического применения. Крестовый поход на освобождение Польши мог бы притом быть предпринят только при содействии Пруссии или Австрии, но они едва ли возьмутся разрушать дело минувшего столетия. Что до Англии, то она стоит совершенно вне вопроса. Никогда впредь Английский народ не согласится принять участие в какой-либо континентальной войне, или для проведения новых границ в самом сердце Европы. Очень может быть, поэтому, что Поляки ничего не потеряют, если окончательно покорятся своей участи». Вот что говорит Times.

Итак, собственных сил не достаточно, иностранная помощь не мыслима, Европейская война против России и далека, и сомнительна. Какие же действия можно пустить в ход против нее?

Убийства, поджоги, грабежи. Мы оставим пока нравственную сторону действий этого рода без внимания и будем смотреть на них вашими глазами, будем говорить о них только в отношении к пользе, какую они принесли Польскому делу. Повстанцы прибегли к этим мерам в страшных размерах. Они навели ужас на целый край, на весь народ, поразили множество лиц, сожгли множество городов, местечек и сел, захватили огромные суммы. Скажите же теперь по совести, насколько вы подвинулись к достижению вашей цели этими оргиями зла?

Начнем с покушений на жизнь наместников. Убиваем был один, присылался на его место другой, переменялись лица — и только. Вы положили во гроб доброго, честного, благородного старика, князя Горчакова[1124]. Прислан был Ламберт с Герштенцвейгом[1125]. Оба подверглись той же участи. Место их заступил Лидерс[1126], и, получив тяжелую рану, должен был удалиться. Приехал брат Государев, Великий князь Константин, с природным Поляком Маркизом Велепольским. Над головами обоих раздались выстрелы[1127]. Они, однако, остались, хотели испытать систему милосердия, снисходительности, формальной законности и — без успеха. Ну, вот явился граф Берг[1128], получил свой выстрел, но принял другие, деятельные меры, по высочайшему повелению, и восстание в царстве подавлено! Какая же польза, повторяю, получена от всех этих выстрелов?

От начальников перейдем к офицерам, солдатам, полицейским служителям, которые сделались жертвами жондов[1129]: эта убыль, не приметная в Русском войске, и для восстановления Польши опять не действительная!

А пожары! Насколько вы принимали участие в пожарах, это вы знаете лучше нас, это лежит на вашей народной совести. Мы или не умели, или не могли, или не хотели раскрыть их организации, хотя глас народа, глас Божий[1130], обвиняет Поляков в большей части пожаров, как Русских, так и Польских, напр., Костромского, Петербургского прежде, Симбирского ныне[1131]. В западных губерниях это оказалось по многим следствиям.

Пожары производят частное разорение, причиняют убытки, а существенного вреда такому обширному государству, как Россия, они нанести не могут. Города сожигаются и выстраиваются. Русские говорят даже, что с пожара люди разживаются. Опять меры совершенно бесполезные собственно для Польского дела!

Итак вы можете совершать убийства: наемных убийц всегда найдется во всяком народе множество; вы можете пережечь еще городов, сколько угодно; вы можете произвесть замешательство, смущение в то или другое время, вы можете доставить много забот и хлопот правительству, и только! Сами же вы от того не выиграете ничего, да и выиграть ничего нельзя. Для чего же употреблять эти страшные средства, возбуждающие только ненависть?

Что сказать о клевете, лжи, — Бог знает сколько выдуманных известий распущено было по Европе! Они имели временный успех в глазах необразованной толпы или той среды, которая рада сама сочинять, не только что верить. Рассудительные люди увидели вскоре, что известия о Польских победах не заслуживают никакого вероятия, а прочие рассказы опровергались тогда же по большей части событиями.

Захваченные вами деньги разошлись по рукам, не всегда чистым, и употреблялись не всегда по назначению.

Фальшивые Русские ассигнации, для которых учреждены фабрики... грустно исчислять все эти постыдные, противонравственные деяния... я хотел только доказать, что они были бесполезны для Польского дела, говоря вообще, но я не могу здесь не прибавить, что нельзя же, однако, оставить нравственную сторону совсем без внимания, даже в том смысле, что она имеет свое влияние на успех всякого дела, следовательно, и вашего. Европейское общественное мнение изме-

нилось ведь в отношении к Польскому делу, большею частию вследствие такого образа действий!

Обозрите последнее восстание: оно состоит преимущественно из действий этого рода. Как ни объяснять, как ни оправдывать, в конце концов, на деле итог оказывается все один и тот же. Разве прибавить только разные театральные демонстрации, манифестации, процессии, плакаты, траур и т. п., которые способны одушевлять толпу на минуту, производить, пожалуй, энтузиазм, рассеивающийся в воздухе?

Взглянем же теперь на события с этой стороны. Убийств совершено, сколько до сих пор известно, 2000. Половина жертв — Русские, другая — Поляки. Волосы становятся дыбом, кровью обливается сердце, когда читаешь о том остервенении, с которым совершены иные убийства, тех мучениях, в которых погибали несчастные, обреченные жертвы. Положим круглым числом по пяти человек участников на каждое убийство, и вот в народе 10000 убийц. Какой страшный ингредиент!

Если иезуитское правило о позволительности средств для благих целей[1132] подверглось справедливому проклятию всех религий, всех систем и всех народов, — заметьте, что самые иезуиты позволяли себе все для религиозных целей, для спасения душ, — то скажите на милость, на каком основании надеетесь вы обелить пред судом потомства, пред судом современников беспристрастных, последние употребленные вами черные средства? Они бросают очень темную тень, даже на самых чистых, благородных, идеальных, допущенных нами участников восстания, которые все, так или иначе, посредственно или непосредственно, принимали в них участие и должны подвергнуться осуждению.

Все это делалось ими, говорят, с прекрасной, святой целью. Нет, не может быть прекрасною, святою та цель, будь она располитическая, для которой нужны такие адские средства! Вот этой простой истины не понимали лучшие ваши люди! Непостижимое ослепление! Как будто злой дух помрачал их глаза, и они не видали той бездны, куда падали сами, и увлекали за собой народ, добрый, любезный, веселый, талантливый, образованный. Удивляешься, как мог он допустить, вытерпеть все эти ужасы!

Убийствами, грабежами, поджогами, ложью, клеветою, изменою нельзя восстановить государства, нельзя сослужить службу свободе.

А что касается до *вреда* России, о котором вы думаете теперь даже больше, чем о пользе для своего отечества, то об нем надо отложить всякое попечение. Сами себе часто мы, Русские, делаем вреда столько, сколько никакие враги на свете нам сделать не в состоянии, и посмотрите — эта масса, эта туча, эта махина, что называется Россией, идет себе вперед, и горя ей мало! Все с нее, как с гуся вода. Так видно уже сотворил ее Всемогущий Господь Бог! Куда же подниматься вам на это чудище с какими-то щепочками, лучинками и зажигательными спичками! Что ей сделается?

Оставим всякие рассуждения, до которых Поляки не охотники, когда речь дойдет до предмета их благородной мономании, поговорим теперь о *примерах*, на которые они могут ссылаться: не освободилась ли перед нашими глазами Италия, не то же ли счастие имела на памяти отцов наших Греция, Бельгия?

Нет, обстоятельства, в которых находилась поименованные государства, далеко не те, в каких находится Польша. Италия считает около 25 миллионов жителей, единоверных, единоязычных, живущих одною мыслию, питающих одно желание, а в Польше до какого числа мы досчитались? Италия имела одного врага, Австрийцев, а Польша — трех. Австрийцы господствовали в одной ее части, а враги Польские рассеяны по всему ее пространству, и сверх того, во владениях Итальянских правительство было Итальянское, а в Польских иноплеменное, кроме России, с которой, впрочем, родства вы не признаете. Наконец, силы Италии относительно гражданственности, науки, искусства, литературы, разве можно сравнивать с Польским? Италия отделена от Европы Альпами, и открыта с прочих сторон; по морскому пути, а Польша заперта, окруженная сильными врагами. И все-таки Италия, несмотря на долголетние усилия и попытки, не могла сделать для себя ничего, пока соседом не случился быть полу-Итальянец[1133], располагающий огромными силами, и увидевший свои выгоды в оказанной помощи. Но дело еще не кончено. Государство, совершено образовавшееся, имея в руках все средства, затрудняется возвратить остальные части, Венецию, Рим, и на юбилее в честь Данта[1134], мечтавшего за 500 лет об единстве Италии, могло все еще выражать только pia desideria[1135], а Мадзини[1136] все еще должен оставаться в ссылке.

Точно как Италии помогла Франция, так Бельгии[1137] помогла больше всех Англия, по своим расчетам, вместе с Францией, у которой также были свои. И могла ли Голландия спорить с такою коалицией?

Грецию[1138] восстановили все Европейские государства, по старой памяти, согласясь между собою в особенных видах, и Турция должна была уступить.

Все эти примеры должны бы, кажется, наоборот, доказывать Польше, как трудно народам при самых благоприятных обстоятельствах изменять свою судьбу, возвращать однажды потерянное, исправлять поврежденное.

И сколько есть еще в Европе желаний, стараний, усилий, более законных, естественных, справедливых, с благоприятными залогами и даже задатками, не только с наличными средствами, а между тем, никак не могут они увенчаться успехом. Из 37-ми частей состоит Германия и не имеет почти никакого политического значения. Она занимает средину Европы. Большая часть Европейских государей Немецкого происхождения. Народ исторически древний, многочисленный, осторожный, настойчивый, ученый, пылает желанием соединиться и составить одно политическое целое; лучшие люди в том согласны, стихотворцы подтверждают; ученые профессора доказывают. Что бы, кажется, могло мешать, в чем бы быть затруднению, — нет, не могут Немцы соединиться, не могут, так сказать, сойтись и подать друг другу руку, хоть нет никаких промежутков с противниками, никаких посторонних помех, и поле везде открытое*. При всякой попытке, напротив, они еще разъединяются и тем доказывают мыслящим людям, что дело не в одной политической самостоятельности и значительности. Сойтись трудно, или невозможно, а у Поляков и сойтись негде, да еще надо отбиться с трех сторон, от в сотеро[1139] сильнейших врагов, которые ни за что на свете не пустят вас на волю, и свяжут руки, лишь заметят малейшее движение!

Рассмотрим другие явления. Многочисленны и сильны Немцы, а никак не могут возвратить себе ни Альзаса, ни Лотарингии[1140], и дав-

---

* В нынешнем году Пруссия сделала блистательный опыт, но с какими усилиями (250 тыс. войска и 1000 орудий) и сколько еще предстоят ей трудов впереди, если и не война тридцатилетняя!

но отложили о том всякое попечение, так что эти страны совершенно офранцузились пред их глазами. Точно так и Французы, сколько ни желают, при всем своем могуществе, приобресть Рейнский берег и получить естественную границу, должны ждать и ждать.

Германия после многолетних толков и споров отняла у Дании Шлезвиг и Голштинию, в войне 30 миллионов против трех, да и не знает, что делать с ними; это приобретение могло и может навлечь страшную войну, так что игра не стоила свеч, и Бог знает, чем все это кончится*.

Взгляните на Венгрию[1141], вспомните ее историю, вообразите ее местность, свойства народные, и на чем она остановилась в борьбе своей с Австрией? Идти законным путем, по суду, на словах, а вооруженной рукой действовать не нашла никакой возможности.

Богемия[1142], как особое сплошное целое, имеет гораздо выгоднейшее положение в отношении к Австрии, чем Польша в отношении к России, и между тем, заботится только о равноправности.

Все племена, населяющие Австрию, алчут своей независимости, и желают составить по-прежнему особые независимые государства: чего бы казалось, стоило им соединиться и привести в трепет Вену? Нет, Австрия держится вопреки всем противникам.

Как бы легко, казалось, Молдавии и Валахии соединиться с Трансильванией[1143]?

Шотландия[1144] перестала и заботиться об особой жизни, хоть родство ее племенное гораздо дальше с Англиею, чем Русское с Польшею.

Укажу вам еще на Славян, стонущих века под игом Турецкого, Мусульманского владычества. Их девять почти миллионов, а Турок один миллион. Турок ненавидит все христианское население Европы; Турки ослабели совершенно, они невежды, без наук, без искусств, без законов. У Славян есть точки опоры: Черногория и Сербия, получившая достаточную самостоятельность, благодаря России. Есть место, где можно собираться с силами, приготовляться к борьбе. Под боком у Славян Россия с 70-ю миллионами жителей (как под боком Италии был Наполеон), и ничего не могут сделать несчастные для своего спасения! Обстоятельства до сих пор так

* Кончилось, (если не začалось) неожиданно, но такой конец есть может быть, только начало новых затруднений.

складываются в Европе, что Славяне могут только стенать и терпеть, молиться, надеяться.

Сравните же все эти отношения Франции, Германии, Италии, Сербии, Венгрии, Молдавии, сравните их с нашими и скажите, могут ли они по аналогии внушать вам, хотя малую надежду? Для вас не существует тех условий, которые, казалось бы, благоприятствуют исчисленным народам, и однако ж, не приносят им пользы: вы окружены, напротив, препятствиями, особенными опасностями, которых у них нет, и вы все еще не хотите отказаться от борьбы. Какой же приговор должен произнести всякий благоразумный человек вашим отчаянным усилиям? От великого до смешного только один шаг. Это невозможно, это невозможно! Некоторые части древней Польши потеряли даже свою национальность и совершенно онемечились. Померания, Силезия, восточная Пруссия[1145] — как, не говоря о прочем, сделать их Польскими?

Спросите у рек, упавших в Вислу, могут ли они вынуть свои струи из нее, и принять особое течение до Балтийского моря, положим, очень для них желанное? Нет, случились на дороге этим рекам удолья, ложбины и прочие низменности, и они, хотя не хотя, должны были своротить с своей широкой доги и склониться к Висле, принявшей их в свое русло. Так было и с Польшей. Припомним мимоходом Историю.

На высокой степени могущества и славы стояла она, но исторические судьбы того хотели, — свыше было так написано, — не могла она удержаться на высоте своей и разделилась между соседями Австрией, Пруссией и Россией.

И до этих знаменитых разделов, о которых твердите вы и за вами Европа, — за долго прежде, — начали отделяться от нее страны, одна за другою, по естественному ходу вещей, так что разделы собственно составляют как бы необходимое продолжение прежних событий, начавшихся слишком за 250 лет. Не только завоевания, приобретения Польши, постепенно отпадали от нее, но и собственные коренные владения: Лифляндия, восточная и западная Пруссия, Померания, Силезия, — кроме Малороссии и Северской стороны с Смоленском и Киевом.

Шведский посланник, Граф Шлиппенбах, в продолжение Шведской с Польшею войны[1146] предлагал разделить Польшу между Швецией, Пруссией и Австрией около 1660 года.

И Польский король Иоанн Казимир[1147] предвидел уже это разделение, начав свою знаменитую речь на сейме 1661 года: Utinam falsus vates sim[1148] и пр.

В избежание всяких споров, не станем входить в рассуждение о *внутренних причинах* такого ослабления. Ваши собственные историки с Лелевелем[1149] во главе, их указали. Из иностранных вспомним мимоходом писателя, совершенно постороннего, друга свободы, Прудона, который не имел никаких побуждений смотреть на это дело с Русской точки зрения. Какой же суд он дал древней Польской Истории?

Смятения между тем продолжались в несчастной стране. Многочисленные партии с оружием в руках губили ее окончательно. Избирательное право подавало повод к нескончаемым распрям. Козням не было конца, и вот начинаются так называемые разделы 1772 года.

Фридрих Великий отнял у Австрийцев Польскую провинцию Силезию (вор у вора дубинку украл), и видя беспомощное положение Польши, раздираемой междоусобиями, предложил план ее разделения между соседями: Пруссиею, Австриею и Россиею.

Могла ли Россия смотреть спокойно на Польские дела? Все ли равно было для нее, кто бы ни сидел на Польском престоле? Западные государства начали давно употреблять Польшу орудием против России. Пределы Польши простирались до Пскова, Смоленска и Киева, которые бывали уже под ее властию.

Кто обвинит Екатерину за то, что она приняла предложение Фридриха Великого и согласной с ним Австрии, и воспользовалась случаем возвратить России губернии, населенные Русским племенем, Могилевскую, Витебскую, Минскую (Белоруссию), а потом Волынь и Подолию, которые издавна простирали к ней руки, умоляя о помощи против угнетавших жидов[1150] и католиков? Как бы всякой другой, не исключая вас, поступил на ее месте? Скажите ли вы, что И. Екатерина должна была предоставить дело одним Австрийцам и Пруссакам и не принимать в нем никакого участия?

Вот происхождение так называемых разделов Польши, вследствие которых Россия получила свои древние области. Своя рубаха к телу ближе. Так сложились обстоятельства. За Русскими собственно губерниями последовали Виленская и Гродненская, в которых, кроме Русских, живет еще собственно, так называемая, Литва. Часть ее с не-

запамятных времен обрусела, а другая сохраняет до сих пор древние нравы, не имея, однако ж, ничего общего с Польшею, кроме католической веры.

Мы изложили события не прибавляя, не изменяя ни йоты. Отдавая совершенную справедливость благородным чувствам, благоговея пред любовию к отечеству, пред готовностию приносить ему всякие жертвы, не щадя ни крови, ни трудов, ни достояний, ни жизни, мы видели совершенную, всестороннюю невозможность, которую и старались представить без преувеличений, без натяжек, без задних мыслей.

Finis Poloniae[1151]! Воскликнул один из лучших сынов ее, Косцюшко[1152], обливаясь кровию на поле последнего сражения. Поляки хотят воскресить мертвую Польшу. Почти сто лет уже погребенную, и не только воскресить, но, не имея угла, где приклонить свою голову, хотят еще возвратить себе те чужие страны, которыми они когда-то владели; они хотят отнять у России *западные губернии.*

По какому же праву?

По праву старого завоевания.

Если говорить о праве завоевания, то ведь мы отвоевали у вас эти губернии; нам принадлежат они, следовательно, по праву нового, и наконец, новейшего завоевания.

Станете ли доказывать правом давности, правом древнего владения, так мы владели им прежде и дольше вашего.

Сами же вы провозглашали в начале восстания 1831 года, что права народов не отчуждаемы. Если Польские новые не отчуждаемы, то Русские древние кольми паче!

Но кроме этих прав мы имеем еще большие, еще важнейшие права: единоплеменность, единоверие и единоязычие.

Все эти губернии заселены Русским народом, исповедуют одну с нами веру, говорят одним языком, имеют один и тот же образ жизни и составляют одно с нами исконное целое, одно живое тело. Поляки там пришлые господа. Мы не войдем здесь даже в исследование, как они сюда попали, и какими средствами удержались. Довольно сказать, что с самого начала они сделались ненавистными краю, и в таком отношении остаются до сиих пор. Одного мановения всегда достаточно было со стороны Русского правительства, чтоб их духу не

осталось на Русской земле. Так и теперь: они живут только по милости правительства, которое их защищает. Галиция[1153] недавно предоставила тому разительное доказательство. Причины очень естественные. Паны поступали бесчеловечно с собственными своими крестьянами в Польше и возбуждали к себе их ненависть: можно себе представить, как они поступали с чужими крестьянами, которые говорили другим языком, исповедывали другую веру и принадлежали к ненавистному, враждебному племени. Это были илоты, осужденные на работу. Поляки отдавали их в аренду преимущественно жидам, и все вместе, жиды, иезуиты и паны, угнетали несчастный народ, приведенный ими почти в скотское состояние. Приглашаем Европейских путешественников его освидетельствовать.

Как же хотят поляки получить себе такие земли? Сами жители того не допустят, и скорее все погибнуть, чем отдадутся Полякам. Что касается до нас Русских, мы не можем уступить ни одной пяди, при каких бы то ни было обстоятельствах. Это значило бы наложить руку на себя, разрубить свое тело, предать родных братьев на жертву исконным их врагам, усиливать неприятеля на свой счет, неприятеля, с которым новая война была бы неизбежна. Вся Россия завопила в один голос, при одном слухе о возникавших притязаниях. *Вопрос о западных губерниях можно считать для нас вопросом решенным.*

Но это решение, не во гнев будь сказано, ожидает еще себе дополнения: восточная часть Люблинской и южная часть Августовской губернии[1154], населенные чистым Русским, а не Польским племенем, должны быть отделены от Царства Польского и присоединены к составу Русской Империи. Униатам[1155] должно быть предложено возвращение к Православию, чему они будут, вероятно, рады, если только отстранится влияние ксендзов. В этом отношении Русские должны быть благодарны последнему мятежу, который указал нам на несчастных, покинутых братьев. Нет худа без добра.

Предъявив столь смело свои притязания на западные губернии, заметим мимоходом, заговорив о границах 1772 года, Поляки повредили себе много, возбудив вдруг всю Россию, как одного человека, и поставив против себя Австрию и Пруссию, которые увидели опасность лично для себя, — да и остальная Европа не могла не испугаться такого заявления, грозившего общею войною. Вместо чужого достояния, почему, спросим здесь кстати, не начали они искать своего — Познани и Силезии у Пруссии, западной Галиции у Австрии? Они не

надеялись отнять эти провинции так легко у Немцев, и мы виноваты, следовательно, своею снисходительностию. Так для нас выгоднее, говорили Поляки! Почему же вы негодуете на нас, когда мы вздумаем избирать образ действия для нас выгодный, чего, впрочем, вполне систематически еще не случалось?

Мы должны сказать теперь несколько слов о *восстаниях Польских* в 1831 и 1861 годах, как опытах, которым малого, говорят Поляки, недостало до полной участи.

Нет, не малого, а многого. Я буду говорить о них после подробнее, а теперь скажу только, что в 1830 году Поляки имели войско, обученное нами себе на голову, имели опытных офицеров, генералов, владели крепостями, были снабжены записями, стояли твердою ногою на земле, ждали помощников из западных губерний, которые готовы были соединиться с вами, могли надеяться на иностранную помощь, — и чем же кончилась удачная сначала, вследствие нерешительности Великого Князя Константина Павловича и медленности Дибича[1156], попытка? Чрез месяц после прибытия Паскевича все было кончено.

Временный успех, если только можно назвать успехом тревожное состояние Варшавы в 1861, 1862 и 1863 годах, условливался единственно снисходительностию и человеколюбием Императора Александра II, который не хотел сначала принимать строгих мер. Все ватаги или отряды повстанцев не могли встречаться с войсками в поле, кроме немногих случаев, когда численность подавала надежду на успех. Мятеж был бы прекращен с самого начала двумя-тремя порядочными залпами по Краковскому предместию[1157] князя Горчакова и решительным объявлением в западных губерниях, что Польские помещики лишаются покровительства законов, при первом поползновении к участию в мятеже.

Когда принялись за дело, не шутя, оно было тотчас кончено.

Что же делать Полякам? Неужели сидеть склавши руки, терпеть, страдать?

Мой ответ все еще впереди, а оставаясь на вашем настоящем месте, продолжая смотреть вашими глазами, или в ваши очки, рассуждать

по-вашему, я, признающий по всем опытам совершенную невозможность достигнуть цели, вами предложенной, думаю, что все-таки лучше сидеть, склавши руки, и ждать погоды, чем лезть на нож без всякой пользы.

Повторяю, что это говорю я в ваших видах и отнюдь не в своих!

Какой же погоды можно вам дождаться? Тех благоприятных обстоятельств, которых теперь нет, которых ни мы, ни вы, никто теперь вообразить не может, которые всегда бывают в запасе у истории. В делах человеческих всегда надо предоставлять многое случаю, как мы его слепые теперь самые называем нечаянности, обращающей часто в прах самые верные расчеты и самые умные соображения. Потерпите, что выработает история. Время умнее всех. Это такой революционер, с которым никто сравняться не может. В ожидании таких неизвестных благоприятных обстоятельств, должно, по необходимости, покориться судьбе. Призывайте их всею душою своею, питайте, пожалуй, ненависть свою к нам в сердце своем, если никак не можете освободиться от этого пагубного свойства, — и прекратите ваши собственные, личные, нравственно преступные попытки, перестаньте стрелять попусту холостыми зарядами.

Так говорит здравый смысл, того требует ваша собственная польза, даже с вашей, неверной, по-нашему, точки зрения.

Сделаем опыт еще другого рассуждения. Уничтожим в воображении все настоящие препятствия, отбросим все невозможности, предположим, что какие-нибудь нечаянные благоприятные обстоятельства уже наступили, представим себе, что Польша приобрела себе независимость от России и составила *особое государство* в пределах нынешнего Царства Польского. Больше ведь сначала вы искать не можете, и с этого сами начинаете.

Поговорим теперь о таком вашем будущем положении. Вы очутитесь опять среди ваших непримиримых врагов, Австрийцев, Пруссаков и Русских. Если б вы даже решились остаться в покое, они вам не поверят, да и поверить не могут. Пруссия и Австрия испугались бы за Познань, за Вислу, за Силезию, за Галицию, и совершенно основательно. Вы никак не могли бы ведь оставить за ними чисто Польские органы. Вы стали бы вооружаться на них, а они — на вас, и опять 5 миллионов не могли б сладить с 50. Но положим, чтоб вы на первых

порах и сладили с ними, овладели б Познанью, Польскою Галицею, — но в таком случае вы стали б лицом к лицу сорока миллионов Немцев, — возникла б война, которой конец очевиден: новое разделение Польши! Пруссия возьмет Краков и Варшавское герцогство, Австрия возвратит себе Силезию, Россия опять не может оставить это деление без участия, и возьмет себе Русскую Галицию (что может даже сделать и теперь, если слишком рассердите вы ее, предложив промен на царство с Пруссией и Австрией). Другого исхода ожидать нельзя. Что же вы выиграли a la fin des fins[1158]?

Ясно, что, приобретя независимость, — мы возвращаемся к первому нашему предположению, — вам окажется необходимым, целесообразным *соединиться* с кем-нибудь из ваших врагов или соседей. Польша, одна, на своей равнине, между Австрией, Пруссией и Россией, существовать не может.

Станем же добровольно выбирать, пока враги не захватили врасплох и опять не разделили.

С Саксонией? Опыт был и очень неудачный. Курфирсты[1159] никак не могли удержать вас и предохранить от погибели*.

С Пруссией? Опыт есть, также незавидный. Если б Варшавское герцогство[1160] осталось за Пруссией, то есть к нашему времени, по крайней мере, в половину было б онемечено.

С Австрией? Австрия сама есть неблагонадежное целое, которое всякую минуту должно трепетать за свое существование. Притом пример Галицких помещиков, которых в одну ночь погибло значительное количество в 1848 году не может, кажется, ободрять много к такому соединению.

Остается одна Россия, с которой всех естественнее, удобнее, выгоднее, легче, ближе будет вам соединиться, с которой можно еще жить вам сноснее и своеобразнее. И многие ваши сеймы, короли, государственные люди, писатели, считали и считают это соединение естественным и для обеих сторон полезным. Несколько раз в древности начинались переговоры.

Но вы уже соединены с Россией! Судьба заранее, своими путями, устроила это соединение, если, рано или поздно, опять тоже окончание неизбежно, по всем человеческим соображениям? Подумайте!

---

* Теперь Пруссия этого не допустит.

Император Всероссийский и Царь Польский! Неужели это звучит хуже, чем король Прусский и Польский, чем Император Австрийский и король Польский? Император Австрийский и король Венгерский — в этом титле ничего не было противного и оскорбительного для Венгерцев: почему же так противно вам подобное?

Разделять судьбу Российской империи, неужели не предпочтительнее той кровавой перспективы, на которой мы остановились в предыдущем параграфе?

Послушайте, что в ней происходит: 50 миллионов крестьян землевладельцев. Двери в суды растворены. Цензура предварительная уничтожена. Земские собрания в полном ходу, такие, каких не бывало почти нигде, зародыш великого будущего. Городовые управления открыты. Народному образованию дается движение. Прочее впереди!

Вопрос предлежит только собственно о *форме соединения*, о жизни под этим титулом.

Настоящая жизнь, жалуетесь вы, тяжела для вас, невыносима? Поговорим же теперь, стараясь быть как можно спокойнее и хладнокровнее, о причинах, приведших вас в такое тяжелое положение, а после о средствах выйти из оного.

Надо опять возвратиться несколько назад.

Finis Poloniae! Воскликнул Костюшко, Польское сердце хотело верить этому вещему воплю, вырвавшемуся из души одного из лучших сынов отечества. Множество Поляков переселилось тогда во Францию, приняло участие во всех войнах революции, чтоб пробрести себе помощь. Они проливали свою кровь на всех сражениях, служили верой и правдой Франции. Под чуждым игом не переставали они питать своей надежды и хватались с жаром за всякий случай, обещавший им ожидаемое спасение.

Разнесся слух о распре между Россией и Францией. Вся Польша всколыхалась: Мицкевич поет в своем Пане Тадеуше[1161], о, год двенадцатый.

На родине моей тебя воображаю
...доселе чтит тебя народ.
И песни про тебя слагает, и поет.
Забытый где-нибудь, доселе старый воин,

Услышав про тебя, не может быть покоен,
Невольно тесака хватает рукоять –
И кровь его кипит, и молод он опять.
Благословенный год самими небесами
И сердцем мы тебя почувствовали все,
И что-то дивное с Литвинами творилось,
Как будто небо им в то время растворилось.
Ура! Война! Война!

Наполеон пошел на Россию. Восемьдесят тысяч выставили ему Поляки отборного войска, которое служило ему авангардом. Все были уверены в победе его, и сам Чарторижский, друг Александров, потому только держал себя в стороне, что считал свое участие даже ненужным.

Отцы наши рассказывали нам, с каким остервенением Поляки жгли, грабили, разоряли Русские города, села, деревни.

Известно, как кончилась война. Поляки вострепетали о своей участи. Александр не попомнил зла. Этого мало: он хотел восстановить Польшу. Союзники воспротивились, и готовы были начать войну с нами из-за Польши. Представитель Франции воспрепятствовал первый. Было предполагаемо вновь разделить Польшу. Александр должен был сделать уступки и принять титул Царя Польского. Он выразил желание дать Царству конституцию. Чарторижский предложил ему совершенно аристократическую. — Александр разорвал ее и дал другую, которою ревностный республиканец Карно[1162] считал слишком либеральною, даже в сравнении с Французскою. Учреждено было особое Польское войско, предоставлена почти полная автономия — вопреки мнению первых государственных людей того времени, наших и чужих, Графа Поццо ди Борго, Лорда Кастлерига[1163] и проч. И что же — Поляки выразили свое неудовольствие, даже при первом чтении всемилостивейшего манифеста, как тогда же засвидетельствовали Государю очевидные свидетели. Они хотели, чтоб присоединены были к ним наши Русские губернии, бывшие у них несколько времени в подданстве. Удивительная черта в характере, который никогда ни чем не может быть доволен! Поляки получили то, о чем и помышлять не смели, при несчастном исходе войны, веденной ими с таким ожесточением против Русских, и тотчас позабылись, захотели еще большего! И наступила минута роковая, до сих пор не объясненная,

вполне неизвестная, когда Александр, может быть, в своих особых видах, готов был исполнить даже и это их, по нашим убеждениям, ни с чем несообразное желание*. Как будто б Россия всячески старалась удовлетворить Польшу, делать для нее все возможное и *невозможное*. Политические обстоятельства** помешали Александру исполнить это намерение, как говорил он после Карамзину, горячо восставшему против такой мысли[1164]. Князю Чарторижскому вверен был тогда Виленский учебный Округ[1165], где он на свободе распространял Польское учение и поддерживал связь с Польшею, ослабленную мерами Екатерины.

Как бы то ни было, Поляки продолжали питать свое неудовольствие: на всех сеймах возникали споры с правительством, начались заговоры еще при жизни Александра, так что сам он, друг и благодетель Польши, принужден был изменить свой образ действий, хоть очень милостиво. Открываемые заговоры отдавались на суд, большею частью, самих Поляков, с соблюдением всех законных форм. Наказания определились самые легкие или никаких. Сенат объявлял, что по несовершенству законов не мог произнесть другого приговора!

Александр скончался. Не стану вспоминать о происшествиях, следовавших за его кончиною. Строгие меры как в Империи, так и в Царстве, должны были быть умножены, вследствие случившихся событий, которые в Польше были беспрестанно подновляемы. Император Николай приехал в Варшаву для коронации. Решено было убить его, братьев и наследника во время парада на Саксонской площади[1166]. Могло ли управление сделаться снисходительнее?

Впрочем, революция возгорелась отнюдь не вследствие принятых мер правительства, как объясняет один из главных заговорщиков, того времени, Мохнацкой[1167]: «Если бы даже Русские святейшим образом соблюдали конституционное учреждение в царстве Польском, то полное его развитие не привело ли бы еще скорее к восстанию, чем его ограничение? Революция лежала в основании самого учреждения Царства, и Русские Государи не могли предотвратить ее ни пунктуальным исполнением конституции, ни совершенным ее уничтожением;

---

* Не думал ли Александр такою уступкою с своей стороны вызвать уступку со стороны Австрии и Пруссии? Оставаясь Царем Польским он, может быть, не придавал большого значения номинальному или географическому изменению границ.

** Какие? Не возражения ли Государств Европейских?

по этой же самой причине я не вывожу революцию из недостатков правительства, так как оно могло быть в тысячу раз хуже, если бы мы были независимы». — А в другом месте (1, 220) тот же писатель говорит: «По моему убеждению, ни свобода, ни учреждения, каково бы ни было их достоинство, не в силах усладить судьбу нации, которая некогда была велика и могущественна, впоследствии пришла в упадок, и за тем желает вновь возвыситься. Такая страна находится в состоянии постоянных инсуррекций[1168], такой народ живет только восстанием, и в нем одном видит свое назначение. Царство Польское, основанное конгрессом, было только частицею общего, национального бытия. Дарованные ему права и привилегии постольку лишь имели значение, поскольку они доставляли возможность законным путем выказывать оппозицию главнейшим врагам Польского имени».

Поляки подняли знамя бунта. Год продолжалась отчаянная борьба. Варшава была опять взята приступом, войско захвачено в плен, и Польша, присуждена Европою России за освобождение от Наполеона, *завоевана вновь*. Все прежние отношения войною уничтожены, конституция отнята, войско раскассировано. Множество Поляков опять выселилось за границу. Цвет поколения погиб, тысяча семейств осиротело, истрачены силы. Остановлено развитие. Положение края, после такой несчастной попытки и таких жертв, какие вынуждена была для усмирения перенести Россия, сделалось, разумеется, тяжелее и неприятнее. Доверие к Полякам уменьшилось, могло ль быть иначе? Паскевич был строг, впрочем, только на первых порах. Язык, судопроизводство, местное управление оставалось Польское. До религии не было и прикосновения.

Прошло еще тридцать лет. Материальное благосостояние, достигшее при Александре значительной степени, поднялось опять, старые раны начали заживать. Скончался Император Николай. Александр II-й, находясь при вступлении своем на престол, в совершенно других обстоятельствах, заявил тотчас свои намерения. Жить стало легче, как в России, так и в Польше. Польша получила многие права, которым обещано дальнейшее развитие. Множество изгнанников возвращено в отечество. В каждом году обнародовалось постановление то или другое, но в одном и том же духе искреннем и свободном. Поляки должны были ожидать расширения своих прав, и что же? В это самое время, когда обстоятельства изменялись в их пользу, когда все управление принимало характер либеральный, Поляки (в под-

тверждение слов Мохнацкого) начинают новое возмущение. Государь приписал первые вспышки увлечению и продолжал расширять их права, местные начальства получили приказание действовать как можно снисходительнее, не прибегая ни к каким крутым мерам. Это снисхождение имело действие обратное; оно было сочтено слабостию, бессилием, невозможностию поступать иначе. Солдаты, офицеры и генералы наши до сих пор не могут равнодушно рассказывать о тех поруганиях, коим они подвергались на улицах, в обществах, в собраниях. Должно было удивляться терпению Русского народа, но нельзя не сказать теперь, основываясь на верных свидетельствах, что Варшава подвергалась несколько раз опасности облиться кровию, взлететь на воздух и испытать бомбардирование. Убийства следовали за убийствами, террор господствовал. Никто не считал себя в безопасности, ни Поляк, ни Русский! И в этом-то разгаре страстей, среди смертоубийственных покушений, под заревом пожаров, является брат Государев с природным Поляком для управления под его начальством. Его встречают выстрелом, от которого он едва не погиб. Такая встреча, однако ж, его нисколько не ожесточила и он начинает управление самым снисходительным, благодушным образом. В продолжение целого года соблюдают строжайшую законность, отдаляют всех Русских чиновников поголовно, замещают их везде Поляками, покровительствуют Университету, возводят Польский язык на степень государственного языка, чтут Католическую церковь, во всех случаях употребляют систему не только снисходительности, но даже потворства. Вся Россия в страшном негодовании, видя мятеж не уменьшающимся, а ежеминутно возрастающим, а Великий Князь продолжает действовать в том же духе. Должны ли были Поляки успокоиться, образумиться, удостовериться, что время настало другое? Нет, ничего не помогало, с каждым днем становилось хуже и хуже. Полиции как бы не существовало, организовались шайки кинжальщиков, вешателей, поджигателей. Преступники получали свободу. Пленные повстанцы по нескольку раз попадали в крепости, и находили случаи убегать из нее. Тысячи фальшивых паспортов ходили по рукам. Похищались огромные общественные сумы. Тогда Государь увидел, что милосердие неуместно и несвоевременно. Мера долготерпения исполнилась. Великий князь оставил Варшаву. Граф Берг получил Высочайшее повеление кончить комедию, которая делалась трагедиею со всеми ее ужасами — и в короткое время мятеж

был укрощен, банды разогнаны, убийцы переловлены, убежища открыты, оружие собрано — остальные преступники скрылись, и все дела приведены в прежний порядок.

Но еще поколение пропало. Еще тысячи семейств осиротели. Еще Польша отодвинулась назад в своем развитии.

Неужели это не последняя попытка? Неужели еще надо проливаться крови? Гибнуть людям? Неужели чрез тридцать лет опять возобновятся те несчастные явления? Сохрани Бог! Когда же это кончится? Что за перспектива!

На будущий раз, обогатившись опытами, говорят некоторые Поляки, твердо стоя на своем, мы будем умнее, мы придумаем новые средства, и никому не может придти в голову, какую форму примет Польская революция.

Нет, не обольщайтесь ложными надеждами, не обманывайте себя, вы все те же, и ваши споры, и внутренние раздоры, которые продолжаются в одинаковой степени везде, дома и на чужбине, во внутреннем управлении и в изгнании, доказывают убедительно, что вы, дети своих отцов, ничему не научились и ничего не забыли. Вы повторяете одни и те же явления, которыми преисполнена Польская история.

Положим, однако, что вы ухитритесь придумать что-нибудь новое, но ведь и мы также, обогатившись опытами, сделаемся поумнее, если Варшавская железная дорога помогла нам справиться легче с восстанием 1862 года, чем то было в 1830 году, то к 1890 году откроются без сомнения новые источники сил, да одно уже обрусение западных губерний окажет нам новую помощь, чтоб преодолеть, эту неизвестную, новую форму будущей революции.

Некоторые из вас надеются, что мы, по обыкновению, вскоре задремлем. Может быть: не ручаюсь за бдительность, но Немцы не задремлют, и на них вы не нападете врасплох, а когда они ударят тревогу, тогда и мы проснемся.

Русские могут делать ошибки, промахи, могут потерять много ныне и завтра по своей оплошности, лености, добросердечию, легковерию, но в конце концов, то же следствие неминуемо, с напрасным пролитием крови.

Нет, в перспективе у вас, в эту сторону, только бесцельное человеческое жертвоприношение. Но о далеком будущем толковать нечего. Оно в руках у судьбы. Возвратимся к прерванному рассуждению о настоящем или ближайшем будущем.

Положение после попытки 1861 года стало хуже, чем в 1831 году, тяжелее вообще для народонаселения, и по причинам очень естественным. Кинжальщиков, вешателей, поджигателей нельзя было оставить на воле в народе. Начались розыски по доносам пойманных виновников. Открывались такие преступления, о которых никто ничего не знал, указывались лица, на которых не падало никакого подозрения. Доверие, поколебленное в 1831 году, теперь почти со всем исчезло, и можно ли требовать его, если ужасный Польский катехизис выходит, так сказать, беспрестанно новыми изданиями, пересмотренными, умноженными и исправленными, как в Польше, так и в России. Военное положение остается на неопределенное время. Совершено несколько казней по приговору военных судов, то есть, из десяти тысяч убийц выбраны самые виновные. Полиция умножена, преимущественно из Русских солдат и офицеров. Наехало еще множество Русских чиновников для приведения в исполнение крестьянской реформы. Польским чиновникам поручить ее не было возможности, потому что они, связанные старыми узами с помещиками, взяли бы их сторону, и оставили бы крестьян в прежней от них зависимости. С Русскими чиновниками необходимо должно было распространиться и употребление Русского языка, без которого те не могли вдруг действовать. Наконец, участие ксендзов в деле восстания, благословение ими убийц, открытие складов оружия в монастырях, дознанные собрания и совещания повстанцев в костелах, повлекли за собою ряд мер, по-видимому, стесняющих права католической религии, но в сущности направленных только к лишению средств действовать на умы в политическом смысле. Разве Италия поступает иначе с своими аббатами и монахами, а Итальянские аббаты и монахи, в отношении к Италии, не то, что Польские ксендзы в отношении к Русскому правительству? Правительству нужно быть каждую минуту на стороже, в опасении, чтобы взрыв где-нибудь не последовал, и потому должно принимать для предупреждения разные стеснительные меры. Один мой старый воспитанник сказал мне недавно в Варшаве: «Ну что мне делать с моим сыном? Куда я дену его?» В том же положении находятся, разумеется, многие и премногие отцы. Шляхты в Польше количество не соразмерное с народонаселением. Кто же виноват, что Поляки сами запирают себе двери для службы везде, с своим катехизисом[1169]?

Из-за виноватых терпят невинные. Это правда, хотя вовсе невиноватых очень мало, если и есть кто-нибудь. Не все участвовали лично в восстании, но все помогали, сколько могли, посредственно и непосредственно. (Я говорю о шляхте). Не есть ли это все-таки вина, которая теперь необходимо и наказывается тягостию атмосферы для всех городских населений?

Говорят, что в начале действовали только иностранцы и вновь прибывшие, прощенные социалисты, но если бы благоразумные граждане подали тотчас свой голос, осудили бы торжественно сделавшиеся известными покушения, то восстание с самого начала лишилось бы значительной силы, общественное мнение в Европе не было б приведено в заблуждение, Русское правительство получило бы поддержку и одобрение. Нет, этого не было даже в период управления Маркиза Велепольского. Эти благоразумные люди молчали и таким образом оставили в неизвестности свой образ мыслей. Правительство не знало, на кого оно могло надеяться, встречая везде одну измену. Они боялись, слышится теперь в оправдание. Положим так. Ну, что же теперь мешает им выразить свое мнение, убедить своих соотечественников в том ужасном вреде, какой причиняют они отечеству своими отчаянными выходками, своими пагубными замыслами? Почему теперь не стараются предупредить новые грозы, застраховать сколько-нибудь судьбу своих семейств?

Вот нормальное положение Польши, вызванное ее последнею несчастною попыткою. Пусть какое угодно правительство, Английское, Швейцарское, Американское, скажет, что оно поступило бы иначе; пусть научит, что должно делать, и как поступать России. Что происходит пред нашими глазами в Америке, Англии, в Италии?

Продолжая действовать в прежнем духе и питать подозрение Русского правительства, Поляки готовят себе только худшую участь. И теперь уже образовались две системы, или два направления в Русском обществе: одни и самые многочисленные думают, что на примирение, на искренние чувства, надеяться никак нельзя, и что должно действовать в отношении к шляхте решительно и грозно, не только в западных губерниях, но и в царстве[1170]; другие говорят, что надо еще испытывать снисходительные средства, в надежде примирения и будущего союза.

Без сильных обязательных доказательств с Польской стороны о переменах к лучшему, первая система имеет за себя все данные. Без

положительных доказательств невозможно ослаблять военного положения, расширять права законной свободы.

Нам остается говорить о положении в западных губерниях.

Тамошнее Польское дворянство имеет еще меньше права жаловаться на стеснения, если они и существуют. Эти стеснения — естественное следствие предшествовавших обстоятельств, их собственного образа действий.

Русское правительство, возвратив эти губернии, оставило Польских помещиков жить там и хозяйничать. Народ Русский продолжал томиться, презираемый и выживаемый ими, под охраною и защитою Русских законов. Русские крестьяне прикреплены были еще крепче к помещикам, чем это было под Польским игом. Мы покровительствовали католической религии в ущерб нашей, заводили и содержали училища с господством Польского языка. Народ выходил часто из терпения и готов был напомнить времена Колиевщины[1171] и последовать примеру Галицких крестьян. Русские солдаты защищали Польских помещиков своею грудью, что продолжается и теперь, и несчастные крестьяне, против них поднимавшиеся, ссылались в Сибирь. И между тем, Польские помещики тянули к Польше, а не к России, при всяком случае обнаруживая свои враждебные чувствования. Мицкевич, видели мы, описал их сердечное настроение в 1812 году. В 1831 году повторились те же явления. В истории Шмита[1172] мы находим множество новых доказательств. Перед 1861 годом Подольские Польские помещики отнеслись прямо к Государю, с просьбою о соединении их края с Польшею. Между Минскими выражалось то же намерение. Когда началось восстание, они помогали всеми средствами, собирали деньги, снаряжали банды, пересылали оружие, давали убежище, начинали открытое возмущение. В западных губерниях был главный Польский арсенал. На западные губернии Поляки возлагали твердейшую свою надежду, и, действительно, сила их с западными губерниями увеличилась бы по крайней мере втрое. Можем ли мы, в видах даже самосохранения, не обращать внимания на эти губернии, как до сих пор, к стыду своему, делали, и если Поляки хотят их отнять, принимают для того свои меры, то не должны ли мы, связанные с ними узами крови, языка и веры, стараться о сохранении их в своей власти, утверждении на веки веков,

и в отнятии у Поляков всякой надежды? Пусть поставят они себя на наше место.

Вот ключ всех мер, принимаемых нами в западных губерниях, но еще слишком слабо и снисходительно, вопреки желаниям и требованиям всего Русского народа. Верные свидетели и очевидцы согласно утверждают, что, по неоспоримым документам и уликам, три четверти помещичьих имений там могут быть конфискованы за доказанное участие в мятеже, и что главные зачинщики, виновники остались в покое, выдав на казнь несколько пролетариев, сорванцов, служивших им слепым орудием.

Правительство поступило теперь очень милосердно, точно как поступало слишком снисходительно и при решении крестьянского вопроса. Русские крестьяне в западных губерниях освобождены были на тех же условиях от Польских помещиков, как и во всей России от Русских. Но разве Польские помещики могут идти в сравнение с Русскими, после тех заявлений, после тех действий, в которых они оказались виновными? Этого мало: приведение в исполнение закона поручено было Польским чиновникам, которые, разумеется, держали сторону помещиков, вели дело так, что крестьянам становилось не лучше, а хуже. Отводились неудобные земли, назначались неумеренные цены, и всякая тяжба решалась в пользу помещиков против крестьян. Учреждены были впоследствии поверочные комиссии[1173], которые поворотили несколько дело на законный путь. Во всяком случае, правительство сознало, наконец, положительно, что давно уже сознано было народом, что жители этих губерний, чистые Русские люди, должны быть по всем законам, естественным, политическим, историческим, защищены, охранены в своих интересах, и что никакого элемента не должно там существовать, кроме Русского. В этом смысле Польские помещики могут быть терпимы в западных губерниях только как Русские.

Да им, кажется, и не трудно бы сделаться настоящими Русскими, если б только они обдумали хорошенько свое положение. В их жилах, по крайней мере, в большей части, течет Русская кровь. Они исповедовали Греческую веру и говорили Русским языком. Взгляните на надгробную плиту с Русскою надписью одного из прародителей Графа Тишкевича[1174], которая была запрятана куда-то в Виленском археологическом музее, а теперь вскрыта наружу. Загляните в Литовский статут[1175], пересмотрите церковные синодики[1176], сколько их

доселе сохранилось. Переберите древние акты в Виленском и прочих архивах, которые до позднейшего времени, т. е. до 18-го столетия, писались по-Русски. И вы убедитесь, что дворянство здешнее, большее частию по происхождению своему, есть Русское, и только по соединении Литвы с Польшею[1177], переменило свою веру, оставило свой язык, чтоб воспользоваться правами Польской шляхты. Польским помещикам в западных губерниях, если они хотят владеть спокойно своими землями и не иметь против себя народ, ни теперь, ни впредь, ничего не остается делать, по моему мнению, как переходить в православие и делаться Русскими. Они оставили прежде православие, чтоб сделаться Поляками, а теперь наоборот, пусть оставляют католичество, и возвращаются к вере своих предков, учат детей своих по-Русски, и после временной разлуки, опять породнятся с своими братьями. Католики отнимали церкви у православных; православные имеют полное право возвратить их для воссоединенных.

Те из помещиков, которые живо сознают свое Польское происхождение, пусть продают земли (даром полученные) и идут в свое отечество в Польшу. Они должны делать это непременно в видах собственной пользы, а то легко может случиться, что какой-нибудь Русский Бисмарк сделает предложение о конфискации Польских имений, точно как Наполеон III секвестровал[1178] имения Орлеанской фамилии во Франции, находя это владение несовместимым с государственными видами Франции.

Все почти Русские, на всем пространстве Империи, призывают эту меру, и считают ее, так или иначе, необходимою. Пусть Поляки примут это к сведению и соображению и убираются по-добру, поздорову восвояси.

Рассуждение о настоящем положении западных губерний и их отношении к России и Польше, дает мне повод объясниться еще об одной форме Польского вопроса, в какой ставят его некоторые Поляки: или мы, или вы! или Польша, или Россия! Быть или не быть!

Приобрести независимость Царству Польскому, в нынешних обстоятельствах, мы видели, невозможно.

Отнять у Австрии и Пруссии Польские области — еще труднее.

Возвратить себе прежние завоевания, т. е. отнять у России западные ее Русские губернии — кольми паче!

Но для Поляков всего этого еще мало. Они думают еще покорить себе всю Россию и стать на ее место.

Кому быть? Они отвечают торжественно: Полякам.

Что сказать об этой постановке вопроса и об этом Польском решении? Рассуждать без шуток нет возможности.

Материалы для ответа заключаются, впрочем, в прежних рассуждениях. А здесь разве повторить вкратце: без западных губерний Польша существовать не может, по собственному признанию всех Поляков, а западных губерний Россия ни за что на свете не уступит, следовательно, вопрос в такой форме решается сам собою. Нет, друзья мои, ставить его так, ставить все на одну карту, для вас не выгодно. Быть или не быть? Приложите теорию вероятностей к такому вопросу. По всем данным, по всем положениям, по всем условиям, по всем правам оказывается, что быть России. Она имеет сто, тысячу вероятностей, против вашей одной десятичной дроби. Зачем же вы хотите не быть?

Что вы, что вы? Дай Бог вам здоровья, мы, мнимые враги, желаем вам его. Зачем хотите вы стремиться к своей погибели? Зачем хотите стереть с лица земли любезное свое отечество?

Братья, братья! Одумайтесь, опомнитесь, послушайтесь убеждений разума, истории, очевидности. Будем жить вместе и вы, и мы! Да здравствует Польша, да здравствует Россия, — и вот я приступаю теперь к изложению своего мнения об истинном, а не мнимом возрождении Польши, и о тех видах, которые для нее открываются в настоящее время.

Еще Польска незгынэла[1179] — мы Русские подаем вам эту благую весть, вам зарывающим свое отечество глубже и глубже в могилу. Александр II, Император Всероссийский и Царь Польский, освобождает три миллиона крестьян и наделяет их землею; намеревается обеспечить и остальных пролетариев и бобылей. Польская пословица: coelum nobilium, paradisus clericorum, infernus rusticorum[1180] — потеряла свое значение. Шляхте указаны границы. Аристократия, угнетавшая народ, ослаблена. Поселянам возвращено человеческое достоинство. Они сделались людьми и перестали считаться быдлом[1181]. Монастыри с зловредным учением иезуитским закрываются. Тунеядство поражено в сердце.

Наполеон сказал, что Французской революцией Галлы свергнули иго Франков. Общественной реформой Императора Александра свержено иго пришлых Ляхов[1182], прародителей шляхты, неизвестного, пока, происхождения, над Славянскими туземцами. Пути Провидения, пути истории, неисповедимы.

Вот чем Польша начинает новую жизнь. Вот где скрывается ее лучшая будущность.

Тяжело для вашего народного самолюбия: самым лучшим добром быть одолжену кровным врагам! Что ж делать? Смиритесь сердцем и помните, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Какую жертву в настоящих обстоятельствах можете вы принесть вашему отечеству выше этого смирения? Может быть, здесь есть вместе и наказание за ту страшную неразборчивость в средствах, которую вы дозволяли себе для достижения своей недостижимой цели. Добро, откуда бы ни шло, везде, всегда, хорошо. Позвольте же нам этим добром искупить хоть часть того зла, которое и мы также, волею или неволею, вам причинили, в продолжение нашей вековой борьбы. Но перестаньте думать о старых формах: они обветшали. Новый порядок вещей начинается на севере. Помогайте развиваться Польше, возрождаемой династией Русскою, преемницею Ягеллонской, Шведской, Саксонской. Вот куда вам надо направить свои стремления. Вот поприще, достойное ваших способностей.

Польша и Россия вместе, в дружеском братском союзе, составляя одно целое, под державою Александра II! Это будет великое явление, с бесконечными благими последствиями для вас, для нас, для всего Славянского мира, для Европы, для человечества. И никто не отнимет у вас вашей славы. Вы приобретете ее своими талантами, способностями, доблестями. Россия и Польша — вот чего боятся Европейские наши враги. Соединение России и Польши в братском союзе есть не Бреннов меч на весах Римских[1183], а положительное предрешение многих Европейских вопросов. Вот чему стараются мешать нам враги, раздражая ваше самолюбие, обманывая несбыточными надеждами.

Братья, братья! Одумайтесь, вразумитесь. Покоритесь вашей судьбе, написанной свыше, а не в действиях Русского правительства, и вы исполните ваше великое назначение, которое предчувствовали, слыша звон, да не разобрали где.

На этом пути откроются для вас, может быть, средства исполнить ваши задушевные желания, желания законные, справедливые, не вро-

де тех, какие вы имеете относительно России, откроются или, по крайней мере, облегчатся средства освободить прочие родственные Славянские племена от чуждого ига, о которых вы, к стыду вашему, и не помышляете. Великая задача, великое дело!

Сближайтесь с народом, образуйте его, обрабатывайте вашу историю, возделывайте ваш язык, занимайтесь литературою, посвящайте свои силы науке, искусству. Немцы в этом отношении служат вам примером. Считая себя в количестве 30 миллионов, они такими занятиями снискали себе славу, и достигли высокой степени благосостояния, без политической роли, за которую вы столько гоняетесь, и которая, впрочем, не уйдет от вас, если только вы оборотитесь за нею в другую сторону. Я говорил вообще, а в частности — какое поприще откроется вам на пространстве Русской империи, до Восточного океана и пределов Индии! Чего вы не наделаете для общей вашей и нашей пользы, вместо того, что теперь влачите унылую жизнь среди иноплеменников, которые подают вам милостыню, не потому, чтобы принимали живое участие в вашей несчастной судьбе, а потому, чтобы на всякий случай иметь вас наготове для исполнения своих целей!

Такой обширный круг действий для вас уже начинался и после 1812, и после 1831 годов, по укрощении мятежей. Сколько было Поляков в нашем генеральном штабе, по железным дорогам, в медицинском ведомстве, на Кавказе, на Амуре, в Новороссии? В каком цветущем состоянии застали Польшу обе революции?

Оно начинается и теперь. Давно ли установлен порядок, а уже на всех улицах в Варшаве строятся огромные дома, магазины ломятся от всяких товаров, театры полны, в Саксонском саду никогда не продерешься, железные дороги прокладываются во все концы? По улицам везде движение. Жизнь кипит.

Нынешние начала, основанные на свободе народной, должны быть успешнее и долговечнее.

Поляки вместе с Русскими имеют право ожидать всех возможных средств, удобств, льгот и прав от ныне царствующего Государя. Не надо только мешать ему ни словом, ни делом и помышлением, в исполнении благодетельных его предначертаний, какие Бог положил ему на сердце. Сердце Царево в руце Божией.

Припомним слова умного Поляка, князя Любецкого[1184], сказанные им однажды в административном совете.

«Рассматривая оба государства, — сказал он, — мы не найдем ни победителей, ни побежденных, ни насилий, ни перемен в нравах и обычаях: единственно с чем можно сравнить их отношения между собою, это с теми отношениями, которые существуют между двумя братьями, исполненными одинаковых чувств благодарности к их отцу и повинующимися ему, не преграждая один другому дороги».

Братья! Обнимемся братски, не помня зла, и пойдем рука об руку вперед, вперед, по пути истинного и верного прогресса, восклицая вместе: да здравствует Александр, Император Всероссийский и Царь Польский! Да здравствует освободитель! Еще Польска не згынэла. Боже, Царя храни!

А если нет, так нет!

1865.
Ноября 26

P. S. Я написал эту статью сгоряча, по возвращении из Варшавы и Вильны. Написав, я отложил ее в свой портфель. Чрез месяц прочел ее снова, — и признаюсь откровенно, услышал внутренний голос: нет, это фантазия, это утопия! Поляки не вразумятся. Habeant sua fata nationes[1185]!

Все-таки я печатаю статью: пусть она останется для Поляков доказательством Русского непамятозлобия, свидетельством нашего искреннего доброжелательства, в пределах разумной возможности, — а беспристрастные читатели в Европе пусть увидят из нее настоящее положение Польского вопроса и наше, Русское, к нему отношение.

1865.
Декабря 21

Через год. Января 15, 1867

P. S. События обгоняют одно другое. Между Поляками обнаружилось новое. Они замышляют или мечтают образовать что-то в Галиции. Известиями об их действиях, заявлениях и предположениях наполнены все газеты.

Русские в Галиции, которые составляют все народонаселение в восточной части, подвергаются всем возможным притеснениям, лишениям и ругательствам.

Позволяю себе сказать Полякам еще несколько слов. Милостивые государи! Вы угнетаете Русских в Галиции. Ваша система угнетения несчастных рабов доходит уже до крайней степени. Стоны их доносятся, наконец, и до всей России. Каким же образом вы хотите, чтоб мы, Русские, не принимали мер против таких насилий в Волыни, в Подолии и вообще в наших западных губерниях, где вы такие же пришельцы, как и в Галиции? Не ясно ли, как день, во-первых, что вы своими действиями в Галиции даете нам право поступать точно также с вами, par le droit de represailles[1186], даже в Царстве Польском? Какое право имели бы вы жаловаться? Верно ли, логически и исторически, мое утверждение? Но нет, в Царстве Польском Русские освобождают Польских крестьян от крепостей, хоть и в другой форме, зависимости, наделяют их землею, освобождают города от феодального ига. Чувствуете ли вы разницу? Если вы не можете дать нам лучшего примера, то берите его хоть с нас.

Поговорим теперь с другой стороны о ваших мечтаниях. Вы надеетесь, что Австрийское правительство восстановит для вас Польшу (я не понимаю, впрочем, какую), но как же вы не подумаете, что королевство Богемия, с вами смежное, триста лет почти находясь под владычеством Австрийским, не может похвалиться никакими благодеяниями Австрии? Каким же образом Австрия, столь неприязненная для национальности Чешской в продолжение веков, вдруг, ни с того ни с сего, окажется такою родственною благодетельницею для национальности Польской, и, стесняя систематически Чехов, будет делать всякие любезности для Поляков? Я говорил о Чехах, а прочие национальности Славянские, Кроаты, Далматы, Славонцы, Сербы разве свидетельствуют вам не то же?

Послушайте, что говорят Славянские газеты в последних номерах своих: «Австрия не только никогда не пользовалась сочувствием Турецких Славян, но постоянно возбуждала ненависть к себе в Хорватах, Сербах и Румынах, населяющих ее южные провинции».

«Пограничное население Турции нимало не расположено в пользу Австрии; напротив, оно готово пристать даже к самой Порте, лишь бы не попасть под Австрийское владычество». А вы, несчастные, ищите там спасения!

И когда вы соединяетесь, дружитесь, с исконными врагами Славян? Когда все Славяне восстают духом и стремятся свергнуть с себя ненавистное чуждое иго и устремляют свои взоры к России!

Но вы, в своем ослеплении, ничего и никого знать не хотите, страдая своею, хотя во многих отношениях и почтенною, мономанией.

О, друзья мои, взываю в сотый раз, опомнитесь, образумьтесь и поймите, что против рожна прати невозможно. Подумайте, что на вас восстает новая сила, с которою вам придется считаться. Это распространяющееся сознание Русского народа. Своими покушениями, своими угрозами и объявлениями, вы вредите только самим себе, как в Царстве Польском, так и в западных губерниях, вызываете соответствующие меры. Никакой надежды для вас нет, если смотреть на Европейские обстоятельства хладнокровно. Какая бы ни случилась война, как бы она ни кончилась, пусть даже отказалась бы от вас Россия, по Вислу ли, по Неман ли с Бугом, но вас неминуемо поглотит тогда Немецкий элемент, представивший вам разительные тому доказательства в Померании, Силезии, и даже Познани. Следовательно, единственное спасение для Польской национальности, для Польского имени заключается только в соединении Польши с Россиею. И если Россия убедится в вашем перерождении, вашем совлечении ветхого Польского человека, в искреннем обращении ваших взглядов с запада на восток, тогда весь образ действий Русского правительства, и теперь все-таки больше оборонительный, чем наступательный, наверное, изменится, к общему удовольствию, — и вы, и мы вздохнем спокойно.

Останетесь вы при прежнем, тогда в виду для вас ничего не может быть, кроме худого и худшего, и пенять должны вы будете не на судьбу, а на себя. На многих страницах этого сборника вы видели мои чувствования, мои правила, и вместе, все беспристрастие, с которым я смотрю на Польский вопрос, сколько уважал и любил всегда Поляков, но теперь, признаюсь откровенно, я прихожу уже в отчаяние, и говорю, кажется, в последний раз, отказываясь от своих прежних мечтаний, и восклицая: так видно хочет История!

ПРОГРАММА УТРА НА БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ (Мнения о текущих вопросах)

Из предлагаемого теперь публике сборника, может быть, образуется журнал, буду ли издавать его сам, или передам кому другому, во всяком случае, периодический сборник или журнал, литературный и политический, должен заявить свой образ мыслей, свое направление в политическом, гражданском, литературном отношениях[1187]. Предлагаю, на первый случай, в коротких словах, свое мнение о вопросах, ныне занимающих общество наиболее. (О прочих — в другое время). Впрочем, вся моя печатная, слишком сорокалетняя деятельность, начиная с 1821 года , — перед читателями: она может служить пояснением и дополнением положений, выраженных в настоящей программе.

Начнем с иностранной политики.

Друзей между Европейскими Государствами мы не имеем, кажется, никого, да их не имеет, может быть, и никто, оставаясь себе на уме и держа всегда на случай камень за пазухою, но мы отличаемся от прочих Европейских государств тем, что нас все они согласно между собою внутренно ненавидят, чая грозу с севера по преданию, по чувству, по недоразумениям или доразумениям. Один мой старый знакомый назвал всех Европейцев Немцами, следуя древним летописям, и находил, что лучшие из них — Португальцы, потому, что живут от нас всех дальше. Соглашаясь с моим знакомым, я думаю, что связь с западной Украиной Европейской Романского племени естественнее, чем с средней и восточной, разумеется, вне случайных причин к союзу или разрыву с тою и другою.

В молодые и средние года свои я мечтал и твердил много о Славянах, — и сочувствовали мне многие передовые люди, корифеи[1188] в племенах Славянских, и, казалось нам, много могло быть сделано Россией во время оно на пользу всех Славянских племен; но время оно прошло, потому ли, посему ли, ничего не было делано, или делано мало, и то по большей части частными людьми; новые поколения в Славянских племенах думают, по крайней мере, в настоящую минуту, не так, как думали старики, почти все сошедшие с поприща, — приверженность к России какая-нибудь остается только в массах. По этим причинам, отлагая в сторону всякие мечтания, я думаю, что связь с Славянскими племенами нам должно ограничивать пока до-

ставлением Русских книг в публичные библиотеки и пособий известным ученым для издания каких-либо важных для Славянства трудов, исторических и филологических.

Нашей политике много работы предлежит в Азии.

Добрыня, дядя Свято Владимира[1189], увидя пленных по Волге в сапогах, сказал своему племяннику: нет! нам надо идти дальше и искать лапотников, а от этих поживиться нечего. Старик Ермолов[1190] любил твердить: Азия, Азия! А наше министерство иностранных дел, — я говорю о прошедшем времени, — не сознавало этой важной задачи, устремляя внимание исключительно на кабинеты Тюильерийский и Сен-Джемский[1191], и заботясь о том, что скажут о наших действиях Английские и Французские газеты. Русский путешественник Чихачев[1192] искал себе, например, охранных листов для ученого путешествия по Азии у Лондонских министров, получа отказ дома. Но действия Графа Муравьева[1193] на Амуре, Генерала Игнатьева[1194] в Китае, учреждение Туркестанской области[1195] подают нам надежду, что дела Азиатские удостоятся вперед большого внимания от наших дипломатов и сделаются предметом тщательного изучения. Жаль, что наши консулы и разные чиновники не доставляют публике никаких сведений о местах своего пребывания.

Впрочем, иностранная политика России зависит от политики внутренней. Своя рубашка к телу ближе. Прежде чем крыть чужую крышу, надо, чтоб своя не текла.

Держа это на уме, Россия во всех делах Европейских всегда имеет право подать свой голос и стать на сторону справедливости, хотя, нельзя не прибавить, что одними дипломатическими нотами сделать ныне ничего уже нельзя; надо, чтоб между строками виднелись штыки, надо чтоб силою, делом готово было всегда поддерживаться слово.

Эту силу, с соответствующею ей копейкою, мы должны собрать и беречь на черный день, а может быть, и на светлый приближающийся к нам быстро день решения восточного вопроса[1196].

Мимо нас он решен быть не должен. Нам принадлежит первый голос. Мы провинимся перед Историею, если не будем готовы к этому времени, как не были готовы во время Севастопольской высадки[1197]. Нельзя будет нам ссылаться на нечаянность, на недостаток времени. Оправданий никаких не найдется. Вся история вела и шла сама к этому делу. Тень отшедшего Государя[1198] ожидает успокоения.

Si vis pacem, para bellum[1199]. Нам необходимо, на случай войны, укреплять наши берега Балтийского, Черного и Белого морей, снабжать крепости запасами, организовать медицинскую, комиссариатскую и провиантскую часть, привести в порядок рекрутские наборы, устроить военное образование. Все это, говорят, делается и делается, слава Богу, с успехом в военном министерстве, но жаль, что публика мало извещается об этих делах, это очень желательно и нужно, хотя бы в общих выражениях.

После военной необходимости вторая необходимость есть построение железных дорог: вот чего у нас не делается или делается очень медленно, без соразмерности с вопиющею нуждою. Железные дороги нам надо строить, во что бы то ни стало. Без железных дорог восточный вопрос не может быть решен удовлетворительным для нас образом. (Не говорю уже о том, что железные дороги необходимы нам и в экономическом отношении, если мы не хотим погубить нашу южную торговлю и передать ее в чужие руки).

Если б у нас были железные дороги, то Севастополь и до сих пор красовался бы на берегах Черного моря. С страшными убытками построили мы Варшавскую дорогу[1200], но она окупилась сторицею, ибо без этой дороги не разделались бы мы с Польским восстанием так скоро. Железные дороги строить нам надо, во что бы то ни стало, своими руками, своими средствами, а не отдавая их в распоряжение иностранцев. Опыт с Варшавскою дорогою стоил нам уже довольно дорого, и нас спас Русский Бог от договора с Англичанами. До сих пор еще сжимается сердце от страха при мысли, что было бы с нами, если б условие о Севастопольской дороге состоялось? На 99 лет (сотый был нам прощаем) пошла б Россия в кабалу Англичан, — и последствия не вообразимы! Все, что нужно для железных дорог, мы имеем в изобилии: железо, медь, камень, дерево, песок, руки, и сверх того мы имеем полный, безусловный, неограниченный государственный кредит внутри России. Этим кредитом в пять лет мы могли б построить железных дорог 2–3 тысячи верст, даром поднять отпускную торговлю, распространить мануфактурную промышленность, а через пять лет вынимать из употребления пущенные на постройку железные ассигнации или заемные письма[1201], если то сочтется нужным. Курс внутренний останется не-

прикосновенным, да и внешний непременно возвысится при такой блистательной перспективе благосостояния и богатства, к которой со всяким годом по железным дорогам приближаться будем. Да что бы ни случилось, а дороги-то будут готовы, вот что главное, от Орла до Харькова и до Киева, от Харькова чрез Екатеринославль до Феодосии и еще до Таганрога, от Киева до Балты и Орла, от Перми или Осы до Екатеринбурга и Ирбити[1202]. С дорогами мы сведем счеты какие угодно и оправдаемся пред западною наукою, а пока мы отвечаем ей хоть русскою пословицею: семь бед, один ответ; при 700 миллионах лишние 10–20 миллионов ассигнаций или билетов[1203] в год ничего не значат, и не окажут никакого влияния на систему, хороша ли она или дурна.

Впрочем, мы употребим эти средства за отсутствием других, не имея никакого выбора. Построив 500 верст, мы можем их, пожалуй, хоть продать, а на полученные деньги строить другие 500 верст, если бы оказалось почему-нибудь неудобным продолжение работ на железные ассигнации.

Суммы, выданные вперед заводчикам на основание механических и прочих заводов, для рельсов (путин), для локомотивов, для вагонов, на постройки домов на станциях и проч. приведут в движение множество рук и капиталов.

Смею думать, что неудовлетворительное состояние наших финансов, будет исправляться безостановочно со всякою сотнею новых железных верст.

Всякая минута для [нас][1204] в этом отношении дорога, ничем не заменима. Все споры следует оставить, а строить, строить как-нибудь, строить хоть в долг, на всякие манеры, но строить!

Третья необходимость — завести добывание каменного угля. Если Наполеон дает миллионы на дренаж[1205], то какие жертвы нам могут быть тягостны для того, чтобы обеспечить не только наше движение по железным дорогам, но и плавание по рекам и морям на пароходах, остановить пагубное истребление лесов.

После железных дорог с каменным углем важное средство для поправления наших финансов состоит в бережливости, — впрочем, о бережливости говорить здесь не место. Печать будет понемногу указывать на расходы, ненужные или бесполезные, в том или другом

ведомстве. Здесь разве сказать, что все настоящие Русские люди желают, чтоб единицею счетною сделался опять наш любезный ассигнационный рубль[1206], равняющийся франку. (Введение так называемого серебряного рубля[1207] было мерою очень вредною, по признанию большинства).

Касательно Польского вопроса, в западных губерниях об нем и речи быть не может. Это страны чисто Русские и никакого другого действующего элемента терпеть здесь недолжно. Землевладельцы здешние, Русского происхождения, должны возвращаться к русскому православию, а прочие, Польского происхождения, продавать свои земли и отправляться в царство Польское. Последние меры, за продолжение которых нельзя довольно возблагодарить Генерал Губернаторов, Киевского и Виленского, должны быть только ступенью к Русскому землевладению.

Что касается до Царства Польского, мы желаем ему всех возможных благ, лишь только бы они не служили ко вреду России. Это желание, правда, слишком неопределенно, но в следующих книгах Утра оно будет развито подробно.

Второй вопрос, занимающий нашу журналистику и решаемый ею почти единогласно, к совершенному удовольствию всех Русских людей, есть вопрос о равноправности с людьми Немецкими в Остзейских губерниях.

Я желал бы, чтоб было сочтено, сколько земли, а по-прежнему крестьян в губерниях Русских, принадлежит Немцам, Немцам Остзейским, получившим эти земли и получившим прежде крестьян, в приданое, в жалованье за службу, и наконец, покупкою. (Об этих Немцах, по большей части, должно с признательностию сказать, что они сделались совершенно Русскими, и мы не делаем в них никакого различия с коренными Русскими). Я уверен, что такой земли окажется больше, чем занимает вся Лифляндия, или Эстляндия, или Курляндия. Спрашивается, каким же образом Русский дворянин не может пользоваться в трех Остзейских губерниях теми же правами, какие имеет Остзейский дворянин во всех 50 Русских губерниях?

Точно также Немецкие купцы рассыпаны по всей России, в Петербурге и Москве, Архангельске и Одессе, Тифлисе и Киеве и пользуются везде всеми, или, в некоторых отношениях, большими преимуще-

ствами, чем Русские купцы. Не гораздо ли их больше у нас в России, чем во всех Остзейских городах?

Говорить ли о Немецких ремесленниках, которым никто из Русских не только не мешает, но всеми силами помогает и содействует. На что же похоже, что Русский ремесленник, зайдя случайно в Ригу или Ревель, должен подвергаться там всем возможным стеснениям.

О Русском языке для Русских — самый вопрос есть уже оскорбление. Civis sum Romanus[1208], восклицает апостол Павел перед своими мучителями, а Русский человек должен скрывать свое происхождение, и не иначе может быть выслушан в Риге, как заговорив по-Немецки. Помилуйте! Разве может быть терпимо подобное положение? В России я должен говорить в суде на иностранном языке! Нет, это уже слишком! А вот следующее известие, напечатанное в газетах, если оно только справедливо, не может уже ни с чем быть сравниваемо:

Государь пожаловал городу Риге место, занимавшееся прежнею крепостью. Понадобилось занять из этого огромного пространства один незначащий уголок под православный собор. Магистрат, или я не знаю кто, спросил за этот уголок 50 тысяч рублей, которых духовное начальство взнести было не в состоянии, и должно было искать для себя другое худшее помещение. Неужели это правда? Чего же смотрели.... как вытерпели.... В таком случае, — да я уже и не знаю, что сказать в таком случае, равно как, вероятно, и все мои читатели. Нет, это не правда!

Касательно землевладения, крестьяне, Латыши и Эстонцы, разумеется, уравняются в своих правах на землю с крестьянами Русскими, Польскими, Грузинскими. Что они за обсевки в поле за все свои прошлые страдания? Это великое преобразование, представляемое Россиею Европе, по милости царствующего ныне Государя Императора, не может не распространяться на Остзейские губернии. Я всегда был той мысли, что Остзейские помещики, по известному своему благоразумию, сами придумают наилучшие меры для того, чтоб волки были сыты так же, как и овцы целы, и если до сих пор этого еще не последовало, то верно последует скоро.

Равноправность Русских с Немцами в Остзейских губерниях и со Шведами в Финляндии, — вот общее убеждение в России.

Кстати, о Финляндии: в последних газетах сообщается pendant[1209] к известию о 50 тысячах руб. сер. за место под православный собор

в Риге. Вот этот куриоз: Русские газеты в Выборге или Гельзингфорсе[1210] стоят, говорят, дороже что в Париже и Лондоне! Вероятны ли эти вещи? О, благодетельная свобода печати! Какие драгоценные сведения доставляешь ты обществу и правительству!

Из внутренних дел, важнейшие относятся к образованию, низшему и высшему, и к народной нравственности, которую колеблет беспредельно-распространяющееся пьянство.

Поговорим сперва об образовании.

Вопрос о народном образовании тесно связан с вопросом о Духовенстве, потому что Духовенство только может быть проводником и распространителем образования в народе. До сих пор это образование представлялось по большей части случайностью.

Под образованием я разумею не одно уменье читать и писать, что не приносит часто никакой пользы умеющему, но и сообщение первых понятий о Боге и природе, законе и праве, обязанностях и должностях. Священники должны быть у нас первыми нравоучителями. Они должны быть обеспечены в своих нуждах и сами образованы лучше для исполнения своих обязанностей. До сих пор они изнемогали под бременем школьной схоластики[1211], смотрели на народ, по большей части, свысока, и почти презирали его, наконец, — получали от нужды, разные недостойные сана привычки. Устройство семинарий должно быть улучшено, о чем вообще прежние Архиереи[1212] наши недовольно думали, считая семинарии для себя делом второстепенным, и занимаясь преимущественно текущими делами о ставленниках, требах и проповедях.

При приходах должны быть устроены со временем училища, больницы и богадельни[1213].

Перехожу к светским училищам.

В городах уездные училища[1214] и в губерниях гимназии[1215] должны составлять особые целые[1216], и сообщать своим воспитанникам сведения в границах, им предназначенных. Уездные училища — для мещан, ремесленников, мелких купцов и писарей. Гимназии — для среднего сословия, для губернских чиновников, достаточных купцов и менее богатых дворян. Это гимназии реальные, а классические гимназии в губернских городах — для желающих получить высшее образование и из гимназии перейти в университет.

Не все воспитанники переходят из уездных училищ в гимназии, равно как из гимназий в университеты: все приготовляющее к университету не нужно тем, которые туда не пойдут, а напротив, им нужны сведения житейские и прикладные. Нечего в уездном училище учить читать по-латыни и гречески мальчика, который из училища перейдет в лавку, так точно и в гимназии не нужно учить латинскому синтаксису[1217] воспитанника, который намерен немедленно поступить на службу в суд или в конторе. Половинное гимназическое изучение языка ему не послужит ни на что.

Каждая гимназия должна, следовательно, по моему мнению, разделяться на два отделения, в коих классические и реальные предметы должны идти параллельно. Воспитанники классического отделения получат право идти в университет, а воспитанники реального отделения — на все четыре стороны.

Переход из отделения в отделение по экзамену, разумеется, не возбраняется.

Оставить в губернских городах одни классические гимназии ни с чем не сообразно, потому что в университеты до сих пор поступает из них меньшинство, самое незначительное.

Распространившийся в последнее время дух во всех наших учебных заведениях, духовных, гражданских, военных, женских, высших и низших, проникающий в недра семейств, внушает справедливые опасения во всех порядочных людях, для которых дорого благосостояние отечества, нравственность народа. Причин, произведших это явление, много. Главными можно назвать: недостаток в постоянном местном надзоре, частая перемена начальников, и, наконец, недавняя литературная анархия[1218], отголосок Европейской пропаганды.

Устроить учебные наши заведения на прочных и лучших началах необходимо, но прежде необходимо произвести строгую, подробную их ревизию. Под ревизиею разумею я не кратковременное посещение министра, попечителя или инспектора, для которых приготовляются обыкновенно особые лекции или уроки и сообщается всему благовидная наружность. Такие посещения, кроме расходов казне, приносили всегда больше вреда, чем пользы учебным заведениям. Нет, — надо во всяком большом заведении, например, в гимназии, не только в университете, остаться ревизору долго, вникнуть глубоко во все потребности, познакомиться коротко с препо-

даванием, узнать лично начальство, надзирателей и учителей, удостовериться в их образе мыслей, исследовать их занятия, методы, ученые приемы, увидеть достоинства и недостатки, и, на основании всесторонних наблюдений, подать нужные советы, завести порядок, учредить строгий надзор при пособии гражданского, духовного начальства, или общества, где как удобнее и целесообразнее окажется, под наблюдением высшего ученого начальства, которое обязано следить внимательно за всеми заведениями, учредить постоянные сношения с собою, и определив строгую периодическую проверку. Все действующие лица должны быть глубоко убеждены в строгом, зорком контроле, чтоб не облениваться, не ослабевать и не впадать в эту несчастную апатию[1219], которую мы видим теперь почти повсеместно. Жизнь, жизнь надо возбудить в наших училищах, давно уже оттуда улетевшую или изгнанную. Жизнь можно возбудить только жизнию, а не циркулярами[1220].

Ненадежные деятели должны быть отстранены, а благонамеренные выдвинуты вперед, получая более обширный круг действий. Когда все деятели лично, коротко, сделаются начальству известными, тогда только можно будет распределить их по местам с пользою, а не наугад, как доселе бывает. Преподавание некоторых предметов, например, истории и словесности, должно быть вверено людям испытанным, вразумленным.

Я говорил о внутреннем устройстве — внешнее нельзя упускать также из вида, но не то внешнее, что составляло до сих пор главную заботу, то есть: гладкие полы, крашеные стены и чищеные замки. Должно устроить хорошее помещение, выгодное содержание, доставление возможной удобности для учителей и надзирателей, но без отягощения государственного казначейства. Надо уметь найти для того средства местные, и они верно найдутся при помощи общества, которое непременно должно позвать на помощь, чему оно будет даже радо, потому что воспитание составляет теперь главную его заботу, и родители не знают, что делать с детьми при расстройстве учебных заведений. Только тогда, как все действующие лица будут по возможности обеспечены, успокоены, ободрены, когда им будут открыты пути к повышению, можно уже требовать с них строгого исполнения обязанностей, взыскивать, увольнять.

Нечего говорить, что все учебные пособия — библиотеки, кабинеты, собрания должны быть приведены в порядок, соответственно

настоящему положению наук, средства ими пользоваться облегчены, любознательность всеми способами возбуждаема и ободряема, выбор чтения получал надлежащее умное руководство.

Университеты, как и гимназии, упали значительно в последнее время. Много ли примечательных ученых трудов вышло в последние 10–20 лет? Причиною упадка должно полагать недостаточно специальное приготовление высших лиц, которым поручалось управление этою самою важною и мудреною частию в системе государственного управления, при всей их благонамеренности, деятельности и прочих достоинствах. А к этому надо присоединить и беспечный, расположенный к лености народный характер, которому все еще нужно внешнее сильное побуждение для успешной деятельности. Что не виноваты одни прежние министры народного просвещения, это ясно доказывается одинаково неудовлетворительным положением наших духовных училищ, о которых говорено было выше, наших военных училищ, которые в последнее время показали всю свою несостоятельность (ныне, говорят, исправляемую), наших женских институтов, частных заведений, и наконец, плодами домашнего воспитания в высшем кругу, который не может похвалиться успешным приготовлением своих детей, предназначенных занять первые места в государстве. Исключения, разумеется, есть везде, и они в расчеты идти не должны. Следовательно, мы виноваты все кругом, но кто старое помянет, тому глаз вон.

Пьянство, обуявшее народ, должно быть предметом внимательного и всестороннего обсуждения. Откупная система[1221] подверглась справедливому осуждению, — но что сказать о новой системе, развращающей народ несравненно в высшей степени, под надзором многих польских чиновников, с господином Огризко[1222] еще недавно во главе? Московская губерния, по удобству сообщения и заработков, в этом отношении представляет самое прискорбное зрелище. Послушайте московских хозяев, домовладельцев, фабрикантов; взгляните на наши рынки, и вы увидите породу людей, совершенно искаженную. Количество преступлений возрастает, множество народу погибает от опоя.

Увеличение пошлины с кабаков и цены вина, особенно в городах, есть вопиющая государственная необходимость. Дохода казна

получит столько же, а вина выпьется втрое меньше, следовательно, потребится втрое меньше хлеба и сохранится втрое больше здоровья и денег на другие нужды. Странно читать рассуждения какого-то комитета о пропинациях[1223]: лучше б ему подумать о пропивации и вместо пошлых рассуждений о нравственных болезнях и нравственных лекарствах подумать об уменьшении числа кабаков, которые не принадлежат ведь к числу нравственных лекарств! В молитве Господней заповедано людям молиться о не введении во искушение, а мы за три копейки, которых достать не мудрено, предлагаем на всяком шагу угощение: ну люди и пьют, и получают охоту, а закладывают с себя сапоги, и пропиваются, а комитеты ожидают нравственного усовершенствования от своих пропинаций!

Я должен сказать несколько о нынешних различных собраниях.

Главный недостаток всех собраний состоит, кажется, в излишке: члены хватаются вдруг за все предметы, и потому не мудрено, что успех не соответствует иногда многосторонним стремлениям.

Во *дворянских собраниях*[1224] было бы, кажется, слишком достаточно изобразить на первый раз положение имений: пусть каждый дворянин-помещик представит по чистой совести смету, что он получал с имений прежде и что он получает теперь. Такие сметы должны быть соображены сперва по уездам, а потом и по губернии. Помещики должны показать, на сколько уменьшение доходов мешает их хозяйству, и на сколько от расстроенного их хозяйства может потерпеть государственное хозяйство.

Далее — помещики терпят весьма много вследствие платежа процентов в опекунский совет по займам[1225], сделанным совершенно в других обстоятельствах и с совершенно иными расчетами. Им прежде всего, казалось бы, следует ходатайствовать о рассрочках или каких-нибудь облегчениях.

Наконец, новое хозяйство требует новых капиталов, которых теперь нет — как пособить этому горю?

Если бы, таким образом, было доказано в цифрах, что помещики потеряли слишком много, то правительство, разумеется, стало бы думать о том, как бы помочь этому горю, потому что улучшая быт крестьян, оно верно не пожелает чтоб ухудшился быт дворян, а с ним и — общественный быт.

В *земских собраниях*[1226] следовало бы, кажется, обратить первое внимание на количество податей, платившихся крестьянами прежде и потребных теперь.

Крестьяне должны платить меньше прежнего: всякий лишний расход для них обременителен и не послужит к чести нового порядка вещей. По доходам должны быть распределены расходы — на судебную часть, на образование, на медицину и пр.

Почтовая повинность[1227], отягощающая до сих пор земство, представляет странное явление. Кто хочет ехать, тот и плати, сколько следует, по рыночной цене, что кажется очень естественно и законно, а приплачивать земству за мою поездку есть узаконение непостижимое. Почтовая повинность нашла бы себе полезнейшее употребление на потребности медицинские, педагогические и проч.

О *судебной реформе* сказать не могу, не знакомый основательно с делом. Я помню только хорошо русскую пословицу: не бойся суда, а бойся судьи. Как бы ни хороши были законы, но все они не принесут большой пользы без хороших исполнителей. Их ищут и для северо-западного, и для юго-западного края, и в царство Польское, в должности мировых судей, и в должности членов управ. Вот где и обнаруживается несостоятельность наших университетов за последнее время. Они заботились, может быть, о сообщении сведений, но не заботились о нравственном приготовлении граждан, следуя несчастной системе. Тетрадки Немецкие, сообщавшиеся профессорами, перезабылися, а в сердце-то ничего и не осталось, если и осталось что в голове. Но об этом предмете я буду еще иметь случай объясняться часто.

Освобождение печати от невероятных уже теперь стеснений (несмотря на свежесть предания) и разрешение предлагать, кому угодно, искренние мнения обо всех государственных вопросах, считаю наивеличайшим благодеянием нынешнего царствования, после уничтожения крепостного права, и уверен, что это разрешение в скором времени принесет обильные плоды, на пользу и славу отечества. Найдутся люди, — святая Русь не клином сошлась, — которые будут говорить дело о всяком деле, будут подавать благие советы, будут указывать на вред и зло. У нас вообще господствует предрассудок, что людей нет. В 70 миллионах способнейшего, толковитейшего народа

людей нет! У нас люди есть, но хорошие люди прячутся, а плохие лезут наружу. Эти напрашиваются, а тех надо просить, — что начальники считают для себя унижением. Теперь открывается возможность всякому порядочному человеку заявлять свое мнение о всех важных вопросах, с какого бы то ни было места. Надо только ободрять искренность в пределах, разумеется, благоразумия и осторожности.

Об обнаружившихся вследствие моды, неопытности и юности, не скажу неблагонамеренности, злоупотреблениях слова, от души скорблю, но вред, от них происходящий, считаю ничтожным, в сравнении с пользою, которую непременно приносить должен новый закон о печати. Французское законоположение о предостережениях[1228] к нам едва ли успешно перенесено быть может. Не думаю, чтоб текущая литература из ложного стыда должна была оставлять предметы предостережений без своего возражения, потому только, что они подвергаются решениям закона. Нет, она должна подавать свой голос и присоединять свое осуждение или указывать смягчающие обстоятельства.

Пока довольно. Продолжение вперед.

М. Погодин

ПОСЛАНИЕ К г. ТЬЕРУ*

М. Г. Позвольте служителю Истории, которой вы оказали столько блистательных услуг словом и делом, обратиться к вам из глубины Московского севера с смиренною речью о вашем последнем запросе в собрании Законодательного корпуса, поколику он относился к России.

Прежде всего, мы должны засвидетельствовать вам искреннюю нашу благодарность за ваш сочувственный отзыв о нашем Государе, которого еще недостаточно, кажется, ценит Европа. Он освободил более 20 миллионов Европейцев от крепостной зависимости в России, 3 миллиона — в Польше и 2 миллиона — за Кавказом, в Грузии, Имеретии и Мингрелии[1229]. Он наделил их землею, при благодушном содействии нашего дворянства, чего никогда не могла достигнуть никакая революция в Европе, древней и новой, ценою потоков пролитой крови. Он закрепил землю за другими 25 миллионами, так называемых казенных крестьян[1230]. Нам, Русским, прискорбно было видеть, что эти великие события, делающие честь нашему времени, не сознаны по своему достоинству Европейскою литературою. Гласное судопроизводство, которое в один год пред нашими глазами вознеслось на неожиданную степень, и свобода печати, значительно распространенная, которая дает уже нам блистательные плоды во всех почти ежедневных наших газетах, — придают новый блеск царствованию и поднимают народный дух на всем пространстве России. При этих нравственных приобретениях, я не говорю уже вам о какой-нибудь Туркестанской, Амурской или Кавказской области, хотя они занимают пространства по более иного обширного Европейского государства. Вы выразили ваше почтение нашему любезному Государю, повторяю, и мы благодарим вас от души.

Второе право на нашу благодарность вы приобрели заявлением своим относительно Поляков. Никто не принес столько вреда этому

* Тьер есть один из славных людей Франции нашего времени. Он был несколько раз министром в царствование Луи Филиппа, и председателем государственного Совета. Во время второй республики он предсказал Империю и был изгнан в Бельгию после 2-го декабря. Кроме государственной своей деятельности, он знаменит своею Историею Французской Революции в 10 томах и Историей Консульства и Империи, кажется, в 15. Ясность есть первое достоинство этих сочинений. Последняя его речь составляет событие в Париже.

несчастному, хотя и любезному племени — позвольте сказать вам — как ваши соотечественники, своими ободрениями, которые не послужили ни к чему, как вы говорите, ни во время первой революции, ни при Наполеоне I, ни при Бурбонах, ни при Орлеанской фамилии, ни во время второй революции. Habent sua rata nationes[1231]. И по историческим, и по географическим, и по политическим причинам, Польша должна быть соединена неразрывными узами с Россией, и оба эти Государства bon-gré mal-gré[1232] должны жить вместе. Против рожна прати невозможно.

Вы называете Польшу несчастною страною. Но откуда проистекают ее несчастия? От несчастного характера шляхты, которая, по моему мнению, имеет не Славянское происхождение. Так точно чем счастливы больше всего, скажу для примера, Англичане? Своим характером, а конституция есть только его выражение. Шляхта никогда не чувствовала никакой симпатии к Славянам и даже к своим собственным поселянам. О Русских говорить нечего; но, вспомните, какие отношения у нее были к соседним Чехам! Сербов, Болгар она и знать никогда не хотела, как не хочет их знать теперь, становясь в ряды Турок. Время, опыты, размышления, образование, должны бы оказать влияние на этот характер, и мы от всего сердца желаем любезным Полякам их духовного перерождения.

Что ни говорили бы Поляки против нас, мы ответим им торжественно, что мы освободили их крестьян от крепостной зависимости, и что мы освободили их города от феодального ига, а уступить им прежние их завоевания, заселенные Русским племенем, подвергнуть их вновь тому игу, под которым они страдали и теперь страдают пред глазами всей Европы в Галиции и Венгрии, — во веки веков никогда этого не будет. Пусть Поляки переменят свой образ действия, прекратят вечные свои заговоры, предадутся милосердию Русского Государя, и судьба их переменится, мы обнимемся братски и пойдем вместе по пути прогресса для Польского и Русского блага. Вот что должны объяснять и советовать им все друзья добра в Европе, а не манить их к пропасти, как-то делают многие легкомысленные или подкупные газеты. Вы говорили беспристрастно, и мы приносим вам искреннюю нашу благодарность и за себя, и за Поляков.

В одно время с вами граф Бисмарк[1233] засвидетельствовал то же, смотря на Польское дело с своей точки, и мы надеемся, что по-

добные советы, данные с двух противоположных сторон, принесут свою пользу.

Теперь два слова о католической религии: мы чтим эту славную отрасль Христианской церкви, но Польские ксендзы являются самыми ярыми якобинцами[1234], а не служителями святой религии, и мы не можем допустить, чтоб, неся в одной руке крест, они несли в другой железо и огонь на нас и на наших братьев.

Говоря о Польше, я естественно перехожу к вопросу о национальности и осмеливаюсь при этом случае видоизменить несколько ваше мнение.

Наполеон, размышляя на о. Святой Елены о судьбах исторических, сказал, что Европейские государства разделятся по национальностям, и его слова имеют свой политический смысл. Этому предсказанию долго еще придется, может быть, оставаться в областях фантазии, но рано или поздно (желательно только, чтоб без насильственных потрясений) оно будет хоть в некотором смысле исполнено. До тех пор симпатии, влечению между национальностями препятствовать недостойно нашего времени. От Камчатки до Средиземного моря распространилось племя одно, Славянское. Мы, Русские, очнувшись, образумившись, получив свободу, не можем же, прежде всего, не заявить нашего сочувствия всем этим многочисленным племенам, которых считают 18 миллионов в Австрии, 10 миллионов в Турции; не можем не помогать им, бедным, угнетенным, всеми зависящими от нас средствами, для содействия их языку, истории и литературе. Скажите, если б какая-нибудь часть Французов историческими волнами занесена была в глубину России или какую другую сторону, что же — Французы остались бы равнодушными к их судьбе? Помилуйте — этого быть не может, это немыслимо и не вообразимо. На этом основании действовали и Немцы, и Итальянцы. А если мы напомним еще, что эти племена стонут под игом такого варварского племени, как Турки, несмотря на похвалы Гг. Леярдов и Comp.[1235], какую же низость должно бы предполагать в Русских людях, если б они не рвались к ним на помощь от всего своего сердца?

Но это наводит страх Европе.

Кажется — в продолжение 50 лет Русская политика, в царствование Императоров Александра I, Николая и Александра II достаточно должна была успокоить Европу в этом отношении. Вы приписываете нашему правительству такие виды, намерения, цели, каких оно ни-

когда не имело; вы сами внушаете их нам, показываете их возможность, и мы, Русские люди, читая ваши предположения, думаем часто про себя: ах, если бы их устами мед пить! И куда нам еще распространяться? На что нам новые земли — они сами, разве, физически стремятся к соединению с нами, как реки малые спешат впасть в большую. Никакими искусственными коалициями воспрепятствовать этому химическому сродству нет возможности. Точно так же, как нет никакой возможности остановить размножение народа, которого в России скоро будет сто миллионов. Так зарождает сам Бог! Раздражать эту массу, пугать, оскорблять неосновательными подозрениями, осыпать незаслуженными ругательствами, как делают многие газеты, нет никакого даже расчета. Скажу вам более: вся эта стомиллионная масса ничего еще не значит в сравнении с силою народного духа, теперь поднимающеюся, благодаря свободным, истинно либеральным предприятиям Русского правительства. Не скрою, что случаются еще у нас эпизоды старого времени, которое клином входит в новое, что чувствуется иногда старые отзывы, но это явления преходящие, которые, со всяким годом, будут уменьшаться. И так, — с вещественными силами России трудно было ладить, что доказали Карл XII, Наполеон I и Наполеон III[1236], несмотря на свою временную над нами победу, которую, смею заметить, вы напрасно одобряете, то с этими духовными силами кольми паче? Нет, перестаньте опасаться нас: вспомните, как благодушно Москва возвратила визит Парижу[1237]. Вот наш национальный характер!

Вы опасаетесь за Константинополь. Признаюсь вам откровенно, что долго владела мною мечта о Константинополе. Древняя Русская История, которою я преимущественно занимался, содействовала утверждению во мне этой заманчивой мысли. Основатели Русского государства и все первые князья, — Аскольд и Дир, Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир, Ярослав[1238] беспрестанно ходили на Константинополь и брали с него дань (866–1054). Константинополь в продолжение двух сот лет был, так сказать, столицею Русской истории. Жизнь Русская, внутренняя и внешняя, имела там свое средоточие. Прочтите недавно найденные проповеди патриарха Фотия[1239]. Владимир святый был женат на сестре Греческих императоров[1240], — и Иоанн III[1241], настоящий основатель нынешнего государства (1462–1505), взял за себя наследницу последних Палеологов[1242] вместе с двуглавым орлом. Все это представлялось мне указанием. Но вот

мысль, которую я недавно услышал от одного боевого Русского генерала, человека истинно Русского: «Всем могуществом, всем величием, всею славою Россия обязана Великорусскому племени. Если мы возьмем Константинополь, все лучшее от нас и из нас повлечется туда: все таланты, все средства, все капиталы, все усилия. Кому останется охота зябнуть и мерзнуть на наших снежных равнинах, с 20 градусами мороза в Марте, как это происходит теперь? Тогда Великорусское племя, только что начавшее дышать теперь посвободнее, предастся на произвол судьбы, лишится средств к образованию, только что возникающему, загрубеет, одичает. Помилуйте — за что? Бог с ним с Константинополем! Москва нам дороже. Мы должны оставаться дома. Отсюда можем мы протягивать руки, по железным дорогам, и в Константинополь, и в Камчатку, и в Ташкент, и на Печору, и в Тифлис. Мы должны озаботиться больше всего об образовании этого даровитого, терпеливого, заслуженного племени, к которому и сами принадлежим, и воздать нашу благодарность сообщением ему всех средств богатеть, развиваться, процветать, наслаждаться возможным счастием». Я задумался, — и думаю до сих пор: чуть ли не кроется здесь глубокая историческая истина. Открытый путь в Средиземное море, о, это — другое дело, и я не думаю, чтоб Европе было необходимо, и даже очень полезно, задерживать нас на этом пути, по которому мы шлем ей продовольствие и имеем счастие избавлять ее иногда от голода. Мы за то откроем ей путь на Кавказ, в средину Азии, с обеих сторон, и с востока и запада, от Тихого Океана и Аральского моря[1243]. Обстоятельства со времен Наполеона переменились: прорытие Суезского перешейка Французами[1244], устройство железных дорог в Малой Азии Англичанами[1245], возникновение Греческого королевства в Архипелаге[1246] уменьшают важность Константинополя и могут значительно уравновесить общие выгоды. Мне кажется, что Европейские государства, оставив предубеждения, взвесив хорошо свои выгоды, и рассмотрев настоящие обстоятельства, могли бы легко придти к соглашению и уладить свои дела так, чтоб всем было хорошо, чтоб все могли идти дружно к высокой цели, — и прекрасная Франция, и почтенная Англия, и заслуженная Германия, и талантливая Италия, и все несчастные племена Славянские, Сербы, Болгары, Босняки, Чехи, Словаки, Кроаты, Поляки. Вы, старшие братья, помогали бы нам своими советами, примерами, опытами, указаниями. Вот лучший образ действий в отношении к России, которая никогда не забудет, чем она

обязана Европе, и чем более она будет развиваться, успевать на своем пути, тем более будет дорожить Европою и связию с нею, в особенности с Франциею, к которой всегда, несмотря на недоразумения, мы чувствовали столько симпатии, человеческой, гражданской, политической и литературной, уважая все партии, преклоняясь пред всеми достоинствами, ценя все подвиги и заслуги, до самого императора Наполеона III, включительно, несмотря на зло им причиненное.

Если мое послание удостоится вашего благосклонного внимания, я представлю вам, может, некоторые свои pia desideria[1247], и вместе соображения об Европейской Истории, и отношении ее к Русской, возбужденные вашими сочинениями и сочинениями г. Гизо[1248]. В 1839 г., проезжая чрез город Э[1249], я помянул там ваше рождение, вместе с рождением г. Минье[1250], но не явился к вам в Париже, засвидетельствовать свое почтение г. Гизо[1251], потому что вы тогда отзывались неблагоприятно о России. В нынешнем году, к старости, желая взглянуть на последние плоды Европейской цивилизации, я попрошу позволения явиться к вам, чтоб засвидетельствовать то почтение, с которым пребыть честь имею вашим покорным слугою...

Марта 15/27 1867 г. Москва

ЛЕКЦИЯ О СЛАВЯНАХ, читанная в этнографическом обществе, Апреля 4 дня, 1867 года

Этнографическому обществу, учрежденному при Московском университете[1252], угодно было предложить мне участие в его ученых беседах. Я избрал себе предметом Польский вопрос, в каком виде он мне представился в последнее время, после того как мне случилось останавливаться в Вильне и Варшаве по нескольку дней, говорить со многими людьми разных сторон, со многими действующими и действовавшими лицами, увидеть места главных событий, всмотреться в физиогномию[1253] народа, общества, земли, городов. — Но на прошедшей неделе, познакомясь с приготовлениями к выставке, я увидел в ней такой богатый, разнообразный и многочисленный Славянский удел, что решился переменить свой план и посвятил чтение преимущественно Славянам, и разделению их на племена, имея целию приготовить несколько, научным образом, Московскую публику к важному, знаменательному, радостному, и, смею сказать, необыкновенному зрелищу, которое ее ожидает. Как вдруг, в воскресенье вечером, получаю я извещение, что чтение мое приходится — 4 апреля, в приснопамятный для всей России день[1254], который университет желает ознаменовать особым торжеством, и по утру и ввечеру, о чем и сочтено нужным меня предупредить.

Следовательно, я должен был в речи, сообразно со всеми этими обстоятельствами, совокупить рассуждение о Славянах вообще, и о Поляках в особенности, сказать несколько слов, относительно ожидаемых Славянских гостей, и, наконец, воздать честь приснопамятному дню*. Предметы слишком важны, и соединение их представи-

---

* Мы не налагаем на вас никакой обязанности, сказал мне старый товарищ-профессор, взявший приступом дверь моей рабочей комнаты: вы прочтете, что и как вами приготовлено. Очень благодарен вам, мм. гг., за вашу любезную снисходительность, отвечал я, но судите сами, не странно ли будет слушателям от ученого, всегда с лигатурою скуки, рассуждения, из под темных сводов науки и критики, перенестися в приготовленный вами мир торжественных огней и торжественных звуков. Ведь вы осуждаете меня на роль Chevalier de la triste figure [рыцаря печального образа — *франц.* — *Примеч. сост.*]? «Как вам угодно: отлагать лекции нельзя, и не праздновать великого дня было бы с нашей стороны преступлением. Наш долг был только известить вас об этих обстоятельствах».

лось мне сопряженным с такими затруднениями, что я не осмелился довериться своему слову, а решился лучше написать краткое общедоступное рассуждение на данные мне обстоятельствами темы.

Прошу извинения у моих слушателей, которые, по изложенному ходу дела, видят, что я имел в своем распоряжении только один понедельник и несколько часов вторника, и то с неизбежными перерывами.

Может быть, я ошибся в некоторых показаниях, писавши на память, но смею надеяться, что ошибки не могут быть значительными.

Самое многочисленное племя на всем свете есть Славянское, которое заключает в себе около ста миллионов, а всех людей на земле считается тысяча миллионов. Мы, Славяне, следовательно, составляем десятую часть всего человеческого рода, живущего в Европе, Азии, Африке, Америке и Австралии.

Одна численность Славян, превышающая все прочие народы Европейские, и Немцев, и Французов, и Англичан, и Итальянцев указывает на древность этого народа: чтоб народиться ему до такой степени, должно было протечь соответственному периоду времени. И за тысячу лет до нашего времени, в VI веке по Р. Х., писатели Греческие и Римские, знакомые только с немногими соседними племенами Славянскими, свидетельствуют единогласно об их многочисленности или лучше сказать бесчисленности.

Второе доказательство их древности — в пространстве, ими занимаемом. Никакой народ не распространился так далеко: вся восточная половина Европы, значительная часть южной и отчасти северной Азии, заняты ими: Россия, Польша, Силезия, часть Пруссии, Богемия, Венгрия, Моравия, Болгария, Галиция, Трансильвания, Македония, Кроация, Далмация, Босния. От Камчатки до пределов Неаполитан-

---

Можно себе представить, в какое я был приведен смущение, а вечер все-таки я должен был, накануне выхода газеты, употребить на другое дело. Ложась спать, далеко за полночь, я мог ободрять себя только пословицею: утро вечера мудренее. Сочиняли же наши старые стихотворцы стихи на заданные рифмы: мне должно приложить это требование к ученой прозе.

Я сел за работу, и кончил к ночи, а в извинение себе могу напомнить разве старую Русскую повариху, которая говорила: за вкус не берусь, а горяченько состряпала.

ского королевства и Папской области можно проехать Славянскими селениями, миновав только несколько городов, похищенных Немцами. Составляя десятую часть всего народонаселения, они вместе занимают и более десятой части земного шара.

За тысячу, за тысячу двести лет, они занимали еще более пространства: кроме исчисленных нами земель, они заселяли всю Пруссию — т. е. восточную и западную Пруссию, Померанию, Бранденбургию, Саксонию, Силезию, Мекленбургские герцогства, Голштинию, часть Германии, собственно называемую Австрию, Грецию и отчасти Малую Азию[1255], где собственные имена мест остались следами и доказательствами их пребывания.

Заметим, что Славяне народ земледельческий, сидячий, тихий, миролюбивый, не ведший войн наступательных, а разве оборонительные. Они могли, следовательно, распространяться только вследствие естественного размножения, а не насильственного, как народы воинственные, напр., древние Немцы.

Третье доказательство заключается *в языке*:

Язык, имеющий свое особое устройство, разделяющий на множество наречий, не показывающий никаких механически составившихся частей от иных языков, известных Истории со времен Иродота[1256], язык самобытный, — должен принадлежать к глубокой древности, и доказывает собою самобытность древность народа.

Самые наречия развились самостоятельно, имеют свои литературы и образуют почти особые языки. Процесс такого развития наречий требует слишком много времени: за тысячу лет до нашего времени наречия славянские находились уже на значительной степени развития и в церковном его наречии, кому бы оно ни принадлежало, нашлись выражения для всего Священного Писания.

Оставляя многие другие доказательства, упомяну только о том, что в первых памятниках Европейской литературы мы находим, преимущественно около Карпат, родины Славян, чистые славянские имена мест, кои остались за ними очень долго, — в некоторых даже до нашего времени.

О нравственных свойствах древних славянских племен: представлю заключение Шафарика[1257]:

«Славяне искони имели постоянные жилища и занимались земледелием, живя в самых удобных для землепашества странах, равнинах Днепра и Вислы.

Народ, преданный земледелию, не мог долго оставаться без разных удобств жизни, изобретений, ремесел и торговли, которых следы действительно и находятся у Славян.

Сему содействовало также и разделение их на малые общества, устройство жилищ хуторами.

О характере их Прокопий[1258] говорит, что они были откровенны и просты, ни злы, ни льстивы, а император Маврикий[1259] свидетельствует, что они были ласковы к иноземцам, заботились об их безопасности и провожали с места, куда тем было нужно.

Из пороков их те же летописатели указывают на два главные: первый, замеченный уже императором Маврикием в конце 6-го века, состоит в том, что Славяне находятся в беспрестанном между собою несогласии. Будучи разделены на бесчисленно малые общины, они проводили жизнь свою беспечно, не заботясь о настоящем и будущем, и никогда не могли возвыситься до соглашения личных выгод и страстей для собственного блага, и противодействия преобладанию чужеземцев».

«Другой недостаток, проистекающий от чрезвычайной живости их ума или лучше от излишнего внимания к внешним достоинствам, и какой-то легкомысленной переимчивости, которая не позволяет им остановиться на том, что наиболее нужно, состоит одним словом, — в необыкновенной любви к иностранному, к коему искони стремилось сердце Славянское: все чужое всегда казалось им лучше своего родного; чужой язык и образ жизни были приятнее, чем свой отечественный. Еще Тацит[1260] замечает о Винедах[1261], что они нравы свои мешали с Сарматскими обычаями[1262]. Отсюда произошло, что Славяне, народ великий, многолюдный и обширный, уже в глубокой древности был в подданстве и неволе у Кельтов, Гуннов, Аваров, Козар, Болгаров[1263] и других. Перессорясь между собою, они лучшим считали призывать себе властителей и насильников из чужбины, от Варяг, Болгаров, Франков, и проч., нежели, примиряясь, покориться один другому. Славяне слишком поплатились за свою взаимную нетерпимость».

Не теми ли же качествами в хорошую и дурную сторону отличаются Славяне и в наше время?

Сказав о древности, мы должны обратиться к вопросу о времени поселения их в Европе.

Мы видим, что в 6 веке по Р. Х. они занимали пространство, еще более нынешнего — ясно, что они принадлежат к древнейшим оби-

тателям Европы, пришедшим еще в предысторическое время. Шафарик[1264], знаменитый основатель науки о Славянских Древностях, говорит, что они пришли вслед за Греками, Римлянами, Кельтами, Немцами, Литовцами, которых, следовательно, моложе в Европе. Смею не согласиться с великим учителем. Не говоря о том, что они, до сих пор, занимают всю средину Европы, простираясь до пределов Италии, следы их встречаются во всех углах Европы: Коляр[1265], другой великий Славянин-учитель и поэт нашего времени, находит их в Италии, Хомяков[1266] видел их в Англии, Фальмерайер[1267] отдает им Пелопоннесс[1268]. В Ванде и Бретани[1269], точно как и в Венеции, нельзя не быть поражену многими собственными именами, чисто Славянскими. В Швейцарии, около Рейна, слышатся глухие отзвуки. Европейские критики, даже Славянские, сам Шафарик, приписывали рассуждения поименованных исследователей их излишней ревности. По моему мнению, они виноваты только в преувеличении, в злоупотреблении некоторого рода своих находок, но из них можно и должно, кажется, извлечь положительные заключения для науки.

Какие же? Вот какие: Славяне пришли в Европу прежде названных племен (исключая только те, вновь открываемые, неизвестные племена, которым принадлежат свайные постройки) и легли повсюду первым пластом Европейского населения, или, по крайней мере, одним из первых. Другие народы, за ними следовавшие, налегли на них массою в западной части Европы, где, вероятно, было их гораздо меньше, в сравнении с среднею частию, и заглушили совершенно их побеги, образовали над ними новый пласт, новый слой, на которой после легли новейшие, и из под них, из под всех стали кое-где ныне показываться для зорких глаз первоначальные основы.

На исторической памяти онемечился остров Рюген[1270], некогда святилище Религии Славян, онемечилась вся северная Пруссия и Силезия, отуречились часть Сербов и Болгар, объитальянилось значительное прибрежье Средиземного моря. Так верно в глубокой древности, малочисленные по краям селения Славян подчинилися нашедшим многочисленным Кельтическим, Немецким и прочим племенам. Средняя же Европа, гуще ими первоначально населенная, осталась за ними даже до нашего времени, кроме оконечностей, где Славяне, как мы сказали, онемечились, огречились, отуречились.

Любопытный вопрос науки относится к их пути: каким путем шли Славяне в Европу из Индии, колыбели человеческого рода (с

которой они много до сих пор представляют сродства, и в языке, и в некоторых других отношениях, даже более, чем другие Европейские народы), чрез Кавказ, или из Малой Азии, или с Урала, нашими Новороссийскими степями, по пути Венгерцев, Булгар, Половцев и Монголов?

Рассуждать об этих путях недостало бы теперь времени и мы скажем только, что, пришед в Европу, Славяне долго не могли усесться на месте и бродили из стороны в сторону, ища себе места, где бы жить им было лучше, как рыбы ищут, где бы плавать было глубже. Они ходили отрядами, так сказать, более или менее многочисленными, в разные времена, останавливались, и пропускали около себя других единоплеменников, и вот к 6 столетию, когда в первый раз послышалось имя Славян в общем значении, весь этот многолюдный народ представил собою перетасованную колоду карт: члены одного и того же племени, как карты одной и той же масти, являются в страшных расстояниях один от других.

Словене[1271] или Новгородцы на Ильмене[1272], в Словении, близ Адриатического моря.

Хорваты в Галиции, в Исполинских горах[1273], по Ельбе[1274], в Штирии и Иллирии.

Дреговичи[1275] между Припетью[1276] и Западной Двиной, — и в Булгарии, в Германии.

Дулебы[1277] по Бугу и в Чехии, Паннонии[1278].

Древляне в Волыни и по Ельбе.

Северяне[1279] по Десне, Семи, Сулее[1280] и в Польше, по Дунаю.

Поселенцы в разных местностях подчиняются тотчас всяким влияниям — земли, климата, соседей, разных обстоятельств, и составляют особые племена, а язык их разделяется на особые наречия.

В IX столетии все племена Славянские обособились, приняли христианскую веру первоначально из одного источника, от Святых апостолов Кирилла и Мефодия (вот наши первые и, увы, пока, последние панслависты) — и составили государства: Моравское, Кроатское, Чешское, Сербское, Болгарское, Польское, Русское.... Начинаются войны с соседями, борьба, вещественная и нравственная, — с соседями, питавшими искони непримиримую к ним ненависть — Немцами, Италианцами, Греками, Мадярами, наконец, Турками.

В истории каждого Славянского государства были блистательные эпохи, как будто по очереди. Сильно было царство Сама[1281] на запад-

ном краю Славянского населения; царство Святополка[1282] в Моравии; прославились Болгаре, при царях своих Симеоне и Борисе[1283], Сербы при Стефане Душане, Неманичах[1284]. На высокую степень выходили Чехи при Перемышле Оттокаре, Карле IV[1285], Гусе и Иерониме Пражском[1286], и наконец, Польша заняла славные страницы в летописях Европейских народов, при Пястах, Ягеллонах[1287], при Стефане Батории, Иване Собесском[1288]. Но все они, согласно с приведенным выше замечанием Греческого Императора Маврикия, действовали отдельно друг от друга, не хотели знать никого, кроме себя, — и потеряли свою независимость; подчинились, одно за другим, своим врагам. Пала Кроация, Славония, Далмация, Моравия, пала Сербия, Болгария, пали Чехи, и, наконец, последняя, самая блистательная могущественная, Польша.

Устояло одно государство самое младшее — возвысилась и усилилась Россия, о которой после.

Обозрим теперь Славянские племена в настоящем их положении.

Все они, по учению отца нашего Добровского[1289], преемника св. Кириллу и Мефодию, разделяются на два отделения: Восточное и Западное. К Восточному принадлежат: Русские, Сербы и Болгары, Кроаты, Лужичане и проч.

К западному принадлежат: Поляки, Чехи, Моравляне, Словенцы, Словаки и проч.

По этому разделению Сербы, Болгары.... Суть нам братья родные, а Поляки, Чехи, Моравляне... — двоюродные.

По числу представляются они в следующей пропорции:

Русских	за 60 м.[1290]
Поляков	до 10 –
Сербов	— 10 –
Чехов	— 8 –
Болгаров	— 6 –

Не считаем мелких племен.

Одно сравнение чисел заставляет невольно задуматься, наводит на мысли...

Каждое из названных племен имеет свои подразделения: так Русские разделяются по отменам[1291] наречия на Велико-Россиян, Малороссов и Белорусцев.

Белорусцев до 3 м.

Малороссиян с Галицией и Русской Венгрией считается 12 м.

Великороссиян 50 м.

Велико-Россияне составляют половину всего Славянства, а с Малороссиянами и Белорусцами три четверти (75+25=100 м.).

Я употребляю везде круглые числа.

Теперь поговорим о сознании единства между славянами.

Эта мысль зародилась, как бы вы думали, Мм. Гг., где?

В глубине Грамматики церковного языка, употребляемого в нашем богослужении, языка Святых Кирилла и Мефодия*.

Славный Добровский, жизнею Немец, сделался, сам не сознавая того, отцом политического движения, которое обняло теперь все Славянские племена, одно за другим.

Ближайшими преемниками Добровского были Шафарик, как историк, Коляр, как поэт.

Один говорил уму своих единоплеменников, другой — воображению**. К ним присоединить должно Юнгмана, как сочинителя славного Чешского словаря***.

И как недавно это случилось!

В 1835 году я имел счастие быть в Праге: позвольте привести здесь некоторые личные мои воспоминания, связанные с общим делом.

Тогда только что зарождалась Славянская мысль. Добровский незадолго перед тем скончался. Юнгман оканчивал еще Чешский словарь. Шафарик обрабатывал свои Древности[1292] и показывал мне свою рукопись, о чем упоминает он и в предисловии. Челаковский был в цвете сил. Ганка уже был ревностным чтителем России. Приезжал в Прагу и Коляр, тогда же издавший свою поэму «Дщерь славы» (Slavy Dcera) и мы вместе, как теперь помню, стоя на площадке пред Грачинскою горою[1293] (в виду дворцовых окон, из которых выскочили в 1618 г. Мартинец и Словата[1294], и подали тем повод к началу

* Она переведена мною вместе с Шевыревым, и напечатана в 1833 году.

** Коляр написал еще книжку лирическую о взаимности между Славянами, которую я начал переводить, по возвращения из за границы в 1839 году, а кончил тогдашний мой слушатель, Ю. Ф. Самарин. Ее надо бы перепечатать.

*** Надо бы привесть в ясность отношение Польского Словаря Линде к Чешскому Юнгмана.

войны 30-тилетней), толковали о Славянстве, любовались Прагою и выражали свои pia desideria.* Потом отправились в собор, кланялись гробницам св. Воитеха, Карла IV[1295] и проч. (Тогда-то каноник Пешина отделил мне частицу от руки св. Кирилла[1296], которою писал Славянскую литургию)**.

Мысль долго не прививалась, не проникала в массы, как у нас, так и у прочих Славян, оставаясь только в груди немногих деятелей, основателей, которые должны были переносить все возможные огорчения, в одних местах, как у нас, насмешки, в других притеснения... Между тем шли, шли годы... И все основатели, один за другим, снизошли в могилу. Изнемог в борьбе Коляр, который писал ко мне в 1839 году, что Венгерцы угрожают его убить, и просил сыскать убежище в России. Я отнесся тотчас к Министру просвещения Уварову об устройстве ему положения, получил благоприятный ответ, но Коляр передумал и отвечал решительно на мои убеждения, что предпочитает умереть под ножом убийц в отечестве, продолжая делать свое дело, ободрять и назидать соотечественников. Шафарик, другой великий деятель, угнетаемый подозрениями Австрийского правительства, после всех великих трудов своих, впал под конец жизни в ипохондрию[1297], почти помешался и поручал А. И. Кошелеву[1298] (которого здесь вижу) сказать мне, чтоб я прекратил даже ученую с ним переписку. Он бросился было в Молдаву[1299] и вскоре умер. За ним последовал и наш верный, смелый Ганка. Патриарх Иосиф Раячич[1300], у которого жил я долго в Карловце в 1842 г. на берегу Дуная, обозревая Фрушку гору[1301] за первопечатными Славянским книгами скончался в глубокой старости, не переставая бороться изо всех сил с Веною. Прото (т. е. протоиерей) Стоматович[1302], который в молодости ходил пешком из Нового Сада в Брно (Брюн), чтоб поклониться могиле***(?) Добровского, удручен болезнию. Умер и Вук, неутомимый Вук Стефанович Караджич[1303], который до последнего часа работал над языком и над собранием Сербских песен. Прежде его отошли к отцам: товарищ Вучича Петрониевич[1304], дипломат и богослов, и еще

---

* Мы приступали тогда к моему Русскому спутнику М. А. З., чтоб он пропел Русские песни, — а он, к досаде нашей, из ложного стыда, отказался, за что даже теперь, чрез 30 почти лет, говорю ему худое слово.

** Я пожертвовал ее Московскому университету, в день столетнего юбилея.

*** Смотря на него тогда, я воображал по нем историю Иоанны д'Арк.

прежде поэт Милутинович[1305]. Остались двое: Палацкий[1306], историк, и Пуркине[1307], физиолог, которого я звал некогда в директоры Демидовского Ярославского лицея. Иллирийский Гай[1308], который был у нас Москве в 1840, кажется, году, и принят нами с восторгом, ушел в какой-то таинственный сумрак.

Следующее поколение поколебалося, в особенности между Чехами, но на несколько только времени. Молодежь склонилася было на сторону Поляков, но теперь, как слышно, следует реакция. Чехи и Моравляне обратились по-прежнему чувствами к России. Сербы и Болгаре всегда оставались ей верными.

Император Николай поднял оружие в защиту Славян. Настала Крымская война. Нам казалось, что приближается торжественная минута освобождения Славянского...

Бог судил иначе, по нашим ли грехам, или по другим причинам, знает Он. Война кончилась не в нашу пользу! Несмотря на героическую оборону Севастополя, мы принуждены были уступить. Император Николай скончался. Положение Славян не улучшилось, а ухудшилось. Западные державы, принявшие на себя покровительство, оказались, очевидно, несостоятельными. Мучения несчастных под Турецким владычеством превзошли всякую меру, по свидетельствам всех Европейских путешественников, и вот между Славянами начинается общее движение. Подняли знамя креста Греки, жители древнего Крита. Смиренная Болгария волнуется. Мужественная Сербия вооружается. Храбрые Черногорцы ждут только случая броситься с высоты своих гор на наследственного врага. Жители Эпира, Фессалии, Албании[1309], стремятся соединиться с Греками. Нечего говорить о несчастных Босняках и Герцеговинцах, которые в последнее время вышли из терпения. Восточный вопрос близится к решению. Больной человек находится при последнем издыхании, и как ни крепко убеждены западные политики, что для спокойствия Христианской Европы необходимо магометанское неистовство, но Английские, Французские и Австрийские дипломаты и врачи, с присоединением Саксонского барона Бейста[1310], едва ли найдут средства продолжить его агонию. Одна надежда разве на Италианских докторов, а у них главное лекарство состоит, известно, в кровопускании.

Тяжело положение Турецких славян, но Австрийские, угнетаемые нравственно, хоть и под благовидною наружностию, страдают, может быть, более. Австрия, ослабленная Франциею, вследствие войны

Итальянской, и пораженная в самое сердце Пруссией, переходя от одной системы к другой, остается постоянно враждебною к Славянам, несмотря на сильное участие, которое принимали они в спасении ее сперва от Турок, а потом от Венгерцев. Теперь Австрийское правительство соединяется с этими постоянными ее неприятелями и приносит им в жертву Славян, так что Чехи, Кроаты, Словенцы не знают даже, какая судьба их ожидает.

Судите же, Мм. Гг., о состоянии этого несчастного племени, которое считает однако ж 30 милл.; 20 — в Австрии, и 10 — в Турции. В Турции угнетают их Магометане и Фанариоты[1311], не допускающие их до употребления Славянского языка в Богослужении. В Австрии — Австрийцы и Мадьяры с присоединением католиков и иезуитов.

Славяне возводят свои взоры на Россию, которая не оставит их, думают они, в предстоящей борьбе, — и в это-то именно время учреждается в Москве частными людьми, в видах науки, без всяких задних мыслей, этнографическая выставка, имевшая целию первоначально собрать только и показать различные племена, которые живут в России, думавшая больше о Кавказе, Сибири, Крыме, Лапландии, Туркестане. Некоторые Славяне, из разных стран, по какому-то безотчетному чутью, прислали учредителям выставки несколько одежд, утварей, орудий и прочих вещей. Их примеру последовали другие, больше и больше, и вот они заняли значительную часть всей выставки, и Москва делается пантеоном Славянского мира. Славяне собираются приехать к нам и воздать ей честь.

Скажем теперь несколько слов о Велико-Русском племени и об средоточии его в Москве. Мы сказали выше, что из всех Славянских племен, западных и восточных, позднее всех на сцену истории выходит Русское. Так точно из всех Русских племен самое младшее есть Великорусское: и Словене, т. е. Новгородцы, и Поляне, и Древляне, и Северяне, Кривичи, и Вятичи, и Радимичи[1312] действовали, а Великороссиян не было слышно. Неизвестно даже, под каким именем скрывались они в летописях, и не были ль они продолжением и распространением Киевских Полян.

Есть предание, что первый богатырь русский, Илья Муромец[1313], пролежал на печи 30 лет, прежде, нежели начал свои богатырские

подвиги. Нельзя ли его в этом отношении почесть представителем нашего племени?

Мы сравнивали выше расселение Славян в Европе с перетасованною колодою карт. В среду Русского племени достались в обилии все масти.

Мы имеем доказательства этому положению: припомните выше предложенное обозрение. Шафарик почитает Полян Киевских за одно с полянами Польскими. «В этом уверяет не столько сходство их названий, которое могло быть случайным, происшедшим от жилищ обоих народов в открытых полях, сколько сходство названий Киева и Куявы[1314], вместо Киявы, находившейся у Ляшских полян. Допустив это сродство, мы должны заметить, что переселение Ляшских родов из окрестностей Вислы в окрестности Днепровские и утверждение их между восточными Славянами, случилось задолго до распространения Славянских народов, от востока на запад и юг, бывшего во II, а потом сильнее в IX столетии по Р. Х.»

После имен и свидетельств исторических, должно обратить внимание на наречия, в коих мы найдем новое, сильнейшее доказательство, что Россия заключает в себе отрасли или корни всех племен Славянских, и двумя главными своими наречиями, Великороссийским и Мало-российским, имеющими свойства едва ли не всех западных и восточных наречий, на кои разделяется обыкновенно Славянский язык, может считаться представительницею всего Славянского мира, не только по своей силе, могуществу, числу, но и по внутреннему своему составу и языку. Максимович[1315], наш заслуженный физиолог[1316], относит Русский язык к особому 3-му разряду, в котором как будто совмещаются отрасли восточная и западная. Сам Ходаковский[1317], Поляк, обошедший пешком почти все Славянские земли, сказал, что три Русские наречия суть памятник первобытного, древнейшего языка Славян. Самые разноречия писателей, из которых одни считают наши наречия восточными, а другие, например, Сенковский[1318], западными, показывает, что они имеют восточные и западные свойства.

А где же средоточие Великорусского племени? Какой город, якоже кокош собра под крыле своя[1319] все многочисленное, разнообразное Русское население.

Москва! Москва, самый младший из городов велико-русских, точно как велико-русское племя есть самое младшее из племен Русских,

т. е. позднее всех явившееся на сцену, а Русское вообще младшее, или позднейшее, из всех Славянских племен.

И вот идут к нам, как на богомолье, по обещанию древние паломники, — несчастные Славяне, помолиться у гробов Московских Чудотворцев, порадоваться на Русскую силу, поискать себе ободрения к перенесению своих бедствий...

«Идут к нам», приведу слова одной прекрасной статьи, помещенной в Москве, «не гордые знатностью рода, не могущественные представители капитала и иных сил и богатств: идут к нам простые люди, смиренные, бедные. Зато все они подвижники Славянского духа, труженики науки и мысли, крепкие стоятели за свою народную самостоятельность, выдержавшие годины страшных испытаний внешнего гнета — немецкого, турецкого, и в последнее время мадьярского, не поддавшиеся ни страху, ни соблазну, — и среди всех страданий и искушений, оставленное богачами и знатными своею племени, не сломившиеся духом в борьбе, не утратившие веры в историческое призвание Славянства, претерпевые до конца!.. И вот, когда, казалось, дошли они до крайнего истощения сил, судьба ведет их в Россию, в Москву... Не здесь ли конец терпению, и не отсюда ли начало спасения претерпевших?»

Мм. Гг. Сердца ваши хотят верно отвечать: Да!

И в самом деле, когда можем мы с большею уверенностию отвечать так, как не нынче, в этот великий для нас день, день чудесного спасения жизни Государевой[1320].

Не служит ли эта опасность, которой Государь подвергался, на волос от смерти, не служит ли, с одной стороны, уроком знаменательным для всех нас, чтоб мы все, без исключения, все, с Ним спасенные, думали более о своих обязанностях и об едином на потребу; а с другой стороны, видимое покровительство Божие не утверждает ли вас в надежде на продолжение милости Божией. Для чего-нибудь, да спасен Государь столь чудесно! Он освободил уже 25 миллионов людей в России, Польше, Грузии, Имеретии и Мингрелии. Может быть, именно ему предоставляется, если не освобождение, то, по крайней мере, облегчение, нравственное возвышение наших несчастных старших братьев. Так легко счастливится Ему до сих пор производить великие дела: может быть Бог поможет Ему и в этом великом деле, в исполнении исторического назначения России.

И вот здесь при воспоминании о всех племенах Славянских, представляются моему воображению Поляки. О них одних неслышно, чтоб сбирались, вместе с представителями всех племен, принять участие в общем нашем торжестве, в радостном свидании!

Они стоят далече, они бросают грозные взгляды, они питают злобу.

Братья! Одно ваше отчуждение, одиночество, показывает ясно, что вы избрали непрямую дорогу!

Этого мало. Поляки берут сторону исконных врагов Славян, как будто не принадлежа к их племени: одни надевают чалму и служат Турции, другие соединяются с Австрийцами и Венгерцами, чтоб мучить угнетать часть Русского племени, которое живет в Галиции и Северо-Восточной Венгрии в числе 4 миллионов.

Братья, братья, опомнитесь, взываем мы к вам сторицею, вздохните глубоко, пролейте слезы, — и подайте нам руку. Наши объятия для вас отверсты. Забудем прошлое и пойдем вместе по пути истинного прогресса, на который всех нас выводит благодушный Государь! Он носит имя вашего благодетеля, и, вторый по имени, готов сделаться вторым и по чувствам любви и привязанности к вам. Довольно, довольно, — все средства вы употребили и ни одно не доставило вам ничего. Против рожна прати невозможно. Вы утопаете глубже и глубже, вы, то есть премудрые и разумные между вами, интеллигенция, шляхта. А народ Польский, по селам и по деревням благоденствует и говорит в один голос, что никогда не был он так доволен, так спокоен, так счастлив, как теперь, то есть, ни при Пястах, ни при Ягеллонах, ни при Курфирстах Саксонских[1321]. Разве это для вас ничего не значит? Народа ведь миллионы, вас же тысячи.

Заключим нашу беседу, мм. гг., словами одного Западного Славянина, Чеха, работающего над введением Русской азбуки между всеми племенами Славянскими. Он живет в Москве, овладел достаточно Русским языком, и написал Славянскую молитву в воспоминание чудесного спасения в нынешней день жизни Государевой.

О Господи благословенье
Славянскому народу дай.
Благослови всю Русь святую.
Да все Славянские народы,
Что дети матери одной,

Забыв прошедшие невзгоды,
Поймут все голос свой родной.
Да всем настанет им спасенье
И слышен будет глас с небес:
Славяне! Вам благословенье!
Христос воскрес! Христос воскрес!

Мм. Гг. к этой молитве, вылившейся из сердца Славянина, провозгласим для соединения беседы нашей с торжеством Московского Университета, провозгласим наше всегдашнее и неизменное, и нынешнему дню по преимуществу принадлежащее:

Боже, Царя храни!

Михаил Погодин
4 Апреля, 1867 г.

ОЖИДАНИЕ В МОСКВЕ СЛАВЯН

Удивительные дела происходят на свете, ни думанные, ни гаданные, ни ожиданные; о чем и мечтать никто не смел, то воочию совершается. Велик Русский Бог!

Некоторым ученым людям в Москве пришло в голову собрать образчики племен, населяющих Россию. Нашелся человек, который принял мысль к сердцу, и решился положить основание этнографическому музею в Москве. Оно понравилось многим по разным местам. Началась исподоволь присылка нужных для предположенного музея вещей. Они приняты с благодарностию и тотчас оглашены по газетам. Присылок стало умножаться с каждым почти днем. Царское семейство приняло живое участие и подарило вдруг несколько драгоценных вещей. Жалко стало держать все это под спудом только для себя. Круговор членов общества стал распространяться. Образовалось намерение устроить выставку. Явились на помощь искусные, ревностные, горячие художники. Написано объявление. Вклады посыпались со всех тогда сторон. Общество ободрилось и увеличило свою деятельность. Дошел слух до Славян о Московском предприятии. Нашлись и между ними ревнители, которые вздумали дополнить Русское собрание своими приношениями. Одни за другими Славяне наслали множество вещей, относящихся к их быту. Дело с каждым днем становилось и яснее, и шире. Но все еще не было мысли о Славянском съезде. Однако ж, Сербы, Болгары, Кроаты, Словаки, Чехи, при известиях о богатстве возникшего общими силами в Москве собрания, пришли в движение: у них зародилось не ясное желание посмотреть на выставку. Но где взять средств? Пошли разговоры. В Москве получено известие об этом желании. Начались рассуждения, как бы удовлетворить доброхотных дателей. Сделаны попытки, предложены вопросы лицам, имеющим влияние, вес; все удавалось и шло как по маслу. Общества железных дорог вызвались провезти гостей бесплатно. Поднялся шум, и Бог послал смелости, кому было нужно: явились ревнители, которые положили устроить дело, и устроили. Надо отдать честь Петербургу. Толчок дан оттуда. В Петербурге собрана сумма, обеспечено содержание. Москва, разумеется, не могла отстать, быв главною целию путешествия. Общая Дума пошла гораздо дальше первого предложения. Таким образом устроилось путешествие тихое, скромное, с ученою целию, для 40 человек. Были даже

сомнения, найдется ли столько охотников, имеющих возможность отлучится от своих очагов на долгое время, и в такую дальнюю сторону. Они нашлись, и беспрестанно число их увеличивалось, наконец, возросло до 80. Одного Чеха, просившего паспорта, начальники пугнули, что он лишится места. Черт его возьми, отвечал он, хотя все реки потекли назад, еду! Милости просим, милости просим, давался ответ из Москвы и Петербурга. Славяне хотят посмотреть выставку, мы рады показать ее, и вместе познакомиться с дорогими гостями. Вот и все. Ничего более и в голову никому не приходило. Никаких других мыслей, намерений, в помине не было. Велось дело только между учеными, более или менее друг с другом знакомыми. Славяне приедут тихо, остановятся в приготовленном помещении, осмотрят, что есть для них любопытного в Москве, и также тихо уедут. Москвичи приготовлялись их встретить сами по себе, Петербуржцы — сами по себе, а о прочих городах, всего менее об участии народа, не было ни малейшего рассуждения. Но дело приняло тотчас со всем иной оборот. Как это случилось, Бог ведает! L'homme propose, el Dieu dispose[1322].

По какому-то вдохновению, с первого шага на границе начались новые явления, начались и умножились, живее, сильнее и горячее, и дошли, наконец, до высшей степени, поражая и удивляя всех и каждого. Все Русские люди, как будто связанные электрическою цепью, сообщали друг другу свои чувствования; ура, слава, передавались из уст в уста.

Многие не верят, чтобы так происходило все само собою, чтоб тут не было никакого предначертания (плана).

А потому-то и выходит все хорошо, так великолепно, что умничанья никакого не было, и говорит у всех одно сердце, без всяких задних мыслей.

Что правительство не принимало никакого участия в этом случайном событии, для иностранцев может служить лучшим доказательством того, что «Москва»[1323], главный славянский, так сказать, орган, именно на эту пору остановлена, хотя, разумеется, совершенно по другим, особым обстоятельствам. Не скрою, что это произведет на Славян неприятное впечатление*, по крайней мере, нет худа без до-

---

* Мы смеем надеяться, что Главное управление по делам печати исходатайствует ей разрешение, в подарок Славянским гостям.

бра. Иностранцы, Европейцы должны увидеть, что правительство здесь непричастно, что действует один народ, что народ выражает свои чувства и подает свой голос, которого заявления должны они принять к сведению.

На границе встретили Славянских гостей депутаты от Русского общества в Варшаве, поздравить с прибытием и пригласить на обед Варшавский. Послышалось родное в этом радушном привете, и от избытка сердца заговорили уста. Первая речь Русских из Галиции произвела, говорят, потрясающее действие. Благодарные Славяне послали в Варшаву телеграмму.

В Ченстохове[1324] встретили Славян местные военные и гражданские власти в полном параде, с музыкой и песнями.

В Варшаве, несмотря на ненастную погоду, на позднее время, ожидало их множество народу на станции. Приветы, объятия, восклицания, поздравления. Обед торжественный, речи, песни, гимны, стихи задушевные. Приехали депутаты из Вильны просить дорогих гостей на перепутье. В Вильне те же заявления, — а потом и в Острове, и в Порхове[1325], в Пскове, в Луге[1326], в Гатчине. Везде хлеб соль, цветы, стихи, музыка, речи.

В Петербурге народ, собравшийся для встречи, не уместился в залах и занимал весь двор. По дороге в гостиницу везде виделись толпы, и разменивались приветствиями, крики ура и слава не прерывалися. На улице, перед гостиницею столпилось столько народа, что экипажам не оставалось места разъезжаться, несколько раз дорогие гости должны были выходить на балкон, и выражать свою благодарность со слезами на глазах.

Да ведь народ не знает Славян, говорили мне некоторые лица из высшего круга: что же значат эти восторженные восклицания — это только крики! Так видно подготовлено, подучено!

В том то и дело, милостивые государи и милостивые государыни, что никакого подготовления и подучения нет и быть не могло. Кому подучать и подготовлять? Все мы налицо! Кому подучать, на протяжении почти двух тысяч верст, по уездным городам, и, наконец, в самом Петербурге, по улицам, где восторг дошел до высшей степени, где переступаются, кажется, пределы благоразумия, где уже примечается безотчетное увлечение!

«Подготовления нет», — возражают мне, но как же все это произошло и происходит? Очень просто: народ услышал одно понятное

для себя слово: это наши *братья*! Понимаете ли, читатели, что этого одного простого слова для народа было более достаточно, чем для нас все наши ученые розыскания, исследования, рассуждения! Одно это слово доходит до сердца и приводит в движение кровь, по крайней мере, на эту минуту, гораздо сильнее, чем все наши искусственные речи. Братья! Чего же более! А прибавьте-ка к этому еще вот что: братья эти читают «Отче наш» почти одинаково с нами, хоть и каждый по-своему (послушайте), живут от нас и рядом, и вдалеке, терпят и страдают много веков под властию Турок и других иноплеменных и иноверных народов; они приехали к нам повидаться с нами, братьями, полюбоваться нашим житьем-бытьем, под державою любимого Царя-Освободителя, показать воочию свое с нами родство и единство.

А счетом то их, ни мало, ни много, тридцать миллионов!

Тридцать миллионов, да нас 70: так кто же смеет их обижать!

В том-то и дело, друзья мои (поведу я теперь речь к простым моим читателям), в том-то и должна быть наша Всероссийская задача, чтоб братьев наших, родных и двоюродных, никто не обижал, а чтоб жили они каждый у себя дома тихо, смирно, спокойно, в той мере счастливо, как кому Бог определил, одним словом, чтоб они жили, как живут в Европе все народы, Французы, Англичане, Немцы, Итальянцы и мы, Русские. Больше ничего на эту пору и желать не следует, а прочее, мелькающее в речах и по газетам есть лишнее, не благоразумное. Всему есть мера и всему есть время. Мне кажется, что Петербургские ревнители сгоряча забегают далеко вперед! Впрочем, всякие увлечения, на радостях, за стаканом вина, на обеде, простительны.

В том отношении я начинаю даже бояться за Москву: после таких заявлений, восторгов, встреч, угощений, — что же мы сделаем? После стольких речей, задушевных, красноречивых, ученых, что же мы скажем? Путешествие было только приготовлением к Москве, на Москву обращены все взоры и из Европы, и из России, и из всего Славянского мира. В Москве сосредоточиваются все намерения, желания и надежды. Москва есть цель. А Москве не остается уже ничего ни сделать, ни сказать! Из всех частей речи в нашем распоряжении остаются только междометия, и... и красноречивое молчание.

Ободримся, утешимся! Касательно угощений, мы вспомним старую нашу пословицу: не будь гостю запасен, а будь ему рад. — Ну, радости нам не занимать-стать. Что будем мы говорить? Не пецытеся,

како или что возглаголете: дастьбося вам в той час, что возглаголете[1327]! От избытка сердца глаголют уста[1328]. Скажу еще вот что: на границе, в Варшаве, Вильне, Пскове, Петербурге, разве не Москва делала и говорила? Москва, то есть, одна и та же наша святая Русь!

Поездка Славян в Москву, как она теперь, к нашему общему удивлению, осуществляется, есть событие великое, знаменательное, историческое.

Общий восторг, произведенный прибытием Славян во всех наших сословиях, живое сочувствие, проявляющееся неудержимо во всех Русских людях, послужит, без сомнения, для Славян великою нравственною опорою, по возвращении их на родину, пред теми правительствами, кои им неблагоприятствуют или поступают несправедливо.

Поляки, по крайней мере, благоразумнейшие из них, увидя свое одиночество, свое фальшивое положение, дружескую связь с исконными врагам Славянского народа, между тем как все прочие Славяне выражают свое сочувствие России, должны убедиться в неправильности своего образа действий, и приложить старание к изысканию средств для примирения: всякий другой путь — вводяй пагубу[1329]! Это должны объяснить им наши единоплеменники.

Европейские государства поймут теперь ясно, что Россия, во всяком случае, может надеяться на нравственное содействие тридцати миллионов Славян, которые, не без основания, видят в ней свою покровительницу и защитницу.

Русское правительство найдет новое доказательство, что естественные, самые верные его союзники и единственные друзья на материке суть Славяне, а за морем — Американцы, — (а впрочем, мы не прочь ни от каких полезных союзов.)

Славяне все должны убедиться, что для сношений между собою им необходимо нужен один общий язык, как для дипломатических сношений употребляется Французский, а в старину употреблялся повсеместно Латинский.

Славяне должны убедиться, что, для облегчения знакомства с наречиями, нужна им одна азбука.

Все сказанное не может, разумеется, совершиться вдруг, но важно уже и то, что всему этому кладется теперь начало — в Москве. [<...>[1330]]

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ВЕЛИКОРУССКОМ ПЛЕМЕНИ, СРАВНИТЕЛЬНО С ПРОЧИМИ СЛАВЯНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Спокойный досуг позволяет оглядеть предмет свободнее и разобрать яснее полученные впечатления.

Прием, какой сделан Славянам в России, есть нечто необыкновенное в Истории.

Где, в каком государстве, бывало столько гостей, со всех сторон собравшихся? Укажите мне подобное угощение, в котором целый город принимал участие? И какой город? Москва. Чувство общее, народное, доброжелательное, проявлялось здесь беспрестанно, без всяких участий правительства, без всяких политических задних мыслей. Единоплеменники, родные после долгой разлуки увидались — обнимаются, целуются и не могут наглядеться друг на друга. Не говорю уже о том, что все сыпалось, как бы из рога изобилия. Это радушие, это искреннее желание во всех сословиях без малейшего различия, по какому-то безотчетному влечению к людям незнакомым, неизвестным, представляли нечто высокое, умилительное. Со стороны смотреть было весело, радостно; понималась знаменательность события, чувствовалось движение Истории.

Великорусское племя представляет многие, примечательные отличия, когда посмотришь на него вместе с другими, потому ли, что оно многочисленнее, сильнее, богаче средствами, или потому, что находится в лучших обстоятельствах. Оно относится ко всем прочим гораздо ровнее, полнее, беспристрастнее, бескорыстнее, чем все они одно к другому. Для нас все Славяне равны, одинаково близки и любезны, — не исключая даже и Поляков, несмотря на их вражду и предательство. Мы не делаем никакого различия, например, между Кроатами и Сербами, Черногорцами и Далматинцами, Чехами и Словаками и т. д., а они все друг друга как будто все еще чуждаются даже ревнуют, питают взаимное неудовольствие. Точно то же можно сказать, в некоторых отношениях, и о наших Малороссиянах.

Мы, Великороссияне, не спрашиваем ни у кого, кто он, какого он вероисповедания — католик, протестант, униат, православный: это не мешает нам любить всех и доброжелательствовать. А они никак не

могут отделиться от этих запросов и соединенных с ними воспоминаний, часто печальных.

Мы рады были познакомиться с ними одинаково, а они, даже дорогою, не познакомились порядочно между собою, и, кажется, не чувствовали потребности. Они имели в виду только Русских, Русские — всех.

Да, Славянские племена до сих пор никак не могут согласиться между собою: Чехи спорят с Словаками, Сербы смотрят косо на Сербов Австрийских, Австрийские Сербы не ладят с Кроатами, Болгаре не согласны с Сербами. Старых, давних счетов им между собою не свести: чем дальше в лес, тем больше дров. Иные увлекаются политикою и мечтают о давнопрошедших временах. Примириться могут они только под влиянием России. Так и будет, рано или поздно, силою вещей. Пред нашими глазами обстоятельства слагаются без нашего ведома, и совершенно для нас неожиданно. Никто не мог, например, вообразить славянского свидания у нас в таком виде! Никто не мог предвидеть, что сочувствие к Славянам обнаружится во всем Русском народе, без различия сословий, с такою силою, с таким блеском и с такою любовию!

Я оставил давно панславянские (всеславянские) мечтания, и давно не думаю ни о каких соединениях, но, смотря на Славян, я невольно чувствовал, что это радиусы, которые должны стремиться к одному центру, если не хотят потерять одной народности. Иначе не могут они сохранить даже свое существование и должны будут уступать Немцам, Мадьярам, Итальянцам, которые грозят им поглощением. Какая форма предлежит Славянам, мудрено теперь решить. Может быть, Славяне устроят когда-нибудь союз, вроде Швейцарского[1331]. Всеобщую подачу голосов[1332] Наполеон вводит в Европе в моду: ну извольте-ка спросить Славян, чего они хотят?

Скажу только два слова о необходимости избрать один общий язык. Австрийские Славяне выучились по-Немецки (какое насилие они должны были делать над своею душою!): и Серб, Кроат, Чех, Словак говорит свободно на Немецком языке; выучиться по-русски для них гораздо легче, чтобы между собою, по крайней мере, объясняться на родственном, а не чужом языке и крепче сознавать, чувствовать свое родство и единство.

Как бы то ни было, и чтобы ни случилось, но наши гости, верно, во всю свою жизнь будут воспоминать с умилением о днях,

проведенных ими у своих кровных родных, не скажу в Москве, а вообще в России.

М. П.

Говорят, что между ними были и шпионы. Тем лучше: они должны будут засвидетельствовать, что здесь все было чисто, честно, благородно, человечно и свято.

Чисто, честно, благородно, человечно и свято, — а Парижские волшебные, баснословные празднества[1333], скажу здесь кстати, представлялись мне из окон моей кельи на Девичьем поле[1334] отвратительными, чтоб не сказать более. Будь проклята, думал я, варвар, та Европейская цивилизация, которая, с покушением на царегостеубийство посредине[1335], так нагло и неистово празднует, роскошествует и веселится, между тем как тысячи христиан гибнут в муках на острове Крит[1336], и другие тысячи и тьмы[1337] ожидают со страхом той же участи. Будь прóклята та Французская политика, которая после двухлетнего кровопролития назначает делать следствие на острове Крит, вместо скорой действительной помощи! Будь проклята та Английская политика, которая украшает Турецкого Султана, наравне с христианскими государствами, орденом Подвязки[1338] (забывая даже, что кавалеры ее должны сражаться с неверными) и приготовляет ему царственное помещение в Буккингамском дворце[1339]. (При сей верной оказии не могу я пропустить и Австрийскую политику, которая отдает Кроатов на жертву Мадьярам, Русинов — Полякам, и себе оставляет Чехов с Моравлянами!) Блистательные плоды своей цивилизации, нечего сказать, собирает Европа в XIX веке! О святая Русь! О мое отечество! Какую славу приобретешь ты в Истории, омывая свои руки от этих грязных, смрадных, плачевных проделок. О, будь всегда неповинна от крови праведные. Они узрят!..

М. П.

ЗА ПЕРВЫМ ОБЩИМ УЖИНОМ, по приезде Славянских гостей в Москву Мая 16, 1867 года

Наконец, дорогие братья, мы приветствуем вас в Москве! Я не знаю, что и прибавить можно к этому слову... Кажется, здесь уже все сказано!

В Москве семя, ядро, колыбель Русского государства — Россия выросла из Москвы; в Москве зародилась и укрепилась мысль о славянском единстве; в Москве затеплилось и возгорелось святое чувство участия к судьбе страждущих единоплеменников, — и вот Москва, собравшая всю Русскую землю, принимает теперь в свои объятия их достойных представителей из Сербии и Богемии, из Кроации и Далмации, из Болгарии и Галича. Велик Русский Бог! Есть удивительные, неожиданные события, пред которыми всякое слово недостаточно. Это, без сомнения, принадлежит к их числу.

Нечего объяснять также, как мы вам рады. Но вы привезли нам еще другую радость, столько же великую, столько же сладкую: восторженный прием, сделанный вам по всей дороге, по всем городам и по всем улицам, удостоверяет нас, к полному удовольствию, что наши Московские чувства распространились уже с одинаковой силою по всей России; что все соотечественники разделяют уже с нами наши давние убеждения, не уступая, и стараясь из всех сил, не уступить нам ни в единой йоте.

Вы сами, оставляя свои очаги, думали также только о Москве, но теперь вы убедились, что в Варшаве и Вильне, Пскове и Острове[1340], Гатчине[1341] и Петербурге живут одни и те же мысли, одни и те же чувства, начиная от нашего любезного Государя, его Министра и до смиренного простолюдина, — и хоть мы, Москвичи, в этом отношении первые, делаемся последними. Но мы рады оставаться последними, лишь бы везде и у всех умножалась любовь к Славянам!

Позвольте же мне за первой семейной трапезой под стенами нашего древнего златоглавого Кремля провозгласить ваше здоровье, вместе со здоровьем всех Русских людей и в особенности жителей Петербурга, которые устроили вам такую достославную встречу и представили свету такое блистательное доказательство общего Русского сочувствия, преданности, дружбы ко всем племенам Славянским. Слава, живио[1342], ура!

РЕЧЬ НА ОБЕДЕ В ЧЕСТЬ СЛАВЯН, Мая 21, в Сокольниках

Нынешнею хлеб-солью Москва, первопрестольный град Русского царства, воздает честь дорогим своим гостям, представителям Славянских племен, собравшимся в ней на ее ученое празднество.

Мне дано лестное поручение, Мм. Гг., выразить вам еще раз чувства вашей приязни, преданности и благодарности за ту братскую готовность, с которою вы, несмотря на затруднения и препятствия, поспешили принять наше смиренное приглашение.

Но что я скажу вам больше того, что вы к общей нашей радости, слышали везде, и слышите у нас, во всякую минуту, на всяком шагу, при всяком случае, прямо из души, от Русских людей всех сословий, высших и низших, ученых и неученых, старых и молодых, мужчин и женщин?

Тем-то и счастлив бывает оратор, когда ему не нужно искать слов для своей речи, которая лучше и сильнее сказывается у всех сама собою, бьется во всех сердцах и носится по всем устам.

Я скажу только, что братское, горячее сочувствие, проявившееся с такою силою во всем Русском народе, должно служить, как для вас, так и для нас, великим знамением во благо. Посещение ваше должно составить эпоху в истории всего Славянства, и старая Москва считает себя счастливою, что ей удалось оказать важную услугу отечеству, подав к тому нечаянно повод.

Не вдаваясь в политику, на нашем празднике мира, согласия и любви, мы, Русские люди, выразим только в эту торжественную минуту перед лицом всей Европы наше искреннее, глубокое, и вместе, смеем сказать, законное и справедливое желание, чтоб Славянские племена, — под чьею бы державою теперь ни состояли, — пользовались всеми правами, кои подобают Европейским гражданам XIX столетия; чтоб никто из них более не подвергался прежним недостойным обидам, оскорблениям и притеснениям. — Чехи и Сербы, Кроаты и Болгары, Словенцы и Штирийцы, Босняки и Черногорцы, Словаки и Моравляне, Лужичане и Далматинцы, Русские, Галичане и Поляки.

Я произнес имя Поляков. Но где же они? Я не вижу здесь никого. Увы! они, одни из Славян, стоят далече, и бросают на нас суровые взгляды. Нужды нет, Бог с ними! Мы не исключаем их из нашей семьи,

и, горько плача об роковом их ослеплении, желаем, чтоб они, хоть теперь, увидели свое неестественное положение, находясь в тесном союзе с исконными врагами Славянства, тогда как все Славяне между собою любезно целуются и крепко обнимаются.

О если б они, помолимся братья, забыв прошлое, оставив вражду, доверились благодушию нашего возлюбленного, благородного Государя, носящего имя их первого благодетеля Александра! Тогда радость наша, Русская и Славянская, была бы полною.

Заключаю: да здравствуют Славяне и да ниспошлет им милосердный Бог после всех страданий лучшие, счастливейшие дни! Да укрепляется духовный, сердечный союз между ними крепче и крепче! Да сделается нынешнее свидание началом их постоянных сношений, на пользу науки, промышленности, торговли, колонизации, — на пользу всех наречий, и одного, нужного, кажется для этой цели, избранного ими языка, с одною азбукою. Слава! Живио! Ура!

НА РАССТАВАНИИ СО СЛАВЯНСКИМИ ГОСТЯМИ, 1867 года, Мая 27 дня

Добрый путь, вам братья! Благодарим вас за ваше дружеское посещение, благодарим за вашу родственную любовь, благодарим за благородные чувства, возбужденные вами во всем Русском народе! Мы старались доказать, как вы нам дороги и любезны, и сколько добра мы желаем вам от души. Надеемся, что вы не помянете нас лихом. Возвращайтесь с Богом в отечество. Мы уверены, что вы не получите там никаких неприятностей, несмотря на газетные вопли. Это было бы недостойно нашего времени. Во всяком году собираются по разным городам и Немцы, и Французы, Англичане и Итальянцы для ученых целей: почему же одни Славяне не должны пользоваться этими правами! Напротив, мы постараемся, чтоб собрания, подобные нынешнему, возобновлялись периодически. Нынешнее было кратковременное: вы могли едва познакомиться с выставкою, целью вашего путешествия, с достопамятностями и примечательностями города, с обывателями Московскими. Нам некогда было рассуждать о наших общих нуждах, желаниях, надеждах, средствах... Только в частных беседах вы могли сообщить друг другу несколько отрывочных сведений. Мы убедились только, кажется, все, что Славянским племенам для своих сношений необходимо нужен один язык с одною азбукою, каким был в средние века для Европейских сношений язык Латинский, каким есть для Европейских народов теперь язык Французский.

Мы убедились, что из всех Европейских народов естественные, первые друзья Русским суть Славяне. (Это я твержу, впрочем, уже сорок лет).

Точно так убедитесь и вы, что вам в Европе никому надеяться не на кого, кроме Русских.

Поэтому вы должны оставить все старые предубеждения о Русском властолюбии, о Русских мнимых замыслах. Мы ничего не хотим, ничего нам не надо: ни земли, ни людей. Земли — мы можем поместить у себя хоть две Европы, людей — нас уже больше 70 миллионов, к которым всякий год прибавляется по миллиону. Нам ничего не нужно от вас, кроме любви. Ее только мы и просим у вас; ее мы и даем вам.

Устраивайтесь, как вам угодно, как сочтете себе за лучшее, и будьте уверены во всегдашнем нашем сочувствии, во всегдашней готовности помогать вам словом, делом, помышлением, на пути добра и успеха, к пользе науки, просвещения, благосостояния, гражданского и человеческого. Добрый путь! С Богом! Вперед! Слава, живио, ура!

ПРЕД ОБЕДОМ.
В ВОСПОМИНАНИЕ О СЛАВЯНСКОМ СЪЕЗДЕ 1868 года, Мая 16 дня

Мы собрались, Милостивые Государи, чтобы вспомнить вместе по-семейному прошлогоднее свидание и знакомство наше с представителями всех Славянских племен, посетившими московскую этнографическую выставку. Я намеревался сказать вам несколько слов за столом об этом важном и знаменательном в истории Славянства событии. Но когда я стал обдумывать их, то увидел, что они слишком тяжелы для застольной речи и не могут уместиться в ней удобно. А между тем, нужно и полезно, казалось мне, как для наших соотечественников, так в особенности для Европейских наших соглядатаев, друзей и недругов, выяснить, хотя задним числом, некоторые обстоятельства, определить значение и показать настоящее положение вопроса о Славянской взаимности, нравственной, духовной, литературной, — вопроса, который занимал и занимает главное место во всех наших собраниях. Вот почему решаюсь я просить у вас позволения поговорить об этих предметах на просторе, перед обедом, предлагая вам это рассуждение вместо желудочных капель. Заранее извиняюсь в длинноте, не успел привести в порядок свои мысли; но дело в деле, а не во внешнем облачении.

Вы хорошо знаете, что прошлогодний Славянский съезд был событием совершенно случайным. Мы, исконные друзья Славян, о нем и не думали, не предполагали, не ожидали. Учредители этнографической выставки назначили ей сначала гораздо теснейшие пределы, — круг ее распространился сам собою. Позволите ли вы мне напомнить для ясности это странное приключение? Сделано было в ведомостях простое объявление о намерении общества собрать образчик одежд и прочих вещей, относящихся до народной жизни племен, населяющих Россию. Явились жертвователи, которых приношения были оглашены, разумеется, с благодарностью. Некоторые особы из царствующего дома приняли участие. Наши Малороссияне прислали свой вклад. За ними следовали Русские из Галиции, а потом Словаки, Словенцы, Сербы, Болгары, Чехи. Некоторые приношения были очень сложны и ценны. Председатель этнографической выставки почел обязанностию пригласить жертвователей в гости на затеянный им праздник.

Путешествие издалека требовало издержек. Управления железных дорог вызвались возить гостей даром. Это передано к общему сведению. Число желающих посетить Москву увеличилось. Послышались славные, любезные имена, которых увидеть в Москве сделалось желанием многих. Петербург, надо отдать ему честь, пустил в оборот мысль, что следует принять гостей с подобающим почетом и доставить им и другим желающим все средства познакомиться с Россией и ее жителями. Собралась значительная сумма. Возродилось соревнование. Москве нельзя было отстать, а разве подумать о перегонке. Городской голова[1343] предложил в собрании думы назначить три тысячи на угощение, и, в случае нужды, дойти до четырех. Никто не смел и желать больше, зная о множестве городских расходов. «Этого мало, пять, пять!» — раздалось в ближних рядах гласных. «Десять, десять!» — закричали дальше. Внутренно радуясь, я улыбался, и, поглядывая на старшин, как будто оправдывался пред ними: это не я кричу, Милостивые Государи, не сетуйте на меня! Все собрание согласилось с совершенным удовольствием, и, главное, нашлись охотники, мастера, которые приняли на себя все труды и распоряжения и исполнили это отлично.

Приготовления делались в Москве и Петербурге, — о других городах не было мысли; но молва разнеслась по всей дороге, везде возбудились одни и те же чувства, по всем городам устроились встречи, и, начиная от Австрийских и Прусских границ, поезд гостей Славянских уподобился триумфальному шествию. О приемах в Петербурге, Кронштадте, Москве я говорить не буду. Все наши ожидания были далеко превзойдены; мы не могли воображать себе ничего подобного. В народе, который был свидетелем, участником праздника, как будто пробудилось внутреннее, самому ему неизвестное, чувство. «Это братья: «Отче наш» у них почти одинаковый с нами; они терпят под чужим гнетом». Вот что сразу поняли простые Русские люди и плакали, и целовались, и обнимались, и шумели, и кричали: «Ура! Слава! Живио!» Здесь ничего не было подготовленного, придуманного, сочиненного. Все происходило просто, естественно, само собою.

Скажу даже вот что: стараясь привести в ясность для себя на память, как это все случилось, я во многих случаях не мог добраться, от кого же это в том или другом случае происходила первая мысль, первый толчок, первое движение, точно так не мог добраться, как и в исследованиях о многих великих событиях в русской истории, имеющих в этом отношении совершенно один характер.

Видно, все это дело устроил сам Бог, воззревший милостивым оком на различные тяжкие бедствия Славянских племен, и на вселенских Спасских часах[1344] видно пробил где-то им час их возрождения и спасения. Да будет!

А ревнивые наши соседи приписывали нам — простакам, Бог знает какие ухищренные замыслы, какие политические планы и макиавелические[1345] происки, и, к стыду своему, наделали множество неприятностей некоторым из наших гостей, участников московского праздника, как будто одни Славяне в Европе не имеют права сходиться, как сходятся Немцы, Англичане, Бельгийцы, Французы, Итальянцы. Но на прежнее возвратимся.

Как бы то ни было, Славяне всех племен увидели себя в первый раз вместе и увидели себя в Москве, которая приняла их с братскими объятиями, радушно, горячо, живо. Все сословия друг перед другом порывались выразить свои чувствования. Здесь были Сербы, Болгары, Чехи, Мораване, Галичане, Словаки, Словенцы, Кошубы, Хорваты, Босняки, Черногорцы, Лужичане, Русские. Здесь были православные, католики, униаты, протестанты. И все чувствовали себя братьями, от одного корня, — одним народом, разделенным на разные племена, — одним языком, разделенным на разные наречия. Все почувствовали, что составляют одну плоть, одну кровь, и всем представилась естественно мысль о развитии, об укреплении, об увековечении этой связи, которая с первого взгляда представляла уже такие прекрасные задатки, давала такие драгоценные залоги.

Первою связию представился язык: язык у всех у нас, Славян, один, но наречия разные; мы расселены на великих расстояниях, и по краям наши наречия делаются одно для другого неудобопонятными; между тем, все они слишком легки для изучения.

Да и действительно: если Австрийские Славяне — Чехи, Кроаты, Сербы, Словенцы и проч., находят возможность изучать и присваивать себе совершенно чуждый язык Немецкий; если Турецкие Славяне, Сербы, Болгары, Босняки и Герцеговинцы говорят по-турецки и по-гречески, то несравненно всем им легче изучить и употребить одно какое-нибудь Славянское наречие, с которым они имеют сродство, сходство и внутреннюю кровную связь.

Все это представлялось само собою, и всем тот же час встречался один ответ, какое наречие избрать средством для взаимного общения: Русское, — и потому, что оно принадлежит пятидесятимиллионному

народу — и восьмидесятимиллионному государству, — и потому, что, по мнению всех знатоков, оно заключает в себе наиболее свойств, принадлежащих порознь всем Славянским племенам, — и потому, что оно есть непосредственный преемник и наследник церковного языка, употребляемого всеми Славянами православными, католиками и униатами.

Русское наречие, церковный язык, Кирилловское Священное писание, ну, следовательно, и Кирилловская азбука, которая способнее всех выражать все Славянские звуки.

Вот какие мысли явились на этом съезде воочию всем нам и всем нашим гостям, без всякой натяжки, без всякого насилия, без всякого пристрастия, без всякого умысла.

Эти мысли явились нам, так сказать, присутствующим, бросились нам в глаза, — но для отсутствующих, для всех племен, для приведения в действие этой мысли, нужно время, нужны опыты, нужны благоприятные обстоятельства.

Будем их с терпением дожидаться, будем им споспешествовать путями законными, но также без всякой, как говорят ныне, агитации. Довольно, что представители всех племен убедились в необходимости, пользе изучения Русского языка и употребления Кирилловской азбуки, которая, написав впервые для всех племен: В начале было Слово, и Слово было у Бога, к Богу, от Бога, в Боге, — должна послужить теперь для всех и крепчайшим звеном соединения.

Не могу не предложить мимоходом следующего замечания об удивительных судьбах, как бы свыше благословенной, Кирилло-мефодиевой грамоты. Она с самого начала обняла все Славянские племена и распространилась везде с Христианством: у Болгар, у Чехов, у Словенцев, у Моравов, у Поляков, у Русских; подверглась везде разным превратностям, потерпела великие, смертоносные удары, — и вот чрез тысячу почти лет в грамматике церковного языка Добровского[1346] эта священная грамота сделалась вновь источником и началом возвращения Славян к жизни.

Да, Милостивые государи, все настоящее Славянское движение начинается с грамматики Добровского. Сынами духовными Добровского были Шафарик и Коляр[1347], в своих сочинениях: «Славянские древности» и «Slavy dzera», Дочь славы. В этих двух сочинениях, — одно из них историческое, другое пиитическое, — провозглашены торжественно и доказаны критически, как древность, так и единство всего Славянского народа.

Коляр написал тогда же, около 1835 года, лирическое рассуждение о взаимности между Славянскими племенами. В этом году я был в Праге и соединился дружескими узами со всеми корифеями Славянской мысли, — узами, которые продолжались до их кончины. Они все уже снизошли в могилу; остались только: Палацкий, тогда младший между ними, и Пуркиня, живший тогда в Бреславле.

Рассуждение Коляра я привез в Москву и начал тотчас переводить, а кончил перевод Юрий Федорович Самарин[1348], только что кончивший курс в университете. Перевод был напечатан в «Отечественных Записках» 1840[1349], кажется, года. Полезно бы теперь его перепечатать, что мы и сделаем, прилагая перевод другого подобного рассуждения Стура[1350].

С тех пор началась взаимность в самых тесных границах между немногими частными лицами, преимущественно из ученого сословия. Каким насмешкам и ругательствам мы подвергались от партии так называемой западников — распространяться здесь не место.

По возвращении моем из-за границы, в 1835 году, я начал сбирать пожертвования. Список первых жертвователей у меня сохранился за собственноручными их подписями, и я напечатаю его когда-нибудь.

Министр народного просвещения С. С. Уваров[1351], которому я представил подобный отчет о положении Славян, внял моим слезным молитвам и в 1838 году выдал мне 10 т. р. асс. на пособие ученым трудам Шафарика и Ганки.

Тогда были напечатаны Славянские древности[1352], которые немедленно были переведены здесь г. Бодянским[1353] и напечатаны мною, как и прежде Славянская грамматика Добровского[1354].

Все нужные книги посланы были в Славянские библиотеки, в ученые общества и для употребления главных деятелей.

В 1840 году приезжал в Москву знаменитый Иллириец Гай[1355], который был тогда душою движения на юге. Мы собрали ему с помощью генерал-губернатора князя Д. В. Голицына[1356] 17,500 р. асс. для содействия ученым трудам и распространения Кирилловской грамоты. Хомякову, Шевыреву, Самарину, Аксакову, Павлову[1357] принадлежали главные вклады.

Этот период был самый благоприятный для отношений Славян к России. Все корифеи Славянские были на нашей стороне; но чем далее, тем более и более молодежь начала обращаться в другую сторону.

Я был между Славянами в 1835, 39, 42, 46, 52, 56 гг. и видел, как на барометре, степени понижения их дружеских отношений к России, вследствие разных обстоятельств, исчислять которые и грустно, и неудобно. Вся так называемая интеллигенция, образованная часть между Хорватами, Сербами, Австрийскими и Турецкими, кроме стариков, питала подозрение о властолюбивых наших замыслах и опасалась нашего деспотизма. Председатель государственного совета в Белграде Симич[1358], ростом с Петра I, товарищ Вучича[1359] и Петрониевича[1360], сказал мне в 1842 г.: «Не надо вам думать о рекрутских наборах в Сербии: лучше охотников мы будем выставлять вам вдесятеро».

В 1848 году, вследствие общего Европейского движения, сторона, противная России, превозмогла, молодежь Чешская вступилась за Поляков, Венгерский поход[1361] вооружил окончательно против нас большинство.

Так было до Крымской войны.

Крымская война показала Славянам то живое участие, которое Россия, или Император Николай Павлович, принимала в судьбе их. К несчастию, вся Европа вооружилась против России и спасение Славян отсрочилось, но эта война принесла нам ту пользу, что многие Славяне к нам обратились и завязались новые сношения.

Из пожертвований этого времени, имевших большое значение для Славянского дела, с благодарностию я должен помянуть 3 т. р. с., которые для Славянских предприятий пожертвовал В. А. Кокорев[1362], при моем путешествии 1856 года, и 10 т. р., которые он же послал к И. С. Аксакову для южных, преимущественно Турецких, Славян по первому его письму оттуда.

И. С. Аксаков, по возвращении своем из-за границы, сделался самым деятельным служителем Славянского дела, и в своих изданных Сборниках «Дне» и «Москве», равно как и прежде в «Русской Беседе»[1363], которая издавалась на иждивение А. И. Кошелева[1364], содействовал очень много распространению идеи Славянской и усилению взаимности.

В 1858 году образовался в Москве Славянский благотворительный комитет[1365], преимущественно для образования южных Славян, которого действия в последнее время при более благоприятных обстоятельствах значительно расширились.

Все это были частные попытки, все это не было общим достоянием и переходило в массы очень туго.

Но вот Славяне собрались в Москву, случайным образом, как выше было объяснено, и Колярова взаимность стала воочию. Мы осязали ее не только руками, но и сердцами, и начинаем чувствовать ее благотворные следствия.

На этом съезде все Славяне увидели себя, как сказал я выше, лицом друг к другу. Но между ними не было Поляков. Нельзя было пройти молчанием их отсутствия. Нельзя было в особенности мне, как служителю Истории и старшему между присутствовавшими Русскими носителю идеи Славянской, — нельзя было мне говорить о Славянах, о союзе Славянском, о взаимности между ними, и пропускать, забывать о существовании Поляков, и таким молчанием как бы сознаваться, что Русские виноваты перед Поляками, что совесть мешает нам относиться к ним спокойно перед прочими своими братьями. Вся молодая Чехия была против нас за Поляков — я это знал, и мне казалось, что я должен был объяснить публично наши отношения, хотя в коротких словах.

Вот почему на главном нашем братском обеде, под хоругвию св. Кирилла и Мефодия[1366], я спросил: где же Поляки? и отвечал сущую правду, не произнеся ни одного обидного для Поляков слова: они стоят далеко, они бросают на нас взгляды недоброжелательные. Братья! обратился я к ним, примиритесь, наши объятия для вас отверсты и забудем прошлое!

Я очень рад, что я произнес эти слова, и предупредил Ригера[1367], который после меня говорил о примирении. Для нас, Русских, было бы, кажется, неловко, если б у нас дома гости напомнили нам об отвергаемых братьях, как бы упрекая, можем ли мы иметь право проповедывать единство, враждуя Полякам, отвергая их? Нет, мы их не отвергали и не отвергаем, а они нас чуждаются и продолжают ненавидеть: кто же виноват? Мы отнюдь не возвращаем вражды, против нас питаемой, отдавая себя как бы на третейский суд всего Славянства. Вот смысл сказанных мною тогда слов.

Поляки, ослепленные, скажу здесь кстати, продолжают упорствовать, и своими объявлениями, прежними и нынешними, совершенно отделятся не только от России, но от всего Славянства. Они оправдывают нас и привлекают к нам всех Славян, которые теперь видят, кто в братской исторической распре виноват более, и кто препятствует соединению. Поляки говорят теперь Чехам, отказываясь придти к ним на их народное торжество: «Мы не мешаем вам соединяться с

Русскими; но также точно должно предоставить и Полякам свободу соединяться с теми, кто не будет заодно с Россией. Итак, оставьте нас в покое и не старайтесь соединить несоединимое; вы этим возжигаете нашу исконную борьбу. Славянство должно выбирать между Польшею и Россией: оно не может соединиться с обеими вместе. Если вы заодно с Поляками, то вы заодно с Европою и западною цивилизацией, которая и была вашей воспитательницей. Если же вы стоите на стороне России, то вы объявляете себя нашими врагами и врагами наших прав, и всей семьи Европейских народов, с которою вы связаны духом и телом. Делайте что хотите; мы никогда не переменим нашего положения».

Несчастные! спросим вы вас, — с какою же Европою, с какою цивилизацией вы соединяетесь?

Вы останетесь с цивилизацией и Европою, и берете за руки Турцию, Венгрию и Австрию, которые были главными врагами, злодеями и тиранами всех Славянских племен: почувствуйте всю ложь своего положения. Что же сделала для вас вся Европа, что сделала для вас Франция, во время республики, консульства, империи, королевства, второй республики? Она играет вами для своей выгоды, а не для вашей.

Поляки таким заявлением изрекли приговор себе и вместе подтвердили историческую догадку о своем происхождении.

Я говорю — приговор, ибо, держась Турции и Австрии, двух государств, осужденных на смерть, почти уже трупов, они явно стремятся к конечной своей гибели.

А в чем состоит догадка о происхождении Польской шляхты? Шляхта — пришельцы в Польше, как у нас Норманны; но наши Норманны смешались со Славянами, как капля вина с водою, а шляхта осталась отдельною в воде, как масло. Вот, по-моему, источник различия в истории Польской и Русской. Вот причина отчуждения шляхты от собственных своих поселян.

Усвоив чужой, т. е. Польский и Славянский язык, шляхта осталась племенем чуждым, западным, которое и тянет к Западу.

Многие Русские, познакомившиеся в последнее время с краем, единогласно утверждают, даже судя по физиономии, о различии поселян с горожанами, которое также служит и подтверждением догадки: то есть, народ Польский — вот Славяне, а шляхта — пришельцы, которые говорят только по-польски, как Евреи — по-немецки в

Германии или по-испански в Испании, а чувствуют по-своему, по-западному.

Желательно, чтобы Чешские ученые посетили Польшу и произвели бы здесь историко-филологические исследования и наблюдения и привели этот гадательный вопрос в ясность.

Как бы то ни было, последнее заявление Поляков равняется решительной Русской победе над ними. Они работают в этом отношении больше нас на пользу Россию. Удивительные судьбы!

Повторю здесь кстати, что мы, Русские, оставляя все счеты исторические, филологические и политические, не питаем никакой злобы и мести против Поляков и готовы обняться с ними по-братски, если они сознаются в своих заблуждениях и откажутся от своих несбыточных притязаний. Правительство наше, гораздо более снисходительное к Полякам, чем мы, чем народ, расположенное к восстановлению Польши при Александре I, дававшее им полную автономию при Александре II, верно изменить свой образ действий, и сделает для Поляков все возможное, удостоверясь в их исправлении, а до тех пор пока будут продолжаться за границею враждебные заявления и оглашаться нелепые требования, пока беспрестанно будут представляться доказательства вражды неистовой, пока Польский катехизис останется в своем действии, — до тех пор положение свое поляки не будут улучшать, а разве ухудшать, и никто не может пойти иначе.

Вы позволите мне, Милостивые государи, предложить здесь еще два замечания и отстранить два сравнения, обращаемые против нашего, против Русского дела. Некоторые указывают на примере Ирландии, поднявшей свой голос. Этот пример отнюдь к нам не идет. Скажу одно: Россия не пользуется и никогда не пользовалась ни одним грошом от Польши, а напротив, прикладывала и прикладывает свои копейки. Русские люди имеют ничтожное владение в Польше, в сравнении с тем, что поляки имеют в России, и Англичане — в Ирландии.

Другие указывают на примере Чехии, которая ищет теперь автономии; но мы эту автономию гораздо в высшей степени предлагали Польше несколько раз, и если она не хотела пользоваться этими правами без отнятия от нас наших родных, собственных, утробных Русских земель, то кто же виноват в настоящем положении?

Неужели кто-нибудь может сказать, что мы не должны защищать собственное свое существование, охранять своих родных русских братьев в угоду Полякам или Польской шляхте?

Отказ России от прав в отношении к Сербии, принадлежащих ей по трактатам, довершает ее торжество во мнении всех Славянских племен. Они видят наше бескорыстие, и нельзя не отдать полной чести нашему министерству иностранных дел, которое действует до сих пор великолепно. Мы жаловались некогда на излишнюю его сдержанность, осторожность, доходившую, по нашему мнению, до робости; но мы убедились из обнародованной переписке, что оно не переставало заботиться о судьбе наших единоплеменников и единоверцев и не пропускало ни одного случая напоминать Европе об ее обязанностях. Нам опротивело, во время оно, выражение, что Россия не ищет завоеваний. Мы осуждали его, негодовали, а теперь мы должны сознаться, что правительство действовало гораздо вернее, а мы увлеклись. Теперь мы все говорим, что нам не надо завоеваний, и в этом наша сила и значение пред всеми Славянскими племенами.

Итак, с этих сторон обстоит все благополучно. Что же принадлежит обществу? Мы, частные люди, должны поддерживать все ученые, литературные предприятия между Славянами, снабжать их Русскими книгами, доставлять Русских учителей и содействовать распространению Русского языка и Русской азбуки, т. е. меры, которые предлагались мною министерству просвещения за 30 лет тому назад.

Когда Русский язык сделается общим литературным языком для всех Славян, как есть один литературный язык у племен Французских и Немецких, то сколько новых слов и оборотов внесут Славянские писатели, как обогатят они Русский язык — доказывать не нужно. Как обогатится Русская литература, а с нею и общее образование! И вместе, какую пользу получат сами Славяне для своих собственно наречий, которые должны обогащаться в равной степени! Наконец, обратим внимание и на то, что для авторов иметь публику в 80, в 100 миллионов не то, что писать для 5, для 6, для 10! Будущность блистательная, и она приближается к нам, судя по всем известиям из Славянских стран.

Все Славяне учатся ревностно по-русски и просят у нас учителей, которые бы знакомили их с живою речью Русскою. Съезды Славянские необходимы для поддержания возбужденных чувств.

На прошлогоднем съезде изъявлено было это желание многими, но не принято никаких решительных мер; да и нельзя было принимать их по многим причинам. Но вот в нынешнем году этот съезд

состоялся сам собою, и основание театра в Праге[1368], точно так как Московская этнографическая выставка, сделалось поводом к съезду общему, где подтверждена мысль о единстве, родстве и взаимности. Я повторю здесь слова Сладковского[1369], произнесенные им в Праге на другой день после заложения театра.

«Вчерашний день стал знаменательным особенно потому, что в этот день проявили участие и тожество с нашим делом все племена далеко распростершегося восьмидесятимиллионного Славянского народа. В первый раз нашему предприятию выражено сочувствие от всех без исключения ветвей Славянской семьи, со всех концов Славянской земли, в границах которой никогда не заходит солнце. Из Сербской и Хорватской страны, из Словацкой и Словенской, из Галича и Польши, из Лужиц и Далмации, из Военной границы и Герцеговины, из Черногории и Болгарии, из Великой Святой Руси выражено наигорячейшее участие к нашему делу, ставшему общим делом всего Славянства. Дело наше — их дело, честь наша — их честь! Господа! Весь Северо-Славянский флот шлет по телеграфу привет, и провозглашает славу короне Чешской и успех народному Чешскому театру. Такое заявление озаряет Чешскую корону и ставит ее в новом свете и в новом блеске. Как нынешнее дело наше признано делом всеСлавянским, так пусть и в будущем все Славянские племена приветствуют каждое дело отдельных племен, как всем общее, пусть видят в нем свою честь и славу. Пусть в общественных и иных вопросах господствует между нами согласная мысль; быть может, это согласие и не поведет еще к политическому единству, но оно поведет к тому, что народ Славянский не допустит, чтобы которому-либо из Славянских племен нанесена была обида. Как некогда для древнего Римлянина было величайшею гордостию провозглашать пред целым светом: «Я Римлянин!» — пусть точно также каждый Славянин с такою же гордостию говорит отныне: «Я Славянин!» За успех Славянской взаимности и солидарности!»

Слушая эту речь, благородную и горячую, Милостивые государи, не сознаетесь ли вы, что при слове о 80-тимиллионном народе Славянском сердце ваше забилось, ибо вы знаете, что в этих 80 миллионах, 50 или более составляем мы?

Не сознаетесь ли, что, слушая о пространстве, где не заходит солнце, вы с удовольствием чувствуете, что из 24 часов его странствия по тверди небесной около 20 принадлежит нам?

Ваше сердце забилось, — ну, так я смело могу сказать теперь, что осыпанные такими дарами Божьими, считая себя миллионами, и владея землями неизмеримыми, мы несем на себе обязанности великие, святые, в отношении к нашим старшим, хоть и малочисленным братьям. Мы в обилии — они в нужде; мы на свободе — они под игом. Все государства Славянские пали, не одна Польша, — так, видно, было угодно Богу, — в исполнение каких-то непостижимых для нас судеб исторических: Богемия, Моравия, Померания, Силезия, Кроация, Славония, Далмация, Босния, Сербия, Болгария. Одна Россия, самая младшая между ними, возникшая после всех, восстала после Монгольского ига, утвердилась, усилилась и заняла одно из первых мест в Европе. Мы должны помогать всем Славянам словом, делом и помышлением. Мы должны считать их горести и радости собственными горестями и радостями, мы должны стараться употреблять все меры для облегчения их участи, мы должны содействовать умножению их радостей. Слышите, видите, как выражают нам дружеские свои чувства их представители! Палацкий и Ригер являются на Чешском народном празднике в русских орденах. Сладковский называл на празднике Святую Русь, и это название вызвало громовые восторженные рукоплескания. Они называют наш флот своим флотом. Сердце сердцу весть подает.

Господа! Считаю себя счастливым, что дожил до этих минут торжества идеи, которой я служил искренно и горячо, и горько сожалею, что этого счастия не осталось в удел покойным друзьям моим — Шафарику, Коляру, Ганке, Вуку, Хомякову, Киреевским, Шевыреву, Константину Аксакову и прочим начальникам возрождения.

В заключение длинного моего чтения я выражу желание, которое, верно, и вы разделите со мною, чтобы съезду следующего года подало повод основание храма во имя свв. Кирилла и Мефодия где-нибудь между Славянами: или в Белграде у Сербов, или на Черной Горе, или в Варшаве, или в Селуне[1370], родине наших Апостолов.

Наконец еще желание, хотя, к несчастию, и слишком несбыточное: пожелаем, чтобы Поляки, вслед за евангельским блудным сыном, опомнились и возвратились в недра Славянского семейства!

В ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года

Киевской хозяйке[1371] и некоторым гражданам Киевским вспало на ум, или, вернее сказать, на сердце, принять участие в деятельности Московского благотворительного Славянского комитета и устроить его отделение в Киеве[1372]. Я, как председатель его, считаю долгом засвидетельствовать готовым благотворителям глубочайшую благодарность и вместе объяснить в коротких словах происхождение нашего общества, его цель, средства, образ действий.

Мысль об единстве Славян и взаимности между племенами началась в Москве лет сорок тому назад. Московские, так называемые, славянофилы старались поддерживать ее по мере сил и установили постоянное сообщение с представителями всех Славянских племен, помогая им, чем было можно. Но это были усилия частные и не могли принести ощутительных плодов. Лампада иногда чуть не погасала за недостатком елея не только у дев буиих, но даже и у мудрых[1373]! Иностранная наша политика не имела никакого понятия о Славянах и не хотела ничего слышать о них, стараясь сохранить везде statu quo. Нельзя было произнести без опасности имя Славян в журналах, чтоб не навлечь на себя подозрения и не подвергнуться разным неприятностям.

Наконец, времена переменились. Крымскою войною мы узнали, каковы друзья наши, не только Англичане и Французы, но даже Австрийцы и Прусаки, с которыми мы составляли священный союз и которых боялись тревожить сочувствием к Славянам. Стало возможным говорить, по крайней мере, о Славянах и о священной обязанности помогать тем, кто имеет нужду в помощи, — и вот в Москве составился полуофициальный комитет под председательством вновь назначенного тогда попечителя А. Н. Бахметева[1374], а предшественник его, Е. П. Ковалевский[1375], сделан был министром народного просвещения. У обоих были связи в Петербурге. Министерство просвещения и министерство иностранных дел, где был директором также Е. П. Ковалевский[1376], брат министра просвещения, взяли комитет под свое покровительство, смотрели на него не косо, как то было прежде, а приветливо, назначили кое-какие пособия. Императрица пожаловала 300 руб. сер.

Первоначальною нашею целию было содействовать ученому и духовному образованию южных Славян, преимущественно Болгар, от которых мы сами в древности получили духовное образование. (Вчера, замечу кстати, праздновалась память первого митрополита Киевского Михаила[1377], родом, как значится в здешних святцах, Болгарина, и вчера же без мысли о том назначилось это Славянское собрание, — нельзя не обратить внимание на это примечательное совпадение). Мы приняли на свое содержание несколько молодых людей, приехавших из Турции, и в продолжение десяти лет они кончили с успехом курс в университете, академии, художественном классе, военном училище. Некоторые заняли места учителей в разных городах Турции, и в беспрерывной борьбе с препятствиями и затруднениями делают свое дело.

В 1867 году съехались в Москву почти случайно на этнографическую выставку Славяне всех племен, увидели воочию свое единство, почувствовали свое родство, а говорить между собою затруднялись и принуждены были прибегать к помощи иностранных языков. Очень естественно пришла многим в голову мысль избрать какое-нибудь Славянское наречие общим литературным языком. Церковный язык, язык Свв. Кирилла и Мефодия, славный между всеми племенами и употребительный у всех православных Славян, представлял как бы соединяющее звено и готовое посредничество. Ближе всех к церковному языку наречие Русское, которое заключает вместе многие свойства отдельных наречий, что прекрасно замечено некогда М. А. Максимовичем[1378], здесь присутствующим; и потому представляется легче для изучения; вместе с тем, оно достигло высшего развития, имеет богатую литературу и обширный круг действий в 70-тимиллионном народе. Австрийские Славяне — Чехи, Мораване, Словаки, Словенцы, Кроаты, Сербы — сказали в один голос: «Мы учимся и мучимся с молодых лет над Немецким языком, и говорим по-Немецки, насилуя себя, — так естественнее и легче нам учиться по-Русски». Решено было содействовать всеми силами употреблению Русского языка, между Славянскими племенами.

Вот и увеличились занятия комитета. Мы должны были принять меры, чтоб облегчить изучение Русского языка между всеми племенами, — то есть доставлять им книги и учителей, ободрять тех, которые выучиваются и могут принять на себя обязанность учить других, — а это все люди бедные, недостаточные. Молодые люди в Люблянах[1379]

(по-Немецки в Лайбах) решились хлопотать об учреждении там нового университета, где все науки преподавались бы по-Русски. Положим, их намерение осуществится хоть лет через пятьдесят, но одна мысль, которой нельзя не радоваться, заслуживает полного нашего внимания и сочувствия. Мы посылаем Русские книги в будущую университетскую библиотеку. Вообще книг уже послали мы к Славянам тысяч на пятьдесят, благодаря усердию издателей, сочинителей и книгопродавцев. Русским языком мы строим в Европе такие себе батареи и верки[1380], пред которыми не значат ничего каменные и земляные укрепления, исключая Киевских.

С языком тесно связано православие, которое исповедывалось сначала всеми Славянами и ныне исповедуется некоторыми Болгарами, Сербами, Русинами. Для православия открываются блистательные виды. Многие Англичане, Немцы, Французы, Американцы склоняются на его сторону, а католичество, поколику оно находится в совершенном противоречии с духом и потребностями времени, возбуждает много неудовольствия даже между Итальянцами. Протестантство ведет к неверию. Взоры всех обращаются на восток. Должны ли мы содействовать этому новому движению религиозной мысли в Европе? Не тяжкий ли религиозный, политический и национальный грех возьмем мы, Русские, себе на душу, если будем коснеть, сложа руки и спустив рукава, и не будем пользоваться благоприятными обстоятельствами? Никто мешать нам не может, ничто останавливать нас не смеет. Католики действуют в пользу своей пропаганды, протестанты действуют в пользу своей пропаганды, даже на восток между чуждыми им Греками, Арабами, Славянами: почему же мы не имеем права действовать между своими единоплеменниками, почему же мы, Русские, не имеем права помогать своим единоверцам?! Католическая Чехия находится в этом отношении в особенных обстоятельствах. Она праздновала недавно пятисотлетие памяти Гуса[1381], этого славного своего проповедника и ревнителя, изображенного прекрасно в недавно вышедшем сочинении проф. Бильбасова[1382], нареченного вашего секретаря, — а Гус был близок к православию и учил приобщаться под двумя видами, вопреки правилам папства. Мы послали Чехам чашу на память, но не знаем, дошла ли она благополучно.

Таким образом, круг наших действий распространился еще далее, — образование, язык, содействие православию, а средства остались те же — пособие от министерства до двух тысяч, сбор с членов

за билеты, публичные чтения, всего на все тысяч до трех в год. Являются, впрочем, благодаря Бога, частные благотворители: И. И. Четвериков[1383] пожертвовал, например, недавно до 50 парчевых облачений в Славянские церкви, где служба совершается в холщевых ризах, а образа писаны на бумаге. Можно вообразить, какую радость доставили нам такие богатые дары. Церковные книги сообщит, вероятно, Киево-Печерская Лавра[1384].

Теперь обратимся ко вновь открывшимся средствам.

Петербургский отдел снял с нас часть бремени. Одесское настоятельство принимает участие[1385]. Киев начинает действовать. Если еще в Казани устроится особое отделение, то смело можно предречь лучший успех нашему делу.

Вам угодно слышать личное мое мнение о предлежащих действиях: мне кажется, что нам всем следует сосредоточить пока наши старания на Русском языке и на учреждении училищ, где они нужны, но с условием преподавания там Русского языка. Всего бы лучше, кажется, разделить нам помощь Славянским племенам по нашим отделениям. Мы в Москве начали с Болгар; Болгария пусть и останется поприщем наших действий. Босния и Герцеговина, особенно знакомые председателю Петербургского отдела, А. Ф. Гильфердингу[1386], пусть принадлежат Петербургскому отделу. К Киеву всего ближе Галиция; митрополит здешний до сих пор титулуется Киевским и Галицким; Киевский отдел может принять на себя попечение о Русских в Галиции и Венгрии. Казанское же или другое какое отделение — о Словинцах, Словаках и пр., и пр. Такое распределение не исключает, впрочем, общего радения о всех и о вся, кроме политики, которой мы знать не хотим. Мы говорим это открыто. Пусть Славяне живут, где и как указал им Бог. Мы думаем только о подании им духовной и нравственной помощи, так как мы всех богаче, сильнее, независимее, многочисленнее, — а помогать братьям есть священная обязанность.

Чего мы должны ожидать от них? Ничего — даже и благодарности. Благодарность ведь вообще самая редкая добродетель. Простой народ, впрочем, везде за нас и за Белого Царя; в так называемых образованных сословиях таится подозрение, не хотим ли мы покорить их под свою власть. Да Бог с вами! Можем мы отвечать им, на что нам вы? Земли у нас столько, что мы не знаем, что делать и как управиться с нею. А народу у нас 70 миллионов да нарождается всякий год по миллиону: какую же разницу сделает в нашей силе какая-нибудь

новая губерния с несколькими стами тысяч жителей? Только Поляки этого понять не могут. Впрочем, пусть думает, как кто хочет. Мы хотим только делать добро и притом совершенно бескорыстно, так чтоб не ведала шуйца, что творит десница[1387].

Еще два слова. Старайтесь, Милостивые государи, чтоб не было никаких формальностей, никаких китайских церемоний и бумаг под нумерами. Нужно только раз в месяц или два уведомлять комитет о своих действиях, дабы не оказывалась помощь вдвойне, когда у нас не хватает часто сил сделать что-либо и однажды.

Вот все, что я считал нужным сообщить вам, Милостивые государи. Здешний попечитель по уведомлению Московского начал уже действия. Он сообщит нам о них вместе с вами; мы перешлем в Азиатский департамент[1388] ваше желание — и утверждение последует немедленно. Итак, помолясь Богу, пред святой иконой Кирилла и Мефодия, наших покровителей, которую пожертвовал уже вам почтенный ревнитель, слепец Г. И. Ширяев[1389], вы вскоре можете начать действия. Желаю вам доброго успеха и повторяю глубочайшую благодарность от Московских и Петербургских членов комитета и от всех тех Славян, на которых в будущем прострется ваша благотворная и добродеющая рука. Отслужив часы, мы можем отправиться теперь в церковь*.

* Заседание происходило перед обеднею в день Покрова.

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В СОБРАНИИ СЛАВЯНСКОГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА, 1869 года, Февраля 11 дня

После торжественного священно-служения в память о кончине св. Кирилла

Ныне исполняется тысяча лет с тех пор, как скончался Св. Кирилл[1390], изобретатель Славянской грамоты, переводчик, вместе с братом своим Мефодием[1391], Священного Писания, просветитель Христианскою верою всех Славянских племен более или менее.

Тысячу лет многие из них пользуются благодеяниями Свв. Кирилла и Мефодия, и первое место между ними занимаем мы, Русские, удержавшие богослужение, введенное равноапостольными братьями во всей полноте и чистоте. В сию минуту в Божьем храме слышали мы глаголы живота[1392], произнесенные впервые Свв. Кириллом и Мефодием за тысячу лет, как будто бы только вчера они были сложены. В собрании Славянского Комитета почитаем священным долгом помянуть в этот знаменательный день, хотя вкратце, «старыми словесы»[1393] великих Славянских первоучителей.

Жизнь их представляет высокое, умилительное и назидательное зрелище; они поражают своими подвигами воображение и ум всякого мыслящего испытателя судеб народных и человеческих. Это почувствовали глубоко, выразили горячо самые первые причастники их учения.

Сочинитель службы Св. Кириллу, живший, вероятно, вскоре после него в конце IX столетия, сравнивает прямо Славянского учителя, по случаю кончины его в Риме, со Свв. первопрестольными апостолами Петром и Павлом[1394]: «Блажен град, приимый *третьего совершителя Божьего смотрения:* той убо верховную светилу (Петра и Павла) останки наполняя явися блаженный сей: тем же и с ними повел ему Господь Бог пречестный покой прияти».

Так точно и в новое время между учеными высшего образования воздали трудам Свв. Кирилла и Мефодия подобающую хвалу. Шлецер[1395], иностранец, один из первых всесторонне образованных историков своего времени, начавший преобразование своей науки,

принадлежащей к тому народу, который наименее способен чувствовать и ценить что-либо Славянское, — сказал, лет 70 тому назад, в заключение своих исследований о трудах Свв. Кирилла и Мефодия: «Приветствую вас, бессмертные изобретатели Славянской грамоты! Вы первые дерзнули грубый язык, имеющий множество ему только свойственных звуков, взять, так сказать, из уст народа и писать греческими буквами; в этом деле поступили вы как люди, отличным умом одаренные, и для каждого особенного звука, которого Грек не имел в своем языке, изобрели вы новые особенные знаки или буквы...» Римский проповедник говорил: «Верь слову Божию, возвещаемому тебе твоим священником, но точно ли его он возвещает, смотри сам, вот оно на твоем языке». Этого мало: перевод свой начинают Кирилл и Мефодий Новым Заветом, содержащим в себе такое только нравоучение и историю, которые понятны для всякого мыслящего человека при первом его выходе из грубого состояния. Из Ветхого же Завета выдают они на первый раз только Псалтырь, книгу полезную для возбуждения благоговения народного.

Дальше Шлецер объясняет, каково было положение всего Запада в отношении к принятому христианству, сравнительно с миром Славянским. Вы понимаете, — говорит он, обращаясь к своим читателям, — что должны быть учители религии, учители народа или священники, которые могли бы и должны бы наставлять грубых невежд, исправлять порочных, утешать больных, приуготовлять умирающих; но римско-католические священники не могут говорить с ними, даже наружные обряды религии должны отправлять на языке непонятном для народа! Не возмущает ли это человеческого рассудка? Однако же это стерпел тупой Немец, германский Венд, Поляк, Датчанин, Швед; но не Моравский, Богемский и Панонский Славянин (прибавим: Болгарский, Сербский, Русский). Честь и слава Славянскому рассудку!»

Шлецер рассматривал событие с общей отвлеченной, так сказать, философской, космополитической[1396] точки зрения и ценил его сравнительно с соответствующими событиями в истории прочих народов. Взглянем на него относительно Русской истории, относительно Русской жизни, как она, благодаря трудам Свв. Кирилла и Мефодия, слагалась, в каком положении находится теперь, и чем обещает в благоприятных обстоятельствах сделаться впредь.

Богослужение на родном общевразумительном языке, скажу смело, есть краеугольный камень нашего нравственного состояния, залог

нашего будущего развития и преуспевания, и вместе условие до сих пор нашего политического значения. Если Русский народ не совершенно загрубел, одичал, не лишился человеческого образа, ни вследствие двухсотлетних княжеских междоусобий, ни вследствие почти трехсотлетнего Монгольского ига, ни вследствие других враждебных событий, если не погасла в нас, несмотря ни на какие бури и вихри, внешние и внутренние, искра святого огня, способная в счастливое время воспылать, пролить свет и теплоту на пространства неизмеримые, то этим счастием обязаны мы богослужению на родном языке, учрежденному Свв. Кириллом и Мефодием. Нет цены, нет меры, нет счету для этого их вековечного благодеяния. Здесь все нравственное, сердечное, умственное до сих пор сокровище Русского народа — говорю о большинстве. «Господи помилуй», «Отче наш»[1397] — вот где вся его мудрость, вот где его насущный благодатный хлеб, которым он тысячу лет питается из рук Свв. Кирилла и Мефодия, и который спасает от голодной смерти его тело и его душу. Здесь вся его теология, философия, мораль, поэзия, медицина.

Какие происшествия составляют сущность Русской истории, главные наши эпохи?

Основание государства,

Принятие христианской веры,

Столица Москва, собравшая Русскую землю,

Донское побоище,

Освобождение России от Поляков,

Полтавская победа,

Сожжение Москвы в 1812 году, — и самое к нам близкое, самое радостное, животрепещущее, — это освобождение двадцати пяти миллионов крепостного народа!

Великие события! Так вот между этими великими событиями богослужение на своем языке занимает первое место, рядом со введением христианской веры при Св. Владимире, — относительно благодетельного действия на совокупность всего Русского народа в продолжение истекшего тысячелетия.

И не только занимает оно одно из первых мест, но условливает все прочие, служит им или основанием, или утверждением, и распространением. Так например, в сражении на Куликовом поле душою восставшего народа был Св. Сергий[1398], а рукою — Дмитрий Донской[1399]; так в освобождении Москвы от Поляков Гермоген, Иосаф, Дионисий,

Палицын[1400] участвовали столько же как Пожарский, Минин и Сусанин[1401], возбуждая народ восстать за дом Пресвятой Богородицы.

Вот что сделали для Русского народа Свв. Кирилл и Мефодий.

А несчастные Болгары и несчастные Сербы, стонущие века под игом варваров? Чем поддерживается их убогая жизнь, чем питаются их надежды, чем облегчается их несносное бремя? Славянским Кирилловским богослужением, кроме которого у них нет уже совершенно ничего.

Кирилл и Мефодий — первые, и увы, по сих пор последние истинные панслависты[1402], — должны быть символом общего обновления. Славянский церковный язык, язык Священного Писания, их наследие, должен сделаться средоточием связей всех Славянских племен, основанием их единства, условием их своеобразного развития, средством возбуждения к новой жизни, к освобождению от всякого ига, духовного и вещественного — язык, прошедший цело и невредимо чрез все испытания, чрез все пожары и наводнения, чрез все войны и нашествия, несмотря ни на какие козни, ухищрения и сатанинские усилия врагов, достигший высокой степени совершенства по всем почти наречиям в творениях великих писателей. Язык — это наше сокровище, наша крепость, наша честь и слава, опора нашей национальности, якорь нашего спасения, залог наших успехов.

При начале Славянской истории, по какому-то таинственному предопределению, одним и тем же рукам досталось рассыпать одни и те же святые семена по всем странам Славянским. О, если бы теперь, исполняющемуся тысячелетию, эти семена, прозябшие в продолжение многих веков, в родимой почве, дали свой плод, если б везде раздались вещие звуки, и встрепенулось одинаково сердце у всех разномыслящих братьев!

О, если бы возродились они все в едином любовном чувстве, и сознали себя единым родственным семейством, единым народом!

Вот была бы достойная награда нашим бессмертным учителям, вот на что бы они откликнулись, кажется, с высокого неба и ниспослали бы нам долу отеческое благословение.

Вот было бы вместе и сладчайшее утешение, лучшее выражение нашей признательности трудам, усилиям и заботам дорогих покойников, которых мы в последнее время, одного за другим, отнесли в могилу — Шафарика, Ганку, Зубрицкого, Коляра, Сметану, Челаковского, Аксаковых, Киреевских, Хомякова, Шевырева[1403] вслед за Милу-

тиновичем, Юнгманом, Линде, Венелиным, Иннокентием, Прешлем, Добровским[1404]. Помянем здесь на празднике Славянской любви и Мицкевича с Лелевелем[1405], оплакивая их роковое ослепление.

Увы! Никто из них, умирая, не мог воскликнуть с Симеоном: *Ныне отпущаеши, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему с миром, яко видѣша очи мои спасение Израиля!* [1406] Увы! Все они скончались в душевных муках, не видя единого луча надежды, истекая кровью, точившеюся из сердца.

Будем же, братья, молиться молитвами святых Кирилла и Мефодия все вместе, без различия вероисповеданий, прощая друг другу и враг врагу, будем молиться едиными усты и единым сердцем милосердому Богу, *да не до конца Он прогневается, ниже во век враждует*[1407]. Будем молиться, да снизойдет к нам мир, и будет из всех Славянских племен, хотя в нравственном и духовном смысле, едино стадо и един Пастырь!

ИЗ КНИГИ М. П. ПОГОДИНА «ОСТЗЕЙСКИЙ ВОПРОС. ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНА К ПРОФЕССОРУ ШИРРЕНУ»

I

<...> Начну с начала. Мне кажется, вы ошиблись, называя свой ответ лифляндским. Ливы, давшие свое имя Лифляндии, — Эсты, от которых произошло имя Эстляндии, — и Куры, старожилы-хозяева Курляндии не имеют ничего общего с Немцами, составляющими предмет вашей филиппики-иеремиады, или вашего пасквиля-элегии. Они, то есть, Ливы, Эсты и Куры, искони подданные русские, с первого поселения Немцев между ними питали к ним жесточайшую ненависть, старались всеми силами избавиться от незваных гостей, входили в разные союзы и принуждены были, наконец, уступить только силе, когда Россия, покоренная, между тем, Монголами, лишилась возможности им помогать и должна была от них на время отказаться. Впрочем, кровопролитные восстания туземцев против немецкого владычества в продолжение этого периода не прекращались: напомню, для примера, крестьянскую войну в Эстляндии в 1343 г.[1408], веденную через двести пятьдесят лет после вашего водворения. Так было и в продолжение всех шести-семи сот лет даже до настоящего времени, когда Немцы, судя по всем известиям, не могут похвалиться привязанностью туземцев, которые, потеряв терпение, спешат со всех сторон выселяться и покидают толпами землю, орошенную их потом и кровью. <...> Следовательно, ответ ваш отнюдь нельзя назвать лифляндским. Лифляндский ответ построился бы совсем на другой лад, противоположный вашему. Ваш ответ есть ответ немецкий, или, пожалуй, личный, если ваши соотечественники от него откажутся. <...> Ошибка вашего заглавия — следствие вашего вольного или невольного ослепления, отражается на всем вашем сочинении, пропитанном желчью. Вы везде говорите об Остзейском крае, как будто бы он был исключительно Немецкий край, как будто там жили и владели одни Немцы. Вы не хотите знать Латышей и Эстов, исконных хозяев земли, как будто бы их и не было на свете.

Говоря беспрестанно о провинции, зачем же вы не объяснили, что это за провинция? Есть ли эта провинция органическое целое, из одного куска состоящее? Вы забываете, что эта провинция состоит из двух несоразмерных между собою частей: туземцев-старожилов, Латышей и Эстов, и из пришлого племени, которое составляет ничтожную часть населения, Немцев, овладевших всею землею и не оставивших настоящим хозяевам ни пяди ее: вы, повторяю, как будто и знать не хотите, что вас в крае меньше 200 тысяч, а Латышей и Эстов более 2-х миллионов, то есть, что вы относитесь ко всему населению меньше чем 1:10.

Согласитесь, что такою постановкою вопрос совершенно изменяется.

II

<...> Вы толкуете беспрестанно о владении: «Мы, наше, наши права, наша земля», как будто бы вы выросли на ней и составляли все ее народонаселение. Но позвольте вас спросить, что ж такое вы? Кто вы? Откуда вы? Когда и как вы пришли? Почему это ваша земля и какое право имеете вы на нее? Не с такими ли же правами Швеция в благоприятных обстоятельствах может воскликнуть: мы, наше? А Дания поднимется в подобном случае с другой стороны, и, в свою очередь, подаст голос: мы, наше! Наконец, вступится, пожалуй, Польша и закричит громче всех: мы, наше! Да сами епископы, истые природные Немцы, поднявшись из каменных гробниц рижского собора, возопиют гласом великим, обращаясь ко всем претендентам: прочь, это все наше!

Вы забываете, милостивые государи, что особенно непростительно вам, как профессору русской истории, что прежде всех, то есть, прежде Немцев, Поляков, Шведов и Датчан, Балтийское поморье принадлежало России. «Се суть инии языци, иже дань дают Руси (говорит древнейший наш летописец одиннадцатого века Нестор, — говорит слишком за сто лет, прежде чем показались Немцы в устье Двины), Чюдь, Ямь, Литва, Земигола, Корсь, Нарова, Ливь[1409]. Си суть свой язык имуще, от колена Афетова, и живут в странах полунощных». Чудь жила в Эстляндии, Нарова, где ныне Нарва, Емь в южной части Финляндии, Ливь в Лифляндии, Корсь в Курляндии, Земигола в Семигалии, Литва в Ковенской губернии. Балтийское поморье искони

находилось в подданстве русских князей. Ярослав в 1030 году основал Дерпт, который тогда назывался в честь его христианского имени Юрьевым для собирания дани с окрестных жителей.

Все эти страны покорены были, без всякого сомнения, еще Рюриком[1410], основателем русского государства. <...> Жизнь первых наших норманских князей проходила в беспрерывных походах на восток, запад, юг и север: так действовали — Олег, Игорь, Святослав, Владимир, Ярослав[1411]. Не может быть, чтоб первый из них, Рюрик, призванный Новгородцами, сидел, склавши руки, семнадцать лет в Новгороде. Он верно обрабатывал дело около себя, подчиняя себе соседние страны, как поступали Норманны везде, где селились. Вот когда покорено было все Балтийское поморье по реке Неман, которого ближний северный рукав и назван Руссою, а Курский залив[1412] — Русною, почему и смежные страны получили тогда же у нас имя Порусья, Пруссии, Borassia, Preussen.

Исландские саги ясно свидетельствуют, что Владимиру[1413], когда он княжил еще в Новгороде, Балтийское поморье платило дань и притом издавна. Когда же оно могло быть покорено? Иного времени назначить нельзя, кроме Рюрикова.

Первый ваш епископ, Мейнгард[1414], *испросив* только *позволение* у Русского Полоцкого князя, мог выстроить свой монастырь и первую крепостцу в устье Двины в 1186 году, что засвидетельствовано, к нашему счастью, вашим достоверным летописателем Генрихом Латышом[1415].

<...> Алберт, третий епископ[1416], — охотно сознаюсь, — один из великих людей Германии, построил Ригу в 1201 году и учредил Ливонский, так называемый орден Меченосцев, которым поручил покорять и обращать окрестные страны, предоставляя им третью часть приобретаемых ими земель, что они успешно и приводили в исполнение. Но долго еще продолжаются в самых Ливонских летописях следы Русского подданства.

<...> Рыцари отняли, наконец, всю землю у духовенства, не посмотрев ни на какие договоры, условия, акты, буллы, не посмотря и на свое недавнее подданство. Но и им часто приходилось плохо: они вскоре принуждены были подчиниться на несколько времени соседнему Немецкому ордену, владевшему в Пруссии.

Сколько перемен одна за другою следовали в судьбах и управлении Остзейского края в продолжении этих перипетий!

Очнулась, наконец, и Россия, которая свергла, между тем, Монгольское иго. При первом столкновении из-за Псковских споров, Москва, считавшая их уже своими, напомнила Немцам о подданстве Балтийского поморья русским государям. Началась продолжительная война. В 1499 году Иоанн III велел построить крепость Иван-город против Нарвы к величайшему беспокойству Немцев. Это был первый часовой, поставленный наблюдать до времени за древнею Русскою областью. <...> В 1509 году, при возобновлении перемирия[1417], магистр *обязался блюсти Русские православные церкви* в Ливонии. (Заметим, что в грамоте на имя Великого князя Василия Иоанновича давался ему титул Императора.) <...> Немцы униженно просили равноправности в 1533[1418] году с Русскими, а теперь, в 1869 году, мы просим их об этом, хоть и считаемся их господами. Вот как времена переменились, и надо признаться, к стыду нашему!

<...> В крайности, Кетлер[1419], последний магистр, предался Польше, и владения Ордена разделились между им, Польшею, Швецией и Данией. Курляндия, как наследственное герцогство, предоставлена магистру. Часть, завоеванная Россией, отошла от нее вследствие новой войны, начатой за Ливонию польским королем Стефаном Баторием, и возвращение Ливонии отложилось на сто слишком лет до времен императора Петра Великого. Петр Великий, начав войну со Швецией неудачно, под Нарвою, кончил решительной победой под Полтавою и возвратил России Балтийское поморье. Обращаемся к этому времени.

III

Вы ссылаетесь на капитуляцию, подписанную фельдмаршалом Шереметевым и принятую императором Петром I[1420], и думаете утверждаться на ней, как на незыблемом своем основании. Поговорим о ней сперва вообще.

Разве возможно, позвольте вас спросить, даже физически остановиться на этой точке вашего замерзания? Всякое государство в мире подчиняется своим законам развития и проходит разные его степени. При естественном порядке вещей оно не может, не исключая самого Китая, оставаться в одном положении, как в целом, так и в частях. Случилась революция во Франции: она уничтожила не только

все особые привилегии провинций, но и все свое общее законоположение.

Можно ли было от нее требовать, чтоб она в этом общем перевороте сохранила феодальные преимущества Эльзаса или Лотарингии?

Продолжаю примеры:

Разные владения пользовались пошлиною на Рейне и должны были отказаться от нее, когда вся река объявлена свободною.

Наполеон III с знаменитыми юристами Франции нашел законным секвестровать имения Орлеанской фамилии, находя их владения несовместимыми с безопасностью и пользою французского государства.

Императрица Екатерина дала грамоту российскому дворянству[1421] за себя и за своих потомков; но эта грамота, в силу обстоятельств, должна была в наше время измениться сама собою. Ливония несколько раз переходила из рук в руки и никогда не оставалась в одном своем положении. Все владетели ее чрез короткое время по присоединении видели невозможность, по своим обстоятельствам, оставлять ее in status quo и вводили перемены в ее управлении. Так поступали и Шведы, и Поляки при самых лучших и умнейших своих государях, по собственным вашим показаниям.

Так тотчас увидела и императрица Екатерина, указала разные преобразования, о которых вы отзываетесь так глухо, спеша, не к чести своей, как бы во избежание улик, обратиться к императору Павлу.

Да вы сами, то есть рыцари, разве оставили землю в том положении, как она была у епископов?

Перед нашими глазами в самой Германии совершаются события, которые вполне противоречат притязаниям вашим, господин Ширрен. Не лишена ли Саксония верховного права над своим войском, хотя она есть и независимое государство — свой брат, не так, как Остзейские губернии, переменившие пятерых господ? А Ганновер, а Гессен, а Нассау потеряли не только то или другое право, но самую независимость. Так требуют обстоятельства. Пруссия нашла нужным присоединить их к себе без всяких околичностей (что, вероятно, вы одобряете!?) и ввела там везде свое законоположение, а вы хотите, чтоб мы только, владея уже вами по всем правам, не осмеливались прикасаться к вашему средневековому устройству, вредному для подданных империи, в наше время. Да если б вы были до сих пор свободны и независимы, то мы теперь должны бы покорить вас с большим

правом, чем Пруссия покорила Ганновер, Гессен, Нассау и вольный город Франкфурт.

Скажите, какое независимое, самостоятельное государство в Европе сохранилось в таком положении, в каком было в 1710 году? Вы хотите, чтобы только мы, Русские, победители, работали, терпели, страдали и берегли покоренную провинцию под стеклянным колпаком, дабы ее рыцари спокойно могли пользоваться феодальными похищениями. В таком случае выгоднее быть побежденным, чем победителем.

Новые обстоятельства испокон века изменяют статьи договоров даже между равноправными, независимыми сторонами. <...>

Ясно ли, что Ништадтским миром[1422], заключенным через десять лет после Шереметевской капитуляции, Лифляндия поступила в безусловное подданство русского государя?

Напрасно, господин Ширрен, говорите вы и вообще: “Страна, построенная правом, не может покориться инстинкту”.

Каким правом? Кто имел право? Епископы? Рыцари? Шведы? Датчане? Поляки? Что говорили епископы рыцарям об этом праве или рыцари епископам? А что вопиют так называемые вами латышские и эстонские шакалы? <...>

Вам тяжело сознавать себя, чувствовать себя русским подданным. <...> Мы ничего не имеем сказать против этого чувства: насильно мил не будешь. Но кто же мешает вам оставить русское подданство? Идите, куда вам угодно, на все четыре стороны, идите, как пришли, т. е. в чем мать родила; но вы хотели бы уйти с землею, а это несправедливо и невозможно: земля принадлежит, во-первых, тем, кто заселил ее прежде вас, кто ее обрабатывал для вас семьсот лет, и потом тем, кому она платила дань прежде вас, и кем она завоевана не у вас, а у ваших врагов и ваших господ.

Ваше народное самолюбие страдает, — я понимаю это, — и если б родился в Галичине, то страдал бы не меньше вашего, обязанный признавать власть австрийского императора, употребил бы все усилия, не побоялся бы никаких пожертвований, чтоб возвратиться в святую Русь, под покровительство белого Царя: зачем же у вас дело стало?

Знаете ли что? С вами ведь можно сладить и успокоить, даже не шевеля костей фельдмаршала Шереметева и не уничтожая ни одной йоты в капитуляции.

Запретить привоз русских товаров в Ригу и в те остзейские гавани, которые недовольны соединением своим с Россией и имеют какие бы то ни было притязания; дозволить торговлю только с безусловно покорными подданными. Тотчас и откажется большая часть балтийских городов от всех своих пергаментов! Кенигсберг и Данциг, несмотря на кровное родство с вами, возрадуются такому решению и поспешат построением железных дорог, ведущих к ним мимо вас. Ну, вот вы и будете принуждены упасть в ноги к великодушному своему Государю и принести ему с повинною головою изодранную капитуляцию фельдмаршала Шереметева!

Да не хотите ли вы совершенной независимости, не только со старыми правами и дарованными привилегиями, но с полным внутри себя самодержавием? Возведите около себя хоть китайскую стену или прокопайте канаву поглубже, чтоб и ветром на вас не пахнуло с русской варварской стороны! Как вы думаете: проживете вы долго без нашей помощи?

Без шуток, правительство царя Ивана Васильевича Грозного употребило подобную меру с успехом для усмирения балтийских Немцев своего времени, и вам не худо подумать о ней, господин профессор! <...>

IV

Покончив с историческими справками, мы спрашиваем вас: чего хотите вы?

Мы хотим, отвечаете вы итогом, свободы совести, немецкого управления, немецкого языка, немецкого права (Ширрен, с. 116).

Свобода совести. Пользуйтесь ею, сколько угодно; оставайтесь протестантами, кальвинистами, гернгутерами[1423]; поклоняйтесь Магомету или Изиде, Кришне[1424], — мы вам никогда не мешали, не мешаем и мешать не будем.

Но если ваши рабы, работавшие на вас в продолжение семисот почти лет и худо наученные вами закону Божию, желают присоединиться к нашему православию, то и вы не мешайте им также, и предоставьте им такую же свободу совести, какою пользуетесь сами, какая вменена вам в обязанность даже капитуляцией фельдмаршала Шереметева: §10. «Однако же в таких уступленных землях не имеет никакое принуждение в совести введено быть... и вера Греческого ис-

поведания впредь також свободно и без всякого помешательства отправлена быть может и имеется». Слышите?

Немецкое управление. Судитесь между собою, как вам угодно, но если Русский подвергается у вас каким бы то ни было обвинениям или взысканиям, то он в Русской империи не может судиться иначе, как по русским законам и на русском языке.

Лифляндца, Эстляндца, Курляндца мы не можем оставить под вашим безусловным судом, потому что семисотлетним своим управлением вы доказали свое пристрастие и довели их до того, что у них не осталось ни кола, ни двора, между тем как вы пресыщаетесь всякими благами. Лифляндцы, Эстляндцы и Курляндцы должны быть изъяты из вашей юрисдикции или, по крайней мере, пользоваться третейским судом, т. е. с участием Русских.

Немецкий язык. Мы чтим и уважаем немецкий язык и желаем ему всякого преуспеяния вашими трудами, на славу германской литературы.

Вы не хотите учиться по-русски и говорите (с. 81): «Русский язык, вводимый везде (?), портит наши школы, замешивает наше управление, угрожает нашей культуре. И мы должны молчать!»

Бедный Русский язык, какие злокачественные миазмы ты заключаешь в себе! Каково отзывается о тебе русский подданный, профессор в русском университете, получивший воспитание на русские деньги!

Не могу удержаться от эпизода: Немцы учатся всем языкам на свете, с одинаковым жаром трудятся над разбором египетских иероглифов и клинообразного письма вавилонского, исследуют все наречия в мире, во внутренней Африке и Америке; если б пришло хоть неверное известие о прослышанных языках на луне, то они тотчас стали бы думать, как бы туда забраться (а Англичане, как смастерить для них лесенку) и прислать бы оттуда данные для сравнительной грамматики Боппа и Потта[1425]: только русским языком они не хотят заниматься, несмотря на то, что считаются подданными Русской империи, находятся в беспрерывных сношениях с русскими людьми, едят русский хлеб; несмотря на то, что русский язык в системе языков занимает одно из первоклассных мест! Не знаю, как объяснят себе это сами читатели, а я очень рад и крепко жму руку г. Ширрену, повторяя за ним: «Если б я родился Русским, любил бы, разумеется, свое отечество и должен был бы сказать свое мнение, то я позволил бы молодежи в остзейских провинциях учиться по-Китайски, по-Французски, только не по-Русски».

Я совершенно согласен с вами: крайности сходятся! Браво, г. Ширрен: учитесь по-китайски, по-французски, только не по-русски! Почему же я так думаю? А вот почему: Немцы перебивают теперь дорогу Русским по всем отраслям службы: военной, гражданской и ученой; выучите их всех русскому языку да от них нигде отбою не будет, и бедные Русские должны будут только ходить за сохою и бороною и довольствоваться только черными работами. Итак, слава Богу, что остзейские Немцы не хотят учиться по-Русски! Я стал бы гладить их по головке за их отвращение от русского языка и никак не порицать, не ободрять к его изучению себе во вред.

Немецкому языку для Немцев должно покровительствовать, как языку образованному, которым говорит часть, хотя ничтожная, государственного народонаселения. Русить Немцев — оборони Бог от такой святотатственной мысли, которой не понимают только сами Немцы, относительно других национальностей.

Итак, главные требования, вами заявляемые, соблюдаются свято в отношении к вам: вы, Немцы, исповедуете свою религию, говорите своим языком и управляетесь своими законами. Но для вас делается гораздо больше. <...>

Представим теперь несколько отрывков из приговоров г. Ширрена Русскому народу.

«Herrschende Race»[1426], повторяете вы беспрестанно с иронией, представляя Россию не органическою единицею, не цельным куском, но агломератом[1427] нескольких племен, из которых одному-де удалось захватить на время власть над остальными. Помните ли вы, что говорите? Русских в России нельзя называть племенем в государственном, политическом смысле: это есть Русский народ.

<...>«Ваш народ, — объявляет г. Ширрен г. Самарину, — не зрел и недостоин властвовать над нами. Вы произносите ему суд, издеваясь над нашими учреждениями, с которыми мы желаем лучше оставаться в угнетении и муках, лучше сносить их тесноту и духоту, нежели получать *от вас и вашего племени* (!) простор и свободный воздух. Посадите свой инстинкт на цепь и выучите его управлять собою — вот простор, которого мы требуем. Отдайте нам свободу совести — вот воздух, которого мы желаем» (Ширрен, стр. 101). <...>

«Если б, по крайней мере, — продолжает г. Ширрен свою речь, — в характере вашего племени вы могли предъявить превосходство, дающее право властвовать над другими племенами; если б вы могли обе-

щать нам управление, хотя отяготительное, но, все-таки, сильное и последовательное: это, все-таки, было бы что-нибудь, и мы сумели бы распорядиться». (Можно ли выразить презрение оскорбительнее?). «Главный признак крепости силы надеяться на самих себя».

«...Совершенно со всех сторон подвергшийся нападениям и угнетению, колоссальный народ Русский уберег свое тяжелое существование: с востока терзали его Монголы, с юга — Татары и Турки, с запада — Поляки, Шведы, Немцы. Как бы то ни было, инстинкт учит: единственный путь к свободе и образованию — отмщениями, и никакого достойнейшего употребления нельзя сделать из снисканной возможности двигаться, как мучить, в свою очередь, Монголов и Турок, как угнетать, в свою очередь, до крайности Поляков, Шведов, Немцев. Только таким образом нация приходит к самопознанию». Вот какие любезные добродетели приписывает нам господин Ширрен.

<...> Стр. 103: «И в этой роли не изменяет себе древнеславянская страсть считать себя страдающей и обижаемой! Сила давить, ярость разрушительная ниспровергает последние границы, а дикая прихоть удерживает истерическую мину оскорбленной невинности. Вот он — инстинкт племени: великий народ неистовствует и вместе с тем плачет о своей незаслуженной участи. Это больше Тиберия[1428]!» Читая эти слова, нельзя не вспомнить об одной эпиграмме Пушкина, где он говорит об опиуме чернил, разведенном слюною бешеной собаки[1429].

Стр. 103: «*В несчастном круговращении инстинкта движется половина вашей истории.* По правде можете вы скорбеть о бессилии изобрести национальное управление, и в стремлении к национальному образованию лежит не неразрешимое противоречие. Но желать образования и не отказываться от инстинкта невозможно, и в сущности, все это стремление к национальному образованию есть только болезненное стремление следовать необузданному инстинкту, который душит всякое образование в семени. Здесь лежит противоречие, которого ничем разрешить нельзя». «Кто станет отказывать вашему народу в счастливых способностях; но в вашем характере не нахожу я ничего, что давало бы вам право на властвование: ни степенности, ни меры, ни выдержки, ни некоторого рода умения пользоваться опытами, чтоб не попадать беспрестанно в одни и те же мечтания. Настроений нахожу я довольно, но никакого твердого правила». «Едва ли есть какой другой народ, который бы в равной степени ошибался

относительно расстояния между желанием и возможностью, между намерением и исполнением». «Только таким образом объясняется страшная мечта, с которою предаются у вас мысли об исторической миссии...».

<...> Стр. 104: «У нас (в Остзейском крае) сомневаются, чтоб Россия на положенном пути, при продолжающейся иллюзии о достоинстве своих действий, достигла той цели, к которой ныне мечтает себя подошедшею. Это было бы в первый раз с тех пор, как свет стоит, чтоб народ приобретал что-нибудь, *не учась ничему и не сделав ничего.* В злополучном ослеплении у вас льстят себе некоторым параллелизмом с Америкою. Американский народ в высшей степени трудолюбив, практичен, исполнен самого живого почина — Русский народ беззаботен, умерен до любезности, до варварства, *и совершенно неспособен сотворить из себя самого что-нибудь значительно прочное.* Таков он был во все времена и не видать ни малейшего признака, чтобы его натура сколько-нибудь изменилась». Стр. 105: «Эту неспособность творить и выдерживать (ausharren), эту силу в затеях (Illusionen) и это бессилие в исполнении, как вы ни становитесь на дыбы, вы носите их в сознании, и вот есть демон, который не дает вам покою и учит вас не терпеть ничего подобного в других. У *вас нет никакого прошедшего, вы не имеете никакого будущего* (типун[1430] бы вам на язык, с позволения сказать, господин Ширрен). *Только нынче/Только сейчас!* Вот крик вашей тоски и вашего неистовства. Нынче хотите вы этого, завтра вы хотите того; в сущности как нынче, так и завтра ничего, кроме стремления убежать от чувства собственной пустоты в воле».

«Если многочисленный, независимый извне народ, едва почувствовав самого себя, вместо того, чтоб устраивать прилежно свою судьбу, ищет себе удовлетворения в разрушении (?!), преследует с ненавистью все, что не разделяет его свойств (siene Natur), то он осуждает самого себя и подвергается опасности проиграть свою будущность».

«Мы находим в вашей ненависти решительный знак вашей слабости. Слабый народ не может властвовать над другими». «Но он не может властвовать и над собою. Владычество племени, в вашем смысле, пагубно не только для провинции, но и для государства».

Итак, нам остается только призвать гг. Эккарта или Бока[1431] или вас, г. Ширрен, и вручить вам бразды правления под пару графу Бей-

сту в Цислейтанской Австрии[1432]. Да управитесь ли вы с нашими инстинктами-то? Все это было бы очень оскорбительно и огорчительно, если б не было так смешно, господин Ширрен! Вы говорите, что у Русского народа нет силы сотворить что-нибудь, а Русское государство, спрошу я вас, с 80 миллионами жителей (в числе которых есть даже двести тысяч *подданных* Немцев), государство в 15000 верст длиною и в 8000 верст шириною? А Русский народ, с царем во главе, который освободил всю Германию от Наполеонова ига в 1813 году? Все это ничего, господин профессор Истории! Вы напоминаете того Крыловского любопытного, который в музее *слона* не приметил[1433]!

Еще смешнее всей выше переданной хулы на Русский народ и на Русскую историю, г. Ширрен представляет апотеозу[1434] лифляндской истории. Стр. 179: «История этой страны не имеет нужды вымаливать свои политические идеалы от вас и ваших Волынских». Г. Ширрен объясняет великое значение Ливонии для Севера и его истории с намеком даже на будущее. <...> Ну, да Бог с вами, г. Ширрен, хвалитесь сколько угодно, и только позвольте нам при этом случае обратить к вам обвинение в тщеславии. Мы имеем много пороков, но тщеславием мы не грешим; напротив, грешим в пороке противоположном: самоунижении, которое у нас часто бывает даже в моде. <...>

V

<...> Итак, спор наш сводится к вопросу о национальностях, к вопросу о рабочем народе, о котором Европа только что думает, а Россия с Царем во главе давно решила.

Вы жалуетесь на нарушение ваших средневековых привилегий, видя только себя в Остзейском крае, а мы увидели там угнетенных и порабощенных Латышей и Эстов и жалуемся не на нарушение, а на совершенное попрание их естественных прав вашими привилегиями. Всю вашу книгу мы оборачиваем на вас, как басню Крылова, ставя везде имя Немцев вместо Русских, и Латышей с Эстами вместо Немцев.

Вы требуете свободы совести для себя — мы предоставляем ее вам, и требуем ее же для Эстов, Ливов и Куров, обвиняя вас в святотатственном посягательстве на их душу, ссылаясь на Ништадтский договор.

Я помню, в каком положении возвратился из Риги покойный преосвященный Филарет[1435] и рассказывал мне в Петербурге о тамошнем положении дел. Точно в таком положении оставил прежде Ригу и преосвященный Иринарх[1436]. А что перенес преосвященный Платон[1437], то ясно было видно из прощальной его речи. В самом деле, что должна была чувствовать душа этих почтенных служителей церкви, когда они видели общее стремление народа к православию и когда они должны были не только удерживаться от всякого ободрения, призыва, составляющего душу католичества и протестантства, открыто ими везде исповедуемую, но отказываться, уклоняться, прибегать даже к хитростям, чтоб удалять с приличием желающих pour sauver les apparences[1438].

Страшный духовный грех на свою душу приняла русская церковь, уклоняясь от принятия этих новых чад, стремившихся в ее объятия! Страшный гражданский грех приняли себе на душу наши гражданские начальники, которые, из подобострастия, из корыстных видов, а всего более по неведению, старались препятствовать распространению православия и обливали холодною водою со льдом горячие просьбы и молитвы жителей латышского племени. Впрочем, от начальников-протестантов нельзя было и ожидать другого.

<...> Если воспитанники римской коллегии de propaganda fide[1439] рассыпаются по всему свету, если протестантские миссионеры, английские и немецкие, работают и в Америке, и в Китае, и за Кавказом, и в Малой Азии, где я, например, недавно видел даже прусские училища в Смирне, в Бейруте, в Иерусалиме, то каким образом русские проповедники не могут явиться в русских областях, куда их призывают из всех сил алчущие и жаждущие туземцы?

По моему мнению, надо тотчас распорядиться о построении церквей в губерниях Ревельской, Рижской и Митавской, о переводе всех священных и богослужебных книг на туземные наречия, о напечатании их русскими буквами, об основании училищ при всякой церкви на казенном содержании. Трактат фельдмаршала Шереметева не запрещает нам строить церкви и совершать богослужение на латышском языке, по книгам, напечатанным русскими буквами.

<...> Вы не хотите ничего Русского, вы считаете себя Немцами, так за что же мы будем учить вас и употреблять миллионы для вашего образования себе на голову? Сумма, употребляемая по министерству народного просвещения на Лифляндию, Эстляндию и Курляндию должна быть разделена между племенами соразмерно их числу. Если

придется на долю Немцев уже слишком мало, то можно, в уважение их развития, из милости, изменить несколько пропорцию в их пользу. В латышских училищах и гимназиях все предметы должны, разумеется, преподаваться по-Русски.

<...> Обрусить Эстов, Ливов и Куров есть политическая необходимость и надо быть слепым, чтоб не видать ее! <...> Когда Ливы, Эсты и Куры потянутся сознательно к России и сделаются настоящими православными русскими, когда мы будем иметь в них верных, безусловных подданных, тогда только принадлежность Остзейского края закрепится за Россией твердо, мы можем быть спокойными за его целость во всяком случае; тогда сделаются безопасными для нас немецкие симпатии к Западу; тогда гг. Эккарты, Боки, Сиверсы[1440] и вы, г. Ширрен, понизите свой голос, и мы будем спокойно смотреть в глаза г. Бисмарку, слушать равнодушно словоизвержения разных депутатов в немецких палатах и читать со смехом нелепости взбалмошных и злонамеренных газет.

Славяне прозевали Одер, Вислу, Прегель, даже Мемель[1441] — так надобно заблаговременно застраховать Двину. А то, чего доброго, долго ли до греха! Вы хотите отнять Двину, а Поляки — Днепр — вот мы и останемся, как раки на мели. А что скажет на том свете Петр Великий? <...>

Вы восстаете против этой русификации более всего, г. Ширрен. Поговорим и о ней. Русификация... но ведь вы хотите онемечения: чем обрусение грешнее, преступнее онемечения? Вы запрещаете делать нам то, к чему сами стремитесь. Позвольте же нам действовать по своему усмотрению, как мы считаем для себя полезнее. В этом отношении мы правее вас. <...>

Скажу мимоходом вообще: не Немцам жаловаться на меры этого рода, принимаемые где бы то ни было в государственном смысле — не Немцам, которые в течение веков употребляли и употребляют всякие насильственные и даже сатанинские средства, чтоб онемечить Славян: так Пруссаки сделали нынешнюю *Померанию* из славянского *Помарья* с его Старградом[1442] и проч. Так Пруссаки онемечили Восточную и Западную Пруссию и больше половины Познани, Силезию. То же делали и делают Австрийцы в многочисленных своих славянских владениях. Вот и Мадьяры — куда конь с копытом, туда и рак с клешней — насилуют несчастные славянские племена, попавшиеся им в лапы благодаря предательской политике Австрии. <...>

VI

<...> Позвольте, в заключение длинного моего письма предложить вам только следующий простой вопрос: Полтораста лет вы живете под русским владычеством. Скажите, положа руку на сердце, когда немецкое население Лифляндии, Эстляндии и Курляндии было счастливее этого времени?

<...> Имело ли какое-нибудь Европейское самостоятельное, независимое государство такие внутренние права, соединенные с такими внешними выгодами, какие вы имели? Есть ли теперь какое-нибудь немецкое владение в таком положении? Вы делали дома, что хотели, пользуясь безотчетно работою двух миллионов рабов, и быв безопасными извне, под охраною могущественного народа. Вы жили, говоря попросту, как у Христа за пазухою.

Этого мало. Жители этих губерний, поступая на Русскую службу (и не говоря, подобно вам, что они ничего не имеют с нами общего, не выражая той ненависти и того презрения, которые дышат во всех ваших строках), пользовались и пользуются во всех сферах нашей жизни всеми возможными правами, преимуществами, выгодами, почестями. Где жить Немцам лучше, чем в России? Сколько немцев между министрами, генералами, сенаторами, прокурорами, губернаторами, полковыми командирами, профессорами, медиками и пр., и пр. (а посланники так всегда почти все).

В какой Европейской стране иноплеменники пользуются такими правами и преимуществами, таким почетом, такими выгодами, как Немцы в России? Сколько Немцев заседает в английском парламенте? Какие Итальянцы участвуют во французских палатах? Есть ли один Англичанин в итальянском управлении или один Француз в германском? Только Россия, как вы сами хвастаетесь, допускает, терпит и награждает с поклонами иноплеменное, по вашему собственному сознанию, нашествие.

Напомню вам, кстати, ответ одного из самых заслуженных и гениальных русских государственных людей А. П. Ермолова[1443], который на вопрос, какой награды он желает себе, отвечал еще в начале нынешнего столетия: «Пусть пожалуют меня в Немцы, а там я буду получать уже все без затруднения».

Немецкая партия очень сильна. Я печатаю теперь не без страха свой ответ вам, ответ чисто русский, который у вас, верно, назо-

вут пристрастным, панславянским, квасно-патриотическим. Не без страха, говорю, потому что уверен во многих для себя неприятностях всякого рода из-за него; *но считаю своим гражданским долгом, живо чувствуя оскорбление народного достоинства, сказать откровенно свое мнение...*

Позвольте итогом объясниться откровенно. Мы различаем три рода немцев:

Немцы немецкие, обитатели Германии — мы чтим их и уважаем, как первоклассный народ в Европе, которому она, и в ней мы, обязаны за многие услуги науке, искусству, гражданственности, общежитию.

Немцы русские, обруселые, находящиеся у нас на службе, живущие между нами — мы их любим и благодарим за многие услуги, ими нам оказанные. Памятник Барклаю-де-Толли[1444] пред Казанским собором в Петербурге, рядом с Кутузовым[1445], свидетельствует о нашей признательности. К Тотлебену[1446] вся Россия питает одно чувство уважения. Мы смотрим на них как на наших братьев.

Немцы остзейские, заматерелые в летах зрелых, поскольку согласны они с сочинениями фон-Бокков, Эккартов и ваших, г. Ширрен, являются самыми к нам враждебными, оправдывая пословицу: «Не воспоя и не воскормя, не нажить себе врага». Вы ненавидите внутренне нас и несчастных своих батраков, которых называете шакалами, — и это чувство ненависти, замечу мимоходом, служит самым убедительным доказательством вашей слабости, по собственным вашим словам.

А мы, Русские, все-таки не ненавидим вас и в этом чувстве беспристрастия, незлобия, в *этом слове на мир* вы должны увидеть, следовательно, господин Ширрен, нашу силу. Ваше обвинение падает на вашу голову (Ширрен, с. 106: «В вашей ненависти мы видим главный знак вашей слабости»).

Мы исповедуем только, что век феодальный со всеми своими привилегиями кончился, и никаких провинций Россия признавать у себя не может, не хочет и не должна; Рижская, Митавская и Ревельская губернии суть, в государственном смысле, совершенно то же, что Московская, Ярославская, Киевская, и «определенный нейтралитет» есть смешной фантом, который мог зародиться только в голове избалованного остзейца. Если во всей Европе с 1710 года не осталось ни

одного трактата в целости из заключенных между самостоятельными равноправными государствами, то какая капитуляция может удерживаться в стране завоеванной! Россия терпела там феодальные, гильдейские и цеховые права средних веков, а теперь терпеть их больше нельзя, и она должна стремиться, во-первых, к полной эманципации и обрусению Латышей и Эстов, с землею, а во-вторых, к уравнению прав наших с вашими в балтийских губерниях, как ваши права равны с нашими во всех прочих.

Мы желаем вам образумиться, опомниться, повиниться пред нами, отказаться от 900 листов, сгоревших ваших дигестов[1447] (гори огнем и остальные, кроме оригиналов для *исторических* справок), и рука в руку идти с нами дружно, на встречу новой жизни, открываемой благодушным Государем, по следам незабвенной его прабабки, Императрицы Екатерины II, немки по происхождению, но Русской по своим чувствам и любви к отечеству, сознавшей глубоко свои великие царственные обязанности.

Она сказала о себе торжественно: «Я не Курляндская Герцогиня, а Всероссийская Императрица». <...>

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА,

у себя в доме, за обычным обедом, в воспоминание о первом Славянском съезде, 16 Мая, 1871 года

Празднуя, по обычаю, 16 мая, приезд дорогих гостей в Москву в 1867 году, как важное событие в истории всего Славянства, мы припоминали обыкновенно за приятельской трапезой, что случилось примечательного в судьбах Славянских племен в продолжение истекшего года, и вместе давали краткий отчет о действиях нашего смиренного комитета; но нынче, под впечатлением страшных, ошеломляющих известий, которые всякий день приносит нам телеграф с Запада, нет решительно силы думать и говорить о чем-либо, кроме того, что там происходит. Все прочее отстранилось на задний план. Даже забываешь свою национальность, и не сознаешь себя Русским или Славянином, а только Европейцем...

Да, чудеса происходят на Западе! Париж — город, который полторы тысячи лет возвеличивался постоянно, и сделался действительно столицею мира, — где наука, искусство, промышленность, общежитие, достигли высокой степени совершенства, — где на всяком шагу поражало путешественника обилие, богатство, роскошь, соединенные с особенным изяществом, утонченностью, любезностью, — город, которому все страны света спешили приносить свою дань, — где можно было, кажется, найти птичье молоко, — этот Париж в один месяц очутился в такой нужде, что крысы и кошки были ему всласть[1448]! Неужели это не чудо?

И сама Франция, передовое могущественнейшее государство в Европе, — улыбнется бывало Наполеон какому-нибудь посланнику, на поздравлении в день Нового года, или взглянет косо на другого, и во всех газетах, во всех кабинетах, поднимутся толки; конца не было догадкам, спорам, предположениям, — Франция, считающая сорок миллионов своего народа, и какого народа? талантливого, пылкого, самолюбивого в высшей степени, на все способного, поражена так в два-три месяца, что из первого класса ниспадает не во второй, не в третий, а разве, говоря по-нашему, в четырнадцатый! Три армии, по двести тысяч каждая, сдаются в плен неприятелю[1449], чего не случалось никогда во всеобщей военной истории.

Треть всей страны разорена, опустошена, выжжена; тысячи народа без хлеба, без пристанища, пущены по миру; все дела остановились. Наконец, в крайности заключен мир самый унизительный[1450]: богатые, преданные до самоотвержения провинции отняты; враги остались хозяйничать на неопределенное время; наложена страшная неслыханная контрибуция в пять миллиардов, которых говорят, во всей Европе мудрено собрать вдруг наличными деньгами! Казалось — испита вся чаша горести, которая может достаться в наказание государству; — нет, это было только начало «болезням». На дне чаши оставалась еще желчь, ядовитая желчь, и Французы, которые не имели силы бороться с врагами, нашли силу воевать между собою, и вот три месяца они дерутся не на живот, а на смерть[1451]. Война объявлена не только настоящему порядку вещей, но и прошедшему, с которым разрывается всякая связь, и все исторические памятники разрушаются с каким-то остервенением и вместе с наслаждением. Тюльери[1452] сожжен до тла, Люксембургский дворец[1453] в развалинах, Лувра[1454], с его сокровищами, едва осталась третья часть. Вчера получено известие, что горит Ратуша, Префектура полиции, Ломбард[1455]. О статуях Генриха IV и Людовика XIV[1456] и говорить нечего. Наконец Вандомская колонна[1457], гигантский памятник победе, которыми так любили хвалиться Французы, обложенная навозом, повалена усилиями механики, вдоль улицы Мира, rue de la Paix, — какая страшная ирония! — у героя, стоявшего на высоте ее, в порфире и лавровом венце, отлетает голова, и туловище раскалывается на двое при неистовых кликах толпы. Кости его из почетной гробницы в доме Инвалидов[1458] хотят бросить в могилу какого-то подлого, презренного убийцы. Какие поразительные явления, знамения и вместе уроки для современников, для всех имеющих очи видеть и уши услышать!

Republique unie et indivisible[1459], торжественный клик, купленный дорогою ценю, не слышится больше, — напротив гремят толки о разделении: о Пикардии, Оверни, Бретани, Провансе, Лангедоке, Ванде[1460], между тем, как западные соседи, Испанцы, заметим кстати, с Кастелляром[1461] во главе, еще прежде, по своим особым обстоятельствам, заговорили о Кастилии, Арагонии, Каталонии, Эстрематуре[1462], а восточные Итальянцы, школы Мадзини[1463], давно уже проповедуют федеративную республику — из Генуи, Венеции, Ломбардии, Флоренции, Рима, Неаполя...[1464]

В дыму, в зареве, в крови, в чаду всяких злодеяний и неистовств мечтается и даже рисуется на дальнем горизонте какой-то новый порядок вещей. Мир ненадежен во Франции, хотя б и одержало верх Версальское правительство[1465].

Англия, государство богачей и нищих, с миллионами пролетариев и работников, до которых электрически доносится действие Французских попыток, не больше имеет залогов спокойствия.

Немецким тридцати семи мелкопоместным государствам[1466], сколоченным случайно и насильно в Империю, сшитым на живую нитку, не мудрено преобразоваться. Одним словом, в Европе множество петролея[1467] рассыпано всюду.

Разумеется, благое Провидение извлечет добро из этой бездны зла и приведет все к лучшему концу; но настоящим и ближайшим поколениям предстоит много горя...

Оборони Бог нас, Русских, принять, как говорится запросто, но метко, в чужом пиру похмелье.

Благодарность Государю и честь правительству, что мы пользуемся совершенным спокойствием; общее Европейское умопомрачение коснулось у нас только немногих писак, которые, усердные не по разуму, толкуя о классическом и реальном образовании, о военной повинности, доходят до крайностей. Вот, например, какую хулу произнес на днях один публицист: «Армия есть школа, завершающая воспитание других школ». (Падайте долу, академии и университеты)... Недаром Пруссаки говорят, что Пруссия не страна имеющая армию, а армия, владеющая страною. Разве это не то, что желательно для славы и могущества России? Все блага низольются на нее свыше, вследствие общеобязательной воинской повинности, когда о ней мы вправе будем сказать, что Россия не страна, имеющая армию, а армия владеющая страною». Спрашиваю, можно ли договориться до таких чертиков! Автор забыл видно, что стало с Римом, владыкою древнего мира, когда он из «страны» сделался «армиею», — когда преторианцы[1468] начали располагать выбором императоров и его судьбами? А Турецкие янычары[1469], и даже в некоторых отношениях Русские стрельцы[1470]? Нет, Милостивый государь, скажем мы автору ввиду страшных событий, *сменяющихся* в Европе почти ежедневно, нам всего лучше ожидать, чем они кончатся, и, рассуждая не торопясь, не принимать пока никаких решительных мер, которыми определялось бы надолго наше гражданское положение.

Довольно, или даже слишком много! Выразим вместо всех наших Славянских тостов, искреннее желание, чтоб Бог умилосердился над несчастным положением Европы, чтоб бедствия ее прекратились: чтоб Французы успокоились, Немцы протрезвились, Англичане отмякли*, Русские — вот и задача мудренее всех, чего пожелать себе? Пожелаем, чтоб Русские вразумились; чтоб Славяне, согласные между собою, припоминали в ободрение себе чаще латинскую пословицу: Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo[1471]; одним словом — чтоб мир водворился в мире и в человѣцехъ благоволение[1472]! Вот желание, которое мы, так называемые северные варвары, пошлем теперь Европейским народам, стоящим, но еще не твердо, как доказали события, во главе цивилизации!

* При этом слове, оратор обратился к одному Англичанину, приехавшему изучать Россию и присутствовавшему на обеде: pardon, M. Walles, c'est un mot, qu'on ne peut traduire en aucune langue, mais votre voisin vous l'expliquera (Ю. Ф. Самарин).

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНОФИЛАХ

Поутру занимался я исследованием о церковном смятении в начале управления Софьина[1473], а вечером попалась мне на глаза статья г. Пыпина[1474] о славянофильстве («Вестник Европы»[1475], 1872 года, ноябрь и декабрь), и мне представилась, — в образчик странного сочетания мыслей, — параллель, или, точнее сказать, геометрическая пропорция между *полемическими приемами* раскольников и западников[1476]. Западники так относились к славянофилам, как раскольники к православным: те и другие видели одинаково вкось и вкривь, и потому так и судили своих противников — раскольники православных, западники — славянофилов. Раскольники ожидали ужасов от исправления церковных книг; западники испугались точно также грозившего будто России невежества от провозглашенной славянофилами необходимости в большем внимании и почтении к родной старине и ее заветным преданиям, в строже-критическом отношении к западу, которого учреждениям безусловно покланяться-де не должно. Они накинулись на славянофилов как на врагов просвещения и свободы мнений, начали обвинять их пред толпою, пользуясь на все лады общими местами очень легкими в этом случае, — в чем долгое время и успевали, да и теперь отчасти успевают в ближайших к себе кругах. Увлекаясь спором, они обругали, кстати, и всю нашу старину, совершенно им неизвестную, приравняли ее к невежеству и рабству и отказали ей во всяком человеческом достоинстве, движении и успехе.

Старые раскольники были искренни в своих убеждениях и опасениях; допускаю такую же искренность и в западниках. Но время взяло свое: молодые люди сделались стариками, пережита теми и другими всякая всячина, опыты накопились, большая часть первых противников с той и с другой стороны сошла в могилу, много воды утекло, даже из Дуная, как сострил князь Меншиков[1477], много и притекло, — и вот Павел Прусский, Пафнутий Коломенский[1478] и достойные их товарищи увидели свою несправедливость: они обращаются к единоверию. Убеждения славянофилов, понятые как следует и беспрестанно оправдываемые в течение времени, приобретают себе приверженцев более и более между мыслящими русскими людьми, — а вражда западников не утихает, и даже принимает характер корсиканской вендетты[1479] из рода в род, если не оружием, то хоть средствами Дона Базиля[1480], упо-

требляемыми исподтишка, при всяком удобном случае. Что за причина? Пора бы, кажется, ослабнуть раздражению! Отчего это происходит? От новых ингредиентов, вошедших в состав их катехизиса, от новых зелий, попавших в котел шекспировских ведьм[1481].

О славянофилах пишут всякий вздор, взводят на них всякие напраслины и приписывают им всякие нелепости, выдумывают, чего не было и умалчивают о том, что было, — одни по незнанию, другие по предубеждению, третьи из личной или наследственной, безотчетной ненависти, имея целью ослабить во что бы ни стало влияние их образа мыслей, который признается вредным для успеха перенимаемых с запада, по телеграфу, одно за другим учений противной партии.

Замечу еще, что не только противники, даже последователи в новых поколениях ошибаются иногда, относясь к старому времени, к происхождению той или другой славянофильской мысли, к первым деятелям.

Несколько раз принимался я писать об этих выходках и об этих ошибках за прошлое время, зная дело коротко от первой минуты до последней; но останавливался — иногда потому, что не хотелось говорить о себе, иногда потому, что не имел досуга для забрания нужных справок, иногда потому, что не желал касаться того или другого вопроса до времени, по причинам частным или личным. В успокоение служила мне также пословица, хоть грубая, но верная, которую применить иногда было очень позволительно к пустым или недобросовестным пересудам: собаки лают, а ветер носит.

Но вот г. Пыпин возносится на степень историка и предлагает свои рассуждения свысока, объявляя притязания на беспристрастие и служение науке. О таком мнении нельзя не подать голоса, тем более, что молодые славянофилы, верные своей славянской природе, тяжелы на подъем и вряд ли соберутся скоро (если, впрочем, еще соберутся) сказать что-нибудь в опровержение или объяснение вопроса. Притом иногда не знают и сами дела в точности, как замечено выше.

Отдаю полную справедливость искусству и таланту автора, которые сказались с такой выгодной стороны в его исторических очерках «Общественное движение при Александре» 1871 г. [1482], кроме вопиющих отзывов о Карамзине, Жуковском, Крылове и проч. (я обращусь к ним после). И признавая истинные, примечательные достоинства в изложении того, что он знает, не могу сказать ничего подобного о том, что он говорит, не зная, а имея только предубеждение, часто с ветру полученное. В статье его есть много дельных и основательных замечаний; но вообще она обилует ошибками, неверностями, задними мыслями, — не говоря уже о личных мнениях, на которые, разумеется, он имеет полное право, как и его читатели имеют полное право на свое мнение о них и о нем.

Славянофилы — это был сначала кружок молодых людей (ныне давно состарившихся или сошедших в могилу), знакомых между собою с детства или учебной скамьи* и начавших заявляться с двад-

---

* Для некоторых читателей, может быть, будет любопытно узнать происхождение знакомства между ними. Веневитиновы и Хомяковы были знакомы домами исстари, а у сыновей был один учитель русского языка — Глаголев, единственный доктор философии в университете того времени; Киреевские и Кошелев жили по соседству за Сухаревой башней и познакомились больше на уроках у Мерзлякова, которые брали для экзамена на чин коллежского асессора. Шевырев, Титов и Ознобишин кончили курс вместе в университетском пансионе в 1822 году; Одоевский там же, а я в университете, в 1821 году; тогда же профессор Павлов привез в университет натуральную философию Шеллинга и Окена. Первые соединения были — литературное, под председательством Раича, переводчика Виргилиевых «Георгик», Тассова «Иерусалима», Ариостова «Орланда» (здесь принимали участие: Шевырев, Титов, Одоевский, Ознобишин, Колошин — Петр, Путята, Андрей Муравьев, Андросов, Томашевский, Оболенский (В. И.), я и проч.; философское около проф. Павлова, а прежде у кн. Петра Черкасского (Веневитинов, Киреевский, Кошелев! и проч.). Некоторые из того и другого кружка соединились в службе в архиве министерства иностранных дел и получили место в «Онегине» Пушкина (который тогда приехал в Москву из Пскова) под именем архивных юношей. В Раичевское общество принят был Полевой, который на первых же порах представил программу журнала. Она была отвергнута; он оставил общество и предпринял издание «Телеграфа». Одоевский издал перед тем сборник «Мнемозину», а я — альманах «Уранию». Мы с Д. Веневитиновым и Шевыревым, ободренные Пушкиным, обещавшим живое и деятельное участие, затеяли «Московский Вестник» (1827–1830), а проф. Павлов — «Атеней». Славянофильского здесь нигде не было почти еще ничего. В «Московском Вестнике» с 1827 г. начало показываться участие в судьбе славянских племен, которому содействовал прежде Кеппен библиографическими сведениями, а Венелин, меди-

цатых и тридцатых годов (Хомяков, Языков, Киреевские, Шевырев, Кошелев[1483] и пр.). К сороковым годам подготовилось их новое поколение (Константин Аксаков, потом Самарин, Попов, Елагин, Стахович, Панов, Валуев, кн. Черкасский[1484]). К пятидесятым годам относится третье поколение — (Гильфердинг, Иван Аксаков, Ламанский[1485]). С шестидесятых годов началось четвертое (сотрудники «Зари», «Беседы»[1486] и проч.).

Из числа знакомых первого поколения, составлявших первый кружок, некоторые отправились в последних двадцатых годах на службу в Петербурге, и разошлись далече, занялись другими предметами, чем оставшиеся в Москве их приятели; но дружеская связь между ними не прерывалась, и общие стремления к отечеству, просвещению, словесности продолжались одни и те же (Веневитиновы, Титов, Одоевский[1487]). Одоевский, оставаясь чистейшим западником, в лучшем значении этого слова, занялся по возвращении в Москву преимущественно народною и церковною музыкой и возделывал эту часть народности. (Продолжение его трудов приняли на себя гг. Разумовский и Потулов[1488]).

К дружным между собою славянофилам разных периодов приставали иные со стороны, знакомые или незнакомые, разделяя или возделывая то или другое из их положений; иные занимались ими независимо от славянофилов, например Ф. И. Тютчев[1489], самый живой и разумный носитель славяно-русской идеи, А. Н. Майков[1490], проникнутый идеей народности, Бодянский[1491] неутомимо, хотя одиночно работающий над изданием «Славяно-Русских памятников»[1492], А. Н[1493]. Муравьев[1494], воюющий за православие, Аксаков отец, Чижов, Ф. Н. Глинка, М. А. Дмитриев, Вельтман, Даль, О. Ф. Миллер[1495] каждый по своей части.

Живое дружеское сочувствие многих достойных литературных и ученых деятелей идеям славянофильским — утешало и утешает их постоянно: назову Гоголя, П. С. Савельева, В. В. Григорьева, Шеншина,

---

цинский студент, познакомившийся со мною по поводу моего рассуждения о происхождении Руси, в 1825 г., — живыми этнографическими. Хомяков в 1829 г. побывал в Болгарии, служив в гусарах в продолжение турецкой войны.

Т. И. Филиппова, графа Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского, Н. Н. Страхова[1496].

Для истории русской словесности, и вообще русского образования, замечу (это не было еще замечено), что кружок славянофилов находился в дружеских связях с представителями старшего пред ними поколения Пушкиным, Баратынским, Плетневым[1497], равно как те примыкали к Жуковскому, Вяземскому, Дашкову, Блудову, Гнедичу, Тургеневым[1498] и прочим арзамасцам[1499]. Эти же связаны были в свою очередь с Карамзиным[1500], который был другом И. И. Дмитриева[1501], товарища и сверстника Державину, Капнисту, Хемницеру, Львову, Кострову[1502]. Старшие их современники Херасков, Петров, Богданович, Фонвизин[1503] застали Сумарокова[1504], спорившего с Ломоносовым[1505]! Так велось наше литературное предание вплоть до литераторов, составлявших прозванный так противниками славянофильский кружок. Западники, изникшие из «Телеграфа»[1506], разорвали связь с преданием, начали с унижения старых авторитетов и заменили их новыми — какими?

Читая г. Пыпина, читатель имеет полное право думать, что так называемые славянофилы терпеть не могли европейского образования, не обращали внимания на европейскую науку, на искусство, не дорожили гражданственностию западною, одним словом, ненавидели запад. Как иначе можно, например, понимать следующие выдержки из рассуждения г. Пыпина?

Стр. 55. (Славянофилы увлекались) «*мечтами* о будущем *падении* западной цивилизации и торжестве восточной».

Стр. 71. «С «Маяком»[1507] славянофилы имели общего *крайнюю вражду* к западу».

Стр. 80. «Западная цивилизация (у некоторых) была предметом вражды».

Стр. 73. «Славянофилы говорили, что мы должны *отвратиться от запада*, потому что его просвещение нам чуждо и лишено верховной истины. Мы должны обратиться к старине, потому что она, хотя и не всегда сознательно, была проникнута учением, заключающим в себе эту верховную истину».

Стр. 74. «Киреевский с оговорками, а другие бросают эти оговорки и утверждают прямо, что *запад гниет*, что от него следует *бежать*, чтоб не заразиться гниением, что зараза даже заметна и у нас».

Вот какие мнения, без оговорок, приписывает г. Пыпин славянофилам, между тем как в действительности ни один из западников не был так знаком с западом, во всех отношениях, как славянофилы; ни один не изучал его с таким вниманием, постоянством, как Хомяков, Киреевский, Шевырев... Мифология, религия, вероисповедание, право, язык, наука, искусство, литература, общество западное были равно им известны исторически, критически, статистически. Первые западники, с которыми нынешних тщедушных потомков и сравнивать нельзя, напр., Грановский, Герцен[1508] должны были уступать им во всех спорах, при зарождении партий (чем и усиливалась неприязнь). Герцен был хорошо знаком с политикою, нынешним состоянием западных государств, впрочем, позднее. Грановский знал их историю, преимущественно политическую, анекдотическую. Белинский[1509] ничего не знал порядочно; начав и кончив свое образование в «Телеграфе»[1510], который был для него гимназией, университетом и академией, он пробавлялся после сообщениями от своих товарищей, из вторых и третьих уст, и подвергался их влиянию, пел с голосу, кроме, разумеется, отделения литературной критики, где он показал достоинства далеко, впрочем, не безусловные.

Хомяков был в настоящем значении слова, столько же западником, разумеется, по-своему, как и восточником (славянофилом). Это был ум всеобъемлющий. Западные *богословы,* протестанты и католики признавали его достоинства[1511]. Оксфордский университет[1512] принимал его с почтением. Гегель[1513] был любимым его противником в *философии.* О познаниях в *истории* свидетельствует его «Семирамида»[1514]. *Литература* западная была ему своя, и из Шекспира, напр., он мог прочесть вам сколько угодно стихов наизусть. Ничто новое на западе не укрывалось от его всесторонней любознательности. Последнюю американскую войну[1515] он мог разобрать как у себя на ладони, и он разбирал, бывало, все марши Мак-Кленана, Ли[1516], как будто они происходили в окрестностях Москвы или около его Богучарова[1517]. Точно также он мог бы подавать советы северным экспедициям, как вернее отыскивать Франклина[1518].

Я напечатал где-то шуткою, еще при жизни Хомякова, что если б он родился в другом государстве, то верно устроилось бы общество

для его эксплуатации: наводить его в разговоре на какие угодно предметы и возбуждать к спору, который был его стихией и в котором ум его развертывался во всем блеске, мысли били ключом у него из головы — оставалось только собирать и записывать.

Киреевский воспитан был на немецкой и английской словесности. Философия потом сделалась главным его занятием, и он был в Мюнхене желанным собеседником Шеллинга. Отцам церкви предался он впоследствии[1519].

Что сказать о *Шевыреве,* предаваемом невежами всяким ругательствам? Я не думаю, чтобы в Европе был где-нибудь профессор, который был бы так *равномерно* знаком со всеми литературами, древними и новыми, со всеми языками европейскими, как Шевырев. Платона, Лукиана[1520] он переводил еще в молодости. О немецкой, французской и английской литературе нечего говорить. Гёте[1521] отдал справедливость его критической проницательности, с чем поздравлял его Пушкин. О *Шекспире* осталась целая книга, такая же как о *Данте*[1522]. Итальянская и испанская литература была ему знакома как русская. Его курс о западной литературе[1523], в пяти или шести томах, был бы насущным приобретением для большинства, даже и теперь; но при нашем равнодушии, при нашем легкомыслии, он тлеет до сих пор (вместе с его избранною библиотекою) в кладовых лоскутного трактира[1524]. Какие труды поднял Шевырев в продолжение трех лет для московского университета, приготовляя к его столетнему юбилею историю и биографический словарь профессоров[1525], т. е. материалы для истории *западного* просвещения в России, — вообразить трудно! Мне до сих пор больно вспомнить о его трудах и о тех наградах, которые он получил за них...

И таких-то людей наши невежи, наши сектанты могли и могут упрекать в неуважении к науке и литературе запада! И этих-то людей легкомысленные ёисты берутся судить, взводя на них великие напраслины и умалчивая об их настоящих убеждениях; а толпа им верит, как верила Ноздреву[1526] у Гоголя, и восклицает, с негодованием пожимая плечами: славянофилы! славянофилы!

Запад гниет — это выражение, употребленное в какой-то статье «Москвитянина» Шевыревым[1527], попалось на зубы западникам и вот уже лет тридцать, как оно переворачивается ими на все стороны, треплется по всем газетам и журналам и подвергается всяким

площадным насмешкам и ругательствам. Нет ни одного пошляка, который бы с самодовольством не прокричал: запад гниет, ха-ха-ха! Тридцать лет западники стараются разглашать, что это выражение написано на знамени славянофилов. Старшие западники в жару споров, а младшие по слепой ненависти, никак не хотят до сих пор понять, в каком смысле употреблено было это выражение, или не имеют добросовестности сознаться в опрометчивости своего заключения.

«Душа убывает на западе», сказал или повторил, и во многих местах пояснил, один из самых крайних западников, самый сильный между ними — Герцен[1528]!

Что же, разве это не одно и то же значит, что запад гниет! В сочинениях представителей запада Милля, Кине[1529] и прочих можно указать множество мест в подтверждение этой мысли, которая сделалась чуть ли уже не общим местом в западной литературе, у проповедников, философов, моралистов, публицистов, — но не дошла еще до наших доморощенных философов и рыцарей свистопляски.

Неугодно ли вам прочесть последнее слово западной науки в сочинении Эдварда Гартмана[1530], переданное русским читателям в мастерском (и уже обруганном в фельетоне «Петерб. Ведомостей») изложении варшавского профессора Струве[1531]. «Сочинение это, — говорит Струве, — несмотря на обширность свою, равно на неохоту современной публики читать серьезные, особенно же философские произведения, издано в 3 года 4 раза, и притом во всех почти газетах и журналах, даже многих специальных, было оценяемо до того лестно и сочувственно, что нельзя сомневаться в том, что мы имеем пред собой книгу, принадлежащую к числу знаменательнейших произведений новейшей философской литературы.

На стр. 588, 617 и след. Гартман откровенно объясняет, что человечество приближается к дряхлой старости, на которой естественным образом уменьшается желание и возможность читать и усвоять себе строго-научные труды; вместо юношеской силы и живого интереса ко всем новым мыслям и умственным произведениям, все более расширяется стремление к удобствам жизни, к комфорту и спокойствию, вследствие чего и наука должна принять форму общедоступную, способствующую к усвоению ее без особенного труда и напряжения». «Искусство, — говорит Гартман (стр. 619), — будет

для человечества в зрелом возрасте тем, что берлинская фарса вечером для берлинского биржевого купца». Такая же участь постигнет и *науку*; а потому нельзя удивляться, что при подобном взгляде на современную публику Гартман старался изложить свои взгляды в форме сколь возможно легкой и неутомительной, чтобы ленивый и умственно вялый «старичок нашего времени без труда мог понять и усвоить себе его воззрения».

Ну, что скажут на это наши незваные путеводители? Не согласятся ли они, что если запад не гниет, то, по крайней мере, *нравственно* подгнивает.

Г. Пыпин предъявляет во многих местах своего талантливого очерка те же самые приговоры о славянофилах, которые высказывались западниками в первых попыхах, не разбирая нисколько ни лиц, ни обстоятельств, ни времени, когда было произнесено то или другое положение и в каком смысле.

«Западное направление, — говорит он, например, — ожидало спасения от большего распространения образованности, от усвоения европейского знания. Другое (т. е. славянофильское) направление также искало лучшего, но от настоящего оно бросилось к прошедшему». Стр. 59.

Совершенная несправедливость! В том то и дело, что славянофилы, точно так же как и западники, «ожидали спасения от большего распространения образованности, от усвоения европейского знания», но в духе христианском, в духе православия, в духе народном, своеобразно, а не подражательно!

«Вражда к преобразованиям Петра и к петербургскому периоду не один раз высказывалась славянофилами с крайней нетерпимостью, и старина восхвалялась с самым решительным предпочтением». Стр. 49.

Здесь немного упущено из виду! К *чему* из петербургского периода выказывалась вражда? *Что* в старине восхвалялось самым решительным предпочтением? Бироново правление[1532], например, не одобрит и ящика для просьб, приносившихся царю Алексею Михайловичу[1533], не осудит ни один заклятый петербургский западник!

«Надежда стать основателями нового периода в национальном сознании», которую г. Пыпин приписывает славянофилам — принад-

лежит к числу громких фраз, не заключающих в себе ничего вещественного. Никакой предвзятой надежды никто не питал, а выражал свои мысли и желал их распространения, как желает того всякий, имеющий свое мнение о каком бы то ни было вопросе, в какой бы то ни было области.

О таких нелепостях, как мечтания славянофилов среди их увлечений о *падении* западной цивилизации, о намерении их обращать католиков и протестантов в православие, не стоит труда и говорить!

Хомяков, Киреевский превозносили истину нашего православия; но что мы делали и делаем иногда с этою истиной, великой и священной, чего достигали с нею вчера или третьего дня, как употребляем и возделываем ее нынче, — о том не найдете вы нигде безусловных восхвалений. Православие не виновато, если по другим посторонним соображениям оно было относимо иногда на задний план и принуждаемо отказываться от своей миссии, даже от друзей своих и приверженцев.

В основе русской истории лежит мир, а не война; в принятии христианской веры господствовало согласие, а не насилие, как на западе. Это исторические были, которым соответствуют многие явления в истории и в жизни, даже до последнего великого события, освобождения крестьян от крепостной зависимости и отвергать их ввиду того, что приложения их изменялись иногда или изменяются, вследствие тех или других обстоятельств, могут только не имеющие очей видети и ушей слышати.

Смирение и терпение принадлежат к числу отличительных свойств русского характера и находят себе подтверждение по правилам строгой исторической критики во многих явлениях русской истории и жизни. Эти свойства имеют многих великих представителей, которых имена произносит с любовью и законной гордостью всякий друг отечества.

Даже господствующая обличительная литература и все ругательства, которыми осыпают легкомысленные невежи наших заслуженных деятелей, есть извращенный, изуродованный вид того же смирения, которое не терпит, по существу своему, никакой похвальбы. Укажите мне что-нибудь подобное в другом европейском народе, у

немцев, французов, англичан, испанцев, итальянцев, шведов, датчан, голландцев! Кто осмелился бы ругаться так, как у нас ругаются, над древностью, над великими своими людьми, того закидали бы каменьями.

Славянофилы, и в особенности писатели «Москвитянина»[1534], которых иногда соединяет г. Пыпин, иногда разделяет, по своему благоусмотрению, обуреваемые квасным патриотизмом и официальною народностью, любя выставлять вещественные силы России и хвалиться ими, содействуют ослеплению. Это обвинение повторяется при всяком случае досужими фельетонистами.

Это обвинение принимаю я исключительно на свой счет, как и должен, кажется, по словам г. Пыпина, и отвечаю: я говорил часто и повторял, что нам дано десять талантов, но покажите мне, где я сказал, что нами приобретено еще десять талантов, которыми имеем право гордиться? Я говорил о десяти талантах, с указанием обязанностей, возлагаемых этими щедрыми дарами, с указанием тех наказаний, которые угрожают рабам ленивым и неверным, и тех наград, которые получают рабы верные, возделавшие малое, ими полученное. Я говорил всегда о возможности, *если*... и если этого *если* не состоялось, то и все предыдущее уничтожалось, как небывалое. Вся суть и вызывалась и заключалась в этом *если*, а говорить прямо, без околичностей, разве было возможно?

Одним словом, переберите и рассмотрите все сочинения славянофилов и писателей «Москвитянина»: найдете ли вы одну строку, коею было бы похвалено что-нибудь нехорошее, недостойное, нечестное, неблагородное?

Еще более — в самую тяжкую минуту нашей государственной жизни, что сказал Хомяков, начиная изречением писания: не уклони сердца моего в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех[1535]?

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет,
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! Как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной,
И игом рабства клеймена.
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

О недостойная избранья!
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.

Душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совести растленной
Елеем плача исцели.

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сечь,
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг Божий крепкой дланью,
Рази мечем — то Божий меч[1536].

Историческая верность требует заметить, что вещий поэт, которого слова должны были быть вылиты из золота, принужден

был дать подписку графу Закревскому[1537], что не будет давать для чтения никому своего бессмертного стихотворения. Он исполнил данное слово и не давал никому своего стихотворения, но написал другое[1538]:

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха песни шумной,
Не с звоном чаши круговой,
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты.
На подвиг грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! Как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на Божеский призыв:
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, болью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сиянье новом и святом.

Иди, тебя зовут народы,
И совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы.
Дай мысли жизнь, дай жизни мир.
Иди, светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром.
Грозна, прекрасна, ангел Бога,
С огнесверкающим челом*.

Многое подобное можно привести и из современной прозы «Москвитянина», печатной и рукописной, но публичной.

* Вот этого-то поэта Белинский мешал с грязью — такова бывала верность его суждений!

Стр. 60 «Славянофильский идеал иногда был так двусмыслен... что в них видели иногда союзников обскурантизма».

И Дон-Кишоту[1539] ветряные мельницы казались иногда какими-то богатырями, с которыми он должен был сражаться! Хомяков, Киреевский, Шевырев — посвятившие всю жизнь науке — союзники обскурантизма[1540]!

Чему и кому помешали славянофилы или писатели «Москвитянина»? Какую полезную мысль остановили, какое вредное действие усилили?

Г. Пыпин, не зная никого из славянофилов лично, наслушавшись, может быть, от пристрастных почему-либо свидетелей, окружил себя какими-то мифическими призраками, и вращается большею частью в атмосфере общих положений, которые перемешиваются вместе с лицами, и перетасовываются им по благоусмотрению; он наматывает и разматывает, в том или другом смысле, два клубка, восток и запад, не соображая нимало, что у востока есть свой запад и у запада свой восток. Он старается обойти те положения славянофилов, которым не мог бы не отдать справедливости, об их преданности просвещению, об их занятиях науками, о заслугах в литературе, и останавливается преимущественно на тех положениях, на которые возражать может. Для опровержения он выбирает большею частью крайности или даже злоупотребления, но разве можно по крайностям или злоупотреблениям судить о каком бы то ни было учении?

Славянофилы говорят то, славянофилы утверждают это, но ведь нужно же разобрать, кто именно говорит то и кто утверждает это, а не смешивать.

Славянофилы не составляли никогда так называемого общества, которое имело бы свой особенный катехизис, то есть, исповедывали бы убеждения, равно для всех обязательные. Они не собирались даже никогда вместе, по чьему бы то ни было приглашению, а только случайно, и по большей части толковали вдвоем или втроем, не имели никогда специальных намерений и никогда не условливались действовать совокупными силами. Они не знали даже вполне, да и не заботились о том, что каждый из них думал или как судил о том или другом предмете. Между ними господствовала совершенная

свобода, и каждый из них имел свой собственный образ мыслей, который вырабатывался у него независимо от прочих, подвергаясь, разумеется, только их влиянию, посредственному или непосредственному. Любовь к отечеству, стремление к просвещению, желание свободы законной, а не необузданной, о чем г. Пыпин почти и не упоминает, разве вскользь — вот убеждения, которые одушевляли всегда славянофилов и к которым примыкали все прочие. Было, разумеется, еще несколько главных положений, в которых все сходились между собою, но и в тех были разные степени: в одних более, в других менее. *Русская самостоятельность*, *своеобразность*, одним словом, *народность*, *национальность — вот средоточие всей системы!* В неглавных положениях встречалось иногда совершенное разногласие.

Бывали случаи и периоды охлаждения между иными, вследствие недоразумений или крайностей, которые другим казались опасными и даже вредными для дела в данных обстоятельствах.

Ко времени крымской войны относится самое живое сближение и самое искреннее согласие; предметом рассуждений сделались господствовавшая система, славянская взаимность и потом крепостное право.

Вместо общих обвинений, основанных на предубеждении, вместо выдержек, нахватанных с задними мыслями из разных времен и от разных лиц, лучше было бы для г. Пыпина последовать общему правилу науки, которое гласит:

Излагая исторически учение, какое бы то ни было, необходимо прежде всего представить основные его положения, сколько их было; потом исчислить его последователей, отыскать зародыш, происхождение всякого положения и проследить его развитие, кому принадлежит оно в той или другой степени, кем было принято, развиваемо, кем отвергаемо или доведено до крайностей.

Точная хронология в таких случаях необходима, а говорить в общих выражениях, смешивая четыре разные периода и четыре разные поколения или слоя, действовавшие и говорившие в совершенно различных обстоятельствах, говорить притом с предвзятыми на веру мнениями, без знакомства даже с доступными источниками, — это позволительно или извинительно в торопливом фельетонисте, а не в

почтенном сане историка: ошибки тут неизбежны и в рассуждениях, и в заключениях, — а если еще присоединятся личности!

Извлекши таким образом главные положения из сочинений и статей славянофилов и разобрав, кому из них какое принадлежит, он мог бы судить о них основательнее и оценивать их по удельной тяжести. Он увидел бы тогда яснее, что совокупность этих положений ни у кого из славянофилов не выражалась в такой степени и в такой живости, как у Хомякова, и что Киреевскому принадлежит собственно развитие положения о православии. Он увидел бы тогда, что имя любезного, доброго, горячего, благонамеренного юноши Валуева не только странно, но смешно видеть, рядом с этими его учителями, с которыми он даже говорить не мог, а только мог бы слушать!

Ознакомившись получше с литературою вопроса, г. Пыпин увидел бы, что многие его возражения давно уже известны в среде самого славянофильства.

Чтоб уяснить для г. Пыпина вопрос о мнениях славянофилов, опровергнуть повторяемые им без поверки обвинения, отстранить нелепые взводимые на них напраслины, я расскажу документально из первого периода один случай, который приходит теперь на память.

Среди первых препинаний западников с славянофилами Грановский в конце 1844 или начале 1845 года на своей лекции[1541] в университете, сказал к чему-то студентам, что явились в Москве люди, которые вместо того, чтоб идти вперед, зовут русское общество назад, и вынув из могилы мертвый труп, хотят его оживить*.

Вслед за выходкою Грановского на лекции, в «Московских Ведомостях» напечатана была статья о Бретани и ее жителях, которая заключалась несколькими словами в том же смысле. Статья припи-

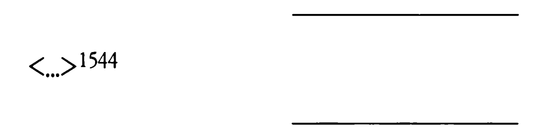
* Не то же ли самое, не те ли зады повторяет теперь г. Пыпин говоря: «Староверство вооружалось философскими доказательствами; во имя народа проповедовалось отрицание той образованности, которая едва бросала корень в русском обществе, — можно было подумать, что в этих людях старый обскурантизм встречал новых союзников. Аргументы, которыми новая школа защищала свои мнения, были такого свойства, что казались не только ошибочными, но вредными, потому что действительно открывали путь для настоящего обскурантизма». Стр. 70.

сывалась также Грановскому, но после сделалось известным, что она принадлежала тогдашнему редактору ведомостей Е. Ф. Коршу.

Я написал ответ[1542], который и был напечатан в «Москвитянине», принявшем тогда совершенно чистое славянофильское направление, имея редактором Ивана Киреевского, главу славянофилов, по мнению г. Пыпина.

В ответе не изменено, не прибавлено, не исключено ни одного слова, и следовательно, он признан торжественно настоящею profession de foi[1543] славянофильскою (которая, впрочем, соблюдалась и в «Москвитянине» в продолжение шестнадцати лет от первой книжки до последней). Во всех сочинениях старших и младших славянофилов, ни прежде, ни после, не было никогда никакого противоречия с этим ответом.

Судя по статье г. Пыпина, ясно, что мой ответ через 30 почти лет не потерял своего смысла и может быть возобновлен с прежнею целью.

<...>[1544]

Из одной этой записки читатели увидят, как смотрели славянофилы на существенные вопросы, бывшие предметом споров: они все приняты в соображение и обо всех упомянуто более или менее, кроме религиозного, до которого касаться было еще ненужно и неудобно. (Религиозный вопрос развит был преимущественно впоследствии, даже больше других, у Хомякова и Киреевского.) Здесь найдут они, надеюсь, и полное, хоть и краткое опровержение тех нелепостей, которые до сих пор навязываются славянофилам, несмотря на то, что 30 лет назад они были вполне опровергнуты!

Перестаньте же, господа, повторять свои зады, которые наскучили всем серьезным людям, и вспомните хоть то, что вы зоветесь прогрессистами.

Я пойду еще далее: если славянофилы, ни старые, ни молодые, не могут прибавить ничего существенного к этой исповеди, то и западники не осмелятся теперь отречься ни от единого в ней слова, разве

от проклятия Котошихину[1545]! Что же заключить из этого? Что западники bon-gré, mal-gré, волею-неволею, сами притягиваются к этому учению и не могут уже отказываться от его положений, и — что славянофильское учение распространяется концентрическими кругами и захватывает пространства западного больше и больше, какие бы усилия ни употребляла вражья сила.

Мне остается объяснить некоторые частности, относящиеся к вопросу, и отвечать на посторонние, *не научные* обвинения г. Пыпина.

«Славянофилы были притом, — говорит он, — преисполнены гордости своею системой, и противники их не могли простить им этих притязаний: во-первых, эти высокомерные притязания далеко не были ими доказаны; во-вторых, оставалось невыяснено отношение славянофильства к авторитету, к официальной народности». Стр 55.

Ответ: первые славянофилы были старше первых западников, и относились к ним как профессоры к студентам, которые между тем заявляли свои притязания, прежде чем (обратим на них слова г. Пыпина) «(их) заслуги (?) дали (им) на то какое-нибудь право». Очень естественно было для славянофилов относиться к ним свысока, а оскорбительные подозрения западников, которых они, разумеется, не скрывали, должны были произвести еще большее раздражение.

В то время, как противоположное направление встретилось с практическими вопросами действительности, эта школа дольше оставалась дилетантской системой, которой удобно было витать в отвлеченностях, не особенно заботясь о практических выводах». Стр. 53.

А крестьянский-то вопрос — кем был разрабатываем первоначально и в историческом, и в статистическом, и практическом отношениях, начиная со статьи Хомякова о крестьянских условиях, помещенной в «Москвитянине» 1842 года, с возражением на нее Татаринова[1546], и статьи Кошелева в «Земледельческой Газете» в 1847 или 1848 году[1547], до последних трудов Кошелева, Самарина, князя Черкасского в редакционных комитетах и комиссиях[1548]? Множество их мнений находится еще в рукописи, и мне недавно попалось пись-

мо Хомякова к Я. И. Ростовцеву[1549] по поводу изданных последним, кажется, в чужих краях писем об освобождении крестьян.

Желательно было бы узнать от г. Пыпина, чем обнаружилась встреча западнического направления с практическими вопросами действительности?

Забавнее всего, что историк переменяет роли, и действия славянофилов приписывает западникам, а действия западников — славянофилам — с больной головы на здоровую...

С «Москвитянином» г. Пыпин не знает что делать: ему непременно хочется отделить, так названных им, писателей «Москвитянина» от славянофилов, и он помыкает ими по усмотрению, а в конце концов, оказывается все-таки полное согласие между ними, по собственным его словам, а именно:

«Что касается до "Москвитянина", то с ним славянофилов, в то время, почти *невозможно* было *отличить*. Если философия г. Погодина не пускалась в такие глубины, как философия Киреевского и Хомякова, то критическое понимание было *одно и тоже*. "Москвитянин", как журнал г. Погодина и Шевырева, видел отличительные черты русской народности и русской истории *в том же, в чем* находили их славянофилы: Шевырев изображал православное благочестие русской старины *в столь же ярких красках,* и славянофилы с удовольствием должны были читать в его лекциях, что любомудрие древних русских мыслителей превышает глубиною философию Гегеля. Кроме *общей любви к старине,* достойной служить образцом для настоящего по "цельности воззрения", — "Москвитянин" *сходился* со славянофилами и в *частных представлениях* русской истории по поводу статьи г. Погодина — "Параллель русской истории с историею западных европейских государств". Славянофилы находили, что его мысль о коренном различии между историей западной и нашей — *неоспорима,* и противоположения запада и востока у них *очень сходны*. "Москвитянин" терпеть не мог запада и распространял теорию об его гниении — которая почти *совершенно равняется* тому мнению, какое имели и имеют о западе славянофилы». Стр. 72.

«*Самые теории очень трудно было* различить, потому что осуждение запада и у славянофилов было достаточно категорическое». Стр. 94.

«Славянофильские теории являлись рядом с рассуждениями Погодина, Шевырева и проч. и между ними не раз можно было заметить *большее согласие*». Стр. 54.

«Впрочем, еще до этого времени славянофильские писатели в печатной литературе примыкали нередко к людям *близкого с ними, но тем не менее особого* направления в “Москвитянине”». Стр. 53.

Итого: о религии и православии славянофилы и писатели «Москвитянина» у г. Пыпина говорили одно и тоже, о русской истории одно и тоже (последним она принадлежит преимущественно); о характере русского народа — одно и тоже; о наших силах, о наших задатках — одно и тоже. Что же остается в различии? Что есть такое у славянофилов г. Пыпина, чего нет у его же писателей «Москвитянина»? Прибавлять ли, что славянофилы г. Пыпина принимали участие в издании «Москвитянина» от начала его до конца, кроме годов издания особых сборников; и что глава славянофилов, по рассуждению г. Пыпина, был несколько времени издателем «Москвитянина», уже совершенно славянофильского, — где принимали однако же участие и прежние писатели «Москвитянина»?..

Г. Пыпин придумал очень хорошее слово: официальная, казенная народность; жаль только, что он не объяснил порядочно, что разумеет под нею, да и употребляет ее он слишком произвольно.

Спросим его предварительно: у Державина, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, какая была народность — официальная, или нет?

Кажется — он считает ее официальною, ибо говорит, что органами официальной народности «стали, между прочими, некоторые из лучших наших писателей». Стр. 58.

Славянофильство г. Пыпин считает также очень близким к официальной народности. Стр. 56.

Но обращается он гневом на одного «Москвитянина», который, как козел искупления, «представил-де весьма непривлекательный сбор казенных взглядов официальной народности». Стр. 54.

Г. Пыпин разумеет, кажется, под господствовавшей казенною народностию знаменитую формулу Уварова: православие, самодержавие, народность. Так ли?

Я должен распространиться несколько об ней. Прежде всего замечу историку, что эту, хорошо, неодносторонне понятную формулу принимают до сих пор многие серьезные русские люди, знакомые с историею, с народом, с жизнью. (Укажу на сей час прочитанную статью г. Константинова (псевдоним?) в «Русском Вестнике», 1873 г. № 2[1550].)

Можете ли вы порицать их безусловно? Что же сделается тогда с вашею свободою мнений? Или — вы исповедуете свободу мнений только для себя?

Карамзин стоял в свое время за самодержавие, хоть и был «республиканцем в душе».

Вальтер Скотт[1551] был отъявленный тори, но ни один *англичанин* и не думает заподозрить его любовь к свободе.

Между нынешними легитимистами[1552] во Франции разве нет людей честных, благородных, умных, любящих искренно и горячо свое отечество?

Кастелляр[1553] в Испании желает республики федеративной, а Олосага[1554] — единой!

Неужели г. Пыпин думает, что Уваровская формула играла роль еще где-нибудь, кроме отчетов министра, т. е. самого автора? В литературе она служила только охранением для охранения мыслей, излагавшихся иногда под ее покровительством; во всяком случае, нельзя было говорить об одном члене формулы отдельно от других. Впрочем, и о трех вместе говорено было немного. Давления никакого она не производила и производить не могла. У кого были мысли, тот мыслил про себя, или выражал их, если имел то искусство, которым, по мнению Карамзина, можно говорить что угодно, несмотря ни на какие цензурные путы. А у кого не было мыслей, а только ощущений, тот молчал, или отделывался междометиями, и разглагольствовал дверям затворенными, за бокалом шампанского, снискивая себе тем дешевую популярность.

В Уваровской формуле появилось впервые слово «народность», в официальном языке до тех пор неслыханное. За одно это слово должно помянуть добром Уварова, а так как мысли живут, развиваются, зреют, то за этим словом последовали и другие — однородные.

Я посоветовал бы историку поразмыслить о том, с точки зрения научной, а не случайной, чтоб быть справедливее во всех опрометчивых заключениях!

Г. Пыпин, приписав славянофилам «положение очень близкое к официальной народности», должен однако же сознаться, что они не пользовались благосклонностью высших сфер, ибо продолжение «Московских Сборников» было запрещено[1555], и сотрудники получили некоторое особое предостережение.

А вот к сведению г. Пыпина и соответствующие известия о «Москвитянине»: укажу только на напечатанные и официальные.

В 1842 году, в начале «Москвитянина», писано было тайному советнику Уварову (министру просвещения): «В последние годы некоторые журналы, и в особенности «Москвитянин», приняли за особенную тему выставлять живущих под владычеством Турции и Австрии славян, как терпящих особые угнетения, и предвещать скорое (?) отделение их от иноплеменного ига. Возбуждать участие к политическому порабощению некоторых славянских народов, представлять им Россию, как главу, от которой могут они ожидать лучшего направления в будущности, и явно рукоплескать порывам к эмансипации, — заключало это донесение, — едва ли можно считать такую пропаганду неопасною?»

Министр Уваров, благоволивший к «Москвитянину» и его редактору, препроводил донесение к московскому генерал-губернатору, с шутливым приглашением принять меры против угрожающей для Москвы опасности от статей — «Москвитянина». Князь Д. В. Голицын[1556], благоволивший также к «Москвитянину» и его редактору, написал к Уварову шутливую записку, когда тому случилось вскоре приехать в Москву: «Venez, mon cher, et cherchons les moyens pour detourner la guerre entre la Russie et la Porte Ottomane».[1557]

Последние, приведенные в донесении слова: «Едва ли можно считать не опасною», указывают, кажется, еще на другое, т. е. предшествовавшее донесение, о котором мне не случилось однако же узнать ничего.

В последнем году «Москвитянина» цензурная история разыгралась гораздо печальнее: увольнением двух цензоров за пропуск какой-то ничтожной повести[1558]! И каких цензоров? М. Н. Похвиснева[1559], бывшего тогда при попечителе В. И. Назимове[1560] и первым лицом в управлении округа, а потом занимавшего много лет с честью высокое место начальника главного управления по делам печати. Второй

уволенный цензор был Д. С. Ржевский[1561]. Я заблагорассудил тогда прекратить издание «Москвитянина», хотя и имел все нужные для издания средства.

Около того же времени (1856) я напечатал одну статью в «Le Nord»[1562], кажется, по поводу войны англичан в Индии, где слегка коснулся в заключении об ожидаемом у нас решении крестьянского вопроса и должен был дать подписку графу Закревскому, что не буду печатать ничего за границею без разрешения.

Г. Пыпин свидетельствует, что «Москвитянин» не пользовался уважением». Стр. 72. Считаю себя обязанным заступиться за «Москвитянина» и спросить: у кого именно он не пользовался уважением?

В «Москвитянине», от первого года до последнего, принимали участие и помещали статьи: Жуковский, которому отчасти он одолжен и своим существованием (равно как и князю Д. В. Голицыну), как подавший первую мысль и помогавший к приведению ее в исполнение; князь Вяземский, Гоголь, Даль, гр. Ростопчина, Максимович, Глинка (Ф. Н.), Дмитриев (М. А.), Вельтман, Аксаков (С. Т.), Горский, Стурдза, Загоскин, Мельгунов, Квитка, Ознобишин, Раич, Павлова, Миллер (Ф. Б.), Буслаев, Грот, Срезневский, Щуровский, Григорьев (В. В.), Иакинф, Давыдов, Сахаров, Снегирев, Беляев, Лешков, Березин, Спасский[1563]. Не говорю уже об отделенных г. Пыпиным славянофилах: Хомякове, Языкове, Аксакове, Самарине, Попове и проч.

В «Москвитянине» были помещены пять первых комедий Островского[1564], из коих первая «Банкрот» («Свои люди сочтемся») могла и на свет выйти только благодаря его ходатайству, чрез попечителя В. И. Назимова.

В «Москвитянине» были помещены все первые повести Писемского, Потехина, Кокорева (И. Т.), все первые опыты Щербины, Мея, Берга, Мина, Фета[1565]. Не нужно распространяться здесь о материалах для «Русской Истории» и «Истории Русской Словесности», по которым московский «Русский Архив»[1566] и петербургскую «Русскую Старину»[1567]можно считать детьми «Москвитянина».

Осмелюсь ли указать г. Пыпину на имена митрополита Филарета, архиепископов Иннокентия и Филарета[1568]? Осмелюсь, потому что могу рассказать следующий случай: преосвященный Иннокентий присылал мне свои проповеди о временах года, помещенные

в «Москвитянине». В проповеди на весну одно место о лесах, предназначенных на общую пользу, показалось мне двусмысленным, и я, по-тогдашнему времени, выразил ему опасение, как бы цензура не увидала здесь чего-нибудь коммунистического, — а сам послал между тем проповедь в духовную цензуру. Иннокентий ответил мне: «Исправьте как хотите», а в то же время проповедь пришла ко мне из цензуры сполна пропущенною. Мне не хотелось исправлять подозрительное место и посылать на новую цензуру, и я выпустил книжку с проповедью в первоначальном ее виде: авось пройдет! Однако не прошло благополучно. Князь Меншиков отозвался будто: notre archevêque Innocent n'est pas très innocent[1569]. Я слышал, что Иннокентию был даже запрос об его учении, и он отвечал: «Я учу и учил всегда, чтоб неимущим имущие давали добровольно, но никогда не учил, чтоб неимущие брали у имущих насильно». Мне не случилось после спросить Иннокентия, справедлив ли был этот анекдот; но это мимоходом.

Г. Пыпин говорит, что «писатели «Москвитянина» не пользовались репутацией». Стр. 53. Здесь я не спрашиваю у него, потому что сам г. Пыпин отвечает вперед на этот вопрос, заявляя торжественно о вражде западников к «Москвитянину», — такой вражде, что даже к его славянофилам враждовали они преимущественно за их согласие с писателями «Москвитянина»! Это сознание повторено несколько раз. Враждою этой я горжусь до сих пор, столько же, сколько благорасположением людей противного образа мыслей, и, занесенный в черную книгу, осыпаемый бранью при всяком удобном и неудобном случае, думаю сам про себя с удовольствием: видимое желание противодействовать отрицательному направлению в «Московском Вестнике» 1827–1830, «Москвитянине» 1841–1856, «Русском Вестнике» 1867–1868 г. не оставалось без успеха даже по их собственному невольному сознанию.

Забавнее всего, что г. Пыпин, витая в областях воздушных, а не на исторической почве, мнением своим полагает, что «в основании славянофильства была известная нравственно-общественная сила, но столкнувшись в своем развитии с тяжелыми общественными условиями эта сила не сохранила-де правильного направления и впала в одностороннюю крайность, *в которой остается до сих пор*». Стр. 50.

Любопытно было бы узнать, какое направление он считает правильным, в чем состоит крайность, в которой она находится? Кто ее представители, и в чем они обнаруживают свою деятельность? Слова, слова и слова!

Что касается лично до меня в статье г. Пыпина, то объясняться с ним я не имею ни охоты, ни нужды, ни времени. Меня дожидает уже мнение г. Иловайского[1570], которому обещал я подстрочный разбор его стародавней, впрочем, фантазии, а потом черед за Сусаниным, которого обещал «Гражданину» оборонить от г. Костомарова[1571], а там еще первые князья киевские, глубоко оскорбленные тем же историком, а там начаты еще газетные заметки...

Труды мои налицо. В продолжение 50-ти слишком уже теперь лет, не было не только года, но не было даже месяца, едва ли недели, без какой-либо статьи (кроме исследований и вообще занятий по русской истории, которой посвящаются утра), и я не отрекаюсь ни от одной своей строки. Еже писах — писах[1572]. Смею надеяться, что найдутся всегда беспристрастные судьи, которые рассмотрят *всю* мою деятельность, обсудят прю с противниками и воздадут каждому свое. Quod potui — feci, (et facio) meliora faciant poteates[1573].

М. Погодин

КОММЕНТАРИИ

Взгляд на русскую историю.
Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г.

Погодин с кафедры русской истории в присутствии С. С. Уварова прочел вступительную лекцию, в которой изложил свой взгляд на русскую историю (1833). Лекция вышла в первом номере «Ученых записок» в июне 1833 г. — периодическом издании, учрежденном по инициативе Уварова при Московском университете. См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 4. СПб., 1891. С. 147–148, 161–162. Текст печатается по: [*Погодин М. П.*] Взгляд на русскую историю. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. // Историко-критические отрывки М. Погодина. М., 1846. С. 1–18.

[1] Македонская — империя Александра Великого (356 до н. э. — 323 до н. э.), самое крупное государство древнего мира, простиравшееся от Дуная до Инда, составившее основу особой «западно-восточной» эллинистической цивилизации. Созданная в результате завоеваний, империя формально просуществовала менее 13 лет — с момента вступления молодого царя на македонский престол в 336 до н. э. и до его смерти, после чего на ее территории возник ряд эллинистических государств, последнее из которых — Египет — было завоевано Римом в 30 г. до н. э.

Римская — мировая держава с центром в Риме, государственное устройство которой совершило эволюцию от республиканского строя к империи в период диктатуры Гая Юлия Цезаря (100–44 до н. э.), родовое имя которого (Caesar) стало со времени правления Августа (27 до н. э. — 14 н. э.) титулом императоров-монархов. Разделилась на Восточную Римскую (Византийскую) и Западную Римскую империи после смерти последнего императора единой Римской империи Феодосия I (правил в 379–395).

Аравийская — арабский халифат, первая империя, основанная на религиозном миссионерстве. После смерти пророка Мухаммеда в 632 г., создавшего ислам, его наследники — халифы (*араб.* халифа — «преемник», «заместитель») начали завоевания, в результате которых была создана обширная империя, простиравшаяся от Индии до Атлантического океана и от Средней Азии до Центральной Африки и просуществовавшая до X в.

Франкская — империя Каролингов, у истоков которой стоит франкский король Карл Великий (правил в 768–814), провозглашенный императо-

ром 25 декабря 800 г. в Риме Папой Львом III; обширная территория империи в 843 г. разделилась на три королевства: Западнофранкское (куда входили земли будущей Франции), Восточнофранкское (составившее ядро Священной Римской империи германской нации (с 962), а затем и собственно будущей Германии) и недолго просуществовавшее Среднефранкское (Италия, Прованс и т. д.).

Монгольская — империя, сложившаяся в первой половине XIII в. в результате завоеваний Чингисхана (1155–1227), принявшего титул великого хана в 1206 г., и его преемников. В середине XIII в. включала Монголию, Северный Китай, Центральную и Среднюю Азию, Закавказье и др. Держала в зависимости значительную часть русских земель. Распалась в последней четверти XIV в.

[2] Речь идет о славянах, восточную ветвь которых составляли русские, украинцы, белорусы, западную — поляки, чехи, словаки, лужичане, южную — болгары, сербы, хорваты, словенцы, македонцы, боснийцы, черногорцы.

[3] Рейн, Райн, река в Западной Европе (Швейцария, Германия, Нидерланды и др.). Адриатическое море, полузамкнутое море, являющееся частью Средиземного моря между Апеннинским и Балканским полуостровами.

[4] «Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих Диких; подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего» (*Карамзин Н. М.* Предисловие // История Государства Российского В 12 томах. Т. 1. М. 1989. С. 14–15).

[5] Речь идет об императоре Наполеоне I Бонапарте (Napoléon Bonaparte) (1769–1821), выдающемся французском полководце и государственном деятеле. Первый консул Французской республики (1799–1804), француз-

ский император (1804–1814 и март-июнь 1815). После поражения при Ватерлоо (18 июня 1815) он был вынужден отречься от престола и сдаться англичанам, которые 15 октября 1815 г. отправили его на остров Святой Елены в Атлантическом океане неподалеку от побережья Африки. При нем находилась небольшая свита, которой Наполеон диктовал свои воспоминания и размышления, представляя себя новым пророком с «Евангелием Святой Елены». Его мемуары были изданы в 9-ти томах в 1830 г.

[6] Речь идет о гражданской войне (так называемые Мигелистские войны 1823–1834) между приверженцами абсолютизма и сторонниками сохранения конституционной монархии. Одних возглавлял принц Мигел Брагансский (1802–1866), предводителем других стал Педру д'Алькантара (1798–1834) — сыновья португальского короля Жуана VI (1769–1826).

[7] Первые две испанские революции (1808–1814 и 1820–1823) дали стране конституцию и различные либеральные свободы, однако Священный союз предпринял открытую интервенцию. 7 апреля 1823 г. французская армия вторглась в Испанию, а 1 октября 1823 г. король Фердинанд VII восстановил абсолютистский режим. Правление же Филиппа II (1527–1598), короля Испании с 1556 и с 1581 — Португалии, принято считать примером неудачных мероприятий во внутренней и внешней политике, приведших страну в упадок.

[8] С конца XVIII в. правительства многих европейских государств стали активно пользоваться государственными займами как источником доходов государства, используя полученные средства, как правило, на ведение войн, что провоцировало стремительный рост государственной задолженности. Так, в Англии к 1820 г. государственный долг вырос до 106 млн фунтов стерлингов, а к 1830 г. государственные расходы составляли более 10,5% ВВП. Не случайно во времена Погодина господствовало отрицательное отношение к государственному кредиту, что объяснялось использованием заемных средств на непроизводственные цели.

[9] См. комм. 5.

[10] *Гизо* (Guizot) Франсуа-Пьер-Гильом (1787–1874), *Дюпен* (Dupin) Андре (1783–1865), *Биньон* (Bignon) Луи-Пьер (1771–1841), *Перье* (Perier) Казимир (1777–1832) — члены первого кабинета министров, созданного 11 августа 1830 г., сразу после Июльской революции 1830 г., реставрировавшей монархию во Франции.

[11] *Кауниц* (Kaunitz), князь Венцель-Антон, Доминик, граф Ритберг, (1711–1794) — австрийский государственный деятель, в 1753–1792 гг. государственный канцлер, сорок лет вел внешние и внутренние дела Австрии.

Меттерних-Виннебург (Metternich-Winneburg) Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) — князь; австрийский государственный деятель и дипломат. Благодаря браку с Марией Элеонорой Кауниц, внучкой и наследницей канцлера Австрии графа Венцеля фон Кауница, Меттерних вошел в высшие слои венского общества. В 1809–1821 гг. министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства, в 1821–1848 гг. канцлер. См. также комм. 447.

12 Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии, составлявшие Остзейский (Прибалтийский край) Российской империи, которая в 1825 г. была разделена на 49 губерний: 32 русские, 4 сибирские и 13 особых — 3 прибалтийские, 8 в Белоруссии и на западе Украины, 2 малороссийские, а также 6 областей (Бессарабская, Кавказская, Войска Донского, Грузия с Закавказьем — Белостокская и Имеретинская, Омская и Якутская). К 1847 г. в России насчитывалось уже 55 губерний и 3 области.

13 Колосс — предмет большой величины, великан. Во время, когда Погодин писал эти строки, Россия действительно «стояла на двух полушариях». Владения России во втором полушарии — Аляска, были проданы Америке в 1867 г.

14 Заявленный здесь концепт «покорения» и «свадьбы» (т. е. взаимного влияния завоевателей и завоеванных) был обозначен М. П. Погодиным также в его «Афоризмах» (1836) и получил развернутую аргументацию в статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845).

15 Константинополь, город на берегу Босфора, с 395 г. по 29 мая 1453 г. столица Восточной Римской (Византийской) империи. См. также комм. 269.

16 Речь идет о схизме (*греч.* schísma, буквально — расщепление), разделении христианской церкви на католическую и православную, которому способствовали различия между западной и восточной церквями в догматике, организации, обрядах (ставшие явственными уже с VII в.). Начало схизме было положено разрывом около 867 г. между папой Николаем I и константинопольским патриархом Фотием, продолжено в середине XI в. (традиционно разделение датируют 1054 г., когда римский легат кардинал Гумберт и константинопольский патриарх Кируларий предали друг друга анафеме), окончательно же утвердилась после завоевания Константинополя в 1204 г. крестоносцами, которые разрушили этот центр православия.

17 Первое чадо — здесь: плод, результат.

18 Феодализм (*нем.* feudalismus, *франц.* féodalité, от *позднелат.* feodum, feudum — феод) — характерная для средневековой Европы и других

стран специфическая система экономических, социальных и политико-правовых отношений, главными элементами которой были: соединение в одном лице (сеньоре) землевладельца и носителя политической власти; закрепощение населения, живущего на территории землевладельца-сеньора; образование иерархии крупных и мелких феодальных владельцев, связанных особой системой ленных (вассальных) отношений друг к другу и объединяемых общими вассальными отношениями к главному сеньору (сюзерену) страны, королю или императору.

Рыцарство — в широком смысле, социальная категория, включавшая всех светских, а с XII в. и часть духовных феодалов-воинов.

[19] Удельная система — система, возникшая после смерти Ярослава I Владимировича (1054), когда русская земля, находившаяся под властью киевских князей, была разделена, согласно его завещанию, между его сыновьями на удельные княжества, которые номинально зависели от великих князей, но фактически были независимы, имея собственные войска, судебные учреждения и т. п. Все это порождало завышенные политические амбиции удельных князей и вело к ожесточенным междоусобным конфликтам. Междоусобицы прекратили великие московские князья, присоединившие к царству множество уделов, последний из которых — Угличское княжество было ликвидировано в 1591 г.

[20] Майоратство, майорат (*позднелат.* majoratus, от *лат.* major — больший, старший), система наследования, по которой имущество переходит нераздельно к старшему сыну или старшему в роде.

[21] Крестовые походы (1095–1270) — инициированные папством восемь вооруженных экспедиций европейских католиков на Ближний Восток (в Палестину, Сирию, Египет, Тунис) под лозунгами освобождения Святой Земли (Палестины) и Гроба Господня (в Иерусалиме) от «неверных» (мусульман).

[22] Монгольское (монголо-татарское, татаро-монгольское, ордынское) иго на Руси (1243–1480), традиционное название системы вассальной зависимости русских князей от Монгольской империи и Золотой Орды, сопровождавшейся ежегодным сбором дани, частыми карательными набегами ордынских ханов и военачальников.

[23] Реформация (от *лат.* reformatio — преобразование, исправление), общественно-политическое и религиозное движение в Западной и Средней Европе в XVI в., основным содержанием которого была борьба против католичества и союзных ему феодалов за обновление западно-христианской церкви.

[24] *Петр I Великий* (1672–1725) — сын царя Алексея I Михайловича Романова, в 1682 г. наследовал трон после смерти брата Федора III, стал царем вместе с братом Иваном при регентстве их единокровной сестры Софьи. В 1721 г. был провозглашен Российским императором. Петр I основал военно-морской флот, реформировал страну по западным образцам, способствовал развитию промышленности, образования, науки, культуры, основал город Санкт-Петербург.

[25] Нашествия:

норманнов — в русских летописях рассказывается, что варяги облагали данью северных славян. Согласно общепринятой в научной среде версии, древнерусская княжеская (впоследствии царская) династия Рюриковичей (862–1598 гг.) основана легендарным варяжским военачальником *Рюриком* (?–879);

монголов — см. комм. 22;

поляков — в начале XVII в. Речь Посполитая предприняла действия, направленные на расчленение России и ликвидацию ее государственной самостоятельности, которые обычно называют польской интервенцией. После 1583 г. князь Трансильвании (1571–1575) и польский король (1575–1586) Стефан Баторий выдвинул план подчинения Русского государства Польше. Однако первый этап польской интервенции реализовался позже, в правление его преемника Сигизмунда III, и был связан с поддержкой Лжедмитрия I, который обещал передать Речи Посполитой (а частично своему тестю Мнишеку) западные районы Русского государства, поддержать ее в борьбе со Швецией, ввести в России католичество и принять участие в антитурецкой коалиции. Когда Лжедмитрий I занял престол, по различным причинам он отказался делать территориальные уступки Польше и заключать военный союз против Швеции. После убийства самозванца в мае 1606 г. в ходе антипольского восстания в Москве отряды польско-литовских магнатов составили основу военных сил Лжедмитрия II, осадивших Москву и захвативших к осени 1608 г. значительную территорию Европейской части Русского государства. Открытая агрессия польского правительства против России началась с благословения папы римского Павла V осадой Смоленска (сентябрь 1609), в марте 1610 г. значительная часть тушинских польских войск перешла к Сигизмунду III, в феврале 1610 г. посольством русских бояр, являвшихся ранее сторонниками Лжедмитрия II, во главе с М. Г. Салтыковым был заключен договор с Сигизмундом III, по которому его сын Владислав признавался русским царем. Это же в августе 1610 г. подтвердила «Семибоярщина» — московское правительство, заключившее с командующим польской армией гетманом

Станиславом Жолкевским новый договор, на основе которого в ночь с 20 на 21 сентября польские войска вошли в Москву, освобожденную от них лишь в октябре 1612 г. Еще дважды, в 1612 и в 1617–1618 гг., поляки предпринимали попытки завоевать Россию, но неудачно. По Деулинскому перемирию 1618 г. русское правительство было вынуждено уступить Польше смоленские (за исключением Вязьмы), черниговские, новгород-северские земли с 29 городами, в том числе Смоленск. После заключения договора был проведен размен пленными, в результате которого в Москву вернулись находившиеся в плену отец царя Михаила Романова патриарх Филарет и др. Королевич Владислав, ссылаясь на соглашение с боярами-изменниками в 1610 г. и на то, что некоторые москвичи признали его царем в 1611 г., не отказывался от претензии на русский престол, сделав это лишь в 1634 г., после очередной русско-польской войны («Смоленская война» 1632–1634). Смоленские и Черниговские земли вернулись в состав России по Андрусовскому перемирию, завершившему русско-польскую войну 1654–1667 гг. Условия этого перемирия были подтверждены «Вечным миром» между Россией и Речью Посполитой, подписанным в Москве в 1686 г.;

французов — вторжение войск императора Наполеона I в Россию началось 12 июня 1812 г., когда его «Великая армия» (около 610 тыс. человек) перешла через р. Неман в районе Ковно. В начале войны российские 1-я (М. Б. Барклай-де-Толли) и 2-я (князь П. И. Багратион) армии (около 240 тыс. человек) с боями отступали на запад, уклоняясь от попыток Наполеона I втянуть их в сражения и разбить поодиночке. 22 июля обе армии соединились у Смоленска. В ходе Смоленского сражения (4–6 августа) Наполеону I не удалось разгромить основные силы российских войск. 8 августа главнокомандующим всеми действующими российскими армиями был назначен М. И. Кутузов. 26 августа произошло Бородинское сражение. 1 сентября на военном совете в Филях было принято решение оставить Москву (французские войска вступили в нее 2 сентября, в тот же день вспыхнул пожар, уничтоживший почти весь город). В сентябре-октябре Кутузов, осуществив Тарутинский марш-маневр, отвел армию в район села Тарутино, прикрыл дороги в южные губернии России, пополнил армию, снабдил ее вооружением и боеприпасами. Попытки Наполеона I вступить в переговоры были им отвергнуты. Оставшиеся в Москве французы терпели острый недостаток в продовольствии и снаряжении, отряды их фуражиров уничтожались партизанами и регулярными войсками. 6 октября Наполеон I оставил Москву и двинул армию в сторону Калуги, однако после сражения при Малоярославце (12 октября) был вынужден отступать по разоренной Старой Смоленской дороге, теснимый авангардом российской армии и подвергаясь постоянным ударам партизан и казаков с флангов. В сражении при Берези-

не 14–16 ноября большая часть «Великой армии» была уничтожена или пленена. К середине декабря ее остатки изгнаны из России. Заграничные походы русской армии 1813–1814 гг. завершились взятием Парижа (18 марта 1814) и падением империи Наполеона I.

[26] Во времена Погодина университетский диплом давал преимущества на продвижение по «Табели о рангах» для дворян и более быструю возможность получения дворянства разночинцам. Так, например, для получения гражданского чина коллежского асессора (эквивалентного военному чину майора, предоставляющему право потомственного, передающегося по наследству дворянства (до 1845) и титул «ваше высокоблагородие»), который особенно привлекал разночинцев, с 1809 г. требовались университетский диплом либо сдача специального экзамена.

[27] Разрядные книги — «государевы разряды», книги записей распоряжений русского правительства о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу в XVI–XVII вв., собрание (свод) извлечений из различных официальных документов. Они велись дьяками великокняжеской канцелярии, затем Разрядного приказа. Зачастую использовались служилой знатью для подтверждения знатности, родовитости и высокого служебного положения своих предков, чтобы занять соответствующее «место» в системе феодальной иерархии (так называемое «местничество» произошло от обычая считаться «местами» на службе и за государевым столом. Тот из феодалов, который считал свое происхождение более древним, благородным и знатным либо личные свои заслуги значительными, занимал место ближе к царю и, соответственно, претендовал на более высокую должность в войске или в гражданской администрации). По воле царя Федора Алексеевича (1661–1682, царь с 1676), в начале 1682 г. местничество было уничтожено, а разрядные книги, хранившиеся в приказах, — публично сожжены.

«Чернь Бастильская» — по названию Бастилии, крепости в Париже, служившей государственной тюрьмою, которая была разрушена народом 14 июля 1789 г., что ознаменовало начало Великой Французской революции. Взятие Бастилии сделалось символом всякого политического освобождения, достигнутого не «сверху», а «снизу», революционным путем, самое слово «Бастилия» стало нарицательным.

Гракх — прозвище Бабефа (Babeuf), Франсуа (1764–1797), французского революционера, основавшего в 1796 г. тайное ультраякобинское и прокоммунистическое общество «Заговор равных» для свержения директории — правительства (из пяти директоров) Французской республики (1795–1799).

Мирабо (Mirabeau) де, Оноре-Габриель Рикетти (1749–1791) — граф, знаменитый французский политический деятель времен Великой французской революции.

Руссо (Rousseau), Жан-Жак (1712–1778) — французский философ-просветитель, политический мыслитель, писатель, поэт, композитор. См. также комм. 84.

28 *Карамзин* Николай Михайлович (1766–1826) — знаменитый русский историк, писатель, почетный член Петербургской Академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т. 1–12, 1816–1829) — первого обобщающего труда по истории России. См. также комм. 84.

29 *Гиббон* (Gibbon) Эдуард (1737–1794) — знаменитый английский историк, автор фундаментального сочинения «История упадка и разрушения Римской империи» (в 6 томах, 1776–1788), в котором проводил мысль о том, что падение империи было ускорено распространением христианства, убившего дух патриотизма и гражданственности. Уже первый том книги имел грандиозный успех. Блестящий стиль автора вызвал восторг публики, а его просветительски-антихристианский пафос навлек на него нападки и критику. См. также комм. 954.

30 *Байрон*, Джордж Гордон (1788–1824) — лорд; знаменитый английский поэт, с именем которого связан так называемый «байронизм» — общественное умонастроение, в определенных кругах европейской молодежи начала XIX в. ассоциировавшееся с индивидуализмом, подчеркнутой разочарованностью в общественной жизни, особым интересом к диким, экзотическим странам, а также с бунтарским духом и свободолюбием.

31 Дворянство — высшее сословие в России, первоначально возникшее как низшая часть военно-служилого сословия (XII–XIII вв.). С XIV в. дворяне получали за службу землю. При Петре I завершилось становление дворянства, которое пополнялось выходцами из других слоев в результате их продвижения по государственной службе. В 1762 г. дворянство добилось освобождения от обязательной военной и гражданской государственной службы, введенной Петром I; дворяне не подвергались телесным наказаниям, освобождались от рекрутской повинности, личных податей. Жалованная грамота (1785) Екатерины II (на права, вольности и преимущества российского дворянства) устанавливала широкий круг личных привилегий дворянства, вводила дворянское самоуправление. См. также комм. 34, 940.

32 Из Скандинавии, Орды, Крыма, Пруссии, Италии, Литвы вышли основатели многих родов русского дворянства, поступившие на службу правителям Руси-России (так, например, Воронцовы ведут начало от ле-

гендарного Симона Африкановича, выехавшего из Варяжской земли в Киев в 1027 г.; основатель рода Годуновых мурза Чет приехал на службу в Москву из Золотой Орды около 1330 г.; основатель рода Головиных происходил, по преданию, от князя Степана Васильевича Ховры, родом грека, владетеля городов Судака, Манкупа и Балаклавы, выехавшего из Крыма в Москву в конце XIV в.; родоначальник Шереметевых выехал «из Прусс»; род Чичериных происходил от выехавшего из Италии в свите Софии Палеолог в 1472 г. Афанасия Чичерни (Чичерини); основатель старинного и богатого княжеского рода Голициных — Михаил Иванович Булгаков по прозвищу Голица (голая кожаная рукавица без меха и подкладки) — был праправнуком литовского великого князя Гедимина и т. д.)

33 Гранды, лорды, маркизы, бароны — дворянские аристократические титулы.

34 Источником дворянства в России изначально стал низший слой военно-служилого сословия — «вольные слуги», составлявшие двор князя или крупного боярина в XII–XIII вв. «Уложение о службе» (1555–1556), отмена местничества (1682) и особенно петровская «Табель о рангах» (1722) подтвердили и укрепили статус дворянина как государственного человека, обязанного быть в гражданской или в военной службе. По «Табели о рангах», определявшей бюрократическую иерархию чинов в армии, флоте и гражданской администрации, даже самый низкий ранг давал права личного дворянства, а более высокие ранги — права потомственного дворянства; таким образом, выходцы из других сословий могли стать и становились дворянами в результате продвижения по государственной службе (а также за счет пожалований дворянства по личному усмотрению царя). Лишь в 1762 г. Манифестом о вольности дворянства («О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству») императора Петра III дворяне были освобождены от обязательной гражданской и военной службы.

35 *Гизо* (Guizot), Франсуа-Пьер-Гильом (1787–1874) — французский государственный деятель и историк;

Галлам (Hallam), Генри (1777–1859) — английский историк;

Луден (Luden), Генрих (1788–1847) — немецкий историк.

36 Олег, недовольный, вероятно, новгородцами, без всякого намерения переселяется в Киев. См. также комм. 330, 341.

37 Новгород Великий — один из древнейших русских городов на северо-западе России — впервые упоминается в 859 г., с X в. — второй по значению центр Киевской Руси.

[38] Папа Римский, высший церковный иерарх, глава римско-католической церкви.

[39] Католичество, католицизм (от *греч.* katholikós — всеобщий, вселенский) — одна из ветвей христианства, существующая как строго централизованная церковь, во главе которой стоит Папа (римский епископ). Папа является также и светским главой теократического государства (с 754 г. Папского государства, с 1929 г. государства Ватикан). Особенностями католицизма являются: целибат (безбрачие духовенства); признание догматов о непорочном зачатии Богоматери и ее телесном вознесении; добавление к символу веры филиокве (утверждения о том, что Святой Дух исходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына); догмат о непогрешимости папы; резкое разграничение между клиром и мирянами.

[40] Введение христианства на Руси начато принявшим православие киевским князем Владимиром I Святославичем в 988–989 гг.

[41] *София Палеолог* (?–1503) — великая княжна московская, вторая жена Ивана (Иоанна) III, мать Василия III и племянница последнего императора Византии Константина XI. Став в 1472 г. супругой правителя России, София начала продвигать идею России как Третьего Рима; тогда при дворе возникли строгий этикет и небывалая пышность; был введен новый герб страны, соединявший герб московского княжества, изображавшего Георгия Победоносца, с двуглавым орлом византийской империи.

[42] См. комм. 37.

Рязань — один из древнейших русских городов на р. Оке при впадении в нее р. Трубеж — упоминается в летописи 1095 г., под именем Переяславля Рязанского, со второй половины XIV в. стал столицей Рязанского Великого княжества. С 1521 г. в Московском государстве.

Тверь — город на Волге при впадении в нее р. Тверцы. Основан новгородцами (впервые упоминается в 1164 г.). В XIII в. — центр Великого княжества Тверского, которое в 1485 г. вошло в состав Московского государства.

Вятка — Вятская Земля (Хлыновская), в XII–XVIII вв. историческое название территории в бассейне верхнего и части среднего течения р. Вятка. С VI в. населена коми и удмуртами, с X в. также марийцами. Осваивалась новгородцами, основавшими в конце XII — начале XIII в. города Хлынов, Никульчин и Котельнич, составившие «Хлыновскую землю» — самостоятельное образование, наподобие Новгородской республики. В 1489 г. присоединена к Русскому государству.

Страны Северские — страна Северская или Северная, территории на севере от Киева от запада к востоку (в Российской империи — Черниговская [Новгород-Северский], Орловская, Курская, Воронежская губернии и за нею степи по Дону).

Пермь — древнерусское название в XIII–XVII вв. исторической области от Уральских гор до рек Печора, Кама и Волга, населенной народом коми. Присоединена к Русскому государству в 1478 г.

Малороссия — в официальных документах Российской империи с середины XVII в. название левобережной Украины — территорий, лежащих на левом берегу р. Днепр, часто в обиходе так называют и всю Украину.

43 Речь идет о военных действиях в 1480 г. между *Ахматом* (?–1481), ханом Большой Орды (с 1465), и Иваном III Васильевичем (1440–1505), великим князем московским (с 1462), вызванных отказом Москвы (1476) платить Орде ежегодную дань. 3 октября Иван прибыл со своим отрядом войск на левый берег р. Угры при впадении ее в р. Оку (недалеко от Калуги). В октябре 1480 г. хан Ахмет тоже подошел к Угре, пытаясь перейти на левый берег, но был отбит русскими. Началось противостояние русских и татар («Стояние на Угре»), которое продолжалось до конца года. Татары не решились на главное сражение. Начавшиеся морозы и голод, отсутствие продовольствия заставили Ахмета уйти. Стояние на р. Угре положило фактически конец ордынскому игу, которое продолжалось более 240 лет.

44 Речь идет о Золотой Орде — «Улусе Джучи», государстве, созданном в начале 1240-х гг. ханом Батыем (Бату, Саин-хан) (ок. 1207–1256). В состав Золотой Орды входили степи Восточной Европы, Казахстана и Западной Сибири, земли в Крыму, на Северном Кавказе, а также Волжско-Камская Булгария, Северный Хорезм. В вассальной зависимости от Золотой Орды находился «Русский улус» (Северо-Восточная Русь). В XV в. Золотая Орда распалась на Большую Орду, Сибирское, Казанское, Крымское и другие ханства.

45 После Казанских походов 1545–1552 гг. и взятия Казани (1552) войсками великого московского князя (1533) и первого русского царя (с 1547) Ивана IV Васильевича прекратило свое существование Казанское ханство и все Среднее Поволжье было присоединено к России, затем в 1556 г. было покорено Астраханское ханство; в зависимость от русского царя попали сибирский хан Едигер (1555) и Большая Ногайская орда (1557).

46 Речь идет о Смутном времени, наступившем в России после смерти Ивана Грозного и смерти в Угличе в 1591 г. царевича Дмитрия, последнего

представителя династии Рюриковичей, и продолжавшемся до избрания в 1613 г. на российский престол представителя новой династии Романовых — Михаила Федоровича (1596–1645). До этого одна часть московского боярства («Семибоярщина») пыталась утвердить на российском престоле польского королевича, старшего сына Сигизмунда III — Владислава (1595–1648) из династии Ваза, который в 1610 г. был даже избран на Московское царство с именем Владислава Жигимонтовича (т. е. Сигизмундовича), но так царем и не стал; новгородские же бояре в 1611 г., а затем 2-е русское ополчение К. М. Минина и князя Д. М. Пожарского в противовес польским претендентам выдвигали кандидатуру сына шведского короля Карла IX — Густава Адольфа (1594–1632) из династии Ваза, ставшего в 1611 г. королем Швеции. См. также комм. 461.

47 Сын и преемник царя Михаила Федоровича Романова — Алексей Михайлович (1629–1676) — русский царь (с 1645), второй представитель династии Романовых на российском престоле, его сыновья: Федор Алексеевич (1661–1682), царь с 1676 г.; Петр Алексеевич (1672–1725), царь (с 1682; с 1689 правил самостоятельно), император (с 22 октября 1721).

48 *Елизавета Петровна* (1709–1761) — российская императрица (с 25 ноября 1741), дочь Петра I и Екатерины I Алексеевны. По ее указу (12/25 января 1755) был учрежден в Москве первый российский университет.

49 *Дмитрий Иванович* (1582–1591) — сын царя Ивана IV Грозного и Марии Нагой, последний Рюрикович. Получил в удел Углич, куда был отправлен вместе с матерью после смерти отца (1584) Борисом Годуновым, опасавшимся соперничества Нагих в борьбе за власть. Погиб в Угличе. Существуют две версии причин его смерти: первая, что он убит по приказу Бориса Годунова, желавшего устранить претендента на престол; вторая, что закололся ножом в припадке падучей болезни, — эта версия была признана официальной, так как специальная комиссия (боярин князь В. И. Шуйский, окольничий А. П. Клешнин, думный дьяк Е. Вылузгин, а также митрополит Геласий) во 2-й половине мая 1591 г. провела расследование, допросив около 150 человек, и пришла к мнению, что смерть царевича случилась во время припадка эпилепсии, когда он упал и закололся ножом.

50 Имеются в виду реформы российского императора Петра I.

51 *Петр I* (сын Алексея Михайловича от второй жены — Н. К. Нарышкиной) был возведен на престол после смерти бездетного царя Федора Алексеевича в обход своего старшего брата Ивана (сына Алексея Михайловича от первого брака с М. И. Милославской). Однако в результате Московского восстания 1682 г. (по имени князя И. А. Хованского, руко-

водителя стрелецкого движения, начальника Стрелецкого приказа, восстание получило название «Хованщина», в нем участвовали стрельцы и старообрядцы — сторонники Милославских, которые расправились со сторонниками Нарышкиных) «старшим» царем был объявлен Иван V Алексеевич, а Петр — «младшим», при правительнице царевне Софье. В 1682–1689 гг., то есть до своего совершеннолетия, Петр вместе с матерью жил в подмосковном селе Преображенском, выезжая в Москву лишь для приема иностранных послов и других дворцовых церемоний. См. также комм. 647.

52 *Софья Алексеевна* (1657–1704) — правительница России в 1682–1689 гг., одна из 13-ти детей царя Алексея Михайловича от брака с Марией Милославской. После смерти своего брата, царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682), активно участвовала в борьбе придворных партий, т. к. была недовольна избранием на царский престол десятилетнего Петра I. Воспользовавшись Московским восстанием 1682 г., партия Милославских захватила власть, а Софья фактически возглавила правительство, опираясь на В. В. Голицына, Ф. Л. Шакловитого и др. В 1689 г. группировка, поддерживавшая Петра I, одержала победу, Софья была заточена в Новодевичий монастырь, а после подавления Стрелецкого восстания 1698 г., во время которого сторонники Софьи намеревались «выкликнуть» ее на царство, пострижена под именем Сусанны в монахини.

53 *Лефорт* (Lefort) Франц Яковлевич (1656–1699) — сподвижник Петра I, родился в Женеве, с 1676 г. в России, участвовал в различных военных кампаниях. С осени 1690 г. Петр I часто бывал в Немецкой слободе в доме Лефорта, который стал одним из главных организаторов и участников военных «потех» Петра; в 1691 г. Лефорт произведен в генерал-лейтенанты, в 1693 г. — в полные генералы. В 1692 г. на деньги Петра I к дому Лефорта была пристроена большая зала для приемов (на 1500 человек), в которой проходили деловые встречи и увеселения Петра I. С 1691 г. Лефорт командовал полком, для учения и маневров которого получил от Петра I плац на левом берегу р. Яузы, напротив своего дома, и выстроил слободу для его размещения, получившую название Лефортовской. В 1693 и 1694 гг. Лефорт сопровождал Петра I в его поездках в Архангельск. В 1694 г. участвовал в «потешном» Кожуховском походе (в деревне Кожухово, между Москвой и Коломенским). Во время Азовских походов 1695–1696 гг. Лефорт командовал русским флотом. Возвращение из Азовского похода было отмечено шествием через всю Москву до Немецкой слободы и празднеством. За этот поход Лефорт получил титул новгородского наместника и вотчины в Епифанском и Рязанском уездах. Не без его влияния задумана была поездка Петра за границу в составе «Великого посольства» — русской дипломатической миссии в 1697–1698 гг.

в Западную Европу, которую он сам официально и возглавил (фактический руководитель — Петр I, находился в составе посольства под именем Петра Михайлова). По возвращении в Москву в 1698 г. участвовал в суде над участниками Стрелецкого восстания 1698 г. С 1698 г. отстроенный специально для него дворец на Яузе стал своеобразным центром русской политической и придворной жизни 1698–1699 гг.; здесь проходили все важные встречи Петра I и многочисленные придворные праздники.

54 *Екатерина II* Алексеевна (урожд. Софья Фредерика Августа, принцесса крошечного княжества Анхальт-Цербст на севере Германии) (1729–1796) — российская императрица (с 28 июня 1762), прозванная Великой.

55 При императрице Екатерине II в результате русско-турецких войн 1768–1874, 1787–1891 гг. Россия закрепилась на Черном море, были присоединены Северное Причерноморье, Крым, Прикубанье; она приняла под российское подданство Восточную Грузию (1783); участвовала в разделах Речи Посполитой (1772, 1793, 1795).

Александр I Павлович (1777–1825) — император с 1801 г., вел успешные войны с Персией (1804–1813), Турцией (1806–1812), Швецией (1808–1809), Францией (Отечественная война 1812), возглавил в 1813–1814 гг. антифранцузскую коалицию европейских держав, стал одним из руководителей Венского конгресса 1814–1815 гг. и организатором Священного союза. При нем к России присоединены Восточная Грузия (1801), Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Азербайджан (1813), бывшее Великое герцогство Варшавское (1815).

56 *Бернадот* (Bernadotte) Жан Батист (1763–1844), маршал Франции (1804), в 1810 г. был избран наследником престола и фактически правил Швецией, в 1818–1844 гг. занимал престол под именем короля Карла XIV Юхана.

Махмуд II (1785–1839) — султан Османской империи в 1808–1839 гг. См. также комм. 158.

57 *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711–1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, человек энциклопедических знаний, разносторонних интересов и способностей, один из основоположников физической химии, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк, поборник отечественного просвещения и развития самостоятельной русской науки, основатель Московского университета и первый русский академик Петербургской Академии наук (1745), член Академии художеств (1763). Родился в деревне Денисовка Куростровской волости около села Холмогоры (Архангельской губ.) в семье крестьянина-помора, занимавшегося морским

промыслом на собственных судах. Стремясь получить образование, Ломоносов в декабре 1730 г. покинул дом отца и с обозом мороженой рыбы отправился в Москву.

58 *Иоанн III* (1440–1505) — великий князь всея Руси (с 1462), сын великого князя Василия II. Женат первым браком (1452) на княжне тверской Марии Борисовне, вторым — на Софье Палеолог. В правление Иоанна III началось складывание центрального государственного аппарата. Присоединил Ярославль (1463), Новгород (1477), Пермь (1478), Тверь (1485), Вятку (1489) и др. При нем было свергнуто монголо-татарское иго («Стояние на Угре» 1480). В результате русско-литовских войн (1487–1494, 1500–1503) включил в состав государства Верховские княжества (в верховьях р. Оки) и земли с городами Чернигов, Новгород-Северский и др. В 1483 и 1499 гг. направлял военные отряды в Западную Сибирь. Участвовал в составлении Судебника 1497 г., руководил каменным строительством в Москве. Укрепил международный авторитет Русского государства.

Палеолог Софья Фоминична (урожд. Зоя) (1443/1449–1503) — вторая жена великого князя московского Иоанна III Васильевича, дочь правителя (деспота) Мореи (Пелопоннеса) Фомы Палеолога, племянница последнего византийского императора Константина XI, погибшего при взятии Константинополя турками в 1453 г.

Елена Иоанновна (1476–1513) — дочь великого князя Иоанна III Васильевича и Софии Палеолог, великая княгиня Литовская (с 1494), королева Польши (с 1501).

Василий III Иванович (1479–1533) — великий князь Московский в 1505–1533 гг., сын Иоанна III Великого и Софии Палеолог.

Дмитрий Иванович (1483–1509) — великий князь Владимирский (1498–1502). Сын Ивана Молодого, внук Иоанна III.

59 *Иван IV Грозный* (1530–1584) — великий князь всея Руси (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын великого князя Василия III. В конце 40–50-х гг. XVI в. правил с участием Избранной рады — кругом приближенных. Отменил кормления, завершил губную, провел земскую и другие реформы; положил начало созыву Земских соборов, руководил составлением Судебника 1550 г. Был автором публицистических «посланий» к князю А. М. Курбскому и др. При нем сложились приказы. Учредив опричнину (1565–1572), путем жесточайшего террора боролся с явными и мнимыми противниками своей неограниченной власти; разорил Новгородскую и другие земли, присоединил Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства, начал (ок. 1581) завоевание Сибирского ханства. С переменным

успехом боролся с вторжениями крымчаков, ногайцев, воевал с ливонцами, шведами, поляками и др. В результате затяжной Ливонской войны 1558–1583 гг. России не удалось утвердиться на Балтике; более того, она утратила Северное и Западное Приладожье, однако Ливонский орден был ликвидирован, а его владения разделены Речью Посполитой, Швецией и Данией.

Сильвестр (?—ок. 1566) — священник московского Благовещенского собора с конца 1540-х гг. С 1547 г. оказывал большое влияние на Иоанна IV. Член Избранной рады. С 1560 г. в опале, постригся в монахи. Автор особой редакции «Домостроя», а также посланий, в которых трактовал вопросы прав и обязанностей государя, светских и церковных деятелей с позиций, близких к нестяжателям, проповедовавшим необходимость отказа церкви от «стяжания» (приобретения земельных и имущественных ценностей) как противоречащего евангельским принципам.

Адашев Алексей Федорович (?–1561) — окольничий (с 1553). Один из ближайших советников царя Иоанна IV. Возглавлял Избранную раду. С конца 1540-х гг. руководил дипломатическими отношениями с восточными государствами, с середины 1550-х гг. — всей внешней политикой. Инициатор реформ, укрепивших центральную власть.

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) — князь, боярин (1556), политический деятель, писатель, переводчик. Участник Казанских походов, член Избранной рады, воевода в Ливонской войне. Опасаясь «неправедной» опалы Иоанна IV, бежал в Литву (1564). Участвовал в войне с Россией. Написал мемуарный памфлет «История о великом князе Московском» (1573) и 3 обличительных послания «лютому самодержцу».

Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (Малюта) (?–1573) — думный дворянин, приближенный Иоанна IV Грозного, глава опричного террора (1565–1572). В 1570 г. руководил казнями в новгородском походе. Погиб в сражении в Ливонии.

60 *Годунов* Борис (ок. 1552–1605) — царь (избран Земским собором 17 февраля 1598 г.). Сын боярина Федора Годунова. С 1577 г. кравчий, с осени 1580 г. боярин. В 1587–1598 гг. при царе Федоре Ивановиче фактический правитель государства. Его дети — Федор Борисович (1589–1605), русский царь с 13 апреля по 1 июня 1605 г., провозглашенный царем после смерти отца, но вскоре свергнут в результате восстания 1 июня 1605 г. Убит 10 июня вместе с матерью по приказу Лжедмитрия I — самозванца, выдававшего себя за чудесно спасшегося сына Иоанна IV Грозного — царевича Дмитрия. Ксения Борисовна (Годунова) — царевна, дочь царя

Бориса (1582–1622), после смерти Бориса, убийства матери и брата, обесчещенная Самозванцем, в 1606 г. постриглась в монахини.

Лжедмитрий I (?–1606) — самозванец, выдававший себя за сына царя Иоанна IV царевича Дмитрия, царь с 1605 г. Настоящее имя, предположительно, Юрий Богданович Отрепьев (в монашестве Григорий). Из мелкопоместных галицких дворян. Около 1600–1601 гг. бежал в Польшу, где объявил себя наследником российского престола, тайно принял католичество. В 1604 г. с польско-литовскими отрядами перешел русскую границу, был поддержан частью горожан, казаков и крестьян. В июле 1605 г., после смерти царя Бориса Годунова и убийства его сына Федора, вступил во главе войска в Москву и венчался на царство. Убит боярами-заговорщиками во главе с князем В. И. Шуйским, которые сожгли его труп, пеплом зарядили пушку и выстрелили на запад — туда, откуда пришел.

Василий IV Шуйский (1552–1612) — царь в 1606–1610 гг. Сын князя Ивана Шуйского. Возглавлял тайную оппозицию царю Борису Годунову, поддержал Лжедмитрия I, затем организовал заговор против него. Став царем, подавил восстание И. И. Болотникова. В целях организации обороны против войск Речи Посполитой и Лжедмитрия II заключил союз со Швецией, который привел к захвату шведами Пскова и Новгорода. Низложен во время восстания в Москве, умер в польском плену.

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586–1610) — князь, полководец. Племянник царя Василия IV Шуйского, с воцарением которого в 1606 г. назначен воеводой. Участвовал в подавлении восстания И. И. Болотникова. В мае 1609 г., собрав русский отряд и получив помощь от шведов, выступил к Москве, разбив под Торжком, Тверью и Дмитровом войска сторонников Лжедмитрия II. Освободив поволжские города, снял блокаду с Москвы и в марте 1610 г. торжественно вступил в столицу. Рост популярности Скопина-Шуйского вызвал у царя опасения за судьбу трона. По слухам, отравлен женой брата царя Д. И. Шуйского и дочерью Малюты Скуратова — Екатериной.

Болотников Иван Исаевич (?–1608) — предводитель восстания 1606–1607 гг., беглый холоп, был в турецком рабстве. Организатор повстанческой армии в южных районах России, под Москвой, Калугой, Тулой. В октябре 1607 г. сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен.

[61] *Гермоген* (ок. 1530–1612), в 1587 г. постригся в монахи и стал архимандритом Спасо-Преображенского монастыря в Казани; с 1589 г. митрополит Казанский. При Лжедмитрии вызван в Москву; но скоро был удален, потому что требовал крещения Марины Мнишек в право-

славие. Патриарх Московский и всея Руси в 1606–1612 гг. Объявил еретиками и отлучил от церкви участников восстания под руководством Болотникова. После низложения Шуйского в 1610 г. выдвигал в противовес польскому королевичу Владиславу кандидатуру Михаила Романова; позже требовал, чтобы назначенный царем Владислав принял православие. После захвата Москвы польскими войсками созвал москвичей в Успенский собор и запретил присягать королю Сигизмунду III. Рассылал по городам грамоты с призывами «стоять крепко за веру», «сохранять братство» и сражаться за «дом Пречистой», т. е. русскую землю, к изгнанию из Москвы войск Речи Посполитой, в феврале 1611 г. отказался остановить продвижение к Москве отрядов народного ополчения под предводительством П. П. Ляпунова. Во время московского восстания 19 марта 1611 г. был заключен в темницу Чудова монастыря в Кремле и уморен голодом. Канонизирован Русской православной церковью.

Ляпунов Прокопий Петрович (?–1611) — военный и политический деятель, думный дворянин (1607). Из рязанских дворян. После смерти Бориса Годунова в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I. В начале 1606 г. во главе рати рязанских дворян принял участие в восстании Болотникова, затем перешел на сторону царя Василия Шуйского (ноябрь 1606), стал думным дворянином (1607). В июле 1610 г. был одним из организаторов свержения Шуйского, после чего поддерживал кандидатуру претендента на русский престол польского королевича Владислава. После занятия Москвы польскими войсками возглавил организацию Первого ополчения, которое в марте 1611 г. подошло к Москве и блокировало интервентов. Летом 1611 г. стал фактическим главой «Совета всей земли» — исполнительного органа земского ополчения, в который вместе с ним входили князь Д. Т. Трубецкой и казачий атаман И. М. Заруцкий. Казаки последнего обвинили Ляпунова в организации расправ и зарубили на казачьем круге.

Шеин Михаил Борисович (?–1634) — боярин (1606 или 1607), воевода. В период Смутного времени возглавлял героическую защиту Смоленска пятитысячным русским гарнизоном и жителями города от войска Речи Посполитой (свыше 22 тыс. человек во главе с королем Сигизмундом III) в сентябре 1609 — июне 1611 г., раненый попал в плен и 9 лет содержался в Варшаве вместе с Филаретом, Голицыным и др. После возвращения — доверенное лицо патриарха Филарета и глава ряда приказов. С апреля 1632 г. командующий войском в Русско-польской войне 1632–1634 гг., неудачно осаждал Смоленск и, окруженный армией короля Польши Владислава IV, капитулировал, за что по возвращении в Москву обвинен в измене и по приговору Боярской думы казнен.

Дионисий (в миру Давид Федорович Зобниновский, Зобниковский) (ок. 1570–1633) — архимандрит Троице-Сергиева монастыря с 1610 г. Автор патриотических посланий, сыгравших важную роль в организации Нижегородского ополчения 1611–1612 гг. В 1618 г. обвинен в ереси, отлучен от церкви. В 1619 г. благодаря вмешательству патриарха Филарета оправдан. Канонизирован Русской православной церковью.

Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванович Палицын) (?–1626), в 1588 г. при царе Федоре Ивановиче подвергся опале и постригся в монахи Соловецкого монастыря, в 1600 г. возвращен Борисом Годуновым из ссылки, с 1608 г. — келарь Троице-Сергиева монастыря. Во время осады монастыря — «Троицкого сидения» 1608–1610 гг. находился в Москве. В 1610 г. член посольства к польскому королю Сигизмунду III, от которого с помощью богатых даров получил подтверждение прав монастыря. Составитель патриотических посланий в поддержку 1-го ополчения 1611 г. С апреля 1612 г. в земском правительстве 2-го ополчения 1611–1612 гг. Участник выборного Земского собора 1613 г., руководил в 1618 г. обороной монастыря от польских войск. Ввиду неприязни патриарха Филарета, возвратившегося в Россию из Польши, в 1619 г. был вынужден уехать в Соловецкий монастырь, где создал труд, описывавший события Смутного времени с 1584 по 1618 г. «История в память предыдущим родом» (известен под названием «Сказание Авраама Палицына»).

Минин Кузьма Минич (?–1616) — нижегородский посадский человек, с сентября 1611 г. земский староста. Инициатор и один из руководителей 2-го ополчения 1611–1612 гг., соратник князя Д. М. Пожарского. В сражениях за Москву против польского гарнизона проявил храбрость и мужество. В 1612–1613 гг. вместе с князем Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским член земского правительства («Совета всей земли»), где занимался финансово-хозяйственными вопросами. После избрания в 1613 г. царем Михаила Романова получил чин думного дворянина и вотчину в селе Богородском под Нижним Новгородом с 9 деревнями «в род неподвижно», вошел в состав Боярской думы.

Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (?–1625) — князь, воевода. Из «тушинских переметов» Лжедмитрия II, в лагере которого стал боярином и вошел в правительство. Один из организаторов и руководителей 1-го ополчения 1611 г., после распада которого остался вместе с И. М. Заруцким во главе «подмосковных таборов», которые блокировали польский гарнизон. После соединения с отрядами Второго ополчения 1611–1612 гг. вместе с князем Д. М. Пожарским и К. М. Мининым возглавил земское правительство («Совет всей земли»). Один из претендентов на трон на Земском соборе 1613 г. После 1613 г. активной политической роли не играл.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642) — князь. В 1598 г. стряпчий и член Земского собора, с 1602 г. стольник, с 1613 г. боярин. В 1608–1610 гг. сторонник Василия Шуйского в его борьбе с Лжедмитрием II. С 1610 г. воевода в Зарайске. Участник 1-го ополчения 1611 г. С октября один из руководителей 2-го ополчения 1611–1612 гг. и Земского правительства. В 1615 г. руководил боевыми действиями против польских интервентов, в 1618 г. участвовал в отражении похода войска польского королевича Владислава к Москве. В 1617–1640 гг. возглавлял ряд приказов, участвовал в переговорах с английскими, польскими и крымскими послами, был воеводой в Новгороде (1628–1630).

62 *Филарет* (в миру Федор Никитич Романов) (ок. 1554/55–1633) — патриарх Московский и всея Руси в 1608–1610 гг. и с 1619 г. Отец царя Михаила Федоровича. Боярин (1587), приближенный царя Федора Ивановича, при Борисе Годунове с 1600 г. — в опале, пострижен в монахи. Возвращен в Москву Лжедмитрием I, митрополит Ростовский (1605). В 1608–1610 гг. в Тушинском лагере Лжедмитрием II возведен в патриархи. В 1610 г. возглавлял «великое посольство» к Сигизмунду III под Смоленск, до 1619 г. — в польском плену. По возвращении в Москву — фактический соправитель страны.

Алексей. См. комм. 47.

София. См. комм. 52.

63 Петр Великий. См. комм. 24.

64 Возвышению Бориса Годунова способствовали женитьба на дочери Малюты Скуратова — Марии (около 1570) и брак царевича Федора Ивановича с сестрой Бориса Годунова — Ириной (около 1574).

65 Сын галичского дворянина Отрепьева под видом чудом спасшегося в Угличе сына Иоанна Грозного Дмитрия появился в Польше в 1601 г. и был поддержан польскими магнатами и католическим духовенством, которые в 1603–1604 гг. развернули подготовку возведения его на русский трон. Лжедмитрий тайно принял католичество и обещал после воцарения отдать Польше Северскую и Смоленскую земли, участвовать в антитурецком союзе, оказать помощь польскому королю Сигизмунду III в его борьбе со Швецией, ввести в России католичество, жениться на дочери сандомирского воеводы Е. Мнишека, передать ей в качестве «вена» Новгород и Псков и уплатить Мнишеку 1 млн злотых. В мае 1606 г. в Москве состоялась организованная по католическому обряду свадьба Лжедмитрия с Мариной Мнишек (ок. 1588 — ок. 1614), ставшей ненадолго русской царицей. После того как прахом Лжедмитрия выстрелили из пушки, она была выслана на родину, однако присоединилась к Тушинскому лагерю,

признав «тушинского вора» Лжедмитрия II спасшимся «мужем». После его смерти (декабрь 1610) Мнишек нашла покровителя в лице атамана И. М. Заруцкого, который пытался поддержать кандидатуру ее сына Ивана (родившегося в январе 1611) на русский престол. Вместе с Заруцким и сыном бежала в Астрахань, а затем (в мае 1614) на р. Яик (Урал), где они были выданы казаками русскому правительству. Заруцкий и ее сын были казнены в Москве, а сама Мнишек умерла в заточении.

66 *Скотт* (Scott) Вальтер (1771–1832) — знаменитый английский писатель, создатель жанра исторического романа.

67 Во время правления Иоанна III были установлены дипломатические связи с Германской империей, с Римом, Венгрией, Молдавией, Крымом, Турцией и Ираном. Так, например, в 1474 г. Москва заключила дружественный союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, а в 1487 г. русскими войсками была завоевана Казань, где на место взятого в плен хана Али Иоанн III посадил его брата Мухаммед-Эмина, связанного родственными узами с крымским ханом, что укрепило отношения Иоанна III с Крымом. В 1489 г. Иоанн III получил первую дружественную грамоту от немецкого императора Фредерика III; в 1492 г. ему удалось установить дружеские отношения с турецким султаном. В 1494 г. первый этап войны с Литвой закончился миром и родственным союзом, а 25 марта 1503 г. по мирному договору с Литвой, Москве отошло 19 городов (Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др.), а также 70 волостей, 22 городища, 13 сел. Годунов же способствовал сближению России с Западом, проявил себя как талантливый дипломат, заключив 18 мая 1595 г. в Тявзине мирный договор между Россией и Швецией, по которому России были возвращены Ивангород, Ям, Копорье и волость Корела; а в 1601 г. продлил на двадцать лет перемирие с Речью Посполитой.

68 Негоциант (*франц.* négociant от лат. negotium) — оптовый купец, оптовый посредник, коммерсант, ведущий крупные международные торговые операции. В широком смысле «негоциант» — синоним «торговца» вообще. В данном случае Погодин имеет в виду людей, занимающихся негоциацией — дипломатическими переговорами для заключения условий, договоров.

69 *Людовик XI* (Louis XI) Валуа (1423–1483) — король Франции (1461–1483), проводил политику централизации и территориального объединения страны.

Фердинанд II Арагонский, Фердинанд V Католик (1452–1516) — король Арагона с 1479 г., Сицилии (Фердинанд II) с 1468, Кастилии (Фердинанд V) в 1479–1504 гг. (как муж королевы Кастилии Изабеллы). Объединил на основе династической унии Арагон и Кастилию, что фактически явилось началом единого государства Испании.

Карл V Габсбург (1500–1558) — король Испании в 1516–1556 гг., немецкий король в 1519–1531 гг., император «Священной Римской империи» в 1519–1556 гг.

70 *Щелкалов* Василий Яковлевич (?—кон. 1610/нач. 1611), в 1560-е гг. дьяк Разбойного приказа, участник Земского собора 1566 г. Руководил Разрядным приказом (1576 / 1577–1594), в 1570–1601 гг. одной из четей (четвертей — учреждений для взимания с податного населения определенных территорий государства «четвертных доходов», за счет которых выплачивали высшим разрядам служилых людей годовое жалованье). С середины 1594 г. — во главе Посольского приказа, с 1595 г. печатник — хранитель государственной печати. С 1601 г. в опале. От Лжедмитрия I получил чин окольничего.

Власьев Афанасий Иванович (?—после 1611) — думный дьяк (1598), окольничий (1605). Преемник Щелкалова на дипломатическом поприще — глава Посольского приказа (1601–1605), доверенное лицо царя Бориса Годунова. В 1601 г. провел успешные переговоры с польским королем Сигизмундом III о ратификации договора о перемирии. В 1605 г. поддержал Лжедмитрия I, получил чин «великого секретаря и надворного казначея», ездил в Польшу послом сватать Марину Мнишек и замещал Лжедмитрия I во время обручения. После воцарения Василия Шуйского подвергся опале и удален воеводой в Уфу, в 1610 г. вернулся в Москву.

Годуновы. См. комм. 60.

71 Археографическая экспедиция была снаряжена академией наук в 1829 по инициативе Павла Михайловича Строева (1796–1876) для «обозрения и описания монастырей, соборных и духовно-училищных собраний рукописей северной и средней России». В течение пяти лет в 14 губерниях было собрано около 3000 актов XIV–XVIII вв. и множество других источников, для издания которых была открыта Археографическая комиссия. См. комм. 691.

О всеобщей истории. Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете

Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете. Прочитана М. П. Погодиным при начале курса 1833–1834 академического года. Впервые «Лекция» была опубликована в урезанном виде (слова из текста были вырезаны по распоряжению

министра народного просвещения С. С. Уварова) в первой книжке «Журнала Народного Просвещения» в 1834 г. (См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб, 1888–1910. Т. 4. СПб. 1891. С. 135–137, С. 150, С. 259–260). Текст печатается по: [*Погодин М. П.*]. О всеобщей истории. Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете. 1834 // Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836. С. 113–128.

[72] На языках Вавилонских — на всех языках народов мира. По библейской притче из Книги Бытия (Быт. 11:1–9), во время «творения Вавилонского столпа» — строительства Вавилонской башни — произошло «смешение» языков — т. е. установление различий в языках, появление разных языков, отсюда и «вавилонские языки».

[73] Добро, зло, свобода, необходимость, судьба, Промысел, фатализм — все это мировоззренческие универсалии — категории, которые аккумулируют исторически накопленный социальный опыт и в системе которых человек определенной культуры оценивает, осмысливает и переживает мир, сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта. Это именно «человеческие», то есть свойственные только человеку разумному (в отличие от животных), понятия, предельно обобщающие и классифицирующие результаты его познавательной деятельности, выражающие его отношения к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни и задающие ему «программы» жизнедеятельности.

[74] Язычество, религиозные верования, основанные на политеизме. Язычеством называют как религии первобытных народов: анимизм, фетишизм, шаманизм, теротеизм, тотемизм и др., так и более развитые и сложные религиозные системы культурных народов древнего мира: египтян, ассиро-вавилонян, персов, греков и римлян.

Иудаизм, древнейшая монотеистическая религия, возникшая в 1-м тыс. до н. э. в Палестине. Распространена главным образом среди евреев. Приверженцы иудаизма верят в Иегову, Яхве, Йахве (единого Бога, творца и властелина Вселенной), бессмертие души, загробную жизнь, грядущий приход мессии, богоизбранность еврейского народа (идея «завета», союза, договора народа с Богом, в котором народ выступает как носитель Божественного Откровения).

Христианство (*греч.* christos — помазанник, мессия, спаситель), одна из мировых религий (наряду с буддизмом и исламом), которая возникла в I в. н. э. в восточных провинциях Римской империи (среди евреев Пале-

стины). С конца X в. под влиянием Византии распространилось на Руси. В основе христианства — учение о богочеловеке Иисусе Христе Сыне Божием, который был послан на землю, принял страдание и смерть для искупления людей от первородного греха, воскрес и вознесся на небо. Согласно христианскому учению, в будущем произойдет второе пришествие Христа, во время которого он совершит суд над живыми и мертвыми и воздаст каждому по его заслугам. Источник вероучения христианства — Священное предание (Священное писание — Библия, «Символ веры», решения Вселенских и некоторых поместных соборов, отдельные творения Отцов Церкви и др.). В ходе своего развития христианство распалось на три основные ветви: православие, католицизм и протестантизм. В свою очередь, в каждой из них выделились различные течения, направления, группы.

Мусульманство, ислам (от *араб.* — покорность), одна из мировых религий. Ее последователи — мусульмане (отсюда другое название — мусульманство). Возникло в VII в. Основатель — Мухаммед (Магомет) (ок. 570–632). Главные принципы ислама изложены в «священной книге» — Коране. См. также комм. 762.

Лютеранство — одно из основных направлений протестантизма, возникшего в результате реформационного движения в Европе в XVI в. Принципы лютеранства были сформулированы немецким богословом Мартином Лютером (1483–1546). См. также комм. 114, 172, 258.

Иезуиты — члены католического монашеского ордена (самоназвание — «Societas Jesu», *лат.* — «Общество Иисуса»), основанного в 1534 г. в Париже Игнатием Лойолой (см. комм. 106) с целью защиты и распространения римско-католической церкви и папского единодержавия. Для ордена были характерны строгая централизация, беспрекословное повиновение младших по положению старшим, абсолютный авторитет главы — пожизненно избираемого генерала («черного папы»), подчиненного непосредственно папе римскому. Разработали «приспособительную» (accomodativa) систему морали, дающую широкую возможность в зависимости от обстоятельств произвольно толковать основные религиозно-нравственные требования, совершать любое преступление во имя «высшей цели» — «вящей славы божьей».

Квакеры (от *англ.* quaker — *букв.* трепещущий, трясущийся; официальное название — «Религиозное общество друзей») — члены протестантской религиозной общины, принадлежащей к радикальному течению английского пуританства.

Сен-симонизм — «новое христианство» французского социалиста-утописта Клода-Анри де Рувруа Сен-Симона (Saint-Simon) (1760–1825), автора социальной утопии, имевшей религиозную форму изложения, так как, по мнению сен-симонистов, недостаточно развернуть перед современным человечеством картину его будущего социального строя; нужно заставить его полюбить этот строй, желать его всеми силами своего чувства, создать между людьми то единство действия и мысли, которое может исходить лишь из общего религиозного убеждения. Сен-симонизм становится религией с культом, с моралью, с организованными проповедями, с церквами, основывающимися в разных пунктах территории, с апостолами, уходящими в далекие страны с благовестным словом. Религиозная форма учения, его лозунги приоритета общего блага над личным («Все люди — братья») должны были дополнить моральными материальные стимулы «промышленной системы».

[75] *Сократ* (Sokrates) (470 или 469 до н. э. — 399 до н. э.) — знаменитый античный философ, учитель Платона, воплощенный идеал истинного мудреца в исторической памяти человечества. После поражения Афин в многолетней Пелопонесской войне в 404–403 гг. в городе была установлена жестокая спартанская «тирания тридцати», во главе которой встал Критий, бывший слушатель Сократа. Хотя Сократ никак не сотрудничал со спартанской властью во время тирании, после свержения диктатуры афиняне привлекли Сократа к суду по обвинению в расшатывании устоев государства, стараясь таким образом найти причину явного упадка демократической власти и ослабления Афин после блестящего и невозвратимого «века Перикла». По приговору суда: «Сократ виновен в том, что не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые божества; виновен также в том, что развращает молодежь», Сократ выпил яд (цикуту) и умер.

[76] *Робеспьер* (Robespierre) Максимильен Мари Изидор де (1758–1794) — деятель Великой французской революции, с 1789 г. член учредительного собрания — высшего представительного и законодательного органа французского народа, призванного выработать основные законы, и с 1792 г. — Конвента — собрания народных представителей, отменившего королевскую власть и провозгласившего республику, один из руководителей якобинцев (с Ж.-Ж. Дантоном и Ж.-П. Маратом), при помощи парижских народных низов и Национальной гвардии 31 мая — 2 июня 1793 г. совершивших переворот и установивших свою диктатуру. 27 июля 1793 г. был избран и стал фактическим руководителем Комитета общественного спасения, который сосредоточил в своих руках руководство всеми сторонами государственной и политической деятельности в стране; ему реально были подчинены все органы государственной власти,

включая и военные. В программной речи 5 февраля 1794 г. и в последующих выступлениях Робеспьер провозгласил конечной целью революции построение нового общества на основе руссоистских принципов «республиканской морали», опирающейся на искусственно созданную государственную религию — культ Верховного существа. С победой «республиканской добродетели», считал Робеспьер, будут решены все социальные проблемы. Основным средством реализации своей этической утопии он считал террор. 10 июня 1794 г. Конвент по настоянию Робеспьера принял новый закон, который еще более усилил террор. С этого дня ежедневно Революционный трибунал выносил до пятидесяти смертных приговоров. В период якобинской диктатуры (сентябрь 1793 — июль 1794) гильотина стала символом террора; гильотинирование было самым частым приговором, выносившимся Революционным трибуналом. Все казни носили публичный характер и происходили при большом стечении народа. По всей Франции работало около 50 машин, через которые прошло более 20 тыс. осужденных. Своих бывших соратников — гебертистов (требовавших отмены христианства и введения культа разума) и дантонистов (выступавших за смягчение террора) — Робеспьер отправил на эшафот 21 марта и 5 апреля 1794 г., а 27 июля сам был обвинен Конвентом и 28 июля 1794 г. вместе со своими сторонниками погиб на эшафоте.

[77] *Катон Младший* (или Утический) (95–46 до н. э.) — в Древнем Риме народный трибун в 62 г., претор в 54 г. Противник Цезаря, сторонник Гнея Помпея. После победы Цезаря в 46 г. при Тапсе над приверженцами Помпея покончил с собой. Этот аристократ-республиканец, в эпоху уловок и компромиссов сумевший остаться безупречно честным человеком, славившийся стоическими добродетелями, стал в гражданской войне символом проигранного республиканского дела.

[78] Апотеоза — апофеоз (*греч.* apotheosis — обожествление), прославление.

[79] *Марк Аврелий Антонин* (204–222) — римский император в 218–222 гг. по прозвищу Гелиогабал (Элагабал) — по имени сирийского солнечного божества Элагабала, жрецом которого он был. Его пребывание у власти, быть может, самый позорный эпизод римской истории. Это проявилось и в деградации развратного императора, и в шокировавших Рим оргиастических священнодействиях, и в безумной политике, включавшей попытку ввести бога Элагабала в римский пантеон в качестве верховного божества (в Риме даже были построены два храма в честь нового божества). Делами государства распоряжалась бабка императора, Юлия Меса, а возможно, также и его мать. Роскошь и мотовство императора доходили до таких пределов, что он ни разу в жизни не надел дважды одну и ту же одежду и даже одни и те же драгоценности.

Всеобщее недовольство вынудило Гелиогабала усыновить и назначить соправителем своего двоюродного брата Гессия Бассиана Алексиана (206–235), получившего при этом имя Марка Аврелия и Александра, который пользовался популярностью у преторианцев — императорской гвардии, выполнявшей и функции личной охраны императоров. Тем не менее Гелиогабал вместе с матерью был убит преторианцами, а Александр провозглашен императором.

80 Инквизиция (от *лат.* inquisitio — расследование), особый церковный суд по делам о еретиках католической церкви, предназначенный для выявления и искоренения «ересей», существовавший в XIII–XIX вв.

81 Имеются в виду события времен дехристианизации, попыток упразднения католического культа в годы Великой французской революции (главным образом в 1793), когда христианство было заменено новым революционным рационалистическим культом Разума, закрывались церкви, изымались их драгоценности для нужд обороны, священников принуждали отрекаться от сана, а взамен народу предлагались революционные празднества в форме театрализованных представлений. Пример — торжественно устроенное 10 ноября 1793 г. в соборе Парижской богоматери празднество в честь Разума. Посреди собора была воздвигнута гора, на вершине которой находился храм с надписью на фронтоне «философия», окруженный бюстами философов Вольтера, Руссо, Франклина и Монтескье. У подножия горы алтарь, на котором пылал факел истины. Под звуки музыки две группы девушек, в трехцветных поясах, увенчанные цветами и с факелами в руках, пересекали гору, встречались у алтаря, и каждая преклонялась перед божественным пламенем. Затем из храма выходила женщина в белом платье, голубом плаще и красном головном уборе — олицетворенная красота, воплощение Свободы, перед которой преклоняются все республиканцы. Все это сопровождалось пением патриотических гимнов. Подобное происходило во многих церквах, превращенных в храмы нового культа.

82 В марте 1095 г. на Соборе Католической Церкви, в котором приняли участие более 200 епископов, 4 тыс. клириков и 30 тыс. мирян, папа Римский Урбан II (1088–1099) впервые открыто призвал западный мир к священной войне и освобождению Святых Мест от варваров, к крестовому походу, который и начался в 1096 г. В 1097 г. 40-тысячное войско крестоносцев под предводительством Годефруа Буйонского (1061–1100) двинулось на Иерусалим. Сначала они взяли Антиохию, уничтожив всех, кто не желал принимать католическую веру. Затем, после долгой осады, 15 июля 1099 г. взяли Иерусалим, уничтожив в один день более 70 тыс. мусульман и иудеев, которых заживо сожгли в синагоге. В завоеванном городе было осно-

вано Иерусалимское царство крестоносцев, просуществовавшее 88 лет. Первым его королем был избран Годефруа.

83 Варфоломеевская ночь — резня протестантов-гугенотов во Франции, устроенная католиками в ночь на 24 августа 1572 г., день св. Варфоломея.

84 *Руссо* Жан Жак — сын часовщика, служил лакеем, писцом, гувернером, учителем музыки и др. До 1741 г. жил в Швейцарии, затем уехал в Париж, куда привез проект изобретенной им новой музыкальной системы, которая, несмотря на одобрение Академии, применения не нашла. Живя на чердаке Латинского квартала, где обитали бедняки, перебиваясь с хлеба на воду, Руссо написал для театра оперу «Галантные музы», комедию «Нарцисс», но успеха не имел. В феврале 1745 в Версале была поставлена его опера-балет «Принцесса Наваррская», но в программке забыли указать имя автора. Слава к нему пришла через пять лет, после того как на конкурсе Дижонской академии победил его трактат «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов». См. также комм. 27.

85 См. комм. 27, 972.

86 *Людовик XVI* (1754–1793) — король Франции в 1774–1791 гг., с 1791 г. носил титул «Король французов», которого был лишен в 1792 г. Из династии Бурбонов. 10 августа 1792 г. был свергнут с престола, а 21 января 1793 г. по решению Национального Конвента был гильотинирован на площади революции в Париже.

87 По-видимому, Погодин имеет в виду большие бочки для пресной воды, которые держали в трюмах судов, перевозивших рабов. Когда живой груз спускался на берег, эти бочки наполнялись морской водой и служили вместо балласта на обратном пути.

88 Естественное право — понятие политической и правовой мысли, обозначающее совокупность или свод принципов, правил, прав, ценностей, продиктованных естественной природой человека и тем самым как бы независимых от конкретных социальных условий и государства.

89 Пирамиды — монументальные гробницы фараонов Древнего Египта.

90 Храм Св. Петра — собор в Ватикане, выдающееся произведение архитектуры эпохи Возрождения, освящен 18 ноября 1626 г.

91 *Цезарь Гай Юлий* (Gaius Julius Caesar) (102/100 до н. э. — 44 до н. э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

См. комм. 74, 762.

Гуттенберг (Gutenberg) Иоганн (между 1394–1399 или в 1406–1468) — немецкий изобретатель, создатель книгопечатания с использованием печатного набора, литер и пресса.

См. комм. 5.

Колумб (*лат.* Columbus, *итал.* Colombo, *исп.* Colon) Христофор (1451–1506) — испанский мореплаватель, открывший Америку.

Шеллинг (Schelling) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775–1854) — немецкий философ, виднейший представитель немецкого идеализма. Автор классического философского труда «Система трансцендентального идеализма» (1800).

Святой Петр Пустынник (Амьенский) (около 1050–1115) — французский монах, аскет, которому приписывалась организация первого крестового похода.

Вайт (White) Генри Кирк (1785–1806) — английский поэт.

Платон (Platon) (428 или 427 до н. э. — 348 или 347) — древнегреческий философ, ученик Сократа, классик философской традиции; мыслитель мирового масштаба, к чьей оригинальной философской концепции генетически восходят многие направления классического философствования и европейский стиль мышления в целом.

Ньютон (Newton) Исаак (1643–1727) — выдающийся английский физик и математик, заложивший основы математического естествознания.

Рафаэль (Raphael), Рафаэлло Санти (Санцио), (1483–1520) — итальянский живописец и архитектор, один из величайших мастеров эпохи Возрождения. См. также комм. 114.

См. комм. 24, 51.

92 *Эйлер* (Euler) Леонард (1707–1783) — математик, механик и физик. В оптике дал (1747) формулу двояковыпуклой линзы, предложил метод расчета показателя преломления среды. Придерживаясь волновой теории света, считал, что различным цветам соответствуют разные длины волн света.

Гершель (Herschel) Вильям (Фридрих Вильгельм) (1738–1822) — английский астроном и оптик, одним из первых начавший изучение солнечного и звездных спектров, открыл в 1800 инфракрасные лучи в спектре Солнца.

93 *Кювье* (Cuvier) Жорж (1769–1832) — французский зоолог. Описал большое число ископаемых форм и предложил определять по ним возраст геологических слоев, в которых они обнаружены. Реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках. Чтобы объяснить смену флоры и фауны в различные периоды эволюции Земли, выдвинул теорию катастроф (1817–1824).

Стефенсон (Stephenson) Джордж (1781–1848) — английский изобретатель. Сконструировал паровоз и построил железную дорогу. Первым пришел к мысли о необходимости прокладки тоннелей и возведения железнодорожных насыпей на участках с сильным наклоном; был инициатором замены литых чугунных рельсов на кованые стальные.

94 *Державин* Гаврила Романович (1743–1816) — выдающийся русский поэт, автор од и стихотворений, переводов и драматических произведений. Наиболее известны его оды «На смерть князя Мещерского», «На рождение в севере порфирородного отрока», «Властителям и судиям»; «Фелица», «На взятие Измаила», «На присоединение Крыма», «Бог», «Водопад» и др., стихотворение «Памятник», сборник «Анакреонтические песни». Создал свой поэтический стиль, соединявший элементы оды и сатиры в одном стихотворении, был одним из руководителей литературного общества «Беседа любителей русского слова» (1811–1816), ратовавшего за классицизм.

Клопшток (Klopstock) Фридрих Готлиб (1724–1803) — немецкий поэт и драматург. Певец героического прошлого Германии, почетный гражданин Французской республики.

95 Херувимы (*евр.* «керуб», множественное число — «керубим»), в иудейской и христианской мифологиях одна из высших категорий ангелов — крылатых существ, упоминаемых в Библии; ангелы, охраняющие рай и божественную славу.

96 *Фома Кемпийский* (Thomas Kempis), Хамеркен Томас (ок. 1380–1471), немецкий монах и священник, предполагаемый автор знаменитого трактата «О подражании Христу» (написан не позже 1427).

Фенелон (Fénelon) Франсуа де Салиньяк, маркиз де ля Мот (1651–1715) — знаменитый французский писатель, архиепископ Камбрейский, опекун герцога Бургундского, внука и наследника Людовика XIV, классик французской литературы. Автор богословских трактатов, дидактических сочинений и философско-утопического романа «Приключения Телемака» (1699), вошедшего в число шедевров мировой литературы.

97 A posteriori (*лат.*), *букв.* — из последующего.

98 К Испанцам приходят Вест-Готы, к Галлам — Франки, в Верхнюю Италию — Ломбарды, в Среднюю — Ост-Готы, в Нижнюю — Норманны, в Британию — Англо-Саксы, к Славянам в Паннонию — Венгры, к Пруссам — Немецкий орден. См. также комм. 14, 708.

99 По одной из легенд, Константин Анклитцен (?–?) из города Фрайбурга в Брейсгау, в монашестве Бертольд по прозвищу Шварц, около 1330 г. случайно изобрел порох, растирая в тяжелой металлической ступке смесь серы, древесного угля и селитры.

100 Людовик XI. См. также комм. 69.

Филипп II (1527–1598) — испанский король (с 1556), из династии Габсбургов, сын императора Карла V. В 1555 г. получил от отца управление Нидерландами и итальянскими владениями, в 1556 г. — Испанией и колониями. Стремился к установлению абсолютной монархии и восстановлению всемирного владычества Католической церкви. Поддерживал инквизицию, предпринимал с ее помощью попытки подавить протестантизм и гражданскую свободу в Нидерландах, что привело к отпадению северных провинций от Испании, вел войну с турками, подчинил себе Португалию, воевал с англичанами. В результате совершенно разорил собственную страну

Генрих VIII (1491–1547) — английский король (с 1509) из династии Тюдоров, разрыв которого с папой римским привел к основанию Англиканской церкви.

Иоанн IV Васильевич Грозный. См. также комм. 59.

Кристиан III (1503–1559) — король Дании и Норвегии (с 1535), сын герцога Гольштейнского.

101 Болгария (*болг.* България), территория восточной части Балканского полуострова, историческая родина первого славянского государства (VII в.), христианства (около 865) и славянской письменности (894) на Балканах, со 2-й половины XIV в. по 1878 г. находилась под властью турок и входила в состав Руселийской провинции Османской империи.

Сербия (*серб.* Србија), историческая область в центральной части Балканского полуострова, на территории которой в XII–XIV вв. существовало славянское, а затем и сербо-греческое государство, которое к 1459 г. было захвачено Османской империей; северная часть Сербии — Воеводина вошла в состав Венгерского королевства, вместе с которым оказалась в 1526–1918 гг. под властью Австрийской империи. С 1830 г. «турец-

кая» Сербия стала княжеством и получила внутреннюю автономию, а в 1878 г. — независимость от Османской империи.

Моравия (*чешск.* Morava, *нем.* Mahren), историческая область на востоке Чехии. С 1526 г. вместе с Чехией (Богемией) оказалась в составе Австрийской империи под властью Габсбургов, в 1782 г. была объединена с австрийской Силезией, а в 1849 г. выделена в особую коронную землю.

Богемия (*позднелат.* Bohemia, от *лат.* Boiohaemum — страна бойев, кельтских племен), в 1526–1918 гг. официальное название Чехии, входившей в состав Австрийской империи.

Силезия (*чеш.* Siezsko, *нем.* Schlesien), историческая славянская область в верхнем и среднем течении р. Одра (Одер). С X в. входила в состав Польши. В 1526 г. большая ее часть перешла под власть Австрийской монархии Габсбургов, а в 1742 г., кроме южных княжеств Опава и Тешин, была захвачена Пруссией в ходе 1-й Силезской войны (1740–1742) с Австрией. Несмотря на многовековую германизацию Силезии, значительная часть ее населения сохраняла польский национальный облик.

Лузация (*нем.* Lausitz), область в средней Германии между Одером и Эльбой, с древнейших времен населенная славянским племенем — лужичанами. Отличают Верхнюю (южная часть) и Нижнюю Лузации (северная часть). В 1815 г. большая часть Лузации вошла в состав Пруссии.

Померания (*лат.* Pomerania, *нем.* Pommern), с 1815 г. прусская провинция на побережье Балтийского моря, с главным городом Штеттин, в древности — славянская земля, заселенная хижанами и лютичами, поморянами и кашубами, восточная и западная части которой были в разное время завоеваны датскими, польскими, шведскими королями, тевтонским орденом и, наконец, Бранденбургом и Пруссией.

Славония (Slavonija), историческая область в восточной части междуречья Дравы, Дуная и Савы, входившая с XVI в. наряду с Хорватией и Далмацией в Триединое королевство Далмации, Хорватии и Славонии — основной комплекс хорватских земель в составе Австрийской империи.

Кроация (Hrvatska), Хорватия, историческая территория на Балканском полуострове, омываемая на западе Адриатическим морем, заселенная славянами в VI–VII вв. Государство Хорватия (924–1102) было включено в состав Венгрии; в 1493–1699 гг. большая часть Хорватии была захвачена Османской империей; а с 1596 г. она стала владением Австрии.

Далмация (Dalmacija), историческая область вдоль берега Адриатического моря, около 620 г. заселена славянами, с 1052 г. — далматское королевство, 1100 г. разделена между Венгрией и Венецией; затем захвачена Османской империей; 1797 г. перешла к Австрийской империи, 1805 г. — к Наполеону I, 1814 г. — снова к Австрии.

102 *Герен* (Heeren), Арнольд-Герман-Людвиг (1760–1842) — немецкий историк, профессор философии и истории Геттингенского университета, автор фундаментального исследования «Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt» (1824–1826), на основе которого Погодин и другие русские профессора составляли свои лекции по всеобщей истории (см.: *Погодин М. П.* «Лекции по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира» Ч. 1–2. М., 1835–1836).

103 Сатрапии — военно-административные округа (провинции) в древних государствах Ахеменидов, Селевкидов, Парфянском царстве, государстве Сасанидов, которыми управлял сатрап (*греч.* satrapes, от *древнеперс.* хшатрапаван, *букв.* — хранитель области). Число сатрапий и их границы часто менялись; каждая платила установленную подать, могла иметь свои законы, традиции, язык (или языки).

104 Ассирийская — Ассирия, древнее государство в северной части Месопотамии, возникшее в XXI в. до н. э. Новая Ассирийская империя (750–620 гг. до н. э.), которая считается первой империей в истории человечества, была уничтожена совместными усилиями соединенных войск Вавилонии и Мидии.

Вавилонская — Вавилония, древнее государство в южной части Месопотамии (в бассейнах рек Тигр и Евфрат), возникшее в начале XX в. до н. э. и окончательно утратившее независимость в 539 г. до н. э., когда персидский царь Кир II овладел Вавилоном, и Нововавилонское царство потерпело поражение в борьбе с персидской державой Ахеменидов.

Мидийская — Мидия, Мидийское царство, государство в северо-западных областях Иранского нагорья, возникшее в VII в. до н. э. и при царе Киаксаре (правил в 625 или 624–584 гг. до н. э.) ставшее великой державой Древнего Востока, а затем, в 550–549 гг. до н. э. завоеванное персами, сатрапией в державе Ахеменидов.

Лидийская — Лидия, Лидийское царство, государство в центральной части Малой Азии, существовавшее с начала VII в. до н. э. Последний лидийский царь Крез был низложен персами во главе с Киром Великим в 546 г. до н. э.

Персидская — первое Персидское царство, держава Ахеменидов (550 до н. э. — 330 до н. э.) охватывала территории от Греции и Ливии до Индии. Прекратило существование в результате завоеваний Александра Македонского.

Аравийская. См. комм. 1.

Монгольская. См. комм. 1.

105 Турецкая монархия — государство османских султанов Турции, Османская империя (от имени Османа I Гази (1258–1326), первого султана (с 1299), основателя династии Османов), в перид расцвета в XVI–XVII вв., включавшее Анатолию, Ближний Восток, Северную Африку, Балканский полуостров и прилегающие к нему с севера земли Европы. С конца XVII в. Османская империя стала постепенно терять завоеванные территории, но окончательно распалась лишь в 1918 г.

106 *Лойола* (Loyola) Игнатий (1491(?)—1556) — основатель ордена иезуитов (1534 г.), ставший его пожизненным генералом (с 1541). В 1622 г. причислен католической церковью к лику святых. См. также комм. 74.

107 Ордена Иезуитов. См. комм. 74.

108 См. комм. 74, 114, 172, 258.

109 *Ромул Августул* (Romulus Augustulus) — последний император (475–476) Западной Римской империи. Был свергнут предводителем одного из германских отрядов в римской армии Одоакром. См. также комм. 112.

110 *Ромул* (Romulus), согласно римскому преданию, основатель Рима и первый царь (754/753–717/716 гг. до н. э.). По легенде, он и его брат Рем, рожденные от весталки Реи Сильвии и бога Марса, были вскормлены волчицей и воспитаны пастухом.

Август (Augustus) (63 г. до н. э. — 14 н. э.), основатель Римской империи.

111 *Марк Аврелий* (Marcus Aurelius) Антонин (121–180) — философ-стоик, римский император (с 161). Последний из «пяти добрых императоров».

112 Дикий Герул — здесь: представитель германцев (от названия германского племени герулы, эрулы), Одоакр (Odoacer) (ок. 431–493), правитель («король») Италии в 476–493 гг. Происходил из германского племени скиров. Был предводителем одного из наемных германских отрядов в армии императоров Западной Римской империи. 23 августа 476 г. низложил последнего западноримского императора Ромула Августула и провозгласил себя «королем Италии» (с этим событием традиционно

связывается падение Западной Римской империи). К 493 г. «королевство Одоакра» со столицей в Равенне было завоевано вторгшимися в 488 г. в Северную Италию остготами, вождь которых Теодорих (ок. 454–526) убил Одоакра и основал там остготское государство.

113 *Григорий VII Гильдебранд* (Hildebrand) (между 1015 и 1020–1085), папа римский с 1073 г. Идеолог папской теократии, выражавшей притязания папы на религиозное и политическое верховенство в мире (католическая церковь непогрешима, папа выше государей, он — верховный судья, имеющий право низлагать королей, императоров, освобождать вассалов от клятвы верности сюзерену и т. п.), боролся с императором Священной Римской империи Генрихом IV (1050–1106), был канонизирован в 1606 г.

114 Августинский монах Мартин Лютер (1483–1546) — профессор теологии в Виттенбергском университете, 31 октября 1517 г. вывесил на дверях дворцовой церкви 95 тезисов, отрицавших практику индульгенций. Затем он опубликовал один за другим три памфлета, в которых изложил программу реформирования церкви — ее учения и организации. Все попытки заставить Лютера отречься от своих взглядов на папскую власть и авторитет потерпели неудачу, и, в конце концов, папа Лев X осудил его по 41 пункту (булла «Exsurge Domine», 15 июня 1520), а в январе 1521 г. отлучил от церкви. Лютер на папскую буллу об осуждении ответил осуждением папства (памфлет «Против проклятой буллы Антихриста»), а саму буллу, «Кодекс канонического права» и несколько брошюр своих противников публично сжег. См. также комм. 74, 172, 258.

Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti) (1475–1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт. С 1546 г. и до конца жизни его главным трудом было возведение собора св. Петра и строительство ансамбля Капитолия в Риме — духовного и светского центров «вечного города». Он сумел построить восточную часть собора с тамбуром грандиозного купола, а сам купол был возведен после его смерти.

За несколько дней до смерти, как бы предчувствуя кончину, Рафаэль написал последнюю свою картину — «Преображение». На ней Христос, осиянный неземным светом, отрывается от земли. См. также комм. 91

115 Погодинский парафраз библейского сюжета: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех пер-

восвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля. Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли. И вот, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою» (Мф. 2:1–12).

116 Имеются в виду двенадцать апостолов (от *греч.* «посланник») — согласно Новому Завету, ближайшие ученики Иисуса Христа, избранные им для того, чтобы нести его учение и весть о его Воскресении людям, и составившие ядро раннехристианской общины: братья Петр (Симон) и Андрей (Первозванный) — рыбаки (оставившие мрежи-сети), призванные первыми, когда Иисус проходил близ «моря Галилейского» (озера Кинерет); братья-рыбаки Иаков Старший и Иоанн (Богослов); далее — Филипп, Варфоломей, мытарь (сборщик податей) Матфей, Фома, Иаков Алфеев, Фаддей, Симон Зилот (Кананит), Иуда Искариот. После предательства и самоубийства последнего на его место был избран по жребию Матфий.

117 Библейская притча о мехах для вина: «И не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое» (Мф. 9:17).

118 Откровение — непосредственное волеизъявление Бога, истина, сообщение, открывающие божественную волю.

119 Моисей, согласно Библии, предводитель иудейского народа, ветхозаветный пророк, законодатель и основатель иудаизма, который, получив от Бога миссию освободить народ Израилев из египетского рабства, сорок лет водил его по пустыне, пока не привел в Палестину (см.: Вторая книга Моисеева. Исход; Четвертая книга Моисеева. Числа).

120 *Лаплас* (Laplace) Пьер Симон (1749–1827) — французский математик, физик и астроном.

Кювье. См. комм. 93.

Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1783–1867) — святитель, архиепископ (с 1821), митрополит Московский и Коломенский (с 1825), проповедник, богослов, почетный член Петербургской Академии наук (1827). Ректор Петербургской духовной академии (1812).

121 Царство прозябаемых — растительное царство, растительный мир.

122 Палосская гавань — гавань испанского городка Палос де ла Фронтера, ставшая исходным пунктом первого путешествия Колумба, в которое он отправился 3 августа 1492 г. во главе флотилии из трех кораблей (каравеллы «Пинта» и «Нинья» и четырехмачтовый парусник «Санта-Мария»).

123 Гванагани (Guanahani), один из Багамских стровов, первый пункт Америки, открытый Колумбом 12 октября 1492 г.

124 *Линней* Карл (1707–1778) — шведский естествоиспытатель. Получил мировую известность благодаря созданной им системе растительного и животного мира.

125 Светопреставление в христианском вероучении — конец, гибель мира.

126 Согласно Ветхому завету, Бог явился Моисею и говорил с ним из неопалимой купины — объятого пламенем куста на горе Хорив, показал «задняя», т. е. будущее и настоящее «славы своея». «И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3: 5).

127 Оракулы — прорицатели.

Исторические афоризмы

Занятия русской и всеобщей историей, чтение лекций по истории в Московском университете, начиная с 1825 г., привели к возникновению афоризмов, которые М. П. Погодин записывал в свой дневник. Впервые афоризмы были напечатаны в 1827 г. в «Московском Вестнике», однако работа над ними не прекращалась, и в 1834 г. Погодин опубликовал отрывок из афоризмов в первом номере «Библиотеки для чтения», а в 1836 г. в Москве вышла отдельная книга «Исторические афоризмы Михаила Погодина». (См.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 2. СПб., 1889. С. 140, Т. 4. СПб., 1891. С. 260–261, 360–372.) Текст печатается по: Исторические афоризмы Михаила Погодина. Москва. В Университетской типографии. 1836. С. V–VIII, 1–110.

128 «Что касается до рассуждения Погодина о Реформации, то в Дневнике его мы находим следующее: "Думал о Реформации. Я докажу Немцам, что они будут учиться Истории у нас. Беседа о Реформации со студентами. Такая сократическая форма преподавания удается мне лучше". Но, сколько нам известно, Погодину не удалось выпустить в свет этого своего рассуждения» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды Погодина, в 22 т., СПб., 1888–1910; т. 4, СПб., 1891, С. 362).

129 См.: О всеобщей истории. Лекция при вступлении в должность ординарного профессора в Императорском Московском университете. 1834 // Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836. С. 113–128.

130 Царство прозябаемых. См. комм. 121.

131 Эмпиризм (от *греч.* empeiria — опыт), направление в теории познания, признающее чувственный опыт источником знания и считающее, что содержание знания может быть представлено либо как описание этого опыта, либо сведено к нему.

132 Прокрустово ложе — в греческой мифологии ложе, на которое великан-разбойник Прокруст насильно укладывал путников: тем, кому ложе было коротко, обрубал ноги; тех, кому было длинно, вытягивал (отсюда имя Прокруст — «растягивающий»). В переносном смысле — искусственная мерка, не соответствующая сущности явления.

133 См. комм. 75.

Тимолеон (ок. 411–337) — коринфский полководец, освободил Сиракузы (343) от тирана Дионисия младшего, победил карфагенян у Кримисса (340).

134 Геометрическая прогрессия — последовательность чисел, каждое из которых равно предыдущему, умноженному на некоторое постоянное для данной прогрессии число, называемое знаменателем прогрессии.

135 Имеется в виду город Торнио, на полуострове у западного берега реки Торниойоки, в Южной Лапландии. В 60 км от Торнио на Север, близ полярного круга находится гора Авасакса, высотой 231 м, на вершине которой в период с 9 по 11 июня не заходит солнце.

136 Во Франции после кровопролитных религиозных войн между католиками и кальвинистами (гугенотами) в 1562–1598 гг. был достигнут компромисс, выразившийся в Нантском эдикте (1598), который предоставлял гугенотам право свободного исповедания их религии и сохранял за ними большинство гражданских прав. В 1685 г. Людовик XIV

отменил Нантский эдикт и изгнал из Франции всех протестантов, которые отказались подчиниться.

137 Партитура... оратории — полный нотный текст крупного, обычно многочастного музыкального произведения для певцов-солистов, хора и оркестра.

138 Летописи — исторические произведения, вид повествовательной литературы в России XI–XVII вв., состояли из погодных записей, либо представляли собой памятники сложного состава — летописные своды.

Нестор, древнерусский писатель, летописец XI — начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря. Автор житий князей Бориса и Глеба, Феодосия Печерского. Традиционно считается одним из авторов «Повести временных лет».

Григорий Турский (Gregorius Turonensis) (в миру Георгий Флоренций) (538–594) — франкский священник и историк, автор 10 книг «Истории франков». После смерти причислен к лику святых.

139 *Шлецер* — Шлёцер (Schlözer) Август Людвиг (1735–1809) — немецкий историк, филолог; на российской службе в 1761–1767 гг., адъюнкт (1762), иностранный почетный член Петербургской Академии наук (1769). В 1768–1809 гг. профессор Геттингенского университета. Автор трудов по всеобщей истории, источниковедению, истории русского летописания («Нестор». Ч. 1–3, 1809–1819).

Круг Филипп Иванович (Иоганн Филипп) (1764–1844) — российский археолог, нумизмат и историк, выходец из Германии. Адъюнкт (1805), ординарный академик (с 1815) Петербургской Академии наук.

140 *Роллен* (Rollin) Шарль (1661–1741) — французский историк и педагог, автор многотомных «Древней истории» и «Римской истории».

141 Герены. См. комм. 102.

142 Шлецеры. См. комм. 139.

Гердер (Herder) Иоган Готфрид (1744–1803) — выдающийся немецкий историк культуры, философ, поэт. Автор фундаментального труда «Идеи к философии истории человечества» (т. 1–4, 1784–1791).

Шиллер (Schiller) Иоганн Кристоф Фридрих (1759–1805) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства, историк. Выдающийся представитель Просвещения в Германии, один из основоположников немецкой литературы Нового времени.

[143] A priori — независимо от опыта.

Шеллинги. См. комм. 91.

[144] *Аст* (Ast) Фридрих (1778–1841) — немецкий философ и филолог, шеллингианец.

Штуцманн (Stutzmann) Йоханн Йошуа (1777–1816) — немецкий философ, автор религиозно-философских трудов.

[145] *Бетховен* Людвиг Ван (1770–1827) — немецкий композитор. С 27-летнего возраста страдал глухотой, все время прогрессировавшей, при этом создал множество гениальных произведений.

[146] *Ван Дейк* (Вандик, van Dyck) Антонис (1599–1641) — знаменитый фламандский живописец, мастер портрета, мифологической, религиозной картины, офорта.

[147] Имеется в виду покровительница музыки Цецилия (Сесилия), святая, христианская мученица, умершая в 230 г. Представление о том, что Цецилия является покровительницей музыки, было основано на цитате из ее жития, или, иначе, — «Страстей»: «Когда Цецилию вели в дом ее суженого в день их свадьбы под звуки музыкальных инструментов («cantantibus organis»), в сердце своем обращалась она лишь к Богу, моля его сохранить ее душу и тело незапятнанными». По-латыни organum значит любой инструмент — музыкальный и всякий другой. Однако в XVI в. художники отождествляли его с современным им органом, часто типа портатива (то есть переносного), и так он сделался ее атрибутом. Орган-портатив как таковой исчез из употребления на протяжении XVI в., и позже Цецилию можно видеть на картинах играющей на клавикорде, арфе, лютне или смычковом инструменте.

[148] Речь идет о религии древних персов, которая имеет много различных названий: маздаизм (по главному богу — наиболее древнее ее название), авестизм (по названию священного писания), зороастризм (по имени ее пророка и основателя), огнепоклонство (по характерным особенностям ее обрядов), парсаизм (от парсы — название ее современных последователей в Индии). Иногда сторонников этой веры называют в Иране гебрами, а одно из направлений этой религии называется митраизмом, по имени главного бога — Митры.

[149] В древнем государстве в южной части Месопотамии (начало 2 тыс. до н. э. — 539 г. до н. э.) в связи с религиозной астрологией высоко развилась астрономия; вавилоняне вычисляли солнечные и лунные затмения, определяли звездное время.

[150] Троглодитная — от *греч.* trōglodytēs — живущий в норе или пещере, «обитатели пещер». Троглодитами древние греки называли эфиопский народ, живший в пещерах и имевший общих жен и детей.

[151] Погодин упоминает племена, жившие на территории Европы, это: норманны (от *сканд.* northman — «северный человек») — название, под которым в Западной Европе были известны народы Скандинавии в период их широкой экспансии конца VIII — середины XI в., в самой Скандинавии участников походов называли викингами, на Руси — варягами; франки (*лат.* «Franci», *нем.* «Franken») — группа западногерманских племен, объединившихся в племенной союз, впервые упоминаемый в середине III в.; галлы (*лат.* «Galli») — кельтские племена, *англосаксы* — общее название германских племен — англов, саксов, ютов и фризов, завоевавших в V–VI вв. кельтскую Британию; бритты (*лат.*, единственное число «Britto», возможно, от *кельт.* «brith» — пестрый, разный) — кельтские племена, составлявшие основное население Британии с VIII в. до н. э. по V в. н. э.; готы — германское племя, делившееся на западную (вестготы) и восточную (остготы) ветвь; паннонцы — группа иллирийских племен, первоначально занимавших береговую полосу по Адриатическому морю; пруссы — группа племен, населявшая южное побережье Балтийского моря. Под немецкими рыцарями подразумевает членов немецкого католического духовно-рыцарского Тевтонского ордена (латинское полное название «Ordo domus Sanctae Mariae Teutonicorum», он также назывался Немецким орденом («Deutscher Orden») или Орденом крестоносцев («Kreuzritterorden»), который в XIII в. основал государство в Прибалтике на землях, захваченных у пруссов, литовцев, поляков.

[152] Речь идет о Священной Римской империи германской нации (962–1806), возникшей в результате завоевания германским королем Оттоном I Великим (Otto I der Grosse) (912–973) территорий, ранее принадлежавших Римской империи.

[153] Имеются в виду английские исследователи Африки: Томас Боудич был британским посланником в африканском государстве Ашанти в 1810-х годах; Диксон Денхем (1786–1828) и Хью Клаппертон (1788–1827) в ходе экспедиций 1822–1825 гг. дали одно из первых описаний озера Чад и территорий к западу от озера.

[154] Речь идет о «престолах» следующих государств:

Ашанти, федерация Ашанти, африканское государство, существовавшее на территории Золотого Берега в конце XVII–XIX вв., во главе которого стоял верховный вождь (ашантихене), резиденцией которого был г. Кумаси, а во главе отдельных областей — местные вожди (оманхене).

Бирма, государство в Юго-Восточной Азии. Наивысшего подъема достигло в период правления династии Конбаунов в конце XVIII — начале XIX в., став самой мощной державой на Индокитайском полуострове.

Япония, государство, расположенное на островах Тихого океана, вблизи побережья Восточной Азии.

155 Хам и Иафет, сыновья библейского Ноя. Хам считается родоначальником хамитов («потомков Хама»), ряда африканских народностей, говорящих сходными языками (семья хамитских (афразийских) языков, включающая группы: египетскую — древнеегипетский и коптский языки; ливийскую или берберскую; кушитскую или эфиопскую). Потомки же Иафета («Иафетова» или арийская раса), по преданию, заняли Европу и страны восточной Азии, встав во главе человечества.

156 Пасаргады, знатный персидский род, из которого происходила династия Ахеменидов — царей древнеперсидской державы (558–330 до н. э.).

157 См. комм. 74, 762.

158 *Махмуд II* в 1820–1830-х годах провел ряд реформ, направленных на уничтожение корпуса янычар и создание новой армии европейского типа (сегбан-и джедид), на изменения правительства и финансов. При нем была введена одежда западного стиля, которая стала обязательной для государственных служащих. См. также комм. 56.

Мегемет-Али (1769–1849) — египетский вице-король (с 1805), реорганизовал армию и управление в европейском духе, открыл в Египте школы, типографию и газету, уничтожил гвардию мамелюков (1811); конфисковал в пользу государства значительную часть частной поземельной собственности (1814).

159 *Тьерри* (Thierry) Огюстен (1795–1856) — французский историк, один из основателей романтического направления во французской историографии. «История завоевания Англии норманнами» (1825), труд Огюстена Тьерри, в котором он развивает идею классовой борьбы, выросшей из борьбы двух «рас»: «расы» побежденных против «расы» завоевателей (во Франции галло-римлян против франков, в Англии англосаксов против норманнов); в результате которой «раса» завоевателей в дальнейшем становится привилегированным классом. См. также комм. 705.

160 *Константин I* (Flavius Valerius Constantinus) (ок. 285–337) — первый римский христианский император, более известный как Святой Равноапостольный, т. е. равный по значению апостолам в распространении,

насаждении христианства, царь Константин Великий и его мать — святая равноапостольная царица Елена (ок. 250 — ок. 330).

161 *Владимир I Святославич* (?–1015) — великий князь киевский, политический и религиозный деятель, вошедший в историю православия как святой равноапостольный князь; придал христианству на Руси статус государственной религии, внук святой Ольги (христианское имя — Елена) (ок. 920–969) — великой княгини киевской, правительницы Киевской Руси (945–969), первой христианки среди киевских князей (см. также комм. 349), муж Анны Романовны (963–1011), византийской принцессы, внучки императора Константина Багрянородного и сестры императора Василия II Болгаробойцы, которую в 988 г. после крещения Владимир взял себе в жены.

162 Ядвига, Гедвига (1372–1399) — королева польская (с 1384), вышедшая 1386 г. замуж за Ягайло (Jagaiło) (1348–1434), великого князя литовского (с 1377, с 1381 по 1392 правил единолично). По соглашению (Кревская уния 1385) о династическом союзе между Великим княжеством Литовским и Польшей, литовский великий князь Ягайло, вступив в брак с польской королевой Ядвигой, провозглашался польским королем, взамен чего обязался принять католичество вместе со всеми подданными, присоединить к Польше земли Великого княжества Литовского и способствовать возвращению утраченных Польшей земель. Примечательно, как Ягайло вводил в Литве католичество: язычников прямо обращали; что же касается православных, то от них требовали только признания власти папы, не определяя заранее, в чем будет заключаться их подчинение папскому престолу.

163 *Бандтке* (Bandtkie) Ежи Самуель (1768–1835), польский историк, автор одного из лучших в то время руководств по истории Польши «Dzieje narodu polskiego» (1810). Погодин цитирует его сочинение в русском переводе П. И. Гаевского («История государства Польского. Соч. Георга Самуила Бандтке, пер. с польского». В 2 т., СПб., 1830).

164 *Венелин* (наст. фам. Хуца) Юрий Иванович (1802–1839) — славист, автор исследования «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении их к россиянам» (Т. I. М., 1829), которое и цитирует Погодин (т. II издан был уже после смерти Венелина, в 1841).

165 Чимборасо, вулкан в Эквадоре (6262 м, вследствие близости к экватору его вершина — наиболее удаленная от центра Земли точка поверхности).

Девалагири — Дхаулагири (*санскр.* — белая гора) — горный пик в Гималаях, седьмая по высоте вершина мира (8221 м). В начале XIX в. Дхаулагири считалась высочайшей вершиной мира.

166 Речь идет об обетовании (торжественном обещании) Бога Еве, вкусившей запретного плода: «...умножая умножу скорбь твою в беременности твоей...» (Быт. 3:16) и о благой вести, которую Бог послал деве Марии: «...И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус...» (Лук. 1:31).

167 *Карл Великий* (742–814) — король франков (с 768), император (с 800), долгое время воевал с саксами, язычниками. В результате кровопролитных саксонских войн (772–804) саксы были покорены франками и обращены в христианскую веру, а Саксония включена в состав Франкского королевства.

168 В XIII в. под предлогом христианизации балтийских племен пруссов их земли завоевал Тевтонский орден, первые отряды рыцарей которого появились в Пруссии в 1230 г., после того как Папа Римский Гонорий III издал буллу, приравнивающую крестовый поход в Пруссию к крестовым походам в Палестину.

169 *Фридрих III Мудрый* (1463–1525) — курфюрст (с 1486) Саксонии.

170 *Мориц* (1521–1553) — курфюрст (с 1547) Саксонии; возглавил протестантских князей, которые заключили в 1552 г. с безуспешно боровшимся с протестантами императором Священной Римской империи Карлом V Пассауский договор, положенный затем в основу Аугсбургского религиозного мира (1555), который установил полную независимость германских князей в религиозных вопросах и утвердил за ними право определять религию своих подданных согласно принципу «cujus regio, ejus religio» — «чья страна, того и вера», признал лютеранство официальным вероисповеданием наряду с католицизмом и санкционировал секуляризацию церковных имуществ, проведенную до 1552 года.

171 *Альбрехт Старший* (Albrecht der Altere) (1490–1568) Гогенцоллерн — последний гроссмейстер Тевтонского ордена, первый герцог Прусский, в 1525 г. принял лютеранство и произвел секуляризацию (обращение церковной собственности в светскую) Восточной Пруссии, ставшей наследным герцогством.

172 «Виттенбергский профессор», «доктор Лютер», «виттенбергский реформатор» и т. п., традиционное именование главы реформационного движения Мартина Лютера (1483–1546), который был профессо-

ром богословия Виттенбергского университета. См. также комм. 74, 114, 258.

[173] *Олаф* (Олов) Тригвессон (Трюгвесон, Трюгвасон) (ок. 963 или 964 — ок. 1000) — король Норвегии Олаф I (с 995), воспитывался в Новгороде, при дворе князя Владимира, несколько лет прожил в Англии и Ирландии, где крестился, по возвращении в Норвегию став королем, принялся вводить там христианство.

[174] Action et réaction (*франц.*) — действие и противодействие.

[175] Крестовых походов, Александра Македонского, Петра Великого — см. комм. 1, 21, 24, 82.

[176] Республика Соединенных Провинций (иначе Голландская республика) образовалась в результате победы Нидерландской революции XVI в. См. также комм. 269.

[177] *Густав Эриксон* (Gustaf Eriksson), Густав I Ваза (Vasa) (1496–1560) — отец-основатель шведской независимости, был избран королем Швеции после освобождения страны от датчан (1523), провел королевскую Реформацию, добился провозглашения страны наследственной монархией и закрепления престола за династией Ваза.

[178] Под «Английской конституцией», скорее всего, Погодин имеет в виду две (наряду с Хабеас корпус актом) основные части: принятый парламентом после «Славной революции» — государственного переворота 1688 г. в Англии Билль о правах 1689 г., где в числе прочего законодательно исключалась возможность занятия английского королевского престола католиком, а также Акт о престолонаследии или Акт об устроении — «Акт о дальнейшем ограничении власти монарха и наилучшей охране прав и свобод подданных», принятый парламентом Англии в 1701 г., лишивший католическую мужскую линию Стюартов прав на престол и определивший порядок престолонаследия Ганноверского дома. В соответствии с Актом монархом в Англии (а затем, с 1707, и в Великобритании) могло быть только лицо, состоящее в общении с Англиканской Церковью. От престолонаследия отстранялись лица католического вероисповедания, лица, состоящие в браке с католиками, а также нисходящее потомство тех и других.

[179] *Людовик XIV*, «Король Солнце» (1638–1715) — король Франции (1643–1715), в своем стремлении усилить королевскую власть внутри страны и добиться не только территориально-политической, но и духовной гегемонии Франции в Европе, отменил в 1685 г. Нантский эдикт о свободе вероисповедания (1598), запретил кальвинистское

вероисповедание во Франции, продолжил гонения на французских протестантов, начавшиеся еще в 1570-х гг., запретил эмиграцию. Тем не менее около 400 тыс. гугенотов переселились в Англию, Голландию, Пруссию, Польшу.

Реформации в Ирландии не получилось. Католицизм оказался частью ирландского национального самосознания, и ирландцы не желали проводить никаких церковных реформ. Лишь на территории Ольстера, который был колонизирован англичанами, укоренился протестантизм, а в остальной части Ирландии господствующие позиции сохранил католицизм. Притеснения со стороны англичан, в особенности религиозные преследования, вызвали в 1598 г. восстание среди ирландцев, которое было подавлено через 4 года; за ним последовала конфискация в широких размерах земельных имуществ в Ирландии; англиканская церковь была награждена значительными поместьями. Новое восстание 1641–1652 гг. было усмирено с чрезвычайной жестокостью Кромвелем. 1689–1690 гг. ирландцы вновь восстали. Новые конфискации имуществ привели к тому, что почти вся земельная собственность в Ирландии перешла в руки англичан, ирландцы же сделались почти исключительно арендаторами и рабочими.

Унижение Испании заключалось, в частности, в том, что во время борьбы с реформационным движением в Европе Карл V, император Священной Римской империи и король Испании, терпел одно поражение за другим. На Аугсбургском рейхстаге (1550–1551) ему не удалось сохранить за сыном Филиппом право наследования императорской короны, чего он добивался, желая соблюсти интересы Испании. После этого он отказался от Нидерландов в пользу сына Филиппа, сложил с себя испанскую корону, отдав ему в том числе владения Испании в Италии и Новом Свете. И в конечном счете отрекся от императорской власти (1556).

В Польше Реформация не затронула основную массу населения, которая еще больше отдалилась от онемеченной шляхты, в конечном счете приведшей страну к трем разделам и к гибели.

Уже с начала XVII в. Америка в результате религиозных войн в Европе получила значительный приток первых поселенцев, чей пуританский дух и протестантские доктрины стали конституирующим фактором для будущих Северо-Американских Штатов.

[180] *Джакомо* (Томмазо) де Вио, по прозвищу Каэтан (Cajetan) (1469–1534) — кардинал, итальянский ученый-гуманист, приверженец томизма, глава (с 1508) Доминиканского ордена. Как куратор немецких земель, он был направлен Папой Римским Львом X в Аугсбург (1518), чтобы принудить к отречению Лютера, однако не смог переубедить его.

[181] *Франциск I* (François I) (1494–1547) — король Франции (с 1515). Безуспешно соперничал с Карлом в борьбе за корону императора Священной Римской империи (1519); во время военных действий в Италии был взят в плен (1525), год находился в заключении в Мадриде. В ходе второго конфликта с Карлом V (1527–1529) императорская армия разграбила Рим (7 мая 1527). После этого воевал с Карлом еще дважды в 1536–1537 гг. и в 1542–1544 гг.

Сулейман I (Suleyman I) (1495–1566), прозванный в Европе Великолепным, десятый и, как считают, величайший султан Османской империи (с 1520). При нем Османская империя достигла наибольшего территориального расширения и наивысшего могущества. В 1521 г. был взят Белград, после 1526 г. присоединена большая часть Венгрии; в 1530-х гг. завоеван Ирак, остров Родос и другие острова Эгейского архипелага, Триполитания, Алжир и другие территории. Во время своих тринадцати имперских войн Сулейман на равных противостоял национальным государствам Европы и Азии. Главным союзником Сулеймана I был Франциск I, король Франции, стремившийся использовать напор османов на востоке, чтобы связать руки своим габсбургским соперникам на западе. В итоге появились на свет знаменитые Капитуляции 1536 г., по которым Сулейман предоставил французам торговые привилегии, сделавшие Францию главным западным торговым партнером Османской империи, заложившие фундамент французских интересов и влияния в Леванте и положившие начало франко-османскому союзу, продолжавшемуся триста лет.

[182] *Экк* (Eck) Иоганн (1486–1543) — немецкий католический теолог, оппонент Мартина Лютера.

[183] *Тецель* (Tezel) Иоганн (1470, по др. сведениям 1455–1519), монах, настоятель доминиканского монастыря в Глогау, с 1502 г. вел торговлю индульгенциями в Германии как комиссар папы Льва X. Его злоупотребления индульгенциями послужили поводом для протеста Лютера и для начала реформационного движения

[184] *Шатобриан* (Chateaubriand) Франсуа Рене (1768–1848) — французский писатель и политический деятель, на его «Исторические этюды» — «Etudes ou Discours historiques sur la chute de l'Empire romain» (Paris, 1831 г.) ссылается Погодин.

[185] Речь идет о последователях раннехристианских учений: ариан (по имени его зачинателя — александрийского священника Ария (?–336)), осужденного как ересь на Никейском соборе (325) и Константинопольском соборе (381); македониан (по имени Македония — константинополь-

ского епископа (355–359)), осужденного как ересь Вселенским собором (381); пелагианцев (по имени монаха Пелагия (ок. 360 — после 418), осужденного как ересь на Вселенском соборе в Эфесе (431).

186 *Иоанн Златоуст* — Иоанн Хрисостом (Ioannes Chrisostomos) (347–407), христианский святой, богослов, один из величайших Отцов Церкви.

Григорий Назианзин — Григорий Богослов (Gregorios Nazianzenos) (около 330 — около 390) — христианский святой, греческий поэт и прозаик, церковный деятель и мыслитель, один из виднейших представителей патристики.

187 См. комм. 160.

188 Имеются в виду греко-персидские войны (500–449 до н. э., с перерывами), между Персией и греческими городами-государствами, в ходе которых произошли вторжение Дария I на Балканский полуостров (492–490 до н. э.), завершившееся его поражением при Марафоне, и греческий поход Ксеркса I (480–479 до н. э.) (прославившегося в частности тем, что приказал высечь плетьми и цепями бушевавшее море), чья многотысячная армия сумела «героически» победить 300 спартанцев царя Леонида в битве у Фермопил (480 до н. э.), взять и разграбить Афины, но потерпела поражение в решающей битве у города Платеи (479 до н. э.).

Ганнибал (Hannibal), Аннибал Барка (247 или 246 до н. э. — 183 до н. э.) — карфагенский полководец и государственный деятель, главнокомандующий карфагенской армией во время 2-й Пунической войны (218–201 до н. э.) с римлянами. В 202 г. до н. э. был разбит Сципионом в решающем сражении при Заме и проиграл войну.

Антиох — скорее всего, Антиох III Великий (Antiochos Mégas) (243–187 до н. э.) — царь Сирии (с 223 до н. э.) из дома Селевкидов: покорил страны Востока до Индии, но римлянами был разбит (при Магнезии, 190 г. до н. э.) и должен был уступить им Малую Азию до Тавра.

Митридат VI Евпатор или Великий (Mithridates Eupator) (132–63 до н. э.) — царь Понтийского царства с 121 г. до н. э. (фактически со 111 до н. э.), покорил всю Малую Азию и греческие города Черноморья, но все потерял в трех безуспешных войнах с римлянами.

189 *Карл Мартелл* (Carolus Martellus, от *позднелат.* martellus — молот) (около 688–741) — майордом — палатный мэр, высшее должностное лицо Франкского государства Меровингов (715–741). В октябре 732 г., к югу от Тура, разграбленного арабами, в битве при старом Пуатье франкская тяжелая рыцарская конница под его командованием окружила и разгро-

мила арабское войско, вторгшееся из Испании, остановив продвижение арабов в Европе.

[190] *Ян III Собеский* (Sobieski) (1629–1696), был избран сеймом польским королем (1674) после разгрома турок у Хотина (1673). Пытался создать антитурецкую коалицию, вступив в союз (1683) с австрийскими Габсбургами, чтобы противостоять турецкой агрессии, придя на помощь австрийцам, наголову разбил турецкую армию в сражении 12 сентября 1683 г. под Веной.

[191] *Оттон I. Великий*, германский король и император, нанес поражение венграм в битве при Аугсбурге в 955 г. (битва на реке Лех), положив конец опустошительным набегам кочевых венгерских племен на Балканы и немецко-австрийские земли, а также начавшемуся в IX в. процессу их продвижения из Приуралья через южнорусские степи в Центральную и Западную Европу. См. также комм. 152.

[192] *Иоанн III*, присоединил к Московскому княжеству Ярославское (1463), Ростовское (1474) княжества, Новгород (1478), Тверское великое княжество (1485), Вятские (1489) и большую часть Рязанских земель, а также Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др. Важнейшим его достижением стало свержение татаро-монгольского ига (1480). См. также комм. 58.

Фердинанд, в 1492 г. отвоевал у арабов Гранаду, завершив тем самым многовековую Реконкисту народов Пиренейского полуострова, боровшихся против мавров. См. также комм. 69.

[193] *Гильдебранд*, монашеское имя Папы Римского Григория VII. См. также комм. 113.

[194] Перипатетики, последователи аристотелевой философии.

Схоластики, представители теолого-философской традиции, ставившей своей целью рациональное обоснование и систематическую концептуализацию западнохристианского вероучения.

[195] Галликанская (от *лат.* gallicanus, *букв.* — галльская, здесь — французская), французская католическая церковь, автономная от папства, за которую с XIII в. боролись галликанцы. Наибольших успехов галликанство достигло к 1682 г., когда на национальном церковном соборе, собравшемся по распоряжению Людовика XIV, была принята «Декларация галликанского духовенства», содержавшая 4 основных требования: независимость короля во всех светских делах от церковной власти; подчинение папы вселенскому собору; ограничение папской власти законами и обычаями

королевства Франции и ее церкви; непризнание непогрешимости суждений папы в вопросах веры, не подтвержденных собором. Эти требования фактически проводились в жизнь до конца XVIII в.

196 Священный союз — союз Австрии, Пруссии и России, заключенный в Париже 14 сентября 1815 г., после падения империи Наполеона I, с целью обеспечения незыблемости решений Венского конгресса (1814–1815). В 1815 г. к Священному союзу присоединились Франция и ряд других европейских держав. В начале 1830-х гг. этот Союз фактически распался.

197 Амфиктионы — Амфиктиония (*греч.* Amphiktionia, от amphiktiones — жители окружающих областей), одна из древнейших форм межплеменных и межгосударственных объединений в древней Греции. Важнейшей чертой, отличавшей этот тип объединения от прочих, являлось наличие у амфиктионов (*букв.* «вокруг живущих») общего религиозного центра, который находился на их попечении и в котором во время специальных собраний их представители осуществляли совместную культовую практику.

198 За время существования Священного союза было созвано четыре конгресса. Первый, Аахенский (1818), проходил с участием представителей России, Австрии, Пруссии и Франции. На нем был решен вопрос о досрочном выводе союзных оккупационных войск из Франции, приняты меры к сохранению в Европе государственных границ, установленных Венским конгрессом, и монархических режимов. Второй, Троппауский, конгресс (1820) был созван по инициативе Меттерниха в связи с революцией в Неаполитанском королевстве, на нем Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол, провозглашавший право их вооруженного вмешательства в дела других государств в целях борьбы с революцией. Третий, Лайбахский, конгресс (1821), являвшийся продолжением конгресса в Троппау, санкционировал австрийскую интервенцию в Неаполе и Пьемонте. Последний, Веронский, конгресс Священного союза (1822) был самым представительным по числу участников. Кроме главных его членов в Верону прибыли итальянские монархи, министры иностранных дел, видные дипломаты и военачальники. Россия была представлена делегацией из 29 человек. Главное место в работе конгресса занимал вопрос об испанской революции.

199 Habeas Corpus Act, закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г.

200 См. комм. 100.

Елизавета I (Elizabeth I) Тюдор (1533–1603) — дочь Генриха VIII, английская королева (с 1558), последняя из династии Тюдоров.

[201] Имеется в виду германско-австрийская династия Габсбургов (Habsburger), владевшая с 1282 г. Австрией, а в 1438–1806 гг. (с перерывом в 1742–1745) удерживавшая титул императора Священной Римской империи. На протяжении своей истории Габсбурги (с XV в. — Австрийский дом) давали королей и правителей для Чехии, Венгрии, Испании, Сицилийско-Неаполитанского королевства, Тосканы и Модены и др.

[202] Magna Charta — Великая хартия вольностей (*лат.* Magna Charta Libertatum), грамота, ограничивающая королевские права, подписанная английским королем (с 1199) из династии Плантагенетов Иоанном Безземельным (John Lackland) (1167–1216) 15 июня 1215 г.

[203] Стюарты (Stuart, Stewart), королевская династия, правившая в Шотландии (1371–1649 и 1660–1707), Англии (1603–1649 и 1660–1707) и Великобритании (1707–1714). С низложением и казнью в 1649 г., во время Английской революции, Карла I (1600–1649; правил с 1625) утратили шотландскую и английскую короны, но в 1660 г. вернули их благодаря Реставрации: английский и шотландский трон занял старший сын Карла I — Карл II (1630–1685). Наследовавший ему в 1685 г. его брат Иаков (Яков) II (1633–1701), принявший католическую веру, был свергнут в 1688 г. в результате Славной революции. Престол занял Вильгельм III Оранский (король в 1689–1702), правивший совместно со своей женой — дочерью Якова II Марией II Стюарт (королева в 1689–1694). После смерти Анны Стюарт (королева в 1702–1714) престол перешел к Ганноверской династии, находившейся со Стюартами в отдаленном родстве.

[204] Визиготах — вестготы (визиготы, тервинги) — германское племя, западная ветвь готов.

[205] Патер — католический монах в сане священника или диакона, партизан — здесь от *франц.* partisan — приверженец, сторонник, последователь.

[206] *Филипп V* (1683–1746), герцог Анжуйский (до 1700), испанский король (1700–1724, 1724–1746), положил начало испанской ветви Бурбонов.

[207] Булла (*лат.* bulla — свинцовая печать), вид официального папского послания. Свое название булла получила от свинцовой печати с именем папы на одной стороне и ликами апостолов Петра и Павла на другой, которая прикреплялась к документу на пеньковом или шелковом шнуре.

208 См. комм. 91, 114.

Рени (Reni) Гвидо (1575–1642) — итальянский живописец эпохи барокко, представитель болонского академизма.

Тициан (Тициано Вечеллио, Tiziano Vecellio) (1476/1477 или 1480-е — 1576) — итальянский живописец, крупнейший представитель венецианской школы эпохи Возрождения.

Доменикино (Domenichino) (Доменико Цампьери) (1581–1641) — итальянский живописец-академист, представитель болонской школы.

Микельанджело. См. комм. 114.

209 *Лейбниц* (Leibniz) Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ и математик.

Кант (Kant) Иммануил (1724–1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии.

Фихте (Fichte) Иоганн Готлиб (1762–1814) — немецкий философ и общественный деятель, представитель немецкой классической философии.

См. комм. 91.

Винкельман (Winckelmann) Иоганн Иоахим (1717–1768) — немецкий историк античного искусства, автор знаменитой «Истории искусства древности» («Geschichte der Kunst des Altertums», 1763), ставшей первым образцом научной истории искусства, где рассматриваются не отдельные мастера, а искусство в целом в его расцвете и упадке.

Лессинг (Lessing) Готхольд Эфраим (1729–1781) — немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель, ставший основоположником немецкой классической литературы.

Галлер (Haller) Альбрехт (1708–1777) — швейцарский естествоиспытатель и поэт. В 1736–1753 гг. профессор старейшего немецкого Геттингенского университета, где основал анатомический театр и ботанический сад; в 1751 г. создал в Геттингене Королевское общество наук, был избран его президентом.

210 *Пипин III Короткий* (Pippinus Brevis, Pépin le Bref) (714 или 715–768) — франкский король (751–768), первый из династии Каролингов. Будучи майордомом (в 741–751), сверг последнего короля из династии Меровингов и добился своего избрания на королевский престол, получив санкцию римского папы Стефана II, который в 754 г. в аббатстве Сен-Дени близ Парижа совершил помазание Пипина и его сыновей Карла (будущего Карла Великого) и Карломана в качестве королей франков. В 756 г. осуществил знаменитое «дарение Пипина», передав папе ото-

бранные у лангобардов земли, на которых и возникла Папская область, положившая начало мирской власти папства.

211 После победы французского короля Филиппа IV Красивого (Philippe IV le Bel) (1268–1314), над папой Бонифацием VIII (1295–1303) в конфликте по поводу прерогатив духовных и светских властей, папа Климент V (1305–1314) под давлением Филиппа IV перенес в 1309 г. свою резиденцию из Рима в Авиньон (принадлежавший неаполитанскому королю, но находившийся на французской территории; в 1348 г. Авиньон был выкуплен папой в собственность). «Авиньонское пленение пап» продолжалось (с перерывом в 1367–1370) до 1377 г.

212 Под «Альбийцами» и «Валдейцами», скорее всего, Погодин имеет в виду заключавшие в себе первые зачатки протестантизма ереси альбигойцев (*франц.* Albigeois), участников широкого еретического движения в Южной Франции XII–XIII вв., приверженцев учений манихейской секты катаров (*греч.* katharos, чистый) и «лионских братьев» — вальденсов (*лат.* valdensi, *франц.* vaudois, *итал.* valdesi), религиозной секты, получившей название по имени ее основателя, лионского купца Петра Вальда, который в 1173 г. раздал свое имущество, обратился к жизни в апостольской бедности и призвал своих последователей проповедовать Писание, переведенное на народный язык.

213 Карл V, Франциск I. См. комм. 69, 181.

214 2-й Крестовый поход — неудачный поход (1147–1149), который возглавляли французский король Людовик VII (1137–1180) и немецкий король Конрад III (1093–1152).

215 *Петр Амьенский, Пустынник* (Pierre l'Ermite; *лат.* Petrus Heremita) (ок. 1050–1115) — французский монах.

216 На церковном Соборе во французском городе Клермонте (1095, 18–27 ноября) Папа Урбан II призвал христианские народы к завоеванию Палестины — освобождению «Святой земли». См. также комм. 82.

217 *Готфрид Бульонский*, Годфруа Буйонский (Godefroi de Bouillon) (около 1060–1100) — один из предводителей 1-го крестового похода на Восток (1096–1099), после захвата крестоносцами в июле 1099 г. Иерусалима был провозглашен правителем Иерусалимского королевства.

218 См. комм. 69.

219 *Карл VII* (Charles VII) Валуа (1403–1461) — французский король (с 1422).

[220] *Лафайет* (La Fayette) Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье, маркиз де (1757–1834), французский политический деятель, создатель вооруженного гражданского ополчения в Париже — национальной гвардии (1789), которая строилась по территориальному признаку (по кварталам и округам).

[221] *Карл VIII* Валуа (1470–1498) — король Франции (с 1483), в 1494 г. объявил войну Неаполитанскому королевству, перешел через Альпы с огромным по тому времени войском и артиллерией, захватил его в 1495 г. и тут же потерял.

[222] *Ришелье* (Richelieu) Арман-Жан-Дюплесси (1585–1642) — герцог, знаменитый французский государственный деятель, кардинал (с 1622), главный министр Людовика XIII (с 1624), стремился сделать Францию первой державой Европы.

[223] *Вольтер* (Voltaire), наст. имя — Мари Франсуа Аруэ (Arouet) (1694–1778) — французский писатель, философ, историк.

Энциклопедисты — составители французской энциклопедии XVIII в. (1751–1772), под редакцией Дидро и Д'Аламбера. Дидро, Д'Аламбер, Вольтер, Монтескье, Руссо, Кондильяк, Гольбах, Гельвеций, Бюффон, Мармонтель, Кондорсе, Мабли, Гримм и др. явились выразителями умственного брожения, подготовившего революцию 1789 г. во Франции.

[224] Имеется в виду Великая французская революция 1789–1794 гг., ставшая крупнейшим социальным переворотом Нового времени.

[225] См. комм. 196.

[226] Речь идет о хартии, устанавливающей конституционную монархию во Франции, которую по настоянию участников антинаполеоновской коалиции (особенно русского императора Александра I), понимавших невозможность восстановления во Франции абсолютной монархии, был вынужден октроировать (от *франц*. octroyer — жаловать, даровать) народу Людовик XVIII Бурбон (1755–1824), король Франции (1814–1815 и 1815–1824). Конституционная хартия Людовика XVIII, провозглашенная в 1814 г. после реставрации Бурбонов, стала первой в истории октроированной, т. е. принятой без участия представительных органов, конституцией.

[227] *Луи Филипп* (Louis-Philippe) (1773–1850) — французский король (1830–1848).

228 *Плутарх* (Plútarchos) (ок. 46 — ок. 127) — древнегреческий писатель, историк и философ-моралист, автор знаменитых «Параллельных жизнеописаний» («Vitae parallelae») — 46 сравнительных жизнеописаний знаменитых людей.

229 Пиитический — поэтический.

230 Этеокл и Полиник, мифологические сыновья царя Фив Эдипа, боровшиеся между собой за власть, ставшие символом междоусобных раздоров.

231 *Дагоберт I* (Dagobert) (около 605–639) — франкский король (с 629), последний представитель династии Меровингов, обладавший реальной властью.

Ярополк I (?–980) — князь киевский (с 972). Старший сын князя Святослава. Пытался подчинить себе территории на Севере и Северо-Востоке Руси, но был побежден младшим братом Владимиром.

Рольф по прозвищу Краке («тощая лошадь») — былинный король Дании.

232 Этрурия (Etruria), страна в Италии в 1-м тыс. до н. э. Этруски, происхождение которых не выяснено, создали развитую цивилизацию, предшествовавшую римской, в том числе союз из 12 городов с аристократическим государственным устройством.

233 Медицисы — род Медичи (Médici), правивший Флоренцией в 1434–1737 гг.

234 Евер, Эвер (от *евр.* eber — переходить через, что значит «пришелец чужой земли», «странник») — ветхозаветный сын патриарха Салы, правнук Сима, отца всех сынов Еверовых, был последний из благочестивых патриархов до разделения и рассеяния народов (Быт. 10:21 и др.), родоначальник евреев.

235 Византийская Империя — принятое в исторической науке наименование государства, возникшего в IV в. на территории восточной части Римской империи и существовавшего до середины XV в.

236 Дарий (*др.-перс.* дараявауш — царь, повелитель), имя трех царей государства Ахеменидов.

237 *Дарий III Кодоман* (380–330 до н. э.) — царь (с 336 до н. э.), последний из династии Ахеменидов. В 333 г. до н. э. в битве при Иссе потерпел поражение от Александра Македонского, в 331 г. до н. э. у Гавгамел его армия была полностью разгромлена, Кодоман бежал в Восточный Иран, где был убит своим сатрапом Бессом.

238 *Дарий I Великий* (550–486 до н. э.) — сын Гистаспа (Виштаспы), сатрапа Парфии и Гиркании в восточной Персии, потомок по младшей линии основателя персидской царской династии Ахемена, персидский царь (с 522 до н. э.), считается величайшим из Ахеменидов.

239 Гераклиды, мифические потомки Геракла (Геркулеса), изгнанные из Пелопоннеса, вернулись, по преданию, в седьмом поколении от Геракла, вместе с дорянами, в 1104 г. до н. э. и завладели Аргосом, Мессенией и Лакедемоном.

240 Эоляне, ионяне, доряне, а также ахеяне — племенные группы, на которые делились эллины.

241 *Гомер* (Омер, Омир), легендарный автор древнегреческих эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», нищий слепой старец, бродивший по Греции, платя за гостеприимство чтением своих стихов.

242 Фокейцы — жители Фокеи (*греч.* Phokaia), древнегреческой колонии в Малой Азии.

243 *Кир II Великий* (*др.-перс.* Куруш) (ок. 590–530 до н. э.) — персидский царь (558–530 до н. э.), основатель империи Ахеменидов.

244 Массилия (Massilia), греческая колония VI в. до н. э., на месте нынешнего Марселя.

245 Александр. См. комм. 1.

246 *Зенон Элейский* (ок. 490 — ок. 430 до н. э.) — древнегреческий философ, автор знаменитых эссе в форме апорий (*греч.* aporia — затруднение, недоумение): «Дихотомия», «Ахиллес», «Стрела», «Стадий» и др.

Диоген Синопский (ок. 408–323 до н. э.) — древнегреческий философ, родоначальник движения киников, имя которого прочно связано с эпатирующим образом жизни («бочка Диогена») и блестящими афоризмами на грани и за гранью дозволенного.

247 Персть — пыль, прах. Ср. библ.: «Созда Бог человека, персть взем от земли» — «и создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2:7).

248 Affranchissement des communes — (*франц.*) «освобождение общин», закрепление за городами их давнишних прав, сохранение древнего муниципального устройства, расширение привилегий и предоставление городам самостоятельной юрисдикции во время Великой французской революции конца XVIII в.

249 Речь идет о Палате общин, нижней палате парламента (от *франц.* parler — говорить), высшего представительного учреждения, впервые образованного в Англии в XIII в. как орган сословного представительства.

250 «Оставите рости обое до жатвы. Да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними пшеницу» — библ.: «Ину притчу предложи им, глаголя: уподобися царствие небесное человеку, сеявшу доброе семя на селе своем. Спящим же человеком, прииде враг его, и всея плевелы посреде пшеницы, и отъиде. Егда же прозябе трава, и плод сотвори, тогда явишася плевелие. Пришедше же раби господина, реша ему: господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоем? Откуду убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори. Раби же реша ему: хощеши ли убо, да шедше исплевем я? Он же рече: ни; да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними пшеницу. Оставите расти обое купно до жатвы» (Мф. 13: 24–30).

251 *Месмер* (Mesmer) Франц Антон (1734–1815) — австрийский врач, создатель учения о «животном магнетизме» («месмеризм»).

Галь (Gall) Франц Йозеф (1758–1828) — австрийский врач, основатель френологии.

Ганеман, Ханеман (Hahnemann) Самуэль (1755–1843) — немецкий врач, основатель гомеопатии.

Перкинс (Perkins) Джейкоб (1766–1849) — изобретатель механической установки для производства искусственного льда (1834) — холодильной парокомпрессионной машины, работавшей на эфире.

252 *Смит* (Smith) Адам (1723–1790) — шотландский экономист и философ, основатель классической школы политической экономии, автор фундаментального труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), учение которого можно считать теоретической основой свободной торговли.

253 *Дейви* (Davy) Гемфри (Хамфри) (1778–1829) — английский химик и физик, президент Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе (с 1820).

254 Пигмалион (*греч.* Pygmaliön), мифологический царь и скульптор с о. Кипра, влюбившийся в изваянную им статую девушки Галатеи, которую, вняв его мольбам, оживила Афродита. Его имя стало нарицательным для обозначения человека, влюбившегося в свое творение.

255 См. комм. 29.

256 *Уиклиф,* Виклиф (Wycliffe, Wiclif, Wyclif) Джон (между 1320 и 1330–1384), английский реформатор, идеолог бюргерской ереси. Профессор Оксфордского университета, доктор богословия (с 1372).

257 *Гус* (Hus) Ян (1371–1415) — проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации. Отлучен от церкви и предан анафеме, в 1414 г. вызван на церковный собор в Констанце, где в открытом споре надеялся защитить свое учение, однако был брошен в тюрьму, осужден собором как еретик и сожжен заживо.

258 В 1521–1522 гг. Лютер скрывался под покровительством курфюрста Саксонии Фридриха Мудрого в замке Вартбург. Здесь за одиннадцать недель он создал немецкий перевод Нового Завета с греческого текста. Перевод Ветхого Завета Лютер завершил много позже — в 1534 г. См. также комм. 74, 114, 172.

259 Речь идет о событиях войны (1618–1648) габсбургского блока (австрийские и испанские Габсбурги, католические князья Германии, папство) с антигабсбургской коалицией (протестанские князья Германии, Дании, Швеции, Голландии и Франции). Весной 1618 г. в Богемии вспыхнуло восстание против власти Габсбургов, вызванное уничтожением нескольких протестантских церквей и нарушением местных вольностей; 23 мая 1618 г. горожане Праги выбросили трех представителей императора Матвея (1611–1619) из окон Пражского града (Дефенестрация). К восставшей Богемии примкнули Моравия, Силезия и Лузация. Это событие положило начало Тридцатилетней войне. Окончилась же война заключением Вестфальского мира (1648), закрепившим новую европейскую политическую систему, просуществовавшую до конца XVIII в.

260 Богомилы — еретическая христианская секта, возникшая в X в. в Болгарии под влиянием павликианства, названная по имени основателя, священника Богомила, осуждавшего богатство и государственную власть.

Павликиане (*греч.* Paulikianoi, предположительно, от имени апостола Павла) — еретическое движение в христианстве, зародившееся в середине VII в. на востоке Византийской империи (в Западной Армении), основателем движения был армянин Константин, принявший впоследствии имя Сильван.

Гуситы — участники движения за церковные реформы в Чехии XV в. Движение объединяло последователей идей Яна Гуса, Иеронима Пражского, Джона Уиклифа.

261 Иероглифы — по Вл. Далю, небуквенное письмо, иносказательное начертанье, представительное изображенье, заменяюшее письмена или буквы.

262 Индульгенции — грамоты об отпущении грехов, были обещаны участникам Крестовых походов за заслуги перед церковью; позже стали продаваться за деньги, злоупотребления с их продажей стали поводом к началу Реформации.

263 Перкинс. См. комм. 250.

Фултон (Fulton) Роберт (1765–1815) — американский изобретатель, создатель первого парохода — самоходного речного судна, приводимого в движение паровой машиной.

264 Речь идет о супруге Георга IV (George) (1762–1830), короля Великобритании и Ирландии и Ганновера, который сначала тайно женился в 1785 г. на католичке, брак с которой был признан незаконным, а в 1795 г. в обмен на очередную уплату его долгов парламентом, согласился на династический брак с дочерью герцога Брауншвейгского принцессой Каролиной. Этот брак обернулся публичной распрей, длившейся на протяжении четверти века (супруги разъехались уже в 1796 г. после рождения дочери). Вступление Георга IV на престол в 1820 г. привело к кризису в его отношениях с женой. В 1806 г. Георг пытался отобрать у Каролины их дочь в связи с рождением у королевы внебрачного ребенка. В 1813 г. Георг в качестве регента вновь предпринял публичное обсуждение вопроса, вправе ли он ограничить контакты матери с их общей дочерью. В 1814 г. Каролина покинула Англию и поселилась в Италии, но вернулась, когда Георг стал королем. Желая получить развод, Георг заставил своих министров внести на рассмотрение парламента билль о провинностях и наказаниях, на основании которого можно было бы расторгнуть брак и лишить Каролину титула и королевских прав. Сомнений относительно ее внебрачных связей практически не оставалось, но билль не получил поддержки в палате лордов и был отозван. В этих конфликтах в королевском семействе народ всегда становился на сторону «обиженной» супруги, что в значительной степени снижало авторитет Георга. Опираясь на общественную поддержку, Каролина в 1821 г. попыталась принять участие в коронации в Вестминстерском аббатстве, но ее туда не пустили. Ее смерть в августе 1821 г. разрешила затяжной конфликт.

265 *Болейн* (Boleyn, Bullen) Анна (ок. 1507–1536) — вторая жена английского короля Генриха VIII, мать английской королевы Елизаветы I (см. комм. 201). Развод Генриха VIII с первой женой — Екатериной Арагонской и женитьба на Болейн (1533) послужили предлогом для разрыва с папой римским, отказавшимся признать развод и новый брак короля, и проведения реформации в Англии. Вскоре Анна Болейн, обвиненная в супружеской неверности, была по приказу Генриха VIII предана суду и казнена.

266 Представители Анжуйской королевской династии, происходившей от графов Анжу (Anjou, *лат.* Andegavum) (Франция). В Средние века представители этой династии правили в Англии (1154–1399); в Южной Италии (1268–1442): в Сицилии (1268–1282 (номинально в 1266–1302); Неаполитанским королевством (до 1442); в Венгрии (1308–1387); в Польше (1370–1382 и 1384–1385) и др.

267 Речь идет о Капетингах, династии французских королей (в 987–1328): Людовике IX Святом (1214–1270, король с 1226) и трех сыновьях Филиппа IV Красивого (1285–1314) — Людовике X Сварливом (1289–1316, король с 1314), Филиппе V Длинном (1294–1322, король с 1316), Карле IV Красивом (1294–1328, король с 1322). После смерти Карла IV, не оставившего сыновей, французская корона перешла к ветви Капетингов — династии Валуа, правление которой завершили три брата — сыновья Генриха II (король в 1519–1559) — Франциск I (1559–1560), Карл IX (1560–1574) и Генрих III (1574–1589), после его убийства во Франции утвердилась династия Бурбон-Вандомов, правившая страной с перерывами до 1830 г.

268 См. комм. 109, 110.

269 Константинополь был основан римским императором Константином I в 324–330 гг. на месте г. Византий на европейском берегу пролива Босфор, последний византийский император Константин XI Палеолог (1404–1453) был убит во время захвата города турками. См. также комм. 15.

270 В 1574 г. две северные провинции — Голландия и Зеландия, в ходе восстания освободившись от испанской власти, избрали Вильгельма I Оранского своим штатгальтером; в 1579 г. к ним присоединились еще 5 провинций (Утрехт, Гельдерланд, Фрисландия, Оверейссель и Гронинген) и на основе «Утрехтской унии» 1581 г. образовали федеративную республику, независимость которой была признана Вестфальским миром 1648 г. К образованию независимого американского национального государства — Соединенных Штатов Америки привела Война за независимость в Северной Америке 1775–1783 гг. 4 июля 1776 г. 2-й Континентальный конгресс принял Декларацию независимости. По Версальскому мирному договору 1783 г. независимость США была признана Великобританией.

271 См. комм. 1 и 9.

272 *Филипп II* (382–336 до н. э.) — царь Македонии, объединивший Грецию под своей властью;

Фридрих *II Великий* (1712–1786) — прусский король (с 1740), из династии Гогенцоллернов, крупный полководец; в результате его завоеватель-

ной политики (Силезские войны 1740–1742 и 1744–1745 гг., участие в Семилетней войне 1756–1763 гг., в 1-м разделе Польши в 1772 г.) территория Пруссии почти удвоилась.

273 Король Франции (с 1643) Людовик XIV (1638–1715) Бурбон, «король-солнце», вошел в историю не только как тиран, но и как король-строитель и просветитель, поведению которого стремились подражать многие монархи нового времени, считавшие его царствование классическим примером абсолютизма.

Юстиниан Великий (482 или 483–565) был одним из величайших византийских императоров, кодификатором римского права и строителем таких произведений архитектурного исскуства, как собор св. Софии (532–537), который до сих пор является одним из величайших сооружений в мире. Грандиозности сооружений соответствовала и степень расточительности, продемонстрированная императором.

274 В ходе Английской революции XVII в. Карл (Charles) I Стюарт (1600–1649), король Англии, Шотландии и Ирландии из династии Стюартов был казнен (1649), Англия провозглашена республикой. После реставрации монархии (1660) Стюарты (Карл (Charles) II, 1630–1685) вновь заняли престол. Преемник Карла II Яков (James) II (1633–1701), король в 1685–1688, был свергнут в результате государственного переворота 1688–1689 (так называемой «Славной революции»). Престол занял Вильгельм (William) III Оранский (1650–1702, король в 1689–1702), правивший совместно со своей женой — дочерью Якова II Марией (Mary) II Стюарт (1662–1694, королева с 1694). После смерти Анны Стюарт (1685–1714, королева в 1702–1714) престол перешел к Ганноверской династии, находившейся со Стюартами в отдаленном родстве. Во Франции Бурбоны были низложены в 1792 г. во время Великой французской революции, а в 1793 г. Людовик XVI (см. комм. 86) казнен. Реставрация 1814–1830 гг. воскресила династию Бурбонов в лице Людовика XVIII (1814–1815, 1815–1824) (см. комм. 227) и Карла (Charles) X (1757–1836, король в 1824–1830). После Июльской революции 1830 г. на французский престол вступил Луи Филипп (1773–1850, король в 1830–1848) — представитель младшей, Орлеанской ветви Бурбонов.

275 Sensus humanitas (*лат.*) — чувства гуманизма.

276 *Франклин* (Franklin) Бенджамин (Вениамин) (1706–1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый. При его содействии и участии были заключены Американо-французский договор 1778 г. о союзе и Версальский мирный договор 1783 г., по которому

Великобритания признала независимость США. Он участвовал в работе Конституционного конвента по выработке Конституции США 1787 г. 12 февраля 1790 г. Франклин подписал памятную записку Конгрессу с призывом об отмене рабства.

277 Карамзин, наряду со всем прочим, — зачинатель русского сентиментализма («Бедная Лиза», «Письма русского путешественника» 1792, и др.). См. также комм. 28.

278 *Стерн* (Sterne) Лоренс (1713–1768) — английский писатель, крупнейший представитель сентиментализма, в пику просветительству объявившего доминантой «человеческой природы» чувство, а не разум.

279 *Спиноза* (Spinoza, d'Espinosa) Бенедикт (Барух) (1632–1677) — нидерландский философ. После того как руководители еврейской общины Амстердама подвергли его «великому отлучению» — херем (1656), спасаясь от преследований, он жил в деревне, вынужденный зарабатывать средства к существованию шлифовкой линз, затем — в Рейнсбурге, предместье Гааги, где и создал свои философские произведения.

280 Александрийская библиотека — наиболее известная в древности библиотека, основанная в Александрии при Александрийском мусейоне («Храме Муз») в начале III в. до н. э. при первых Птолемеях. В ней насчитывалось от 100 тыс. до 700 тыс. свитков, не только на древнегреческом, но и на восточных языках, работали крупнейшие ученые и штат копиистов, занимавшихся перепиской книг. Значительная часть книг сгорела во время осады Александрии Юлием Цезарем в 48–47 гг. до н. э., однако позднее библиотека была восстановлена и пополнена за счет Пергамской библиотеки. В 391 г. н. э. при императоре Феодосии I часть библиотеки, находившаяся в храме Сераписа — владыки мертвых, подателя плодородия и божества-целителя, была уничтожена христианами-фанатиками; последние остатки ее погибли, видимо, при господстве арабов в VII–VIII вв.

281 Антонины (Antonini), династия римских императоров; время правления которых (96–192) считается периодом наивысшего внутреннего и внешнего расцвета Римской империи.

282 Древнеримские города Геркуланум и Помпеи были погребены под пеплом вулкана Везувия в 79 г.

283 Тот факт, что воздух является смесью газов, первым доказал французский химик Антуан-Лоран Лавуазье (Lavoisier) (1743–1794). Вы-

яснив в 1774–1777 гг. химическую сложность воздуха, он предложил назвать часть, поддерживающую горение, «воздухом, пригодным для дыхания», а в 1777 г. — кислородом (oxygene), а удушающую — азотом (azote, с *греч.*, значит «не поддерживающий жизни»). Чуть позже ученые нашли, что состав воздуха почти постоянен, а количество в 100 объемах воздуха кислорода и азота около 21% и 78%.

284 *Груши* (Groachy) Эммануил (1766–1847) — французский маршал (с 1815), считается виновником поражения при Ватерлоо. В заключительный период так называемых «Ста дней» — вторичного правления, Наполеон I Бонапарт 16 июня 1815 г. при Линьи нанес поражение прусской армии и приказал корпусу маршала Э. Груши (33 тыс.) преследовать ее. Груши действовал нерешительно, а 18 июня не подошел к Ватерлоо на помощь французской армии, которая была разгромлена английскими и прусскими войсками.

285 *Вандам* (Vandamme) Доминик Жозеф Рене (1770–1830) — французский генерал, граф Юнебургский (1808). В 1813 г. командовал корпусом наполеоновских войск, который в сражении под Кульмом в Богемии (29–30 августа 1813) был разгромлен русско-прусско-австрийскими войсками, а около 12 тыс. французов во главе с Вандамом организованно сдались в плен.

286 Утрехтский мир 1713 г., общее название ряда двусторонних мирных договоров, подписанных в г. Утрехте: 11 апреля — Францией и ее противниками (Англией, Голл. республикой, Пруссией, Савойей, Португалией), 13 июля — Испанией и Англией, Испанией и Савойей (позднее — соответственно 26 июня 1714 г. и 6 февраля 1715 г. — Испанией и Голландской республикой, Испанией и Португалией), завершивших (наряду с Раштаттским миром 1714) войну за Испанское наследство.

287 Имеется в виду поэма итальянского поэта Торквато Тассо (Torquato Tasso) (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» (1580).

288 Дон-Кихот — центральный образ романа «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (2 т., 1605–1615) испанского писателя Сервантеса Сааведры (Cervantes Saavedra) Мигеля де (1547–1616).

289 Погодин упоминает значимые для европейской культуры феномены: Иезуитский Орден, или Общество Иисуса (Societas Jesu) — духовный орден, основанный в 1534 г. в Париже Игнатием Лойолой с целью защиты и распространения влияния римско-католической церкви и папского единодержавия; Французская философия XVIII в. — философия фран-

цузских просветителей XVIII в. Монтескье, Вольтера, Руссо и др.; школа Аристотеля — философская школа перипатетиков (от *греч.* peripatoi — «крытая галерея», служившая лекционным залом) в Афинах, основанная величайшим греческим философом и естествоиспытателем Аристотелем (384–322 до н. э.).

[290] Во времена Погодина монархия Габсбургов включала Цислейтанию (собственно Австрия) и ряд других, главным образом славянских, областей (Чехия, Моравия, Силезия, Истрия, Далмация, Буковина, Крайна, Галиция и др.), а также Транслейтанию (собственно Венгрия, Словакия, Хорватия, Трансильвания и др.).

[291] Restaurāre (*лат.*) — восстанавливать.

[292] *Вергилий* (в позднейшем неправильном написании — Виргилий) Марон Публий (Publius Vergilius Maro) (70–19 до н. э.), римский поэт, автор знаменитой поэмы «Энеида» (закончена лишь вчерне) — эпоса, воспевающего легендарное происхождение римского народа.

[293] Нил, величайшая река в Египте и во всей Африке; Евфрат, самая крупная в Западной Азии (Турции, Сирии и Ираке) река.

[294] Колумба придворные интриги заставляли два раза возвращаться из открытой им Америки. Завистники говорили, что его заслуга ничтожна и что это сделал бы всякий. Колумб, которому это надоело, однажды во время большого придворного вечера велел принести сырое куриное яйцо и просил своих критиков поставить его на носок (т. е. на острый конец) тут же на одном из лакированных столов дворца. Многие брались, но никто не мог этого сделать. Когда все желающие потерпели неудачу, Колумб взял яйцо и, ударив им по столу, конечно, поставил, доказав таким образом, что успех всякого дела заключается в умении за него взяться.

[295] См. комм. 226, 274.

[296] *Мишо* (Michaud) Жозеф-Франсуа (1767–1839) — французский историк, автор трехтомной «Истории крестовых походов» (1825–1826).

[297] *Ливий Тит* (Titus Livius) (59 до н. э. — 17 н. э.) — древнеримский историк, автор знаменитой «Римской истории от основания города» в 142 книгах.

Тацит Публий (?) Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) (около 58 — после 117) — римский писатель-историк, автор сочинений «Агрикола», «Германия», «Диалог об ораторах», а также двух больших исторических произведений — «История» (14 книг) и «Анналы» (16 книг), с которыми связана его мировая слава.

298 Скудельные формы — (от скудель — глина), в переносном значении — бренный, слабый человеческий мир.

299 *Альфред*, или Эльфред (Alfred, Aelfred) (849–899), прозванный Великим — король Уэссекса, который сплотил вокруг себя значительную часть Англии (сам Альфред именовал себя Rex Saxonum, *лат.* «Король саксов»).

Петр. См. комм. 24.

Ломоносов. См. комм. 57.

Наполеон. См. комм. 9.

Валленштейн — Валленштейн, Вальдштейн (Wallenstein, Valdštejn) Альбрехт Венцель Евсевий (1583–1634), полководец, имперский главнокомандующий «Священной Римской империи» в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг.

Тасс. См. комм. 286.

Кромвель — Кромвель (Cromwell) Оливер (1599–1658), английский государственный деятель и военачальник, вождь пуританской революции, лорд-протектор Англии (с 1653).

Шекспир — Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), выдающийся английский драматург, поэт, актер эпохи Возрождения.

Вергилий. См. комм. 292.

Франциск. См. комм. 181.

Иоанн Грозный. См. комм. 59.

Борис Годунов. См. комм. 60.

300 Празднества Бахусу — *Бахус*, латинская форма имени Вакх (одного из имен Диониса — в древнеримской мифологии бога растительности, вина и веселья, покровителя виноградарства и виноделия.), празднества в его честь первоначально были очень фантастичны; дело доходило до разрывания живых животных неистовствующими женщинами (менадами или вакханками) на части и до человеческих жертв. Позже вакханалии приняли разнузданный характер. Из языческого ритуала, сопровождавшегося дифирамбом (хоровым песнопением) в честь древнегреческого бога Диониса, возникла трагедия (*греч.*, *букв.* — козлиная песнь, от tragos — козел и de — песнь) — драматический жанр, основанный на трагической коллизии героических персонажей, трагическом ее исходе и исполненный патетики и символизма. Первоначально трагедия представляла сценическое разыгрывание мифа с его борьбой между поколениями (богов, героев).

301 Гиерархия — иерархия (от *лат.* hierarchia = hieros священный + arch власть), расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему, например, государственных должностей и служебных чинов в порядке их подчинения.

302 Лигисты — сторонники Католической лиги, объединения католиков во время Религиозных войн с кальвинистами (гугенотами) во Франции 2-й половины XVI в., кроме религиозных целей ставили задачу ограничить власть короля.

Валуа (Valois), династия французских королей в 1328–1589 гг., прекратившаяся с убийством Генриха (Henri) III (1551–1589), в период Религиозных войн.

303 Имеются в виду династические перевороты, связанные со сменой королевских династий: Меровингов — Каролингами во франкском королевстве в 751 г., когда Пипин Короткий стал первым франкским королем из династии Каролингов, и Каролингов — Капетингами во французском королевстве в 987 г., когда после смерти последнего Каролинга — Людовика (Louis) V Ленивого (966–987, король с 986), граф Парижский Гуго Капет (Hughues Capet) (около 940–996), был избран королем (987) и стал основателем новой династии Капетингов. См. также комм. 210.

304 Непобедимая армада, или Испанская Армада — огромный флот (128 кораблей с 2400 орудиями, свыше 8 тыс. матросов и 19 тыс. солдат), снаряженный в 1587–1588 гг. для вторжения в Англию испанским королем Филиппом II с целью реализовать свои притязания на английский престол и способствовать планам по возвращению протестантской Европы в лоно католической церкви, был погублен англичанами и штормом (на родину вернулись лишь 65 кораблей с 9–10 тыс. чел.). Гибель Армады подорвала морское могущество Испании.

305 У греческого города Лепанто, в заливе Патраикос во время Кипрской войны 1570–1573 гг. между Турцией и Священной лигой (Венеция, Испания, папа римский, Мальта и ряд итальянских государств: Генуя, Неаполь, Сицилия, Савойя, Тоскана, Парма и др.), турецкий флот (210 галер и 66 галиотов) атаковал союзный флот (207 галер и 6 галеасов) и был разгромлен, потеряв 224 корабля (в том числе 117 было захвачено); союзники же потеряли 15 галер.

306 Сражение во время Северной войны 1700–1721 гг. России против Швеции, за выход к Балтийскому морю, состоявшееся под Полтавой 27 июня 1709 г. между 35-тысячной шведской армией Карла XII и 42-тысячной

русской армией Петра I, в котором шведы потерпели поражение, потеряв 9300 человек убитыми и ранеными и 3000 пленными, Карл с трудом спасся с поля боя; потери русских составили 1345 убитыми и 3290 ранеными. В результате сражения военное могущество Швеции было подорвано, а в войне произошел перелом в пользу России.

307 Штатгальтер — Статхаудер, стадхаудер (*голл.* stadhouder — *букв.* держатель места, города), наместник (штатгальтер) государя из Бургундской, а затем Габсбургской династий в Нидерландах в XV–XVI вв.; после Нидерландской буржуазной революции XVI в. — глава исполнительной власти в республике Соединенных провинций (до конца XVIII в.).

308 Метеор, здесь — нечто внезапно появляющееся, производящее эффект и быстро исчезающее.

309 Кафры (*арабск.* kafir — неверный), общее название племен, населяющих юго-восточную Африку и принадлежащих к группе банту. Готтентоты (тузем. назв. койкоин), южноафриканское племя, родственное бушменам. Чуваши, народ восточной России.

310 Сражение в Италии под городом Лоди произошло 10 мая 1796 г. в ходе преследования Наполеоном отступающей австро-сардинской армии. Мост через реку Адда защищал австрийский арьергард численностью 10 000 чел. примерно с 20 пушками, установленными на командных высотах. Наполеон послал кавалерийский отряд в обход через ущелье, чтобы ударить защитникам в тыл, а затем атаковал мост с 6000 солдатами, причем сам находился в гуще боя. Считается, что французские потери не превысили 400 чел. убитыми, тогда как австрийцы в бою и во время отступления потеряли 2000 чел. убитыми и ранеными, 1000 чел. пленными, а также 20 пушек.

311 *Царевич Димитрий*, до вступления на Престол фамилии Романовых. См. также комм. 46, 49.

312 *Григорий VII* — папа римский (см. комм. 113), окончательно утвердил в католической церкви целибат — безбрачие духовенства.

313 Теократии — теократия (*греч.* theokratia, буквально — власть бога, от theós — бог и krátos — сила, власть), форма государства, в котором как политическая, так и духовная власть сосредоточены в руках духовенства (церкви).

314 Synthesis oppositorum (*лат.*) — сочетание, набор противоположностей.

315 Протестанты — первоначально германские князья и города, подписавшие на Шпейерском сейме 1529 так называемую Протестацию — протест против решения большинства этого сейма об ограничении распространения лютеранства в Германии. В дальнейшем протестантами стали называть всех последователей новых церковных направлений, отколовшихся в ходе Реформации XVI в. от католицизма, а также появившихся позднее в результате отделения от главных протестантских церквей.

Гугеноты (*франц.* huguenots, от *нем.* Eidgenossen — союзники, клятвенное товарищество), во Франции XVI–XVIII вв. сторонники кальвинизма — протестантского вероучения, основателем которого был Ж. Кальвин.

Янсенисты (по имени голландского богослова Корнелия Янсения), сторонники реформаторского движения в католической церкви во Франции, Бельгии, Голландии в XVII–XVIII, близкого к кальвинизму.

Пресвитеры — пресвитерианцы (*англ.*, единственное число presbyterian, от *греч.* presbýteros — старейшина), одна из разновидностей кальвинизма, умеренное крыло английских и шотландских пуритан.

Гомаристы (по имени богослова Ф. Гомара), религиозное течение внутри нидерландской кальвинистской церкви.

Диссиденты — в Англии XVII–XVIII вв. так называли членов всех протестантских сект, противостоящих англиканской церкви: пуритан, квакеров и т. п., а в Польше того времени — всех некатоликов, как протестантов, так и православных.

316 Casse-tête (*франц.*) — головоломка.

317 Речь идет о «теории общественного договора» — доктрине происхождения государства, выдвинутой голландским ученым Г. Гроцием, а также Т. Гоббсом, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и др., считавшими, что государство возникло в результате договора между людьми, вынужденными перейти от необеспеченного защитой естественного состояния к состоянию гражданскому, в котором предусматривался добровольный отказ частных лиц от ряда своих естественных прав в пользу государственной власти.

318 Строки из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

319 *Геродот,* Иродот (*греч.* Herodotos) (между 490 и 480 до н. э. — около 425 до н. э.) — древнегреческий историк, «отец истории».

320 Платон. См. комм. 91.

Сократ. См. комм. 75.

Цезарь. См. комм. 91.

Катон Старший (или Цензор) Марк Порций (Marcus Porcius Cato Major) (234 до н. э. — 149 до н. э., Рим) — римский писатель и государственный деятель.

321 Affranchissement des communes (*франц.*) — освобождение общин. См. комм. 247.

322 Фронда (*франц.* fronde, праща), дворянская партия во Франции середины XVII в., противостоящая абсолютизму королевской власти.

323 *Мальборо,* Марльборуг (Marlborough) Джон Черчилл (Churchill) (1650–1722) — герцог (1702), английский полководец и политический деятель, генерал (1702).

Веллингтон (Wellington) Артур Уэлсли (Wellesley) (1769–1852) — английский полководец, государственный деятель, дипломат, фельдмаршал (1813).

Лувуа (Louvois) Франсуа Мишель Ле Телье (Le Tellier) де (1641–1691), маркиз, французский государственный и военный деятель.

Карно (Carnot) Лазар Никола (1753–1823) — французский военный и государственный деятель, член Комитета общественного спасения (1793), член и глава Директории (1795–1797), военный министр (1800–1801), член Трибуната (1802–1807), в ходе Ста дней Наполеона — министр внутренних дел (1815).

324 *Магомет II* (1430–1481). Завоеватель (эль-Фатих), седьмой султан Османской империи (с 1451), в 1453 взял Константинополь, затем подчинил Фракию, Македонию, Сербию, Боснию, Валахию и др., проявив чудовищную жестокость.

325 *Джованни Медичи* (Giovanni Medici) (1475–1521), папа римский Лев X (с 1513), содержал многочисленных артистов, скульпторов, художников, писателей, комедиантов, папских шутов и т. п.

326 Membra disjecta (*лат.*) — разъятые члены.

Формация государства

На одном из заседаний Общества Истории и Древностей Российских (26 марта 1840) М. П. Погодин прочел свое рассуждение о происхождении русского государства от Рюрика до Ярослава I, написанное им еще в

1837 г. для Государя Наследника Цесаревича и великого князя Александра Николаевича. Это же рассуждение в сентябре того же года он прочел своим студентам в присутствии графа С. Г. Строганова. Это же рассуждение, под заглавием «Формация государства», Погодин напечатал в 1846. (См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб, 1888–1910. Т. 5. СПб. 1892. С. 429). Текст печатается по: [Погодин М. П.] Формация государства (1837) // Историко-критические отрывки, М. Погодина. М., 1846. С. 37–53. Идеи, высказанные Погодиным в данной работе, особенно о том, что процесс «формации» (*лат.* formatio — образование) государства определил специфический характер русской истории, имели для него принципиальный характер исторического кредо и получили развернутое обоснование в знаменитой статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845).

327 Punctum saliens — (*лат., букв.*, «трепещущая точка»), самое важное, самое главное, суть.

328 Анатомиков — здесь: ученых-медиков.

329 Легендарный норманский (варяжский) конунг (предводитель дружины) Рюрик (?–879), по сказанию летописца, призванный на Русь от варягов славянами (новгородскими словенами) и угро-финскими племенами (кривичами, чудью и весью). Управляя Новгородом, он распространил свое влияние на север и восток от города, присоединил земли племен меря, весь, муром и тем расширил Новгородское княжество от Волхова до устья Оки, став основателем династии Рюриковичей, правившей Россией до 1598 г.

330 Умирая, Рюрик завещал управление новым государством и опекунство над сыном Игорем своему дальнему родственнику *Олегу* (?–912), прозванному позже «вещим» — мудрым, который со своей дружиной в 882 г. покинул Новгород. Подчинив Смоленск, Любеч, Олег овладел Киевом, провозгласил себя князем, а Киев сделал столицей государства Русь.

331 *Святослав Игоревич* (?–972) — великий князь киевский, князь новгородский (964–972), сын князя Игоря Рюриковича и княгини Ольги.

332 *Аскольд* (Оскольд, Скальд) и *Дир*, дружинники Рюрика, ушли от князя и завладели Киевом (866). Убиты князем Олегом (882).

333 См. комм. 110.

334 *Игорь* (?–945), князь киевский (с 912), сын Рюрика.

[335] Ингредиент (*лат.* ingrediens, ingredientis – «входящий»), составная часть какого-либо сложного соединения или смеси.

[336] Обострожились — здесь: укрепились.

[337] Бранные — здесь: военные.

[338] Витязи — от *древнегерм.* Withing — храбрые воины.

[339] Десница — здесь: правая рука Всевышнего, символ божественного покровительства и провиденциализма.

[340] Экватор (*лат.* Aequator — уравнитель) — линия сечения земной поверхности плоскостью, проходящей через центр Земли, перпендикулярно оси ее вращения, делящая земной шар на Северное и Южное полушария. Длина его — 40075,696 км.

Меридиан (*лат.* Meridianus — полуденный) — линия сечения поверхности земного шара плоскостью, проходящей через Северный и Южный географические полюсы (через ось вращения Земли) и выбранную точку земной поверхности. Полная длина географического меридиана (окружность Земли) равна 40008,55 км.

[341] Во время похода «из варяг в греки» Олег дошел до Киева; притворившись купцом, он проник в город и убил там дружинников Рюрика Аскольда и Дира, правивших Киевом с 866. По преданию, Олег сказал им перед их смертью: «Вы не княжеского рода, а я — князь. Со мною Игорь, сын Рюрика. Мне, а не вам надлежит здесь княжити!». См. также комм. 36, 330.

[342] Царьград — древнерусское название Константинополя, который многие годы являлся целью походов древнерусских князей на Византию (860, 907, 941, 971 и др.).

[343] Расширяя границы своего государства, Олег в 883–885 гг. подчинил племена древлян (по берегам р. Припяти), северян (на р. Десне), радимичей (на р. Сож), в 898 г. обложил данью дулебов, тиверцев, уличей, словен, кривичей, мери.

[344] Оброк — налог, натуральный или денежный сбор с крестьян.

[345] На территории будущей Руси практиковались «обложения данью» различных племен. В «Повести временных лет» говорится: «В 6367 году [в 859 г. по современному летоисчислению. — *Ред.*] брали дань варяги из заморья на чюди, на славянах, на мере, на весе и на кривичах. А хазары имели дань на полянах, на северянах и на вятичах, брали по белой веверице от дыма».

346 Изречение, приписанное князю Олегу летописцем начала XII в. («Повесть временных лет». Ч. 1. С. 20), высоко оценивающее значение Киева для того времени и имеющее программное значение: сделать Киев столицей («мати градом» — букв. перевод с *греч.* metropolis = metĕr мать + polis город) создаваемого государства.

347 Отлагались — отделялись.

348 В 945 г. князь Игорь со своей дружиной отправился в древлянскую землю за данью. Собрав дань и посчитав ее недостаточной, князь с дружинниками вернулся, чтобы собрать дань еще раз. Возмущенные таким произволом, древляне из Искоростеня разбили небольшой отряд Игоря, а его самого убили, привязав к склоненным верхушкам двух соседних деревьев.

349 *Ольга* (христианское имя — Елена) (ок. 920–969) — великая княгиня киевская, правительница Киевской Руси (945–969), жена киевского великого князя Игоря, мать князя Святослава, первая христианка среди киевских князей. Как первая русская правительница-христианка была причислена Русской Православной Церковью к лику равноапостольных святых. По преданию, происходила из древнего славянского рода, родилась недалеко от Пскова в селе Выбуты (Выбуцы) в верховьях реки Великой. После убийства древлянами мужа в 945 г. уничтожила два свадебных посольства к ней древлянского князя Мала («повелела Ольга отрокам своим засыпать живыми вместе с ладьей, и отроки исполнили повеление княгини»). В 946 г. по тому же языческому обычаю еще раз жестоко отомстила древлянам: сожгла их город Коростень (Искоростень), предала смерти более 5 тыс. его жителей, уничтожила почти поголовно древлянскую знать; при разгроме города погиб и сам князь Мал. Во избежание подобных «древлянскому» конфликтов, ввела «уроки», «уставы» и «погосты» (определила размеры, периодичность сбора и места собираемой дани).

350 Веверица — пушной зверок, которым платили дань; вероятно, ласка, горностай или белка.

Дым — дом, изба, двор, семья.

351 В 967 г. Святослав с дружиной в 10 тыс. воинов вторгся в Болгарию и разбил войско болгарского царя Петра. Он дошел до устья Дуная, где «поставил» город Переяславец, решив сделать этот город столицей всей Руси и, по словам летописца, сказал своей матери: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей! Туда сходится все хорошее: из Греции — золото, поволоки, вина и раз-

ные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси — меха и воск, мед и рыбы».

352 См. комм. 231.

353 *Олег Святославич* (ок. 962–977) еще при жизни отца в 970 г. получил в управление древлянские земли. См. также комм. 161.

354 *Владимир I Святославич* в 970 г. получил в удел Новгородскую область.

355 *Иоанн I Цимисхий* (ок. 925–976) — византийский император в 969–976 гг.

356 В 970 г., оставив сыновей княжить в Киеве, Новгороде и во Вручие, Святослав начал новый военный поход. С большим войском (около 60 тыс.) он пошел в Болгарию, где поставил задачей заключить договор с болгарами и с венграми против Византии. Около 971 г. начал воевать с Византией. После боя с превосходящим по численности византийским войском у Большого Преслава и Доростола, выдержав со своим войском 3-месячную осаду, Святослав заключил в 971 г. мир с императором Иоанном I Цимисхием, а на обратном пути в Киев у днепровских порогов погиб в бою с печенежским князем Курем у острова Хортица.

357 Под 980 г. летописи сообщают о сватовстве Владимира Святославича, бывшего тогда князем Новгородским, к дочери Полоцкого князя Рогволда Рогнеде, которая его отвергла. Владимир захватил Полоцк, убил отца и двух братьев Рогнеды, насильно сделал ее своей женой.

358 По смерти Святослава, в 972 г. началась братоубийственная война между братьями Владимиром, Ярополком и Олегом, в которой последний погиб.

359 Под 977 г. в «Повести временных лет» сказано: «А Ярополк посадники своя посади в Новегороде и бе володея един в Руси» (Повесть временных лет. С. 54). Однако единовластие Ярополка было кратковременным, потому что через год он потерял и Киев и жизнь.

360 Посадник, наместник князя в землях Древнерусского государства X–XI вв.

361 Владимир в 977 г. ушел за море, к варягам и, собрав там дружину, в 980 г. возвратился в свой удел, выгнал наместников Ярополка из Новгорода, занял Полоцк, убил полоцкого князя Рогволда, взял Киев, умертвил брата и в 980 г. сделался единодержавным властителем всей Руси.

362 Под 980 г. летописец торжественно сообщает: «И нача княжити Володимер в Киеве един» (Повесть временных лет. С. 56).

363 Князь Владимир прожил долгую жизнь и имел обширную семью. По словам летописца, «бе же Володимер побежен похотью женьскою, и быша ему водымыя» Рогнеда, грекиня, две чехини, болгарыня, «а наложниц бе у него 300 в Вышгородде, а 300 в Белегороде, а 200 на Берестове в селци». Всего у Владимира было 12 сыновей, перечисленных в летописи в порядке их старшинства. Следуя примеру деда, Владимир посадил старшего сына в Новгороде. Среди трех сыновей Рогнеды старший, Изяслав, получил Полоцк, «отчину» деда конунга Рогволда, младшие, Ярослав и Всеволод, должны были довольствоваться Ростовом и Владимиром Волынским, располагавшимися на окраине Руси. Сын грекини Святополк получил Туров на Припяти, столицу одного из последних независимых норманских княжеств на Руси. Вышеслав умер совсем молодым. Изяслав имел право занять новгородский стол. Но он остался в Полоцке, где ему наследовал его сын Брячислав. Новгородская «волость» перешла к Ярославу, оставившему Ростов. Распределение городов между младшими сыновьями было более или менее случайным. Старший из них, сын другой «чехини» Святослав, мог претендовать на Ростов, но отец посадил его в «Деревех», а его кровного брата Мстислава отправил в Тмутараканское княжество в Крыму. Дети болгарыни были моложе детей чехини. Тем не менее, любимец Владимира Борис оказался в Ростове, где ранее сидел Ярослав. Глеб получил Муром. Неизвестно, от каких матерей родились трое сыновей, названых впоследствии в летописном перечне, — Станислав, Позвид и Судислав. В летописном известии о разделе городов между сыновьями Станиславом, Позвидом и Судиславом не упомянуто. Однако ниже в летописи приведены данные об аресте Судислава братом Ярославом в Пскове, из чего следует, что самого младшего из своих сыновей Владимир посадил во Пскове.

364 См. комм. 161.

365 См. комм. 41.

366 Речь идет об Уставе великого князя киевского (с 1113) Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125) о резах. Когда в 1113 г. в Киеве вспыхнуло народное восстание против ростовщиков, верхушка знатных киевлян призвала Владимира на княжение с просьбой «спасти от неистовой черни». Подавив смуту, Владимир увидел необходимость разобраться в ее причинах и урегулировал ряд норм долгового права. Это нашло отражение в его Уставе о резах (то есть процентах) и было включено позднее в пространную редакцию Русской Правды. Уставом 1113 г. было улучшено положение должников и закупов (наемников), отменено холопство за долги и установлен точный размер взимаемых процентов для заимодавцев (не более 100%).

367 *Ярослав Владимирович Мудрый* (ок. 978–1054) (христианское имя Георгий или Юрий) — великий князь киевский (с 1019), второй сын киевского князя Владимира Красное Солнышко и полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны. Девятилетним мальчиком был отправлен отцом княжить в Ростов, позднее им же был переведен в Новгород. Как удельный князь уплачивал Киеву (пока не стал великим князем киевским) ежегодную дань. В 1014 г. отказался от уплаты дани и сделал попытку отделиться от отца и Киева. Князь Владимир начал готовить войско. Ярослав, узнав о приготовлениях отца, нанял варягов, чтобы с их помощью дать отпор, но великий князь неожиданно умер.

368 См. комм. 42.

369 См. комм. 139.

370 Russia nascens (*лат.*) — истоки России.

371 *Симеон Полоцкий* (1628–1680), в миру Петровский-Ситнианович Самуил Емельянович — церковный деятель, богослов и писатель. Родом из Белоруссии, вероятно, из Полоцка. Учился в Киево-Могилянской коллегии, принял монашеский постриг с именем Симеона. Преподавал в братской школе в Полоцке, где познакомился с Алексеем Михайловичем при посещении царем этого города в 1656 г. По прибытии в Москву (1666) жил в Заиконоспасском монастыре, обучая там государевых подьячих. С 1667 г. занимался воспитанием царских детей.

372 *Нарышкина* Наталья Кирилловна (1651–1694) — вторая жена царя Алексея Михайловича, мать Петра I.

Письмо к Государю Цесаревичу, Великому Князю, Александру Николаевичу (ныне царствующему Государю Императору) в 1838 году

Во время пребывания в Москве Цесаревича Александра Николаевича в конце 1837 г. Погодину пришла мысль писать ему о русской истории. Мысль получила одобрение, и граф С. Г. Строганов доложил Погодину о желании Цесаревича получать письма от Погодина о русской истории. Было написано одно письмо, которое, оставшись в руках Строганова, так и не дошло до адресата. Через год письмо было возвращено Погодину, но впервые было опубликовано им лишь в 1867 г. (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 5. СПб., 1892. С. 165–176). Текст печатается по: *Погодин М. П.* Историко-политические письма и записки в продолжении

Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 1–14. Государь Цесаревич, Великий Князь, Александр Николаевич — Александр Николаевич (1818–1881) — старший сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. С 1855 г. российский император.

373 Речь идет об историческом очерке «О Москве», написанном Погодиным в 1837 г. по поручению попечителя Московского университета для наследника престола великого князя Александра Николаевича.

374 Позорище — зрелище.

375 Морея, название полуострова Пелопоннес, соединенного Коринфским перешейком с Балканским полуостровом.

376 Немецкое или Северное море (Nordsee), часть Атлантического океана, между Великобританией, Нидерландами, Германией, Данией и Южной Норвегией.

377 Ереван (в русской транскрипции — Эривань), город на р. Раздан в Закавказье, после присоединения к Российской империи центр Армянской области (1828–1840), с 1849 г. — Эриванской губ.

378 Лапландия, территория на Севере Европы в районе Северного Полярного круга.

379 Нижегородская ярмарка, крупнейшая ярмарка в России, в которой участвовали также купцы из стран Востока и Западной Европы. Действовала с 1817 г. ежегодно в июле-августе в Нижнем Новгороде.

380 Бессарабия — историческая область между реками Днестр, Прут, Дунай и Черным морем. С 1812 г. в составе России.

381 Бургундия (г. Дижон) и Шампань (г. Реймс) — винодельческие районы на востоке и северо-востоке Франции, родина знаменитых Бургундских и Шампанских вин.

382 Новороссийский край — южная часть Европейской России, прилегающая к Черному и Азовскому морям.

383 Меринос — тонкорунная овца.

384 Филатура (от *англ.*, *франц.* filature) — шелкомотальня, шелкопрядильная, шелкомотальная фабрика.

385 Москотильные заводы — заводы, производящие москатель — химические вещества (краски, клей, масло и др.).

386 Речь идет о Суэцком перешейке — полосе суши (шириной до 112 км), соединяющей Африку и Азию, и о зоне Панамского перешейка — крайней юго-восточной, наиболее узкой (от 48 км) части Центральной Америки, соединяющей материки Северной и Южной Америки.

387 Каста (*португ.* casta — род, поколение, происхождение), замкнутая наследственная группа людей, занимающая определенное место в социальной иерархии, связанная с традиционными занятиями и ограниченная в общении с другими группами.

388 Рекрутское Присутствие — в России исполнительное учреждение, ведавшее делами рекрутского набора, т. е. комплектования регулярной армии.

389 Тамбурмажор, старший барабанщик в полку.

390 Духовые музыкальные инструменты.

391 Знаменитые во времена Погодина певицы (колоратурное сопрано) Каталани (Catalani) Анджелика (1780–1849) и Зонтаг (Sontag) Генриетта (1806–1854).

392 Перечислены монархи, чьи армии потерпели поражения от русских солдат: король Швеции Карл XII был разгромлен в Полтавской битве (1709), прусский король Фридрих II Великий в ходе Семилетней войны был вынужден не раз уступать русской армии, в конечном счете занявшей не только Тильзит и Кенигсберг (1758), Франкфурт-на-Одере (1759), но и Берлин (1760). Вторжение в 1812 г. французского императора Наполеона I в Россию закончилось паническим бегством остатков его армии по старой Смоленской дороге (1812) и взятием русскими войсками Парижа (1814).

393 Рост текстильной промышленности в России вызвал потребность в новых кадрах специалистов, в частности, рисовальщиков для разработки рисунков на ткани. Первая школа технического рисования (будущее Строгановское училище технического рисования) открылась в Москве в 1825 г., а в 1833 г. при Московском дворцовом Архитектурном училище было основано «Мещанское отделение технического рисования».

394 Удельные и земледельческие школы — средние учебные заведения, которые впервые появились в России в конце XVIII в. В 1822 г. при содействии правительства и московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, обществом сельского хозяйства была открыта в Москве «школа» с опытным хутором, в которой (по положению 1833 г.) организованы

два двухгодичных курса: один для приготовления конторщиков, другой — землемеров, сельских архитекторов, приказчиков и управителей. С 1835 г. в школу, кроме детей помещичьих крестьян, начали принимать и лиц других сословий.

395 Художественным классом в 1833–1843 гг. именовался художественный кружок («Натурный класс» для совершенствования в рисунке и живописи), основанный группой энтузиастов (Е. И. Маковский, А. С. и В. С. Добровольские, А. С. Ястребилов и др.) в 1832 г. и преобразованный в 1843 г. в Училище живописи и ваяния Московского художественного общества.

396 Махина, здесь — машина.

397 Имеются в виду события в Испании после смерти Фердинанда VII: в 1833 г. страна разделилась на две враждебные партии — «карлистов» и «христиносов», между которыми вспыхнула гражданская война, опустошавшая страну в течение 6 лет (Карлистская война 1833–1839), в ходе которой началась и революция (1834–1843) и в Португалии после революции 1820: борьба конституционалистов и абсолютистов, которая приняла форму гражданской войны (Мигелистские войны 1823–1834), Сентябрьская революция 1836 г., антиправительственный заговор 1837 г. и т. п.

398 Надир — точка пересечения небесной сферы с отвесной линией, продолженной от места наблюдателя вниз под горизонт. Надир противоположен зениту — верхней точке пересечения отвесной линии с небесной сферой; точке на небосводе прямо над головой наблюдателя.

399 *Мармон* (Marmont) Огюст Фредерик Луи Виес де (1774–1852), маршал Франции (1809), герцог Рагузский (1808).

400 Румилия, Румелия — историческое название Балкан, в данном случае — провинция в европейской части Турции, заключавшая в себе территорию древней Фракии и часть Македонии.

401 «Белым» с середины XVI в. называли русского царя восточные народы.

402 Позень, Познань (*нем.* Posen) — Познанское Великое княжество, учрежденное по решению Венского конгресса 1814–1815 гг. на отошедшей к Пруссии части территории Варшавского герцогства. Несмотря на обещанную автономию, оно было подвергнуто германизации во всех областях культурной и общественной жизни.

Силезия. См. комм. 101.

Восточная и Западная Пруссия — единая (до 1878) провинция Пруссии с главными городами Кенигсберг и Данциг.

Бранденбург — историческая область на востоке Германии с главным городом Берлин, в древности заселенная полабскими славянами, крупнейшее княжество, с 1701 г. часть Бранденбургско-прусского королевства, с 1815 г. — прусская провинция.

403 См. комм. 272, 392.

404 Покорение Алжира Францией началось летом 1830, когда французская армия, высадившись в Алжире, разбила войска его правителя и захватила столицу страны.

405 Константина — город в Алжире, который был взят французами в 1837 г.

406 Речь идет о конфликтах Франции со Швейцарией, ставшей прибежищем политических эмигрантов со всей Европы, и с Мексикой, раздираемой войнами и восстаниями. Французское правительство возражало против терпимости швейцарских правительств по отношению к эмигрантам. После очередной ноты (от 2 августа 1838 года) французского посла Наполеона Огюста Ланна (Auguste Lannes, 1801–1874), второго герцога Монтебелло, швейцарский парламент отверг требование о высылке из страны натурализовавшегося там принца Луи-Наполеона Бонапарта (претендента на французский трон), страны оказались на грани войны, не случившейся только благодаря добровольному отъезду принца из страны. Что касается Мексики, то Франция с апреля 1838 г. блокировала мексиканские порты, в октябре французская эскадра бомбардировала, а затем захватила порт Веракрус. Конфликт, названный «Кондитерской войной» (поводом к ней послужило разграбление мексиканцами французской кондитерской), был завершен подписанием договора 1839 г.

407 Палата депутатов — парламент Франции в период 1815–1848 гг.

408 Восстание во владениях Великобритании в Северной Америке — Нижней и Верхней Канаде в 1837–1838 гг.

409 *Дергем,* Дарем (Durham) Джон Джордж Лэмбтон (1792–1840), английский государственный деятель, лорд с 1828 г. В 1830 и 1832–1833 гг. лорд-хранитель печати. В 1835–1837 гг. посол в России. В связи с восстанием в Канаде был назначен в 1838 генерал-губернатором и верховным комиссаром Канады.

410 Ватерлоо (Waterloo), населенный пункт в Бельгии, в окрестностях которого 18 июня 1815 г. английскими и прусскими войсками была разгром-

лена армия императора Наполеона I, завершившего на этом политическую и военную деятельность.

411 Nec plus ultra (*лат.*) — до крайних пределов.

412 Диван (*перс.* — канцелярия, присутственное место) — правительство Оттоманской порты, совет при султане Османской империи.

413 Строить ковы — злоумышлять.

414 По слову Блаженного Августина (Augustinus) Аврелия (354–430) в противоположность «граду земному» — государственности, основанной «на любви к себе, доведенной до презрения к богу», «град божий» представляет духовную общность, которая основана «на любви к богу, доведенной до презрения к себе».

415 *Коллар*, Коляр (Kollar) Ян (1793–1852) — знаменитый чешский и словацкий поэт, родоначальник панславизма, был священником, преподавал в Венском университете «славянские древности и мифологию». В главном своем произведении — поэме «Дочь Славы» (1824), а также в трактате «О литературной взаимности славян» (1836) и других работах, высказал идею национального и культурного единства славян и великого будущего славянства.

416 Успенский собор, храм на Соборной площади в Московском Кремле.

417 «От избытка сердца глаголют уста» — *библ.* «От избытка сердца уста глаголют» (Мф. 12:34).

Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году

Письмо написано после возвращения из путешествия в конце 1839 — начале 1840 г. по приказанию министра народного просвещения С. С. Уварова, советовавшего во время поездки обращать особенное внимание на словен, живущих в Австрийской империи. Отчет министру состоял из собранных сведений по гражданскому состоянию словен, их литературе, образу мыслей, расспросов и бесед с людьми, с которыми Погодин познакомился во время своего путешествия (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 5. СПб., 1892. С. 330–345). Текст печатается по: [*Погодин М. П.*] Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 15–45.

418 См. комм. 101.

419 Волынь, историческая область на северо-западе Украины в бассейне южных притоков р. Припять и верховьев Западного Буга, находившаяся с XIV в. в составе Польши, а с 1795 г. — России.

Подолия, историческая область на западе Украины по р. Днестру и южному Бугу. В 1363–1793 гг. находилась в составе Литвы и Речи Посполитой, с 1772 г. часть ее — в Австрии, а с 1793 г. целиком — в России.

Белоруссия — западная часть Европейской России (которая называлась в древности Белою Русью), долго находившаяся во владении Литвы и Польши. К ней относились губернии Минская и Могилевская, западная часть Смоленской и отдельные части Гродненской, Виленской, Витебской, а также соприкасающихся к ним других губерний, заселенных в основном белорусами.

420 Триединое королевство Далмации, Хорватии и Славонии, входившее со 2-й половины XVI в. в состав Австрийской монархии, населенное преимущественно сербами и хорватами. См. также комм. 101.

421 Галиция — с 1772 г. коронная земля Австрийской монархии со столичным городом Львов (Лемберг) на северном склоне Карпат, заселенная в основном русинами (см. комм. 443).

422 См. комм. 42.

423 Венгрия, королевство, с 1687 г. восточная половина Австрийской империи, населенная мадьярами, немцами, румынами, словаками, хорватами, сербами, русинами и др.

424 Порта (от *лат.* porta — ворота) Оттоманская, Высокая, Блистательная, официальное название правительства Османской империи.

425 *Мухаммед II.* — османский султан Мехмед II (1451–1481), известный под прозвищем Фатих («Завоеватель»). В 1453 г. он взял Константинополь, сделал его столицей Османской империи переименовав в «Истамбул», и превратил храм св. Софии в мусульманскую мечеть, затем завоевал Трапезундское царство (1461) и все малоазиатские эмираты, Сербию, славянское королевство Боснию (1459–1463), подчинил Крымское ханство (1475), Валахию (1476), часть Албании (1479) и др.

426 Пруссия (Preussen), королевство, образовалось на базе курфюршества Бранденбург и государства Тевтонского ордена, завоевавшего и онемечившего балтийские племена пруссов. В 1618 г. было создано объединенное Бранденбургско-прусское курфюршество. В 1701 г. курфюрст

Фридрих III получил от императора «Священной Римской империи» титул короля, а Бранденбургско-прусское государство стало королевством Пруссия. Наряду с немцами в нем проживали поляки, этнографические ветви последних — мазуры, кашубы, а также чехи, датчане и др.

427 Померания, Силезия, Бранденбург. См. комм. 101, 402.

428 Великое герцогство Познанское. См. комм. 402.

429 Капрал — младший унтер-офицерский чин.

430 Divide et impera (*лат.*) — разделяй и властвуй.

431 Уния (от *лат.* unio — соединяю), объединение православных церквей с католической церковью под властью папы Римского на основе признания католической догматики при сохранении традиционных форм православной обрядности и уставов, включая брачную жизнь белого духовенства и богослужение на церковнославянском языке.

432 Офен (Ofen), немецкое название города Буда (*мад.* и *слав.* Buda), в Венгрии, на правом берегу реки Дунай. Позже был соединен с лежащим на другом берегу Дуная городом Пештом в один город Будапешт, ставший с 1872 г. столицей Венгрии.

433 Напрестольное Евангелие — богослужебная книга, содержащая текст Четвероевангелия (т. е. четырех Евангелий — от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна). За исключением времени чтения, напрестольное Евангелие всегда находится в алтаре на престоле.

434 Октоих (*греч.* восьмигласник) — богослужебная книга, которая содержит изменяемые молитвы для подвижных дней богослужения годичного круга, произносимые на литургии, утрене, вечерне, повечерии, а также на малой вечере и полунощнице (по воскресным дням). Октоих поется на протяжении восьми недель после недели Всех Святых до пятой недели Великого поста включительно. Каждую неделю поется один из восьми гласов особых церковных мелодий, разработанных Иоанном Дамаскиным и Федором Студитом.

435 Двенадцать миней — церковная служебная книга, разделенная помесячно, которую составляют Особые молитвы и песнопения, сложенные в честь каждого праздника и святого, соответствующих месяцам года.

436 Римская (или папская) курия — подчиненная папе римскому как главе католической церкви и государства Ватикан система учреждений, включающая разные конгрегации (церковные министерства), высшие церковные суды и канцелярии.

[437] См. комм. 74.

Марианы, члены рыцарского ордена преславной Девы Марии, называемые также Fratres gaudentes, Frati gaudenti или allegri (Радостные Братья), созданного в Болонье в 1233 г. последователем идей Блаженного Августина доминиканским монахом Варфоломеем, называвшим себя «марианом». Мариане давали обет целомудрия, послушания и постоянной помощи вдовам и сиротам. Они носили белую одежду и серый плащ с красным крестом. Позже под девизом: «Ordo teut humanitati» — «Орден милосердия» возникло светское объединение марианов, члены которого ухаживали за больными и ранеными во время войны, а в мирное время помогали госпиталям.

[438] См. комм. 402.

[439] Каринтия или Хорутания (*слов.* Korosko, *чешск.* Korutany, *нем.* Karuten), историческая область в бассейне р. Драва, заселенная к концу VI в. словенцами, с начала XI в. до 1849 г. герцогство, население которого подверглось усиленной германизации, в результате которого северная Каринтия была полностью онемечена. С 1282 г. входила в состав владений графа Тирольского. В 1335 г. перешла к Габсбургам.

Штирия или Штейермарк (*нем.* Steiermark), историческая область в Центральной Европе в бассейна р. Мур. С 1180 г. Каринтийская (или Штирийская) марка — герцогство в составе «Священной Римской империи», основное население которой составляли словенцы, подвергшиеся немецкой колонизации и германизации. С 1192 г. принадлежала австрийским герцогам Бабенбергам, с 1282 г. — Габсбургам.

Крайна (*словен.* Kranjska, *нем.* Krain, *лат.* Carniola) историческая область в западной части Балканского полуострова, ядро которой земли в бассейне р. Савва. Основное население словенцы-католики. С 972 г. отдельное маркграфство, с 1335 г. частично, а с 1374 г. полностью принадлежит Габсбургам. В XIX в. являлась центром словенского национального движения.

[440] *Добровский* (Dobrovsky) Иосиф (Йосеф) (1753–1829) — чешский просветитель, деятель славянского Возрождения XVIII–XIX вв., один из основателей славяноведения. В 1768–1776 гг. учился на философском, затем на богословском факультетах Карлова университета в Праге. С 1784 г. член Королевского общества наук в Праге. Почетный член Российской Академии (1820). Выступал против политики германизации славян, проводившейся в Австрийской империи. Заложил основы сравнительного изучения славянских языков, славянской культуры и истории, впервые

разработал периодизацию чешской литературы и языка, дал научное описание грамматического строя чешского языка, положив в основу современного ему литературного языка литературный язык XVI в. См. также комм. 539.

441 Коляр. См. комм. 415.

Шафарик (Safarik) Павел Иосиф (Йосеф) (1795–1861) — словацкий и чешский славист, деятель чешского и словацкого национального движения. В 1826, 1830, 1836 гг. приглашался в Россию занять кафедру в Московском университете или стать книгохранителем в будущей славянской библиотеке Академии наук, но стал нештатным хранителем (1841) библиотеки Пражского университета. Работал в обстановке материальной необеспеченности и нужды, не раз принимал помощь М. П. Погодина и русских друзей. В «Истории славянского языка и литературы по всем наречиям» (1826), в «Славянских древностях» (т. 1, 1837; т. 2, 1848), «Славянской Народописи» (1842) и других трудах, применяя сравнительно-исторический метод к изучению славянских народов, дал историческое обоснование славянской общности и показал роль славян в мировой истории, а в своей знаменитой речи на Пражском славянском съезде (1848) обличил лживость приговора о славянах их соседей — немцев, мадьяр, итальянцев, считавших славян неспособными к полной свободе и к высшей политической жизни только потому, что они славяне.

442 Богемцы, жители Богемии. См. также комм. 101.

Иллирийцы — здесь: жители королевства Иллирии в составе Австрийской империи (с 1815).

443 Русины (от Русь), в терминологии австрийских чиновников и политиков XIX в., все славянские племена (кроме поляков и словаков), жившие в Галиции, Буковине и северо-восточной Венгрии (всего около пяти миллионов), назывались Rutenen, но сами они себя называли: в Галиции — русскими или русинами, в Буковине — русинами, русскими и малороссами, в Венгрии — русскими, малороссами и русняками.

444 Катакомбы (*итал.* catacomba, от *позднелат.* catacumba — подземная гробница), подземные ходы и пещеры для погребения умерших у первых христиан, обыкновенно бывшие каменоломни; во времена гонений на христианство место тайных молитвенных собраний.

445 Сейм (*польск.* Sejm), сословно-представительное учреждение, в котором участвовала духовная и светская элита или выборные представители отдельных сословий, слово использовалось также в значении съезда, собрания.

446 Повапленный, т. е. выбеленный, покрашенный, гроб был в славянских языках презрительным символом внутренне опустошенного, но с виду благопристойного человека или общества.

447 Меттерних-Виннебург в 1801 г. был назначен послом в Дрезден, в 1802 г. — в Берлин, а в 1806 г. занял место посла в Париже. В 1809–1821 гг. министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства, в 1821–1848 гг. канцлер. Один из главных организаторов и участников Венского конгресса 1814–1815 гг., определившего новый облик Европы после крушения наполеоновской империи. Действовал как выразитель принципов, направленных на сохранение «международного и социального равновесия», суть которого заключалась в сохранении системы государств, взаимно уравновешивающих друг друга, выступающих совместно против попыток какой-либо одной из держав занять доминирующее положение. Центральный принцип «системы Меттерниха» обосновывал необходимость подчинения интересов любого государства интересам системы государств в целом. Этот общий интерес заключался в сохранении баланса сил и неукоснительном осуществлении договорных обязательств. Тот же самый интерес требовал и защиты социального и государственного порядка внутри каждого из государств, утверждал право и обязанность консервативных сил подавлять либеральные беспорядки, когда бы и в какой бы части Европы они ни происходили. Все это нашло яркое воплощение в деятельности так называемого «Священного союза» (по названию декларации, предложенной Александром I и подписанной затем всеми державами, кроме Великобритании и Ватикана) и его конгрессах 1818–1822 гг. Союз фактически распался в 1830-е гг., а Меттерних, проводивший политику сохранения статус-кво, так и не сумев его сохранить ни в Австрии, где росли оппозиционные национальные движения, ни в Европе, переживавшей рост революционных настроений, вынужден был уйти в отставку в 1848 г., и до конца жизни активного участия в политике не принимал. См. также комм. 11.

448 In statu quo — in statu quo ante (*лат.*), в существующем положении.

449 См. комм. 3.

450 Волхв — мудрец, звездочет, астролог; чародей, колдун, знахарь, волшебник. См. также комм. 115.

451 Мессия (*древнеевр.* «машиах» — «помазанник»), в иудео-христианской традиции, идеальный Царь, Помазанник и Посланник Божий, который явится в конце времен, чтобы изменить неправедную историю, победить зло, свершить Суд над народами Земли и ввести человечество в Мессианскую эру — эру добра, милосердия, любви, гармонии.

452 Матица (*серб.*) — букв.: пчелиная матка, мать.

453 *Челаковский* (Celakovsky) Франтишек Лодислав (1799–1852) — чешский филолог, поэт, деятель национального возрождения. В 1834–1835 гг. редактировал газету «Pražské noviny» и приложение к ней «Česka včela». Издал сборники «Славянские национальные песни» (Т. 1–3, 1822–1827), «Литовские национальные песни» (1827), а также книги стихов «Отзвук русских песен» (1829), «Отзвук чешских песен» (1839), и др. В 1826 г. Челаковского, как и П. Шафарика и В. Ганку, приглашали в Россию возглавить создаваемые кафедры славянской литературы, но по разным причинам назначение не состоялось. Последние десять лет жизни он преподавал в университетах Бреславля и Праги.

454 Имеется в виду речь Николая I Павловича (1796–1855), российского императора (с 1825) во время его посещения Варшавы осенью 1835 г., обращенная к депутации поляков-горожан, прибывшей для вручения ему адреса с выражением «благоговейной преданности». Речь эта стоит того, чтобы быть приведенной полностью: «Я знаю, господа, что вы хотели обратиться ко мне с речью; даже знаю ее содержание, и именно для того, чтобы избавить вас от лжи, я желаю, чтобы она не была произнесена предо мною. Да, господа, для того, чтобы избавить вас от лжи, ибо я знаю, что чувства ваши не таковы, как вы меня хотите в этом уверить. И как мне им верить, когда вы мне говорили то же самое накануне революции? Не вы ли сами тому пять лет, тому восемь лет говорили мне о верности, о преданности и делали мне такие же торжественные заверения преданности? Несколько дней спустя вы нарушили свои клятвы, вы совершили ужасы.

Императору Александру I, который сделал для вас более, чем русскому Императору следовало, который осыпал вас благодеяниями, который покровительствовал вам более, чем своим природным подданным, который сделал из вас нацию самую цветущую и самую счастливую, Императору Александру I вы заплатили самой черной неблагодарностью.

Вы никогда не хотели довольствоваться самым выгодным положением и кончили тем, что сами разрушили свое счастье...

Господа, нужны действия, а не слова. Надо, чтобы раскаяние имело источником сердце... Прежде всего надо выполнять свои обязательства и вести себя, как следует честным людям. Вам предстоит, господа, выбор между двумя путями: или упорствовать в мечтах о независимой Польше, или жить спокойно верноподданными под моим правлением.

Если вы будете упрямо лелеять мечту об отдельной национальной, независимой Польше и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастия. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель; и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву, и уж, конечно, не я отстрою ее снова. Мне тяжело говорить это вам — очень тяжело Государю обращаться так со своими подданными, — но я говорю это вам для вашей собственной пользы. От вас, господа, зависеть будет заслужить забвение происшедшего. Достигнуть этого вы можете лишь своим поведением и своею преданностью моему правительству.

Я знаю, что ведется переписка с чужими краями, что сюда присылают предосудительные сочинения и что стараются развращать умы... Среди всех смут, волнующих Европу, и среди всех учений, потрясающих общественное здание, Россия одна остается могущественною и непреклонною.

Поверьте мне, господа, принадлежать России и пользоваться ее покровительством есть истинное счастье...

Помните хорошенько, что я вам сказал».

После этого приема депутации Государь осмотрел Александровскую цитадель, орудия которой были направлены на Варшаву... (цит по.: *Тальберг Н. Д.* Неизвестная Россия. 1825–1917. М., 1995).

455 Кронпринц — титул наследника престола в германских государствах и Австрии, в данном случае речь идет о старшем сыне Фридриха Вильгельма (Friedrich Wilhelm) III — Фридрихе Вильгельме (1795–1861), занявшем прусский трон в 1840 г..

456 *Фридрих Вильгельм III* (1770–1840) — прусский король (с 1797) из династии Гогенцоллернов. Его сыновья Фридрих Вильгельм IV (1840) и Вильгельм I (1861) стали прусскими королями, а Вильгельм — еще и германским императором (1871). См. также комм. 568.

457 Русские униаты — последователи унии, придерживавшиеся греко-католического (униатского) исповедания и признававшие Брестскую унию 1596 г. о слиянии католической и православной церквей, по которой православная церковь Украины и Белоруссии признавала своим главой папу римского, принимала католическую догматику, но сохраняла богослужение на славянском языке и православную обрядность. См. также комм. 431.

458 Русины в северо-восточной Венгрии. См. комм. 442.

459 Восточный, Великий, Южный — названия Тихого океана.

460 *Иосиф II* (Joseph II) (1741–1790) — император Священной Римской империи и правитель Габсбургских (Австрийских) земель (1780–1790).

461 *Сигизмунд III (швед.* Sigismund, *польск.* Zygmunt III) Ваза (1566–1632) — из шведской королевской династии Ваза; король Речи Посполитой с 1587 г., король Швеции в 1592–1599 гг. В силу династических связей был ориентирован на австрийские интересы, а в силу воспитания и образования, полученных у иезуитов, — на утверждение в православных областях Польши и Великого княжества литовского, в России, а также в протестантской Швеции католицизма. При нем в Бресте в 1596 г. была учреждена униатская церковь для полонизации Украины и Белоруссии и проведена польская военная интервенция в Россию в 1609–1618 гг., в ходе которой его сын — королевич Владислав безуспешно пытался реализовать свои претензии на российский престол, а Россия потеряла смоленские, черниговские, новгород-северские земли с 29 городами. См. также комм. 46.

462 *Густав II Адольф* (Gustav II) (1594–1632) — король Швеции с 1611 г., один из кандидатов на российский престол во время польской и шведской интервенции в Россию, на который его выдвигали в 1611 г. новгородские бояре, а затем второе русское ополчение Минина и Пожарского, — в противовес польским претендентам. В 1617 г. заключил с Россией Столбовский мир, по которому он и его брат Карл Филипп отказались от претензий на ее трон, России возвращалась большая часть Новгородской земли, захваченной раннее шведами, а Швеции уступалась часть Ингрии и Карелии, благодаря чему она соединила свои провинции Финляндию и Эстляндию и полностью отрезала Россию от Балтийского моря.

463 *Карл XII* (Karl XII) (1682–1718) — из династии Пфальц-Цвайбрюккен, король Швеции с 1697 г. С 1699 г. вел боевые действия против армий Дании, России и Польши, образовавших антишведскую коалицию: вынудил датчан заключить Травендальский мир (18 августа 1700); разбил русских при Нарве (20 ноября 1700), саксонцев при Клиссове (1702); заставил кюрфюрста Саксонии и короля польского Августа II отречься от всяких притязаний в соответствии с условиями мирного договора, заключенного в сентябре 1706 г. в Альтранштадте, и сделал королем Польши Станислава Лещинского. Осенью 1707 г. начал военные действия против России, однако потерпел сокрушительное поражение от русских войск под Полтавой (8 июля 1709), бежал в Бендеры, откуда спровоцировал Порту к войне с Россией, в 1814–1815 гг. безуспешно пытался защитить последнее шведское владение в Германии Штральзунд от датчан, саксонцев, пруссаков и русских; напал затем на Норвегию, где и был убит 11 декабря 1718 г. при осаде форта Фридрихсгаме. См. также комм. 305, 391.

[464] *Карл X Густав* (1622–1660) — король Швеции с 1654 г., племянник Густава II Адольфа, воевал с Польшей, Данией, Россией, результатом чего было расширение шведских владений и укрепление шведского господства на Балтике. В 1655 г. он объявил войну Польше и овладел большей ее частью, вынудив к бегству короля Яна II Казимира. Покинув Польшу, спустя три года в 1658 г. шведская армия, отважно форсировав по льду проливы Большой и Малый Бельт, овладела значительной частью Дании и вынудила ее подписать 26 февраля 1658 г. договор в Роскилле, в соответствии с которым та лишилась области Сконе и всех прочих владений в южной Швеции, части центральной Норвегии, а также острова Борнхольм.

[465] См. комм. 24, 51.

[466] См. комм. 454.

[467] Болгары, южнославянский народ, с конца XIV в. находившийся под османским (турецким) игом. Болгарский язык — самый древний из славянских письменных языков. В 862 или 863 г. братья Кирилл и Мефодий из греческого города Салоники создали староболгарский алфавит (кириллицу), перевели богослужебные книги с греческого языка, затем распространили его в Восточной Европе, в том числе в России, где возникла русская версия староболгарского — церковнославянский язык.

[468] Уездное училище — вторая после приходского училища ступень образования в России. С 1804 г. 2-классные училища ориентировались на подготовку учащегося «всякого звания» к поступлению в гимназию, но с 1828 г. ставшие 3-классными училища в основном предназначались для детей купцов, мещан и т. п. В них преподавались закон божий, священная и церковная история, русский язык, арифметика, геометрия до стереометрии включительно (без доказательств), география, русская и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование. С разрешения министерства народного просвещения при них могли открываться особые дополнительные курсы, которые давали начальное профессиональное образование. Таким образом, здесь закладывались основы реального образования — т. е. ориентированного на предметы естественно-математического цикла, учреждения которого появились в России в 1864 г. (реальные гимназии) и в 1872 г. (реальные училища).

[469] Спасаясь от османского ига, в XVIII–XIX вв. огромные массы болгар были вынуждены покинуть Родину и поселиться в России — в Бессарабии (Южной части Одесской области). Переселенческие волны имели различную интенсивность и объем, но самое большое переселение было в 1829–1830 гг.

[470] Сербия с 1718 по 1839 г. была под властью Австрии. По Бухарестскому миру 1812 г. Россия добилась для Сербии автономии, в 1820 г. — ей была предоставлена судебная и административная самостоятельность, в 1834 г. — выведены турецкие войска (кроме белградского гарнизона), в 1835 г. — скупщиной принята первая сербская конституция — «органический устав». В 1839–1842 гг. страной правил князь Михаил III Обренович (1823–1868), занявший престол после отречения и бегства за границу своего отца Милоша Обреновича, и в свою очередь, свергнутый «уставообранителями» — защитниками конституции.

[471] Имеется в виду Галицкое княжество, русское княжество, занимавшее северо-восточные склоны Карпат, Галицкие земли, вошедшие в X веке в состав Киевской Руси. Объединено в Галицко-Волынское княжество (1199) волынским князем Романом Мстиславичем (1170–1205). В 1259 г. татаро-монгольские войска уничтожили укрепленные города Галицко-Волынского княжества, подчинив его Орде. В 1352 г. Галицкая земля была захвачена Польшей, а Волынь — Литвой.

[472] «Царство Польское» — употребляемое в русской общественно-политической лексике название Королевства Польского — части Польши, отошедшей по решению Венского конгресса (1814–1815) к России.

[473] Реки Ока и Кама — самые крупные правый и левый притоки р. Волги.

[474] *Линде* (Linde) Самуил Богумил (1771–1847) — польский филолог, по происхождению немец, с 1839 г. — член-корреспондент Российской Академии наук, автор-составитель фундаментального Словаря польского языка («Słownik języka polskiego», Варшава, 1807–1814), в котором польские слова сопоставлены со словами других славянских и иностранных языков и приведено много пояснительных примеров.

[475] Русские книги вывезены с прочими из университетской библиотеки — в 1816 г. в Варшаве по указу императора Александра I был основан Александровский университет (статут утвержден в 1818). В состав университета входили факультеты: юридический, медицинский, изящных искусств, естественно-математический и теологический. При университете была открыта Публичная библиотека, которая с 1818 г. получила обязательные экземпляры всех произведений, изданных в Королевстве Польском. После подавления польского восстания в ноябре 1831 г. университет и библиотека были закрыты, а книги вывезены в Россию.

[476] См. комм. 119.

477 Последним польским королем (1764–1795) был Понятовский (Poniatowski) Станислав Август. (1732–1798).

478 Апология — (*греч.* apologia), защита.

479 См. комм. 477.

480 Саксония была соединена с Польшей личной Унией в 1697–1763 гг. После смерти короля Яна Собеского, в 1697 г. польским королем под именем Августа II был избран курфюрст Саксонский Фридрих Август I Сильный (Friedrich August, der Starke) (1670–1733), который с 1700 г. участвовал как саксонский курфюрст и с 1704 г. как польский король в Северной войне против Швеции, был разбит, отрекся от польского престола (1706), на котором был восстановлен после разгрома шведских войск Петром I под Полтавой (1709). Смерть Августа II привела к так называемой «войне за польское наследство» (1733–1735). В 1733 г. королем был избран Станислав Лещинский (Leshhinskij) (1677–1766, польский король в 1704–1711, 1733–1734), поддержанный Францией и семейством аристократов Чарторижских. Однако под давлением России и Австрии спустя месяц был устроен еще один элекционный сейм, избравший королем Августа (August) III Фридриха Саксонского (1696–1763), который пришел к власти с помощью саксонских и российских войск, вынудивших Лещинского покинуть Польшу. Август III за долгие годы своего правления (1733–1763) довел страну до глубокого кризиса, а сам так и не смог выучить польский язык и большую часть времени проводил в Дрездене, отдав Польшу во власть магнатов.

481 *Александр I* Павлович (1777–1825) — император Всероссийский. Титул короля Польского получил в соответствии с решениями Венского конгресса. На этом конгрессе, открывшемся осенью 1814 г., польский вопрос был одним из самых острых. Александр I выступал за создание Королевства Польского под скипетром России. Пруссия и Австрия требовали раздела польского княжества. В конце концов, разногласия удалось преодолеть: Александр I согласился на территориальные уступки Австрии. 3 мая 1815 г. были подписаны договоры между Россией, Пруссией и Австрией о Варшавском княжестве, а 9 июня — генеральный акт Венского конгресса. Пруссия получила Познаньский и Быдгощский департаменты княжества, Австрия — район Велички. Краков с окрестностями был объявлен «вольным городом» под протекторатом Австрии. Остальная территория была присоединена к России и составила Королевство (Царство) Польское. В соответствии с договором от 3 мая 1815 г., Польское королевство должно было быть «неразрывно связано с Россией по конституции» в форме унии, олицетворяемой особой Российского императора, который получал титул короля Польши. 27 ноя-

бря 1815 г. Александр I подписал в Варшаве конституцию королевства, которая декларировала неприкосновенность личности, свободу печати, независимость суда, признание польского языка официальным в сфере суда и администрации.

Вся полнота исполнительной власти принадлежала королю (русскому царю). Законодательную власть осуществлял Сейм, в который входили: 1) король, 2) Сенат, 3) Посольская изба. В Сенат входили члены королевской фамилии, а также назначаемые королем епископы и высшие должностные лица. Посольская изба состояла из 77 депутатов от шляхты и 51 — от гмин. Сейм должен был собираться каждые два года или по мере необходимости. В действительности всего состоялось 4 сейма — в 1818, 1820, 1825 и 1830 гг. Компетенции Сейма включали осуществление законодательства в области суда и административного права, решения по вопросам денежной системы, налогов и бюджета. Законодательная инициатива принадлежала Государственному Совету, состоявшему из Административного совета и Общего собрания. Административный совет в 1826 г. был преобразован в высший правительственный орган. В административном отношении королевство подразделялось на 8 воеводств, управлявшихся коллегиальными воеводческими комиссиями. Воеводства, в свою очередь, делились на поветы и гмины (территориальные единицы). Создавалось польское войско с польским языком командования и национальными мундирами. Во главе управления королевством стоял наместник, назначаемый королем. Главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин, наместником — И. Зайончек, польский генерал, возведенный русским императором в княжеское звание. Императорским комиссаром при Административном совете стал сенатор Н. Н. Новосильцев. Политические порядки в Королевстве Польском были более либеральными, чем в остальной части Российской империи.

482 См. комм. 163.

483 *Лелевель* (Lelewel) Иоахим (1786–1861) — знаменитый польский историк, автор популярной «Dzieje Polski, opowiadane synowcom» (1829), и др.

484 *Кухарский* (Kucharski) Андрей (1795–1862) — польский писатель, славист.

485 *Кржижановский* (Krzyżanowski) Адриан (1788–1852) — польский историк науки, профессор физики, автор небольших работ «Kopernik w Walhalli (Kopernik, Walhalla's Genoss)» (1843), «Mikołaja Kopernika, założyciela dziesiejszej astronomii, w 300 lat od jego skonu i objawienia jego

układu spomnienie jubileuszowe» (Warszawa, 1844), а также фундаментального труда «Dawna Polska ze stanowiska jej udziału w dziejach postępującej ludzkości skreślona w jubileuszowym Mikołaja Kopernika roku 1843» (Warszawa, 1844) о жизни и системе Николая Коперника.

486 *Коперник* (Copernicus) Николай (1473–1543) — знаменитый польский астроном, выдвинувший идею гелиоцентрической системы мира, согласно которой вокруг неподвижного солнца движутся планеты.

487 *Мацеевский* (Maciejowski) Вацлав Александр (1793–1883) — польский историк, панславист, до 1830 г. профессор Варшавского университета. Автор «Истории славянского права» (6 т. 1832–1835, рус. перевод 1858–1860), «Истории первобытной христианской церкви и славян» (рус. перевод 1840) и др.

488 *Чарторижский* (Чарторыйский (Czartorysky) Адам Ежи (Юрий) (1770–1861) — польский и русский государственный и политический деятель. Один из ближайших друзей императора Александра I, член Негласного комитета, с 1802 г. товарищ министра иностранных дел, в 1804–1806 гг. министр иностранных дел. Выдвинул программу объединения под властью Александра I всех польских земель. С 1815 г. сенатор Королевства Польского. Во время Польского восстания 1830–1831 гг. — глава Национального правительства, препятствовал проведению социальных и политических преобразований. После поражения восстания эмигрировал. Парижская резиденция Чарторижского («Отель Ламбер») стала центром консервативно-монархической эмиграции, сам он был объявлен (1834) своими сторонниками «королем де-факто». Развивал программу восстановления независимости Польши при поддержке западных держав.

489 *Матакиевич* (Matakiewicz) Антони (1787–1844), юрист, правовед, в 1837–1839 гг. ректор Ягеллонского университета в Кракове.

490 *Мучковский* (Muczkowski) Иосиф (1795–1858) — польский филолог и историк литературы, профессор Краковского университета, автор трудов «Gramatyka języka polskiego» (1825), «Poezyje sępa Szarzynskiego» (1827), «Powieści Starego i Nowego Testamentu» (1831), «Zbiór najrzadszych i najcelnieszych rytmotw órców XVI i XVII w.» (1832), и многих др.

491 Одной из работ П. Шафарика, имевшей общеславянский характер, заложившей основы славянского народоописания, славянской этнографии, была «Славянская Народопись» («Slovansky Narodopis», 1842). К ней была приложена карта славянского мира («Slovansky Zemevid»), впервые наглядно изобразившая величину этого мира и его величие.

Книга Шафарика имела огромный успех: первое издание ее разошлось в Праге за несколько дней; в том же 1842 г. вышло второе издание, а в 1843 г. она была переведена О. М. Бодянским на русский язык и опубликована сначала в журнале Погодина «Москвитянин», а потом отдельным изданием.

492 *Амерлинг* (Amerling) Карел Славой (1807–1884) — чешский педагог, философ, пропагандист идеи славянской взаимности. Основал в Праге (1839) национальное воспитательное учреждение «Будеч» как педагогический центр для подготовки учителей и (впервые) учительниц народных школ, где было организовано обучение ремесленно-художественным специальностям. Наряду с кабинетами и мастерскими там были музей, ботанический сад, типография.

493 См. комм. 453.

494 *Ганка* (Hanka) Вацлав (1791–1861) — выдающийся деятель чешского возрождения, филолог и историк, панславист, автор трудов «Описание России и ее войска» (1815), «Чешское правописание» (1817), «Чешская история» (1822), «Чешская грамматика» (1822) и др.

495 *Пресль,* Прешль (Presl) Ян Сватоплук (1791–1849) — естествоиспытатель, деятель чешского возрождения, профессор Пражского университета (1820), член Венской АН (1848). Один из основателей Национального музея в Праге (1818) и издательства Матицы Чешской (1831). Совместно с братом Карелом Борживой (1794–1852) издал «Флору Чехии» (1819), в которой описано 1500 видов растений.

496 *Палацкий* (Palacky) Франтишек (1798–1876) — чешский историк, философ, деятель культуры и чешского национального возрождения, панславист. В 1818 г. опубликовал (в соавторстве с П. И. Шафариком) сочинение «Начала чешской поэзии», явившееся программой действий «будителей» (*чеш.* buditel, буквально — тот, кто пробуждает), деятелей чешского национального движения, которые вели активную борьбу за возрождение чешского языка, литературы, науки и культуры, находившихся в XVII–XVII вв. в глубоком упадке вследствие проводимой Габсбургами политики германизации и национального гнета. Был инициатором реорганизации Чешского национального музея (ставшего важным центром научной и культурной жизни страны) и создания (1831) Матицы чешской, основателем (1827) и первым редактором (до 1838) первого чешского научного журнала «Časopis společnosti vlastenskeho museum v Čechach». Опубликовал огромное количество источников по истории, литературе и искусству средневековой Чехии, в том числе чешской летописи, а также многочисленных исследований по истории Чехии.

[497] *Юнгманн*, Юнгман (Jungmann) Иосиф-Иаков (1773–1847) — знаменитый чешский славист, профессор Пражского университета, деятель чешского возрождения, панславист, автор фундаментального этимологического словаря чешского языка «Slovnik jazyka českeho» (5 т., 1835–1839) и других трудов, в которых пропагандировал необходимость единого литературного языка для всех славян.

[498] Matica ceska — Матица чешская, чешское культурно-просветительное общество, основанное в 1831 г. Ф. Палацким при Чешском национальном музее в Праге. На членские взносы и пожертвования общество издавало произведения чешской литературы, переводы произведений мировой литературы и журнал «Časopis Českého Muzeum».

[499] «Чешская пчела» и «Цветы» — выходившие с 1834 г. регулярно чешские журналы «Česka včela» и «Kvety», пришедшие на смену прежним альманахам и периодическим изданиям, которые обычно издавались лишь на протяжении короткого времени.

[500] См. комм. 415.

[501] Славянский Институт в Пресбурге — скорее всего, имеется в виду евангелический лицей в Пресбурге (*слов.* Bratislava), городе на р. Дунай, центре Словакии и всей габсбургской части Венгрии. В одной из работ 1860 г. Погодин писал: «Мне рассказывали о школе в Пресбурге, бывшей сначала под руководством Червенака, а потом Стура. Учитель приходил ныне в класс и рассказывал ученикам, например, историю бабочки, завтра передавал житие Св. Кирилла и Мефодия, потом описание Индии, покорение Константинополя Турками, излагал то или иное сочинение примечательное, читал песню с объяснениями, биографию знаменитого соотечественника. Ученики слушали все с вниманием глубоким, повторяли, изучали, и чрез некоторое время оказывали великие успехи, развивались». [*Погодин М. П.*] Чему и как надо учить Болгар и Сербов в Москве — 1860 февр. 29 // НИОР РГБ. Ф. 231/I. К. 19. Ед. хр. 31. Л. 3.

[502] *Меглицкий* Гавриил Тихонович (?–1840) — священник, магистр Петербургской духовной академии, с 1823 г. настоятель русской посольской церкви в Вене, которая стала духовным центром всех «австрийских» славян. Позже, с 1842 по 1884 г., настоятелем венской посольской церкви был протоиерей Михаил Раевский, вошедший в историю как один из родоначальников идеи созыва Славянского съезда в России в 1867 г.

[503] Пест — Пешт, венгерский город на левом берегу Дуная, в 1872 г. стал частью Будапешта — столицы Венгрии.

504 Карловиц — город на Дунае в Кроации-Славонии, резиденция сербского православного митрополита.

505 Матица Сербская — «Матица српска», сербское литературно-научное и культурно-просветительное общество, основанное в 1826 г. в городе Пешт сербским юристом, писателем и переводчиком Йованом Хаджичем (1799–1869) и шестью сербскими торговцами для издания и распространения книг на литературном языке сербов. «Польза во славу народа» — так в акте об основании Матицы были определены ее задачи и направление деятельности.

506 Имеются в виду книги кирилловской печати (в отличие от латиницы и глаголицы напечатанные кириллицей, кирилловским шрифтом — одной из двух (вместе с глаголицей) первых славянских азбук, названной так по имени просветителя Кирилла, который, как считается, создал ее на основе греческого уставного письма в конце IX — начале X в. с добавлением нескольких букв. Кириллица легла в основу сербского алфавита.

507 Аграм (*нем.* Agram, *хорв.* Загреб), город на р. Савва, центр Хорватии.

508 Презбург — Пресбург (*слов.* Bratislava), город на р. Дунае, центр Словакии и всей габсбургской части Венгрии. См. также комм. 501.

509 Военная граница (*серб.-хорв.* Vojna krajina, *нем.* Militärgrenze), пограничная с Турцией область в составе империи Габсбургов, которая управлялась военной администрацией, подчинявшейся непосредственно австрийскому правительству, и подразделялась на генералаты, полковые, ротные и общинные округа. Жители области «граничары» получали от казны участок земли и несли за это военную службу, выполняли общественные повинности, платили налоги, но главной их задачей была защита границы от частых турецких вторжений.

510 *Гай Людевит* (1809–1872) — хорватский общественный и политический деятель, поэт, один из руководителей иллиризма, выступавший с пропагандой идей национального и культурного сближения южных славян, политического воссоединения и автономии хорватских земель в составе Венгерского королевства, входившего в монархию Габсбургов. Издавал газету «Novine hrvatske» (с 1836 «Ilirske narodne novine») с литературным приложением «Danica hrvatska, slovenska i dalmatinska» (с 1836 — «Danica ilirska»). Пытался заручиться помощью российского правительства для реализации своих проектов (пропаганды кириллической литературы, перевода хорватского книгопечатания на кириллицу), в свой первый приезд в Россию (1840) получил с помощью Погодина 17 000 руб.

[511] *Копытар* Варфоломей (Ерней) (1780–1844) — выдающийся словенский филолог-славист, хранитель, а с начала 1844 г. директор Венской придворной библиотеки. Автор «Грамматики славянского языка Крайны, Каринтии и Штирии» (1808, на нем. яз.), в которой были установлены нормы словенского литературного языка (с приложением критического обзора словенской литературы). Исследовал древнеславянские памятники, издал глаголический памятник старославянского языка XI в. «Клоцов сборник» (1836), снабдив его словарем, краткой грамматикой старославянского языка и историческим очерком.

[512] *Караджич* Вук Стефанович (1787–1864) — реформатор сербского литературного языка и алфавита. Автор словаря и грамматики сербского языка, издатель сборников народных песен, сказок и пословиц, переводчик значительной части Библии на сербский язык.

[513] См. комм. 496.

[514] *Востоков* (Остенек) Александр Христофорович (1781–1864) — русский лингвист, филолог, поэт. Немец по происхождению, он стал одним из основоположников сравнительно-исторического языкознания и научного изучения истории славянских языков, автором фундаментального труда «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшего оного письменным памятникам» (1820), а также учебников грамматики русского языка и др.

[515] Московское общество истории и древностей российских (1804–1929) — первое научное историческое общество в России, основанное при Московском университете для изучения и публикации документов по русской истории (летописей, древних актов и т. д.), объединившее преподавателей университета, а также историков, архивистов и археографов.

Одесское общество истории и древностей (1839–1922) — научное историческое общество, главной целью которого являлось изучение истории Южной России. В ведении Общества находились музеи в Одессе и Феодосии, архитектурные памятники Керчи, Судака, Аккермана, а также археологические раскопки на Змеином острове в Херсонесе и др.

Археографическая Комиссия (1834–1917) — учреждение при Министерстве народного просвещения для сбора и публикации исторических документов.

[516] Лейпциг (*нем.* Leipzig, *древнеслав.* и *польск.* Липск), крупнейший город Саксонии.

517 Депо — склад, хранилище.

518 *Фосс* Леопольд (?–?), немецкий книготорговец, игравший с 1830-х гг. большую роль в снабжении российской Библиотеки Академии наук иностранной литературой. Он продавал и обменивал академические издания на Западе и выполнял заказы Академии на новые книги и журналы. (См.: История Библиотеки АН СССР 1714–1964, М.; Л., 1964. С. 192.)

519 Брюнн (*нем.* Brunn, *чешск.* Брно), главный город Моравии, на реке Цвиттава и Шварцава.

520 Берлин — город на р. Шпрее, с 1486 г. столица Бранденбурга, а затем и всей Пруссии; Бонн — город на р. Рейн, с 1814 г. в составе Пруссии; Геттинген — университетский город на р. Лайне в составе Пруссии; Мюнхен — город на р. Изар, столица Баварии.

521 Пуркиня — *Пуркинье, Ян Евангелист* (1787–1869) — чешский ученый, физиолог, врач и писатель, пропагандист панславизма. Профессор анатомии и физиологии в Пражском (с 1819) и Бреславском (1823–1848) университетах.

522 См. комм. 492.

523 Дилижанс — конная многоместная крытая повозка для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

524 Император Николай. См. комм. 454, а также 989.

525 Так называемыми «низовыми губерниями» в то время считались Нижегородская, Казанская, Вятская и Оренбургская губернии в нижнем течении р. Волги. Слухи о пожарах могли основываться на том, что, например, в нижегородском уездном городе Василь (Васильсурск) в мае 1839 г. по неизвестной причине произошло 5 пожаров, которые уничтожили множество домов, лавок, складов, казенных зданий, включая и все присутственные места. Подозревались поджоги, но виновных так и не нашли.

526 Антверпен — город в Бельгии на р. Шельде.

527 Голландия, Королевство Нидерланды, созданное по решению Венского конгресса путем объединения Нидерландов с Южными Нидерландами. Однако жители юга — валлоны воспротивились попыткам признать нидерландский язык государственным, и хотя некоторые фламандцы соглашались с сохранением своего языка в литературе и массовой культуре, другие предпочитали говорить по-французски. Католики, уравненные в правах с протестантами, были недовольны своей второстепенной ролью в правительстве, которое практически

было полностью протестантским и по составу, и по духу. Оппозиционные силы объединились, и под влиянием Июльской революции 1830 г. во Франции началась революция в Южных Нидерландах, потребовавших вначале автономии для Бельгии (как теперь стали называться южные провинции), а затем и ее полной независимости. По Лондонскому соглашению 1839 г. Королевство Нидерланды формально признало независимость Бельгии.

528 Зимний дворец в Санкт-Петербурге на самом деле строился значительно больше года. Указ о строительстве был издан 16 февраля 1753 г. Елизаветой Петровной, которая скончалась 25 декабря 1761 г., так и не переехав в Зимний дворец. Скорее всего, под «волшебным построением» Погодин имеет в виду отделку около ста комнат, театра, церкви и галереи, которую осуществили по приказу нового императора Петра III за три месяца.

529 Имеются в виду большие (150 тыс. чел.) маневры-реконструкция Бородинской битвы, прошедшие в сентябре 1839 г. на Бородинском поле под руководством императора Николая I.

530 Ставшие знаменитыми большие (550 эскадронов кавалерии и 50 батальонов пехоты) учения русской армии под Вознесенском в Крыму 10 сентября 1837 г., на которых присутствовали император Николай I и прусские принцы Август и Адальберт.

531 *Ксеркс* (ок. 520–465 до н. э.) — персидский царь в 486–465 до н. э. Его конница считалась непобедимой и самой большой в мире. Так, при вторжении в 480 г. до н. э. в Грецию он имел в составе своего войска 80 000 человек конницы, не считая ехавших на верблюдах и колесницах.

532 Allgemeine Zeitung — «Всеобщая газета», основанная в 1798 г. Иоганном-Фридрихом К. фон-Коттендорфом (1764–1832) из известной немецкой книгоиздательской семьи Котта, издавалась в Тюбингене, затем в Штутгарте, и, наконец, в Аугсбурге (Бавария). С 1837 г. она редактировалась Густавом Кольбом (1798–1865) и стала под его руководством одной из самых влиятельных европейских газет. По свидетельству С. П. Шевырева, побывавшего в редакции «Allgemeine Zeitung» в 1839 г., ее тираж составлял более 8000 экземпляров.

533 *Делаво* Ипполит (?–1862) — французский критик, переводчик.

534 См. комм. 10, 35.

535 *Шевырев* Степан Петрович (1806–1864) — поэт, историк литературы, публицист, профессор Московского университета (1837–1857), ака-

демик (1852), друг и сподвижник М. П. Погодина. Видимо, речь идет о статье (без подписи автора), посвященной остзейским провинциям России, которая вышла в приложении к аугсбургской «Всеобщей газете». — «Die Ostseeprovinzen Russlands» // Ausordentliche Beilage zur Allgemeine Zeitung. № 157 und 158, 1837 (6 April).

Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам

Во время своего путешествия по Европе в 1842 г. М. П. Погодин обратил внимание на изменение в Словенских землях Австрийской империи, произошедшие со времени его предыдущего путешествия в 1839 г. Свои замечания по поводу политических отношений в славянских землях Погодин представил во втором донесении министру народного просвещения, которое не имело того успеха, как отчет 1839 г., по причине «слишком резкого несогласия с тогдашним общественным мнением» (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 7. СПб., 1893. С. 62–71). Текст печатается по: *Погодин М. П.* Второе донесение Министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к Славянам // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 46–69.

[536] По сложившейся в соответствии с петровской «Табелью о рангах» системе титулования (то есть специального обращения к лицам, имеющим чины), чины 1-го и 2-го классов, а именно чину 2-го класса соответствовала должность министра, имели титул «высокопревосходительство», соответственно титуловался и министр народного просвещения С. С. Уваров.

[537] *Тун-Гогенштейн* (von Thun Hohenstein) (1811–1888) — граф Лео, австрийский политический деятель, инициатор реформы народного образования, министр народного просвещения Австрийской империи(1849–1860).

[538] Вакация — каникулы.

[539] *Добровский* (Dobrovsky), Иосиф (1753–1829) — славяновед, деятель чешского Возрождения XVIII–XIX вв., в 1822 г. опубликовал на латинском языке Institutiones — старославянскую грамматику (Instituciones linguae slavicae dialecti veteris, (W.), 1822; в рус. пер. Грамматика языка славянского по древнему наречию. Ч. 1–3, СПб., 1833–1834). См. также комм. 440, 1353.

540 См. комм. 74, 114, 172, 258.

541 См. комм. 257.

542 Гуситские войны — войны сторонников чешского церковного реформатора Яна Гуса против германского императора, католической церкви, а также между собой («табориты» и «чашники») в 1419–1436 гг. См. также комм. 260.

543 Реймское Евангелие — церковно-славянская рукопись, состоящая их двух частей, написанных разным письмом: первая часть кириллическим, а вторая — глаголическим. Согласно преданию, Реймское Евангелие было написано чешским пустынником, основателем и первым настоятелем Сазавского монастыря в Богемии, Святым преподобным Прокопием Сазавским (ок. 970–1053). Однако наиболее авторитетная версия происхождения этого манускрипта говорит о том, что первая часть рукописи была создана в школе переписчиков при библиотеке Ярослава Мудрого (1019–1054) и является переписью со староболгарского Евангелия XI в., написанного кириллицей (болгарской азбукой).

544 Например, для избираемых в венгерский сейм депутатов было обязательным знание венгерского языка.

545 См. комм. 548.

546 См. комм. 74, 114, 172, 258.

547 Панславизм — идейное и социально-политическое движение XIX в., направленное на культурное и политическое объединение всех славянских народов.

548 Кроаты, хорваты — южнославянский народ, большинство которого составляют католики, проживающие в Хорватии, — с XVI в. официально именовавшейся Королевство Хорватии, Далмации и Славонии, отдельные части которого в середине XIX в. находились под экономическим, политическим и культурным влиянием различных государств и народов — Венгерского королевства, Османской империи, Австрийской империи и др.

Далматинцы — этнографическая группа хорватов, коренное население Далмации, исторической области на побережье и островах Адриатического моря.

Славонцы — жители исторической области в восточной части междуречья Дравы, Дуная и Саввы, которая с 1849 г. была коронной (то есть вошедшей в состав государства на основании наследственно-

династических прав монарха) австрийской землею «Хорватия и Славония» в Венгрии.

549 Иллирия — историческая область, протянувшаяся вдоль северо-восточного берега Адриатического моря от полуострова Истрия на севере до Эпира на юге, на юго-востоке граничила с Македонией. Патриотически настроенные хорваты и сербы в первой половине XIX в. ошибочно считали иллирийцев предками сербо-хорватов и в понятие «Иллирия», «иллирийский» вкладывали символическое содержание: идею о сербско-словино-хорватском единстве, освобождении от мадьяризации и объединении иллирийских провинций в одно политическое целое. (Более того, практическим примером такого объединения стала созданная Наполеоном I в 1810 г. автономная область под названием «Иллирия», в которую вошли: Горица, Далмация, Истрия, часть Хорватии (до Савы), Крайна и часть Хорутании. В этой области административным языком был объявлен «иллирийский» язык.) На этой основе возникло целое общественное движение — иллиризм, в деятельность которого вынуждено было вмешаться Австрийское правительство, выступившее на стороне хорват-мадьяронов (сторонников унии с Венгрией). В 1843 г. употребление названий «Иллирия», «иллиры» было запрещено.

550 Кольми паче — тем более.

551 Имеется в виду глаголица, одна из двух древнейших славянских азбук, которая отличается от кириллицы более сложным и вычурным рисунком букв. Была распространена на Балканах в IX–XI вв.

552 См. комм. 511.

553 См. комм. 443.

554 Речь идет о воссоединении униатов (полутора миллионов жителей России — приверженцев католической церкви византийско-славянского обряда) с Русской православной церковью. Начало «уничтожению унии» было положено униатским епископом Иосифом (в миру Иосиф Иосифович Семашко) (1798–1868), инициировавшим Собор униатского духовенства в г. Полоцке (1839), на котором и был принят акт о присоединении униатов к русской церкви. См. также комм. 431, 457.

555 Лемберг — г. Львов (*нем.* Lemberg).

556 По соглашению о первом разделе Польши, санкционированному польским сеймом в 1773 г., Россия получила все Подвинье и часть Верхнего Приднепровья, воеводства Полоцкое, Витебское, Мстиславское,

часть Минского и часть польской Ливонии. К Австрии отошли часть Малопольши и Галиция; к Пруссии — древнейшие польские земли — Гданьское Поморье и Великопольша. В январе 1793 г. по инициативе Пруссии произошел второй раздел Польши, утвержденный затем собранным в Гродно сеймом. К России отошли Белоруссия с Минском и Правобережная Украина. Пруссия захватила Гданьск (Данциг), Торунь и Великую Польшу с Познанью. В октябре 1795 г. был проведен третий раздел Польши, уничтоживший самостоятельное польское государство. Большая часть земель Польши с Варшавой была отдана Пруссии, Малая Польша с Люблином отошла к Австрии. Россия получила Литву, Западную Белоруссию и Западную Волынь. Курляндское герцогство, находившееся в зависимости от Речи Посполитой, также было присоединено к России. После падения наполеоновской империи, на Венском конгрессе 1814–1815 гг. был произведен Четвертый раздел (точнее — передел) Польши: Россия получила земли, отошедшие к Австрии и Пруссии в результате Третьего раздела (Мазовия, Подляшье, северная часть Малой Польши и Червонной Руси), за исключением Кракова, объявленного вольным городом, а также Куявию и основную часть Великой Польши; Пруссии были возвращены Польское поморье и западная часть Великой Польши с Познанью, Австрии — южная часть Малой Польши и большая часть Червонной Руси. В 1846 г. Австрия с согласия России и Пруссии аннексировала Краков.

557 Киевские контракты — торговые ярмарки в Киеве (с 1798), на которых торговля велась посредством заключения сделок (контрактов) на оптовую куплю и продажу сахара, хлеба, металлов, угля и т. п. товаров по образцам.

558 Nicht zweckmäßig (*нем.*) — нецелесообразный.

559 См. комм. 42.

560 Нижний Дунай — около 960 км р. Дуная до впадения в Черное море, 600 км из которых он течет по Румынской низменности (между балканскими горами Стара Планина и Трансильванскими Альпами).

561 Sperrgesetze (*нем.*) — *букв.* законы запретительного свойства, связанные в первую очередь с таможней; здесь — протекционистские законы, защищающие отечественную продукцию.

562 См. комм. 510.

563 См. комм. 401.

564 См. комм. 101.

565 См. комм. 101.

566 Саксония (Sachsen), провинция Пруссии, образовалась частью из земель, в 1815 г. отошедших к Пруссии от королевства Саксонии.

567 Г. Познань — столица Великого княжества Познанского в составе Пруссии (с 1815). Провинция Позен (Posen).

568 В 1840 г. умер король Пруссии Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm) III (1797–1840) — из династии Гогенцоллернов, ему наследовал старший сын — Фридрих Вильгельм IV (1840–1861). См. также комм. 456.

569 Город Кенигсберг (Königsberg), центр Восточной Пруссии. В ходе Семилетней войны взят русскими войсками, до 1762 г. центр генерал-губернаторства Восточная Пруссия в составе Российской империи; в 1762 г. возвращен Пруссии.

Рейнская провинция, с центром в г. Кобленц, вошедшая в состав Пруссии в 1815 г.

570 Во времена Погодина в Пруссии насчитывалось больше 2 млн человек этнических поляков.

571 Учреждение славянских кафедр (кафедр славянской филологии) в Германии относится к 1830–1840 гг.

572 Австрийская Силезия с 1742 г. включала два южных княжества — Троппау, с главным городом Троппау (*нем.* Troppau, *польск.* Oppawa), и Тешинское княжество с центром в г. Тешин.

573 Имеется в виду принятая в то время в Пруссии, как и в большинстве государств Европы, экономическая политика протекционизма (*франц.* protectionnisme, от *лат.* ptotectio — защита, покровительство), направленная на поддержку национальной экономики путем охраны ее от иноземного соперничества таможенными пошлинами, воспрещением ввоза или вывоза товаров, выдачей субсидий и предоставлением монополий и т. д.

574 Броды (Brody), город в восточной Галиции, возле границы Российской империи.

575 Дипломатики — здесь: дипломаты.

576 Речь идет о гегельянцах — представителях философских течений, исходивших из учения немецкого философа, представителя немецкой классической философии, создателя систематической теории диалектики на основе объективного идеализма Г. В. Ф. Гегеля (Hegel)

(1770–1831), и развивавших его идеи. К концу 30-х годов в их среде наметилось разделение на старших гегельянцев («старогегельянцев»), начинавших еще при Гегеле, и младшее поколение — младогегельянцев, чье философское становление происходило большей частью после смерти Гегеля и во многом заключалось в пересмотре гегелевских положений, в полемике со «старогегельянцами». (А. Руге, Б. Бауэр, Л. Фейербах и др.); начиная с критики религии, они постепенно обращались к сферам политики, права, морали, образования и воспитания.

577 С 1821 по 1845 г. в Московском университете курс философии не читался, а кафедра философии оставалась вакантной.

578 Речь идет о напечатанной в 1839 г. в Лейпциге анонимной книге «Europäische Pentarchie» («Европейская пентархия»), видимо, по аналогии с международным союзом 5 держав (России, Пруссии, Австрии, Франции, Англии), названным Пентархией (*греч.*, господство пяти), который был заключен на Ахенском конгрессе (1818) Священного Союза. В книге европейское геополитическое пространство разделялось между Пруссией, Австрией, Англией, Францией и Россией, а последняя выступала в роли покровителя менее крупных германских государств. Книга, написанная служившим в русском дипломатическом ведомстве в Дрездене и Берлине немцем К. Э. Гольдманом, произвела немалый шум в общественных и правительственных кругах Германии. Распространялись слухи, будто она инспирирована официальными кругами «северного колосса» — России.

579 Голштиния (Holstein) — историческая область в северной Германии, герцогство, просуществовавшее до 1806 г., когда оно было присоединено к Дании, оставаясь при этом членом Германского союза. Конфликты по поводу Голштинии и соседнего Шлезвига вылились в германо-датские войны 1848–1850 г. и 1864 г., в результате последней войны Дания потеряла Голштинию, за которую стали биться уже австрийцы и пруссаки в войне 1866 г. В конечном счете Шлезвиг-Голштиния стала провинцией Пруссии с центром в г. Киль.

580 Как и предвидел Погодин, династия Ольденбургов на Датском престоле пресеклась со смертью бездетного сына короля Дании Кристиана (Christian) VIII (1786–1848) — Фредерика VII (Frederik) (1808–1863), вошедшего в историю не только как последний датский король из династии Ольденбургов, но и как последний абсолютный монарх в Дании. Во время своего правления он подписал конституцию, которая учредила парламент и провозгласила страну конституционной монархией. Наследовал

же трон страны представитель отдаленной ветви Ольденбургов Кристиан Глюксбургский (1818–1906), король Дании Кристиан (Christian) IX.

581 Из Голштинии происходит линия династии Романовых — Голштейн-Готторп, к которой принадлежал Карл-Петр-Ульрих (1728–1762), объявленный в 1742 г., как племянник императрицы Елизаветы, наследником российского престола, а в 1761 г. императором Петром III.

582 В 1714 г. курфюрст Ганновера Георг Людвиг (George I, *нем.* Georg I Ludwig) (1660–1727) стал одновременно королем Великобритании и Ирландии (под именем Георга I), положив начало Ганноверской династии и личной унии между Великобританией и Ганновером, который на Венском конгрессе (1814–1815) был провозглашен королевством. Пятый сын английского короля Георга III — Эрнст-Август, герцог Кумберландский (Ernest Augustus Duke of Cumberland) (1771–1851), стал королем ганноверским Эрнстом-Августом (*нем.* Ernst August) II в 1837 г., когда престол Великобритании перешел к Виктории (Victoria) (1819–1901) — единственной дочери принца Эдуарда, герцога Кентского — четвертого сына Георга III.

583 Королю Ганновера Эрнсту-Августу II, умершему в 1851 г. в возрасте восьмидесяти лет, наследовал его сын Георг V (1819–1878), потерявший свое королевство во время австро-прусской войны 1866 г. С этого времени Ганновер стал прусской провинцией.

584 Речь идет о Польском восстании 1830 г.

585 В Остзейский край входили Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии Российской империи.

586 К 1840 г. англичане завладели большей частью Индии.

587 Имеется в виду Англо-китайская война 1840–1842 гг. См. также комм. 757.

588 Толерантность (от *лат.* tolerantia — терпение) — терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям.

589 Шляхта (*польск.* Szlachta либо от *древневерхненемецкого* slahta — род, либо *нем.* Schlacht — сражение) в Польше, Великом княжестве Литовском, Речи Посполитой и Царстве Польском — наименование светской знати, соответствовавшее дворянству, составлявшее до 30% населения Речи Посполитой (1569–1795), что значительно превосходило процент дворянства в иных странах

590 8 января 1570 г. Иоанн Грозный, получивший ранее донос о том, что новгородцы хотят предать его и передать город польскому королю, во

главе опричного войска устроил погром в городе, который длился несколько недель. Новгород был подвергнут страшной расправе: невзирая на пол и возраст, опричники убивали всех, кто попадался им под руку. Людей поджигали, облив горючей смесью, сбрасывали с моста в Волхов и добивали в воде камнями и топорами. По некоторым подсчетам число жертв достигло 10–15 тысяч, что составляло примерно половину от общего числа новгородцев.

591 В данном случае речь идет о дворе султанской Турции, официально называвшейся Османской (Оттоманской) империей, который находился в Стамбуле (Константинополе).

592 Речь идет о руководителях оппозиции Милошу Теодоровичу (1780–1860), сербскому князю Милошу I (1815–1839 и 1858–1860), основателю династии Обреновичей. Милош сначала добился от турок своего назначения наследственным правителем Сербии, а после предоставления Турцией Сербии внутренней автономии, стал по существу неограниченным правителем (кнезем) Сербии. Султанские хатт-и шерифы (указы) 1830 и 1833 г. провозгласили Сербию самоуправляющимся княжеством под верховной властью Османской империи. После того как в 1835 г. Вучичу (Вукичу), Петрониевичу (см. комм. 823 и 1304) и др. удалось вырвать у него некоторые уступки, вскоре показавшиеся им недостаточными, они сумели привлечь на свою сторону совет при султане (диван), и 24 декабря 1838 г. хатт-ишерифом, который также гарантировал сербам независимость судебной власти, свободу личности и неприкосновенность собственности, султан заставил Милоша признать контроль совета из 17 членов. А когда Милош попытался силой вернуть себе неограниченную власть, сербы взялись за оружие и принудили его (12 июня 1839) отказаться от престола. Милошу наследовали его сыновья: сначала Милан (умерший в том же году), а затем Михаил. Последний поспешил избавиться от Вучича (Вукича) и Петрониевича — тогда волнения возобновились. Противники Обреновичей склонили турок к организации нового переворота, который нашел поддержку у австрийского правительства. Вучич (Вукич) и его сторонники снова появились в Сербии, изгнали Михаила (август 1842) и заставили скупщину избрать на его место молодого Александра, внука первого «верховного сербского предводителя» (1808), основателя династии Карагеоргиевичей, героя антитурецкого восстания 1804–1813 гг. Кара-Георгия (Георгий Черный Петрович (1768–1817), убитого в свое время по приказу Милоша Обреновича.

593 *Михаил III Обренович* (1823–1868), сербский князь (1839–1842 и 1860–1868), младший сын князя Милоша I Обреновича, был выбран в князья

после смерти старшего брата, Милана, правившего Сербией всего несколько недель.

594 Протестантское епископство — церковно-административная территориальная единица. В протестантизме епископ скорее не церковный деятель, а лицо, выполняющее административные функции.

595 Во время турецкого владычества на Балканах богослужение в местных православных храмах велось на древнегреческом языке греческими священниками, резко выступавшими против употребления церковнославянского и любого другого языка как литургического.

596 Отчет 1839 г. — погодинское «Письмо к Министру народного просвещения, по возвращении из путешествия по Европе в 1839 году».

597 См.: Evangelia Slavice quibus olim in regum Francorum olee sacro inungendorum solemnibus uti solebat Ecclesia Remensis vulgo Texte du Sacre ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit I. B. Silvestre, Ord. S. Greg m. u. etc. Evangelia Latine vertit eandemque interpretationem Latinam e regione adjecit B. Kopitar, Aug. Austriae Imp. a biblioth. Palat. Custodia, etc. Париж, 1843 г., в типографии Ф. Дидота в 4-ю д. л., выпуски 1–8.

598 См. комм. 441.

Петр Великий

Первоначально статья была написана М. П. Погодиным для своих друзей, первых славянофилов, не отдававших, по его мнению, справедливости великому деятелю русской истории. Перед опубликованием статьи Погодин отправил ее на предварительное рассмотрение министру народного просвещения С. С. Уварову, который внес изменения (поправки, сделанные Уваровым, остались неизвестны), с которыми статья и была напечатана в 1841 г. в первом номере «Москвитянина» (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 6. СПб., 1892. С. 5–8). Текст печатается по: *Погодин М.* Петр Великий // Историко-критические отрывки М. Погодина. М., 1846. С. 335–363.

599 Перезябает — прорастает.

600 Изникло — появилось, вышло.

601 Чтобы отучить русских людей носить бороды по азиатскому образцу, Петр обложил их налогом, который начал действовать с 5 сентября 1698 г. Все мужчины, кроме священников и крестьян, обязаны были пла-

тить налог по 100 рублей ежегодно, а простые люди (крестьяне) — по 1 копейке с человека. Уплатившие пошлину получали особый бородовой знак. Сбривание бороды шло вразрез с традиционными православными представлениями о мужской красоте и образе, достойном человеке, поэтому нововведение вызывало массовые неодобрения и протесты.

602 Засеки — здесь: место, где вырублен лес.

603 Рекрутский набор, рекрутская повинность как способ комплектования армии людьми, введена в России Петром I в 1699 г., когда, перед войной со шведами, повелено было произвести первый набор 32 тыс. солдат на новых началах. Главные основания рекрутской повинности, как они были первоначально установлены, заключались в следующем: 1) рекрутской повинности подлежат все сословия и все классы населения; 2) для дворян она есть повинность личная и поголовная, для податных сословий — общинная, т. е. правительство предъявляло свои требования не к лицу, а к обществу, указывая лишь число подлежащих сдаче рекрут, в возрасте от 20 до 35 лет, и предоставляя самим обществам определять, кто и на каких основаниях должен быть сдан; 3) срок службы — пожизненный; 4) размер повинности, время набора и порядок раскладки определяются особо перед каждым набором.

604 Генеральная баталия — решающее сражение, баталия (*франц.* сражение, битва).

605 Виктория — победа (от Victoria — римская богиня победы).

606 По народной традиции, святки (12 дней между Рождеством и Крещением), совпадавшие с периодом зимнего солнцеворота, сопровождались гаданием, пением, переодеванием и плясками.

607 Творило — ящик или яма для гашения извести.

608 Здесь, видимо, речь идет о трехгранной призме, на гранях которой размещались печатные указы Петра I. Подобное зерцало (зеркало) устанавливалось на столах во всех присутственных местах, было символом законности. Таким образом, садясь «пред зерцалом», солдат становится чиновником.

609 Розное — разное или различное.

610 Лад — гармония, дружба, согласие.

611 Чародей — волшебник.

612 Слово «тьма» в старинном русском счете означало десять тысяч, в переносном значении — неисчислимое множество.

613 Аршин — мера длины, установленная Петром I в 28 дюймов, один аршин = 711,19 миллиметрам, пол-аршина — чуть больше 355,5 мм.

614 По губернской реформе (1708–1715) Петра I, страна была разделена на 11 (первоначально 8) губерний (сначала Петербургская, Архангелогородская, Смоленская, Московская, Казанская, Киевская, Азовская и Сибирская, затем Нижегородская, Астраханская и Рижская), во главе с генерал-губернаторами и губернаторами; каждая губерния делилась на провинции (с 1715—50 провинций), а провинции — на уезды (с 1715 — вместо уездов — «доли» по 5536 дворов, во главе с ландратом), и т. д.

615 Долото — плотничный или столярный односторонне заточенный инструмент, предназначенный для ручной выборки гнезд, пазов, шипов и других работ.

616 Кормило — руль, кормовое весло для управления ходом судна, в переносном значении — власть, управление.

617 Артикул — здесь, ружейный прием.

618 Ассамблея (*франц.* assemblée — собрание), собрания-балы с участием женщин в домах российской знати, введенные и регламентированные в 1718 г. Петром I с целью уничтожения старорусской замкнутости и введения европейских обычаев.

619 Экзекуция (*лат.* exsecutio — исполнение), телесное наказание.

620 Начало летоисчисления с рождения Иисуса Христа (т. н. «новая эра») в России введена указом царя Петра I в 1700 г. Начало нового календаря стало отмечаться с 1 января 1700 г. от Рождества Христова вместо 7208 г. по византийской эре, начинавшей счет лет «от сотворения мира», которое произошло за 5508 лет до Рождества Христова, а календарный год не с января, а с марта или сентября.

621 «Школа математических и навигационных наук» была открыта по указу Петра I в Москве в 1701 г. Это первое светское учреждение образования в России стало также первым государственным реальным училищем во всей Европе.

622 Табель о рангах — законодательный акт, определявший порядок прохождения службы чиновниками, изданный Петром I в 1722 г. Устанавливала 14 рангов (классов, классных чинов, 1-й — высший) по трем

видам: военные (армейские и морские), штатские и придворные. См. также комм. 26, 34.

623 Согласно Табели о рангах, в основание дворянства была положена служба государству, дворянство пополнялось выходцами из других слоев в результате их продвижения по государственной службе. См. также комм. 26, 31.

624 См. комм. 608.

625 Генеральный Регламент — законодательный акт 28 февраля 1720 г., устав государственной гражданской службы, составленный при личном участии Петра I, устанавливающий обязанности должностных лиц коллегий, порядок обсуждения дел в них, организацию делопроизводства, взаимоотношения коллегий с Сенатом и местными органами власти.

626 Солнечная система — совокупность небесных тел (планеты с их спутниками, кометами и метеорами), движущихся вокруг солнца, как центрального тела по определенным законам.

627 Гать — дорога в болотистой местности, устроенная из бревенчатого настила или хвороста.

628 Обух — тупое окончание клинка или топора, противоположное лезвию.

629 Россия (в составе Северного Союза) в 1700 г. начала войну со Швецией за выход к Балтийскому морю, которая длилась до 1721 г. См. также комм. 306, 392, 463.

630 См. комм. 463.

631 Убедившись в недостаточности сил запорожских казаков в борьбе с польскими войсками, гетман Украины Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595–1657) стал искать покровительства в Москве. 1 октября 1653 г. Земский собор высказался за принятие Украины под царскую руку. 8 января 1654 г. общая казацкая рада в Переяславле изъявила согласие на присоединение к Москве на условиях сохранения самоуправления и выбора должностных лиц. Выговский Иван Евстафьевич (?–1664), гетман Запорожского войска (1657–1659), пытался восстановить союз Украины с Польшей на началах федерации и подписал Гадячский договор (1658), по которому Украина переходила под власть Речи Посполитой. Затем Украина разделилась: в левобережной Украине, названной официально Малороссией, избирались в гетманы ставленники Москвы (Брюховецкий, Многогрешный и др.), в правобережной Украине гетманы (Дорошенко и др.) тяготели к Польше и искали ее покровитель-

ства. В 1686 г. между Россией и Польшей был заключен вечный мир, по которому правобережная Украина осталась за Польшей, а Малороссия (левобережная Украина) — за Москвой.

632 *Баторий* (Batory) Стефан (1533–1586) — семиградский (трансильванский) князь (1571–1576), польский король (с 1576), избранный по настоянию среднепоместной шляхты. В 1579–1582 гг. принимал участие в Ливонской войне (1558–1583) и нанес ряд чувствительных поражений русским, сведя на нет все завоевания Ивана Грозного в Ливонии.

633 Речь идет об императоре российском Александре I и императоре французском Наполеоне I.

634 После неудачного бунта московских стрелецких полков, пытавшихся совершить дворцовый переворот (1698), в течение года было казнено 1182 стрельца и сослан 601, а следствие и казни продолжались до 1707 г.

635 См. комм. 228.

636 См. комм. 52.

637 Опричник — воин опричнины (от *древнерусск.* опричный — особый), отряда телохранителей Ивана IV Грозного и части государства (государева удела), выделенной в особое управление ради их содержания. В 1505 г. Грозный, согласившись остаться на царстве, выделил особо весь свой дворцовый обиход, часть бояр и служилых людей. В опричнину набрали 1000 человек, князей, дворян и пр., но число их скоро достигло 6000. Им было выделено несколько улиц в Москве и 20 городов с волостями. Остальное государство («земщина») управлялось по-старому «земскими» боярами. 300 человек опричников в Александровской слободе изображали род монастырской братии Грозного. Опричники пировали с царем, производили розыски и казни, наезды на Москву и др. города. См. также комм. 59.

638 Преторианцы (*лат.* praetoriani), преторианские когорты, в Древнем Риме привилегированная часть войска, первоначально отборная стража главнокомандующего, позже императоров; приобрели преобладающую силу во внутреннем управлении империи, свергая неугодных императоров и сажая на престол своих любимцев. В переносном смысле — наемные войска, служащие опорой власти, основанной на грубой силе. См. также комм. 79.

639 *Василий III* (1479–1533) — великий князь московский (с 1505), завел при себе почетную стражу из наемных иноземцев. При его сыне Иване IV Васильевиче Грозном (1530–1584), великом князе (с 1533)

и первом русском царе (с 1547), помимо множества ливонских пленных, поселенных в Москве и других русских городах, вызывались из-за рубежа толмачи-переводчики, хирурги и др. В царствование Федора Иоанновича (1584–1598) и Бориса Годунова (1598–1605) наблюдался дальнейший приток иностранцев в Россию. Буквально все воспоминания того периода свидетельствуют о «необычайной любезности» Годунова к иностранцам (см. напр.: *Конрад Буссов*. «Московская хроника 1584–1613 гг.» (http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Bussow/archeo.phtml?id=214).

640 Имеются в виду Лжедмитрий I (?–1606, Москва) — русский царь в 1605–1606 гг.; Михаил Федорович Романов (1596–1645) — первый русский царь с 1613 г. из династии Романовых; Алексей Михайлович Романов (1629–1676), царь с 1645 г. См. также комм. 47, 60, 65.

641 Речь идет о Северной войне (1700–1721) России (при участии Дании, Речи Посполитой, Саксонии, Пруссии и др.) со Швецией за выход к Балтийскому морю, которая началась для русских неудачной битвой при Нарве (1700), а завершилась заключением в финском городе Ништадт (30 августа 1721) «вечного, истинного, нерушимого мира на земле» со Швецией, признавшей присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (Ижорской земли), части Карелии со всеми островами Финского и Рижского заливов. См. также комм. 306.

642 Ливонская война (1558–1583) России со Швецией, Великим княжеством Литовским и Польшей (с 1569 — с Речью Посполитой) за побережье Балтийского моря, в ходе которой сначала был разгромлен Ливонский орден (1561), русские войска (1577) заняли ряд прибалтийских крепостей, а потом вынуждены были оборонять Псков (1581–1582) и другие крепости от шведских и польско-литовских войск, в конце концов не только потеряв все приобретения в Ливонии и Речи Посполитой, но и русские города и земли. См. также комм. 59.

643 Имеется в виду Тявзинский мирный договор (1595) между Россией и Швецией, по которому к России отошли Ям, Копорье и Ивангород, потерянные в конце Ливонской войны 1558–1583 гг. и отвоеванные у шведов в 1590 г., а также Корела и др.

644 В июле 1656 г. Россия объявила войну Швеции, и царь Алексей Михайлович приказал двинуть войско в Ливонию. После ряда успешных походов (взятие Динаурга, Кокенгузена, Дерпта), русским войскам все же пришлось отступить и заключить в тот же год невыгодный мир со шве-

дами в Кардиссе, по которому Россия принуждена была возвратить все завоеванные в Ливонии города.

645 Речь идет о заимствованиях слов: фискал — в рус. язык попало, возможно, через *польск.* fiskal — «юрист, прокурор» от *лат.* fiscalis — относящийся к казне, казенный, от fiscus — ящик для хранения денег, касса; государственная казна; комплимент — в рус. язык — через *нем.* kompliment или *итал.* complimento, *франц.* compliment — лестное выражение, любезность; церемония — во всех основных европейских языках от *лат.* caerimonia — благоговение, культовый обряд, в рус. язык попало через *польск.* ceremonia; секретарь — во всех основных европейских языках от *позднелат.* secretarius — доверенное лицо, в рус. язык через *нем.* Sekretär или *польск.* sekretarz; провинция — в итальянском и испанском языках от *лат.* provincia — провинция, область, в рус. язык попало через *польск.* prowincja; дедикация — в английском, немецком, французском языках от *лат.* dedication — посвящение, освящение; решпект — в немецком, английском и французском языках от *лат.* respectus — уважение, почтение, в рус. язык через *нем.* respekt; привилегия — в немецком языке от *лат.* privilegium — преимущество, льгота, в рус. язык попало, вероятно, через *польск.* przywilej; цыдула — cedula в рус. язык попало из *польск.* языка от *лат.* schedula — листок, записка.

646 Двух десятков языков.

647 Феодор и Иоанн — старшие братья Петра I: царевич Федор умер в 1682 г.; Иоанн (1666–1696) в 1682 г. утвержден Земским собором в качестве «первого» царя (его младший брат Петр I стал считаться «вторым» царем). Царствование Иоанна V Алексеевича (1682–1696) было номинальным: до 1689 г. фактически правила царевна Софья Алексеевна, затем Петр I. См. также комм. 51.

648 В августе 1689 г. по Москве распространился слух, что царь Петр ночью решил занять своими «потешными» полками Кремль, убить царевну и брата царя Ивана и взять власть в свои руки. Тогда фаворит царевны Софьи Алексеевны и глава Стрелецкого приказа Федор Шакловитый (?–1689) собрал стрелецкие полки, чтобы идти «великим собранием» на село Преображенское, где находился Петр, и побить всех его сторонников за их намерение убить царевну Софью. Но среди стрельцов были сторонники и Петра, которые снарядили двух единомышленников и послали их с вестью в Преображенское. После донесения Петр с небольшой свитой в тревоге поскакал в Троице-Сергиев монастырь. Следствием пережитых ужасов стрелецких выступлений была болезнь Петра: при сильном волнении у него начинались конвульсивные движения лица.

649 Весной 1697 г. в поисках союзников против Османской империи, для приглашения специалистов на русскую службу и закупки вооружения, в Европу из Москвы отправилось Великое посольство (250 человек), в которое вошел и сам Петр I. В 1798 г. посольство намеревалось выехать в Венецию, но неожиданно из Москвы пришли известия о бунте стрельцов и поездка была отменена.

650 См. комм. 25, 707.

651 См. комм. 1, 22.

652 См. комм. 91.

653 *Крюйс* Корнилий Иванович (1657–1727) — русский адмирал, по происхождению голландец, на русской службе с 1697 г. *Кроа* де (Croy), Крои, Круа Карл Евгений (1651–1702) — герцог, генерал-фельдмаршал (1700), француз из рода венгерских королей. *Вейде* Адам Адамович (1667–1720) — генерал от инфантерии, из семьи немецкого полковника, находившегося на русской службе.

654 *Шéреметев* Борис Петрович (1652–1719) — граф (1706), генерал-фельдмаршал (1701), сподвижник Петра I. С 1681 г. воевода, участвовал в Крымских походах. Во время Азовских походов 1695–1696 гг. командовал армией, действовавшей на Днепре против крымских татар. Во время Северной войны командовал войсками в Прибалтике, на Украине и в Померании, главнокомандующий армией в Полтавском сражении. Во время Прутского похода 1711 г. возглавлял главные силы русской армии.

655 *Меншиков* Александр Данилович (1673–1729) — светлейший князь (1707), генералиссимус (1727), сподвижник Петра I. Сыграл большую роль в Полтавском сражении (27 июня / 8 июля 1709), где командовал сначала авангардом, а затем левым флангом русской армии.

656 *Голицын* Михаил Михайлович (1675–1730) — князь, генерал-фельдмаршал (1725). Участник Азовских походов 1695–1696 гг. и Северной войны 1720–1721 гг. В 1720 г., командуя отрядом гребного флота, одержал победу в Гренгамском морском сражении.

657 Так называемые «воспитанникии Псалтыри и Часослова» — люди, получившие начальное образование в церковно-приходских школах (начальных школах, существовавших при церковных приходах в России).

658 Взалкал — здесь: захотел совершить что-либо.

659 См. комм. 28.

660 Овладенный — здесь, захваченный, охваченный.

661 *Суворов* Александр Васильевич (1729 или 1730–1800) — граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), выдающийся русский полководец, генералиссимус.

662 См. комм. 340.

663 См. комм. 340.

664 См. комм. 13.

665 Sine ira et studio (*лат.*) — без гнева и старания, беспристрастно.

666 См. комм. 1.

667 См. комм. 102.

668 См. комм. 339.

669 *Данте* Алигьиери (Dante Alighieri) (1265–1321) — знаменитый итальянский поэт; по инициативе еще одного знаменитого поэта Боккаччо (Boccaccio) Джованни (1313–1375) в 1373 г. во Флоренции была открыта специальная кафедра для изучения трудов и произведений великого флорентинца Данте.

670 Посто́ит — достоин не меньшего внимания.

671 Римско-католическая и Греко-православная церкви.

672 Пребываемость — здесь: неподвижность.

673 Средобежная и средостремительная — центробежная и центростремительная.

674 Лице — здесь: личность.

675 Александр I во главе сил антинаполеоновской коалиции вступил в капитулировавшую столицу Франции 19 марта 1814 г. Он въехал в Париж через Пантенские ворота и Сен-Жерменское предместье, верхом на светло-сером коне по имени Эклипс, который был когда-то подарен ему французским послом.

676 См. комм. 454.

677 *Уваров* Сергей Семенович (1786–1855) — министр просвещения (1834–1839), автор знаменитой формулы «православие, самодержавие, народность».

678 Строки стихотворения Г. Р. Державина:

> «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
> Металлов тверже он и выше пирамид;
> Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
> И времени полет его не сокрушит...»

Державин Г. Р. Памятник (1795)

679 Лира — струнный щипковый инструмент, который достался греческому божеству Аполлону, покровителю певцов и музыкантов, а затем стал атрибутом музы лирической поэзии Эрато, и, в конце концов, — символическим атрибутом поэта.

680 Хартия (от *греч.* chartes — бумага, грамота) — здесь: материал, на котором написана рукопись.

681 *Ломоносов* Михаил Васильевич (1711–1765); см. также комм. 57. *Карамзин* Николай Михайлович (1766–1826); см. также комм. 28. *Пушкин* Александр Сергеевич (1799–1837) — отцы-основатели новой русской литературы.

682 Речь идет о незаконченной эпической поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий», над которой он работал в 1760–1761 гг.

683 Имеются в виду «Письма русского путешественника» (1791–1792, отд. изд. 1801) беллетризированное описание поездки 23-летнего Н. М. Карамзина по Западной Европе (Германия, Швейцария, Франция и Англия) с мая 1789 по сентябрь 1790 г.

684 Имеется в виду «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) Н. М. Карамзина.

685 Имеется в виду «История государства Российского» Н. М. Карамзина, 1–8 тома которой были изданы в 1816–1817 гг., том 9 — в 1821 г., тома 10–11 — в 1824 г., а том 12, изданный уже после смерти историографа — в 1829 г., оканчивается описанием событий 1611–1612 гг.

686 *Долгорукий,* Долгорукой — Яков Федорович (1639–1720) сподвижник Петра I начиная со времени его борьбы за власть с царевной Софьей Алексеевной.

687 Фрагмент стихотворения А. С. Пушкина «Стансы» (1826).

688 Фрагмент речи «Слово похвальное блаженной памяти государю Петру Великому...», которую М. В. Ломоносов произнес в 1775 г. на публичном акте Академии наук.

За русскую старину

Статья была впервые опубликована в журнале «Москвитянин», 1845, ч. II, № 3, отд. VII «Смесь» как ответ на статью Е. Ф. Корша «Бретань и ее жители», опубликованную в журнале «Московские ведомости», 1845, № 25. До печати статья была прочтена славянофилам: И. В. Киреевскому, Аксаковым, Елагину, Хомякову, Языкову, Шевыреву — и получила их одобрение. В своей работе М. П. Погодин выступил против «хвалы Западным Хроникам Средних веков» и идеи, высказанной Коршем о том, что «Средний век не существовал для России, потому что и Русь не существовала для него» (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 8. СПб., 1894. С. 48–60). Текст печатается по: [*М. П. Погодин.*] За русскую старину (1845) // Историко-критические отрывки, М. Погодина. М., 1846. С. 437–446.

689 Московские Ведомости — старейшая газета в России, до 30-х гг. XIX в. единственная в Москве. Издавалась в 1756–1917 гг. (до 1842 г. выходила 2 раза в неделю, с 1842 г. — 3 раза, с 1859 г. — ежедневно). Основана Московским университетом и до 1909 г. принадлежала ему. В 1842–1848 гг. редактором-издателем газеты был Корш Евгений Федорович (1809–1897), журналист, переводчик, издатель, библиотечный деятель.

690 Статья Погодина была полемически направлена против статьи Е. Ф. Корша «Бретань и ее жители» (Московские ведомости. 1845. № 25–27). Погодин считал свою статью «настоящею profession de foi (исповеданием веры) славянофилов» (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 8. СПб., 1894. С. 50).

691 Имеется в виду работа французского историка Франсуа Гизо «История цивилизации в Европе» (*Guizot F.* Histoire générale de la civilisation en Europe. Paris, 1828).

692 Археографическая Комиссия — комиссия, учрежденная в С.-Петербурге при Министерстве народного просвещения в 1834 г. по инициативе историка П. М. Строева (см. также комм. 71). Согласно Уставу, комиссия нужна была для собирания, обработки и издания в свет актов и материалов, относящихся к истории и древностям России: 1) сочинений, составляющих славяно-русскую литературу, собственно исторического содержания, то есть летописей, хронографов, степенных книг, сказаний и других рукописей, в непосредственной связи с историей стоящих; 2) актов государственно-юридических, как то: грамот, уставов, наказов, судных дел, розысков и т. п. документов,

объясняющих законодательство, управление и судопроизводство, также родословных, разрядных и писцовых книг, статейных списков и проч. Притом ряд издаваемых комиссиею документов не должен был восходить ко времени позже 1700 г. Комиссии поручено было также занятие русскою нумизматикой, а в 1838 г. ей же поручено и издание исторических документов на иностранных языках, относящихся к русской истории.

693 Помещица Чванкина — персонаж стихотворной комедии «Хвастун» (1786) Княжнина Якова Борисовича (1742–1791) — одного из выдающихся деятелей русского Просвещения XVIII в. Герой его комедии — Верхолет выдает себя за важную придворную персону. Доверчивыми жертвами Верхолета становятся его дядя Простодум, вручивший проходимцу свои сбережения, и «богатая новоприезжая из деревни дворянка» Чванкина, готовая выдать за него свою дочь Милену.

Честон

Как! столько подлости вы можете иметь,
Чтоб уличить его в толь видной лжи не сметь!
И, быв знакомы мне, сударыня, так близко,
Хотите потакать, и потакать так низко?..
Не граф, поверьте мне, — хвастун престрашный он,
И это правда так, как то, что я Честон.

Чванкина

Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю.

Эти слова Чванкиной стали поговоркой.

694 Товер — Тауэр (*англ.* tower — башня), крепость в Лондоне, на берегу Темзы. Первоначально королевский замок, затем государственная тюрьма, арсенал и казарма, и, наконец, музей.

695 Индивидуум, индивид (от *лат.* individuum — неделимое), понятие, впервые введенное в научный оборот Цицероном как латинский аналог греческого термина «атом», для обозначения далее принципиально неразложимого элемента бытия социума — существа, которому присуще единство сознания.

696 Дагерротипы — фотографические снимки, фотографические изображения на металлических (серебряных или медных посеребренных — покрытых слоем йодистого серебра) пластинках, которые появились в 1839 г.

[697] Компендиум (от *лат.* compendium — сокращение, кратчайший путь), краткое пособие со сжатым изложением основ какой-либо науки, исследования и т. п.

[698] Хрестоматия (от *греч.* chrestos — хороший, полезный и manthanō — изучаю), учебное пособие, представляющее собой сборник систематически подобранных произведений и (или) отрывков из них.

[699] Пафос (от *греч.* pathos — страдание, чувство, страсть), воодушевление, восторженность, подъем.

[700] Имеется в виду экспансия Наполеона I Бонапарта в Россию в 1812 г., которую во времена Погодина называли «нашествием галлов и с ними двадесяти язык».

[701] Трудно сказать, что имел в виду Погодин под «наваждением легионов духов». По крайней мере, этого не понял критик В. Г. Белинский: «Последняя фраза — верх мистической бессмыслицы, непонятна; но остальное в этих словах все понятно: дело, изволите видеть, в том, что битва при Калке, битва Донская, нашествие литвы, наконец вторжение в Россию полчищ сына судьбы не стоили нам ни капли крови, и мы отделались от них одними слезами; мы не дрались, а только плакали!!». (*Белинский В. Г.* Славянский сборник // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 — август 1845. М., 1981. С. 395).

[702] Хам (*букв.* темный, загорелый, смуглый) согласно библейскому мифу, один из трех сыновей Ноя, от которых «населилась вся земля» после всемирного потопа, был проклят отцом за то, что насмеялся над его наготой (Быт. VI, 10, 20–27).

[703] Кошихинская эпоха — допетровская эпоха, время царствования Алексея Михайловича, названное так Погодиным по имени Кошихина (или Котошихина) Григория Карповича (ок. 1630–1667), подьячего посольского приказа, который в 1658 г. состоял при русском посольстве А. Л. Ордина-Нащокина в Валиесари, заключившем перемирие со шведами, а в 1661 г. присутствовал при заключении И. С. Прозоровским мирного договора в Кардисе, завершившем шведско-русскую войну 1656–1658 гг. По некоторым сведениям, продавал шведам копии секретных русских инструкций посольству. В 1664 г. бежал за границу, в 1666 г. был принят на шведскую службу, по заказу нового начальства написал труд «О России в царствование царя Алексея Михайловича», а в 1667 г. был обезглавлен за убийство в нетрезвом состоянии хозяина дома, в котором жил.

[704] Dixi et salvavi animam (*лат.*) — сказал и спас душу. Ср.: «Но если ты вразумлял беззаконника, а он не обратился от беззакония своего: то он умрет в беззаконии своем, а ты спас душу твою» (Иезекииль, III, 19).

Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала

Относительно статьи М. П. Погодин писал С. П. Шевыреву: «Спешу поделиться с тобой удовольствием — столько нашел я в своей кладовой драгоценных замечаний о Русской Истории, что сердце не нарадуется. Я писал на лоскутках и складывал в одно место, и не замечал, как они копились, а теперь как стал их собирать и низать на нитки, так сам удивился. Глава о различии Русской Истории с Европой получает характер государственный, и я разошлю ее к членам Государственного Совета, умеющим грамоте». Впервые статья вышла в первом номере журнала «Москвитянин» в 1845 (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 8. СПб., 1894. С. 113–116). Текст печатается по: *Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Историко-критические отрывки, М. Погодина. М., 1846. С. 57–82.

[705] В основе исторической концепции Тьерри лежала идея о борьбе между двумя классами: классом привилегированных, включавшим дворянство и духовенство, и третьим сословием, в состав которого Тьерри включал буржуазию, крестьянство и рабочий класс. Эта классовая борьба выросла из борьбы двух «рас»: «расы» побежденных против «расы» завоевателей, например, во Франции галло-римлян против франков («Письма об истории Франции»), в Англии англосаксов против норманнов («История завоевания Англии норманнами»); «раса» завоевателей в дальнейшем и становится привилегированным классом. Эта концепция Тьерри оказала сильное влияние на Погодина, который в своей статье цитирует «Историю завоевания Англии норманнами» французского историка. См. также комм. 159.

[706] Галлы — римское название кельтов вообще и в частности тех, которые жили в Галлии (*лат.* Gallia), которая в древности занимала территорию между р. По и Альпами (Цизальпинская Галлия) и между Альпами, Средиземным морем, Пиренеями, Атлантическим океаном (Трансальпийская Галлия). Были покорены сначала римлянами, а потом, спустя пять веков, романизированных галлов завоевали германские племена, кото-

рые в 486 г. победой франкского короля Хлодвига уничтожили остатки римского владычества и сделали Галлию центром франкской монархии, просуществовавшей до IX в.

Франки (*лат.* Franci, *нем.* Franken) — союз нескольких германских племен (III в.), разделившийся на две части: рипуарских (береговых; от *лат.* ripa — берег) франков (по Среднему Рейну) и салических (приморских; от *кельтск.* sal — море) франков (по Нижнему Рейну). Именно салические франки овладели Галлией и образовали Франкское государство. Представляя господствующую этническую группу, франки в нем составляли незначительное меньшинство населения (особенно к югу от Сены; к югу же от Луары поселений франков вообще были единицы). Местное галло-римское население ассимилировало завоевателей-франков, которые вошли в дальнейшем в состав северофранцузской и валлонской (междуречье Мааса и Луары), а также южнофранцузской (провансальской) народностей (южнее Луары).

707 Бритты (*лат.*, единственное число Britto, род. п. Brittonis; возможно, от *др.-кельт.*, brith — пестрый, разный, *индоевроп.* brit — болотистое место) — кельтские племена (сходные в языке и духовной культуре с кельтами Галлии), составлявшие основное население Британии с VIII в. до н. э. по V в. н. э. Завоеваны римлянами (сер. I в. — нач. V в.), но в отличие от галлов не поддались романизации. Затем, в ходе завоевания Британии (V–VI вв.) северогерманскими племенами англов, саксов, ютов и фризов, часть бриттов была истреблена, часть вытеснена в Уэльс, Шотландию и на полуостров Арморику (современная Бретань), а остатки, превращенные в рабов и зависимых людей, смешались с завоевателями, составив наряду с ними один из элементов будущей английской народности. Таким образом, кельтский элемент вошел в этнический состав английского народа, основу которого составили завоеватели — германцы (позднее в английскую народность влились выходцы из Скандинавии и Франции).

Норманны (от *сканд.* northman — «северный человек»; варяги от vaeringjar — «норманские воины», викинги, от vikings — «люди фиордов») — одно из названий, под которым были известны народы Скандинавии в VIII — середине XI вв. Прекрасные мореходы и воины, норманны плавали не только по Балтийскому морю, но и в водах Северной Атлантики и в Средиземном море. Сначала они снаряжали разрозненные экспедиции против Франкского государства, нападали на берега Англии, Шотландии и Ирландии, позднее — на Исландию. Население стран, ставших объектами их нападений, откупалось денежными контрибуциями («датские деньги»). Набеги норманнов, известных в

английской истории под именем датчан, оказали большое влияние на социально-политический строй Англии. Они захватили Северную и Северо-Восточную части острова и ввели там свои обычаи и порядки («Данелаг», «Денло» — «область датского права»). Потребности обороны в борьбе с датчанами создали серьезные предпосылки для политического объединения страны: в IX в. при короле Уэссекса Эгберте большая часть страны объединилась в одно государство, которое стало называться «Англия», при короле Альфреде Великом (правил в 871 — ок. 900) был составлен первый общеанглийский сборник законов, включивший многие положения более ранних англосаксонских правд. После смерти Альфреда его преемники еще сто лет сопротивлялись норманнам, пока в 1015 г. на остров не высадились войска датского короля Канута (Кнута), покорившие страну. В 1066 г. после битвы при Гастингсе (14 октября) Англия была завоевана нормандским герцогом Вильгельмом, который стал королем Англии, основателем новой, Нормандской династии (Вильгельм I Завоеватель, правил в 1066–1087). См. также комм. 22.

708 Испанцы — потомки кельтоиберийцев, вестготов, римлян и мавров, проживающие в основном на Пиренейском полуострове (*греч.* Iberia; *лат.* Hispania), который первоначально был населен племенами иберов и кельтов. Ок. XI в. до н. э. здесь появились финикийские колонии (Кадикс), позднее греческие (Сагунт) и карфагенские (Картагена). В 237–218 гг. южную половину завоевали карфагеняне. Карфагеняне были вытеснены римлянами, которые (II до н. э. — V н. э.) оказали большое влияние на местные племена и, в частности, положили начало созданию местных романских языков на основе т. н. народной латыни. В конце V века н. э. в Испанию проникли вандалы, свевы и аланы, потом вестготы, завоевавшие значительную часть страны. Они сыграли известную роль в формировании Испании, но сами растворились среди местного романизованного населения, восприняв его язык и культуру. Королевство вестготов было уничтожено в 711–718 гг. арабами и берберами, которых местное население называло маврами. Они создали самостоятельное мусульманское государство (с 923 г. халифат) со столицей в Кордове, позже (1031) распавшееся на несколько самостоятельных владений, последнее из которых — Гранада — было разрушено в 1492 г.

Вестготы (визиготы, тервинги) — германское племя, западная ветвь готов. Во 2-й половине V в. завоевали большую часть Испании, которая стала (после утраты ими в 507 г. Южной Галлии, захваченной франками) основной территорией королевства вестготов; его столицей с середины VI в. был г. Толедо. Вестготы — завоеватели, представлявшие в Вестготском королевстве господствующую этническую группу, приня-

ли католичество, постепенно смешались с местным испано-римским населением и были ассимилированы им. В 711 г. погиб последний король вестготов — Родерих (710–711), и Испания была завоевана арабами.

709 Италианцы, итальянцы — в I тыс. до н. э. значительную часть населения Апеннинского полуострова составляли италийские племена — «италики», одно из них — латины, жившие в области Лаций и основавшие Рим, в VI–II вв. до н. э. покорили остальные италийские племена и населявших север полуострова этрусков, лигуров, венетов, кельтов, а на юге полуострова и островах Сардиния, Сицилия и Корсика — греков, карфагенян и сикулов. В первых веках н. э. началось интенсивное смешение романизованного населения Апеннинского полуострова с рабами различного происхождения, а с V в. — с германскими племенами (вестготами, вандалами, остготами, лангобардами). В 476–774 гг., 476 г. в Италию вторгся Одоакр (около 431–493), во главе герулов, ругиев и др. германских племен, провозгласил себя королем и низверг последнего императора западной римской империи, Ромула Августула. В 493 г. он был свергнут королем остготов Теодорихом (ок. 454–526), который основал в Италии Остготское королевство. В 553 г. оно было разрушено Нарзесом, полководцем восточной римской империи. Подпавшая под власть последней, Италия управлялась экзархом из Равенны. Именно Нарзес, когда его в 567 г. уволили от должности экзарха, призвал, по преданию, из мести лангобардов в Италию.

Лонгобарды, лангобарды (*нем.* Langobarden, буквально — длиннобородые), германское племя. В I в. н. э. обитали по левому берегу нижнего течения Эльбы. В IV–V вв. продвинулись к бассейну среднего Дуная. В 568 г. во главе большого союза племен (саксы, сарматы и др.) вторглись под предводительством короля Альбоина в Северную Италию. В борьбе с Византией они завоевали территорию Ломбардии (получила название от лангобардов) и Тусцию (Тоскану), образовав свое королевство. Позднее лангобарды заняли Сполето и Беневенто, которые стали самостоятельными герцогствами. Во время завоевания лангобарды разрушали города, истребляли и изгоняли многих римских землевладельцев, конфискуя их имущество. Римское население должно было вносить в пользу завоевателей $^{1}/_{3}$ доходов. Они селились отдельно от римлян, кровнородственными группами под предводительством герцогов, сохранявших в королевстве лангобардов значительную самостоятельность. В 773–774 гг. при Дезидерии (король в 756–774) королевство Лангобардов было завоевано Карлом Великим и присоединено к Франкскому королевству.

710 Среднее сословие — здесь: городское сословие. В политическом смысле под не вполне определенным термином «среднее сословие» подразумевают обычно третье сословие, буржуазию (*франц.* bourgeoisie, от *позднелат.* burgus — укрепленный город) — первоначально городское сословие, в противоположность землевладельческому дворянству и духовенству; позднее класс капиталистов, хозяев промышленных и коммерческих предприятий, в противоположность классу наемных рабочих, пролетариату. К среднему сословию часто причисляют все непролетарские классы, в том числе лиц свободных профессий и чиновников. (Так, например, К. Маркс причислял к нему мелких промышленников, торговцев и рантье, ремесленников и крестьян, находящихся между капиталистами и пролетариатом. См.: «Манифест Коммунистической партии».)

711 Аристократия (от *греч.* aristos — лучший и kratos — власть) — высшее сословие по праву рождения, родовая, наследственная знать, обладающая властью и привилегиями.

712 Оправдывая претензии дворянства на политическую власть, его идеологи апеллировали к древней истории — дворяне представлялись потомками франков, завоевавших страну и подчинивших себе ее коренных обитателей, а третье сословие — потомками галлов, данников франков, племенем рабов, отпущенных на свободу благородными дворянами. С этих позиций суть Великой французской революции 1789–1794 гг. может быть охарактеризована словами бывшего императора Франции Наполеона Бонапарта (1769–1821) о том, что «галлы свергли иго франков», сказанными им в бытность пленником острова Святой Елены.

713 Сен-симонисты — последователи французского социалиста-утописта, графа Сен-Симона. См. также комм. 74.

Социалисты — сторонники социализма, учения, выдвигающего в качестве цели и идеала установление общества, в котором отсутствуют эксплуатация человека человеком и социальное угнетение, утверждаются социальное равенство и справедливость.

Коммунисты — сторонники коммунизма, одного из направлений социализма, целью и идеалом которого является общество, характеризующееся общественной собственностью на средства производства, соответствующей высокоразвитым производительным силам и обеспечивающей: всестороннее развитие личности; ликвидацию классов; общественное самоуправление; реализацию принципа «от каждого по способностям — каждому по потребностям».

Энциклопедисты – французские просветители, участвовавшие во главе с Д. Дидро в создании тридцатипятитомной «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751–1780). См. также комм. 223.

714 Нотабли (*франц.* notables, от *лат.* notabilis – значительный, выдающийся), во Франции XIV–XVIII вв. члены особого рода собрания (assemblée des notables), созывавшегося королем для обсуждения государственных, главным образом финансовых и административных, вопросов. В отличие от депутатов высшего органа сословного представительства (духовенства, дворянства, горожан) – Генеральных штатов (1302–1789), нотабли не избирались сословиями, а назначались королем из числа наиболее видных представителей дворянства, высшего духовенства, городских верхов. Накануне Великой французской революции собрание нотаблей в 1787 г. отклонило правительственные проекты, нарушавшие налоговые привилегии дворянства и духовенства. В 1788 г. последнее собрание нотаблей, созванное для обсуждения состава и порядка выборов депутатов в предстоявшие Генеральные штаты, заняло враждебную позицию по отношению к третьему сословию, высказавшись против удвоения числа депутатов этого сословия и требуя раздельного голосования по сословиям, что обеспечило бы дворянству и духовенству перевес в Генеральных штатах.

715 *Грахам*, Грагам (Graham) Джордж (1792–1861), английский государственный деятель, член палаты общин (с 1818), морской министр (1830–1834), затем входил в состав кабинета Р. Пиля и правительства «всех талантов» Дж. Абердина.

Пиль (Peel) Роберт (1788–1850) – британский государственный деятель, член палаты общин (с 1807), основатель консервативной партии, премьер-министр (1834–1835 и 1841–1846).

716 Гордий (*греч.* Gordios) – легендарный основатель Фригийского царства; согласно легенде, землепашец Гордий, был избран царем по указанию оракула как первый встречный, которого фригийцы увидели ехавшим на телеге. Став царем, он принес в дар Зевсу свою телегу и установил ее в храме, привязав при этом ярмо к дышлу таким сложным узлом, что никто не мог его развязать. Предсказание оракула якобы гласило, что тот, кто развяжет этот «гордиев узел», получит господство над миром. Согласно преданию, Александр Македонский в 334 г. до н. э. в ответ на предложение распутать этот узел разрубил его мечом. Отсюда выражение «разрубить гордиев узел», т. е. принять быстрое и смелое решение запутанного и сложного вопроса.

717 Генеалогически – здесь: по происхождению.

718 См. комм. 18.

719 Единодержавие — то же, что и монархия (*греч.* monarchia — единовластие), одновластие в управлении государством, однако в отличие от самодержавия — неограниченной власти одного лица, власть единодержавного монарха может быть ограничена.

720 См. комм. 334.

721 Здесь имеется в виду «Повесть временных лет», общерусский летописный свод, составленный в Киеве во втором десятилетии XII в. и положенный в основу большинства дошедших до настоящего времени летописных сводов.

722 См. комм. 25, 329.

723 См. комм. 330.

724 Бояре (от *старославянск.* оубои, бои — убийство, сражение), высшее сословие Древней и Московской Руси, в широком значении — родовая знать. Еще при первых князьях составился круг их ближайших советников и начальников дружин; сперва их называли «огнищане», позже «старшая дружина», «княжьи мужи» и просто «бояре». Все боярство было при дворе государей или на службе; местного значения оно не имело, и потому с усилением царской власти в XVI в. политическое значение боярства, как необходимых советников, стало падать, а при Петре I слилось с новым служилым дворянством, и звание «боярин» исчезло из политической жизни и лексики.

725 Король (*древ.-нем.* Karal от имени Карла Великого (742–814) — титул государя самостоятельного значительного государства (королевства) ниже императора, выше великого герцога.

726 Герцог, Дюк (*нем.* Herzog, *франц.* duc, *англ.* duke, *итал.* duca), у древних германцев военный вождь племени; в Средние века в Западной Европе — крепостной феодальный владетель, с конца Средних веков — один из высших дворянских титулов.

727 Вассал (*лат.* vassus — слуга), иначе ленник (*нем.* Lehn — земельное владение (или иной источник дохода), пожалованное какому-либо лицу в личное или наследственное пользование на условии выполнения военной или административной службы), землевладелец, подчиненный сеньору (*франц.* seigneur, от *лат.* senior — старший) и обязанный ему различными повинностями. Крупные феодалы, становясь вассалами верховного сеньора (сюзерена) — короля и получая от него земли, в

свою очередь имели вассалов — более мелких феодалов — и жаловали им земельные владения. Главной обязанностью вассала было несение за свой счет военной службы в течение определенного срока. Вассал должен был участвовать в суде и совете (курии) сеньора, содержать его со свитой (в известных случаях) и вносить некоторые платежи экстраординарного характера, прежде всего «помощь» (auxilium) для выкупа сеньора, попавшего в плен, и др., а также уплачивать рельеф (при смене владельца феода). Сеньор был обязан, кроме передачи лена, защищать вассала и его имущество.

[728] Наместники — должностные лица в Древней Руси, возглавлявшие вместе с волостелями местное управление (в т. ч. ведавшее судом, сбором пошлин и т. д.). Наместники правили в городах, волостели правили волостью, судили податных сельских людей. И те и другие вознаграждались за службу путем кормлений — путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности.

Прикащики — городовые приказчики, в Русском государстве XVI в. выборные из среды уездных служилых людей правители городов и уездов, которые подчинялись наместникам. Ведали делами служилых дворян, строительством и ремонтом городских крепостных сооружений, боеприпасами, сбором податей, отбыванием натуральных повинностей и пр. В военное время выполняли функции городского военного коменданта (подготовка города к обороне и т. п.).

Откупщики — лица, получавшие на откуп (за определенную плату) право сборов налогов и других государственных доходов.

[729] Десятичная дробь — дробь, знаменатель которой есть целая степень числа 10. Ее пишут без знаменателя, отделяя в числителе справа запятой столько цифр, сколько нулей содержится в знаменателе.

[730] Оброк — ежегодный сбор денег и продуктов с зависимых крестьян помещиками.

[731] Барщина — даровой принудительный труд зависимых крестьян, работавших собственным инвентарем в хозяйстве феодала.

[732] *Хлодвиг,* Кловис(Clovis) I или Клодвиг I (ок. 466–511), король (с 481) салических (*букв.* приморских; от *кельтск.* sal — море) франков, из династии Меровингов. Завершил завоевание германцами Галлии, основав Франкское государство со столицей в Париже.

Вильгельм Завоеватель — Вильгельм (William the Conqueror) I (1027 или 1028–1087), герцог Нормандии (с 1035), в 1066 г. высадился в Англии

и после битвы при Гастингсе, в которой разбил англосаксонские войска, занял английский престол.

Альбоин, Албоин (Alboin) (?–573) король (с 561) германского племени лангобардов (*нем.* Langobarden — длиннобородые), в 568 г. вторгся в Италию, завоевал северную часть страны (Ломбардию) и основал Лангобардское государство с главным городом Павией.

733 Постой, по Вл. Далю, стоянка, ночевка, привал или отдых в жилье по пути; вообще, временное житье в чужом доме, наем помещения, жилья (Вл. Даль).

734 Имеются в виду походы русских князей на Византию. Первый поход на Константинополь Русь совершила под предводительством Аскольда и Дира (около 866); затем были походы Олега (около 907), Игоря (941, 944), Святослава Игоревича (971).

735 См. комм. 161, 367.

736 См. комм. 25, 151, 329.

737 См. комм. 351, 356.

738 См. комм. 161.

739 См. комм. 231.

740 Салический закон (Lex Salica) или Салическая правда, запись обычного права салических франков (см. комм. 707). Записана (на вульгарной латыни с вкраплениями франкских слов и выражений) в начале VI в. по распоряжению короля Хлодвига I; при его преемниках дополнялась и перерабатывалась. Делится на титулы (главы). Содержит перечень преступлений и соответствующих им наказаний (налагавшихся главным образом в виде штрафов). Воспроизводит различные этапы архаичной судебной процедуры. Не испытала заметного влияния римских правоотношений, сохранив в почти неизмененном виде нормы германского обычного права.

741 Русская правда, свод древнерусского права XI–XII вв., нормы которого действовали до конца XV в. (до введения Судебника 1497). Сохранилась в трех редакциях: Краткой, Пространной, Сокращенной (списки XIII–XVIII вв.). Погодин цитирует текст Пространной Правды — второй редакции Русской Правды, созданной в 20–30 гг. XII в.

742 Русин — здесь: житель Киевской Руси.

743 Словенин — здесь: новгородец, житель Новгорода Великого.

744 См. комм. 28.

745 Кольми паче — тем более.

746 Заволочье — место или сторона за волоком — перевалом в верховьях рек, через которые тащили суда с товарами сухим путем — «волоком».

747 Словенский — здесь и далее в значении «славянский».

748 Поляне — восточнославянское племенное объединение VI–IX вв., обитавшее по берегам Днепра и низовьям его притоков от устья Припяти до Роси. Создали раннегосударственное объединение в Среднем Поднепровье — «Русскую землю» (первая половина IX в.), ставшее ядром Древнерусского государства.

Хозары — хазары, тюркоязычный народ, появившийся в Восточной Европе после гуннского нашествия (IV в.) и кочевавший в Западно-Прикаспийской степи. В VII–VIII вв. распространили власть к западу, покорили волжских болгар и завоевали Крым и Киев. Славянские племена полян, северян, радимичей и вятичей платили им дань.

Аскольд (Оскольд, Скальд). См. комм. 332.

749 Язычники — идолопоклонники, последователи язычества (от *церковнослав.* «языцы» — народы, иноземцы), т. е. нехристианских религий, в широком смысле — многобожия.

750 Нет инде — нет в другом месте.

751 Маис — кукуруза.

К графине Б.......ой, о начавшейся войне
(1853 года, Декабря 7)

Письмо написано М. П. Погодиным 7 декабря 1853 г. после его возвращения из путешествия по Европе 1853 г. по просьбе графини А. Д. Блудовой, просившей рассказать, что он видел и слышал в свое путешествие. Письмо произвело сильное впечатление в обществе и получило много похвальных откликов, в том числе и от императора Николая I (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 12. СПб., 1898. С. 523–536). Письмо М. П. Погодина графине Антонине Дмитриевне Блудовой (1813–1891) — дочери государственного и литературного деятеля Д. Н. Блудова, печатается по: [*Погодин М. П.*]. К Графине Б.......ой, о начавшей-

ся войне. (1853 года, Декабря 7) // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 70–80. Курсивом выделен текст, подчеркнутый в подлиннике рукою императора Николая I, в квадратных скобках даны его же собственноручные пометы на полях рукописи Погодина, хранящейся в Архиве Министерства иностранных дел (докл. 1853 г.). См.: http://www. rus-sky.com/gosudarstvo/tarasov/nic7.htm (Николай I и его время (документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков) / Вступительная статья, составление и примечания Б. Н. Тарасова).

752 В сентябре 1853 г. Погодин возвратился в Россию из заграничного путешествия.

753 Со времен знаменитого пирата Хайраддина Барбароссы, захватившего власть в Алжире (правил в 1519–1546) и признавшего себя вассалом турецкого султана Селима I, Алжир находился под сюзеренитетом Османской (Оттоманской) империи. В июне 1830 г. французская армия, высадившись в Алжире, разбила войска правителя и захватила его столицу, а затем, постепенно продвигаясь на Юг, всю страну, которая официально с 1834 г. стала колонией Франции.

754 Ост-Индская английская кампания (1600–1858), которая, получив во второй половине XVII в. от английского правительства право объявлять войну и заключать мир в Ост-Индии (Индия, Юго-Восточная Азия и Китай), распоряжаться своими армией и флотом, чеканить монету, учреждать военно-полевые суды, к этому времени из частной купеческой кампании превратилась в государственную организацию по управлению английскими владениями в Индии, в течение приблизительно 100 лет захватила почти весь Индостан. Последнее независимое индийское государство — государство сикхов в Пенджабе — было аннексировано в 1849 г.

755 В ответ на отказ Турции удовлетворить требование России о признании прав православной церкви в турецких владениях и ввиду революционной опасности, русские войска заняли принадлежавшие Турции Дунайские княжества — сначала Молдавию, а затем и Валахию — «в залог», до тех пор, пока Турция не удовлетворит требование России. Манифест «О движении российских войск в Придунайские княжества» был подписан 14 июня 1853 г., а 22 июня два корпуса русской армии перешли Прут и вступили на территорию Молдавии.

756 В результате ноябрьского восстания 1848 г. в Риме папа Пий IX бежал из города, а бывшее Папское государство 9 февраля 1849 г. было объявлено

республикой. Предполагалось, что Рим в скором времени превратится в столицу всей Италии и возглавит борьбу за окончательное освобождение от австрийского господства и объединение страны, однако в июне на помощь австрийским войскам пришла Франция, 3 июля 1849 г. в Рим вошли солдаты французского экспедиционного корпуса генерала Никола-Шарля-Виктора Удино (Oudinot) герцога Реджио (1791—1863), и Римская республика была упразднена.

[757] Речь идет об англо-китайской войне 1840–1842 гг., получившей название первой «опиумной войны», поводом для которой стала конфискация китайцами крупной контрабандной партии опиума, ввезенного в страну английскими торговцами, вопреки существовавшему там запрету на опиумоторговлю.

[758] Имеется в виду получивший широкий общественный резонанс случай с евреем Пачифико, английским подданным, уроженцем Гибралтара. В 1850 г., когда эскадры Англии, Франции и России крейсировали около берегов Греции, произошел еврейский погром в Афинах. В то время как соединенная англо-русско-французская комиссия определила убытки от этого погрома в несколько сот фунтов стерлингов, еврей Пачифико представил счет в 138 тыс. драхм за ограбление своего афинского дома и прибавил к этому претензию на 748 тыс. драхм. Английский адмирал и английский посол, ссылаясь на телеграмму министра иностранных дел лорда Пальмерстона, потребовали без всякого изучения дела, удовлетворения иска от слабого, едва сформировавшегося греческого правительства, ультимативно, в течение 24 часов, под угрозой бомбардировки Афин. Ответом на отказ греческого правительства послужила блокада всех греческих гаваней. Греция могла только протестовать против такого злоупотребления силой; посланники других государств в более или менее энергических выражениях высказали свое порицание образу действий Англии, французский посол был отозван из Лондона, сама королева Виктория, премьер Джон Россель и Верхняя палата парламента высказали осуждение действиям Пальмерстона. Однако последний, сославшись на то, что англичанин, где бы он ни находился, должен быть защищен в своих правах, сумел оправдать свои действия. Месяц спустя блокада была снята.

[759] Трактат — здесь: международный договор.

[760] *Пальмерстон* (Palmerston) Генри-Джон Темпль (1784–1865), лорд — английский государственный деятель, в 1830–1841 и 1846–1851 гг. министр иностранных дел, в 1852–1855 гг. министр внутренних дел, в 1855–1858 и 1859–1865 гг. министр-президент.

761 L'ordre du jour (*франц.*) — повесткой дня.

762 Знамя Луны — знамя ислама, наиболее распространенным символом которого является полумесяц или ущербная луна.

763 *Магомет*, Мохаммед или Мухаммед (*арабск.* «Восхваляемый»), Абул Казем бен Абдаллах (571–632) — основатель ислама.

764 Иуда (от *иврит.* Йегуда [Эль] — «да будет прославлен [Бог]») Искариот, один из Двенадцати апостолов, ближайший ученик Иисуса Христа, предавший своего Учителя и ставший для христианского сознания фигурой, олицетворяющей само предательство. В общине учеников Иисуса Иуда ведал общими расходами, т. е. был казначеем и носил с собой «денежный ящик» для подаяний. Именно с этой обязанностью связывается его корыстолюбие. Согласно Евангелиям, Иуда Искариот отправился к «первосвященникам» (Мф. 26:14) и предложил за определенную мзду выдать Иисуса: «И сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников...» (Мф. 26:15; ср. Мар. 14:10; Лук. 22:4–5). Выдал он Иисуса «множеству народа с мечами и кольями» своим поцелуем («поцелуй Иуды», вошедший в поговорку): «Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его, и ведите осторожно. / И пришед тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! И поцеловал Его. / А они возложили на Него руки свои и взяли Его» (Мар. 14:44–46). Однако после того, как Иисус был арестован, еще до суда, бичевания и казни Его на кресте, Иуда раскаялся, признал свою страшную вину, возвратил тридцать сребреников тем, от кого их получил, и кончил жизнь самоубийством: «И бросив сребреники в Храме, он вышел, пошел и удавился» (Мф. 27:3).

765 В 1812 г. русские войска разгромили вторгшуюся в Россию Великую армию Наполеона I, оккупировавшего к этому времени практически всю Европу. Из 678 тысяч наполеоновских солдат Россию смогли покинуть не более 20 тысяч. Заграничные походы русской армии и союзников 1813–1814 гг. завершились взятием Парижа (18 марта 1814), падением Наполеоновской империи и установлением новой европейской политической системы.

766 Собственно «волны революционного потока» были остановлены русскими войсками в Венгрии во время интервенции 140 тысячной армии Паскевича в мае-августе 1849 г. А в 1848 г. произошло два события, косвенным образом подпадающие под определение «контрреволюционных действий» России — это, в первую очередь, вмешательство России в прусско-датский конфликт из-за герцогств Шлезвиг и Голштиния. Начавшиеся в 1848 г. году волнения в принадлежавших Дании герцогствах

сопровождались вступлением туда в начале апреля прусских войск. Правительство Дании обратилось за помощью и посредничеством к Англии, Швеции и России. Все три державы высказались против территориального расчленения Датского королевства и отторжения от него Шлезвига и Голштинии в пользу Пруссии или будущей объединенной Германии. Но только Швеция и Россия оказали датскому королю реальную помощь. В конце апреля Николай предъявил Пруссии ультиматум с требованием вывести ее войска из оккупированной Ютландии. В подкрепление ультиматума царь направил к берегам Ютландии эскадру и двинул в Литву еще одну кавалерийскую дивизию. Шведское правительство перебросило на помощь Дании 15-тысячный корпус. В итоге Пруссия уступила. Во-вторых, это решительные превентивные меры России в отношении Молдавии и восставшей Валахии, куда вступили русские военные силы и находились до 1851 г.

767 Речь идет об Ольмюцском соглашении, заключенном Пруссией и Австрией 29 ноября 1850 г. при посредничестве России. По этому соглашению Пруссия была вынуждена временно отказаться от попыток утвердить свою гегемонию во внутригерманских делах.

768 Ультимат и ультиматиссим — ультиматум (*лат.* ultimus — самый последний), требование, сопровождаемое угрозой.

769 Венская нота, документ, принятый конференцией в Вене по восточному вопросу в июле 1853 г. После разрыва в мае 1853 г. дипломатических отношений России и Османской империи, в Вене посланники пяти европейских держав (Австрии, Англии, Франции, Пруссии) выработали текст примерительной ноты, суть которой заключалась в том, что спорные вопросы русско-турецких отношений ставились под контроль держав, подписавших Венскую ноту. Документ отправили в Петербург и Стамбул, содержание его удовлетворило императора Николая I, но было отвергнуто турецким султаном Абдул-Меджидом I.

770 Ультиматум, который вез А. С. Меншиков (1787–1869) в Константинополь, предусматривал решение (в пользу православной церкви) давнего дипломатического спора между церквами католической и православной о приоритете в «святых местах» (Иерусалиме и Вифлееме), входивших во владения Турции, а также признание права русского императора покровительствовать всем православным подданным султана.

771 В конце февраля 1853 г. в Стамбул был послан чрезвычайный посол князь А. С. Меншиков. Официальные переговоры с Портой начались 16 марта 1853 г. Цель миссии — добиться от султана, чтобы тот, в обмен

на постоянный союз, предложенный императором Николаем I, признал последнего законным покровителем православной церкви в Османской империи и ее 15-ти млн православных подданных. 21 мая 1853 г. переговоры были прекращены, дипломатические отношения разорваны, а под давлением турецкого общественного мнения султан 4 октября объявил войну России.

772 Русские дипломаты считали, что посольство Меншикова совершенно аналогично по существу посылке в январе 1853 г. австрийского представителя графа Х. Ф. Лейнингена в Константинополь с требованием воздержаться от затевавшейся турецким правительством карательной экспедиции в Черногорию. Ведя беспрестанные войны с Турцией, Черногория еще в XVII в. заложила основу политической самостоятельности, избавившись от таких форм вассальной зависимости, как обязательство по охране границ с Венецией и участие в военных походах на стороне османской армии. Однако Порта упорно продолжала считать Черногорию частью Османской империи. Черногория граничила с Северной Албанией и Герцеговиной, находившимися под турецкой властью, с венецианскими владениями на Далматинском побережье, которые после падения Венецианской республики (1797) перешли под власть Австрии. Добиваясь выхода к морю, черногорцы в 1852 г. вторглись в Северную Албанию и захватили крепость Жабляк. Этот локальный конфликт привел к черногорско-турецкой войне 1852–1853 гг. Черногория была близка к поражению, и только благодаря энергичному вмешательству Австрии и поддержке России катастрофа была предотвращена.

773 *Кюстин* (Custine) Астольф Луи Леонар де (1790–1857) — маркиз; автор книги «Россия в 1839 году», вышедшей в 1843 г. во Франции и многократно переиздававшейся в Европе. В ней он самым нелицеприятным образом отзывался о российской действительности и порядках, воспринимал Россию как страну «варваров» и рабов, всеобщего страха и «бюрократической тирании».

774 На волне революционных событий 1848 г. 31 марта во Франкфурте-на-Майне собрался Предпарламент, представлявший формально все германские государства (но состоявший преимущественно из делегатов южногерманских государств). Он принял решение о проведении выборов во всегерманское Национальное собрание, которое (Франкфуртский парламент) открылось во Франкфурте 18 мая 1848 г. Перед депутатами стояли две задачи: положить конец политической раздробленности страны и выработать формы государственного устройства новой Германии. По обоим вопросам возникли серьезные разногласия.

Одни хотели включить в состав объединенной Германии Австрию (с обширными негерманскими территориями), другие — исключить ее и тем самым закрепить ведущую роль Пруссии. Одни настаивали на демократической республике, другие — на консервативной монархии. В это время австрийское правительство сделало шаг, который должен был бы разрешить все сомнения. Министерство князя Шварценберга (Schwarzenberg) Феликса (1800–1852), даровало 7 марта 1849 г. всей Австрии общую конституцию, в которой это государство, с включением в него Венгрии и Италии, именовалось нераздельной конституционной монархией. В итоге стало ясно, что Австрия не заинтересована во вхождении в чисто германское государство; в результате пропрусским элементам удалось завоевать ведущие позиции в парламенте. 28 марта 1849 г. Франкфуртский парламент принял имперскую конституцию, прусский король Фридрих Вильгельм IV был избран императором; он должен был править страной совместно с демократически избранным парламентом — рейхстагом.

775 Бобыль — здесь: безземельный крестьянин, поденщик, батрак.

776 Формально до декабря 1855 г. Австрия, спасенная русскими войсками от гибели в 1849 г., сохраняла нейтралитет в Крымской войне, однако предпринимала различные антироссийские демарши, такие, например, как заключение в Берлине австро-прусского союзного договора на случай войны с Россией в апреле 1854 г. или же подписание в июне того же года австро-турецкой конвенции об оккупации Молдавии и Валахии австрийскими войсками.

777 Ввиду революционных событий в стране и октябрьского восстания 1848 г. в Вене, австрийское правительство и императорский двор Фердинанда I (1793–1875) переехали в моравский город Ольмюц (Оломоуц), где окружение императора заставило его отречься от престола в пользу младшего брата Франца Карла Иосифа (1802–1878), который, в свою очередь, уступил право на трон своему сыну, 18 летнему Францу Иосифу Карлу (1830–1916), ставшему императором Францем Иосифом I. В конце сентября — начале октября 1853 в Ольмюце, Варшаве и Потсдаме состоялись встречи императора Николая I с монархами и политическими деятелями Австрии и Пруссии.

778 *Франц Иосиф I* (Franz Joseph I) (1830–1916) — император Австрии, а после 1867 г. — император и король Австро-Венгрии. Занял трон 2 декабря 1848 г. в г. Ольмюц, в разгар революционных событий.

779 A la lettre — буквально (*франц.*).

780 Российские императрица Екатерина II (см. также комм. 54); императоры Павел I (1754–1801), император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II; Александр I (см. также комм. 481, 675).

781 Воеводина, историческая область на севере Сербии со столицей Нови-Сад, находившаяся до 1918 г. в составе Венгрии. См. также комм. 101.

Сирмия или Срем (*серб.* Сром, Срјем, *хорв.* Srem, *нем.* Syrmien, *лат.* Syrmium), Сремский комитат, до 1918 г. административный округ в Венгрии (Воеводина) с главным городом Вуковар.

Военная граница, часть Хорватии и Южной Венгрии, населенная граничарами — этнографической группой, в составе которой были беженцы из Сербии, Боснии, различных областей Хорватии. См. также комм. 509.

782 Меч Дамоклесов — «дамоклов меч», образное выражение, означающее постоянно угрожающую опасность при видимом благополучии. По древнегреческому преданию, сиракузский тиран Дионисий Старший (конец V–IV вв. до н. э.) предложил своему фавориту Дамоклу, считавшему его счастливейшим из смертных, на один день свой престол. Почувствовав себя самым счастливым из людей, Дамокл внезапно во время пира увидел над своей головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

783 Conditio sine qua non — непременное условие (*лат.*).

784 Entente cordiale — сердечным соглашением (*франц.*).

785 Бонапарт — племянник Наполеона I — Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), в декабре 1848 г. стал президентом Французской республики, а в декабре 1852 г. — императором Франции под именем Наполеона (Napoléon) III (правил в 1852–1870). См. также комм. 406, 1037.

786 Бурбоны — королевская династия во Франции и некоторых других Европейских государствах. См. также комм. 274.

787 Речь идет о политических движениях за объединение и создание единого и независимого государства Италия (Рисорджименто) и объединение Германии в единое национальное государство.

788 См. комм. 273.

789 Черногорцы — жители Черногории, теократического, а с 1851 г. самодержавного государства, в основном сербы, много веков успешно боров-

шегося против турок, считавших Черногорию своим вассалом. См. также комм. 772.

790 Сербы — южно-славянская народность, уже во второй половине VIII в. имевшая свое государство, а с 1389 по 1878 г. находившаяся под турецким игом. См. также комм. 101.

791 Босняки — боснийцы, славянское население (в основном сербы и хорваты) исторических областей Босния и Герцеговина, принявшее ислам во времена османского владычества, которое длилось с 1463 по 1878 г.

792 Кроаты, Далматинцы, Славонцы. См. комм. 548.

793 Самсон — символ богатыря. В Ветхом Завете — народный герой, убивший тысячу филистимлян ослиной челюстью, посеяв среди противников великий трепет и страх. Плененный с помощью предательства, ослепленный врагами и лишенный волшебной мощи, Самсон нашел в себе силы обрушить здание, под обломками которого погиб вместе со многими филистимлянами (Суд. 13:24, 25; 14–16).

794 Икона Иверской Божией Матери 27 апреля 999 г. прибыла по морю к Афону; названа по афонскому Иверскому монастырю, где находится в храме над внутренними вратами. Точный список доставлен с Афона в Москву 13 октября 1648 г.

795 *Сергий Радонежский* (в миру Варфоломей Кириллович) (ок. 1321–1391) — святой (канонизирован в 1452), преподобный, подвижник, активно влиявший на церковные и политические дела своего времени, основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря, где и похоронен.

796 *Абдул-Меджид* (1823–1861) — 31-й султан (с 1839) Османской империи, объявил России войну 4 октября 1853 г. 22 октября в Проливы вошла англо-французская эскадра. 23 октября турки переправились через Дунай и заняли городок Калафат, убив при этом несколько казаков. Одновременно были обстреляны в низовье Дуная суда русской речной флотилии. Через несколько дней 5-тысячный турецкий отряд захватил слабо охранявшийся пост Св. Николая на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. 20 октября император Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманскою Портою».

797 Ренегат (от *лат.* renegare — отрекаться), отступник, изменник.

798 Здесь имеются в виду — император Петр I и императрица Екатерина II. См. также комм. 24, 54.

799 Годуновская стена в Смоленске — мощные стены (высотой от 13 до 19 м при толщине до 6 м, длиной около 6,5 км) Смоленского кремля, отстроенные в 1595–1602 гг. Ф. С. Конем по приказу Б. Ф. Годунова (ок. 1552–1605), фактического правителя Московского государства 1584–1598 гг., русского царя в 1596–1602 гг.

800 Андрусовский мир — договор о перемирии, заключенный в д. Андрусово под Смоленском, окончил русско-польскую войну 1654–1667 гг. и зафиксировал признание Речью Посполитой вхождение левобережной Украины в состав России.

801 Полтавский день. См. также комм. 306.

Бородинский день — сражение под д. Бородино, состоявшееся 26 августа 1812 г. в 120 км от Москвы между французской армией Наполеона (135 тыс. чел., 587 орудий) и русской армией (132-тыс. чел., 624 орудия) под командованием М. И. Кутузова, в котором французские потери составили около 58 000, а русские — 44 000 человек. План Наполеона, желавшего разгромить российскую армию в генеральном сражении, не удался.

Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа. (Мая 27, 1854)

Ободренный успехом своего первого политического письма к А. Д. Блудовой о новых обстоятельствах, М. П. Погодин решил написать серию статей, посвященных событиям Крымской войны, и в течение 1854 г. написал 14 политических писем. «Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа» — седьмое письмо, написанное 24 мая 1854 г. 17 июня 1854 г. майские политические письма Погодина были переданы императору, который поблагодарил его «за верноподданническую откровенность», но сказал, что не во всем его взгляды и мысли «основательны и удобоприменяемы к практическому исполнению» (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 13. СПб., 1899. С. 85–86, 94–102, 116–118). Текст печатается по: Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа (Мая 27. 1854) // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 106–125.

[802] Имеется в виду письмо М. П. Погодина графине Антонине Дмитриевне Блудовой — «К Графине Б.......ой, о начавшейся войне (1853 года, Декабря 7)», открывавшее серию его историко-политических писем и записок в продолжении Крымской войны 1853–1856.

[803] Людовик Наполеон — Луи-Наполеон. См. комм. 785.

[804] Клеврет (от *лат.* collibertlis — сотоварищ-вольноотпущенник), товарищ, собрат, сторонник, приспешник, приверженец.

[805] Аландские острова (*швед.* Aland, *финск.* Ahvenanmaa), архипелаг, состоящий из 6,5 тыс. скалистых островов и шхер в южной части Ботнического залива Балтийского моря. В начале XIX в., как и вся Финляндия, входили в состав Швеции, после русско-шведской войны 1808–1809 гг. по Фридрихсгамскому мирному договору (1809) отошли к России.

[806] Россия соперничала с Персией за господство в Восточном Закавказье. В результате нескольких вооруженных конфликтов и войн (1722–1723, 1796, 1804–1813, 1826–1828) к России окончательно отошли Восточная Грузия (1801), Дербент, большая часть Азербайджана (1813), Восточная Армения (1828) и др.

Хивинское ханство, Бухарский эмират, Кокандское ханство — государства в Средней Азии, которые Россия пыталась подчинить, преодолевая сопротивление Великобритании, считавшей Афганистан и Центральную Азию зоной своих интересов. Усилиями русских войск под командованием генерала К. П. Кауфмана (1818–1882) в 1865–1866 гг. было подчинено, а в 1876 г. аннексировано Кокандское ханство. В 1866 г. войска русского генерала Кауфмана вторглись в Бухарский эмират, который в 1868 г. был превращен Россией в вассальное государство; в 1873 г. то же самое произошло с Хивинским ханством.

[807] Речь идет о небольших немецких княжествах Шварцбург-Рудольштадт (Schwarzburg-Rudolstadt) с главным городом Рудольштат и Липпе (Lippe) с главным городом Детмольд.

[808] Смысл слов Иисуса Христа, обращенных к Понтию Пилату: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был Предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18:36), уточняется в Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут...» (Мф. 6: 19–20). В Ветхом Завете (Моисеев завет) сформулирован закон, в основе которого принцип возмездия:

«Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» и т. д. (Исх. 21:24). Сентенция Погодина, основанная на библейских сюжетах, сводится к тому, что для людей уместно перенесение устремлений с «сокровищ на земле» на «сокровища на небе», т. е. к духовному; для государств же правомерен принцип возмездия.

809 *Грей* (Grey) Томас Филипп Робинзон (1781–1859) — граф, английский государственный деятель.

810 В Османской Турции фирман — указ султана, сенед — международное соглашение, внешнеполитический договор.

811 Фрачные враги — здесь: дипломатов и вообще гражданских лиц, принадлежащих к светскому обществу.

812 Враги мундирные — здесь: лиц военной и гражданской администрации.

813 После недолгого периода французской оккупации Италии, по решению Венского конгресса (1814–1815), в ней были восстановлены Папское государство, королевства (Сардиния, Обеих Сицилий), герцогства (Тоскана, Модена, Лукка, Сан-Марино, Парма). Ломбардия и Венеция отошли к Австрии, что вместе с фактическим контролем Австрии над всеми итальянскими государствами (кроме Сардинского королевства) обеспечивало австрийское господство в Италии.

814 Гибралтар (Gibraltar), мыс в южной части Пиренейского полуострова (испанская область Андалузия), у Гибралтарского пролива, соединяющего Атлантический океан со Средиземным морем. Англичане захватили Гибралтар в 1704. Испания неоднократно пыталась его возвратить, заключив соглашение с правительством Великобритании, или отобрать его силой, но неудачно.

815 Мальта (Malta), самый крупный остров Мальтийского архипелага в Средиземном море, между Сицилией и Тунисом. Захваченный англичанами (1800) и объявленный британской колонией (1813), многие годы служил важнейшей военной базой Великобритании.

816 Ионические острова, группа из 7 главных: Корфу (Керкира), Паксос, Левкада (Левка), Итака, Кефаления, Закинс (Занте) и Китера (Чериго) и множества мелких островов в Ионическом море, у западных берегов Балканского полуострова, были в 1797 г. заняты французами. В 1799 г. русско-турецкий флот изгнал французов, а в 1800 г. был подписан договор об образовании «Государства Семи Соединенных Островов» («Эптаниса»). В 1809 г. острова заняли англичане, и в 1815 г. было подпи-

сано соглашение, признававшее независимое «Государство Ионических Островов», однако под английским протекторатом.

817 Эпир — историческая область на северо-западе Греции, у Ионического моря, с середины XV в. — под властью турок.

Фессалия (Thessalia) — историческая область в средней части Греции, у побережья Эгейского моря, с конца XIV в. принадлежала Турции.

Албания — государство в западной части Балканского полуострова, на побережье Адриатического и Ионического морей, которое в XV в. заняли турки.

Греческие острова — острова Греческого архипелага, то есть островов Эгейского моря, которое и само иначе называется Архипелагом (от *итал.* Arcipelago, название, предложенное в XIII в. венецианцами для Эгейского моря).

818 См. комм. 101, 420, 439, 781, 789, 791.

819 См. *библ.*: «И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними» (Лк. 13:30).

820 Провиантский департамент Военного министерства занимался обеспечением войск и военных учреждений продовольствием.

821 *Негош* Данило Петрович (1826–1860) — князь Черногории (на престоле с 1851), при поддержке России добился перехода Черногории к светской форме правления и провозгласил себя князем (1852). Реорганизовал государственный аппарат и армию, активно поддерживал антитурецкие выступления в Герцеговине.

822 *Симич* Алекса (1800–1872) — премьер-министр Княжества Сербия (1843–1844; 1853–1855; 1856–1857).

823 *Вучич* — Вукич-Перишич Тома (1787–1859), член Регентского Совета Княжества Сербия (1839–1840; 1842).

824 Топчидер, долина в Сербии, недалеко от Белграда.

825 *Елачич* Йосип (1801–1859) — граф, национальный герой Хорватии. Служил в австрийской армии (с 1841 полковник, с 1848 генерал), в марте 1848 г. был назначен австрийским правительством баном (наместником), а затем главнокомандующим всеми войсками в Хорватии и Военной границы — территории, пограничной с Турцией. Воспользовавшись отказом венгерского правительства согласиться на национальную автономию Хорватии, разгромил военные силы Венгерской революции

1848–1849 гг., подавил октябрьское восстание в Вене (1848). После разгрома восстаний 1848 года Австрия осыпала генерала Елачича почестями и подарками, включая бронзовую статую самого героя верхом на коне с саблей, вытянутой в направлении Будапешта, а Хорватия обрела независимость от Венгрии и получила право на употребление хорватского языка в учреждениях и школах.

826 Польский король Ян III Собеский — см. комм. 190.

Император Николай I весной 1849 г. по просьбе Австрийской империи направил 100-тысячную армию в Венгрию, пытавшуюся освободиться от Австрии. Только благодаря этому Австрийская империя была спасена от развала, что, впрочем, не помешало Австрии, опасавшейся чрезмерного усиления позиций России на Балканах, вскоре занять недружественную России позицию в период Крымской войны и даже угрожать ей вступлением в войну на стороне враждебной России коалиции.

827 Типун — птичья болезнь, хрящеватый нарост на кончике языка.

828 Рейнский союз (*нем.* Rheinbund), объединение ряда германских государств под протекторатом Наполеона I в 1806–1813 гг.

829 Метрические книги, книги для официальной записи рождений, браков и смертей — т. е. реестры, в которых регистрировались акты гражданского состояния.

830 Ревизские сказки — именные списки населения Российской империи XVIII–XIX вв., охваченного ревизиями (переписями). Составлялись помещиками или их управляющими, в селениях государственных крестьян — старостами, в городах — представителями городского управления. В «сказки» включались все жители данного селения с указанием возраста и семейного положения, они содержали сведения не только о численности населения, но и о его географическом размещении, сословном и национальном составе.

831 Ревизия (от *позднелат.* revisio — пересмотр), перепись (персональный учет) податных сословий (крестьяне, мещане, купцы) в России была проведена десять раз, в том числе и в 1850 г. (9-я ревизия), на результаты которой ссылается Погодин.

832 Conditio sine qua non — (*лат.*, *букв.* «условие, без которого нет...»), непременное условие.

833 Против рожна прати не возможно — против рожна (рожно — острый кол, укрепленный в наклонном положении) прати (переть) — действо-

вать с негодными средствами против силы, когда все действия заведомо обречены на неудачу.

834 Ямщики (от *тат.* ям — дорога, ямчи — проводник), крестьяне, исполнявшие государственную извозную повинность.

835 Прогоны — деньги, выдаваемые чиновникам и военнослужащим на разъезды.

836 Эфемерный (*греч.* ephemeros — однодневный), недолговечный, мимолетный.

837 Дневи и злобе его — здесь: злоба дня, т. е. интерес данного дня и вообще данного времени, волнующий общество. Ср. библ.: «Довлеет дневи злоба его» или «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы» (Мф. 6:34).

838 «Двери, двери, премудростию вонмем» — слова божественной литургии, которые произносятся во время великого входа — перенесения святых даров с жертвенника на святой престол. В ранней христианской Церкви слова «Двери, двери...» относились к привратникам-стражам у церковных дверей храма, чтобы они тщательно наблюдали за входом в храм и не допускали с того времени кого-либо из оглашенных или кающихся лиц, которые не имели права присутствовать при совершении Таинства Святого Причащения. При утрате практического значения этого возгласа Церковь словами «Двери, двери...» приглашает верующих блюсти двери своего ума и сердца от сторонних помыслов и попечений. Слова «премудростию вонмем» призваны привлечь внимание христиан к осмысленному чтению символа веры, который и произносится вслед за этим возгласом.

839 Камень, его же небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла — *библ.* «камень, который отвергли строители, соделался главою угла» (Пс. 117: 22).

840 Погублю премудрость премудрых, и разум разумных уничтожу — ср. библ. слова первого послания св. Апостола Павла коринфянам: «Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну» (Коринф. 1:19).

841 Novus nascitur ordo (*лат.*) — рождается новый порядок; ср.: Saeculorum novus nascitur ordo (*лат.*) — рождается новый ряд веков.

842 Здесь речь идет об Османской и Австрийской империях.

843 Имеяй уши слышати, да слышит — *библ.* «кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 13: 9).

844 8 апреля 1854 г. союзный флот подошел к Одессе, а 10 апреля Одесса подверглась мощной бомбардировке соединенной англо-французской эскадры паровых военных кораблей, которая длилась 12 часов. Пять батарей были уничтожены. Вражеские корабли приблизились к берегу. Лишь 6-я батарея, имевшая всего 4 орудия, продолжала сражаться. Ею командовал прапорщик А. П. Щеголев, которому исполнился 21 год. Шесть часов Щеголев и его товарищи сдерживали огонь 350 орудий. Англо-французский флот покинул рейд Одессы. Подвиг Щеголева потряс всю Россию, его имя стало символом мужества и преданности воинскому долгу.

845 *Казарский* Александр Иванович (1797–1833) — герой русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в 1829 г. командовал 18-пушечным бригом «Меркурий» и 14 мая принял неравный бой с 2 турецкими линейными кораблями (184 орудия). Командир брига Казарский во время боя получил контузию головы, но, несмотря на это, оставался на посту и руководил боем. После 4-часового боя «Меркурий» вынудил противника прекратить преследование, нанеся его кораблям серьезные повреждения. За этот подвиг Казарскому в 1834 г. в Севастополе воздвигнут памятник с надписью «Казарскому. Потомству в пример».

846 Командующий Кавказским корпусом, князь Бебутов Василий Осипович (1791–1858) в ноябре 1853 г. под Баш-Кадыкларом небольшими силами (7000 пехоты и 2800 кавалерии, при 32 орудиях) разбил наголову 36-тыс. корпус Рейс-Ахмета-паши, взяв 24 орудия, 10 зарядных ящиков, знамя, 10 значков, весь лагерь и запасы.

847 Речь идет о разгроме в декабре 1853 г. войска кокандского хана (12–13 тыс. чел., 17 орудий) под стенами Перовского укрепления (Ак-Мечеть) на правом берегу р. Сыр-Дарья, комендантом которого был подполковник Огарев Михаил Васильевич (1819–1875). Три отряда русских солдат: основной под командованием майора Оренбургского линейного батальона № 4 Шкупа (350 человек пехоты и 190 казаков при 4-х орудиях и 2-х ракетных станках) и вспомогательные под командованием гарнизонного инженер-прапорщика Алексеева и штабс-капитана Оренбургского линейного батальона № 4 Погурского (по 80 человек из пехоты и матросов и одним орудием при каждом), бросились на неприятеля в штыки, опрокинув его, ворвались в лагерь, овладели всей кокандской артиллерией, уничтожили до 2000 чел. и обратили неприятеля в бегство, потеряв при этом 18 чел. убитыми и 38 ранеными.

848 *Демидов* Анатолий Николаевич (1812–1870) — князь Сан-Донато. Жил за границей, но Крымская война не оставила русского душой Демидова равнодушным. В январе 1854 г. он написал Николаю I, что предоставляет в его распоряжение свое имение и все свои заводы.

849 Вероятно, Яковлев Иван Алексеевич (1804–1882) — миллионер, владелец железных и медных заводов и полотняных фабрик.

850 *Юсупов* Николай Борисович (1827–1891) — князь, во время Крымской войны полностью снарядил за свой счет два пехотных батальона, за что был отмечен почетным придворным званием камер-юнкера.

851 *Карамзин* Андрей Николаевич (1814–1854) — старший сын историка Карамзина, полковник, убит в бою в мае 1854 г.

852 *Долгорукий* — вероятно, Долгоруков Григорий Алексеевич (1811–1856), князь (см.: Долгорукий Г. А., князь [Долгорукий Г. А., князь]. Крымская война: Из дневника князя... / Сообщ. дочерью князя Надеждой Григорьевной Малиновской // Русский архив. 1900. № 3. С. 451– 460).

853 *Свистунов* Алексей Николаевич (1808–1872) — директор департамента личного состава в Министерстве иностранных дел.

854 Сын графа Д. Н. Блудова — Блудов Андрей Дмитриевич (1817–1886), русский дипломат.

855 Монахи Троице-Сергиева монастыря, герои Куликовской битвы — Пересвет Александр (?–1380), поединок которого с татарским богатырем Темир-мурзой, в котором оба погибли, стал началом сражения, и Ослябя Родион (? — после 1398).

856 14 (2) сентября 1812 г. наполеоновская армия без боя вступила в Москву, оставленную жителями, а уже ночью того же дня город был охвачен пожаром, который к ночи 15 сентября усилился настолько, что Наполеон был вынужден покинуть Кремль. Пожар бушевал до 18 сентября и уничтожил большую часть Москвы. 19 октября французская армия (110 тысяч) с огромным обозом стала уходить из Москвы навстречу своей гибели.

857 У императора Николая I и императрицы Александры Федоровны было три дочери и четыре сына: Александр (1818–1881), Константин (1827–1892), Николай (1831–1891), Михаил (1832–1909).

858 Фрагмент стихотворения А. С. Хомякова «Раскаявшейся России» (1854).

О Русской политике на будущее время

Текст печатается по: [*Погодин М. П.*]. XV. В Сентябре. О Русской политике на будущее время // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 231–244.

859 Россия при императоре Петре I начинала воевать со Швецией за выход к Балтийскому морю в составе Северного Союза — антишведской коалиции России, Дании, Саксонии и Польши, заключенной в 1699 году. В начале Северной войны (1700–1721) этот Союз распался — потерпев поражение от шведов, Дания вышла из войны в 1700 г., Польша и Саксония — в 1706 г. Однако после победоносной для русских войск Полтавской битвы 1709 г. действие русско-датского союза против Швеции в Северной войне было возобновлено Копенгагенским союзным договором (1709). До этого Дания отказывалась присоединиться к любой антишведской коалиции. После этой Полтавской победы инициатива заключения нового союза с Россией исходила от самой Дании. Россия по этому договору не принимала на себя никаких субсидных обязательств. Позже к союзу присоединилась Пруссия (1713).

860 В период правления императрицы Екатерины II первая русско-турецкая война (1768–1774) завершилась Кючук-Кайнарджийским миром, по которому Россия получила полоску черноморского побережья между устьями Днепра и Южного Буга с крепостью Кинбурн, а также крепости Керчь и Еникале в Крыму. Кубань и Кабарда также отходили к России. Крым был признан независимым от Турции, что лишало Османскую империю юридического права вмешиваться в его внутренние дела и влиять на внешнюю политику крымского хана. Турция выплачивала контрибуцию в 4 млн рублей. Российская империя получила право иметь свой флот на Черном море, а русские корабли — право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Русское правительство добилось права выступать в качестве защитника прав христианских народов Османской империи. Молдавия и Валахия, чья автономия была восстановлена, фактически встали под российское покровительство. Вторая русско-турецкая война (1787–1791) завершилась Ясским мирным договором, который подтвердил передачу России Крыма и российский протекторат над Грузией. Границей между Россией и Турцией стала река Днестр (территория между Южным Бугом и Днестром, примыкающая к Черному морю, стала российской). Однако занятые к концу войны русскими войсками Бессарабию, Молдавию и Валахию пришлось вернуть Турции.

861 С 1789 г. и до 2-й половины XIX в. во Франции прошла череда революций и переворотов, сопровождавшихся принятием разнообразных конституций и сменой форм правления. Страна стала в этом отношении своеобразным испытательным полигоном, на котором отрабатывались всевозможные конституционные модели.

862 Павел — российский император Павел I. См. также комм. 780.

863 В ходе войны 2-й коалиции (Великобритания, Австрия, Россия, Турция, Королевство обеих Сицилий и др.) против Франции русские войска под командованием фельдмаршала А. В. Суворова (см. комм. 662) в сентябре 1799 г. совершили переход из Италии через Альпы в Швейцарию, где союзники-австрийцы предприняли по отношению к русским войскам предательские по существу действия (оставили без фуража и продовольствия, без оперативной информации, без помощи австрийских отрядов). События в Швейцарии раскрыли императору Павлу I двойственную политику Австрии и в октябре 1799 г. он расторг союз с ней, приказав Суворову возвратиться с армией в Россию.

864 См. комм. 196.

865 См.: *Погодин М. П.* 1854. В Апреле. Взгляд на Русскую политику в нынешнем столетии // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 81–91.

866 *Омер-паша* (австриец Михаил Латош, принявший ислам) (1806–1871) — турецкий генерал, в 1853–1856 гг. командовал турецкой армией.

867 Не совсем понятно, о каком Мустафе идет речь, в Силистрии комендантом был Мусса-паша, убитый 21 мая 1854 г. осколком русской бомбы во время осады крепости (см.: *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. Гл. XIII. http://adjudant.ru/crimea/bogdan13.htm), а генерал Мустафа-Зариф-паша воглавлял турецкие армии на Кавказском театре военных действий и не раз был бит русскими войсками под командованием князя Бебутова Василия Осиповича (1791–1858).

868 *Измаил-паша* (мадьяр Георгий Кмоти, принявший ислам) (1810–1865) — турецкий генерал.

869 *Горчаков* Михаил Дмитриевич (1793–1861) — генерал от артиллерии. В начале Крымской войны 1853–1856 гг. командовал войсками, действовавшими на Дунае, с 24 февраля 1855 г. главнокомандующий войсками в Крыму. В тяжелой обстановке проявил нерешительность, проиграл

сражение на Черной речке (4 августа 1855) и не сумел оказать необходимую помощь войскам, оборонявшим Севастополь. По его приказу русские войска оставили южную часть города.

870 *Нахимов* Павел Степанович (1802–1855) — русский адмирал (1855). В Крымскую войну, командуя эскадрой, разгромил турецкий флот в Синопском сражении (1853).

871 Дарданеллы, пролив между Европой и Малой Азией, соединяющий Мраморное море с Эгейским.

Эресунн (Зунд), единственный водный путь, соединяющий Балтийское море с Северным морем и Атлантическим океаном.

872 Ферула (*лат.* ferula — розга), гнетущий и бдительный надзор.

873 См. комм. 814.

874 Мекленбург — два великих герцогства в Германии.

875 1–5 сентября 1807 г. английская эскадра подвергла бомбардировке Копенгаген и захватила датско-норвежский флот.

876 Цольферейн (от *нем.* Zollverein, Deutscher Zollverein) — Германский таможенный союз, таможенное объединение ряда германских государств, созданное в 1834 г. под эгидой Пруссии.

877 Неутралитет — нейтралитет.

878 Бельты — Балтийские проливы — Большой и Малый Бельты.

879 См. комм. 56.

880 Голштиния (Holstein), герцогство в Северной Германии, с 1806 до 1864 г. владение Дании. Король Христиан (Christian) III (1503–1559), был родоначальником датской «королевской» старшей линии, а брат его, герцог готторпский Адольф (Adolf) (1526–1586) — гольштейн-готторпской династии, к которой принадлежал Карл-Петер-Ульрих, герцог Голштинский-Готторпский (1728–1762), внук Петра I, объявленный в 1742 г., как племянник императрицы Елизаветы, наследником российского престола, а в 1761 г. — российским императором Петром III. Таким образом, с 1761 г. в России царствовали потомки дочери Петра Великого Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского, которые по мужской линии происходили уже не от Романовых, а от Гольштейн-Готторпов (младшая ветвь Ольденбургской династии, существующей с XII в.) и вполне могли претендовать на датский престол.

881 Имеется в виду труд французского историка Тьера (Thiers) Луи Адольфа «История консульства и империи» (Histoire du Consulat et de l'Empire, 1845–1861).

882 *Ламенне*, Лямене (Lamennais) Фелисите Робер де (1782–1854), французский публицист и философ.

883 См.: *Погодин М. П.* Мая 27. Опасности России. О диверсиях и союзниках. Значение войны. Состояние народного духа // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 106–125.

884 Перспеяние — преуспеяние.

885 На Руси была принята и использовалась вплоть до реформы Петра I византийская схема летоисчисления с началом 1 марта 5508 г. до н. э. Счет дней в ней велся от Адама, который, исходя из библейских предпосылок, был создан в пятницу 1 марта 1 года данной эры. Исходя из того, что это произошло в середине шестого дня творения, по аналогии было принято считать, что Иисус родился в середине шестого тысячелетия, ибо «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3:8).

886 Строки из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1839).

887 См.: Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836. С. 36.

888 Свеаборг, крепость на островах в Финском заливе Балтийского моря, с 1809 г. в составе Российской империи, одна из баз Балтийского флота.

889 Динабург, русская крепость на р. Двина, построенная в 1810 г.

890 Брест, крепость на западной границе России, строительство которой началось в 1833 г.

891 Апофегма — афоризм, краткое остроумное изречение.

892 Entente cordiale — сердечное согласие; здесь — дружественное, партнерское соглашение (*франц.*).

893 Еролаш — ералаш (*тюрк.* aralas), беспорядок, путаница.

894 Икар, мифологический герой, сбежавший вместе со своим отцом Дедалом от преследований критского царя с помощью крыльев, изготовленных из перьев и воска. Во время полета он погиб, так как поднялся слишком близко к солнцу, которое растопило воск.

895 Вина нового не вливают в мехи старые. См. комм. 117.

896 *Добрыня*, дядя (брат Малуши Любечанки, ключницы княгини Ольги), воспитатель и воевода князя Владимира I Святославича («Владимира Красно Солнышко»), участник борьбы за киевский стол, походов на Полоцк (980), Волжско-Камскую Булгарию (985). Княжеский посадник в Новгороде. Прототип былинного богатыря Добрыни Никитича.

897 См. комм. 155.

898 В 1475 г. великий князь московский Иван III Васильевич отправил послов в Персию с целью склонить ее к союзу против Большой Орды. К этому же году относится установление торговли России и Персии.

899 Карамзин Н. М. писал об этом: «Неизмеримая Держава, основанная завоеваниями дикого Героя, Тамерлана, хотя не могла по его смерти устоять в своем величии и разделилась: однако ж имя Царства Чагатайского, составленного из Бухарин и Хорасана, еще гремело в Азии: Султан Абусаид, внук Тамерланова сына, Мирана, господствовал от берегов моря Каспийского до Мультана в Индии и, в 1468 г. убитый Персидским Царем Гассаном, оставил сию обширную страну в наследие сыновьям, коих междоусобие предвестило их общую гибель. Гуссеин Мирза, правнук второго Тамерланова сына, Омара, завладел Хорасаном; прославился многими победами, одержанными им над Татарами-Узбеками; любил добродетель, науки; слышал о величии Государя Российского и, желая его дружбы, в 1489 г. прислал в Москву какого-то богатыря Уруса для заключения союза с Иоанном. Может быть, он хотел, чтобы Великий Князь, имея связь с Ногаями, возбудил их против Узбеков. Но Царство Чагатайское отжило век свой: Хан Узбекский, Шай-Бег, в начале XVI в. изгнал Гуссеиновых сыновей из Хорасана, овладев и Бухариею, откуда последний Султан Тамерланова рода, Бабор, ушел в Индостан, где судьба определила ему быть основателем Империи так называемого Великого Могола» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 6, гл. 5).

900 Грузинское (кахетинское) посольство посетило Москву в 1492 г. (1-е посольство было в 1482) и передало просьбу о покровительстве кахетинского царя Александра I (1476–1511) Ивану III как защитнику всего православного христианства от давления мусульман.

901 Ширванское шахство со столицей в г. Шемаха (отсюда — Шамаханское), включавшее во второй половине XV в. все земли от р. Кура до г. Дербента, установило связи с Россией в 1465–1466 гг., а в 1499 г. посол Ширвана вел в Москве переговоры о заключении договора «о дружбе и согласии».

[902] *Захир-ад-дин Мухаммед Бабур* (1483–1530), узбекский и индийский правитель, полководец, основатель государства Великих Моголов (1526) в Индии. Посольство в Москву ко двору великого князя Московского и всея Руси Василия III Ивановича в 1533 г. мог прислать только сын Бабура — Хумайун Насир ад-дин (1508–1556), однако известно, что в сентябре 1533 г. (за два месяца до кончины великого князя, умершего в декабре) в Москву прибыл караван индийского купца Гусейна Хози, который привез для русского царя грамоту от своего владыки Бабур-Паши (к тому времени уже умершего) с предложением «быть в дружбе и братстве».

[903] В 1557 г. хивинский и бухарский ханы прислали ко двору царя Ивана Васильевича Грозного посольство, состоявшее из знатных придворных ханов, привезших богатые дары. Послы просили права торговать узбекским купцам в русских городах.

[904] «Указ» этот появился в результате истории, связанной с японцем по имени Денбей (Дэнбэй) из города Осаки, попавшим в результате кораблекрушения на Камчатку и доставленным по личному указанию Петра I в Москву в конце декабря 1701 г. «Иноземец Денбей» — первый японец в Москве — 8 января 1702 г. был представлен Петру в Преображенском. Переводчиков, знавших японский язык, в Москве, не нашлось, но Денбей, живший среди служилых людей два года, говорил немного по-русски. После беседы с японцем в тот же день последовал царский «именной указ», в котором говорилось: «1702 г. генваря в 8 день, по указу великого государя присланный из Якуцкого иноземец Денбей ставлен перед великого государя в Преображенском. И великий государь... указывал его, Денбея, на Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить их японскому языку и грамоте. А в крещении в православную христианскую веру дать ему, иноземцу, на волю и его, иноземца, утешать и говорить ему: как он русскому языку и грамоте научит — и ево отпустят в Японскую землю. А ныне ему, иноземцу, пока он в Москве будет, давать своего великого государя жалования на корм и на одежду».

О влиянии внешней политики нашей на внутреннюю

Октябрьское письмо М. П. Погодина из цикла политических писем, посвященных событиям Крымской войны 1853–1854. Желая представить письмо на рассмотрение императора Николая I, Погодин обратился за помощью к графу В. Ф. Адлербергу (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 13. СПб., 1899. С. 157–171).

Текст печатается по: *Погодин М. П.* XVI. Октября 18. О влиянии внешней политики нашей на управление // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 245–271.

905 Тема «неблагодарности» и «нескромности» маркиза была очень популярна в русском обществе, встретившем его пасквильную книгу о России с негодованием. (См.: *Кюстин А. де.* Несколько слов издателя о втором издании (1843) // Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Пер. с фр. Под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. Т. 1. М., 1996. С. 7.)

906 Вахмистр (от *нем.* Wachmeister) — младший командный чин, аналог современного старшины

907 Гофмаршал ведал дворцовым хозяйством (снабжением царского двора, устройством празднеств, приемов и т. д.). Во времена Погодина в России это не только должность, но и придворный чин III класса (тайный советник; генерал-лейтенант; вице-адмирал) по «Табели о рангах», к которому принято было обращаться «Ваше превосходительство».

908 См. комм. 10, 35.

909 *Ливен* Дарья (Доротея) Христофоровна (урожд. Бенкендорф, сестра шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа) (1786–1857) — жена военного министра, русского посла в Берлине (с 1809) и Лондоне (с 1812 по 1834 г.) князя Ливена. С 1837 г. — любовница Франсуа Гизо. Некоторые исследователи считают ее агентом русского правительства, чуть ли не первой русской разведчицей. Однако достоверно лишь то, что в европейском политическом мире мнение этой дамы, некогда пробудившей страсть в сердце австрийского канцлера К. Меттерниха и министра иностранных дел Англии Д. Каннинга, имело, несмотря на свою неофициальность, немалый вес. Княгиня открыла блестящий светский салон в Лондоне, затем, после смерти мужа (1838), в Париже, где бывали небезынтересные для российского государства политики и дипломаты. Неофициальным руководителем салона с 1840 по 1848 г. был Ф. Гизо. (Об отношениях княгини с Гизо см.: *Таньшина Н. П.* Княгиня Дарья Ливен и Франсуа Гизо. Из истории русско-французских отношений в годы Июльской монархии // Россия и Франция: XVIII–XX века / Отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 6. М., 2005).

910 Рекрут (*нем.* Rekrut, от *франц.* recruter — набирать войско) — лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности. Рекрутская повинность в России введена указом Петра I в 1705 г. Срок службы рекрута в русской армии первоначально был пожизненным, а с 1834 г. по

1855 г. составлял 20 лет с последующим пребыванием в так называемом бессрочном отпуске в течение 5 лет. Возраст рекрутов в 1831–1855 гг. колебался от 20 до 35 лет. В 1831 г. были введены ежегодные наборы, которые делились на обычные — 5–7 человек с 1000 душ, усиленные — 7–10 человек и чрезвычайные — свыше 10 человек. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. набор доходил до 50–70 человек с 1000 душ, не считая ополчения.

911 Квас, как известно, делается из недоеденных, зачерствевших остатков черного хлеба, таким образом, человек, перебивающийся с хлеба на квас, не имеет ничего съестного, кроме черствого хлеба. И переносное значение этой поговорки точно такое же: с трудом сводить концы с концами, бедствовать.

912 Аналогия со знаменитой битвой 480 г. до н. э. у Фермопил, когда небольшой отряд (триста воинов) спартанского царя Леонида героически погиб, сдерживая многотысячную армию персидского царя Ксеркса. К таким сравнениям Погодина подталкивали факты, когда, например, в одном из эпизодов Крымской (Восточной) войны (в конце 1853 года) правое крыло русской армии, насчитывающее всего до 7 тыс. чел., разбросанных на расстоянии 30 верст, вынуждено было противостоять 40 тыс. войску Омер-паши и сильному турецкому отряду в районе г. Видина и местечка Калафат.

913 Речь идет о событиях Крымской (Восточной) войны (1853–1856), в которой Россия в борьбе за господство в бассейне Черного моря, на Кавказе и на Балканах противостояла коалиции Османской империи, Великобритании, Франции и Сардинии. Погодин упоминает сражения, состоявшиеся в 1853–1854 гг. Так, еще до объявления войны турки захватили Ольтеницкий карантин на левом берегу Дуная. Шеститысячный русский отряд 4 ноября 1853 г. атаковал турок и, несмотря на их численное превосходство (14 тыс. чел.), почти занял турецкие укрепления, однако командовавший русскими войсками генерал П. А. Данненберг не довел дела до конца и отступил с потерей около 1 тыс. человек. В середине февраля 1854 г. сильно укрепленные позиции, занятые 30 тыс. турок под командованием Ахмед-паши, были окружены 40-тыс. силами русских под командованием генерала Анрепа-Эльмпта. После ряда безуспешных штурмов русские были вынуждены в мае отвести свои войска, причем от военных действий, болезней и лишений погибли 20 тыс. чел. Турки потеряли 12 тыс. чел. Неудачной оказалась также осада Силистрии. 20 марта 1854 г. после турецкой победы при Ольтенице и победы русского флота над турками при Синопе в 1853 г. русские войска под командованием фельдмаршала И. Ф. Па-

скевича перешли через Дунай и в мае осадили эту турецкую крепость. При содействии английских военных советников турецкий гарнизон упорно оборонялся. Нерешительность русских войск, действовавших только с восточной стороны, тогда как с запада турки подвозили припасы, позволила гарнизону продержаться до 22 июня, когда после шести неудачных штурмов, потеряв 10 тыс. чел., контуженный при рекогносцировке Паскевич приказал снять осаду. После ухода русских войск из-под Силистрии, Омер-паша решился перейти в наступление. Сосредоточив более 30 тыс. чел., он 7 июля 1854 г. стал переправляться через Дунай и, после боя с малочисленным русским отрядом, упорно оборонявшим остров Радоман, овладел г. Журжей, потеряв при этом до 5 тыс. чел. Хотя затем он остановил свое наступление, в конце июля русская армия покинула Молдавию и Валахию, куда вошли австрийские и турецкие войска. В Закавказье турецкая армия в 120 тыс. человек под командованием Мустафы-Зариф-паши в мае 1854 г. перешла в наступление против 40-тыс. русского корпуса В. О. Бебутова. Однако, после ряда успешных действий русских войск, 5 августа в сражении при Кюрюк-Дара турецкая армия была разгромлена. Затем 14–18 сентября 1854 г. объединенная англо-франко-турецкая армия высадилась в Крыму у озера Кизил-Яр и двинулась на Севастополь. Командующий русскими войсками в Крыму А. С. Меншиков, который не смог из-за недостатка сил помешать высадке союзников, попытался 20 сентября задержать их на р. Альма, но потерпел поражение и отступил к Бахчисараю.

914 Хотя в Европейской России в 1842 г. был собран лучший урожай ржи за последние десять лет, природные катаклизмы 1843, 1844, 1845 гг. обусловили «ужасы голода», о котором пишет Погодин, — в то время как на севере, так и на западе градобития (так, в 1843 г., по далеко не полным данным, отмечено 326 градобитий, которыми было уничтожено 209 835 десятин посевов на общую сумму 1 919 789 руб. Особенно губительным было градобитие «в роковой день 27 мая 1843 года», когда «градовые извержения простерлись» от Балтийского моря до Черного, от Немана и Днестра до Волги. Градобитие захватило по одним данным 15, по другим — 17 губерний), непрерывные проливные дожди, наводнения (так, в 1844 г. жители западных губерний собирали хлеб, разъезжая в лодках по пашням, покрытым водой) убивали растительность, в южных губерниях посевы страдали от засухи, саранчи (в Таврической, Екатеринославской, Астраханской губерниях, в Ставропольском крае) и холодов (так, 8 августа 1844 г. в Киевской губ. выпал снег глубиной в пол-аршина, а зима 1844–1845 г. была жестокой по всей России). Особенно тяжелый голод в эти годы был в Саратовской, Екатеринославской, в западных, северо-западных и северных губерниях.

915 В начале 1840-х гг. цены за четверть (четверть — старинная русская мера сыпучих тел, равная приблизительно 210 килограммам) ржаной муки колебались от 1 руб. 70 коп. до 10 руб. 53 коп. Эксперты же считали, что средние цены на пуд ржаной муки при покупке на рынке должны быть не более 40 коп., а при покупке на месте — 25 коп.

916 Схоластическое — учение, относящееся к схоластике (*лат.* scholastica — школьные риторические упражнения, школьные диспуты), типу религиозной философии, стремящейся дать рациональное теоретическое обоснование религиозному мировоззрению путем применения логических методов доказательства. Для схоластики характерно обращение к Библии как к основному источнику знаний. В переносном значении, в котором и употребляет этот термин Погодин, — оторванное от жизни, пустое, зряшное теоретизирование, закованное в догматические рамки, бесплодное умствование.

917 *Платон* (в миру Петр Егорович Левшин) (1737–1812) — митрополит Московский, проповедник, историк церкви. Был законоучителем цесаревича Павла. За ум и образованность был прозван французским философом Вольтером «русским Платоном».

918 Штуцер (от *нем.* Stutzen, буквально — обрез), ружья с нарезами в канале ствола, предшественники винтовок, заряжались с дула.

919 «Бомбическими» назывались тяжелые пушки, стрелявшие разрывными сферическими бомбами.

920 Заборник — забор.

921 Реляции — донесения о военных действиях.

922 Винные откупа — система взимания косвенного налога, при которой отдается на откуп частным предпринимателям право торговли вином. Откупщики платили государству заранее оговоренную денежную сумму, получая право на откуп на публичных торгах. Если в 1781 г. русское государство получало от винных откупов 10 млн рублей, в начале XIX в. — около 12 млн рублей (25% всех доходов), то в 1859–1863 гг. — 128 млн рублей (40% всех доходов). Народ спаивался, а на основе винных откупов складывались крупнейшие состояния многих представителей купечества (Яковлевых, Злобиных, Кокоревых и др.), обогащалось дворянство (Долгорукие, Гагарины, Куракины и др.). После реформы 1861 г. винные откупа были ликвидированы и в 1863 г. заменены другим видом косвенного налога — акцизом.

923 *Канкрин* Егор Францевич (1774–1845) — министр финансов России (1823–1844), граф (1829). Именно по его инициативе в 1827 г. государ-

ство, после попытки изменить в 1817 г. систему винных откупов, вновь вернулось к выгодной в финансовом отношении откупной системе продажи вина, средства от которой шли и на военные расходы.

924 См. комм. 225.

925 Одинакие — одинаковые, одни и те же.

926 См. комм. 54.

927 Убоялась страха, идеже не бе страха — *букв.* убоялась страха, где нет страха. Ср. *библ.*: «Тамо убояшася страха, идеже не бе страх» (Пс. 13:5).

928 Имеются в виду события в лейб-гвардии Семеновском полку 16–18 октября 1820 г., когда солдаты выступили против произвола и жестокости командира — полковника Ф. Е. Шварца, который «бил солдат по лицу, щипал их за нос и губы, пинал ногой в живот, дергал за усы, плевал в лицо и заставлял солдат плевать друг на друга», при этом он нарушал не только моральные нормы, но писаные и неписаные законы русской армии: по Манифесту 13 февраля 1807 г. нельзя было наказывать телесно лиц, имеющих боевые награды, а Шварц это делал. В результате полк был расформирован, офицеры разосланы в различные армейские полки, девять солдат выдержав 6000 ударов палками, были отправлены в Сибирь, а четыре офицера, лишенные «чести и имения», «чинов и орденов» — на Кавказ. История эта имела широкий общественный резонанс (см.: *Лапин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991).

929 Речь идет о восстании 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге, которое подняли члены тайных обществ, главным образом офицеры, участники Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1815 гг., члены масонских лож. В ряду причин, подвигнувших к вооруженному выступлению, обычно указывают на заграничные походы дошедшей до Парижа и оккупировавшей его русской армии, во время чего у многих офицеров возникла мысль о необходимости «пересадить Францию в Россию» (Розен), а также на недостатки государственного управления в самой России, которые связывались с именем графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769–1834), который с 1815 по 1825 г. являлся доверенным лицом императора Александра I, единственным докладчиком по большинству ведомств. Режим, который насаждал Аракчеев, характеризовался палочной дисциплиной и бессмысленной муштрой в армии, мелочно-формальной регламентацией, жестоким подавлением любых проявлений недовольства, наряду с внешне-показным блеском. «Неистовства» Аракчеева вызывали отторжение в армии и обществе,

а слово «аракчеевщина» стало нарицательным для характеристики произвола и полицейских методов.

930 Имеется в виду вооруженное антироссийское восстание в ноябре 1830 — октябре 1831 г. в Царстве Польском, Литве, части Белоруссии, на Правобережной Украине.

931 Наместник — в России глава местного управления в 2–3 губерниях, которые составляли наместничество. Ему предоставлялись чрезвычайные полномочия и право общего надзора над всем местным аппаратом управления и суда, а также ведение войсками, расположенными на территории наместничества. В описываемое Погодиным время наместничества, упраздненные императором Павлом I, существовали только в Царстве Польском (1815–1874) и на Кавказе (1844–1883). Фактическим наместником Царства Польского до 1831 был Константин Павлович (1779–1831), великий князь, второй сын императора Павла I, цесаревич, отрекшийся в 1823 г. от русского престола. Он же с 1814 г. являлся главнокомандующим польской армией.

932 См. комм. 11, 447.

933 Децемвиры (*лат.* decemviri, от decem — десять и vir — муж, человек), в Древнем Риме коллегия из 10 человек, избираемая для выполнения специальных государственных поручений (судебных дел, вопросов культа, записи законов и т. д.).

934 Циклопы (киклопы), вымышленные сверхъестественные одноглазые существа греческой мифологии, символизирующие варварство. Согласно Вергилию, циклопы, будучи подручными Гефеста в недрах вулкана Этна, выковали колесницу Марса, эгиду (щит) Паллады и доспехи Энея, поэтому с циклопами связывались древние объяснения природы вулканов.

935 Почечуй — то же, что геморрой — расширение вен нижней части прямой кишки, сопровождающееся кровотечением и т. п.

936 Удар — то же, что инсульт — острое нарушение мозгового кровообращения от кровоизлияния в мозг

937 Окуривание хлором — способ дезинфекции, который был предложен в 1773 г. французским химиком Гитоном де Морво.

938 Каломель — соединение ртути с хлором, применявшееся в медицине как слабительное средство

939 См. комм. 882.

940 Дворянство — одно из высших сословий общества, обладавшее закрепленными в законе и передаваемыми по наследству привилегиями. В отличие от западноевропейского дворянства — родовой знати, аристократии (noblesse, nobility — от *лат.* nobilis — знатный), на Руси дворянство при своем возникновении, как верно отмечает Погодин, это служилый (военно-служилый) слой, противопоставляемый боярству — родовой аристократии. Служилый характер русского дворянства был закреплен петровской Табелью о рангах (1722), предусматривающей пополнение дворянства за счет выходцев из других сословий, получавших дворянство в результате продвижения по государственной службе: чиновникам XIV–IX классов давалось личное дворянство, с VIII (для военных с XII) класса — потомственное дворянство. См. также комм. 31, 34.

941 См. комм. 24, 51.

942 «Преображенскими раскольниками» называли сторонников одного из направлений старообрядчества — «федосеевщины», центром которого с 1770-х гг. было Преображенское кладбище в Москве.

943 В 1848 г. начались революции во Франции, Австрии, Венгрии, Германии, Италии, потрясшие Западную Европу.

944 Указом 30 апреля 1849 г. число студентов в каждом из шести университетов Российской империи повелевалось сократить до 300.

945 Минотавр — в древнегреческой мифологии — чудовище с туловищем человека и головой быка, порождение преступной связи жены Миноса Пасифаи и насланного Посейдоном морского быка. Он был помещен в построенный для него Дедалом лабиринт, где пожирал преступников и посылаемых из Афин на Крит в качестве дани юношей и девушек.

946 Прильпнул — прилип.

947 Ваканция или вакансия — здесь: незанятое служебное место.

948 Речь идет об увеличении платы за обучение с 1849–1850 учебного года до 50 руб. серебром в год в столичных университетах и до 40 руб. — в остальных. Такой уровень оплаты оказался непосильным для многих обедневших дворян, которые вынуждены были отказаться от получения высшего образования.

949 К податным сословиям в России XVIII–XIX вв. относились крестьяне и мещане, которые в отличие от неподатных сословий (дворянства, духовенства и гильдейского купечества) платили прямой налог государ-

ству — подушную подать, подвергались телесным наказаниям, выполняли рекрутскую и другие натуральные повинности, а также были ограничены в свободе передвижения.

950 Наряду с установлением численного предела обучавшихся в российских университетах (не более 300 своекоштных студентов в каждом, не считая медицинских факультетов), Министерством народного просвещения был объявлен запрет на прием лиц недворянского происхождения. К этому нужно добавить министерское запрещение заграничных командировок преподавателей и студентов с научными целями, а также прекращение чтения лекций по философии светскими профессорами с передачей преподавания логики и психологии ученым богословам.

951 В это время стал насаждаться жесткий контроль за всеми сторонами жизни и деятельности высшей школы. Профессора обязаны были до начала учебного года представлять деканам факультетов тексты своих лекций для утверждения, а затем направлять их в Публичную библиотеку в качестве обязательных подписанных экземпляров. Контроль за студентами со стороны инспектора университета и его помощников осуществлялся даже по месту жительства. Например, только за 1855 г. студенты Петербургского университета 1540 г. раз посещались ими на квартирах (см.: Годичный торжественный акт в С.-Петербургском университете 8 февраля 1856 года. СПб., 1856. С. 47).

952 Оргия (*греч.* orgia), разгульное, разнузданное пиршество, разгул.

953 Цензура (*лат.* censura), система государственного надзора (обычно в виде предварительного просмотра) за содержанием печатных изданий, театральных постановок и т. п. В России возникла в начале XVIII в. Делилась на общую (внутреннюю и иностранную) и ведомственную (духовная, военная, театральная и др.). Традиционно цензура вверялась Министерству народного просвещения, а руководило всею ее деятельностью Главное управление цензуры. «В помощь ему и для высшего руководства цензоров» утверждался Верховный цензурный комитет, состоявший из министров народного просвещения, внутренних и иностранных дел, местные цензурные комитеты — в Москве, Дерпте и Вильно. Право на цензуру, кроме того, оставалось за духовным ведомством, академией и университетами, некоторыми административными, центральными и местными учреждениями (в 1860-м насчитывалось 22 специальные цензуры). Деятельность этих учреждений в 1804–1865 гг. регулировалась цензурными уставами. Так, наиболее развернутый цензурный устав 1826 г. трактовал принципиальные задачи цензуры следующим образом: цензура должна контролировать

три сферы общественно-политической и культурной жизни общества: 1) права и внутреннюю безопасность, 2) направление общественного мнения согласно с настоящими обстоятельствами и видами правительства, 3) науку и воспитание юношества; цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы произведениям словесности, наук и искусства при издании их в свет посредством книгопечатания, гравирования и литографии дать полезное или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление.

954 *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708–1744), князь, русский сатирик. Автор девяти сатир («На хулящих учение», «На зависть и гордость дворян злонравных», «На бесстыдную нахальчивость», «О воспитании», «На человеческие злонравия» и т. п.), поэмы «Петрида», басен, переводов в прозе (Фонтенель, Монтескье) и в стихах (Гораций, Анакреонт) и т. д. Сочинения его «весьма много похвалялись современниками».

Державин. См. комм. 94.

Карамзин Николай Михайлович — знаменитый писатель и историк. Автор «Писем русского путешественника», «Бедной Лизы», многотомной «Истории государства российского», записок «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», «Мнение русского гражданина» и др. См. также комм. 28.

Крылов Иван Андреевич (1769–1844) — писатель, баснописец, журналист сатирического направления. Автор комедий «Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники», «Модная лавка», «Урок дочкам» и др., сатирических статей и стихотворных и прозаических произведений. Завоевал всемирную известность своими баснями.

955 Платон. См. комм. 91.

Эсхил (около 525–456 до н. э.), древнегреческий драматург. Автор трагедий «Персы», «Семеро против Фив», трилогии «Орестея», «Просительницы, или Молящие», «Прикованный Прометей» и др.

Тацит. См. комм. 297.

956 Водевиль, легкая комедийная пьеса, в которой диалог и драматическое действие, построенное на занимательной интриге, сочетаются с музыкой, песней и танцем. Драма, социально-бытовая пьеса, отличающаяся от комедии психологической глубиной конфликтов.

957 Большой свет — светское общество.

958 Ломберные столы — карточные, картежные, столы, покрытые обычно зеленым сукном, чье название произошло от испанской карточной игры ломбер.

959 См. комм. 199.

960 Имеется в виду III Отделение Его Императорского Величества Канцелярии, созданное 3 июля 1826 г. для организации политического сыска и борьбы с крамолой. Первые тридцать лет существования отделения им руководили сначала А. Х. Бенкендорф (1826–1844), затем А. Ф. Орлов (1844–1856) — главноуправляющие (одновременно шефы жандармов), которым помогали управляющие — М. Я. фон Фок (1826–1831), А. Н. Мордвинов (1831–1839), Л. В. Дубельт (1839–1856).

961 См. комм. 100.

962 Имеются в виду действия инквизиции (inquisitio, «судебное следствие»), духовного суда католической церкви для розыска и искоренения еретиков и неверующих, противников папской власти. Подозрения в ереси было достаточно для ареста, для свидетелей не было ограничений, признание в совершении преступления могло быть получено и пыткой. Наказаниями являлись: лишение гражданских и церковных прав, конфискация имущества, пожизненное заключение и смерть, обычно на костре. В Испании инквизиция введена в 1480 г. на сейме в Толедо, как королевский институт (первое аутодафе (*португ.* auto-de-fé, *букв.* акт веры) — оглашение и приведение в исполнение приговора инквизиции, в частности публичное сожжение осужденного на костре, было осуществлено в 1481), и служила для обогащения королевской казны. О масштабах ее деятельности свидетельствуют цифры: в Испании (1481–1808) сожжено живыми 31 912 человек, а 29 145 наказаны замурованием, галерами, конфискацией имущества.

963 Апелляции (*лат.* appellatio), обращения, жалобы.

964 Каждение (*церк.* кадить, жечь благовония, раскачивать и встряхивать кадило, по обряду церковной службы). В переносном значении — льстить кому-то, обольщать кого-то лестью.

965 Далай-Лама (*монг.* «великий, как море») — титул первосвященника ламаистской церкви, который считается одним из воплощений Будды

966 Либерализм (*лат.* liberalis — свободный) — здесь: свободомыслие.

967 Масонское общество — организация масонов (*франц.* francs-maçons — вольные каменщики), религиозно-этического движения, возникшего в начале XVIII в. в Великобритании и распространившего сеть своих тайных иерархизированных организаций (лож) в различных странах мира. Название, организация (объединение в ложи), традиции заимствованы ими от средневековых цехов (братств) строителей-камен-

щиков, отчасти от рыцарских и мистических орденов. Масоны стремились создать тайную всемирную организацию с целью мирного объединения человечества в религиозном братском союзе. Проповедь свободы, братской любви, взаимопомощи и нравственного самоусовершенствования в сочетании с культом избранности, элитарности, мистицизмом сопровождалась у масонов специальной обрядностью и таинственностью.

968 В этом перечне Погодина те, кто претерпел в конце 1840 — первой половине 1850-х гг. крах политической карьеры.

Луи-Филипп (Louis Philippe) (1773–1850) — французский король в 1830–1848 гг. Из младшей (Орлеанской) ветви династии Бурбонов. Во время Великой французской революции вслед за своим отцом — герцогом Филиппом Орлеанским отрекся от титула герцога Шартрского и принял фамилию Эгалите (égalité — равенство). В 1792 г. в составе французских революционных войск участвовал в сражениях, в 1793 г. перешел на сторону австрийцев. В том же году поселился в Швейцарии. До возвращения во Францию в 1814 г. находился в эмиграции в ряде европейских государств и в Соединенных Штатах. Во время Июльской революции 1830 г. сторонники («орлеанисты») добились провозглашения его королем. Был свергнут Февральской революцией 1848 г. и бежал в Великобританию.

Гизо, профессор Сорбонны (1812), член Государственного совета (1815) Франции; депутат (1830). После Июльской революции 1830 г. — министр внутренних дел (1830), просвещения (1832–1836, 1836–1837), иностранных дел (1840–1847), премьер-министр (1847–1848). Его политика вызвала революцию 1848 г., которая, свергнув правительство, вынудила Гизо отправиться в изгнание, а затем отойти от активной политической деятельности. См. также комм. 35.

Тьер (Thiers) Луи Адольф (1797–1877) — французский политический деятель и историк. Содействовал вступлению на престол Луи Филиппа. Член Государственного совета (1830), зам. министра финансов (1830–1831), министр внутренних дел (1832–1836, с перерывом), председатель Совета министров (февраль-август 1836 и март-октябрь 1840 гг.), депутат Учредительного Собрания (1848). Во время государственного переворота (1851) арестован и выслан из Франции. После чего политическая карьера Тьера прервалась на десять лет.

Барро (Barrot) Камилл Гиацинт Одилон (1791–1873), французский политический деятель, адвокат, участник революции 1830 г., сторонник Луи-Филиппа. Член Государственного совета. Позднее предводитель «династической оппозиции» в парламенте; премьер-министр (с декабря

1848 по октябрь 1849). Государственный переворот (1851) устранил его от политической деятельности.

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807–1874), французский политический деятель, адвокат, депутат (1844), радикальный республиканец. 24 февраля 1848 г. член временного правительства, министр внутренних дел. После июньского восстания 1848 г. бежал в Англию.

Блан (Blanc) Луи (1811–1882), французский политический деятель и историк, социалист. Член временного правительства 1848 г. После июньского восстания 1848 г. был подвергнут судебному преследованию и бежал в Англию.

Английское министерство талантов — имеется в виду коалиционное министерство «всех талантов», включавшее представителей тори, пилитов, вигов, ирландских либералов, которое с декабря 1852 по январь 1855 г. возглавлял Абердин Джордж Гамильтон Гордон (1784–1860). Именно это правительство начало переговоры с императором Николаем I о разделе Османской империи, провоцируя Россию на войну против Турции, в то же время заключило с Францией соглашение (февраль 1853) о совместных действиях против России в восточном вопросе, и, в конечном счете, объявило 27 марта 1854 г. войну России. В результате неудач английских войск в первый период войны Абердин был вынужден уйти в отставку.

969 Казенные палаты, в императорской России — губернские органы финансового ведомства, ведавшие сбором налогов, управлением государственными имуществами, винными откупами и др.

970 Лукавии рабы и невернии — см. библ. притчу об испытании рабов: Мф. 25:14–30.

971 Подлекари, фельдшеры — медицинские работники со средним медицинским образованием, помощники врача.

972 Земляника — персонаж комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», попечитель богоугодных заведений. Он цинично относится к вверенному ему делу, презирает бедный люд, нисколько не смущаясь замечаниями городничего о недостатках в больнице: «Чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет». В этих словах и жестокость, и равнодушие к судьбе людей, и готовое оправдание того, что он попросту обворовывает больных. По выражению Гоголя, Земляника — «человек толстый, но плут тонкий».

973 Мирабо начинал как авантюрист, неоднократно подвергался тюремному заключению, за бегство с чужой женой за границу был даже приговорен к смертной казни, но потом амнистирован. В 1789 г. избран в Генеральные штаты представителем третьего сословия от Марселя и Экса, проявил себя как блестящий оратор. После свержения монархии 10 августа 1792 г. стало известно о том, что он в последний год жизни изменил делу революции, став за крупное вознаграждение секретным агентом королевского двора. См. также комм. 27.

974 *Пугачев* Емельян Иванович (1740 или 1742–1775) — предводитель казацко-крестьянского восстания 1773–1775 гг., донской казак. Участник Семилетней (1756–1763) и русско-турецкой (1768–1770) войн, хорунжий. В августе 1773 г. объявил себя императором Петром III и поднял восстание яицких казаков. В сентябре 1774 г. заговорщиками выдан властям. Казнен в Москве на Болотной площади.

975 Ледрю Ролен со всеми коммунистами — в те времена Ледрю-Роллен — умеренный республиканец с якобинскими замашками, без особых, правда, на то оснований, считался в консервативных кругах почему-то страшным революционером и потрясателем основ. Коммунизм же считался одним из течений социализма, а коммунистов не различали с социалистами-сторонниками коллективизма, общественной собственности и т. п. См. также комм. 968.

976 *Никита Пустосвят* — Добрынин Никита Константинович (?–1682), священник, один из вождей старообрядчества. В 1665 г. выступил против реформ патриарха Никона. Осужден собором 1666–1667 гг. Во время восстания стрельцов в Москве в 1682 г. потребовал от церковных властей вернуться к «старой вере». После выступления в Кремле на «прениях о вере» взят под стражу и казнен. См. также комм. 1495.

977 *Мадзини,* Манцини (Mazzini) Джузеппе (1805–1872), знаменитый итальянский революционер-заговорщик, политический оратор, публицист и критик. Один из главных деятелей итальянского движения за объединение Италии и создание независимого итальянского государства («Рисорджименто» — *букв.* возрождение).

978 *Разин* Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671) — донской казак, организатор и предводитель походов казацкой голытьбы к Каспию и на Волгу, которые превратились в крестьянскую войну (1869–1870), охватившую Поволжье и ряд других районов. В 1671 г. пленен и затем казнен.

979 Фраза из 13 главы романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836), описывающего события Пугачевского восстания: «Правление было по-

всюду прекращено: помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!».

980 Казенные крестьяне — в Российской империи XVIII–XIX вв. государственные (казенные) крестьяне — крестьяне, принадлежавшие государству (казне). В отличие от помещичьих и удельных крестьян жили на казенных землях, пользовались отведенными наделами, были подчинены управлению государственных органов и считались лично свободными.

981 Удельные крестьяне — крестьяне, проживавшие на удельных землях и принадлежавшие императорской семье, платившие оброк и несшие государственные повинности.

982 Крепостные (владельческие) крестьяне — крестьяне, принадлежавшие на правах собственности помещикам.

983 В рамках реформы управления государственной деревней в течение 1837–1841 гг. под руководством генерала П. Д. Киселева (1788–1872) было учреждено специальное Министерство государственных имуществ со сложной иерархией бюрократических органов. На созданную администрацию было возложено «попечительство» над государственными крестьянами через посредство традиционной сельской общины, опекаемой правительственными чиновниками. Система «попечительства», которая несколько упорядочила систему административных органов, но и усилила бюрократическую опеку над государственными крестьянами, оказалась не очень эффективной.

984 Видимо, О'Коннел (O'Connell) Даниэль (1775–1847) — ирландский политический и государственный деятель, патриот и агитатор, который приобрел громкую известность своим ораторским талантом и обширной эрудицией. Создал объединение ирландских католиков, выступал за расторжение унии Ирландии и Англии. При этом всегда был против насильственных действий. Однако дело, которому он посвятил всю свою жизнь, перешло в руки людей, склонных к насильственным действиям.

985 См. комм. 419.

986 Завтра воскресенье, с солью ядуц — в самой Белоруссии соль не добывали, а завозили ее из Прибалтики и Украины, поэтому она была дорога и крестьяне ели с солью обычно раз в неделю и по праздникам.

987 Волынь и Подолия, Киевская область. См. комм. 419.

988 Речь идет о событиях так называемой «киевской казатчины» — массового крестьянского движения в девяти уездах Киевской губ. весной 1855 г., участники которого после обнародования царского манифеста о призыве ополченцев для участия в Крымской войне потребовали записи в ополчение («казаки») с последующим предоставлением «воли» и наделением землей. Против крестьян были посланы войска, которые и подавили выступление (убито около 60 человек, более 100 человек ранено).

989 Император Николай I скоропостижно скончался 18 февраля 1855 г. В современных исследованиях убедительно доказывается, что «отмена крепостного права была главным завещанием Николая I. То, что он вынудил будущего Александра II дать слово выполнить его предсмертную волю, связано с тем, что Александр до своего воцарения был противником освобождения крестьян. Николай считал, что "гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу". Впоследствии Александр II повторил эти слова в речи 30 марта 1856 г., и они, получив широкую огласку, были приписаны вступившему на престол царю» (см.: *Порох И. В.* Завещание Николая I // Земское обозрение. 1997. 30 июля. С. 11).

990 См. комм. 42.

991 «Колиевщина» или «коли*и*вщина» — казацко-крестьянское восстание 1768 г. на Правобережной Украине против шляхетской Польши, поднятое гайдамаками (от *турец.* haydamak — нападать), к которым присоединились тысячи крестьян, вооруженных в основном кольями (отсюда и название). Тогда были уничтожены многие шляхтичи, католические священники и евреи. Боясь, что «колиивщина» перейдет на территорию Российской империи, та помогла Польше подавить это выступление.

992 Вероятно, имеются в виду события так называемого Галицийского восстания 1846 г. (когда, в связи с катастрофическим неурожаем 1844, 1845 гг., провоцируемые демонстративным бездействием австрийского правительства крестьяне жгли помещичьи усадьбы и убивали шляхтичей и им подобных), а также львовского восстания 1848 г., поднятого польскими националистическими организациями (когда город подвергся артиллерийскому обстрелу, а по всей Галиции было объявлено осадное положение, и этот период военной диктатуры продлился до 1854 г.). К «ужасам» также нужно отнести и геноцид в 1840-х гг. русинов (состав-

лявших 40% населения этой коронной земли Австрийской империи, которых Погодин считал русскими).

993 Военные поселения, особая организация войск в России в 1810–1857 гг., совмещавших военную службу с занятием сельским хозяйством. Введены императором Александром I для создания (без увеличения расходов на армию) резерва обученных войск. Поселенные войска формировались из солдат, прослуживших не менее 6 лет в армии и женатых, и из местных жителей — мужчин (главным образом крестьян) в возрасте от 18 до 45 лет. Те и другие именовались поселянами — хозяевами. Остальные местные жители того же возраста, не вошедшие в состав войска, но годные к службе, зачислялись в помощники хозяев и входили в резервные воинские подразделения. Дети военных поселенцев с 7-летнего возраста зачислялись в кантонисты, а с 18 лет переводились в воинские части. С 45 лет поселенцы уходили в отставку, но несли службу в госпиталях и по хозяйству. Каждое военное поселение состояло из 60 домов-связей, в которых располагалась рота из 228 человек. В доме помещалось 4 хозяина с нераздельным хозяйством. Жизнь военных поселений строго регламентировалась, круглый год крестьяне проходили военное обучение, земледельческие работы производились несвоевременно, телесные наказания были обычным явлением. Все это вызывало открытое сопротивление властям (Чугуевское восстание, 1819; «холерные бунты» в Новгородской губ., 1831) и ответные репрессии. В 1831 г. многие военные поселения переименовали в округа пахотных солдат. Военные поселения и округа пахотных солдат были упразднены в 1857 г.

994 Опыты зажигательства — здесь: случаи подстрекательства.

995 Бессарабия, историческая область между Черным морем и реками Дунаем, Днестром, Прутом и Ракитной.

996 Указ от 2 апреля 1842 г., согласно которому крепостные могли по договору с помещиком получить личную свободу и землю в наследственное пользование за повинности.

997 Под «инвентарями» здесь имеются в виду «Инвентарные правила» — положения, определявшие размеры наделов и повинностей крестьян западных губерний России (изданы 1847, дополнены 1848), согласно этим Правилам, помещикам запрещалось произвольно уменьшать наделы и увеличивать повинности крестьян.

998 Раскольники, или старообрядцы — участники религиозно-общественного движения в России, не принявшие церковно-обрядовую реформу патриарха Никона.

999 Секта (*лат.* secta — замкнутая группа людей), организованное общество людей, придерживающихся какой-либо ереси. Русская Православная Церковь обычно называла ересями лжеучения или проникавшие извне заблуждения: стригольников, жидовствующих, Башкина, Феодосия Косого, латинян, лютеран и кальвинистов, хлыстов и других, искажавших веру Церкви и представлявших опасность совращения в них верующих. Но с конца XVIII в. для наименования подобных лжеучений — кроме известных крупных ересей первого тысячелетия (арианства, аполлинарианства, евномианства, несторианства и т. п.), а также католицизма — в русском богословии преимущественно используется заимствованный из западных вероисповеданий термин секта. С той поры сектами стали называть как ранее бывшие в России и впоследствии возникшие еретические движения хлыстов, скопцов, духоборов, так и пробравшихся в Российскую империю с конца XVIII в. меннонитов и распространившихся со 2-й половины XIX в. баптистов, адвентистов, евангелистов и прочих сектантов.

1000 Одно из главных направлений старообрядчества — поповцы в середине XIX в. признали своим главой Боснийского архиепископа грека Амвросия (1791–1862), который центром старообрядческой организации сделал Белую Криницу (Австрия).

1001 Земская полиция — низший исполнительный орган губернской администрации для обеспечения общественной безопасности на селе, основные действующие лица которого с 1837 г. (по «Положению о земской полиции» и «Наказу чинам и служителям земской полиции», подготовленными Д. Н. Блудовым) были представлены исправником (ему в земском суде помогали непременный член и два выборных сельских заседателя из государственных крестьян) и становыми приставами (которым в осуществлении полицейских функций в так называемых станах, на которые делилась территория уезда, помогали сотские и десятские). Компетенция становых приставов была очень обширна, а деятельность — практически бесконтрольна, что и порождало массовые злоупотребления. Широкие возможности по получению незаконных доходов, непопулярность службы в среде дорожащих своей репутацией представителей дворянства и чиновничества способствовали тому, что на должность станового пристава стремились попасть многочисленные лица «сомнительной нравственности», рассматривающие ее как средство обогащения. Более того, отдельные факты подкупа должностных

лиц подчас перерастали в образование коррумпированной системы, объединяющей чиновников различных уровней, покрывающих друг друга и извлекающих из своего служебного положения значительные незаконные доходы.

1002 *Шамиль* (1799–1871) — вождь кавказских горцев, в ходе Кавказской войны 1817–1864 гг. многие годы успешно действовал против российских войск. Объединил горцев Дагестана и Чечни в теократическое государство, т. н. Имамат Шамиля (1834–1859), распространивший свою власть на значительную часть горного Дагестана и Чечни. После ряда поражений 25 августа 1859 г. сдался российским властям в районе аула Гуниб и выслан в Калугу. Умер по пути в Мекку, в Медине (Аравия).

Пугачев. См. комм. 974.

Разин. См. комм. 978.

1003 Удолие — долина, низина.

1004 Речь идет о Блудовой Антонине Дмитриевне (1813–1891) — дочери графа Д. Н. Блудова и княжны А. А. Щербатовой.

1005 Речь идет о работе М. П. Погодина «Исследования, замечания и лекции о русской истории», семь томов которой были изданы в 1846–1859 гг.

1006 *Орлов* Алексей Федорович (1786–1861) — князь (1856). В 1844–1856 гг. шеф жандармов и главноуправляющий III отделением Собственной его императорского величества канцелярии. Возглавлял делегацию России на Парижском конгрессе, подписал Парижский мир (1856). В 1856–1860 гг. председатель Государственного совета и Комитета министров.

Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872) — граф (1839). В 1837–1856 гг. министр государственных имуществ. В 1856–1862 гг. посол России во Франции.

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) — светлейший князь (1845). В 1814–1854 гг. Главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом и наместник на Кавказе с неограниченными полномочиями (1814–1853).

Ермолов Алексей Петрович (1772–1861) — боевой генерал. В 1855 г. во время Крымской войны был избран начальником государственного ополчения Московской губ. См. также комм. 1462.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — граф (1842). В 1826–1828 гг. товарищ министра народного просвещения. В 1830–1831 гг. и

1838–1839 гг. министр юстиции. В 1832–1838 гг. министр внутренних дел. В 1839–1862 гг. главноуправляющий II отделением (кодификационным) Собственной его императорского величества канцелярии. В 1855–1864 гг. президент Петербургской АН. С 1839 г. член, а в 1862–1864 гг. председатель Государственного Совета и Комитета министров (1861–1864).

Филарет. См. комм. 120.

1007 Император Александр I (1777–1825). См. комм. 481, 675.

1008 *Шишков* Александр Семенович (1754–1841) — адмирал (1823). В 1812–1814 гг. статс-секретарь императора Александра I, в 1824–1828 гг. министр народного просвещения и главноуправляющий ведомством иностранных исповеданий. С 1796 г. член Российской академии, а в 1813–1841 гг. ее президент.

Толстой Петр Александрович (1761–1844) — граф. Участник многих войн. В 1805–1807 гг. личный представитель императора Александра I в штабе армии. В 1807–1808 гг. посол в Париже. Затем занимал различные командные посты в армии. С 1823 г. член Государственного Совета.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — граф (1799). В 1808–1810 гг. военный министр, с 1810 г. председатель Департамента военных дел Государственного Совета. В 1815–1825 гг. доверенное лицо императора Александра I. С 1819 г. главный начальник над военными поселениями (в 1821–1826 главный начальник Отдельного корпуса военных поселений). См. также комм. 930.

Балашев (Балашов) Александр Дмитриевич (1770–1837). В 1810–1819 гг. министр полиции, доверенное лицо императора Александра I, выполнял ряд его секретных поручений.

Волконский Петр Михайлович (1776–1852) — светлейший князь (1834). В Отечественной войне с декабря 1812 г. начальник штаба действующей армии. В 1815–1823 гг. начальник Главного штаба, с 1826 г. министр императорского двора и уделов и с 1842 г. канцлер российских орденов. Почетный член Петербургской Академии наук (1813).

1009 См. комм. 967.

1010 Поколику — сколько, на сколько, поскольку.

1011 Глас вопиющего в пустыне — *библ.* см. Мф. 3:3 и др.

Второе письмо к издателю газеты «Le Nord»

Ост-Индское смятение. — Русская система политики. — Бедность в Европе, о колонизации. — Надежды об освобождении крестьян

Восстание сипаев в Индии в 1857–1858 гг. произвело сильное впечатление на русское общество. 22 июля 1857 г. графиня Е. П. Растопчина писала М. П. Погодину: «А что скажете о восстании в Индии? Тут, по-моему, перст Божий!». По этому поводу Погодин опубликовал свое второе письмо в газете «Le Nord». Письмо произвело благоприятное впечатление и в Киеве, и в Париже, и во Флоренции. В Петербурге же оно встретило противоречивые отклики, хотя сам император Александр II объявил: «Нисколько не сержусь на Погодина и сохраняю о нем тоже хорошее мнение, какое всегда имел и иметь буду» (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 15. СПб., 1901. С. 101–106). Статья М. П. Погодина о внешней политике послевоенной России была опубликована 5/17 ноября 1857 г. в «Le Nord» («Север») — русской газете на французском языке, издававшейся на средства правительства Российской империи в Брюсселе с 1855 г. Текст печатается по: [*Погодин М. П.*]. Второе письмо к издателю газеты «Le Nord». Ост-Индское смятение. — Русская система политики. — Бедность в Европе, О колонизации. — Надежды об освобождении крестьян // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 14–24.

1012 1-е «Письмо» Погодина в редакцию брюссельской газеты «Le Nord» было опубликовано там 11 апреля 1857 г. Охарактеризовав в нем ситуацию, сложившуюся в Европе после Крымской войны, Погодин переходит к оценке современного положения России и делает вывод: война послужила для нее «вразумительным уроком», показав, что «внутреннее устройство, согласное с требованиями века», важнее «всяких приобретений». 21 мая 1857 г. «письмо» Погодина перепечатали на русском языке «Московские ведомости» (№ 61).

1013 Имеется в виду Ост-Индское восстание или Восстание сипаев (на яз. *хинди, урду* и *перс.* — сипахи — воин, солдат), также известное как Индийское восстание — мятеж индийских солдат против англичан в 1857–1858 гг. Непосредственным поводом к восстанию послужила раздача в сипайских частях индийской английской армии патронов, смазанных коровьим салом. Этим грубо оскорблялись религиозные чувства индуистов. Конфликт перенесся в цивилизационную плоскость — восставшие стали уничтожать европейцев. Так, в Дели присоединившиеся к восставшим мусульмане убили более 500 человек. Английский гарнизон г. Канпур сдался на милость победителя после 19-дневной осады, в результате — все мужчины-европейцы были расстреляны, а их жены и дети сначала удержаны в качестве заложников, а затем также уни-

чтожены. Несла потери и английская армия — при взятии Дели из 8000 тыс. солдат-европейцев в живых осталось половина. Все это вызывало ответную жестокость англичан, уничтожавших всех, кто был причастен к убийству английских подданных. События в Индии вызвали бурную волну самых разнообразных откликов как в британских прессе и литературе (включая ультрарасистские выступления), так и за ее пределами (особенно во Франции), где определенные круги высказывались за союз с Российской империей с целью вытеснения Великобритании из Азии. В конечном счете, восстание положило конец власти Британской Ост-Индской компании и привело к ее замене прямым правлением английской короны.

1014 Портсмут и Плимут — английские города, соответственно главный военный порт и главная военно-морская база страны.

1015 В ходе Крымской войны 1853–1856 гг. военные действия развернулись и на суше, и на море. Главными театрами боевых действий стали придунайские княжества Валахия и Молдавия, Крым и Закавказье. Для оказания экономического давления на Россию Англия и Франция установили морскую блокаду побережья Империи. Их военные флоты появились не только в Черном, но и в Балтийском, Баренцевом и Белом морях, а также на Дальнем Востоке. На Балтийском море англо-французский флот блокировал русский Балтийский флот в Кронштадте и Свеаборге. Не решившись атаковать эти базы из-за русских минных заграждений, впервые примененных в боевых действиях, союзники начали блокаду побережья и бомбардировали ряд населенных пунктов в Финляндии. 26 июля (7 августа) 1854 г. 11-тысячный англо-французский десант высадился на Аландских островах и осадил крепость Бомарзунд, которая после разрушения укреплений сдалась. Попытки других десантов в районе финских городов Экенесе, Ганге, Гамлакарлебю и Або окончились неудачей. Осенью 1854 г. союзные эскадры покинули Балтийское море. На Белом море английские корабли в 1854 г. бомбардировали Соловецкий монастырь и разрушили городок Кола, но попытка нападения на Архангельск провалилась. На Дальнем Востоке гарнизон г. Петропавловска-на-Камчатке 18–24 августа (30 августа — 5 сентября) 1854 г. отразил нападение англо-французской эскадры, разбив высаженный ею десант.

1016 12 мая 1855 г. английская эскадра вошла в Керченский пролив; высадив десант в Камыш-Буруне, англо-турецкие войска заняли не имеющий военного гарнизона и потому беззащитный город Керчь, где оставались до 10 июня 1856 г. За десятимесячный период оккупации город наводнили мародеры из окрестных сел и деревень, татарское население которых радостно встретило единоверцев-турок, грабивших по их наводке и совместно с ними, наводя ужас на жителей города. Нападениям

и разгрому подверглись как брошенные государственные учреждения, так и торговые лавки, склады, частные дома и сады. Англичане разграбили музейные ценности, турки вместе с местными бандитами не оставили ничего ценного у населения.

1017 Черкесы или адыги, общее наименование группы родственных по происхождению племен Северного Кавказа, бывшие противниками России в Кавказской войне 1817–1864 гг., которых поддерживали Великобритания и Турция.

1018 См. комм. 930.

1019 Молдавия и Валахия — придунайские княжества.

1020 Яссы — город, столица Молдавского княжества.

1021 Остзейские губернии. См. комм. 12, 585.

Финляндия (*швед.* Finland, *фин.* Suomi — *букв.* страна озер) — с 1581 г. великое княжество, в 1809 г. присоединенное к Российской империи.

1022 Эривань — город, центр Эриванской губ. (с 1849) Российской империи, Эчмиадзин — монастырь недалеко от Эривани — резиденция католикоса всех армян, центр Армянской Апостольской Церкви.

1023 Диарбекир — город в Западной Армении, центр одноименной провинции (эялета) Османской империи; город Тегеран — столица Персии.

1024 Форт Перовский — бывшая Ак-Мечеть. См. комм. 847.

1025 Перечислены дипломаты, руководители внешнеполитического ведомства России в эпоху Екатерины II: Панин Никита Иванович (1718–1783), граф, возглавлял в 1763–1781 гг. Коллегию иностранных дел; Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), светлейший князь, с 1783 г. фактический руководитель внешней политики, государственный канцлер (с 1797); Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), граф, в 1798–1801 гг. руководитель Коллегии иностранных дел.

1026 Речь идет о так называемом плане русско-французского завоевания Индии, главного источника богатства и мощи Англии — непримиримого врага Франции и России. Автором идеи «индийского похода» был Наполеон Бонапарт. В 1800 г. он предложил России организовать военную экспедицию в Индию, чтобы отнять у англичан богатую колонию. По плану Наполеона, 35-тысячный русский корпус должен был выступить из Астрахани, переправиться через Каспийское море и высадиться в персидском городе Астрабаде. Такой же по численности французский корпус от Рейнской армии Моро должен был спуститься до устья Дуная, переправиться в

Таганрог, а затем двигаться через Царицын до Астрабада. Из Персии предполагался совместный поход на Индию. В январе 1801 г. Павел I отправил атаману войска Донского генералу от кавалерии В. П. Орлову несколько рескриптов, поручая ему двигаться «прямо через Бухарию и Хиву на реку Индус и на заведения английские, по ней лежащие», но спустя три месяца новый император Александр I приказал казакам (22 507 человек — сорок один полк и две конные роты) вернуться на Дон.

[1027] Павиеризм — пауперизм (от *лат.* pauper — бедный, неимущий), массовое обнищание, обусловленное низкими доходами, безработицей.

[1028] Пролетариат (от *лат.* proletarius — не принадлежащий к рабам бедняк), рабочий класс, наемные рабочие, не обладающие орудиями производства (землей и капиталом) и продающие свой труд.

[1029] Сим, старший сын Ноя, прародитель семитских народов, в частности евреев, арабов и ассирийцев (Быт. 6:10). См. также комм. 155.

[1030] Je reviens toujours à mes moutons — я возвращаюсь к нашим баранам, т. е. к теме (*франц.*).

[1031] Негры (от *лат.* niger — черный), принятое во многих языках название людей негроидной расы. Эскимосы — народ, расселенный от восточной оконечности Чукотки до Гренландии, относящийся антропологически к арктическому типу монголоидов. Чукчи — аборигены континентальной Чукотки. Антропологический тип чукчей смешанный, в общем монголоидный, но с некоторыми отличиями.

[1032] Торговля неграми — работорговля, продажа и покупка людей в рабство, наиболее массовым проявлением которой был вывоз рабов из Африки. Она впервые была открыто осуждена от имени международного союза на Венском (1815) и Веронском (1822–1823) конгрессах, официально стала подвергаться запретам в Англии (с 1808), во Франции (с 1816), в Испании (с 1817) и Португалии (с 1823), но фактически прекратилась лишь к концу XIX в.

[1033] Лазароны — лаццарони (*итал.* lazzaroni — нищие, босяки) — неаполитанские бедняки, живущие нищенством или случайным заработком.

Записка о Польше

Написана М. П. Погодиным после заграничного путешествия 1856 г. Как следует из дневника Погодина, записка писалась с большим трудом, как признался сам Погодин: «нет у меня благоговения к ним». 25 октября записка была готова, а 12 декабря вместе с запиской о железных дорогах Погодин

отправил ее к Великому князю Константину Николаевичу, чтобы, в случае его одобрения, она была представлена императору Александру II. Однако А. В. Головкин, через которого записка была отправлена, написал Погодину, что «Его Величество вовсе не разделяет изложенных в ней мыслей» и возвращает отправленные письма (см.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1910. Т. 15. СПб., 1901. С. 40–43, 49–51). Текст печатается по: Записка о Польше (1856) // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 333–345.

1034 См. комм. 785, 1137.

1035 Ломбардо-венецианское королевство — австрийское владение, образованное в 1815 г. из северо-итальянских областей Ломбардия и Венеция, переданных Австрии по решению Венского конгресса 1814–1815 гг.

1036 Парижский мирный договор, заключенный 18 (30) марта 1856 г. между Россией, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией — с другой, завершил Крымскую войну 1853–1856 гг. и на ближайшие 15 лет полностью изменил международную обстановку в Европе, уничтожив не только верховенство Петербурга, но и в целом европейскую (меттерниховскую) систему, покоившуюся на Венских трактатах 1815 г., определивших границы государств после наполеоновских войн. Территориальные потери были, однако, минимальны: Россия отказывалась от укрепления Аландских островов; соглашалась на свободу судоходства по Дунаю; отказывалась от протектората над Валахией, Молдавией и Сербией и от части южной Бессарабии; уступала Молдавии свои владения в устьях Дуная и часть Южной Бессарабии (таким образом, она перестала непосредственно соседствовать с Турцией), возвращала занятый у Турции Карс (в обмен на Севастополь и другие крымские города). Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать там военные флоты, арсеналы и крепости. Этот пункт имел для России принципиальное значение, так как ставил Российскую империю в неравноправное положение с Турцией, которая сохранила полностью свои военно-морские силы в Мраморном и Средиземном морях.

1037 Несогласия Англии и Франции в Константинополе и Неаполе — речь идет о так называемом «неаполитанском вопросе», который был поднят на Парижском конгрессе (февраль-март 1856). Политика террора, которую проводил в стране Фердинанд II (Ferdinando II) (1810–1859), король Королевства Обеих Сицилий (1830–1859), из династии Бур-

бонов, вызвала осуждение Англии и Франции, отозвавших в октябре 1856 г. своих послов из Неаполя и приведших в боевую готовность свои эскадры в Тулоне и у берегов Мальты. Однако из-за разногласий англичан с Наполеоном III, который собирался реставрировать в Неаполе династию Бонапартов, неаполитанская экспедиция не состоялась.

1038 Каверза — происки, затеваемые с намерением запутать, усложнить какой-нибудь спорный вопрос.

1039 См. комм. 1006.

1040 Тильзитский мир (25 июня (7 июля) 1807), завершивший участие России в русско-прусско-французской войне 1806–1807 гг., был заключен в результате личных переговоров императоров Александра I и Наполеона I, отдельным актом оформивших наступательный и оборонительный русско-французский союз.

1041 Сангвиник (от *лат.* sanguis, sanguinis — кровь, жизненная сила) — человек, характеризующийся живостью, быстрой возбудимостью и легкой сменяемостью эмоций.

1042 Antécédens (*лат.* antecedens — предшествующий) — причина, предпосылка, предшествующий фактор.

1043 См. комм. 758.

1044 См. комм. 989.

1045 Комиссариатское и провиантское управления — подразделения Военного Министерства, снабжавшие войска обмундированием, амуницией, провиантом и фуражом.

1046 Духовная консистория (*лат.* consistorium — место собрания; совет) — местный орган при епархиальном архиерее, ведавший делами Православной Церкви на территории епархии, с административными и судебными функциями.

1047 Crédit mobilier — «Société Générale du Crédit Mobilier», «Креди мобилье» крупный французский акционерный банк, «изобретенный» (по выражению К. Маркса — см. его работу 1856 года «Французский Crédit Mobilier. (Статья третья)») в 1852 португальскими евреями — братьями Эмилем Жакобом (1800–1875) и Изаком (1806–1880) Перейра (Pereire) и французским евреем — банкиром и политическим деятелем (министром финансов 1849–1851, 1851–1852, сенатором и министром двора Наполеона III) Ашилем Фульдом (Fould) (1800–1867). Основными операциями были не производительные капиталовложения, а выпуск акций

учрежденных им обществ и спекуляция ими. Этим рискованным спекулятивным аферам, используя банк в своих целях, покровительствовал Наполеон III.

1048 Слова Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5: 9).

1049 С 1815 г. к концу царствования императора Николая I (к 01.01.1855) государственный долг Российской Империи складывался из внешних и внутренних облигационных займов в сумме 330 млн руб. и заимствований кредитных ресурсов из казенных банков в объеме 437 млн руб., выпущенных билетов Государственного казначейства на сумму 75 млн руб. Величина процентного долга достигла 842 млн руб. Это в 4 раза превышало его величину к концу царствования Александра I. Беспроцентный государственный долг по выпущенным кредитным билетам составил 356 млн руб. Весь итог долга к 1 января 1855 г. составил 1198 млн руб. серебром (см.: *Таранков В. И.* Ценные бумаги Государства Российского. М.; Тольятти, 1992. С. 51, 53).

1050 Находники — чужие, пришлые люди.

1051 *Паскевич* Иван Федорович (1782–1856) — граф Эриванский (1828), светлейший князь Варшавский (1831), военачальник, генерал-фельдмаршал (1829). В 1827–1830 гг. командующий отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющий в Грузии во время русско-персидской и русско-турецкой войн. Руководил подавлением Польского (1830–1831) и Венгерского (1848–1849) мятежей. В Крымскую войну главнокомандующий войсками на западных границах и на Дунае (1853–1854). С 1831 г. наместник Царства Польского с особыми полномочиями. В течение своего двадцатичетырехлетнего правления (1832–1856) проводил политику русификации и жесткого подавления оппозиции.

1052 Liberum veto (*лат.* liberum veto — свободное «запрещаю», свободное вето), обычай, требовавший полного единогласия в польских сеймах.

Польша и Россия

Текст печатается по: Польша и Россия // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 347–350.

1053 Кенигсберг (*нем.* Königsberg) — в то время главный город провинции Восточная Пруссия королевства Пруссия, в 1758 г. в ходе Семилетней войны был взят русскими войсками, до 1762 г. центр генерал-

губернаторства Восточная Пруссия в составе Российской империи; в 1762 г. возвращен Пруссии.

1054 *Александр II* (1818–1881) — российский император с 1855 г.

1055 Non-sens — бессмыслица, нелепость (*франц.*).

1056 Волыни, в Подолии, Белоруссии. См. комм. 419.

1057 Перечислены города: Владимир, Смоленск, расположенные в центре и на западе европейской России; Полоцк, Минск, Каменец — в Белоруссии; Киев, Чернигов — на Украине.

1058 Неман — река на территории Минской (истоки), Виленской, Гродненской, Ковенской губерний Российской империи, Пруссии, где впадает в Балтийское море; река Буг Западный, по границе царства Польского, губерний Волынской и Гродненской, впадает в реку Вислу.

1059 Речь идет о событиях Австро-итало-французской войны (1859), войны итальянского королевства Пьемонт и Франции против Австрии, удерживавшей под своим господством Ломбардо-Венецианскую область и препятствовавшей созданию единого итальянского государства. После ряда мелких стычек австрийские войска потерпели неудачу 20 мая в бою с французами при Монтебелло, а 4 июня были разбиты союзными войсками у г. Мадженты. Франко-пьемонтские войска 8 июня заняли Милан, а к 20 июня — всю Ломбардию. 24 июня в решающем сражении при селении Сольферино союзники нанесли поражение австрийцам. Военные действия, сопровождавшиеся народными выступлениями в мае-июне в Тоскане, Парме, Модене и папских владениях, дали мощный стимул движению за объединение Италии.

Письмо к г. Б. о новых обстоятельствах. Что нам делать?

Письмо М. П. Погодина графине А. Д. Блудовой от 17 ноября 1862 года, печ. по: [*Погодин М. П.*] Письмо к г. Б. о новых обстоятельствах // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 132–137.

1060 Парафраз библ.: «нет пророка в своем отечестве» — «Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем» (Мф. 13:57; см. также: Ин. 4:44; Мк. 6:4, Лк. 4:24).

1061 Письмо М. П. Погодина от 7 декабря 1853 г. графине Антонине Дмитриевне Блудовой «...о начавшейся войне» открыло целую серию публицистических работ (21 работа, последняя из которых «По прочтении трактата» была написана 8 мая 1856 г.), вошедших в историю как «историко-политические письма и записки М. П. Погодина периода Крымской войны».

1062 В письме императору Александру II от 3 января 1856 г. Погодин призывал дать Польше конституцию и амнистировать участников польского восстания. См.: Записка о Польше (1856) // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876.

1063 Подъяремничий — раб, невольник.

1064 Ругинист — рутинер, ультраконсерватор, реакционер.

1065 Волохи (также валахи, влахи), обозначение народов, носителей восточно-романских языков; название румын и, в общем, восточнороманского населения Балкан и Карпат; здесь имеются в виду жители Молдавии и Валахии.

1066 См. комм. 758.

1067 См. комм. 1013.

1068 См. комм. 1059.

1069 Дарданеллы (Dardanelles), пролив между Европой и Малой Азией, соединяющий Мраморное море с Эгейским, ключ к Константинополю. По лондонской конвенции 13 июля 1841 г. о статусе Черноморских проливов, подтвержденной в 1856 г. Парижским мирным договором, они были закрыты для военных судов всех наций.

1070 Речь идет о важных стратегических точках Средиземноморья. Гибралтар (Gibraltar) — небольшая скала на Пиренейском полуострове, была захвачена Англией в 1704 г. и превращена в военную базу; Мальта (Malta) — остров в центральной части Средиземного моря, был захвачен англичанами в 1800 году; Корфу — Керкира (Kérkyra), остров в Ионическом море, главный в составе Ионических островов, захвачен в 1809 г. англичанами и с 1815 г. находился под английским протекторатом.

1071 Перим (Perim), остров в Азии, в Баб-эль-Мандебском проливе, имеющем большое экономическое и стратегическое значение, т. к. через него пролегает путь из Европы в Восточную и Южную Азию и Австралию. Англичане первый раз захватили остров в 1799 г., чтобы противодей-

ствовать французским замыслам в Индии, но вынуждены были уступить его в 1801 г. В феврале 1857 г. они вторично овладели этим ключом к Красному морю.

1072 Fait accompli — совершившийся факт (*франц.*).

1073 Одесса, военно-торговый порт Черного моря и уездный город Херсонской губ. Российской империи, бывший турецкий город Хаджибей с крепостью Ени-Дунья, который был взят русскими войсками в 1789 г. и по Ясскому мирному договору 1791 г. вошел в состав России.

1074 *Гарибальди* (Garibaldi) Джузеппе (1807–1882) — народный герой Италии.

Польский вопрос

Небольшая работа М. П. Погодина «Польский вопрос», открывающая одноименную часть собрания «Статей политических и польский вопрос» (пятого тома, так называемого полного собрания сочинений Погодина), фактически представляет собой предисловие к сборнику его статей по польскому вопросу 1867 г. Текст печатается по: [*Погодин М. П.*] Польский вопрос // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 327–331.

1075 См.: *Погодин М. П.* Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1867.

1076 Sine ira et studio — без гнева и пристрастия (*лат.*).

1077 Русское казначейство — казначейство, учреждение Министерства финансов, заведующее поступлением государственных доходов, их хранением, производством платежей по законным ордерам и передвижением казенных сумм. Центральной кассой государственного казначейства являлось главное казначейство, ведающее расходованием сумм по общему государственному управлению. Проще говоря, это место хранения, приема и выдачи государственных сумм.

1078 Кознодействовать — творить зло, козни.

1079 См. статью М. П. Погодина «Польское дело».

1080 На Всемирной выставке в Париже в мае 1867 г. польский эмигрант Березовский Антон Иосифович (1847–1916) совершил неудачное покушение на российского императора Александра II.

1081 См. комм. 589.

[1082] Habent sua fata nationes — здесь: у каждого сословия своя судьба (*лат.*).

[1083] Имеются ввиду — записка 1854 г. «О Польше» (или как в оглавлении тома: «О восстановлении Польши»). См.: *Погодин М. П.* О Польше // Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 126 и сл.; и «Записка о Польше» 1856 г. См.: *Погодин М. П.* Записка о Польше // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 333 и сл.

О книге г. Шедо-Ферроти

Шедо-Ферроти — псевдоним публициста Федора Ивановича Фиркса (1812–1872), уроженца Остзейского края, оказавшегося за границей по ходатайству шефа жандармов и выполнявшего журналистские заказы соперничающих при русском дворе группировок. Автор целого ряда изданных по-французски и по-немецки статей и брошюр, в том числе «La question polonaise au point de vue de la Pologne, de la Russie et de l'Europe» (1863), он издал ряд статей на французском языке по вопросам внутренней русской политики, под общим заглавием «Etudes sur l'avenir de la Russie». В привлекшем внимание Погодина 8-м этюде «Que fera-t-on de la Pologne?», изданном во время польского восстания (Bruxelles, 1864) и получившем наибольшую известность, он пытался доказать, что «ультрарусские идеи московской прессы не пользуются сочувствием в народе» и что наилучшим разрешением польского вопроса было бы дарование Польше, навсегда соединенной с Россией, национального правительства по законам, свободно вотированным польским народом. По сути, инспирированное антимуравьевской пропольской группировкой при дворе, это выступление явилось попыткой обоснования необходимости более либерального управления в Польше. Показывая опасность курса, проповедуемого «Московскими ведомостями», как возбуждающего к сопротивлению и отпору, брошюра в качестве образца выдвигала правление в Польше вел. кн. Константина Николаевича, будто бы умиротворявшее край гибкой политикой, предусматривающей некоторые уступки (в частности, предоставление Польше в будущем культурной автономии). Текст печатается по: О книге Шедо-Ферроти // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 476–487.

[1084] См. комм. 272, 392.

[1085] Qui prouve trop, ne prouve rien — кто чересчур доказывает, не докажет никогда (*франц.*).

1086 Систему графа Велепольского — Велепольский (Wielopolski) Александр (1803–1877), маркиз, польский государственный деятель.

1087 Паскевич И. Ф. См. также комм. 1051, *Горчаков А. М.,* 1091.

1088 *Константин Николаевич* (1827–1892) — русский великий князь, 2-й сын императора Николая I, брат императора Александра II: генерал-адмирал (1831). С 1857 г. член секретного Комитета по крестьянскому делу, с 1860 г. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, участвовал в подготовке отмены крепостного права. В 1862–1863 гг. наместник Царства Польского.

1089 Зазнамо — заведомо, зная наперед.

1090 Попытки дипломатического вмешательства Франции, Великобритании и Австрии в польские дела во время польского восстания 1863–1864 гг. привели к сближению России с Пруссией: в январе 1863 г. министром иностранных дел князем А. М. Горчаковым и генерал-адъютантом прусского короля Г. фон Альвенслебеном (Alvensleben) в Петербурге была подписана конвенция (соглашение), по которой войскам обеих сторон разрешалось переходить границы при преследовании отрядов польских повстанцев.

1091 Во время польского восстания 1863–1864 гг. русскому правительству Великобританией, Австрией и Францией были переданы угрожающие ноты, в которых они не только требовали от России согласиться на созыв конгресса великих держав для решения польского вопроса, но и в виде предварительных мер рекомендовали: во-первых, провозгласить в Польше общую амнистию, не ставя ее в зависимость от окончания вооруженного восстания; во-вторых, созвать представительное собрание в Польше; в-третьих, даровать Польше местную автономию; в-четвертых, обеспечить права католической церкви; в-пятых, ввести польский язык в правительственные учреждения и учебные заведения в Царстве Польском; в-шестых, издать удовлетворяющие поляков новые правила о рекрутских наборах. В июне 1863 г., примерно через месяц после вручения нот, последовали три ответные депеши министра иностранных дел князя Горчакова Александра Михайловича (1798–1883): послу в Лондоне барону Бруннову Филиппу Ивановичу (1797–1875) для передачи английскому правительству, послу в Париже барону Будбергу Андрею Федоровичу (1817–1881) для передачи французскому императорскому правительству и послу в Вене Балабину Виктор Петровичу (1811–1864) для передачи австрийскому императору Францу-Иосифу. Ответ России был резко отрицательный. Польский вопрос объявлялся делом,

касающимся исключительно России, но не Европы. Все требования отклонялись решительно и безусловно.

1092 К концу 1861 г. в польском обществе сформировались два основных политических лагеря: «белые» (консерваторы) и «красные» (радикальные демократы). «Белые» придерживались тактики пассивной оппозиции, «красные» — выступали за подготовку вооруженного восстания с целью восстановления независимости Польши.

1093 В ночь с 10 на 11 января 1863 г. было осуществлено «ночное убийство русских солдат» группами вооруженных повстанцев, совершивших нападение на 17 русских гарнизонов.

1094 Вечером 21 июня (4 июля) 1862 г., вскоре после приезда великого князя Константина Николаевича в Варшаву, портной-подмастерье Людовик Ярошинский выстрелил в него в упор из пистолета, но только легко ранил.

1095 *Маслов* Степан Алексеевич (1793–1879) — писатель, организатор сельского хозяйства, секретарь Императорского Московского общества сельского хозяйства.

1096 *Муравьев* Михаил Николаевич (1796–1866) — генерал от инфантерии (1863), в 1863–1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края, руководил подавлением Польского восстания 1863–1864 гг.

1097 Карбункул (*лат.* carbunculus — уголек) — большой гнойный нарыв, чирий.

1098 Pressa — средства массовой информации, здесь: газета.

1099 Expropriation pour cause d'utilité publique — конфискация для народной пользы (*франц.*).

1100 Познани, Силезии, Галиции. См. комм. 101, 402, 421.

1101 Ксендзы — католические священники в Польше.

1102 «Религиозная терпимость» редактора «Московских ведомостей», т. е. М. Н. Каткова, выразилась в том, что он выступил за введение русского языка в католическую проповедь и вероучение и предложил вернуть в Россию известного русского католика-эмигранта Печерина Владимира Сергеевича (1807–1885). Катков призывал «не изгонять русских людей, ставших членами хотя и чуждой нам, но признаваемой нами церкви». Против этого на страницах тех же «Московских ведомостей» энергично

возражал Погодин. (См.: Московские Ведомости. 1863. № 168. 2 августа; № 174. 10 августа.)

1103 См.: *Погодин М. П.* Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина. Часть вторая. М., 1844. С. 139–140. Здесь речь идет о случайной встрече в Риме двух русских женщин — «старушки и девушки», перешедших в католичество, и навеянных этой встречей размышлениях Погодина, объясняющего подобные «переходы» из православия в католичество следующим образом: «...в детстве не получают эти господа и госпожи никаких понятий о религии, разве поверхностные. В молодости они грешат, увлекаясь потоком света; к старости, в чужих краях, приходят иногда в себя, и начинают думать и бояться будущей жизни — в эту-то минуту появляется ловец, услужливый Аббат, красноречивый, снисходительный, — он утешает, объясняет, убеждает, и овладевает умом и воображением бедного грешника или грешницы, которые прежде не слыхали и не имели случая ничего слышать подобного о своей церкви, верят на слово, что там и нет ничего, кроме заблуждений, не имея силы состязаться оружием слишком неравным, — и упадают в сети». Погодин, «как соотечественник и христианин», советует таким людям прежде обращения в католичество побывать у «Русского Священника или Архиерея», посоветоваться с ним и сравнить, рассудить его сведения и сведения аббата. А вообще, при виде «русских католиков», как признается Погодин, «кровь так и бросается мне в голову!».

1104 Gesammtes Vaterland — сборное отечество (*нем.*).

1105 Лифляндия (*нем.* Livland), немецкое название Ливонии, которая вошла в состав России в 1721 г. как Лифляндская губ.

Мингрелия. См. комм. 1229.

Даурия (Даурская земля) — русское название Забайкалья и части Приамурья.

1106 Курляндия — Курляндия, Курземе, старое название области Латвии, вошедшей в состав России 1795 г. как Курляндская губ.

Имеретия. См. комм. 1229.

Алеутия — полуостров Аляска и Алеутские острова (американо-русские владения до 1867 г., когда они были проданы Северо-Американским Соединенным Штатам за 7,5 млн долл.) и Командорские острова.

Курилия — Курильские острова, архипелаг на границе Охотского моря с Тихим океаном, до 1855 г. полностью, а до 1875 г. частично принадлежали Российской империи, в 1875 г. переданы Японии.

[1107] Воскрылия ризы (*церк.-слав.*) — края, подол царской одежды.

[1108] Город Вильна, в XIV–XVI вв. — столица Великого княжества Литовского, с 1795 г. в составе России, в 1865 г. центр Виленской губ.

Польское дело

Текст печатается по: [*Погодин М. П.*] Польское дело // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 488–535. Статья эта, написанная в ноябре-декабре 1865 г., в январе 1867 г. была дополнена примечаниями автора, готовившего к печати сборник своих работ по польскому вопросу.

[1109] В Варшаве во времена Погодина «для прогулок внутри города служили сад палат Красинского, где были присутственные места, и сад палат Саксонских, где впоследствии жил его императорское высочество государь цесаревич Константин Павлович» (*Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М., 2001. С. 740).

[1110] Цитадель — центральная, наиболее укрепленная часть крепости.

[1111] Военно-судные комиссии военного суда — учреждения, отправлявшие судебную деятельность в войсках.

[1112] Третейский суд — решение спора избранными сторонами, судьями-посредниками.

[1113] По так называемому Первому разделу 1772 г., одобренному польским сеймом 1773 г., Польша лишилась ряда важных пограничных территорий: к России отошли Южная Лифляндия с Динабургом, восточная Белоруссия с Полоцком, Витебском и Могилевым и восточная часть Черной Руси (правобережье Западной Двины и левобережье Березины); к Пруссии — Западная Пруссия (Польское Поморье) без Гданьска и Торуня и небольшая часть Куявии и Великой Польши (округ р. Нетцы); к Австрии — большая часть Червонной Руси со Львовом и Галичем и южная часть Малой Польши (Западная Украина).

[1114] Мономания (от *греч.* monos — один и mania — безумие) — помешательство на одном каком-нибудь предмете, идее.

[1115] Франкфуртский сейм — Союзное собрание (сейм) состоявшее из представителей отдельных государств, входящих в Германский союз

(Deutscher Bund) (1815–1866), заседало во Франкфурте-на-Майне под председательством австрийского делегата.

1116 Имеются в виду верхняя и нижняя палаты ландтага (парламента) Пруссии, 1-ю половину 1860-х гг. Пруссия соперничала с Австрией за главенство в Германском союзе и на конфликты с Россией по поводу российских поляков не шла, напротив, поддерживала ее в борьбе с повстанцами (см., например, конвенцию Альвенслебена 1863 г.).

1117 Развлекать (от *устар.* развлачать) — разнимать целое, растаскивать.

1118 Речь идет о процессе создания самоуправляющегося федеративного государства (Dominion of Canada) «под короной Великобритании», проект конституции которого был выработан в 1864 г. в Квебеке делегациями ряда провинций британской колонии в северной Америке.

1119 Имеется в виду Крымская (Русско-турецкая) война 1853–1856 гг.

1120 *Мицкевич* (Mickiewicz) Адам (1798–1855) — польский поэт, деятель национального движения. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. отправился с политической миссией в Константинополь, где намеревался организовать польский легион для помощи французам и англичанам в борьбе с Россией, но умер там от холеры.

1121 См. комм. 488.

1122 См. комм. 1036.

1123 Times — Таймс (*англ.* «The Times» — «Времена»), английская ежедневная газета, основанная в 1785.

1124 *Горчаков* Михаил Дмитриевич (1793–1861) — князь, генерал-адъютант, участник многих войн, в январе 1856 г., после смерти фельдмаршала Паскевича, был назначен наместником Царства Польского и главнокомандующим вновь сформированной 1-й армии. Оставался на своем посту в Варшаве до самой смерти в 1861 г. См. также комм. 869.

1125 *Ламберт* Карл Карлович (1815–1865) — граф, генерал-адъютант; 6 августа 1861 г. произведен в генералы от кавалерии и в тот же день назначен исправляющим должность наместника Царства Польского и командующим 1-й армией, каковым пробыл лишь два месяца, уволившись от должности после некрасивой истории с Герштенцвейгом, «по состоянию здоровья», уехал за границу, где и умер от чахотки.

Герштенцвейг Александр Данилович (1818–1861) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, 6 августа 1861 г. был назначен Варшавским военным генерал-губернатором и председательствующим в Правительственной комиссии внутренних дел Царства Польского. После введения 2 октября в Варшаве военного положения, сразу же принял решительные меры против готовившихся антироссийских выступлений поляков, арестовав, согласно приказанию наместника Ламберта, 1684 человека, собравшихся ночью в костеле. Однако Ламберт на следующий день, не поставив в известность генерал-губернатора, приказал «произвести разборку» арестованных и «невинных отпустить» — в течение 2 часов освобождено было более 1660 человек. Узнав об этом, Герштенцвейг явился к наместнику для объяснений. Результатом этих объяснений генерал-губернатора с наместником было самоубийство Герштенцвейга 5 октября 1861 г.

1126 *Лидерс* Александр Николаевич (1790–1874) — генерал-адъютант, граф (1862), в 1861 г. наместник Царства Польского. 15 июня 1862 г. во время прогулки в Саксонском саду Варшавы Лидерс был ранен террористом.

1127 Великий князь Константин Николаевич, наместник Царства Польского с июня 1862 по октябрь 1863 г., и его заместитель — начальник гражданского управления маркиз А. И. Велепольский пытались осуществить примирительную политику по отношению к мятежным полякам и проводить либеральные реформы по отношению к евреям и крестьянам. В ответ их попытались убить польские террористы — князя 4 июля, а маркиза 26 июля и 3 августа 1861 г.

1128 *Берг* Федор Федорович (Фридрих Вильгельм Ремберт) (1793–1874) — граф (1856), государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1865). В 1854–1861 гг. генерал-губернатор и командующий войсками в Финляндии, в 1863–1866 гг. исполняющий должность наместника и главнокомандующий войсками в Царстве Польском во время восстания 1863–1864 гг. После того как польский террорист 19 сентября 1863 г. метнул в него бомбу из дворца Замойских — приказал разрушить это историческое здание и жесткими репрессивными мерами подавил мятеж.

1129 Жонд, жонд народовы (*польск.* Rząd narodowy — национальное правительство) — центральный коллегиальный орган повстанческой власти во время польских мятежей.

1130 «Vox populi est vox dei» — «Глас народа — глас божий» (*лат.*).

1131 Речь идет о костромском пожаре, истребившем в сентябре 1847 г. почти половину Костромы, включая и знаменитый Богоявленский монастырь, превращенный пожаром в развалины; петербургских пожарах в мае 1862 года, огнем которых было уничтожено огромное количество домов между Апраксиным рынком и Троицкой улицей, выгорела вся Большая и Малая Охта, сгорел Апраксин двор и т. д. Однако все перечисленные пожары представляются ничтожными при сравнении с бедствием, обрушившимся на Симбирск в августе 1864 г., когда в течение 9 дней сгорел почти весь город, сгорело все, как оставшееся в домах, так и вывезенное, за несколько дней, на соборную площадь; никто не успел и не мог спасти ни казенного, ни своего имущества. 130 человек погибло в огне. Следствие велось несколько лет, но поджигатели так и не были установлены.

1132 Речь идет о принципе «Цель оправдывает средства», который обычно приписывается иезуитской морали, подчиненной политическим задачам, ради осуществления которых оправданы любые методы.

1133 Имеется в виду Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт) (1808–1873) — император Франции в 1852–1870 гг., внук Карло Буонапарте и Летиции Рамолино, этнических корсиканцев, родным языком которых был итальянский, активно поддерживал Сардинское королевство, вокруг центральной части которого — Пьемонта — в 1859–1860 гг. произошло объединение Италии. См. также комм. 785.

1134 См. комм. 669.

1135 Pia desideria — благие пожелания; благие намерения (*лат.*).

1136 Мадзини в 1830 г. был арестован правительством Пьемонта, спустя несколько месяцев освобожден и выслан из страны. Большую часть жизни Мадзини провел в изгнании: сначала во Франции, затем в Швейцарии, а после 1837 г. — в Лондоне. См. также комм. 977.

1137 20 декабря 1830 г. Лондонская конференция пяти великих держав (Россия, Великобритания, Франция, Австрия и Пруссия) признала суверенитет Бельгии, отделившейся от Нидерландского королевства, и в январе 1831 г. провозгласила ее вечный нейтралитет. Бельгийским королем был избран принц Леопольд Саксен-Кобургский под именем Леопольда I (1831–1865).

1138 Греция получила независимость от Османской империи в результате не только вооруженной борьбы самого греческого народа против турок, но и активной помощи европейских добровольцев, и самое главное — политической и военной поддержки со стороны России,

Англии и Франции, которые уничтожили турецко-египетский флот при Наварине 20 октября 1827 г. Окончательно судьбу Греции решила русско-турецкая война 1828–1829 гг., завершившаяся Адрианопольским мирным договором 1829 г., предусматривавшим предоставление автономии при условии уплаты дани султану. От остатков зависимости Греция была освобождена в 1830 г. Лондонской конференцией трех держав (России, Великобритании, Франции), официально признавших ее независимым государством.

1139 Сотеро — в сто раз.

1140 Альзас — Эльзас и Лотарингия — исторические области на востоке и северо-востоке Франции, отошедшие к ней по Вестфальскому миру 1648 г., 80% жителей которых говорили на немецком языке; предмет имперских вожделений Бисмарка, сумевшего все-таки аннексировать часть их территории в 1871 г.

1141 См. комм. 423.

1142 См. комм. 101.

1143 Трансильвания — юго-восточная часть Венгрии, примыкающая к Румынии и Буковине, с 1849 г. коронная земля Австрии, в 1867 г. соединена с Венгрией.

1144 Шотландия (Scotland — страна скоттов) — составная часть Великобритании, до унии с Англией (1707) — самостоятельное государство — Королевство Шотландия. Этническую основу шотландцев составили местные племена пиктов и кельтские племена скоттов, переселившиеся в V–VI вв. с о. Ирландия; в VII в. они частично смешались с прибывшими в Шотландию германскими племенами англов и саксов, восприняв их язык. Формирование шотландской народности происходило в условиях образования шотландского государства (XI в.) и борьбы против англичан. Политическое объединение Шотландии с Англией в начале XVIII в. и проводившаяся английским правительством политика ассимиляции не привели к слиянию шотландцев с англичанами.

1145 Померания, Силезия, восточная Пруссия. См. комм. 101, 1053.

1146 Речь идет о Северной войне 1655–1660 гг. Швеции и ее союзников против Речи Посполитой, во время которой шведские войска дважды (в 1655 и 1656) овладевали Варшавой и Краковом. На сторону шведского короля Карла X (см. комм. 465) перешло много магнатов, между ними князь Радзивилл, Опалинский и Радзеевский. Король Ян Кази-

мир (см. комм. 1148) вынужден был искать убежище в Силезии. Раздел Польши, раздираемой внутренней анархией и войнами с запорожскими казаками, Швецией и Россией, был вполне вероятен и был предотвращен ценою территориальных уступок. Речь Посполитая сумела выйти из войны со Швецией в 1660 г., заключив с ней Оливский мир на условиях статус-кво (утверждены довоенные границы, но польские представители династии Ваза отказались от претензий на шведский престол, а Речь Посполитая признала права Швеции на Лифляндию и Эстляндию). Еще в 1657 г. Польша отказалась от суверенных прав на Восточную Пруссию. Смоленщина, Левобережная Украина, Киев отошли России (1667).

1147 *Ян II. Казимир,* Иоанн Казимир (1609–1672) Ваза, польский король (1648–1668), вел непрерывные войны со Швецией, Москвой и казаками; со шведами заключил Оливский мир (1660), с русскими — Андрусовский мир (1667), под давлением военных неудач отрекся от престола (1668) и конец жизни провел в монастыре в Париже.

1148 Utinam falsus vates sim — о если бы я оказался лжепророком (*лат.*).

1149 См. комм. 483.

1150 Жидов — жид, жидовин (от *лат.* judaeus — «иудей»), традиционное славянское обозначение евреев и/или иудеев.

1151 Finis Poloniae — Польше конец (*польск.*).

1152 *Костюшко,* Косцюшко (Kosciuszko), Тадеуш-Андрей-Бонавентура (1746–1817), польский революционер, 24 марта 1794 г. в Кракове провозгласил начало восстания под лозунгами восстановления независимости Польши, воссоединения польских земель, отторгнутых в 1772 и 1793 гг. в ходе разделов Речи Посполитой. Был объявлен главнокомандующим национальными вооруженными силами. 10 октября в бою под Мацеевицами тяжело ранен и взят в плен царскими войсками, а затем заключен в Петропавловскую крепость. От слов о конце Польши, приписываемых ему молвой, впоследствии отказывался, ссылаясь на свое бессознательное состояние во время пленения. За поражением восстания последовал третий раздел Польши (1795) и окончательная ликвидация Польского государства.

1153 См. комм. 421.

1154 Губернии Царства Польского, в его юго-восточной части, на границе с Галицией — Люблинская, и самая северная часть, на границе с Пруссией — Августовская (с 1867 г. Сувалкская).

1155 См. комм. 457, 554.

1156 *Дибич-Забалканский* Иван Иванович (1785–1831) – граф (1827), военачальник, генерал-фельдмаршал (1829), с 1823 г. начальник Главного штаба. Главнокомандующий в русско-турецкую войну (в 1829) и при подавлении Польского восстания 1830–1831 гг.

1157 Краковское предместье (Krakowskie Przedmieście), красивейшая улица Варшавы.

1158 A la fin des fins – в конце концов (*франц.*).

1159 Курфирсты – курфюрсты (*нем.* Kurfürsten, *букв.* – князья-избиратели, от Kur – выбор, избрание и Fürst – князь), в «Священной Римской империи» князья, за которыми с XIII в. было закреплено право избрания короля (императора). Курфюрстами были: архиепископы Трирский, Кельнский и Майнцский, светские князья Саксонии, Бранденбурга, Пфальца и король Чехии. Курфюрст Саксонии Фридрих-Август I (1694–1733) был избран также королем польским, и Саксония, благодаря этому, была соединена с Польшей личной Унией 1697–1763 гг.

1160 Варшавское Великое Герцогство, государство, образованное по условиям Тильзитского мира 1807 г. на польских землях, отторгнутых Наполеоном I у Пруссии (1807) и Австрии (1809). В 1813 г. занято русскими войсками. Решением Венского конгресса 1814–1815 гг. большая часть территории вошла в состав России как Царство Польское, остальные земли разделены между Австрией и Пруссией.

1161 Поэма «Пан Тадеуш или последний наезд на Литве» (Шляхетская история 1811–1812 гг. в двенадцати книгах стихами) – поэтическая эпопея, которую Адам Мицкевич написал в 1832–1834 в парижской эмиграции.

1162 См. комм. 323.

1163 *Поццо ди Борго* (Pozzo di Borgo), Карл-Андрей (1764–842) – граф (1825), русский дипломат, уроженец о. Корсика, враг Наполеона, Президент Государственного совета Корсики (1794), должен был эмигрировать (1796), в 1812 г. принят на русскую службу, был посланником в Париже, представителем России на Венском конгрессе, посланником в Лондоне.

Каслри, Кастлериг (Castlereagh) Роберт Стюарт, виконт Каслри, маркиз Лондондерри (Londonderry) (1769–1822), государственный деятель Ве-

ликобритании; главный секретарь по делам Ирландии (1798–1801), военный министр (1807–1809), министр иностранных дел (1812–1822). Противник наполеоновской империи и России. Особо важной задачей считал укрепление и значительное территориальное расширение Пруссии. Поддерживал деятельность Священного союза.

1164 См. записку «Мнение русского гражданина», поданную Александру I в 1819 г., в которой Н. М. Карамзин выступает против планов восстановления Польши.

1165 После присоединения части Речи Посполитой к России (1795) был создан Виленский учебный округ, во главе которого стояли попечитель и Виленский университет, образованный в 1803 г. в результате реорганизации Главной школы. В январе 1803 попечителем округа был назначен Адам Ежи (Юрий) Чарторижский (1770–1861), один из ближайших друзей Александра I, польский патриот, в то время лелеявший планы объединения всех польских земель под властью русского императора.

1166 Император Николай приехал в Варшаву для коронации. Решено было убить его, братьев и наследника, во время парада на Саксонской площади — польские заговорщики (П. Высоцкий, Ю. Заливский и др.) планировали начать антироссийское восстание с убийства императора Николая I и других членов императорской фамилии во время коронации Николая I как царя польского, которая, по слухам, предполагалась в конце марта 1829 г. Случайный арест одного из заговорщиков помешал осуществлению этого террористического акта: коронация благополучно состоялась в мае 1829 г., а восстание началось в ноябре 1830 г.

1167 *Мохнацкий,* Мохнацкой Маврикий (1804—1834), польский революционер, историк и публицист, один из руководителей польского восстания 1830–1831 гг., сражался у Грохова и Остроленки, где был тяжело ранен; эмигрировал во Францию, написал там историю восстания (Powstanie narodu polskiego, w r. 1830–1831. P. 1834).

1168 Инсуррекция (от *лат.* insurrectus — восставший) — противоправительственное восстание.

1169 Катехизис (от *греч.* katechesis — поучение, наставление) — руководство, содержащее основные положения христианского вероучения, здесь — свод правил.

1170 Царство Польское. См. комм. 472.

1171 См. комм. 991.

1172 *Шмит* Генрих (1817–1883) — польский историк, сын немца, переселившегося в Галицию и женившегося на польке, он проникся польским патриотизмом и принимал самое деятельное участие в польском революционном движении; важнейшие его сочинения: «Rys dziejów narodu polskiego» (Львов, 1854–1855); «Dzieje Polski XVIII i XIX wieku» (Краков, 1866–1867) и др.

1173 Поверочные комиссии были учреждены 9 апреля 1863 г. для поверки размера денежных повинностей и для определения выкупных платежей вышедших из крепостной зависимости крестьян во всех уездах губерний Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и в четырех Инфляндских уездах Витебской (Динабургском, Дрисенском, Люцинском и Режицком). Комиссии должны были окончить свои действия в двухгодичный срок. Каждая комиссия состояла из одного члена от министерства внутренних дел, одного члена от министерства финансов и мирового посредника. Практика создания поверочных комиссий существовала в 1866 г., когда их функции были возложены на местные мировые съезды.

1174 Тышкевичи — графский род русско-литовского происхождения, родоначальником которого считается Тышка (Тимофей) Каленикович Мишкович, живший в 1-й половине XV в.

1175 Литовский статут (от *лат.* statuo — постановляю), кодекс права Великого княжества Литовского, составленный в трех редакциях (1529, 1566 и 1588) на русском языке, был переведен на польский язык в 1616 г., действовал в некоторых районах Белоруссии и Литвы до 1840 г.

1176 Синодики (от *позднегреч.* synodikon) — в церковном обиходе: книга записи имен умерших для поминовения во время богослужения.

1177 Соединение Литвы с Польшею в одно государство — Люблинская уния состоялась в 1569 г. на Люблинском сейме. Условиями ее были: избрание и коронование короля в одной Польше, один общий сейм, один сенат, одна монета.

1178 Секвестр (от *лат.* seqvestro — ставлю вне, отделяю), временная конфискация, ограничение пользования каким-либо имуществом.

1179 «Jeszcze Polska nie zginęła» («Еще Польша не погибла»), начальные слова польской патриотической песни, написанной Юзефом Выбицким (1747–1822) в 1797 г. в Италии как песня польских легионов, организо-

ванных Яном-Генрихом Домбровским (1755–1818) и участвовавших во всех походах французской армии с 1796 по 1813 г. С 1831 г. это произведение считается национальным гимном поляков.

1180 Coelum nobilium, paradisus clericorum, infernus rusticorum — небо — знати, рай — священникам, ад — крестьянам (*лат.*).

1181 Быдло (*польск.* bydlo) — скот.

1182 Ляхи, лехи — название поляков, встречающееся уже в русских летописях.

1183 *Бренн*, вождь сенонов (галльское племя), возглавивший поход галлов на Рим, разбил римлян 18 июля 387 г. до н. э. у реки Аллия (приток Тибра), взял Рим и наложил контрибуцию. По преданию, при отвешивании римлянами выкупа — контрибуционного золота, Бренн бросил на одну чашу весов свой меч со словами: «Vae victis!» («Горе побежденным!»).

1184 *Друцкий-Любецкий,* Любецкий (Drucki-Lubecki) Францишек Ксаверы (1779–1846) — князь, польский государственный деятель. Родился в Белоруссии в магнатской семье. В 1821–1830 гг. министр финансов Королевства Польского. В 1828 г. основал Польский банк. После начала Польского восстания 1830–1831 гг. принял предложение диктатора Ю. Хлопицкого, стремившегося завязать переговоры с императором Николаем I, и поехал с миссией в Петербург, где остался. В 1832 г. назначен членом Государственного совета.

1185 Habeant sua fata nationes — *букв.* народы имеют свои судьбы; здесь: у каждого народа своя судьба (*лат.).*

1186 Par le droit de repressailles (*франц.*) — право репрессий.

Программа Утра на будущее время (Мнения о текущих вопросах)

Текст печатается по: *Погодин М.* Программа Утра на будущее время (мнения о текущих вопросах) // Утро, Литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1866. С. 377–390. В тексте сборника в заглавии стоит «Программа», в оглавлении «Программа Утра на будущее время (мнения о текущих вопросах)».

1187 Погодин стал издавать газету «Русский», первые «листы» этой «газеты политической и литературной» вышли 13 марта 1867 г.

1188 Корифеи — корифеи (*греч.* koryphaios), выдающиеся люди в науке, искусстве и др.

1189 См. комм. 896.

1190 См. комм. 1006, 1443.

1191 Кабинеты Тюильерийский и Сен-Джемский — правительства Франции и Великобритании.

1192 *Чихачев* Петр Александрович (1808–1890) — русский путешественник, географ и геолог.

1193 *Муравьев-Амурский* Николай Николаевич (1809–1881) — граф, русский государственный деятель и дипломат, генерал от инфантерии (1858). В 1847–1861 гг. енисейский губернатор, генерал-губернатор Восточной Сибири. Проводил активную деятельность по изучению и освоению края, уделял внимание заселению края и расширению торговли на Дальнем Востоке.

1194 *Игнатьев* Николай Павлович (1832–1908) — граф, государственный деятель и дипломат. Стал генералом в 27 лет. Будучи уполномоченным в Пекине, в 1860 г. добился от Китая ратификации выгодного для России договора, по которому ей уступался левый берег р. Амура, р. Уссури и приморский берег до Кореи, исправлялась западная граница с Китаем и обеспечивалось право сухопутной торговли русских купцов в китайских владениях, а также устройство консульств. В 1861–1864 гг. директор Азиатского департамента МИД.

1195 Весною 1865 г. на землях, присоединенных к Российской империи генералом Черняевым Михаилом Григорьевичем (1828–1898), взявшим Чимкент (1864) и Ташкент (1865), была учреждена Туркестанская область в составе Оренбургского края.

1196 Восточный вопрос — комплекс международных конфликтов конца XVIII — начала XX вв., связанных с борьбой балканских народов против турецкого ига и с соперничеством великих держав (России, Австрии, Великобритании, Франции, позже Италии и Германии) за раздел слабеющей Османской империи (Турции). В широком смысле суть этого вопроса — противостояние России и Европы.

1197 В ходе Крымской войны 1853–1856 гг. в начале сентября 1854 г. войска союзных Турции держав высадились в Крыму к югу от Евпатории с тем, чтобы подойти к Севастополю с суши. 13 сентября 1854 г. в городе было объявлено осадное положение. Началась оборона, продолжавшаяся 349 дней.

1198 Император Николай I. См. комм. 989.

1199 Si vis pacem, para bellum (*лат.*) — если хочешь мира, готовься к войне.

1200 Санкт-Петербурго-Варшавская железная дорога, протяженностью 1510 верст, сооружена (с перерывом на период Крымской войны) Главным обществом российских железных дорог в 1852–1862 гг. К 1859 г. она дотянулась до Пскова, а к 1862 г. достигла Варшавы. На ее постройку была израсходована фантастическая по тем временам сумма в 86 270 000 рублей.

1201 Заемное письмо или вексель (от *нем.* Wechsel — обмен) — безусловное письменное долговое срочное денежное обязательство, составленное с соблюдением предписанных форм.

1202 Перечислены города Российской империи: Орел, губернский город, на р. Оке; Харьков, губернский город; Киев, губернский город, на правом берегу р. Днепр; Екатеринослав, губернский город, на р. Днепре; Феодосия, уездный город Таврической губ.; Таганрог, город на берегу Азовского моря; Балта, уездный город Подольской губ., на р. Колыме; Пермь, губернский город, на р. Каме; Оса, уездный город Пермской губ., на р. Каме; Екатеринбург, уездный город Пермской губ., на р. Исети; Ирбит (правильнее Ирбить), уездный город Пермской губ., на р. Ирбити.

1203 Ассигнации (*франц.* assignats, то есть свидетельства на получение денег), бумажные деньги, выпускавшиеся в России с 1769 до 1843 г., когда были заменены кредитными билетами, бумажными денежными знаками, обеспеченными особым металлическим фондом.

1204 Пропущено в тексте.

1205 Дренаж (*франц.* drainage — слив, отвод, сток) — осушение почвы посредством системы труб.

1206 Ассигнационный рубль — сначала расчетная, вспомогательная, а затем — основная денежная единица Российской империи с 1769 до 1 января 1849 г., бумажные деньги, имевшие хождение наравне с серебряным рублем с рыночным курсом взаимного обмена обеих валют.

1207 В 1839 г. по инициативе министра финансов Канкрина Егора Францевича (1774–1845) в России в основу денежного обращения был положен серебряный рубль и установлен обязательный курс ассигнации: 3 руб. 50 коп. ассигнациями = 1 руб. серебром. В 1843 г. ассигнации начали постепенно изыматься из обращения и обмениваться по обя-

зательному курсу на кредитные билеты, свободно размениваемые на серебро.

1208 «Civis Romanus sum» (*лат.*) — «Я римский гражданин», эти слова обеспечивали право неприкосновенности личности римских граждан, которых брала под свою защиту Римская империя. (В частности, их произнес апостол Павел, подвергнувшийся истязаниям. См.: Распоряжение о бичевании Павла и отмена его. *Фаррар Ф. В.* Жизнь и труды ап. Павла. Т. 2. С. 181; http://www. rus-sky. net/history/library/barsov/9. htm.)

1209 Pendant (*франц.*) — предмет, схожий в каком-нибудь отношении с другим.

1210 Гельзингфорсе — Гельсингфорс (Helsingfors), шведское название города Хельсинки, столицы Финляндии.

1211 См. комм. 194, 916.

1212 Архиерей (от *греч.* archieréus — старший), или епископ, в православной церкви лицо, принадлежащее к высшему чину священнослужителей.

1213 Богадельня — благотворительное учреждение для призрения инвалидов.

1214 См. комм. 468.

1215 Гимназии — средние общеобразовательные учебные заведения в России, служившие, в основном, для подготовки к поступлению в университеты.

1216 Так в тексте.

1217 Синтаксис (*греч.* syntaxis — составление) — отдел грамматики, изучающий предложение, словосочетания.

1218 Анархия (*греч.* anarchia) — отсутствие власти, безначалие, беспорядок.

1219 Апатия (от *греч.* apatheia — бесчувственность) — равнодушие, холодность, бездеятельность, вялость.

1220 Циркуляр (от *лат.* circularis — круговой) — официальное распоряжение, рассылаемое как директива подведомственным учреждениям и лицам.

1221 См. комм. 923.

1222 *Огрызко,* Огризко Иосафат Петрович (1826–1890), польский политический деятель, в 1850–1860-х гг. служил в Министерстве Финансов, с

1858 г. издавал в Петербурге польскую газету «Słowo», закрытую в 1859 г. за антирусскую пропаганду. В 1863–1864 гг. — один из руководителей польского вооруженного восстания, приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. По словам князя В. П. Мещерского, как вице-директор департамента акцизных сборов, Огрызко был одним из инициаторов проекта питейной реформы, менявшей откупную систему водочной торговли на акцизную, и руководствовался при этом желанием «соблазнить мужика дешевою водкою и затем его споить, — споить в смысле разорения материального, споить в смысле нравственного растления» (см.: *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Т. 1. С. 243–246. http://www.voskres.ru/idea/dronov1_printed. htm).

1223 Пропинация — исключительное право производства и продажи спиртных напитков.

1224 Дворянские собрания губернские и уездные, органы дворянского сословного самоуправления в Российской империи, собиравшиеся раз в три года для решения сословных и местных дел, выборов предводителей дворянства, исправников и др.

1225 Опекунский совет — орган административного управления.

1226 Земские собрания уездные и губернские — распорядительные органы земств (с 1864) в Российской империи, состоящие из выборных представителей — гласных, собиравшиеся ежегодно под председательством губернского или уездного предводителя дворянства для утверждения раскладки земских повинностей, отчетов земских управ, ходатайств перед правительством о местных нуждах.

1227 Почтовая повинность — натуральная земская повинность, на Руси существовала «повозная повинность» — выставлять лошадей с повозками для княжеских гонцов, в 1782 г. Екатерина II назначила средством к содержанию почтовой службы в России денежные сборы с мирных обывателей, которые должны были платить почтовую «повинность» как налог. Император Павел I отменил это, но в 1797 г. возложил обязанность исполнения почтовой службы на самих городских и сельских жителей. Александр I причислил почтовое содержание к земским повинностям.

1228 Предостережение — мера административного воздействия на периодическую печать, заимствованная из Франции; в Российской империи с 1865 выносилось министерством внутренних дел за нарушение цензурных правил, после третьего предостережения издание приостанавливалось или закрывалось.

Послание к г. Тьеру

Текст печатается по: *М. Погодин.* Послание к г. Тьеру // Русский, газета политическая и литературная. Марта 20, 1867. Л. 3 и 4. С. 33–36. Сверено по: *Погодин М. П.* Послание к г. Тьеру // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 173–180.

[1229] Исторические области в Западной Грузии:

Имеретия, Имерети, с центром в г. Кутаис. С конца XV в. самостоятельное Имеретинское царство, с 1555 г. вассал Османской империи, в 1804 г. правитель царства принят в Российское подданство, с 1811 г. в составе Российской империи.

Мингрелия, Мегрелия, с центром в г. Зугдиди. С середины XVI в. Мегрельское княжество в Западной Грузии, выделившееся из Имеретинского царства, в 1803 г. владетель княжества принят в российское подданство, в 1857 г. введено российское управление, а княжество упразднено в 1867 г.

[1230] Обиходное название государственных крестьян. См. комм. 980.

[1231] Habent sua rata nationes — см. комм. 1185.

[1232] Bon-gré mal-gré (*франц.*) — волей-неволей.

[1233] *Бисмарк* (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен (Schönhausen) (1815–1898) — германский государственный деятель, князь. Депутат 1-го и 2-го соединенных ландтагов Пруссии. В 1851–1859 гг. представитель Пруссии в бундестаге во Франкфурте-на-Майне, в 1859–1862 гг. прусский посланник в России, в 1862 г. — во Франции. С 1862 г. министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Был инициатором конвенции 1863 г. с правительством царской России о возможных мерах по совместному подавлению восстания в Польше. В 1867 г. стал бундесканцлером Северо-Германского Союза. В 1871 г. осуществил объединение Германии и стал рейхсканцлером Германской империи.

[1234] Якобинцы — здесь: радикальные революционеры, использующие весь спектр средств, включая и массовый террор.

[1235] *Лейард* (Layard) Остин Генри (1817–1894) — английский археолог, политический деятель и дипломат. В 1860 г. был избран в парламент, где играл роль одного из вождей партии реформы. В 1868 г. был мини-

стром общественных работ, в 1869 г. — чрезвычайным послом в Мадриде, в 1877–1880 гг. в Стамбуле.

1236 Карл XII, Наполеон I и Наполеон III. См. комм. 5, 463, 1137.

1237 19 марта 1814 г. после ряда кровопролитных сражений войска союзников по антинаполеоновской коалиции (Англия, Россия, Австрия и Пруссия) вступили в Париж.

1238 См. комм. 161, 331, 332, 334, 349, 354, 367.

1239 *Фотий* (Photios) (между 810 и 827 — между 891 и 897) — византийский церковно-политический деятель, писатель. Патриарх Константинополя в 858–867 и в 877–886 гг. Среди работ Фотия сохранились три сочинения, являющиеся первыми достоверно датируемыми греческими текстами, упоминающими о Руси: две гомилии (проповеди, беседы), произнесенные Фотием с кафедры собора Святой Софии в Константинополе перед горожанами во время нападения флота Руси на столицу Византии летом 860 г., и третий документ — «Окружное послание» Патриарха Фотия Восточным Патриаршим престолам, посвященное созыву Собора в Константинополе (867), где Фотий упоминает о добровольном крещении воинственной Руси, еще недавно причинившей столько бедствий христианам. Текст этой проповеди впервые опубликован в 1864 г. русским востоковедом, византологом, путешественником, епископом Порфирием (в миру — Константин Александрович Успенский) (1804–1885). (См.: Четыре беседы Фотия, святейшего архиепископа Константинопольского и рассуждение о них архимандрита Порфирия Успенского. СПб., 1864.)

1240 См. комм. 161.

1241 См. комм. 58.

1242 См. комм. 58.

1243 Аральское море, Арал (*тюркск.* арал — остров) — бессточное соленое озеро в Центральной Азии.

1244 Суэцкий канал, судоходный бесшлюзовой морской канал, соединяющий Средиземное и Красное моря — кратчайший водный путь между портами Атлантического и Индийского океанов. В 1854 г. Фердинанд де Лессепс (Lesseps) (1805–1894), французский дипломат, получил от Саида-паши, правителя Египта, концессию на создание Всеобщей компании Суэцкого канала. Она была сформирована в 1858 г. Работы по строительству канала велись с 1859 по 1869 г.

1245 Малая Азия, полуостров на западе Азии, длиной с запада на восток свыше 1000 км, а шириной от 400 до 600 км, составлял срединную часть территории Османской империи, омываемый Средиземным, Эгейским, Мраморным и Черным морями и проливами Босфор и Дарданеллы. К 1875 г. здесь было проложено 590 км железных дорог (для сравнения, в русской Азии — 825 км, а в Китае — 13 км).

1246 См. комм. 1138.

1247 Pia desideria — благие пожелания (*лат.*).

1248 См. комм. 10, 35.

1249 Имеется в виду Экс-ан-Прованс (Aix-en-Provence), город на юго-востоке Франции рядом с Марселем, в нем родился Ф. Минье и учился в университете А. Тьер.

1250 *Минье* (Mignet) Франсуа Огюст Мари (1796–1884) — французский историк, ближайший друг А. Тьера.

1251 Опечатка, следует читать не Гизо, а Тьер.

Лекция о Славянах, читанная в этнографическом обществе, Апреля 4 дня, 1867 года

Лекция о Славянах, читанная в Этнографическом обществе. Апреля 4 дня, 1867 // Русский, газета политическая и литературная. Апреля 10. 1867. Л. 9 и 10. С. 129–137.

1252 В 1864 г. при Московском университете было создано Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое стало инициатором Всероссийской этнографической выставки 1867 г.

1253 Физиогномия (*устар.*), физиономия, индивидуальный облик, отличительные черты кого- или чего-нибудь.

1254 4 апреля 1866 г. произошло покушение на жизнь императора Александра II: в 4 часа дня после прогулки в Летнем саду, когда император направился к карете, ждавшей его за воротами, неизвестный человек, стоящий в толпе у решетки сада, попытался выстрелить в царя. Пуля пролетела мимо, потому что кто-то успел ударить убийцу по руке. Злоумышленника схватили, а быстро овладевший собой император отправился в Казанский собор, чтобы отслужить благодарственный молебен

за счастливое спасение. Террорист Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) был повешен, спаситель — крестьянин Осип Комиссаров — пожалован деньгами и дворянством.

1255 См. комм. 101, 290, 402, 426, 566, 579, 874, 880, 1053, 1138, 1245.

1256 См. комм. 319.

1257 См. комм. 441.

1258 *Прокопий Кесарийский* (Prokópios) (между 490 и 507 — после 562) — византийский историк.

1259 *Маврикий* (Mauritius) Флавий Тиберий (539–602) — византийский император (с 582).

1260 См. комм. 297.

1261 Винеды, венеды, венеты, венды (*лат.* Venedi, Veneti), древнейшее наименование славянских племен, по-видимому, относящееся к их западной ветви. Они жили, как свидетельствуют некоторые античные авторы, по Висле и побережью Балтийского моря, а согласно другим источникам — к северу от Карпат и на Нижнем Дунае. Плиний Старший, Тацит с некоторыми колебаниями причисляли их к сарматам.

1262 Сарматы (*лат.* sarmatae) — общее название ираноязычных кочевых скотоводческих племен (аланы, роксоланы, савроматы, языги и др.), в III в. до н. э. вытеснивших из Северного Причерноморья скифов. Они воевали с государствами Закавказья и Римом и были разгромлены гуннами.

1263 Кельты. См. комм. 151.

Гунны, или хунну — кочевой народ, сложившийся во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну, прикочевавших из Центральной Азии, и местных угров и сарматов. В IV в. покорили аланов Северного Кавказа, перешли Дон, разгромили (375) готов в Северном Причерноморье, подчинив большую часть остготов и заставив вестготов отступить во Фракию. В 394–395 гг., пройдя через Кавказ, опустошили Сирию и Каппадокию, затем, обосновавшись в Паннонии, делали набеги на Восточную Римскую империю. Наибольшего территориального расширения и мощи гуннский союз племен (в который, кроме гуннов, входили покоренные ими остготы, герулы, гепиды, а также некоторые другие германские и негерманские племена) достиг при Аттиле (правил в 434–453), который в 451 г. вторгся в Галлию, но на Каталаунских полях был разбит

римлянами, вестготами и франками. После этого их союз распался, а гунны как народ постепенно исчезли.

Авары, или обры, большой племенной союз, главную роль в котором играли тюркоязычные племена (V–VIII вв). В середине VI в. в Паннонии был создан Аварский каганат. Авары совершали набеги на славян, франков, лангобардов, грузин, а также на Византию, но в конце VIII в. были разбиты франками Карла Великого, а затем полностью ассимилированы народами Западного Причерноморья и Подунавья.

Козары, или хазары. См. комм. 748.

Болгары. См. комм. 467.

1264 См. комм. 441.

1265 См. комм. 415.

1266 *Хомяков* Алексей Степанович (1804–1860) — поэт, публицист, религиозный философ, один из основателей славянофильства.

1267 *Фальмерайер* Якоб-Филипп (Fallmerayer) (1790–1861) — немецкий историк и путешественник, автор теории родства современных греков со славянами.

1268 *Пелопоннес* (Pelopónnesos), полуостров в Греции, южная часть Балканского полуострова.

1269 Ванде — Вандея (Vendée), департамент в западной Франции.

Бретань (Bretagne), историческая область, большой полуостров на северо-западе Франции, многие жители которого говорят на бретонском языке, кельтском языке Бретани.

1270 Рюген (Rugen), остров в Балтийском море, у берегов Померании.

1271 См. комм. 743.

1272 Ильмень (*др.-рус.* Словенское море), озеро в Новгородской губ. Российской империи.

1273 Исполинские горы (*нем.* Riesengebirge), главный горный хребет Судетской системы, частью составляющий границу Силезии и Богемии.

1274 Ельба — р. Эльба.

1275 Дреговичи — племя русских славян, жившее между Припятью и Западной Двиной.

1276 Припеть — р. Припять.

1277 Дулебы — группа восточнославянских племен на Волыни в VI — начале X вв.

1278 Паннония (*лат.* Pannonia), историческая область на правом берегу Дуная, получившая название от группы иллирийских племен — паннонцев.

1279 Северяне — группа восточно-славянских племен, заселявшая в VIII–X вв. поречье Десны, Сейма и Сулы.

1280 Перечислены реки: Десна, левый, самый длинный приток Днепра; Сейм, левый приток Десны; Сула, левый приток Днепра.

1281 Царство Сама — первое славянское государство образовал союз чешско-моравских племен, связанный с именем Само (властвовал в 623–658); его возникновение было вызвано необходимостью отражения аваров, пришедших из причерноморских степей. Царствование Само продолжалось тридцать пять лет. За это время он создал обширное государство, которое включало земли лужицких сербов, дулебов, чехов, моравов, словаков, черных хорватов, распространялось за Дунай, на территорию Паннонии и южных славян. Главным городом державы Само стал Вышеград на реке Мораве. После смерти Само союз племен распался.

1282 Царство Святополка — речь идет о Моравском (Великоморавском) княжестве, государстве западных славян в IX — начале X вв., которое охватывало территорию Моравии, Словакии, Чехии, Лужиц, Паннонии, по-видимому, Малой Польши и часть словенских земель, с главным городом Велеград. Первым исторически известным князем был Моймир I (правил в 830–846), при нем началось распространение христианства. Преемник Моймира Ростислав (846–870) заключил союз с Византией (862). В 863 г. по его просьбе в княжество прибыли из Византии славянские просветители Кирилл и Мефодий. Они создали независимую от германского епископата славянскую церковь (869 или 870). В правление племянника Ростислава — Святополка (870–894) государство достигло наибольших размеров. Но его государство не являлось централизованным, не имело единой системы управления. После смерти Святополка оно было разделено между его сыновьями.

1283 Речь идет о славянском государственном объединении VII — начала XI вв. — Первом Болгарском царстве, достигшем расцвета при царях Борисе и Симеоне. В 865 г. царь Борис I (852–889), чтобы повысить международный престиж Болгарского царства, принял христианство,

а с 870 г. болгарская церковь была признана независимой. Позиции христианства в Болгарии еще более упрочились после прибытия сюда Климента и Наума, учеников славянских просветителей Кирилла и Мефодия, которые перевели основные части текста Библии и некоторые византийские религиозные труды на староболгарский язык, заложив тем самым основы славянской литературы. Государство процветало и при сыне Бориса, Симеоне (893–927), который получил образование в Константинополе и считается величайшим из болгарских правителей. Он расширил территорию Болгарского царства от Адриатического моря на западе до Черного — на востоке, создал в междуречье рек Лим и Ибар зависимое от него государство сербов. Столица Болгарского государства при Симеоне была перемещена из Плиски — военно-административного поселения — в Преслав — собственно городской центр, обустроенный по образцу византийских городов. В 927 г. Симеон объявил себя «царем болгар и греков». В период его правления превратилась в крупный центр просвещения и София (Средец). При Симеоне многие византийские книги по праву и теологии переводились на староболгарский язык, был составлен первый свод славянских судебных законов. После смерти Симеона государство стало быстро распадаться.

1284 Единое сербское государство сложилось при Стефане Немане (1170–1196) — родоначальнике династии Неманичей (правили до 1371), при Стефане Душане (около 1308–355), короле (с 1331) было создано обширное сербо-греческое государство, Душан принял в конце 1345 г. титул «царя сербов и греков»; сербский архиепископ (архиепископия с 1219) был провозглашен патриархом.

1285 *Пржемысл I Отакар* (?–1230), из династии Пржемысловичей (IX–XIV), князь (1192–1193, 1197), король Чехии (с 1198), добился от германского короля Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250) признания независимости Чехии (1212). После прекращения династии Пржемысловичей (1306) чешские земли вошли (1310) в состав владений Люксембургов — династии, правившей в «Священной Римской империи». При Карле IV (1316–1378), императоре и германском короле (с 1347), чешском короле (под именем Карл I, Karel, с 1346), возросло значение Праги, за чешскими королями были закреплены (1356) права курфюрстов (выборщиков императора), учреждено Пражское архиепископство (1344), основан Пражский (Карлов) университет (1348).

1286 См. комм. 258.

Иероним Пражский (Jeronym Prazsky) (1371–1416), чешский реформатор, ученый, оратор, друг и сподвижник Яна Гуса. Так же как

Гус, был обвинен в ереси Констанцским собором (1815) и сожжен на костре.

1287 Пясты, польская княжеская и королевская династия. Первый исторически достоверный князь — Мешко I (ок. 960–992), под властью которого находились как великопольские земли и Мазовия, так и Поморье и Силезия. Он в 966 г. принял христианство по латинскому обряду и начал христианизацию страны. Его сын Болеслав I Храбрый принял королевский титул (1025). Королевская линия Пястов пресеклась в 1370 г. со смертью Казимира III.

Ягеллоны, династия польских королей (1386–1572) и великих князей литовских (1377–1572, с небольшими перерывами); правили также в Чехии (1471–1526) и Венгрии (1440–1444, 1490–1526).

1288 Стефан Баторий, Иван Собесский. См. комм. 189, 6312.

1289 См. комм. 440, 539.

1290 Миллионов.

1291 Отмена — различие, разность (Вл. Даль).

1292 См. комм. 441.

1293 Грачинская гора — Градчанская гора, Градчанская площадь перед Пражским Градом.

1294 23 мая 1618 г. имперские чиновники Вильям Слават, Ярослав Мартиниц и их писец Фабрициус были выброшены дворянами-протестантами в ров из высокого крепостного окна в пражском граде, но не погибли, поскольку приземлились в кучу навоза. Эта дефенестрация (*букв.* — акт выбрасывания кого-либо из окна) стала центральным событием в инициировании Тридцатилетней войны (1618–1648).

1295 Скорее всего Погодин «кланялся» гробницам св. Вацлава, а не св. Войтеха, умершего в Пруссии, и Карла IV: в пражском соборе (кафедральном костеле) свв. Вита, Вацлава и Войтеха находится королевская крипта с саркофагами чешских правителей Карла IV и др., в том числе Вацлава Святого (ок. 907–935 или 936) — чешского князя (с 924) из рода Пржемысловичей, почитаемого как католиками, так и православными (под именем св. Вячеслава) святым покровителем Чехии.

1296 Каноник Пешина из Чехорода, основатель «Объединения достройки Святовитского храма», служитель кафедрального костела свв. Вита, Вацлава и Войтеха, где хранится десница святого просветителя славян,

в 1855 г. в присутствии профессоров Шафарика и Ганки отделил часть св. мощей, положил в особый ковчег и вручил его Погодину вместе с документом, где на латинском языке был засвидетельствован этот дар.

1297 Ипохондрия (от *греч.* Hypochondria, буквально — подреберье) — нервное расстройство, болезненное состояние, характеризующееся преувеличенным вниманием к состоянию здоровья, необоснованным страхом за него и саму жизнь.

1298 См. комм. 1483.

1299 Молдава — река Молдава (Влтава), левый приток р. Лаба (Эльба).

1300 *Раячич* Иосиф (?–1861?), сербский церковный и государственный деятель, посвящен в сан 1829 г., в 1848 г. во время революции в Венгрии, будучи Карловацким митрополитом в Австрийской империи (1842–1848), созвал в Сремских Карловцах национальную скупщину, которая объявила Сербию воеводством венгерского королевства Австрийской империи, а Иосифа сербским патриархом (1848–1861).

1301 Фрушка гора, «Фруктовая гора» в Воеводине, сердце сербского монашества, на которой расположено полтора десятка монастырей.

1302 *Стоматович* — Стаматович Павел, сербский священник, который в 1848 г. во время Славянского съезда в Праге (где был избран председателем юго-славянской секции), впервые за несколько столетий совершил православную Божественную литургию на славянском языке.

1303 См. комм. 512.

1304 *Петрониевич* Аврам (1791–1852) — государственный деятель Сербии. Премьер-министр Княжества Сербия (1839–1840; 1842–1843; 1844–1852), член Регентского Совета (1839–1840; 1842).

1305 *Милутинович* Симо Сарайлия (1791–1847) — выдающийся сербский поэт, драматург, историк.

1306 См. комм. 496.

1307 См. комм. 521.

1308 См. комм. 510.

1309 Эпир, Фессалия, Албания. См. комм. 817.

1310 *Бейст* (Beust) Фридрих-Фердинанд (1809–1886) — саксонский министр (с 1853), в 1866 г., после неудачного исхода войны с Прусси-

ей перешел в австрийскую службу, был министром иностранных дел, министром-президентом и канцлером (1867–1870).

1311 Фанариоты — греки — жители Фанара, маячного квартала в Константинополе, из них традиционно происходили чиновники, занимавшие большие административные посты в турецкой империи.

1312 Перечислены славянские племена. См. комм. 329, 343, 748, 1279.

1313 Илья Муромец — один из главных героев-богатырей русского былинного эпоса.

1314 Куявы — Куявия (Kujawy), историческая область Польши между средним течением р. Вислы и верхним течением р. Нотец, населенная в древности западнославянским племенем куявов (куявян).

1315 *Максимович* Михаил Александрович (1801–1873) — ботаник, историк, историограф, филолог, фольклорист и этнограф. Ректор Киевского университета (1834–1835) и профессор русской словесности (до 1841). Занимался исследованиями об исторической судьбе русского языка и происхождении малорусского наречия, которое считал древним языком (о чем спорил со своим «северным» другом М. П. Погодиным).

1316 Физиолог — специалист в области физиологии (от *греч.* Physis — природа), изучающей общие и частные закономерности функционирования и регуляции биологических систем разного уровня организации (как растений, так и человека и животных).

1317 *Ходаковский* — Доленга-Ходаковский (Dolenga-Chodakowski) Зориан (наст. имя и фам. Адам Чарноцкий, Czarnocki) (1784–1825) — историк, археолог, этнограф, славянофил. Собрал по России массу сведений о древнеславянских и русских городищах и археологических памятниках. Один из родоначальников отечественной топонимики.

1318 *Сенковский* Осип (Юлиан) Иванович (1800–1858) — русский писатель, журналист, востоковед.

1319 Якоже кокош собра под крыле своя — *библ.* «...как птица собирает птенцов своих под крыльями...» (Мф. 23:37).

1320 4 апреля 1866 г. Д. Каракозов неудачно покушался на жизнь императора Александра II. См. комм. 1254.

1321 См. комм. 1159, 1287.

Ожидание в Москве Славян

Текст печатается по: *М. П.* [*Погодин М. П.*] Ожидание в Москве Славян // Русский, газета политическая и литературная. Мая 8. 1867. Л. 14. С. 228–230.

1322 L'homme propose, et Dieu dispose (*франц.*) — человек предполагает, а Бог располагает.

1323 Москва — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета «Москва» (редактор И. С. Аксаков) выходила в течение 1867–1868 гг. (№№ 1–193 и 1–160).

1324 Ченстохов, город на юге Польши.

1325 Порхов, в 1867 г. уездный город Псковской губ.

1326 Луга, в 1867 г. уездный город Санкт-Петербургской губ.

1327 Не пецытеся, како или что возглаголете: дастьбося вам в той час, что возглаголет — *библ.* «...не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф. 10:19).

1328 От избытка сердца глаголют уста — *библ.* «Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца глаголют уста» (Мф. 12:34).

1329 Вводяй пагубу — *библ.* «...ведущие в погибель...» (Мф. 7:13).

1330 Здесь нами пропущен фрагмент текста, включающий постскриптум М. П. Погодина, в котором описывается маршрут движения славянских гостей по Москве и объявление о новых изданиях, имеющихся в редакции газеты «Русский».

Несколько заметок о Великорусском племени, сравнительно с прочими Славянскими племенами

Текст печатается по: *М. П.* [*Погодин М. П.*] Несколько заметок о Великорусском племени сравнительно с прочими Славянскими племенами // Русский, газета политическая и литературная. Июля 14. 1867. Л. 25 и 26. С. 389–391.

1331 Швейцарский союз, государство, возникшее на землях Священной Римской империи в конце XIII в. Официальной датой образования считается 1 августа 1291 г., когда тремя общинами («лесными кантонами»): Ури, Швиц, Унтервальден — было подписано соглашение, на-

правленное против Габсбургов. О реальном существовании Швейцарского союза можно говорить после подписания кантонами союзного договора в Брюнене (9 декабря 1315). Союз, который расширился сначала до восьми, десяти, и, наконец, тринадцати участников, существовал до 1798 г.

1332 Всеобщая подача голосов — всеобщее голосование, плебисцит (*лат.* plebiscitum — решение народа). Во Франции голосованием всего народа были избраны императоры Наполеон I (1804) и Наполеон III (1851).

1333 Девичье поле, часть огромного поля, простиравшегося от Плющихи и Зубовской улицы до Новодевичьего монастыря (отсюда название), район Москвы, где находилась усадьба М. П. Погодина, которую он купил у князя Д. М. Щербатова и где в 1856 г. была построена его любимая «келья» — «Погодинская изба».

1334 Всемирная выставка в Париже 1867 г.

1335 Покушение на императора Александра II. См. комм. 1080.

1336 Летом 1866 г. греческое население Крита подняло восстание против национального и религиозного гнета Османской империи, за объединение Крита с Грецией. Во время подавления восстания турецкая армия буквально заливала остров кровью его жителей.

1337 Тьма, в старинном русском счете — десять тысяч, или в переносном значении — неисчислимое множество.

1338 Орден Подвязки — «Наиблагороднейший Орден Подвязки», высший рыцарский орден Великобритании. Количество членов Ордена ограничено — ими являются Суверен ордена (монарх) и не более 25 Компаньонов. Дополнительными участниками Ордена могут становиться также члены Британской королевской семьи и иностранные монархи.

1339 Буккингамский дворец — Букингемский дворец в Лондоне, официальная лондонская резиденция британских монархов.

За первым общим ужином, по приезде Славянских гостей в Москву. Мая 16, 1867 г.

Текст печатается по: За первым общим ужином, по приезде Славянских гостей в Москву. Мая 16, 1867 года // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 277–278.

[1340] Остров, город примерно в 50 км от Пскова.

[1341] Гатчина, город примерно в 50 км от Санкт-Петербурга.

[1342] Жівіо — (*серб.*) живио, да здравствует!

Пред обедом.
В воспоминание о славянском съезде
1868 года, Мая 16 дня

Текст печатается по: *Погодин М. П.* Пред обедом в воспоминание о славянском съезде. 1868 года, Мая 16 дня // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 422–437.

[1343] Городской голова — выборный глава городского самоуправления, председатель городской думы и городской управы. В Москве с 1863 по 1869 г. пост городского головы занимал князь Щербатов Александр Алексеевич (1829–1902).

[1344] На Спасской башне Московского Кремля с 1621 г. установлены часы с боем — кремлевские куранты.

[1345] Макиавелические — (по имени итальянского политического мыслителя, историка и писателя Макиавелли (Макьявелли) (Machiavelli) Никколо (1469–1527), который ради упрочения государства считал допустимыми любые средства), здесь: сознательно циничные действия, со стремлением достичь цели, невзирая на моральные ограничения

[1346] См. комм. 539.

[1347] См. комм. 415, 441.

[1348] *Самарин* Юрий Федорович (1819–1876), русский общественный деятель, историк, публицист, один из крупнейших славянофилов.

[1349] Трактат Я. Коллара «О литературной взаимности славян» (1836), на русском языке издан: *Колар И.* О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими // Отечественные записки. 1840. Т. VIII. Янв. Отд. II. С. 1–24; Февр. С. 65–94.

[1350] Издание это было осуществлено (см.: *Штур Л.* Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная, Людевита Штура. Перевод с неизданной немецкой рукописи, с примечаниями В. Ламанского. Москва, 1867).

1351 См. комм. 677.

1352 См. комм. 415.

1353 *Бодянский* Осип Максимович (1808–1877) — филолог и историк, один из первых славистов в России. В 1842–1868 гг. профессор Московского университета. Стал одним из тех, кто заложил фундамент изучения истории, языка и культуры славянских народов, наметил путь сравнительного изучения славянских наречий и сравнительной славянской грамматики.

1354 См.: *Добровский И.* Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого вероисповедания и далматы глаголиты римского исповедания имеют церковные книги. Ч. 1–3. СПб. 1833–1834. Ч. 1. Перевел с латинского М. Погодин, 1833. LXX. 522 с.; Ч. 2 и 3. Перевел с латинского С. Шевырев, 1834. 148, 156 с.

1355 См. комм. 510.

1356 *Галицын* Дмитрий Владимирович (1771–1844) — светлейший князь, генерал-адъютант, член Государственного Совета, московский генерал-губернатор (1820–1843).

1357 Хомяков, Шевырев, Самарин. См. комм. 535, 1266, 1348.

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) — публицист, историк, филолог, поэт. Сын С. Т. Аксакова. Один из идеологов славянофильства.

Павлов Николай Филиппович (1805–1864) — русский писатель, редактор политической газеты «Наше время» (1860–1862).

1358 См. комм. 822.

1359 См. комм. 823.

1360 См. комм. 1304.

1361 Венгерский поход — интервенция русской армии под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича в Венгрию (апрель-сентябрь 1849) по просьбе Австрийского правительства.

1362 *Кокорев* Василий Александрович (1817–1889) — русский предприниматель и меценат. Кокорев, старообрядец беспоповского толка из Солигалича Костромской губ., к 1830-м гг. стал обладателем фантастического по тем временам капитала в 7 млн руб. Винный откупщик, промышленник, банкир, строитель железных дорог, он, закупив картины русских и европейских художников, уже в начале 1862 г. открыл первую в Москве

публичную галерею. Щедро помогал материально людям искусства и науки, а для М. П. Погодина в Москве на Девичьем поле построил русскую избу.

1363 В 1852 г. в Москве под редакцией Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) вышел 1-й том «Московского сборника», рукопись 2-го тома, как и само издание были запрещены цензурой в 1853 г.; с 1857 г. Аксаков негласно редактировал, а в 1858–1859 гг., после снятия запрета на редакторскую деятельность, был фактическим редактором славянофильского журнала А. И. Кошелева «Русская беседа»; затем он издавал собственные газеты «Парус» (1859), «День» (1861–1865), «Москва», «Москвич» (обе 1867–1868), «Русь» (1880–1886).

1364 См. комм. 1483.

1365 Славянский благотворительный комитет в Москве — первая общественно-политическая и благотворительная организация в России, созданная по инициативе ряда русских ученых и общественных деятелей, в том числе и М. П. Погодина, ставшего его председателем, для оказания различной помощи славянским народам, находившимся под турецким и австро-венгерским игом.

1366 Хоругвь (от *монг.* «оронго» — знак, знамя) — особый вид знамени с иконой, здесь — свв. Кирилла и Мефодия.

1367 *Ригер* (Rieger) Франтишек Ладислав (1818–1903) — чешский политический и общественный деятель, зять Ф. Палацкого.

1368 Строительство этого театра стало символом борьбы за национальную независимость чехов — деньги на сооружение первого чешского театра собирал весь народ, первый камень для фундамента Национального театра был специально выломан из горы Ржип — мифического жилища праотца Чеха — и в атмосфере всенародного торжества заложен в основание 16/29 мая 1868 г. чешским историком Ф. Палацким и национальным кумиром — композитором Сметаной (Smetana) Бедржихом (1824–1884). При закладке фундамента присутствовали делегации от всех славянских народов.

1369 *Сладковский* (Sladkovsky) Карел (1823–1880) — чешский политический деятель.

1370 Селун — Салоники (*тур.* Селаник, *слав.* Солунь, *греч.* Фессалоники), город на севере Греции, место рождения славянских первоучителей Кирилла и Мефодия.

В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года

Текст печатается по: *Погодин М. П.* В предварительном собрании Киевского отделения Славянского комитета, 1-го Октября, 1869 года // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 589–594.

[1371] В январе 1869 г. «киевской хозяйкой», сместив на этом «посту» жену смещенного за злоупотребления с поста генерал-губернатора Безака А. П. (1800–1868), стала Надежда Андреевна Дондукова-Корсакова (?–1889), (в девичестве — Кологривова, в 1-м браке — Коновницына), графиня, супруга Александра Михайловича Дондукова-Корсакова (1820–1893), генерал-губернатора Киевского, Подольского и Волынского (1869–1876), председательница Киевского благотворительного общества («Общества для помощи бедным»).

[1372] Киевский Славянский Благотворительный комитет (с 1878 г. — Киевское Славянское Благотворительное Общество), был создан в октябре 1869 г. с целью «1) Оказывать пособие церквам, школам, литературным изданиям и предприятиям в Славянских землях. 2) Изыскивать средства для воспитания молодых славян и славянок как в России, так и заграницей. 3) Приискивать занятия для славян, приезжающих в Россию, и подавать им помощь во время бедствий. 4) Поддерживать научные и литературные сношения с учеными и литературными обществами в Славянских землях». Первым председателем (1869–1873) стал известный русский востоковед, византолог, путешественник, переводчик Библии, епископ Чигиринский, викарий Киевской митрополии Порфирий (Константин Александрович Успенский) (1804–1885).

[1373] Елея не только у дев буиих, но даже и у мудрых — масла не только у дев неразумных, но даже и у мудрых. См. библ. «Притчу о десяти девах» (Мф. 25:1–13).

[1374] *Бахметев* Алексей Николаевич (1801–1861) — попечитель Московского учебного округа (1858–1859).

[1375] *Ковалевский* Евграф Петрович (1790–1867) — государственный деятель, попечитель Московского учебного округа (с 1856), министр народного просвещения (с 1858 по 1861).

[1376] *Ковалевский* Егор Петрович (1809 или 1811–1868) — путешественник, писатель, дипломат; директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел (с 1856 по 1861).

1377 *Митрополит Михаил* (?–992) — епископ, традиционно считающийся первым по времени митрополитом Киевским (988–992) святой Русской православной церкви.

1378 См. комм. 1315.

1379 Любляна, главный город герцогства Крайна в составе Австрийской империи, центр словенского национального движения.

1380 Верки — крепостные оборонительные сооружения.

1381 См. комм. 257.

1382 *Бильбасов* Василий Алексеевич (1838–1904) — историк, профессор Киевского университета (1867–1871), автор сочинения о Гусе «Чех Ян Гус из Гусинца» (СПб., 1869), о котором упоминает Погодин.

1383 *Четвериков* Иван Иванович (1817–1871) — купец 1-й гильдии, пожалованный в потомственное дворянство за благотворительную и активную общественную деятельность. Почетный мировой судья в Москве (с 1862), гласный Московской городской Думы первых трех сроков (1863–1871). Председатель Комитета по поддержке православия в Западном крае, где построил около сотни православных храмов и более 200 училищ.

1384 Киево-Печерская лавра — мужской монастырь в Киеве, древнейший православный монастырь на Руси, основанный в 1051 г., с 1598 г. лавра (от *греч.* laura — *букв.*: улица, многолюдный монастырь).

1385 Имеются в виду Петербургское отделение Московского славянского благотворительного комитета (начал работу с 1868) и инициативная группа в Одессе, работавшая по созданию Славянского благотворительного общества свв. Кирилла и Мефодия (создано в 1870).

1386 *Гильфердинг* Александр Федорович (1831–1872) — историк-славист. Окончил Московский университет (1852). Печатался в «Московских Ведомостях», «Русской Беседе», «Москвитянине», «Дне» и «Русском Инвалиде». Работал консулом в Боснии (1856), после 1863 г. вместе со статс-секретарем по делам Польши Н. А. Милютиным (1818–1872), Ю. Ф. Самариным и В. А. Черкасским участвовал в реформировании Царства Польского. С 1867 г. возглавлял Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета, Этнографическое отделение Географического Императорского общества.

[1387] Не ведали шуйца, что творит десница — *букв.* не ведает левая рука, что творит правая.

[1388] Азиатский департамент — один из трех департаментов министерства иностранных дел Российской империи, в ведении которого находились дипломатические сношения с государствами Востока и Балканского полуострова.

[1389] *Ширяев* Григорий Иванович (1817–1875) — издатель православной литературы, известный слепец-паломник, лишившийся зрения в детстве; в одиночку совершил несколько (первое в 13 лет) паломничеств по святым местам России и в Святую землю.

Речь, произнесенная в собрании Славянского благотворительного комитета, 1869 года, Февраля 11 дня

Текст печатается по: *Погодин М. П.* Речь, произнесенная в собрании Славянского благотворительного комитета 1869 года, Февраля 11 дня. После торжественного священно-служения в память о кончине св. Кирилла // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 451–456.

[1390] *Кирилл* (ок. 827–869; до принятия в 869 монашества — Константин, Константин Философ) — равноапостольный святой, славянский просветитель, создатель славянской азбуки. Вместе с братом Мефодием проповедовал христианство, сделал первые переводы богослужебных книг с греческого на славянский язык.

[1391] *Мефодий* (около 815–885) — равноапостольный святой, старший брат Кирилла.

[1392] «Глаголы живота» — библ. слова Симона Петра, обращенные к Иисусу: «Господи! к кому нам идти? ты имеешь глаголы вечной жизни» (Ин. 6:68).

[1393] «Старыми словесы» — начало, первая фраза «Слова о Полку Игореве»: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святославлича».

[1394] Петр и Павел — святые первоверховные апостолы (*греч.* apostolos — посланник), члены избранной группы, собранной Иисусом Христом (двенадцать учеников Христовых), посланных им проповедовать Еван-

гелие (*греч.* evangelion — «благая весть»), и игравшей ведущую роль в управлении раннехристианской церковью.

1395 См. комм. 139.

1396 Космополитический (от *греч.* kosmopolites — космополит, гражданин мира) — расширение идеи патриотизма на весь мир: отказ от национальных традиций и культуры, от государственного и национального суверенитета во имя единства человеческого рода.

1397 «Господи помилуй» — слова ектеньи (*греч.* ekteneia — «усердие»), заздравной молитвы.

«Отче наш» — название «молитвы Господней» по ее начальным словам.

1398 См. комм. 795.

1399 *Дмитрий Донской* (1350–1389) — великий князь московский (с 1359) и владимирский (с 1362), сын великого князя Ивана II Красного. При нем в 1367 г. был построен первый каменный кремль в Москве, в 1368 и 1370 гг. его войска отразили нападения на Москву литовского князя Ольгерда. Во время войны с Тверью (1368–1375) Дмитрий Донской в 1375 г. принудил тверского князя к признанию своего старшинства и союзу в борьбе с Золотой Ордой. В 1376 г. Московское княжество утвердило свое влияние в Болгарии Волжско-Камской, в 1378 г. его рать разбила под Скорнищевом рязанского князя. Дмитрий Донской первый из московских князей возглавил вооруженную борьбу народа против татар: в 1378 г. на р. Вожа было разгромлено татарское войско Бегича, а в 1380 г. Дмитрий Донской во главе объединенных русских сил разбил в Куликовской битве войска татарского темника Мамая, за что был прозван Донским. Дмитрий Донской впервые передал великое княжение старшему сыну Василию без санкции Золотой Орды как «свою отчину». Канонизирован Русской православной церковью.

1400 Перечислены организаторы и вдохновители сопротивления польским интервентам в период Смутного времени: патриарх (1606–1612) Московский и всея Руси Гермоген (ок. 1530–1612), архимандриты Троице-Сергиева монастыря Иоасаф (?–1610) и преподобный Дионисий Радонежский (ок. 1570–1633), келарь (1608–1619) этого же монастыря Палицын Авраамий (?–1627). См. также комм. 61.

1401 Пожарский, Минин. См. комм. 61.

Сусанин Иван Осипович (?–1613) — крестьянин Костромского уезда. Зимой 1613 г., спасая царя Михаила Федоровича, завел польский отряд в непроходимое лесное болото, за что был замучен.

1402 Панслависты — приверженцы панславизма. См. также комм. 547.

1403 Шафарик, Ганка. См. комм. 441, 494.

Зубрицкий Денис Иванович (Денис Венява из Зубрицы) (1777–1862) — галицко-русский историк.

Коляр. См. комм. 415.

Сметана (Smetana) Бедржих (1824–1884) — чешский композитор, дирижер, пианист, деятель чешского национального возрождения.

Челаковский. См. комм. 453.

Аксаковы, известная славянофильская семья — Сергей Тимофеевич (1791–1859), известный писатель, его сыновья — один из основоположников славянофильства Константин Сергеевич (1817–1860) и лидер славянофильства 1860–1870-х гг. Иван Сергеевич (1823–1886).

Киреевские. См. комм. 1483.

Хомяков. См. комм. 1265.

Шевырев. См. комм. 535.

1404 Милутинович. См. комм. 1305.

Юнгман, Линде, Венелин. См. комм. 164, 474, 497.

Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов) (1800–1857) — архиепископ Херсонский и Таврический (с 1848), православный мыслитель, богослов, духовный писатель, проповедник (см.: *Погодин М. П.* «Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического». М., 1867).

Прешль, Добровский. См. комм. 440, 539.

1405 Мицкевич, Лелевель. См. комм. 483, 1120.

1406 «Ныне отпущаеши, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему с миром, яко видиша очи мои спасение Израиля!» — библ. слова старца Симеона Богоприимца во время встречи («сретение Господне») младенца Иисуса Христа (Лука, 2:25–32).

[1407] Да не до конца Он прогневается, ниже во век враждует — *библ.* «не до конца гневается, и не вовек негодует» (Пс. 102:9).

Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену»

Текст печатается по: Из книги М. П. Погодина «Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену» // Вестник Моск. ун-та, серия 12: Политические науки. 2001. № 4. С. 72–74. Книга Погодина «Остзейский вопрос. Письмо к профессору Ширрену» (М., 1869) включила цикл статей, первоначально опубликованных в № 201, 202, 204, 205, 230 за 1869 г. ежедневной политической и литературной газеты «Голос».

[1408] 23 апреля 1343 г. в Эстляндии началось восстание против Ливонского ордена и датчан, владевших в то время Таллином, получившее название Юрьевой ночи. Восставшим сначала помогали псковские и шведские войска, но к весне 1845 г. объединенным силам Ливонского и Тевтонского орденов удалось подавить восстание.

[1409] Чюдь — чудь, название в древнерусских летописях эстов и родственных им угро-финских племен, живших во владениях Великого Новгорода к востоку от Онежского озера — по рекам Онега и Северная Двина.

Ямь — емь, ямь, прибалтийско-финское племя, жившее во внутренней части Финляндии в районе группы крупных озер.

Литва — аукштайты, «литва» в русских летописях, балтийское племя.

Земигола — земгалы, земигола, латышское племя, жившее в средней части Латвии, в долине р. Лиелупе и по ее притокам.

Корсь — курши, в русских летописях «корсь», древнелатвийская народность, жившая на юго-западном побережье Балтийского моря.

Нарова — финно-угорская народность, населявшая Принаровье, которое относилось к «чуди», но в то же время отчетливо отличалось от соседних племен эстов и води.

Ливь — племя финно-угорского происхождения, в русских летописях «либь», обитавшее сначала в северных и западных частях территории Латвии, а в IX–XII вв. — на террирории, прилегающей к Рижскому заливу.

[1410] Рюрик — см. комм. 25, 329.

[1411] Олег, Игорь, Святослав, Владимир, Ярослав. См. комм. 161, 330, 331, 334, 354, 367.

1412 Курский залив — Куршский залив, залив-лагуна Балтийского моря.

1413 См. комм. 161.

1414 *Мейнгард* (Meinhard) (?–1896) — католический монах-августинец, каноник монастыря в г. Зегеберг, прибывший в 1170 г. в Ливонию вместе с купцами из Голыштейна, для того чтобы вести миссионерскую деятельность среди язычников-туземцев. В местечке Икскуль (Икескола) он основал первую в крае церковь (1886) и крепость (1187), а в 1188 г. стал первым епископом Ливонии, получив посвящение от Бременского Архиепископа Гартвика (Hartwic) II, с соизволения Папы Иннокентия III. Ему оказывал покровительство Владимир (Володарь) (?–1216), князь Полоцкий (1186–1216).

1415 *Генрих Латыш*, Генрих Латвийский (Heinrich von Lettland) (1187–1259) — католический священник, историк, автор «Хроники Ливонии» (1224–1227), описывающей действия немцев в Ливонии с 1184 по 1225 г.

1416 *Альберт I*, фон Буксгевден (Buksgevden) (1165–1229) — епископ Рижский (1199–1229), основатель г. Риги (1201) и ордена «братьев Христова рыцарства» (меченосцев) (1202).

1417 Ливонский орден в 1509 г. заключил перемирие с Россией сроком на 14 лет.

1418 Немцы униженно просили равноправности — здесь: скорее всего, опечатка, «равноправности» немцы могли просить в 1503 г., после того как в октябре 1501 г. русские войска вторглись в Ливонию и подвергли страшному опустошению Северо-Восточную Лифляндию, затем разбили рыцарей у замка Гельмед, а зимой 1501–1502 гг. совершили рейд на Ревель, разорив значительную часть Эстляндии. В 1503 г. Иван III заключил с Ливонским орденом перемирие на 50 лет, по условиям которого Орден должен был ежегодно вносить дань (так называемая «юрьева дань») за город Юрьев (Дерпт), ранее принадлежавший Новгороду.

1419 *Кетлер* (Kettler) Готард (1517–1587), — последний магистр Ливонского ордена (1559–1561), первый герцог Курляндский (с 1561). Во время Ливонской войны (1558–1582), когда на первом ее этапе русские войска Ивана IV громили Ливонию, Кеттлер, заключив союз (1559) с великим литовским князем и польским королем Сигизмундом II Августом (1529–1572) о признании его протектората над Ливонией, отдал Лифляндию Польше, передал северные области

владений ордена — Эстляндию — под протекторат Швеции, продал остров Эзель Дании, а сам, перейдя в лютеранство, стал герцогом Курляндии (созданной на оставшихся после распада ордена территориях) и вассалом Польши.

1420 В ходе Северной войны 1700–1721 гг. русские войска в 1704 г. заняли восточную часть Эстляндии (с городами Тарту и Нарва), а 29 сентября (10 октября) 1710 г. капитулировал г. Таллин и все эстляндское рыцарство. В конце 1710 г., после успешных военных действий со стороны России, городские сословия и дворянство г. Риги выслали депутатов к командовавшему русскими войсками генерал-фельдмаршалу графу Б. П. Шереметеву (1652–1719) с объявлением, что они намерены вступить в русское подданство и дать присягу на верность царю, если за ними будут сохранены их права и преимущества. Депутаты представили Б. П. Шереметеву так называемые *аккордные* пункты, т. е. подробные указания тех прав и преимуществ, сохранения которых испрашивали дворянское и городские сословия (где сказано, «что во всех судах по лифляндским привилегиям, благоузаконенным древним обыкновениям и по известному древнему лифляндскому шляхетскому праву, *а где оных нет по общим немецким правам... дела судить и решать*, пока впредь при пользовании милости полное и совершенное земское уложение в Лифляндии собрано и издано быть может»). Петр I жалованной грамотой от 30 сентября 1710 г. подтвердил права и преимущества как дворянства лифляндского, так и г. Риги. Особые жалованные грамоты он даровал и присягнувшим России эстляндцам, дворянству — 1 марта, а городским сословиям — 19 марта 1712 г. В том же году Петр I подтвердил все права и преимущества земских и городских сословий обеих провинций с оговоркой, по которой дальнейшее сохранение этих прав и преимуществ зависит от усмотрения верховной самодержавной власти в России.

1421 Речь идет о законодательном акте императрицы Екатерины II, подтвердившем в 1785 основные положения Манифеста о вольности дворянства 1762 и в значительной степени расширившем привилегии дворянства, который назывался «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» или Жалованная грамота дворянству.

1422 Ништадтский мир между Россией и Швецией, завершивший Северную войну 1700–1721 гг., мирный трактат (договор), заключенный 30 августа 1721 г. на конгрессе в г. Ништадте (Финляндия) уполномоченными министрами: с российской стороны генерал-фельдцейхмейстером

графом Брюсом и канцелярии советником Остерманом, а со шведской стороны — Лилиенштетом и бароном Штремфельтом — о вечном мире между обоими государствами. По этому договору Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии и других территорий, а Россия обязалась уплатить Швеции денежную компенсацию и возвратить Финляндию. См. также комм. 642.

1423 Протестанты, кальвинисты. См. комм. 315.

Гернгутеры (от *нем.* «благо Господне») — течение в протестантстве, возникшее на основе движения Моравских братьев, часть которых после поражения Чешского восстания (1618–1620), спасаясь от преследований, бежала в Саксонию.

1424 Изида — в Древнем Египте богиня плодородия, воды и ветра, сестра и супруга Осириса, символ супружеской верности, изображавшаяся в виде коровы или женщины с коровьими рогами на голове.

Кришна (*древнеинд. букв.* — «черный», «темный», «темно-синий») — в индийской мифологии и религии восьмая, самая «полная» инкарнация-аватара (воплощение) индуистского верховного бога Вишну, мыслимый как Спаситель индусов.

1425 *Бопп* (Bopp) Франц (1791–1867) — немецкий ученый, основатель сравнительного языкознания, автор «Сравнительной грамматики санскрита, зенда, греческого, латинского, литовского, готского и немецкого языков», выходившей выпусками с 1833 по 1849 г. В 1835 г. он включил в свой труд старославянский язык, в 1838 г. — кельтские языки, а во 2-м издании (1856–1861) — также и армянский.

Потт (Pott) Август Фридрих (1802–1867) — немецкий языковед, доктор философских наук (1827). Один из основоположников сравнительно-исторического языкознания.

1426 «Herrschende Race» (*нем.*) — господствующее племя.

1427 Агломерат — смесь, составленная из разнородных частей.

1428 *Тиберий Клавдий Нерон* (Tiberius Claudius Nero) (42 до н. э. — 37 н. э.) — римский император (с 14 г.).

1429 Речь идет об эпиграмме Пушкина — «Охотник до журнальной драки, / Сей усыпительный зоил / Разводит опиум чернил / Слюнею бешеной собаки». *Пушкин А. С.* «Охотник до журнальной драки...» (1824).

1430 См. комм. 827.

1431 Эккарт и Бок — остзейские публицисты, авторы антирусских «пасквилей-элегий» — Юлиус Эккарт (Eckardt) (1836–?), немецкий писатель, автор работы «Балтийская провинция России» (1869, на нем. языке), уроженец Лифляндии, редактировавший сначала газеты в Риге, а затем перебравшийся на службу в Гамбург и даже ставший германским консулом в Цюрихе; Вильгельм фон Бокк — бывший вице-президент лифляндского гофгерихта (высшего суда), издававший в Берлине на немецком языке «Лифляндские сообщения», где «сравнивал старорусскую партию, к которой он причислял и Самарина, со стрельцами и весьма недвусмысленно рекомендовал против нее крупные меры Петра Великого». Он, как отмечал И. С. Аксаков, «организовал в Берлине целую систему агитации общественного мнения против России и своими периодически являющимися пасквилями, как брандерами, распаляет прусский национальный патриотизм», и по своему личному усердию и по своему общественному положению в крае должен быть признан «первенствующим корифеем». (См.: *Аксаков И. С.* По поводу «Окраин» Ю. Ф. Самарина // Аксаков И. С. Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 688; *Аксаков И. С.* Еще о драгоценных откровениях г. фон-Бокка // Аксаков И. С. Полн. собр. соч., Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. М., 1887. С. 82–83.)

1432 Цислейтания — неофициальное название Австрийской империи, части территории Австро-Венгрии (с 1867).

1433 См.: *Крылов И. А.* «Любопытный» (1814). «Приятель дорогой, здорово! Где ты был?» — / «В кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил; / Все видел, высмотрел; от удивленья, / Поверишь ли, не станет ни уменья / Пересказать тебе, ни сил / Уж подлинно, что там чудес палата! / Куда на выдумки природа торовата! / Каких зверей, каких там птиц я не видал! / Какие бабочки, букашки, / Козявки, мушки, таракашки! / Одни как изумруд, другие как коралл! / Какие крохотны коровки! / Есть, право, менее булавочной головки!» — / «А видел ли слона? Каков собой на взгляд! / Я чай, подумал ты, что гору встретил?» — / «Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват: Слона-то я и не приметил». Выражение «слона не приметить» употребляется Погодиным в значении: не заметить самого главного, важного.

1434 См. комм. 78.

1435 *Филарет I* (в миру Дмитрий Григорьевич Гумилевский) (1805–1866) — доктор богословия (1860), ректор Московской Духовной академии (1835), епископ Рижский (1841–1848), архиепископ Харьковский (1857) и Черниговский (1859). Его деятельность в Лифляндской губ.

позволяет сказать, что епископ Филарет был тем человеком, кто заложил основы православия в Прибалтийском крае. За свое пребывание в Риге он открыл 63 прихода, устроил 20 церквей постоянных и 43 временных.

[1436] *Иринарх* (в миру Попов Яков Дмитриевич) (1790–1877) — архимандрит (1831), епископ (1836), архиепископ (1845). Служил за границей, в различных православных домовых и посольских церквах, затем в Риге, Воронеже, Кишиневе, Каменец-Подольском, Рязани. В 1836 г., когда было учреждено Рижское викариатство Псковской епархии (группа приходов в епархии, передаваемая правящим архиереем в непосредственное управление викария), он стал первым викарным епископом латвийских земель. При враждебном отношении лютеран служение его здесь было довольно трудным. Неминуемые столкновения привели к неприятной для епископа переписке, но он был оправдан императором Николаем I и переведен в 1841 г. в Воронеж.

[1437] *Платон* (в миру Николай Иванович Городецкий (1803–1891) — архимандрит (1831), профессор богословия, ректор Костромской духовной семинарии (с 1837), настоятель Виленского Свято-Духова монастыря (1839), епископ Ковенский, викарий Литовской епархии (1843), епископ Рижской епархии (с 1848), архиепископ Рижский (с 1850), служил в Донской (с 1867) и Херсонской (с 1877) епархиях, был митрополитом Киевским и Галицким (с 1882). В Остзейском крае он с редкой твердостью характера преодолел массу интриг, старался поднять значение православия и русского языка в крае: почти удвоил число церквей, поднял благосостояние духовенства, преобразовал рижское духовное училище в семинарию (1851), увеличил число приходских школ в епархии до 359, чем не только удержал в православии эстов и латышей, но и увеличил православную паству более чем на 41 тыс. человек, помимо этого архиепископ Платон основал в Псковской и Рижской епархиях семь единоверческих приходов и присоединил к православию более 3 тыс. раскольников.

[1438] Pour sauver les apparences (*франц.*) — чтобы соблюсти приличия.

[1439] De propaganda fide (*лат.*) — пропаганды ради.

[1440] *Сиверс* Егор Петрович (1823–1879) — остзейский поэт, профессор рижского политехникума, правнук адмирала петровских времен, окончивший Дерптский университет, в 1860-х гг. выступил с рядом критических статей в «Baltische Monatschrift».

[1441] Одер — немецкое название р. Одры, впадающей в Балтийское море.

Висла, река в Центральной Европе, впадающая в Балтийское море.

Прегель — река в Восточной Пруссии, впадающая в Балтийское море.

Мемель — город на берегу пролива, соединяющего Куршский залив с Балтийским морем, основан Ливонским орденом (1252), в 1328 г. перешел к Тевтонскому ордену, с 1525 по 1871 г. в составе Пруссии.

1442 Старград — главный город-замок территории полабских славян, населявших область между Балтийским морем, р. Трнавой и озером Фемарн (так называемую Вагрию). Около 1140 г. Вагрия была захвачена графством Гольштейн, жители ее были истреблены или онемечены.

1443 *Ермолов* Алексей Петрович (1777–1861) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1818) и от артиллерии (1837). Участвовал в войне с Польшей (1794) и Персидском походе (1796). В 1798–1801 гг. в ссылке. Во время войн 1805–1807 гг. с Францией проявил храбрость и выдающиеся способности. В Отечественной войне 1812 г. был начальником штаба 1-й Западной армии, начальником штаба объединенных армий. Во время заграничных походов 1813–1814 гг. начальник артиллерии союзных армий, командовал дивизией и корпусом. С 1816 г. командир Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса, главнокомандующий в Грузии и одновременно чрезвычайный и полномочный посол в Иране. Возглавляя военную и гражданскую власть на Кавказе, проводил жестокую политику, руководил завоеванием Северного Кавказа. В 1827 г. уволен в отставку. В 1855 г. во время Крымской войны избран начальником государственного ополчения в 7 губерниях, но принял эту должность по Московской губ.

1444 *Барклай-де-Толли* Михаил Богданович (1761–1818) — князь (1815), военачальник, генерал-фельдмаршал (1814). Участник войн с Францией (1805 и 1806–1807) и Швецией (1808–1809; совершил переход по льду Ботнического залива на Аландские острова). В 1810–1812 гг. военный министр. В Отечественную войну 1812 г. главнокомандующий 1-й армией, а в июле-августе всеми действующими российскими армиями. В Бородинском сражении командовал правым флангом и центром российских войск. Инициатор оставления Москвы ради спасения армии. В 1813–1814 гг. главнокомандующий русско-прусской армией.

В 1837 г. перед Казанским собором в Санкт-Петербурге были установлены памятники М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли (бронза, гранит, скульптор Б. И. Орловский, архитектор В. П. Стасов).

1445 *Кутузов* (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813) — светлейший князь Смоленский (1812), полководец, генерал-фельдмаршал (1812). Участник русско-турецких войн второй половины XVIII в., отличился при штурме Измаила (1790). В русско-австро-французскую войну 1805 г. командовал российскими войсками в Австрии, потерпел поражение при Аустерлице. В русско-турецкую войну 1806–1812 гг. главнокомандующий Молдавской армией (1811–1812), одержал победы под Рущуком и Слободзеей, заключил Бухарестский мир. В Отечественную войну 1812 г. главнокомандующий русской армией (с августа). После изгнания Наполеона I из России армия под командованием Кутузова в январе 1813 г. вступила в пределы Западной Европы. Похоронен в Казанском соборе в Санкт-Петербурге.

1446 *Тотлебен* Эдуард Иванович (1818–1884) — граф (1879), военный инженер, инженер-генерал (1869), почетный член Петербургской Академии наук (1855). Руководил инженерными работами при обороне Севастополя 1854–1855 гг. С 1863 г. фактический глава военно-инженерного ведомства.

1447 Дигесты или пандекты (*лат.* pandectae), в Древнем Риме сочинения крупнейших юристов, построенные в виде коротких извлечений из законов и работ предшествующих авторов. Здесь слово «дигесты» использовано Погодиным как синоним термина «юридические документы».

Речь, произнесенная председателем Славянского комитета, у себя в доме, за обычным обедом, в воспоминание о первом Славянском съезде, 16 Мая, 1871 года

Текст печатается по: *Погодин М. П.* Речь, произнесенная председателем Славянского комитета, у себя в доме, за обычным обедом, в воспоминание о первом Славянском съезде, 16 Мая, 1871 года // Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872. С. 609–613.

1448 Речь идет о событиях Франко-прусской войны 1870–1871 гг. 19 июля 1870 г. Наполеон III объявил войну Пруссии, а уже 1 сентября был взят в плен победоносными германскими войсками, которые не только разбили основные силы французов, но и 19 сентября блокировали Париж,

отрезав его от источников продовольствия. Осада Парижа длилась свыше четырех месяцев, его жители испытывали тягчайшие страдания и лишения от голода, холода, эпидемий. Резко увеличилась смертность. Вследствие ухудшения продовольственного положения все более сокращался хлебный паек — в январе 1871 он составлял всего 300 грамм в сутки. Дороговизна продуктов питания достигла таких размеров, что конина стала недоступной роскошью; даже кошачье и собачье мясо продавалось по высокой цене. В довершение бедствий многие жители остались без крова в результате бомбардировок.

1449 В ходе войны с Пруссией французы потерпели ряд решительных поражений. В начале августа была расчленена Рейнская армия французов (ок. 275 тыс. чел.). Шалонская армия (ок. 120 тыс. чел.) маршала М. Э. Мак-Магона (Mac-Mahon) (1808–1893) была разгромлена немцами 1–2 сентября под Седаном и капитулировала (в плен сдалось более 100 тыс. чел. во главе с императором Наполеоном III, 4 сентября в Париже началась революция, и во Франции была провозглашена республика). Другая часть Рейнской армии (173 тыс. чел.), под командованием маршала А. Ф. Базена (Bazaine) (1811–1888), была осаждена немцами в Меце и после двухмесячной осады без боя сдалась 27 октября противнику (за эту позорную сдачу Базен в 1873 г. был приговорен военным судом к смертной казни, замененной 20-летним заключением). В декабре 1870 — январе 1871 г. потерпели поражение вновь созданные французские армии Луарская, Северная и Восточная. К этому времени германские войска оккупировали свыше трети территории Франции с населением более 10 млн человек.

1450 28 января 1871 г. на тяжелых для Франции условиях было заключено перемирие, по которому германским войскам передавалось большинство французских фортов, большое количество оружия и боеприпасов, Париж выплачивал 200 млн франков контрибуции, а столичный гарнизон (за исключением одной дивизии и частей Национальной гвардии) капитулировал и разоружался. Затем был заключен мир (в Версале прелиминарно (предварительно) 26 февраля и окончательно 10 мая во Франкфурте), по которому Франция передала Германии Эльзас и северо-восточную часть Лотарингии, обязалась выплатить 5 млрд франков контрибуции, до уплаты которой на части территории страны размещались германские оккупационные войска (расходы по содержанию оккупационных войск возлагались на Францию).

1451 Речь идет о вспышке гражданской войны во Франции весной 1871 г. После того как 8 февраля 1871 г. прошли выборы в Национальное

собрание (открылось в Бордо 12-го), которое назначило главой исполнительной власти А. Тьера, Париж лишь номинально признал власть Тьера. Национальная гвардия (30–40 тыс. ополченцев) сохранила оружие и реально подчинялась только избранному ею самой Центральному комитету. 18 марта национальные гвардейцы, узнав о попытке правительственных войск вывезти пушки из Парижа, восстали и казнили двух генералов. Правительство, верные ему войска и значительная часть населения бежали в парижский пригород — Версаль. 22-го марта национальная гвардия расстреляла демонстрацию, протестовавшую против захвата власти Центральным комитетом. 26 марта состоялись выборы в революционное правительство — Парижскую Коммуну. Помощь правительству А. Тьера оказало командование немецких оккупационных войск: 60 тыс. французских солдат было отпущено из плена для пополнения версальской армии. 2 апреля версальцы начали наступление на Париж. 3 апреля отряды Национальной гвардии двинулись на Версаль, но были отброшены. Стычки и боевые действия между версальцами и коммунарами продолжались до 28 мая, когда с Коммуной было покончено.

[1452] Тюильри, Тюльери (Tuileries), дворец в Париже, служивший одной из резиденций французских королей, был уничтожен коммунарами.

[1453] Люксембургский дворец (Luxembourg) в Париже, в 1871 г. в нем находилось городское управление.

[1454] Лувр (Louvre) в Париже, первоначально королевский дворец, затем художественный музей, одно из величайших художественных хранилищ мира.

[1455] Перечислены исторические здания Парижа — городская Ратуша (Hôtel de Ville) на одноименной площади, Ломбард (Le Mont-de-Piété) на rue des Francs-Bourgeois и Префектура полиции на острове Сите.

[1456] Интересна судьба конной статуи Генриха IV, которая в 1635 г. была поставлена у моста Пон-Неф (Новый мост) — во время Французской революции ее уничтожили, а в 1818 г. восстановили из материала расплавленной статуи Наполеона, снятой с Вандомской колонны.

[1457] Вандомская колонна — колонна высотой 43,5 м на Вандомской площади в Париже, поставленная в 1806–1810 гг. в честь побед Наполеона I. Была сооружена из бронзы неприятельских пушек и увенчана статуей Наполеона. В мае 1871 г. по инициативе комиссара по культуре Гюстава Курбе (1819–1877) колонна была повалена на землю при

огромном стечении народа (впоследствии этот известный художник-революционер разорился, оплачивая по суду издержки на восстановление колонны).

1458 Гробница Наполеона I Бонапарта, состоящая из шести замурованных гробов (из жести, красного дерева, свинца, эбенового дерева, дуба), помещенных в саркофаг из красного порфира, находится в центре Собора Дома Инвалидов.

1459 Republique unie et indivisible (*франц.*) — единая и неделимая республика.

1460 Пикардия, Овернь, Бретань, Прованс, Лангедок, Вандея — исторические области Франции.

1461 *Кастеляр* (Castelar) Эмилио Рипол (1832–1899) — испанский политический деятель, президент Испании (1873–1974).

1462 Кастилия, Арагон, Каталония, Эстремадура — исторические области Испании.

1463 См. комм. 977, 1136.

1464 Генуя, Венеция, Ломбардия, Флоренция, Рим, Неаполь — области и города Италии.

1465 Версальское правительство — правительство А. Тьера. См. комм. 1451.

1466 Во время Франко-прусской войны, в оккупированном пригороде Парижа — Версале 18 января 1871 г. была образована Германская империя — «второй рейх», союзное государство, состоящее из 25 государств (4 королевства, 6 великих герцогств, 5 герцогств, 7 княжеств, 3 вольных города) и 1 имперской области с императором во главе.

1467 Петролей, петроль, нефть — здесь: горючий материал.

1468 См. комм. 638.

1469 Янычары — (*турецк. букв.* — новые войска), отборные привилегированные пехотные войска в султанской Турции, первоначально комплектовавшиеся из христиан, обращенных в детском возрасте в мусульманство, они считались рабами султана, жили в казармах, им запрещалось жениться и заниматься хозяйством. Помимо участия в завоевательных походах, несли гарнизонную службу на Балканах и в арабских странах. Постепенно янычары превратились в орудие дворцовых переворотов.

1470 Стрельцы, в XVI — начале XVIII вв. постоянное войско, вооруженное огнестрельным оружием. Первоначально набирались из свободного посадского и сельского населения, затем их служба стала пожизненной и наследственной, стрельцы превратились в категорию служилых людей. Получали жалованье деньгами, хлебом, иногда землей. Жили слободами и имели семьи, занимались также ремеслами и торговлей. Стрельцы были активными участниками восстания 1682 г. и Стрелецкого восстания 1698 г.

1471 Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo (*лат.*) — капля точит камень не силой, а частым падением.

1472 Мир водворился в мире и в человецех благоволение — *библ.* «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2:14).

К вопросу о славянофилах

Текст печатается по: *М. Погодин.* К вопросу о славянофилах // Гражданин. Газета-журнал политический и литературный. СПб. № 11, 12 марта 1873. С. 347–352; № 13, 26 марта 1873. С. 415–420.

1473 5 июля 1682 г., когда Москвой владели бунтовавшие стрельцы, в Грановитой палате правительницей Софьей Алексеевной (см. комм. 52) был организован знаменитый диспут о старой и новой вере. Во главе раскольников стоял суздальский священник Добрынин Никита Константинович (?–1682), по прозвищу «Пустосвят», а православными архиереями предводительствовал Иоаким (в миру Иван Савелов) (1621–1690), патриарх Московский и всея Руси. В Грановитой палате были Наталья Кирилловна Нарышкина и другие члены царского семейства во главе с царевной Софьей Алексеевной, активно вмешивавшейся в ход этого «прения», которое начисто было проиграно раскольниками.

1474 *Пыпин* Александр Николаевич (1833–1904) — русский литературовед, историк либерального направления.

1475 Вестник Европы — ежемесячный журнал, издаваемый в Петербурге в 1866–1918 гг. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (по 1908).

1476 Западники — представители одного из направлений русской общественной мысли 1840–1850-х гг., считавшие историю России частью общемирового исторического процесса; сторонники развития страны по западноевропейскому пути, вели полемику со славянофилами.

1477 См. комм. 772.

1478 *Павел Прусский* (в миру Леднев Петр Иванович) (1821–1895) — архимандрит, известный церковный деятель. Выходец из старообрядцев, в 1868 он присоединился к единоверию и выступил против раскола.

Пафнутий Коломенский (в миру Овчинников Поликарп Петрович) (1827–1907) — епископ Коломенский Белокриницкой старообрядческой иерархии (с 1858), в 1865 г. присоединился к единоверию. Ему было дозволено по воскресеньям произносить проповеди с кремлевского Красного крыльца и вести «народные беседы», за что он получил прозвище Пафнутия кремлевского или просто — кремлевского проповедника. В 1882 вернулся в старообрядчество.

1479 Вендетта (Vendetta) — так называется на острове Корсика обычай кровной мести.

1480 Дон Базиль — литературный персонаж.

1481 Котел шекспировских ведьм — три ведьмы — персонажи пьесы У. Шекспира «Макбет» — колдуют над котлом, добавляя различные ингредиенты и зелья (акт IV, сцена 1).

1482 «Общественное движение при Александре». 1871 — см.: *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.

1483 См. комм. 1266.

Языков Николай Михайлович (1803–1847), поэт.

Киреевский Иван Васильевич (1806–1856), философ, литературный критик и публицист; наряду с А. С. Хомяковым, основоположник славянофильства. В 1845 г. некоторое время редактировал журнал «Москвитянин» (№ 1–3).

Киреевский Петр Васильевич (1808–1856), фольклорист, археограф, публицист. Брат И. В. Киреевского.

Шевырев. См. комм. 535.

Кошелев Александр Иванович (1806–1883), общественный деятель и публицист. С детства был близок с братьями Киреевскими и В. Ф. Одоевским. В 1840-х гг. вошел в кружок славянофилов, издавал и редактировал журналы «Русская беседа» (1856–1860) и «Сельское благоустройство» (1858–1859).

1484 Константин Аксаков. См. комм. 1358.

Самарин. См. комм. 1349.

Попов Нил Александрович (1833–1891) — русский историк, славист, архивист. Окончил Московский университет (1854). В 1857–1859 гг. адъюнкт Казанского университета. С 1860 г. преподавал в Московском университете (профессор с 1869). Изучал историю славянских стран и России. Был близок к славянофилам, в 1860-е гг. секретарь Московского славянского благотворительного комитета.

Елагин Василий Алексеевич (1818–1879) — историк, публицист. Сын А. П. Елагиной; брат по матери И. В. и П. В. Киреевских. В 1839 г. окончил Московский университет. Занимался средневековой историей Чехии. В 1844–1845 гг. помогал Д. А. Валуеву в издании «Синбирского сборника». С середины 1850-х гг. принимал участие в периодических изданиях И. С. Аксакова, стал известен как славянофильский публицист. После смерти П. В. Киреевского издал его «Собрание народных песен».

Стахович Михаил Александрович (1819–1858) — поэт, драматург, фольклорист, знаток крестьянского быта. В 1850-х гг. выпустил «Собрание русских народных песен» в четырех тетрадях (переиздано под названием «Русские народные песни» — М., 1964), впервые опубликовав записи, сделанные непосредственно в деревнях от крестьянских исполнителей. Автор сочинений и переложений для гитары, а также «Очерков истории семиструнной гитары», опубликованных в журнале «Москвитянин» в 1854 и 1856 гг.

Панов Василий Алексеевич (1819–1849) — историк-славист, издатель-редактор. Окончил Московский университет. В Москве вошел в круг славянофилов. Пропагандировал идею славянского единства. Печатался в «Библиотеке для чтения» и «Москвитянине». Участвовал в издании «Синбирского сборника» (М., 1844) и в подготовке выпусков славянофильского альманаха «Московский литературный и ученый сборник» (1846, 1847).

Валуев (Волуев) Дмитрий Александрович (1820–1845) — русский историк и общественный деятель, славянофил. Окончил Московский университет (1841). Издал «Синбирский сборник» (1844) и «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных» (т. 1–2, 1845). Идеи Валуева, изложенные им в «Сборнике...», оказали влияние на русских историков-славистов — А. Ф. Гильфердинга, В. И. Ламанского, Н. А. Попова, А. А. Майкова. В 1843 г. Валуев основал и при участии русского правоведа, историка философии, в то время профессора Московского университета Петра Григорьевича Редкина (1808–1891), редактировал периодическое издание «Библиотека для воспитания».

Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, русский государственный и общественный деятель славянофильского направления,

панславист. Окончил Московский университет (1844), сотрудничал в журнале «Русская беседа», вместе с Ю. Ф. Самариным разрабатывал основные положения и принципы крестьянской реформы в России и Польше.

1485 Гильфердинг. См. комм. 1386.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) — публицист, поэт, общественный деятель, панславист. Сын С. Т. Аксакова. Окончил Петербургское училище правоведения (1838–1842). Редактировал славянофильские журналы и газеты «Русская беседа», «День», «Москва», «Русь» и др. В 1858–1878 гг. пользовался большим влиянием как один из руководителей Московского Славянского благотворительного комитета.

Ламанский Владимир Иванович (1833–1914), историк-славист, профессор Петербургского университета (1871), славянофил и теоретик панславизма, первый русский геополитик.

1486 Заря — журнал, выходивший в 1869–1872 гг. в Санкт-Петербурге на средства и под редакцией Кашпирева Василия Владимировича (1836–1875), фактическим редактором журнала был Страхов Николай Николаевич (1828–1896). Ежемесячный журнал умеренно-консервативного характера, со славянофильским оттенком, задумывался как продолжение «Отечественных записок» периода 1861–1866 гг., когда их редактировал родственник В. В. Кашпирева — Дудышкин Степан Семенович (1828–1866), но не стал популярным.

Беседа — журнал, выходивший в 1871–1872 гг. в Москве на средства А. И. Кошелева, под редакцией Сергея Андреевича Юрьева (1821–1888). Предполагалось, что журнал будет продолжением славянофильской «Русской Беседы»; но Юрьев настоял на широкой редакционной программе, к которой могли примкнуть представители самых разнообразных убеждений.

1487 *Веневитинов* Дмитрий Владимирович (1805–1827) — поэт, критик. Служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел, один из основных организаторов и участников «Московского вестника» и фактический глава кружка «любомудров».

Титов Владимир Павлович (1807–1891) — дипломат и литератор, воспитанник Благородного пансиона при Московском университете (где учился с В. Ф. Одоевским и С. П. Шевыревым), выпускник Московского университета, участник кружка «любомудров», сотрудник «Московского вестника», чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел (1823–1828) и Азиатского департамента МИД, впоследствии генеральный консул в Дунайских княжествах, посланник в Константинополе и Штутгарте, председатель Археографической комиссии, член Государственного совета.

Одоевский Владимир Федорович (1803–1869) — писатель, философ, педагог, музыкальный критик. Последний представитель древнего княжеского рода. В 1823–1825 гг. был председателем организованного им общества любомудрия. В 1824–1825 гг. вместе с Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797–1846) издавал альманах «Мнемозина», в 1827–1830 гг. — один из основных деятелей журнала «Московский вестник», был соредактором пушкинского «Современника» (1836). В 1826 г. переехал в Петербург, служил чиновником. С 1846 г. помощник директора Публичной библиотеки и заведующий Румянцевским музеем; с 1861 г. сенатор Московского департамента Сената.

1488 *Разумовский* Дмитрий Васильевич (1818–1889) — протоиерей, профессор церковного пения в Московской консерватории.

Потулов Николай Михайлович (1810–1873) — музыкальный деятель, составитель «Руководства к практическому изучению древнего богослужебного пения православной российской церкви» (М., 1872) и «Сборника церковных песнопений» (несколько изданий), охватывающего почти полный круг церковного пения.

1489 *Тютчев* Федор Иванович (1803–1873) — выдающийся русский поэт, философ, дипломат, панславист. Друг и единомышленник М. П. Погодина.

1490 *Майков* Аполлон Николаевич (1821–1897) — поэт, панславист.

1491 Бодянский. См. комм. 1354.

1492 Речь идет о периодическом издании трудов Общества истории и древностей российских при Московском университете — «Чтения в Обществе истории и древностей российских» («Чтения ОИДР»), инициатором и первым редактором которого стал О. М. Бодянский, бывший секретарем Общества. С 1846 по 1848 г., когда «Чтения» были закрыты, — вышло 23 книги. Издание «Чтений» возобновилось спустя десять лет, когда Бодянский снова стал секретарем общества. Тогда к прежним четырем разделам «Чтений» (исторических исследований, отечественных исторических документальных материалов, иностранных материалов и смеси), прибавился раздел славянских материалов. С 1858 г. «Чтения» выходили в свет уже регулярно, 4 раза в год: в 1858–1877 гг. под редакцией Бодянского вышли №№ 24–101, в которые вошли Жития Феодосия Печерского, Бориса и Глеба, Феодосия Терновского, Журнал военных действий Кречетникова, Сборник песен Головацкого, Изборник Святослава, Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского, Богословие Иоанна Дамаскина и др.

1493 В тексте газетной статьи указано ошибочно А. И. Муравьев.

1494 *Муравьев* Андрей Николаевич (1806–1874) — русский духовный писатель, поэт, драматург, церковный и общественный деятель.

1495 *Аксаков* Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель и критик, отец славянофилов Константина и Сергея Аксаковых.

Чижов Федор Васильевич (1811–1877) — крупный предприниматель, финансист и писатель, панславист.

Глинка Федор Николаевич (1786–1880) — поэт, прозаик, публицист патриотического направления.

Дмитриев Михаил Александрович (1796–1866) — поэт, критик, мемуарист.

Вельтман Александр Фомич (1800–1860) — писатель и археолог. Директор Оружейной палаты (с 1852).

Даль Владимир Иванович (1801–1872) — писатель, лексикограф, этнограф. Свыше полувека отдал работе над основным своим трудом — «Толковым словарем живого великорусского языка» (т. 1–4, 1863–1866), содержащим около 200 000 слов.

Миллер Орест Федорович (1833–1889) — фольклорист, литературовед, панславист. Профессор Петербургского университета (с 1870).

1496 *Гоголь* Николай Васильевич (1809–1852) — выдающийся русский писатель и православный мыслитель.

Савельев Павел Степанович (1814–1859) — востоковед-арабист, археолог и нумизмат. Один из основателей Русского археологического общества (1846), ставшего с 1849 г. Императорским, секретарь (с 1850) и редактор его «Записок», «Трудов» и «Известий».

Григорьев Василий Васильевич (1816–1881) — ученый-ориенталист, специалист по Средней Азии, славянофильский публицист. Профессор Петербургского университета (с 1862), редактор «Правительственного Вестника» (1869–1870), начальник Главного управления по делам печати (с 1874).

Шеншин Афанасий Афанасьевич, псевдоним Фет (1820–1892) — поэт, консервативный публицист.

Филиппов Тертий Иванович (1825–1899) — государственный и общественный деятель, писатель и публицист консервативного направления. Сотрудничал в «Москвитянине» и «Русской Беседе», «Библиотеке для Чтения», «Гражданине» и др.

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — выдающийся русский писатель и мыслитель.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — выдающийся русский писатель, мыслитель-гуманист, идеолог почвенничества.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) — русский ученый-естествоиспытатель, мыслитель, публицист, идеолог и теоретик панславизма.

Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — русский философ, литературный критик, публицист славянофильского направления, один из идеологов почвенничества. Сотрудничал в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1864), «Библиотека для чтения», «Русский вестник», был издателем журнала «Заря» (1869–1872).

1497 *Пушкин* Александр Сергеевич (1799–1837) — величайший русский поэт и писатель, публицист национально-консервативного толка. Так же как и Погодин, обосновывая в своем творчестве коренные отличия Запада от России, заключавшиеся, по его мнению, в разных исторических судьбах и государственных началах европейских и русских народов, Пушкин отстаивал принципы монархической государственности и патриотизма, уделял внимание историческому прошлому, отрицанию революций.

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800–1844) — поэт, в 1820-е гг. одна из центральных фигур в «союзе поэтов» (Дельвиг, Кюхельбекер), принадлежащем к близкой Пушкину литературной среде.

Плетнев Петр Александрович (1792–1865) — поэт и критик, профессор (1832–1849) и ректор Петербургского университета (1840–1861). Издавал «Современник» (1838–1846). Был дружен с В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, А. С. Пушкиным, который посвятил ему роман «Евгений Онегин».

1498 *Жуковский* Василий Андреевич (1783–1852) — поэт, переводчик, один из основоположников русского романтизма, участник литературного общества «Арзамас» (1815—1818).

Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — князь, государственный деятель, поэт и критик, член «Арзамаса».

Дашков Дмитрий Васильевич (1784–1839) — государственный и литературный деятель, один из основателей литературного общества «Арзамас», автор критических статей.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864) — государственный деятель, граф (с 1842), один из учредителей и членов литературного общества «Арзамас». См. также комм. 1006.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833) — поэт, переводчик «Илиады».

Тургенев Александр Иванович (1784–1845) — историк и археолог, был видным членом литературного общества «Арзамас», близким другом и литературным единомышленником Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского.

Тургенев Николай Иванович (1789–1871) — брат А. И. Тургенева, член литературного общества «Арзамас», декабрист, политический эмигрант.

1499 Арзамасцы, участники литературного общества «Арзамас» (1815–1818) в Петербурге, названного так по связи с шутливым произведением Д. Н. Блудова «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом ученых людей». «Арзамасцы» — В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, В. Л. Пушкин и др., как сторонники реформы Н. М. Карамзина, выступали за сближение литературного языка с разговорным, за новые жанры в поэзии.

1500 См. комм. 28, 277, 954.

1501 *Дмитриев* Иван Иванович (1760–1837) — поэт, баснописец; министр юстиции (1810–1814).

1502 Державин. См. комм. 94.

Капнист Василий Васильевич (1757–1823) — русский поэт и драматург. В середине 1770-х гг. входил в литературный кружок Н. А. Львова и Г. Р. Державина, членами которого были также И. И. Хемницер, Ф. П. Львов и М. Н. Муравьев.

Хемницер Иван Иванович (1745–1784) — русский поэт-баснописец.

Львов Федор Петрович (1766–1836) — писатель, друг В. В. Капниста.

Костров Ермил Иванович (1755–1796) — поэт и переводчик.

1503 *Херасков* Михаил Матвеевич (1733–1807) — поэт, прозаик, драматург.

Петров Василий Петрович (1736–1799) — поэт-одописец.

Богданович Ипполит Федорович (1743–1803) — поэт, переводчик, журналист.

Фонвизин Денис Иванович (1745–1792) — драматург, публицист, переводчик.

1504 *Сумароков* Александр Петрович (1717–1777) — поэт, драматург, виднейший представитель русского классицизма.

1505 См. комм. 57.

1506 Телеграф — «Московский телеграф», литературный и научный журнал (1825–1834). Издатель и редактор Николай Алексеевич Полевой

(1796–1846) (совместно с братом К. А. Полевым). Фактическим руководителем «Московского телеграфа» был П. А. Вяземский (отдел литературной критики), привлекший к отделу прозы А. С. Пушкина и В. Ф. Одоевского. С «Московским телеграфом» сотрудничали также В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, В. К. Кюхельбекер, Н. М. Языков, Ф. Н. Глинка и др. Журнал, выступавший против нормативной эстетики классицизма, отстаивал право писателя на новые литературные формы (что трактовалось как «романтизм»); печатал много переводов (Э. Т. А. Гофман, П. Мериме, Б. Констан, А. де Виньи, Ф. Купер, Вальтер Скотт и др.), статей по философии, истории, истории литературы, естественным наукам, географии, этнографии и впервые в России — по политической экономии (при этом уделялось большое внимание достижениям отечественной промышленности, торговли и т. д.). К каждому номеру прилагались литературные прибавления, модные картинки, рисунки мебели и экипажей, факсимиле знаменитостей, карты, чертежи, гравюры наиболее известных произведений живописи и скульптуры. «Московский телеграф» пользовался большим успехом, но был закрыт по личному распоряжению императора Николая I. Как видим, западников в «Телеграфе» не было, скорее всего, Погодин имел в виду «журнал современного просвещения» — «Телескоп» (1831–1836), с приложением «Молвы», еженедельной газеты «мод и новостей», которые издавал в Москве Николай Иванович Надеждин (1804–1856) и в которых сотрудничали В. Г. Белинский, М. А. Бакунин, И. И. Панаев, В. П. Боткин, П. Н. Кудрявцев и др.

1507 Журнал «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов русских и иностранных» (с 1840), «Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности» (с 1842), издававшийся в 1840–1845 гг. Степаном Анисимовичем Бурачком (1800–1876) при участии Петра Александровича Корсакова (1790–1844). Основой журнала была «примерная религиозность, глубокая преданность отечеству и царю».

1508 *Грановский* Тимофей Николаевич (1813–1855) — историк, общественный деятель, профессор Московского университета (1839). При его активном участии оформилось течение русской общественной мысли «западничество».

Герцен Александр Иванович (1812–1870) — писатель, публицист, философ. В 1842–1847 гг. глава левого крыла московских западников.

1509 *Белинский* Виссарион Григорьевич (1811–1848) — русский литературный критик, публицист.

1510 Конечно же, Белинский получил свое «образование» не в «Телеграфе» Полевого, а в журнале «Телескоп» (1831–1836), сотрудником которого он был с 1833 г.

1511 Характерен в этом отношении биографический эпизод — переписка Хомякова с диаконом англиканской церкви Уильямом Пальмером (1811–1879). Принадлежавший к известному «оксфордскому движению», стремившемуся внедрить в основания англиканства экклезиологию и Предание единой Церкви до разделения, Пальмер в вопросах догматики и богослужения был полным сторонником православия. Особую симпатию его вызывали Русская церковь и Россия. В 1844 г. Хомяков обращается к Пальмеру с письмом, где говорит о современном состоянии проблемы соединения церквей (поводом для письма было изъявление благодарности за сделанный Пальмером перевод стихотворения Хомякова). Завязавшаяся богословская переписка (на английском языке) продолжалась до 1854 г.; ее опубликованный состав включает 12 писем Хомякова и 8 писем Пальмера. То была своеобразная лаборатория его религиозной мысли; здесь можно проследить генезис тех идей и тем, которые затем разрабатываются в его богословских произведениях. (См.: *Лурье В. М.* Примечания к письмам Пальмеру // А. С. Хомяков. Соч. в 2-х т. Т. 2. С. 146; *Хоружий С. С.* Алексей Хомяков и его дело. М., 2004. http://www.synergia-isa.ru/lib/download/lib/021_Horuzhy_Homyakov.doc.) Здесь же нужно упомянуть о трех его брошюрах, изданных по-французски за границей под общим названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях».

1512 Оксфордский университет, один из крупнейших и старейших университетов Великобритании, был основан во 2-й половине XII в.

1513 См. комм. 576.

1514 Семирамида — речь идет о сочинении, над которым А. С. Хомяков работал с конца 1830-х — начала 1840-х гг. и которое так и не успел окончить. Сам Хомяков не дал ему названия. Гоголь шутливо окрестил его «Семирамидой», а первый ее издатель — известный русский славист А. Ф. Гильфердинг — «Записками о всемирной истории», составившими V, VI и VII тома Полного собрания сочинений Хомякова (в предисловии к этому сочинению Гильфердинг рассказал о ходе написания Хомяковым этой работы и о подготовке ее к печати). В сочинении была сделана попытка целостного изложения всемирной истории, определения ее смысла. Критически оценивая итоги истолкования исторического развития в немецком рационализме (прежде всего у Гегеля), Хомяков в то же время полагал бессмысленным возвращение к традиционной

нефилософской историографии. Альтернативой гегелевской модели исторического развития и разнообразным вариантам европоцентристских историографических схем в «Семирамиде» становится образ исторической жизни, принципиально лишенной постоянного культурного, географического и этнического центра (*Хомяков А. С.* [Семирамида] [И<следование> и<стины> <исторических> <идей>] // Хомяков А. С. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1994).

1515 Подразумевается Гражданская война в Америке 1861–1865 гг.; и, конечно же, А. С. Хомяков, умерший в 1860 году, военных действий 1861–1865 гг. «разбирать» не мог.

1516 *Мак-Клеллан* (Mac-Clellan) Джордж-Брентон (1796–1885) — генерал, в 1861–1862 гг. главнокомандующий армией северян во время Гражданской войны в Америке.

Ли (Lee) Роберт Эдуард (1807–1870) — главнокомандующий армией рабовладельческой Конфедерации во время Гражданской войны в Америке.

1517 Богучарова — Богучарово, родовое имение Хомяковых неподалеку от Тулы.

1518 См. комм. 276.

1519 В 1830 г. И. В. Киреевский был в Германии, слушал лекции философов, в том числе Ф. В. Шеллинга. В середине 1830 г. у него проявляется глубокий интерес к старчеству, центром которого в то время стала (Козельская) Введенская Оптина пустынь, мужской монастырь в Калужской губ. (в нем он часто бывал при жизни и был похоронен), и к патристике.

1520 Платон. См. комм. 91.

Лукиан (Lukianos) (ок. 120 — после 180) — греческий писатель-сатирик.

1521 *Гёте* (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. В 1828 году в журнале «Московский вестник» Шевырев напечатал разбор «Междудействия к "Фаусту"» (одновременно он выполнил и свой поэтический перевод отрывка из междудействия «Елена», опубликованный в том же номере журнала). В ответ Гете прислал ему благодарственное письмо, которое было опубликовано в ч. IX «Московского вестника» за 1828 г. на немецком и русском языках. Пушкин отметил это событие в письме М. П. Погодину от 1 июля 1828 г.: «...Надобно, чтоб наш журнал издавался и

на следующий год. Он, конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на святой Руси. Должно терпением, добросовестностию, благородством и особенно настойчивостию оправдать ожидания истинных друзей словесности и ободрение великого Гёте. Честь и слава милому нашему Шевыреву! Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего Германского Патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора Уму и Знаниям вытеснить Булгарина и Федорова. Я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гете. За разбор "Мысли", одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству» (*Пушкин А. С.* Письмо Погодину М. П., 1 июля 1828 г. Из Петербурга в Москву // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л., 1977–1979. Т. 10. Письма. 1979. С. 192–193).

1522 В 1831 г., находясь в Италии, Шевырев овладел английским языком и начал изучение Шекспира в подлиннике. В 1833 г. он написал исследование «Данте и его век» («Ученые Записки Московского университета». 1833. № 5; 1834. № XI).

1523 В январе 1834 г. Шевырев приступил к чтению в Московском университете лекций по истории всеобщей словесности, предметом которых он избрал историю изящной литературы. Через год этот курс был напечатан под заглавием: «История поэзии. Том первый, содержащий историю поэзии индейцев и евреев, с присовокуплением двух вступительных чтений о характере, образовании и поэзии у главных народов Западной Европы» (М., 1835).

1524 В середине XIX в. в Москве, в районе Тверской улицы, в примыкающем к ней Лоскутном переулке, была открыта одна из самых роскошных гостиниц Москвы «Лоскутная», которую облюбовала творческая интеллигенция. Здесь же находились многочисленные трактиры и дешевые закусочные, в том числе Лоскутный трактир в доме Мамонтова, который «сделался местом разгула, разврата и разных своевольных поступков молодежи» (http://archive.svoboda.org/programs/hd/2004/hd.022604.asp).

1525 Речь идет о следующих трудах Шевырева: История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855; Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. В 2-х т. М., 1855; а также Обозрение столетнего существования императорского Московского университета. Речь и стихи на 12 января 1855 г. М., 1855;

1526 Ноздрев — помещик, персонаж романа-поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые Души» (1842) — разбитной малый, враль и хвастун.

1527 См.: *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. М., 1841. № 1.

1528 Вообще-то, эти слова Герцена характеризуют его впечатления от знаменитого эссе «О свободе» (1859) Дж. Стюарта Милля: «Он видит в Англии (то, что Токвиль заметил во Франции), что вырабатываются общие, стадные типы, и, серьезно качая головой, говорит своим современникам: “Остановитесь, одумайтесь, знаете ли, куда вы идете, посмотрите — душа убывает”.

Но зачем же будит он спящих, какой путь, какой выход он придумал для них. Он, как некогда Иоанн Предтеча, грозит будущим и зовет на покаяние; вряд второй раз подвинешь ли этим отрицательным рычагом людей, Стюарт Милль стыдит своих современников, как стыдил своих Тацит; он их этим не остановит, как не остановил Тацит. Не только несколькими печальными упреками не уймешь убывающую душу, но, может, никакой плотиной в мире» (*Герцен А. И.* Часть 6. Англия. «Прибавление» к главе III. «Эмиграции в Лондоне» — «Джон-Стюарт Милль и его книга “On liberty”». Это «прибавление» первоначально было опубликовано Герценом почти одновременно в «Колоколе» 1859 г. и в «Полярной звезде» на 1859 г. Кн. V. http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0150.shtml).

1529 *Милль* (Mill) Джон Стюарт (1806–1873) — английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель.

Кине (Quinet) Эдгар (1803–1875) — французский политический деятель, историк.

1530 *Гартман* (Hartmann) Эдуард (1842–1906) — немецкий философ-идеалист, один из представителей идейного пессимизма и иррационализма 2-й половины XIX в. В 1869 г. опубликовал труд, прославивший его: «Философия бессознательного», выдержавший много изданий еще при жизни автора (10-е изд. — 1890). В русском переводе и с предисловием Алексея Александровича Козлова (1831–1901), труд этот вышел под названием «Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного Э. фон Гартмана» (вып. 1–2, М., 1873–1875).

1531 *Струве* Генрих Егорович (1840–1912) — русский философ, богослов, логик, психолог. Профессор Варшавского университета (с 1863). В Московском университете Струве получил степень доктора

философии, защитив диссертацию «Самостоятельное начало душевных явлений» (М., 1870), которая вызвала оживленную полемику в литературе.

[1532] *Бирон* Эрнст Иоганн (1690–1772) — граф, фаворит императрицы Анны Ивановны, герцог Курляндский (с 1737). В 1730–1740 гг. пользовался неограниченным доверием императрицы, фактически являлся правителем России. Проводимая Бироном политика привела к засилью иностранцев, разграблению богатств страны, жестокому преследованию недовольных.

[1533] При царе Алексее Михайловиче (1629–1676, царь с 1645) существовал такой порядок: все просьбы, жалобы, челобитные, обращенные к царю, опускали в специальный ящик, прибитый к столбу возле дворца.

[1534] Москвитянин — «учено-литературный журнал», издававшийся в Москве М. П. Погодиным в 1841–1856 гг.

[1535] Не уклони сердца моего в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех — *библ.* «Не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных...» (Пс. 140:4).

[1536] Стихотворение А. С. Хомякова «Тебя призвал на брань святую... » (23 марта 1854).

[1537] *Закревский* Арсений Андреевич (1783–1865) — граф (1830), московский военный генерал-губернатор (май 1848 — апрель 1859).

[1538] Стихотворение А. С. Хомякова «Раскаявшейся России» (3 апреля 1854).

[1539] Дон Кишот — Дон Кихот (Don Quijote), герой романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (2 т., 1605–1615).

[1540] Обскурантизм (от *лат.* obscurans — затемняющий) — крайне враждебное отношение к просвещению и науке, мракобесие.

[1541] Кроме курсов для студентов Московского университета, Грановский впервые в России стал читать публичные лекции, которые вызвали ажиотаж в образованном обществе, их посещали Погодин, Шевырев, Герцен, Хомяков и многие другие славянофилы и западники. В 1843–1844 гг. он читал свой 1-й публичный курс, который Герцен оценил как крупное общественное событие, 2-й курс — в 1845–1846 гг., 3-й — в 1851 г.

[1542] См.: *Погодин М. П.* За русскую старину // Москвитянин, М., 1845. Ч. II. № 3.

[1543] Profession de foi — исповеданье веры (*франц.*).

1544 Здесь Погодин без каких-либо изменений приводит полный текст своей статьи «За русскую старину». Этот фрагмент мы пропустили.

1545 *Котошихин* Григорий Карпович (ок. 1630–1667) — подьячий Посольского приказа. См. также комм. 703.

1546 Статьи Хомякова о крестьянских условиях, помещенные в «Москвитянине» 1842 г., с возражением на нее Татаринова — см. статьи А. С. Хомякова «О сельских условиях» и «Еще раз о сельских условиях» («Москвитянин», 1842, книги 6, 10).

1547 В петербургской «Земледельческой Газете» за 1847 г. появилась статья Кошелева А. И. «Добрая воля сильнее неволи», предлагавшая освобождать дворовых людей, заключая с ними условия на основании указа от 2 апреля 1842 г. (об обязанных крестьянах).

1548 Губернские комитеты, дворянские местные учреждения в 1858–1859 гг., разрабатывавшие проекты крестьянской реформы, которые поступали затем в Редакционные комиссии — государственное учреждение, работавшее с марта 1859 по октябрь 1860 г. (первоначально предполагалось созвать две Редакционные комиссии, но создана была лишь одна, сохранившая наименование во множественном числе) для рассмотрения проектов крестьянской реформы, составленных губернскими комитетами и состоявшая из чиновников и членов-экспертов — представителей поместного дворянства.

1549 Речь идет об обширной записке по крестьянскому вопросу (по сути — проект отмены крепостного права), которую А. С. Хомяков анонимно подал в 1859 г. Якову Ивановичу Ростовцеву (1804–1860) — первому председателю Редакционных комиссий.

1550 Речь идет о статье русского философа, писателя, публициста и литературного критика Леонтьева Константина Николаевича (1831–1891) «Панславизм и греки», помещенной во втором томе журнала «Русский Вестник» за 1873 г. под подписью Н. Константинов.

1551 См. комм. 66.

1552 Легитимистами — легитимисты во Франции — сторонники Бурбонов.

1553 См. комм. 1461.

1554 *Олосага Салюстиано де* (1805–1873) — испанский государственный деятель, премьер-министр страны (1843).

1555 Речь идет о славянофильских сборниках (продолживших традицию сборников Д. А. Валуева 1844–1845 гг. «Синбирский сборник» и «Сборник исторических и статистических сведений о России»). Это — «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год», «Московский литературный и ученый сборник на 1847 год» (1846–1847), изданные на средства В. А. Панова и под редакцией Валуева и Аксаковых, а также «Московский сборник» (1852), изданный на средства А. И. Кошелева под редакцией И. С. Аксакова. Предполагалось за 1852 г. выпустить несколько сборников, превратив их тем самым в издание журнального типа, первый том вышел в апреле, а вторая книга «Московского сборника», подготовленная к октябрю 1852 г., подверглась продолжительному и тщательному просмотру не только в Москве, но и в Петербурге. Почти все статьи вызвали острое недовольство цензуры и правительства. Книга была запрещена, И. С. Аксаков лишен права редактировать какие-либо издания, а главные участники «Московского сборника»: братья Аксаковы, Хомяков, И. В. Киреевский, В. А. Черкасский — отданы под полицейский надзор.

1556 См. комм. 1356.

1557 «Venez, mon cher, et cherchons les moyens pour detourner la guerre entre la Russie et la Porte Ottomane» (*франц.*) — «Приезжайте, мой друг, и попробуем изыскать средства для отклонения войны между Россией и Оттоманскою Портой».

1558 Об этом запись в дневнике А. В. Никитенко (под 26 сентября 1854 г.): «В “Москвитянине”, кажется, в июньской книжке, напечатана повесть Лихачева: “Мечтатель”. В ней места три-четыре, действительно, лучше было бы не пропускать, во избежание худшего зла, но цензоры Похвистнев и Ржевский пропустили их. Министр велел подать им в отставку. Сколько ни убеждал я, чтобы с ними было поступлено не так строго, министр на этот раз остался при своем решении. К сожалению, это подаст повод здешним цензорам быть еще неукротимее в своих запрещениях» (*Никитенко А. В.* «Записки и дневник», СПб., 1905. Т. I. С. 436).

1559 *Похвиснев* Михаил Николаевич (1811–1882) — государственный деятель, виленский губернатор (1858–1863), начальник Главного управления по делам печати (1863–1866), директор Департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел (1866–1878).

1560 *Назимов* Владимир Иванович (1802–1874) — русский государственный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, виленский воен-

ный губернатор, член Государственного Совета. В 1849–1855 гг. был попечителем Московского учебного округа.

1561 Д. С. Ржевский — сведений об этом человеке найти не удалось.

1562 Статья М. П. Погодина о внешней политике послевоенной России была опубликована 5/17 ноября 1857 г. в «Le Nord» («Север») — русской газете на французском языке, издававшаяся на средства правительства Российской империи в Брюсселе с 1855 г.. См.: [*Погодин М. П.*]. Второе письмо к издателю газеты «Le Nord». Ост-Индское смятение. — Русская система политики. — Бедность в Европе, О колонизации. — Надежды об освобождении крестьян // Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 14–24.

1563 Вяземский, Гоголь, Даль. См. комм. 1495, 1496, 1498.

Ростопчина Евдокия Петровна (урожденная Сушкова) (1811–1858) — писательница, поэтесса.

Максимович. См. комм. 1315.

Глинка, Дмитриев, Вельтман, Аксаков. См. комм. 1495.

Горский Александр Васильевич (1812–1875) — русский церковный историк и археограф.

Стурдза Александр Скарлатович (1791–1854) — русский дипломат и писатель.

Загоскин Михаил Николаевич (1789–1852), писатель, основатель русского исторического романа.

Мельгунов Николай Александрович (1804–1867) — русский писатель.

Квитка-Основьяненко (наст. фам. — Квитка; псевд. — Грицько Основьяненко) Григорий Федорович (1778–1843) — малорусский писатель.

Ознобишин Димитрий Петрович (1804–1877) — поэт.

Раич (Амфитеатров) Семен Егорович (1792–1850) — поэт, переводчик, литературный критик.

Павлов Николай Филиппович (1803–1864), писатель.

Миллер Федор Богданович (1818–1881) — поэт-переводчик, романист.

Буслаев Федор Иванович (1818–1897) — русский филолог и искусствовед.

Грот Яков Карлович (1812–1893) — филолог, историк русской литературы.

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880) — филолог и этнограф, исследовал памятники славянской письменности.

Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) — русский ученый, один из основоположников отечественной геологии.

Григорьев. См. комм. 1496.

Иакинф (в миру Бичурин Никита Яковлевич) (1777–1853) — архимандрит, известный синолог.

Давыдов Иван Иванович (1794–1863) — философ, педагог и писатель.

Сахаров Иван Петрович (1807–1863), этнограф-фольклорист, археолог и палеограф.

Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) — историк, этнограф, археолог, искусствовед.

Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) — историк русского права.

Лешков Василий Николаевич (1810–1881) — известный юрист, историк русского права.

Березин Илья Николаевич (1819–1896) — филолог-ориенталист, известный тюрколог.

Спасский Михаил Федорович (1809–1859) — физик и метеоролог.

1564 Речь идет о произведениях выдающегося русского драматурга Александра Николаевича Островского (1823–1886), которые он опубликовал в журнале «Москвитянин»: в 1850 г. — «Свои люди — сочтемся», комедия в 4-х действиях («Москвитянин», кн. 6); «Утро молодого человека», сцены («Москвитянин», кн. 22); в 1852 г. — «Бедная невеста», комедия в 5-ти действиях («Москвитянин», кн. 4); в 1853 г. — «Не в свои сани не садись», комедия в 3-х действиях («Москвитянин», кн. 5); в 1854 г. — «Бедность не порок», комедия в 3-х действиях («Москвитянин», кн. 1); в 1855 г. — «Не так живи, как хочется», народная драма в 3-х действиях («Москвитянин», кн. 17–18).

1565 *Писемский* Алексей Феофилактович (1820–1881) — романист и драматург. В «Москвитянине» в 1850 г. напечатана его повесть «Тюфяк», а также ряд др. произведений: «Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицина», «Брак по страсти» (1851), «Комик» (1851), «Ипохондрик» (1852), «М-р Батманов» (1852), «Питерщик» (1852). В 1853 г. «Москвитянин» выпустил первое трехтомное собрание сочинений Писемского.

Потехин Алексей Антипович (1829–1908) — драматург и романист.

Кокорев Иван Тимофеевич (1825–1853) — писатель.

Щербина Николай Федорович (1821–1869) — поэт.

Мей Лев Александрович (1822–1862) — русский поэт, драматург, переводчик.

Берг Николай Васильевич (1823–1884) — русский писатель, поэт, журналист, историк, переводчик.

Мин Дмитрий Егорович (1818–1885) — поэт-переводчик.

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич. См. комм. 1496.

1566 «Русский Архив» — историко-литературный журнал, основанный Петром Ивановичем Бартеневым (1829–1912) в 1863 г., был посвящен всестороннему изучению истории России.

1567 «Русская старина» — ежемесячный исторический журнал, издавался с 1870 г. в Санкт-Петербурге. Основатель и первый редактор Михаил Иванович Семевский (1837–1892).

1568 Митрополит Филарет. См. комм. 120.

Иннокентий. См. комм. 1404.

Филарет. См. комм. 1435.

1569 Notre archevêque Innocent n'est pas très innocent (*франц.*) — наш архиепископ Иннокентий не очень безвредный. В своей «Простой речи о мудреных вещах» (издание 3-е, М., 1875. С. 99, примечание), Погодин описал этот случай следующим образом: «Покойный Иннокентий доставлял мне иногда свои проповеди для помещения в "Москвитянине". В проповеди о весне одно место, при исчислении благодеяний Божиих, о предоставлении Богом человеку земли со всеми угодьями, лесами, лугами, водами, показалось мне двусмысленным, и я побоялся, чтоб его не растолковали в пользу коммунизма, о котором тогда пошли у нас толки. Я передал тотчас свое замечание в Одессу к преосвященному, и он отвечал мне: "исправьте, как хотите". Между тем, проповедь возвратилась ко мне из Троицкой цензуры вполне пропущенная. Представлять ее вновь с исправлением в цензуру, подумал я, отнимет много времени. Цензура встретит, может быть, новые затруднения, и журнальная книжка задержится: лучше напечатать как есть, авось замеченное место пройдет без хлопот. Но оно не прошло. В Петербурге, говорят, место, совершенно невинное, обратило на себя внимание, и князь Меншиков отозвался об Иннокентии: qu'il n'est pas tres innocent. У Иннокентия потребовано объяснение, и он, говорят, отвечал: "Я учу и учил всегда, чтоб неимущим имущие давали добровольно, но никогда не учил, чтоб неимущие брали у имущих насильно. Я учу давать, а не брать"».

1570 *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк. В исследовании «О мнимом призвании варягов» (1871) он попытался показать несостоятельность норманской теории и сделал вывод, что «иностранный элемент» не оказывал существенного влияния на процесс развития Древней Руси. Погодин ответил ему (и Н. И. Костомарову)

книгой «Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями» (М., 1874).

1571 Эта статья вышла в 1873 г.; см.: За Сусанина М. Погодина // Гражданин. Газета-журнал политический и литературный. 1873. № 46. С. 1230–1233 и № 47. С. 1257–1259.

1572 «Еже писах-писах» — выражение, означающее невозможность или нежелание изменить что-либо собственноручно написанное, возникло из евангельской притчи о том, что на кресте, на котором был распят Иисус, по распоряжению Пилата была сделана надпись: «Иисус Назорей, царь иудейский»; первосвященники же иудейские сказали Пилату: «Не пиши "царь иудейский", но что он говорил: "я царь иудейский"». Пилат отвечал: «Что я написал, то написал» (по *церк.-слав.*: «еже писах, писах») (Ин, 19:19–22).

1573 Quod potui-feci, (et facio) meliora faciant poteates (*лат.*) Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше.

Библиография

Погодин М. П. Борьба не на живот, а на смерть, с новыми историческими ересями. М., 1874.

Погодин М. П. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и Руси. СПб., 1864.

Погодин М. П. Год в чужих краях (1839). Дорожный дневник М. Погодина. В 4-х ч. М., 1844.

Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. Сочинение М. Погодина. М., 1872. Т. 1–2 (2-е изд. М., 1999).

Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. В 7-ми т. М., 1846–1857.

Погодин М. П. Историко-критические отрывки М. Погодина. В 2-х кн. Кн. 1. М. 1846; Кн. 2. М., 1867.

Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

Погодин М. П. Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836.

Погодин М. П. Красное яичко для крестьян от М. Погодина. СПб., 1864.

Погодин М. П. Князь Андрей Юрьевич Боголюбский. Сочинение М. Погодина. М., 1850.

Погодин М. П. Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1835; Ч. 2. М., 1836.

Погодин М. П. Начертание русской истории для гимназий. Сочинение профессора Погодина. Издание второе исправленное и умноженное. М., 1837.

Погодин М. П. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей М. Погодина. М., 1839.

Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 1–2. М., 1866.

Погодин М. П. Норманский период русской истории. Сочинение М. Погодина М., 1859.

Погодин М. П. О происхождении Руси. Рассуждение, сочиненное императорского Московского университета кандидатом словесных наук Михаилом Погодиным для получения степени магистра. М., 1825.

Погодин М. П. О Москве. М., 1837.

Погодин М. П. Остзейский вопрос. Письмо М. П. Погодина к профессору Ширрену. С приложениями. М., 1869.

Погодин М. П. Повести. Драма. М., 1984.

Погодин М. П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний, 1831–1867, М. П. Погодина. М., 1867.

Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах. Сочинение М. П. Погодина. Издание третье, исправленное и умноженное. М., 1875.

Погодин М. П. Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М., 1872.

Погодин М. П. Собрание статей, писем и речей по поводу славянского вопроса М. П. Погодина. М., 1878.

Погодин М. П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876.

Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1671–1689. М., 1875.

Указатель имен

Содержание

Научное издание

Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века

Погодин Михаил Петрович
Избранные труды

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *Ю. Б. Дорогова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *М. В. Минина*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Компьютерная верстка *А. А. Морозова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 28.12.2009.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 48,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 153

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14